

Словарь
Литературных
типов. Гончаров.

83.3P5

С48

83.3P5
8P1XK | Сиваге
с48 | температурных
мичев, Тончев

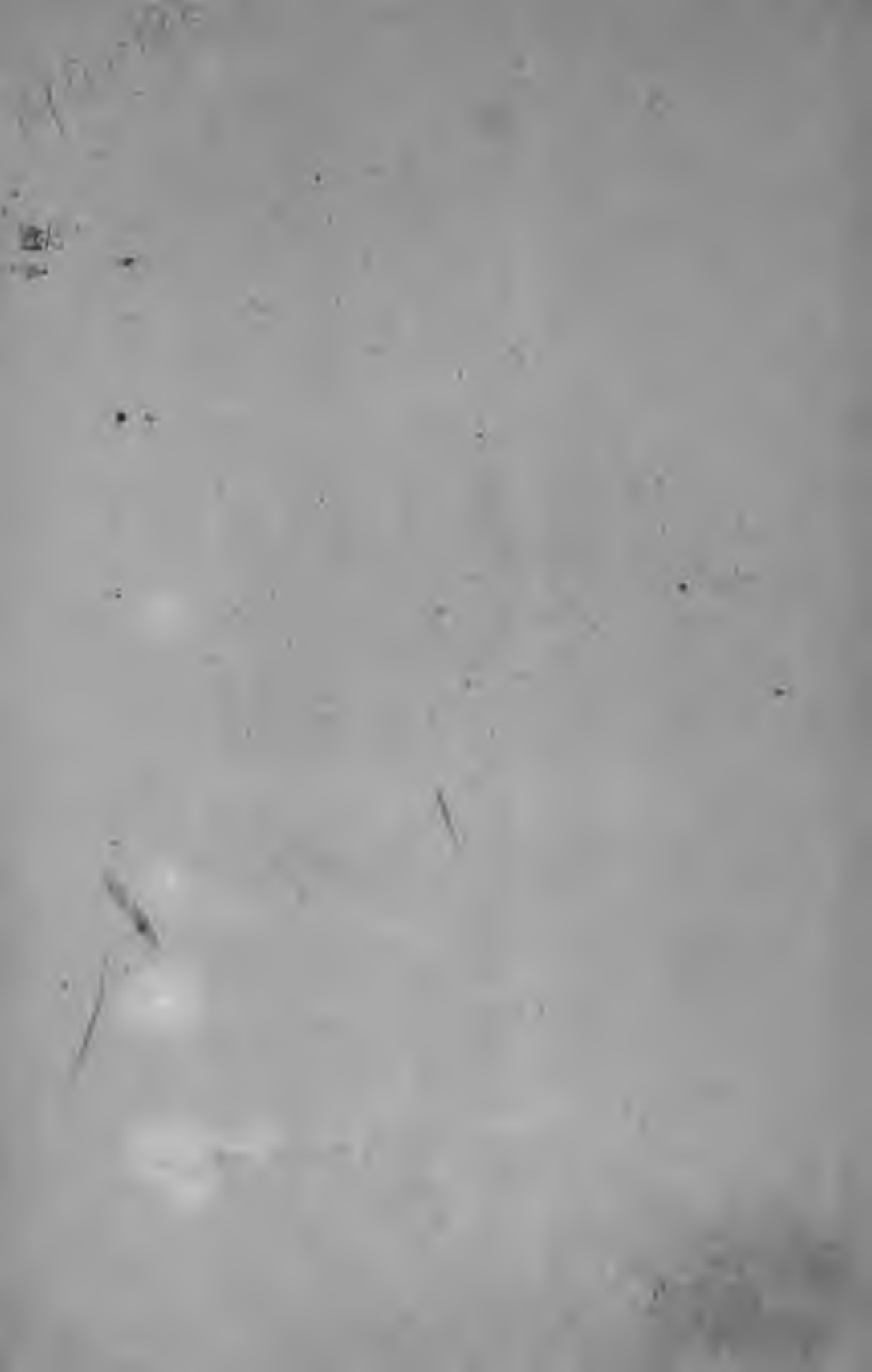
Кодчик

1094

Том _____ Место изд. _____
В каком фондохр _____
СМ.: Оборот _____
Фамилия, И _____
Чит _____

10948

1/4
P. 6

83.3P5

С48

СЛОВАРЬ

литературныхъ

ТИПОВЪ

84001

✓ R XIX
С48

СОБЕРНА	ЧИТАЛЬНЯ
1933 г.	Московской Государственной
	Центральной
	БИБЛИОТЕКИ

Тончаровъ

Ⓟ

1950

1897

СЛОВА

Трудовъ

ТИПОГР

Трудовъ

ТИПЫ

№ 150-1649
270-281 m
ГОНЧАРОВА

Редакція Н. Д. НОСКОВА,
при сотрудничествѣ
С. И. Поварина и Н. А. Савина.

Московское Центральное
Публичное Библиотека

Издательство „Словарь Лит. Типовъ“
С. ПЕТЕРБУРГЪ

1914.

1934

MINI

TOY-FARBY

~~1934~~

И. А. ГОНЧАРОВЪ.

(Биографическая канва).

- 1812 г. 6 Июня¹⁾, въ Симбирскѣ, родился Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Отецъ писателя—дворянинъ, приписавшійся къ купеческой гильдіи, Александръ Ивановичъ Гончаровъ; мать—Евдокія Матвѣевна, урожденная Шахторина.
- 1819 г. Смерть отца.—Начало ученія.
- 1820 г. Пансіонъ за Волгой.—Учитель-священникъ, С. Ѳ. Троицкій.
- 1822 г. Москва. Иванъ и Николай Гончаровы—пансіонеры Коммерческаго училища²⁾.
- 1830 г. Увольненіе изъ училища, по прошенію матери, вслѣдствіе «трудной болѣзни» Николая Гончарова и «разстройства коммерческихъ дѣлъ».—Приготовленіе къ вступительному экзамену въ университетъ.—Закрытіе университета (по случаю холеры).
- 1831 г. Вступительный экзамень. Студентъ словеснаго отдѣленія. «Республика наукъ». Профессора: Давыдовъ, Надеждинъ, Павловъ, Погодинъ, Шевыревъ.—«Обаяніе поэзіи» Пушкина.
- 1832 г. Переводъ романа Ежена Сю для «Телескопа».—Посѣщеніе моск. университета Пушкинымъ.
- 1834 г. Окончаніе университетскаго курса со степенью «дѣйствительнаго студента». На родинѣ. Симбирскъ и «домашнее баловство». Начало службы чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ (А. М. Загряжскомъ).
- 1835 г. Петербургъ. Служба въ департаментѣ вѣдшей торговли.—Домъ Майковыхъ.
- 1837 г. Кончина Пушкина (см. въ «Спискѣ»—Пушкинъ).
- 1839 г. «Счастливая ошибка» (эскизъ къ «Обыкн. Исторіи»).
- 1846 г. Знакомство съ Бѣлинскимъ. Представленіе на его судъ «Обыкн. Ист.».
- 1847 г. «Обыкн. Ист.» появляется въ «Современникѣ».
- 1848 г. «И. С. Поджабринъ».—Отзывъ Бѣлинскаго о романѣ Гончарова. Кончина Бѣлинскаго.
- 1849 г. Поѣздка на родину. Симбирскъ. Идея «Обрыва». Эпизодъ изъ неоконченнаго романа, «Сонъ Обломова», появляется въ печати.
- 1851 г. Смерть матери.
- 1852 г. Командировка для исправленія должности секретаря при адмиралѣ Путятинѣ. Фрегатъ «Паллада». «Плаваніе по казенной надобности». Кронштадтъ. Портсмутъ. Пребываніе въ Лондонѣ.
- 1853 г. На «Палладѣ». Островъ Мадера. Атлантическіе тропики. Мысль Доброй

¹⁾ См. въ «Спискѣ»—«Лѣтописецъ».

²⁾ См. Приложение 4-ое и въ «Спискѣ»—«Моск. Ком. училище».

Надежды. Капштадтъ. Поѣздка по Капской колоніи. Ява. Сингапурь. Гонконгъ. Острова Бонинъ-Сима. Японія. Три мѣсяца на нагасагскомъ рейдѣ. Сѣдельные острова. — Поѣздка на купеческой шкудѣ по рѣкамъ Янде-Кянгу и Вусуну. Шанхай. Извѣстіе о разрывѣ сношеній Россіи съ Англійей и Турціей. Возвращеніе въ Нагасаки. — Начало восточной войны.

- 1854 г. Встрѣча Нового года на фрегатѣ (Нагасаки). Переговоры съ японскими уполномоченными. — Ликейскіе острова. Островъ Люсонъ (Манилла). Портъ Піо-Квинто. Снова Нагасаки. — Корея. Островъ Гамильтонъ. — «Тоска по родинѣ». — Японское море. Татарскій проливъ. Императорская гавань. — Прощаніе съ «Палладой». Паровая шкуна «Востокъ». Плаваніе по Охотскому морю. — «Отечественный берегъ». Аянъ. Странствованіе по Сибири «то верхомъ, то на лодкѣ, а индѣ пѣшкомъ, гдѣ нѣтъ ни земли, ни воды подъ ногами». Якутскъ. Олекма. Киренскъ. Иркутскъ³⁾. Возвращеніе въ Петербургъ.
- 1855 г. Появленіе очерковъ «Фрегатъ Паллада» въ печати. — Литературные планы. Сближеніе съ Тургеневымъ.
- 1856 г. Переходъ на службу въ цензурное вѣдомство. Гончаровъ — цензоръ.
- 1858 г. Поѣздка за границу. Маріенбадъ. Работа надъ «Обломовымъ». Окончаніе романа. — Программа «Эпизодовъ изъ жизни Райскаго».
- 1858 г. Появленіе «Обломова» въ «Отеч. Зап.». Отзывъ Добролюбова въ «Современникѣ». Поѣздка за границу.
- 1859 г. Первая автобіографія (см. Прил. 4-ое).
- 1860 г. Разрывъ съ Тургеневымъ. Третьейскій судъ.
- 1862 г. Редакторъ «Сѣверной Почты».
- 1863 г. Членъ совѣта по дѣламъ печати.
- 1864 г. Примиреніе съ Тургеневымъ.
- 1866 г. Берлинъ. Маріенбадъ. Баденъ. — Боткинъ и Тургеневъ. — Булонъ. Парижъ.
- 1867 г. Лѣтняя поѣздка за границу. — Выходъ въ отставку съ полной пенсіей и чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.
- 1868 г. Киссингенъ. Усиленная работа надъ «Обрывомъ».
- 1869 г. Появленіе «Обрыва» въ «Вѣстн. Европы».
- 1872 г. «Милліонъ терзаній».
- 1874 г. «Черезъ двадцать лѣтъ».
- 1879 г. «Лучше поздно, чѣмъ никогда».
- 1880 г. «Литературный вечеръ». Уклоненіе отъ пушкинскихъ торжествъ въ Москвѣ по болѣзни.
- 1882 г. 35-лѣтіе литературной дѣятельности.
- 1883 г. Адресъ отъ имени русскихъ женщинъ.
- 1884 г. Первое «полное собраніе сочиненій» въ 8 т.
- 1887 г. «Изъ университетскихъ воспоминаній». «На родинѣ».
- 1889 г. «Нарушеніе воли».
- 1891 г. «Превратность судьбы», очеркъ (появился въ печати послѣ кончины автора). 15 Сентября 1891 г. скончался Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Его могила надъ обрывомъ Никольскаго кладбища Александро-Невской лавры.

³⁾ Подробности о путешествіи Гончарова см. въ «Спискѣ»: «Паллада» и «Японія». См. также Приложение 6-ое: «Гончаровъ-путешественникъ».

А.

А. («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—Арефьевъ, д-ръ.

А. А. Б. («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—Бутаковъ, А. А.

А., о. («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—Аввакумъ, архимандритъ.

Авванумъ, о. («Черезъ 20-тъ лѣтъ; «Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—Аввакумъ, архим.

Авдотья («Обрывъ»).—Уп. л. Прислуга Козловыхъ; «какой-то бурдой изъ кофе потчивала Марка Волохова.

Авдѣй («И. С. Поджабринъ»).—Слуга Поджабрина. «Низенькій, плѣшивый пожилой человекъ. Волосы у него на затылкѣ были съ просѣдью». «Кашлялъ и энергически зѣвалъ съ прибавочными звуками «ге-ге-ге!» «Храпѣлъ такъ, что за двѣ комнаты было слышно». Зажиточный: у него «одного платья рублей на семьдесятъ будетъ». О себѣ самомъ отзывался: «вѣстимо, человекъ, по-барски не умѣю». «Похожденій» барина не одобрялъ и называлъ ихъ «вздоромъ»; «ворчалъ», что Поджабринъ «деньги сорить», но не возражалъ.—«Не могу знать», было любимымъ отвѣтомъ А. «Отойди отъ зла и сотвори благо», думалось ему; однако, за Машу вступился:—«Что вы обижаете дѣвчонку-то?» Вѣдь и она человекъ: любить тоже»; «отеръ жесткой рукой дѣвущкѣ слезы, и «погладилъ ее по головѣ».—Человекъ хозяйственный: во время переѣзда на новую квартиру, «нагруженъ былъ мелочами, какъ верблюдъ. Одной рукой онъ обнялъ стѣнные часы; гири болтались и били его по животу. Между пальцами торчала маятникъ. Въ другой рукѣ была лампа. Сзади изъ кармановъ сюртука выглядывали два бронзовые подсвѣчника. Въ зубахъ онъ держалъ кисеть съ табакомъ».—«Постой, стой! Экъ ты ломишь!»—кричалъ онъ направо и налево».—«Не ставь зеркала въ грязь-то. Погоди носить: надо посмотрѣть, пройдетъ ли. Гдѣ дворникъ? Да что-жь онъ не отпираетъ? Господи, воля Твоя! Это суцая каторга». Потомъ, самъ же «внесъ кадочку съ пескомъ, корзинку съ пустыми бутылками, двѣ сапожныя щетки и кирпичъ». При переѣздѣ, онъ, какъ гончая собака, разъ сто взбѣжалъ и сбѣжалъ по лѣстницѣ. Тамъ поддержитъ уголокъ дивана или шкафа, тамъ дастъ полезный совѣтъ какъ обернуть мебель, верхомъ или низомъ». Очень дорожилъ квартирой, п. ч. въ ней было удобство всякое: и сарай особый и ледничекъ отъ хозяина даютъ», хотя въ послѣднемъ не было никакой необходимости для А.—я. Велъ счетъ вещамъ, подареннымъ Поджабринымъ Аннѣ Павловнѣ. Послѣ ухода маіора Стрекозы, «торжественно вышелъ на середину комнаты и спросилъ. «не прикажете-ли, баринъ, сходить за вещами» и взять ихъ обратно. Когда Поджабринъ задумалъ снова мѣнять квартиру, А. не выдержалъ:—«Помилуйте, началъ онъ,—Господи Создатель! Этакую квартиру оставлять! Удобство всякое...—«Воля ваша, пожалуйста мнѣ расчесть».

Барина своего считалъ «пустоголовымъ», а о господахъ вообще отзывался: «Эти господа думаютъ, что у нихъ однихъ только есть сердце по той причинѣ, что они пьютъ ликеру». Ликеръ, по мнѣнію А., «мерзость» и «только тѣмъ хорошъ, что скоро разбираетъ»; удивлялся, какъ у господъ «горло не прожжетъ» отъ ликера. По собственнымъ словамъ А.—я, онъ—человекъ непьющій. Когда А. рѣшилъ вмѣсто закуски выпить барскаго ликера («съ утра маковой росинки во рту не было), онъ «оглядѣлъ бутылку со всѣхъ сторонъ.—«Какая бутылка, раз-

суждалъ онъ, смѣючись: словно наша косушка, а ликёра прозывается! Три цѣлковыхъ за этукую бутылку—а? Ну, стоить ли? Вотъ деньги-то соряять. —«Какая мерзость!—говорилъ онъ съ гримасой:—«А поди-жь ты».—Право, мерзость! По-немногу онъ «прикончилъ всю бутылку» и на требованіе Поджабрина подать рюмку ликера, сказалъ:—«Ликеры нѣтъ: вся вышла».—Вы выкушали послѣднюю рюмку». На подозрѣнія барина, отвѣтилъ:—«Стану я этукую дрянь пить!» и «плюнулъ».—Я еще отъ роду никакого вина не пивалъ».

Авелло («Фрег. Пал.»).—Испанецъ. Редакторъ манильсконъ газеты и сборщикъ податей.

Авелло («Фрег. Пал.»).—Молодой испанецъ, сынъ редактора газеты, спутникъ Гончарова при осмотрѣ табачной фабрики въ Манилѣ.

Авелло («Фрег. Пал.»).—Испанка, жена «редактора газеты — редактора». «Высокая, полная старушка, съ сѣдой головой, безъ чепца, съ блѣднымъ лицомъ, черными кротко мерцавшими глазами, съ ласковой улыбкой, вся въ бѣломъ: совершенно старинный портретъ, бѣжавшій со стѣны картинной галереи». Говорила лишь по-испански, т. ч. «опытъ объясненій» ея съ русскими путешественниками былъ безуспѣшенъ».

Аверна («Обломовъ»).—Уп. л. Портной, дворовый Обломовыхъ; перешивалъ курточку Ильюшѣ изъ отцовской фуфайки» (см. Обломова-мать).

Агапан («Фрег. Пал.»).—Уп. л. Матросъ. «За двѣ чарки водки» взялся выучить писать» Фаддѣева и написалъ ему на «замасленной бумагѣ» «преуродливые азы».

Агафья («Обрывъ»).—Уп. л. Съ ней лишь ходила Марѳинька на кладбище.

Агафья Матвѣвна Пшеницына-Обломова («Обломовъ»).—Чиновница; вдова коллежскаго секретаря, владѣлица дома на Выборгской, впоследствии жена Ильи Ильича. Когда Обломовъ увидѣлъ въ первый разъ А. М. «ей было лѣтъ тридцать». «Она была очень бѣла и полна въ лицѣ, такъ что румянецъ, кажется, не могъ пробиться сквозъ щеки. Бровей у нея почти совсѣмъ не было, а были на ихъ мѣстахъ двѣ немного будто припухлыя, досыщающія полосы, съ рѣдкими свѣтлыми волосами. Глаза сѣровато-простодушные, какъ и все выраженіе лица; руки бѣлыя, но жесткія, съ выступившими наружу крупными узлами синихъ жилъ». «Платье сидѣло на ней въ обтяжку: видно, что она не прибѣгала ни къ какому искусству, даже къ лишней юбкѣ, чтобъ увеличить объемъ бедръ и уменьшить талію. Отъ этого, даже и закрытый бюстъ ея, когда она была безъ платка, могъ бы послужить живописцу, или скульптору моделью крѣпкой, здоровой груди, не нарушая ея скромности». «У нея простое, но пріятное лицо, должно быть, добрая женщина!»—«Чиновница, а локти хоть бы графинѣ какой-нибудь; еще съ ямочками! «Есть въ пей, что-то такое...» подумалъ Обломовъ». На всякій вопросъ, не касавшійся какой-нибудь положительной, извѣстной ей цѣли, она отвѣчала усмѣшкой и молчаніемъ», «тупо выслушивала» его и «тупо» задумывалась. Эта «усмѣшка у нея была больше принятая форма, которою прикрывалось незнаніе, что въ томъ или другомъ случаѣ дѣлать», но «лицо ея принимало дѣльное и заботливое выраженіе, даже тупость пропадала, когда она заговаривала о знакомомъ ей предметѣ». «Запасъ мыслей и словъ у нея былъ невеликъ». Писать А. М. «отвыкла совсѣмъ»; на вопросъ Обломова, читаетъ-ли она что-нибудь, «поглядѣла на него тупо и молчала».—Газеты изъ трактира беремъ, такъ иногда братецъ вслухъ читаютъ», отвѣчала она. За всѣми дѣлами отсылала «къ братцу», но не могла сказать, гдѣ онъ служитъ: «въ канцеляріи, гдѣ мужиковъ записываютъ».—«Вамъ, м. б., съ братцемъ нужно поговорить?» спросила она Обломова... —«Да, вотъ, братца-то нѣтъ...», говорила она.—Вы бы поговорили съ братцемъ... —«Вы бы лучше съ братцемъ переговорили, отвѣчасть она Штольцу.

— «Что она дура, или плутовка?» подумалъ Штольцъ, встрѣтясь съ А. М., но скоро «взглядъ пренебреженія, почти презрѣнія, который онъ кидалъ на нее, говоря съ ней, невольнo смѣнился взглядомъ любопытства, даже участія». А. М.

и Анисья «сразу, съ перваго взгляда, слова и движенія», «поняли и оцѣнили одна другую». Онѣ помѣнялись знаніями «въ хозяйственномъ дѣлѣ, не по одной только кулинарной части, но и по части холста, нитокъ, шитья, мытья бѣлья, платьевъ, чистки блондъ, кружевъ, перчатокъ, выведенія пятенъ изъ разныхъ матерій, также употребленія разныхъ домашнихъ лѣкарственныхъ составовъ, травъ—всего, что внесли въ извѣстную сферу жизни наблюдательный умъ и вѣковые опыты!».

А. М. всегда за работой: «все что-нибудь гладить, толчетъ, третъ», «вертитъ ручку кофейной мельницы». У нея «работа всегда есть». «Она вѣчно на ногахъ, вѣчно въ заботѣ и движеніи». — «Некогда покладываться!» отвѣчала она на приглашеніе Обломова присѣсть. Кухня была истиннымъ наладіумомъ дѣятельности А. М.,—въ ней она «царствовала». «Славная», «великая хозяйка», по характеристикѣ Обломова: «пирогіе такіе пекла, какіе «пеклись только, бывало, въ Обломовкѣ. По утрамъ «все время проводила на кухнѣ «въ будничномъ платьѣ». Когда Обломовъ сказалъ А. М., что «ей бы надо замужъ выйти», усмѣхнулась и отвѣтила:—«Кто меня съ дѣтьми-то возьметъ?». Лишь тогда, когда удалось «законное дѣло братца», А. М. «въ первый разъ узнала, что у ней есть только домъ, огородъ и цыплята, и что ни корица, ни ваниль не растутъ въ ея огородѣ; увидала, что на рынкахъ лавочки мало-по-малу перестали ей низко кланяться». «Тогда въ первый разъ въ жизни А. М. задумалась не о хозяйствѣ, а о чемъ-то другомъ, въ первый разъ заплакала не отъ досады на Акулину за разбитую посуду, не отъ брани братца за недоваренную рыбу; въ первый разъ ей предстала грозная нужда, но грозная не для нея,—для Ильи Ильича».

Обломовъ понравился ей съ перваго взгляда:—такіхъ А. М. не видала,—но чувства своего «она ему никогда не высказывала, п. ч. не понимала сама и не умѣла». «Она не въ силахъ была не только пококетничать съ Обломовымъ, показать ему какимъ-нибудь признакомъ, что въ ней происходитъ». Такъ и позднѣе она «хотѣла бы сказать что-нибудь Андрею Ивановичу, поблагодарить его, наконецъ, выложить передъ нимъ все, все, что сосредоточилось и жило неисходно въ ея сердцѣ: онъ бы понялъ, да не умѣетъ она, и только бросится къ Ольгѣ, прильнетъ губами къ ея рукамъ и зальется потокомъ такихъ горячихъ слезъ, что и та невольно заплачетъ съ нею, а Андрей, взволнованный, поспѣшно уйдетъ изъ комнаты».

Предложеніе Обломова, «взять на себя заботу о его продовольствіи» и избавить его отъ всякихъ хлопотъ по хозяйству, А. М. приняла охотно; «радость разлилась у пей по лицу; она усмѣхнулась даже сознательно».

«Все ея хозяйство, толченье, глаженье, просѣванье и т. п.—все это получило новый, живой смыслъ: покой и удобство Ильи Ильича. Прежде она видѣла въ этомъ обязанность, теперь это стало ея наслажденіемъ. Она стала жить, по своему, полно и разнообразно». «Но она не знала, что съ ней дѣлается, никогда не спрашивала себя, а перешла подъ это сладостное иго безусловно, безъ сопротивленій и увлеченій, безъ трепета, безъ страсти, безъ смутныхъ предчувствій, томленій, безъ игры и музыки нервъ». «Она какъ-будто вдругъ перешла въ другую вѣру и стала исповѣдывать ее, не разсуждая, что эта за вѣра, какіе догматы въ ней, а слѣпо повинаясь ея законамъ». «Это какъ-то легло па нее само собой, и она подошла точно подъ тучу, не пятаясь назадъ и не забѣгая впередъ, а полюбила Обломова просто, какъ будто простудилась и схватила неизлѣчимую лихорадку». «Она сама и не подозрѣвала ничего: если бъ это ей сказать, то это было бы для нея новостью—она бы усмѣхнулась и застыдилась». «Она молча приняла обязанность въ отношеніи къ Обломову, выучила фізіономію каждой его рубашки, сосчитала протертыя пятки на чулкахъ, знала, какой ногой онъ встаетъ съ постели, замѣчала, когда хочетъ сѣсть ячмень на глазу, какого блюда и по скольку сѣдаетъ онъ, весель онъ или скученъ, много спалъ или нѣтъ, какъ будто дѣлала это всю жизнь, не спрашивая себя, зачѣмъ, что такое ей Обломовъ, отчего она такъ суетится». Если бъ ее спросили, любить ли она его, она бы опять усмѣхнулась и отвѣчала утвердительно, но она отвѣчала бы такъ и тогда, когда

Обломовъ жилъ у нея всего съ недѣлю». «За что или отчего полюбила она его именно, отчего не любя, вышла замужъ, не любя дожидая до тридцати лѣтъ, а тутъ вдругъ какъ будто на нее нашло?» «Она не думала, не сознавала всего этого». Когда однажды Илья Ильичъ спросилъ: — «Скажите, что если-бъ я васъ.. полюбилъ?» Она усмѣхнулась. — «А вы бы полюбили меня? — опять спросилъ онъ». — «Отчего же не полюбить? Богъ всѣхъ велѣлъ любить. — «А если я поцѣлую васъ? — шепнула она, наклоняясь къ ея щекѣ, такъ что дыханіе его обожгло ей щеку. — «Теперь не святая недѣля, — сказала она съ усмѣшкой. — «Ну, поцѣлуйте же меня». — «Вотъ, Богъ дастъ, доживемъ до Пасхи, такъ поцѣлуемся, — сказала она, не удивляясь, не смущаясь, не робѣя, а стоя прямо и неподвижно, какъ лошадь, на которую надѣваютъ хомутъ. Онъ слегка поцѣловалъ ее въ щеку». — «Смотрите, просыплю корицу; вамъ же нечего будетъ въ пирожное положить, — замѣтила она». — «Не бѣда! — отвѣчалъ онъ». «Что это у васъ на халатѣ опять пятно? — заботливо спросила она, взявъ въ руки полу халата. — Кажется, масло? — Она понюхала пятно. — Гдѣ это вы? Не съ лампадки ли накапало?» — «Не знаю; гдѣ это я приобрѣлъ». — «Вѣрно, за дверь зашли? — вдругъ догадалась Агафья Матвѣвна. — Вчера мазали петли: все скрипять. Скиньте, да дайте скорѣе, я выведу и замою: завтра ничего не будетъ». «Чувство Пшеницыной, такое нормальное, естественное, безкорыстное, оставалось тайною для Обломова, для окружающихъ ее и для нея самой». «Она не замѣчала» его; но если Обломовъ поѣдетъ въ театръ, или засидится у Ивана Герасимовича, А. М. не спалось: «чуть застучать на улицѣ, она подниметъ голову, иногда вскочить съ постели, отворить форточку и слушаетъ: не онъ ли? Если застучать въ ворота, она накинеть юбку и бѣжитъ въ кухню, расталкиваетъ Захара, Анисью и посылаетъ отворить ворота». «Когда Обломовъ сдѣлался боленъ, она никого не выпускала къ нему въ комнату, устлала ее войлоками и коврами, завѣсила окна и приходила въ ярость» — «если Ваня или Маша чуть вскрикнуть или громко засмѣются?» «По ночамъ, не надѣясь на Захара и Анисью, она просиживала у его постели, не спуская съ него глазъ, до ранней обѣдни, а потомъ, накинувъ салопъ и написавъ крупными буквами на бумажкѣ: «Илья», бѣжала въ церковь, подавала бумажку въ алтарь, помянуть за здравіе, потомъ отходила въ уголь, бросалась на колѣни и долго лежала, припавъ головой къ полу, потомъ послѣшно шла на рынокъ и съ боязливо возвращалась домой, взглядывала въ дверь и попотомъ спрашивала у Анисьи: — «Что?» «Когда Обломовъ, выздоравливая, всю зиму былъ мраченъ, едва говорилъ съ ней, не заглядывалъ къ ней въ комнату, не интересовался, что она дѣлаетъ, не шутилъ, не смѣялся съ ней — она похудѣла, на нее вдругъ палъ такой холодъ, такая нѣхоть ко всему». «Прежде, бывало, ее никто не видалъ задумчивой, да это и не къ лицу ей: все она ходитъ, да движется, на все смотреть зорко и видитъ все, а тутъ вдругъ, со ступкой на колѣняхъ, точно заснетъ и не двигается, потомъ вдругъ такъ начнетъ колотить пестикомъ, что даже собака залааетъ, думая, что стучатся въ ворота». Ея чувство къ Обломову «было въ самомъ дѣлѣ безкорыстно, потому что она ставила свѣчку въ церкви, поминала Обломова за здравіе затѣмъ только, чтобъ онъ выздоровѣлъ, и онъ никогда не узналъ объ этомъ. Сидѣла она у изголовья его ночью и уходила съ зарей, и потомъ не было разговора о томъ». «Любовь ея высказалась только въ безграничной преданности до гроба». На приглашеніе Обломова, ѣхать хозяйничать въ деревню, отвѣчала: — «Гдѣ родились, жили вѣкъ, тутъ надо и умереть!» Тоже самое она отвѣтила и Штольцамъ, звавшимъ ее, послѣ смерти Илья Ильича, жить вмѣстѣ, подлѣ Андруши». «Послѣ того, какъ Илья Ильичъ подписалъ заемное письмо Мухоморову, А. М. «ужасно измѣнилась, не въ свою пользу»: «глаза у ней впали», «въ лицѣ у ней» — глубокое уныніе». «Но не о себѣ», «вздыхаетъ она», «тужитъ не оттого, что ей нѣтъ случая посуетиться, похозяйничать широко», потолочъ корицу, положить ваниль въ соусъ, или варить густыя сливки, «а оттого, что другой годъ не кушаетъ этого ничего Илья Ильичъ, оттого, что кофе ему не берется судами изъ лучшаго магазина, а покупается па

гривенники въ лавочкѣ; сливки приносить не чухонка, а снабжаетъ ими та же лавочка, оттого, что вмѣсто сочной котлетки, она несетъ ему на завтракъ ягчницу, заправленную жесткой, залежавшейся въ лавочкѣ же ветчиной. Когда у ней вышли послѣдніе «семь гривень», и у Ильи Ильича «ничего не было», она пошла къ «братцу» и наивно сказала, что «въ домѣ денегъ нѣтъ». «Утромъ рано» «поѣхала къ мужниной роднѣ» «съ заботой, съ необычайной рѣчью и попросомъ, что дѣлать и взять у нихъ денегъ».—«У нихъ много: они сейчасъ дадутъ, какъ узнаютъ, что это для Ильи Ильича. Если бъ это было ей на кофе! на чай, дѣтямъ на платье, на башмаки, или на другія подобныя прихоти, она бы и не заикнулась, а то на крайнюю нужду, до зарѣзу: спаржи Ильѣ Ильичу купить, рябчиковъ на жаркое, онъ любитъ французскій горошекъ»... Денегъ «ей не дали, а сказали, что если у Ильи Ильича, есть вещи какія-нибудь, золотыя или, пожалуй, серебряныя, даже мѣхъ, такъ можно заложить, и что есть такіе благодѣтели, что третью часть просимой суммы дадутъ до тѣхъ поръ, пока онъ опять получить изъ деревни». «Этотъ практическій урокъ въ другое время пролетѣлъ бы надъ гениальной хозяйкой, не коснувшись ея головы, и не втолковать бы ей его никакими путями, а тутъ она умомъ сердца поняла, сообразила все и взвѣсила... свой жемчугъ, полученный въ приданое». «Вскорѣ за жемчугомъ достала она изъ завѣтнаго сундука фермуаръ, потомъ пошло серебро, потомъ салонъ»... Подучивъ деньги отъ Обломова, «она выкупила жемчугъ и заплатила проценты за фермуаръ, серебро и мѣхъ, и опять готовила ему спаржу, рябчики, и только для виду пила съ нимъ кофе. Жемчугъ опять поступилъ на свое мѣсто. «Изъ недѣли въ недѣлю, изо дня въ день тянулася она изъ силъ, мучилась, перебивалась, продала шаль, послала продать парадное платье и осталась въ ситцевомъ ежедневномъ нарядѣ, съ голыми локтями и по воскресеньямъ прикрывала шею старой затасканной косынкой». «Вотъ отчего она похудѣла», по Ильѣ Ильичу не сказала ни слова; «у ней доставало даже духа сдѣлать веселое лицо, когда Обломовъ объявлялъ ей, что завтра къ нему придутъ обѣдать пріятели. «Обѣдъ являлся вкусный и чисто поданный: она не срамила хозяина», хотя всѣ «эти заботы» стоили ей «волнений, бѣготни, упрасиванья по лавочкамъ, потомъ безсонницы». Въ каждой обломовской копѣйкѣ А. М. «отдавала отчетъ Анисѣ», а объ этой тайнѣ (о закладѣ жемчуга), даже Анисѣ, не сказала. Не сказала и Штольцу, заявивъ, что Ильѣ Ильичъ ей «ничего не должны,—ни копѣчки, они мнѣ не должны», «а что я закладывала серебро, з е м ч у г ъ и мѣхъ, такъ это я для себя закладывала. Маишъ и себѣ башмаки купила, Ванюшъ на рубашки, да въ зеленыя лавки отдала. А на Ильѣ Ильича ни копѣчки не пошло!» Все это она такъ скрыла, что даже Штольцъ только «вполовину, смутно прочелъ тайну жертвъ» А. М.—«Ни копѣчки, ей Богу, правда!—божилась она, глядя на образъ и крестясь».

«Добрая и проткая». «Братца» слушалась во всемъ, но, когда дѣло коснулось Ильи Ильича, и Штольцъ сказалъ А. М.:—«Нѣтъ, я васъ прошу братцу до меня ничего не говорить, иначе Ильѣ Ильичу будетъ очень неприятно...»,—«послушно» отвѣтила:—«Такъ я не скажу имъ ничего!» Дала Штольцу свидѣтельство, что она никакой денежной претензии на Обломова не имѣетъ». На упреки братца «вельможей», отвѣчала:—«Что вы, братецъ, меня баринкомъ попрекаете? Что онъ вамъ дѣлаетъ? Никого не трогаетъ, живетъ-себѣ. Не я при-манивала его на квартиру; вы съ Михеємъ Андреемъ». Она и Михею Андреевичу нашла, что отвѣтить, когда Тарантьевъ, получивъ опуху отъ Ильи Ильича, заявилъ, что пришелъ не къ Обломову, а къ кумѣ:—«Богъ съ вами! Мнѣ васъ не надо, Михай Андреевичъ: вы къ братцу ходили, а не ко мнѣ. Вы мнѣ хуже горькой рѣдки. Опиваете, обѣдаете, да еще лаетесь!» «Вдругъ» глубоко ожуцудала она въ треволненной жизни и «познала ея счастливыя и несчастныя дни». Но она любила эту жизнь: несмотря на всю горечь своихъ слезъ и заботъ, она не промѣняла бы ее на прежнее, тихое теченье, когда она не знала Обломова». «Она отъ ужаса даже вздрогнетъ, когда вдругъ ей предстанетъ мысль о смерти;

хотя смерть разом положила бы конецъ ея невысыхаемымъ слезамъ, ежедневной бѣготѣ и еженощной несмыкаемости глазъ». «Она такъ полно и много любила: любила Обломова какъ любовника, какъ мужа, и какъ барина», но только позднѣе, когда Илья Ильичъ уже умеръ, «она поняла, что проиграла и просіяла ея жизнь, что Богъ вложилъ въ ея жизнь душу и вынулъ опять; что засвѣтилось въ ней солнце и померло навсегда». Такимъ солнцемъ былъ для А. М. Илья Ильичъ. Не только самого Обломова А. М. считала «баринѣмъ», но даже участи своего сына отъ Ильи Ильича не равняла и не смѣшивала съ судьбою первыхъ дѣтей своихъ, хотя въ сердцѣ своемъ, можетъ быть, безсознательно, и давала имъ всеѣмъ равное мѣсто. Но воспитаніе, образъ жизни, будущую жизнь Андрюши она отдѣляла цѣлой бездной отъ жизни Ванюши и Машеньки.—«Тѣ что? Такія же замарашки, какъ я сама»,—небрежно говорила она:—«они родились въ черномъ тѣлѣ, а этотъ,—прибавляла она почти съ уваженіемъ объ Андрюшѣ и съ нѣкоторою, если не робостью, то осторожностью, лаская его:—этотъ—барченочекъ!» При жизни Ильи Ильича «съ ужасомъ думала, какъ «этотъ баринъ» «будетъ ѣсть студень изъ лавочки»; послѣ его смерти, напрасно давалъ ей Штольцъ отчетъ въ управленіи имѣніемъ, присылалъ слѣдующіе ей доходы, все отдавала она назадъ, просила беречь для Андрюши.—«Это его, а не мое,—упрямо твердила она:—ему понадобится; онъ баринъ, а я проживу и такъ».

Послѣ того, какъ Штольцъ выручилъ Обломова «отъ воровскихъ долговъ» А. М. «жила и чувствовала, что жила полно, какъ прежде никогда не жила, но только высказать этого, какъ и прежде, никогда не могла, или, лучше, ей въ голову объ этомъ не приходило. Она только молила Бога, чтобъ онъ продлилъ вѣку Ильѣ Ильичу, и чтобъ избавилъ его отъ всякой «скорби, гнѣва и нужды», а себя, дѣтей своихъ и весь домъ предавала на волю Божію. За то лицо ея постоянно высказывало одно и то же счастье, полное, удовлетворенное и безъ желаній, слѣдовательно, рѣдкое и при всякой другой натурѣ невозможное. Она пополнѣла; грудь и плечи сіяли тѣмъ же довольствомъ и полнотою, въ глазахъ свѣтились кротость и только хозяйственная заботливость. Къ ней воротились то достоинство и спокойствіе, съ которыми она прежде властвовала надъ домомъ», у нея «завелась большой шкапъ, съ рядомъ шелковыхъ платьевъ, мантиль и салоновъ; чепцы заказывались на той сторонѣ, чуть ли не на Литейной, башмаки не съ Апраксина, а изъ Гостиного двора, а шляпка»—изъ «Морской!» «За разными покупками она ѣздила» на парѣ собственныхъ лошадей, но по прежнему глазъ А. М. «свѣтилъ» надъ Обломовымъ, «какъ око Провидѣнія», «сторожилъ каждое мгновеніе его жизни». «Надъ трупомъ мужа, съ потерю его, она, кажется, вдругъ уразумѣла свою жизнь и задумалась надъ ея значеніемъ, и эта задумчивость легла навсегда тѣнью на ея лицо. Выплакавъ потомъ живое горе, она сосредоточилась па сознаніи о потерѣ: все прочее умерло для нея, кромѣ маленькаго Андрюши. Только когда видѣла она его, въ ней будто пробуждались признаки жизни, черты лица оживали, глаза наполнялись радостнымъ свѣтомъ и потомъ заливались слезами воспоминаній». «Она безпрекословно, даже съ нѣкоторою радостью, согласилась на предложеніе Штольца, взять» Андрюшу «па воспитаніе, полагая, что тамъ его настоящее мѣсто, а не тутъ, «въ чернотѣ», съ грязными ея племянниками, дѣтками братца». «Она была чужда всего окружающаго», на все отвѣчала достоинствомъ своей скорби и покорнымъ молчаніемъ», но она не по-прежнему смотрѣла «вкругъ безпечно перебѣгающими съ предмета на предметъ глазами, а съ сосредоточеннымъ выраженіемъ, съ затаившимся внутреннимъ смѣхѣмъ въ глазахъ. Мысль эта сѣла левидимо на ея лицо, кажется, въ то мгновеніе, когда она сознательно и долго вглядывалась въ мертвое лицо своего мужа, и съ тѣхъ поръ не покидала ея». «Навсегда осмыслилась ея жизнь»: «теперь уже она знала, зачѣмъ она жила и что жила не напрасно». Съ лѣтами она понимала свое прошедшее все больше и яснѣе и таила все глубже, становилась все молчаливѣе и сосредоточеннѣе. На всю жизнь ея разлились лучи,

тихий свѣтъ отъ пролетѣвшихъ, какъ одно мгновеніе, семи лѣтъ и нечего было ей желать больше, нѣкуда идти».

Агашка («Обрывъ»).—Подуумная. «Ходила въ одномъ платѣ по осеннему холоду». Маринька «дала ей какую-то изношенную душегрѣйку, которую выпросила въ дворнѣ у Улиты».

Агашка («Обрывъ»).—Уп. л. Слѣпая. Та самая, которая «любила на иву рубашки вѣшать», по словамъ Татьяны Марковны.

Агашка («Обыкновенныя ист.»).—Дворовая Адуевой.

Аграфена Ивановна («Обыкновенныя ист.»).—«Первый министръ въ хозяйствѣ Анны Павловны», «первая ея ключница», толстая, «безъ малѣйшаго намека на талію» женщина. «Главною чертою въ ея характерѣ» было сердиться «на все и на всѣхъ». «Она никогда не была довольна, все не по ней; всегда ворчала, жаловалась». «У ней горе выражалось по своему»: «она не плакала». «Евсей прочно занималъ мѣсто въ сердцѣ А. («они блаженствовали десять лѣтъ»), но, при разставаніи съ нимъ, «лучше всего она сердилась на Евсея».—«Разиня», «пострѣлъ навязался», «пусть унесутъ, васъ черти отсюда»,—бранилась она. При прощаньи съ Евсѣемъ, «лицо у нея позеленѣло и искривилось». «Она дала себя обнять, но не отвѣчала на объятіе». «Вынувъ изъ подъ передника», она сунула «ему мѣшокъ съ чѣмъ-то».—«То-то, чай, тамъ съ петербургскими-то загуляешь!»—прибавляла она, поглядѣвъ на него искоса. И въ этомъ взглядѣ выразилась вся тоска ея и вся ревность». «Въ роковую для нея минуту» разставанья съ Евсѣемъ «характеръ ея обнаруживался во всемъ своемъ пафосѣ». А. И., «насупись, суетилась по хозяйству». «Въ тотъ день съ ожесточеніемъ разлила чай, и вмѣсто того, чтобы первую чашку крѣпкаго чаю подать, по обыкновенію, барынѣ, выплеснула его вонъ: «пикому», дескать, «не доставайся» и твердо перенесла выговоръ. Кофе у ней перекипѣлъ, сливки подгорѣли, чашки валились изъ рукъ. Она не поставитъ подноса на столъ, а брякнетъ; не отворитъ шкапа и двери, а хлопнетъ». «Шипѣла по-змѣиному» и вытирала такъ чашку, «какъ будто хотѣла изломать ее въ куски. Когда же Евсей началъ умолять А. въ его отсутствіе «не играть въ дураки» съ Прошкой-озорникомъ» и повторялъ свои признанія въ любви къ ней, А. «не выдержала: у ней, наконецъ, горе обнаружилось въ слезахъ».—«Да отстанешь ли ты отъ меня, окаянный?»—говорила она плача:—что мелешь, дуралей! Свяжусь я съ Прошкой! Развѣ не видишь самъ, что отъ него путнаго слова не добьешься? Только и знаетъ, что лѣзетъ съ ручищами...—«И къ вамъ лѣзъ? Ахъ мерзавецъ! А вы, небось, не скажете! Я! бы его»...—«Полѣзъ-ка, такъ узнаешь! Развѣ лѣтъ въ дворнѣ женскаго пола, кромѣ меня? Съ Прошкой свяжусь! Вишь что выдумалъ! Подлѣ него и сидѣть-то тошно—свинья-свиньей! Онъ, того и гляди, норовитъ ударить человѣка, или сожрать что-нибудь барское изъ-подъ рукъ—и не увидишь!»—«Ужъ если, Аграфена Ивановна, случай такой придетъ — лукавый вѣдь силенъ—такъ лучше Гришку посадите тутъ: по-крайности, малый смиренный, работящій, не зубоскаль»...—«Вотъ еще выдумалъ!—накинулась на него Аграфена:—что ты меня всякому навязываешь, развѣ я какая-нибудь... Пошелъ вонъ отсюда! Много вашего брата, всякому стану вѣшаться на шею: не таковская! Съ тобой только, этакимъ лѣшимъ, поцугалъ видно лукавый за грѣхи мои связаться, да и то каюсь... а то выдумалъ!» — «Богъ васъ награди за вашу добродѣтель! Какъ камень съ плечъ!—воскликнулъ Евсей».—«Обрадовался!»—звѣрски закричала она опять:—есть чему радоваться—радуйся!—и губы у ней побѣлѣли отъ злости.—«Проклятый!»—нацѣтовала А. дѣвжающаго Евсея, «глядя ему въ слѣдъ и утирая концомъ платка капавшія слезы».

Когда, черезъ восемь лѣтъ, Евсей вернулся въ Грачи, «она поглядѣла на него сбоку, исподлобья, но тотчасъ-же невольно измѣнила себѣ, размѣялась отъ радости, потомъ заплакала было, но вдругъ отвернулась въ сторону и нахмурилась». «Она едва дала ему обнять себя».—«Принесла нелегкая»,—говорила она сердито, «но въ глазахъ и въ улыбкѣ ея выражалась величайшая радость».—

«Ишь, усиди какіе отрасли!»—сказала она. Гостинцы, привезенные Евсеем, она схватила и проворно сунула, не поглядывая «въ шкафъ».

Адмираль («Фрег. Дал.»).—См. въ «Сникѣ».—Путятинъ.

Адуева, Анна Павловна («Обыкп. Ист.»).—Небогатая помѣщица деревни «Грачи». Мать Александра; была сусѣдна, вѣрила въ сны, въ примѣты, въ снадобья и знахарей; возмущалась, какъ это «любить до свадьбы, безъ обряда церковнаго, измѣняютъ»...—«Что это дѣлается на блѣдомъ свѣтѣ, какъ поглядишь! Знать скоро свѣтопреставленіе!»—воскликнула А. «Въ сердцѣ ея отжили всѣ чувства, кромѣ любви къ сыну». «Она живѣтъ, дышитъ только» Александромъ; «всякая» его «радості и горе—радость и горе для нея». Она думала за него ежеминутно» и отводила «отъ него каждую заботу и неприятность». Она «день-деньской думаетъ о томъ, какъ-бы угодить всѣмъ» его «прихотямъ». «Не будь его, что-же ей дѣлать? Хоть умирать!» Отправляя сына въ Петербургъ просила въ письмѣ Петра Ивановича взять Александра «на свое попеченіе»: «Присмотрите за нимъ, не балуйте ужъ слишкомъ-то, да и не взыскивайте очень строго, взыскать-то будетъ кому, взыщутъ и чужіе, а приласкать некому, кромѣ своего». «Ночью, вѣдь вы, я чай, въ одной комнатѣ будете спать,—Сашенька привыкъ лежать на спинѣ: отъ этого, сердечный, больно стопеть и мечется; вы тихонько разбудите его да перекрестите: сейчасъ и пройдетъ, а лѣтомъ покрывайте ему ротъ платочкомъ: онъ его развѣваетъ во снѣ, а проклятыя мухи такъ туда и лѣзутъ подъ утро». Просила также остерегать сына «отъ вина и отъ картъ» и не оставить «въ случаѣ нужды и деньгами». Называла себя только «приказчицей сына» и «видѣла свое счастье въ женитьбѣ Александра: «желая-бы, послала-бы Богъ тебѣ дѣточекъ, а я бы нянчила ихъ»; «мнѣ бы, старухѣ, только оставалось радоваться, глядя на тебя». Въ разлукѣ съ сыномъ она «время считаетъ не мѣсяцами, не недѣлями»; при извѣстїи о возвращенїи Александра, «и не вспомнилась отъ радости»; не спала ночи и людямъ не велѣла спать: неравно прїѣдетъ».—«Богъ одинъ знаетъ, что вытерпѣло мое материнское сердце, отпуская его на чужую сторону»,—писала она Петру Ивановичу. Она «сердцемъ чуяла отдаленное горе» и уговаривала Александра остаться:—«Я не столько для себя самой, сколько для тебя-же отговариваю».—«Зачѣмъ ты ѣдешь? Искать счастья? Да развѣ тебѣ здѣсь не хорошо?» «Всѣ смотрятъ тебѣ въ глаза». Была очень встревожена, что Александръ вернулся похуѣвшимъ и грустнымъ:—«Что съ тобой стало, голубчикъ ты мой, такимъ-ли я отпустила тебя?» «Старушка плакала и осыпала ласками Александра, и не умѣла объяснить причины перемѣны въ немъ».—«Видно хорошо смотрѣлъ за барипомъ: допустилъ до того, что онъ, голубчикъ мой, здоровье потерялъ!»—выговаривала она Евсею. «Не умѣлъ сберечь сокровища», «изведь роднаго племянника: работай, работай», «холопа нашелъ работать!»—негодовала А. П. на Петра Ивановича. «На кого ищче надѣяться, коли и родные свои хуже дикаго звѣря?»—«Подѣчись, голубчикъ!»—просила она сына и разспрашивала его о житьѣ-бытьѣ въ Петербургѣ, допытывалась «отчего онъ скучаетъ»...—«Удобства всѣ есть», «пища нравится и чинъ хорошій... Чѣго-бы кажется? А скучаешь!»—«Безъ Бога, видно, ни на шагъ», и повезла Александра въ церковь; «не знала, что дѣлать», когда «Александръ прїѣхалъ «изъ церкви» домой еще скучише, нежели поѣхалъ и прибѣгла къ помощи знахарки».—«Помни, что безъ вѣры нѣтъ спасенія нигдѣ и ни въ чемъ»,—даетъ она совѣтъ Александру. «—Смиряться передъ Господомъ Богомъ: молись и въ счастья и въ несчастїи, а не по пословицѣ «громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится».—«Ну, я тебя не позволю»; «ты человекъ молодой; гдѣ тебѣ быть усердну къ церкви Божїей. «Не тужи: у тебя есть мать». «Пока во мнѣ останется хоть капелька крови, пока не высохли слезы въ глазахъ и Богъ терпитъ грѣхамъ моимъ, я ползкомъ дотащусь, если не хватить силъ дойти, до церковнаго порога; послѣдній вздохъ отдамъ, послѣднюю слезу выплачу за тебя, моего друга. Вымолю тебѣ и здоровье, и чиновъ, и крестовъ, и небесныхъ и земныхъ благъ». «Мнѣ самой ничего не надо. Отними Онъ у меня все: здоровье,

жизнь, пошли слѣпоту—тебѣ лишь подай, всякую радость, всякое счастье и добро.—«Блюди, посты, мой другъ: это великое дѣло. Въ среду и пятницу Богъ проститъ, а въ Великій постъ—Боже оборони!»—«Не трать «попустому денегъ» на нищихъ, наставляла она сына.—«по многу не давай». «Ихъ не удивишь. Они пропьютъ, да пасть тобой-же насмѣются». «Береги деньги», «трать съ толкомъ». «Не мотай, не заводи лишнихъ прихотей»; «Не заводи роскоши никакой», «еде и не отказывай себѣ въ чемъ можно; заочнется долакомиться—не «купись!»—«Береги пуше всего здоровья!» «Какъ заболѣешь, чего Боже оборони!»—«опасно, наипиши... я соберу всѣ силы и приѣду».—«Не ходи ночью по улицамъ; отъ людей звѣрскаго вида удаляйся».—«Не предавайся вину—охъ, оно первый врагъ человѣка!»—«Берегись женщинъ», «на мужчинъ женъ не зарься», «это—великій грѣхъ». «Если же тамъ какая-нибудь станетъ до свадьбы добираться—Боже сохрани! Не мочи и подумай!» «Развѣ, что у начальника твоего или у какого-нибудь знатнаго да богатаго вельможи, разгорятся на тебя зубы и она захочетъ выдать за тебя дочь—ну, тогда можно». «Изъ любви къ сыну готора была даже покривить душой». Собирая Александра въ дорогу, «была—сама не своя:—такая пустота въ головѣ! «Въ горлѣ отъ слезъ все пересохло», но не забыла снабдить сына всѣмъ необходимымъ, показать что онъ везетъ съ собою:—«Вотъ простыни: дюжина». «Наволочки—вся дюжина тутъ». «Вотъ рубашки—три дюжины. Что-за полотно—заглядѣнье!» «Носковъ двадцать двѣ пары»... «Вотъ косыночки, вотъ платки»; «славный подубатистъ». «Это хорошій фракъ»; «береги его, не всякій день таскай; сукно-то по шестнадцать рублей брали!» «Теперь жилеты—разъ, два, три, четыре. Двое брюкъ».

К р и т и к а: «Мать молодого Адуева и мать Наденьки—обѣ старухи, обѣ очень добры, обѣ очень любятъ своихъ дѣтей и обѣ равно вредны своимъ дѣтямъ, наконецъ, обѣ глупы и пошлы. А между тѣмъ, это два лица совершенно различныя: одна барыня провинціальная стараго вѣка, ничего не читаетъ и ничего не понимаетъ, кромѣ мелочей хозяйства: словомъ, добрая внучка злой госпожи Простаковой; другая барыня столичная, которая читаетъ французскія книжки, и ничего не понимаетъ, кромѣ мелочей хозяйства: словомъ, добрая правнучка злой госпожи Простаковой». [Б ѣ л и н с к і й. Сочин., т. XI].

Адуева, Лизавета Александровна («Обыкновенныя ист.»).—Жена Петра Иваныча. «Лѣтъ двадцати шести-семи». «Молода и хороша». У нея «свѣжесть лица, блескъ взоровъ, подъ которымъ трудно разсмотрѣть цвѣтъ глазъ ея—такъ тонули они въ роскошныхъ, трепещущихъ волнахъ свѣта», «пышныя плечи», «стройный бюстъ». По мнѣнію Александра Адуева, —Л. А.—«женщина въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова», «создана на радость, на счастье мужчины»,—«идеалъ женщины». Онъ считаетъ ее «блистательнымъ исключеніемъ изъ толпы». «Жаловаться на свою жизнь «она не имѣла права: всѣ наружныя условія счастья» «исполняются надъ нею, какъ по заведенной программѣ». Довольство, даже роскошь въ настоящемъ, обезпеченность въ будущемъ—все избавляло ее отъ мелкихъ, горькихъ заботъ». «Всѣ ея желанія» предупреждались, лишь «о сердцѣ»—объ этомъ никогда и рѣчи не было со стороны мужа. «Лизавета Александровна вынесла только то грустное заключеніе, что не она и не любовь къ ней были единственною дѣлюю его неутомимыхъ трудовъ «рвенія и усилій». Онъ трудился и до женитбы, еще не зная своей жены». «Л. А. чувствовала его умственное превосходство надъ во всемъ окружающимъ и терзалась этимъ»:—«Разсудокъ—«это главное тамъ,—на заводѣ, можетъ быть, а вы забываете, что у человѣка есть еще чувство»,—«дворить она мужу.—«Если-бъ онъ не былъ такъ уменъ»,—думала она, «я была бы спасена». «Онъ однимъ взглядомъ, однимъ словомъ могъ бы создать въ пей глубокую страсть къ себѣ: по онъ молчитъ, онъ не хочетъ». «Она пробовала возбуждать въ немъ ревность, думая, что тогда любовь непременно выскажется... Ничуть не бывало. Чуть онъ замѣтитъ, что она отмѣчаетъ въ обществѣ какого-нибудь молодого человѣка, онъ спѣшитъ пригласить его къ себѣ, обласкаетъ, самъ не хвалится его достоинствами и не боится оставлять его наединѣ съ женой».

«При» разсужденіяхъ мужа на тему о любви, она тотчасъ-же разочаровывалась». «И въ положительныхъ цѣляхъ женщины присутствуетъ непременно любовь... Семейныя обязанности—вотъ ея заботы; но развѣ можно исполнять ихъ безъ любви?»—думалось Л. И.—«О, пусть я купила бы себѣ чувство муками, пусть-бы перенесла всѣ страданія, какія неразлучны со страстью, но лишь бы жить полною жизнью, лишь бы чувствовать свое существованіе, а не прозябать!» «Всѣ дорогія бездѣлки своего будуара—и весь этотъ комфортъ, которымъ у другихъ заботливая рука любящаго человѣка окружаетъ любимую женщину», казались ей «холодною насмѣшкой надъ истиннымъ счастьемъ». «Ей бы вмѣнили въ преступленіе эти невидимыя, неосязаемыя, безымянныя страданія, безъ ранъ, безъ крови, прикрытыя «бархатомъ», но «ея домашній міръ былъ не что иное, какъ крѣпость», «неприступная для соблазна», хотя и «въ ней встрѣчались на каждомъ шагу рогадки и патрулы и противъ всякаго законнаго проявленія чувства». Л. И. «съ героическимъ самоотверженіемъ таила свою грусть».—«Я здорова, я ничего не чувствую»,—говоритъ она мужу, когда всѣ, «съ изумленіемъ» глядѣли на нее, перемѣнившуюся отъ болѣзни. На предложеніе съѣздить въ Крымъ отвѣчаетъ, что ей «все равно, гдѣ ни быть» и предлагаетъ мужу «сократить расходы». На замѣчаніе Петра Ивановича, «почему это такъ занимаетъ» ее, отвѣчаетъ:—«Какъ же не занимать? Вѣдь я твоя жена! Ты же самъ училъ меня... а теперь упрекаешь, что я занимаюсь. Я дѣлаю свое дѣло». Когда Петръ Ивановичъ пожелалъ предоставить ей полную свободу, отвѣчала:—«Зачѣмъ мнѣ свобода? Что я стану съ ней дѣлать? Ты до сихъ поръ такъ хорошо, такъ умно распоряжался и мной, и собой, что я отвыкла отъ своей воли»; «мнѣ свобода не нужна». Рѣшеніе П. И. выйти въ отставку и продать заводъ встрѣтила возраженіемъ:—«Ради Бога никакой жертвы для меня! Чтобы ты пересталъ трудиться, отличатся, богатѣть—и для меня! Боже сохрани! Я не стою этой жертвы».—«Я была мелка для тебя, ничтожна, слаба, чтобы понять и оцѣнить твои высокія цѣли, благородные труды». «Я была брошена какъ камень на твоемъ пути; я мѣшаю тебѣ». Тая свою грусть, она находила въ то же время довольно силъ, чтобы утѣшать другихъ; «она слушала снисходительно іереміады Александра «и утѣшала» его, со всею нѣжностью друга и сестры». «Ей это было вовсе не противно»; «въ племянникѣ она все-таки находила сочувствіе собственному сердцу, слышала въ его жалобахъ на любовь, голосъ нечуждыхъ ей страданій». «Она жадно прислушивалась къ стонамъ его сердца и отвѣчала на нихъ непримѣтными вздохами и никѣмъ невидимыми слезами. Она даже и на притворныя и приторныя изліянія тоски Александра находила утѣшительныя слова въ такомъ же тонѣ и духѣ». «Сильное чувство прячется»,—говорила она, но «не могла внутренно не согласиться съ племянникомъ, что чувство безъ всякаго проявленія какъ-то подозрительно, что, можетъ быть, его и нѣтъ, что если-бъ было, оно бы прорвалось наружу, что, кромѣ самой любви, обстановка ея заключаетъ въ себѣ неизъяснимую прелесть». Она не понимала, какъ можно «краснѣть первой нѣжной любви» и была согласна съ Александромъ, что «любить значитъ—не принадлежать себѣ, перестать жить для себя, перейти въ существованіе другого, сосредоточить на одномъ предметѣ всѣ человѣческія чувства—надежду, страхъ, горестъ, наслажденіе, любить значитъ жить въ безконечномъ». Она полюбила Александра, «какъ родная сестра»; «развѣ только мать могла бы такъ горячо принимать къ сердцу все, что до» него «касается, и та не сумѣла бы». «Ей удалось уже разъ укротить беспокойныя порывы въ сердцѣ племянника «въ дѣлѣ любви» и она «знала, какъ обойтись съ оскорбленнымъ сердцемъ».—Судьба «всегда, будто нарочно, сведетъ нѣжнаго чувствительнаго человѣка съ холоднымъ созданіемъ»,—говорила она ему. Она просила мужа поговорить съ Александромъ «о дружбѣ», «о сердцѣ да поласковѣе, повнимательнѣе». Жалѣя его она «поддерживала» въ немъ «надежду» сдѣлаться писателемъ, «разспрашивала» его «о занятіяхъ», «часто спорила съ нимъ, но еще чаще соглашалась».—«Кто осушалъ твои слезы и хныкалъ съ тобою вмѣстѣ?»—«Все—она»,—сказалъ Петръ Ивановичъ Александру.

К р и т и к а: «На рубежѣ между довольными своей судьбой или, такъ или иначе, примирившимися съ нею, и женщинами, стремящимися впередъ—извѣдать невѣдомую, мапящую къ себѣ, даль жизни, стоитъ жена Петра Ивановича Адуева, Елизавета Александровна». «Этотъ трогательный, пѣльный образъ—одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ образовъ гончаровскихъ женщинъ». [Острогорскій. Этюды].

Адуева-невѣста («Обыкн. Ист.»)—«Невѣста Александра; богатая и хорошенькая». У нея двѣсти тысячъ приданого», «да сто отъ матери осталось» и «пять-сотъ душъ». На предложеніе Александра «ничего не сказала, только покраснѣла, а, когда онъ взялъ ее за руку, такъ пальцы ея точно играли на фортепиано въ» его «рукѣ... будто дрожали».

Адуевъ, Александръ Федоровичъ («Обыкн. Ист.»). — «Единственный сыпъ» Анны Павловны, «двадцатилѣтній юноша». «Бѣлокурый молодой человекъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, здоровья и силъ». У него была «мягкость линий лица, прозрачность и пѣжность кожи, пушокъ на подбородкѣ». Ему свойственны были «робкая застѣнчивость и граціозная неловкость движеній». Черезъ два года жизни въ Петербургѣ А. превратился въ молодого человѣка «съ изящными манерами, въ щегольскомъ костюмѣ». «Онъ очень измѣнился, возмужалъ». Походка стала «ровною и твердою». «Пушокъ замѣнился большими бакенбардами. Въ голосѣ прибавилось пѣсколко басовыхъ нотъ». «Въ глазахъ блистали самоуверенность и отвага», выраженіе которой «не отталкиваетъ, а влечетъ къ себѣ». «Прежняя восторженность на лицѣ А. умѣрялась легкимъ оттѣнкомъ задумчивости, первымъ признакомъ закрашейся въ душу недовѣрчивости». Пріѣхавъ изъ деревни въ Петербургъ, съ одной стороны, п. ч. его «влекло какое-то неодолимое стремленіе, жажда благородной дѣятельности»; съ другой, чтобы «пользоваться жизнью» — «сму и въ деревнѣ надоѣло одно и то-же.» Въ переводѣ дяди это значило: пріѣхавъ «дѣлать карьеру и fortuna». — «Да, дядюшка, карьеру... отвѣтилъ Александръ. «Романтикъ», полный «розовыхъ мечтаній». «Передъ нимъ разстлалось множество путей, и одинъ казался лучше другого. Онъ не зналъ, на который броситься. Скрывался отъ глазъ только прямой путь». «Будущность обѣщала ему много блеску, торжества; его, казалось, ожидалъ не совѣмъ обыкновенный жребій». «Жизнь отъ пеленъ ему улыбалась; мать лелѣяла и баловала его, какъ балуютъ единственное чадо; нянька все пѣла ему надъ колыбелью, что онъ будетъ ходить въ золотѣ и не знать горя». «И старый котъ, Васька, былъ къ нему, кажется, ласковѣе, нежели къ кому-нибудь въ домѣ». «Профессора твердили, что онъ пойдетъ далеко». «Пылкій и восторженный мечтатель» (мнѣніе Петра Ивановича), «онъ мечталъ «о пользѣ, которую принесетъ отечеству, о благородномъ трудѣ, о высокихъ стремленіяхъ. «Всего болѣе онъ мечталъ о славѣ писателя». «Онъ думалъ, что въ него «вложенъ свыше творческій даръ, и хотѣлъ повѣдать міру новыя невѣдомыя тайны». «Зачѣмъ я» «отвергну почетное назначеніе, къ которому призванъ?» Если «я погублю, что свыше вложено за меня, то погублю и себя». У него «была горячая голова»; мечты онъ «принялъ за творчество и творилъ». «Я чувствую призваніе къ творчеству», говоритъ онъ. «Поэтъ заклеиваетъ особенною печатью: въ немъ таится присутствіе высшей силы». «Слава—вотъ истинная награда пѣвца». «Стихи его удивляли товарищей»; они «были недурны, мѣстами не безъ энергіи и всѣ проникнуты пылкимъ чувствомъ». «Онъ прилежно и многому учился. Въ аттестатѣ его сказано было, что онъ знаетъ съ дюжину наукъ, да съ полдюжины древнихъ и новыхъ языковъ». Онъ зналъ: богословіе, гражданское, уголовное, естественное и народное право, дипломатію, политическую экономію, философію, эстетику, археологію. Зналъ «по-французски, по-нѣмецки и немного по-английски». Онъ обладалъ даромъ слова». «Говорилъ высокими слогами о современныхъ успѣхахъ ума, о стремленіяхъ человѣчества... о практическомъ направленіи вѣка». Выражался по словамъ Петра Ивановича «дико», говорилъ «какъ семинаристъ», но, по мнѣнію самого Александра, въ университетѣ «профессоръ эстетики такъ говорилъ и

считался самымъ краснорѣчивымъ профессоромъ»; впрочемъ, А. скоро же по приѣздѣ въ Петербургъ «началъ учиться владѣть собою, не такъ часто обнаруживая порывы и волненія и рѣже говорилъ дикимъ языкомъ». «Глядя на корабли, принесшіе намъ дары дальнихъ странъ, я подумалъ объ успѣхахъ современнаго человѣчества, я понялъ волненіе этой разумной дѣятельной толпы, готовъ слиться съ нею»,—такъ выражался А. «О горѣ, слезахъ, бѣдствіяхъ онъ зналъ только по слуху». «Отъ этого будущее представлялось ему въ радужномъ свѣтѣ. Его что-то манило въ даль, но что именно, онъ не зналъ. Тамъ мелькали обольстительные призраки, но онъ не могъ разглядѣть ихъ; слышались смѣшанные звуки—то голосъ славы, то любви: все это приводило его въ сладкій трепетъ». Онъ вѣрилъ, что «дружба и любовь—это священныя и высокія чувства, упавшія какъ-будто непарочно съ неба въ земную грязь». «Дружба это второе провидѣніе». Онъ вполнѣ соглашался съ опредѣленіемъ дружбы одного французскаго романиста: надо «любить не тою фальшивою, робкою дружбою, которая живетъ въ пашихъ раззолоченныхъ палатахъ, которая не устоитъ передъ горстью золота, которая боится двусмысленнаго слова; по тою могучею дружбою, которая отдаетъ кровь за кровь, которая докажетъ себя въ битвѣ и кровопролитіи, при громѣ пушекъ, подъ ревомъ бурь, когда друзья лобзаются проконченными пороховъ устами, обнимаются окровавленными объятіями... И если Пиладъ раненъ на смерть, Орестъ, энергически прощаясь съ нимъ, вѣрнымъ ударомъ кинжала прекращаетъ его мученія, страшно клянется отмстить, и сдерживаетъ клятву, потомъ отираетъ слезу и успокаивается»... Александръ «готовъ былъ бы отдать всѣ деньги за одно привѣтливое слово друга. По его мнѣнію, «красивѣе отъ» «чистаго святаго воспоминанія—это значить не признавать поэзіи». «Холодно издѣваться надъ тѣмъ, что есть лучшаго на землѣ»—«это преступленіе». «Душа жаждетъ выразиться, подѣлиться съ ближними избыткомъ чувствъ и мыслей, переполняющихъ ее: «одному грустно въ толпѣ», говоритъ онъ: «не съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніемъ». «Чувство» «просится наружу, требуетъ порыва, изліянія». По его мнѣнію, кто не удерживаетъ «въ груди своей благородный порывъ чувства», «тотъ человѣкъ съ сильными чувствами, кто чувствуетъ такъ, тотъ способенъ ко всему прекрасному и благородному». По мнѣнію Лизаветы Александровны Адусовой. А. «чувствительный, способный любить и заставить любить себя». «У него умъ не идетъ наравнѣ съ сердцемъ, вотъ онъ и виноватъ въ глазахъ тѣхъ, у кого умъ забѣжалъ слишкомъ впередъ, кто хочетъ взять вездѣ только разсудкомъ».—«Ты не всегда пользуешься разсудкомъ—жалъ! А малый порядочный», говорилъ А.—у Петръ Ивановичъ.—«Я никогда не перестану уважать въ васъ сердце», говоритъ ему Лизавета Александровна:—«чувство вовлекаетъ васъ и въ ошибки, оттого я всегда извѣщаю ихъ». «Жизнь, по убѣжденію А., «такъ хороша, такъ полна прелести, вѣги», «она какъ гладкое озеро» «полна чего-то таинственнаго, заманчиваго». «Что-жъ за жизнь, не забыть, а все думать, думать»... — «Я хочу жить», «не думая о томъ, ожидаетъ ли меня впереди бѣда, опасность или пѣть—все равно. Зачѣмъ я буду терзаться заранѣе горемъ, когда оно не настало?» «Онъ свои сужденія считалъ непогрѣшительными, мнѣнія и чувства непреложными». «Для» него «не было ничево на землѣ святѣ любви»; «любовь—все; его дѣятельность, цѣль все вертится около этого чувства». «Безъ нея жизнь не жизнь»: «жизнь безъ любви—«деревянная жизнь»; «прозябаніе, а не жизнь!». «Прозябать безъ вдохновенія, безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви!» «Онъ любилъ Софью» маленькую любовью, въ ожиданіи большой». «Онъ мечталъ о колоссальной страсти, которая не знаетъ никакихъ преградъ и совершаетъ громкіе подвиги». «Гдѣ же любовь? О, любви, любви жажду!» восклицаетъ А.:—«и скоро-ли придетъ она? Когда настанутъ эти дивныя минуты, эти сладостныя страданія, трепетъ блаженства, слезы»... Онъ не признавалъ любви, которая «помнить себя», «которая ни на минуту не забудется», любви «внушенной хитростью». — «Для меня больше упоенія—любить всѣми силами души, хотъ и страдать, нежели быть любимымъ не любя, или любя какъ-то вполонину, для забавы». Онъ «потребо-

валъ бы отъ любимой женщины» «нервенства въ ея сердцѣ. Любимая женщина не должна замѣчать, видѣть другихъ мужчинъ, кромѣ него; «всеі они должны казаться ей невыносимы». Онъ «одинъ выше, прекраснѣе, лучше, благороднѣе всѣхъ. Каждый мигъ, прожитый не съ» нимъ, «для нея потерянный мигъ». Въ его «глазахъ, въ» его разговорахъ должна она почерпать блаженство и не знать другого». Для него «она должна жертвовать всѣмъ: презрѣнными выгодами, расчетами; свергнуть съ себя деспотическое иго матери, мужа, бѣжать если пужно, на край свѣта, сносить энергически всеі лишенія, наконецъ презрѣть самую смерть—вогъ любовь!» «А я бы посвятилъ всю жизнь ей, я бы лежалъ у ногъ ея. Смотрѣть ей въ глаза было бы мнѣ закономъ. Я бы плѣлъ ея красоту, нашу любовь, природу». А. согласенъ съ тѣмъ, что «любить—значитъ подстергать каждый взглядъ любимаго существа»; «волноваться въ отсутствіи его роємъ мыслей, а при немъ не умѣть высказать ни одной, стараться превзойти другъ друга въ пожертваніяхъ», «посвятить себя одному существу» «и жить, мыслить только для его счастья, находить величіе въ униженіи, наслажденіе въ грусти и грусть въ наслажденіи, предаваться всевозможнымъ противоположностямъ кромѣ любви и ненависти. Любить—значитъ жить въ идеальномъ мірѣ».

Какая отрада, какое блаженство», рассуждалъ онъ, «знать, что есть въ мірѣ существо, которое гдѣ бы ни было, что бы ни дѣлало, помнить о насъ, сближаетъ всеі мысли, занятія, поступки,—все къ одной точкѣ и одному понятію—о любимомъ существѣ! Это какъ будто нашъ двойникъ!» «Двойникъ отказывается отъ собственныхъ ощущеній, если они не могутъ быть раздѣлены или приняты другимъ. Онъ любитъ то, что любить другой, и ненавидитъ, что тотъ ненавидитъ. Они живутъ нераздѣльно въ одной мысли, въ одномъ чувствѣ: у нихъ одно духовное око, одинъ слухъ, одинъ умъ, одна душа». «Онъ вѣрилъ въ неизбѣжное назначеніе кого любить, въ симпатіи душъ». «Въ любви А.—жертва собственной слѣпоты и самыхъ мучительныхъ заблужденій сердца». «Онъ самъ дѣлаеть изъ жизни пытку». Онъ «любилъ людей», «вѣрилъ въ ихъ достоинства, видѣлъ въ нихъ братьевъ».—«Счастье соткано изъ иллюзій, надеждъ, довѣрчивости къ людямъ, увѣренности въ самомъ себѣ, потомъ изъ любви, дружбы», говорилъ онъ. «Онъ думалъ, что «супружества безъ любви не должно быть»; что «нельзя жениться безъ увлеченія, безъ поэзіи любви, безъ страсти, рассуждать, какъ и зачѣмъ». Его «возмущаютъ неравные браки», «когда невѣсту влекутъ, какъ жертву, убранныю цвѣтами и алмазами, и толкаютъ въ объятія пожилого человѣка, б. ч., некрасиваго съ лысиной». «Жениться нужно тому», говоритъ онъ, «кто еще не утратилъ блеска юношеской красоты, въ комъ и въ головѣ и въ сердцѣ—всюду замѣтно присутствіе жизни, въ глазахъ не угасъ еще блескъ, на щекахъ не остылъ румянецъ, не пропала свѣжесть—признаки здоровья; кто бы не истощенной рукой повелъ по пути жизни прекрасную подругу, а принесъ бы ей въ даръ сердце, полное любви къ ней, способное понять и раздѣлить ея чувства».—«Зачѣмъ я буду слѣдовать нелѣпымъ примѣрамъ»—жениться состарѣвшись, «когда истощающіе «свѣжесть, здоровье», оплѣшившемъ! — «Не хочу жениться, какъ женится большая часть: падалади одну пѣсню: молодость прошла, одиночество наскучило, такъ надо жениться!» «Я не таковъ». «Я попадаю въ категорію счастливыхъ мужей». «Въ двадцать три года» онъ готовъ жениться на Надепкѣ Любецкой. Его не привлекаетъ «почетъ, стремленіе по пути почестей»: «грѣбеть ли это сердце? Отраднo ли душѣ, когда тебѣ нѣсколько человѣкъ поклоняются низко, а сами подумаютъ, можегъ быть: «чортъ бы тебя взялъ!» У него не было пристрастія къ деньгамъ: «—Деньги! говорилъ онъ. Зачѣмъ онѣ?»

«Александръ былъ избалованъ, но не испорченъ домашнею жизнью». «Любовь матери и поклоненіе окружающихъ поддѣйствовали только па добрыя его стороны, развили, папримѣръ, въ немъ преждевременно сердечныя склонности, поселили ко всему довѣрчивость до излишества». Это же самое «расшевелило въ немъ и самолюбіе». «Мать, при всей своей нѣжности, не могла дать ему настоящаго взгляда на жизнь, и не приготовила его на борьбу съ тѣмъ, что ожидало его».

«Нужно было» «поменьше любить, не думать за него ежеминутно, не отводить от него каждую заботу и неприятность, не плакать и не страдать вмѣсто него, чтобъ и въ дѣтствѣ дать ему самому почувствовать приближеніе грозы, справиться со своими силами и подумать о своей судьбѣ—словомъ, узнать, что онъ мужчина». «Всѣ такія натуры, какова была его, любятъ отдавать свою волю въ распоряженіе другого. Для нихъ пиявка—необходимость». «При другомъ воспитаніи и правильномъ взглядѣ на жизнь, онъ былъ бы счастливъ самъ и могъ бы осчастливить кого-либо еще». «Только пѣжная, дружеская рука могла ухаживать за этимъ цвѣткомъ». По мнѣнію матери, онъ «воспитанъ, и ловокъ, и хорошъ». По словамъ Петра Ивановича, «у него есть тактъ». «Онъ не навязывается, не ходитъ безъ зову; и, когда замѣтитъ, что онъ лишній, тотчасъ уйдетъ; и денегъ не проситъ: онъ малый покойный», «добрый, умный, порядочно-воспитанный». Мать свою обожаетъ: «отдалъ бы за нее жизнь». Когда «розовыя мечтанія» А. «столкнулись съ дѣйствительностью, у него болѣло и ныло сердце» отъ этихъ стычекъ и «самолюбіе страдаю». Понемногу онъ сталъ «допускать мысль, что въ жизни видно, не все однѣ розы, а есть и шипы. Прежде онъ считалъ «службу»—«занятіемъ сухимъ», въ которомъ не участвуетъ душа». «Каждый день, каждый часъ, и сегодня, и завтра, и цѣлый вѣкъ бюрократическая машина работаетъ стройно, непрерывно, безъ отдыха, какъ будто нѣтъ людей,—одни колеса, да пружины». «Гдѣ же разумъ, оживляющій и двигающій эту фабрику бумагъ?» думалъ А., но вскорѣ же по прїѣздѣ въ Петербургъ, онъ сталъ одною изъ пружинъ машины. Прежде онъ вѣрилъ, что «поэтъ заклеиваетъ особенною печатью: въ немъ таится присутствіе высшей силы»; «онъ горячо возставалъ противъ смѣшенія ремесла и искусства»; но когда дядя досталъ ему переводъ статьи «О наземѣ» «для отдѣла о сельскомъ хозяйствѣ», А. хотя и «медленно, со вздохомъ», принялся за перо и началъ переводить». «Статьи его о сельскомъ хозяйствѣ» «обратили на себя вниманіе публики»: По отзыву редактора, онъ «обработаны прекрасно, въ нихъ есть мысль—все показываетъ «учснаго производителя», а не ремесленника». «Въ изящной прозѣ онъ былъ менѣе счастливъ»: онъ былъ «не созданъ жрецомъ изящнаго». Но онъ скоро утѣшился.—«Я дѣлаю дѣло», говорилъ онъ.—«Никто не упрекнетъ меня въ праздности. Утро я занятъ въ службѣ, а трудиться сверхъ того—это роскошь, произвольная обязанность». Скоро «ему дали порядочное мѣсто». Онъ «вдругъ поступилъ на старшій окладъ». «Начальникъ отдѣленія хвалитъ» его, «только говоритъ, что» онъ «разсѣянъ; то занятыхъ не поставитъ», то «забудетъ написать содержаніе бумаги». «Въ редакціи журнала А. тоже сдѣлался важнымъ лицомъ. Онъ занимался и выборомъ, и переводомъ, и поправкою чужихъ статей, писалъ и самъ разные теоретическіе взгляды о сельскомъ хозяйствѣ». Но его всего поглотила любовь къ Наденькѣ Любецкой. Эта любовь была «днями безпрерывныхъ наслажденій». «Онъ былъ увѣренъ, что онъ одинъ на свѣтѣ такъ любить и любимъ»: «Я буду любить глубже, смѣлѣе», «не издѣваться надъ чувствомъ, не шутить и не играть имъ холодно», «и не сдергивать покрывала съ священныхъ тайпъ». «Я буду любить вѣчно и однажды». «При взглядѣ на нее, у него «занимался духъ и колѣни дрожали и гнулись подъ» пимъ; онъ «готовъ былъ на всѣ муки, лишь бы видѣть ее». Онъ говорилъ, что «Наденька миритъ» его «съ жизнью». «Какъ прекрасна жизнь, какъ я счастливъ!» Онъ глядѣлъ на толпу, какъ могутъ глядѣть только герой, поэтъ и влюбленный, счастливый взаимной любовью». У него «праздничное лицо», во взорѣ «блещетъ гордость»;—смотритъ «полководцемъ», по выраженію Петра Ивановича. «Въ походѣ, взглядѣ, во всемъ обращеніи А. было что-то торжественное, таинственное». «Онъ велъ себя съ другими, какъ богатый капиталистъ па биржѣ съ мелкими купцами». «Съ Наденькой» онъ мечталъ «провести всю жизнь»: «какъ весело пройдемъ мы жизнь рука объ руку! Какъ будемъ горды, велики взаимной любовью»; «духъ замираетъ отъ одной мысли, что «Наденька—жена моя!» «Нѣтъ выше блаженства на землѣ»; «поцѣлуй Наденьки! О, какая высокая небесная награда!» «Могу ли я думать теперь о презрѣнной пользѣ?» «Какъ я люблю ее!» «Я

люблю, какъ никогда никто не любилъ: всеѣми силами души—ей все!»—«Глупѣе любить нельзя», возражаетъ Петръ Ивановичъ. Когда графъ Новинскій, по выраженію А., «какъ дикій зѣбрь ворвался... и похитилъ все», А. попросилъ въ первый разъ у дядюшки его «холоднаго разума», и въ то же время готовъ былъ отомстить Наденькѣ. Онъ оплакивалъ свою «колоссальную страсть»; «рыдалъ «и лишь послѣ долгаго разговора съ теткой «уснулъ въ первый разъ покойно, послѣ многихъ бессонныхъ ночей». — «Все пошлости, все общія мѣста!» отзывается онъ о прошлой любви Наденьки.—Впрочемъ, прибавлялъ онъ еще съ большимъ презрѣніемъ:—сей простителю: я слишкомъ былъ выше и ея, и графа и всей этой жалкой и мелкой сферы; не мудрено, что я остался неразгаданнымъ ей». По мнѣнію А., «измѣна самое горькое оскорбленіе, какое только судьба посылаетъ человѣку; есть ли еще мука сильнѣе?» Когда «страсть выдохлась въ немъ, истинная печаль прошла», «опъ создалъ себѣ искусственную грусть, игралъ, красовался ею и утопалъ въ ней». «Ему правилось играть роль страдальца. Опъ былъ тихъ, важенъ, туманенъ, какъ человѣкъ, выдержавшій, по его словамъ, ударъ судьбы,—говорилъ о высокихъ страданіяхъ, о святыхъ, возвышенныхъ чувствахъ, смятыхъ и втоптаныхъ въ грязь». Свою любовь опъ называетъ «печальной ошибкой сердца, которое требовало пищи». «Глядя на людей, связанныхъ любовью, не помнящихъ себя отъ восторга, опъ улыбался иронически»: «онъ потерялъ уже способность любить». Дружба также разочаровала его; встрѣтись съ Поспѣловымъ, А. ждалъ отъ него «искренней, душевной бесѣды» «о золотыхъ дняхъ дѣтства, объ играхъ, о проказахъ», ждалъ сочувствія къ своимъ страданіямъ, но не нашелъ ни того, ни другого. Разочаровавшись въ своемъ другѣ, А. «пизошелъ до жалкаго попятія» «о дружбѣ». «Дружба», думалъ опъ, «глупость!» «Вчерашній другъ—сегодня врагъ». «Люди не способны возыгаться до того попятія о дружбѣ, какая должна быть». Онъ «перешелъ отъ мрачнаго отчаянія къ холодному унынію». «Опъ пропикъ взглядомъ въ тайну жизни, конечно, не безъ мученій, но зато закалилъ себя противъ нихъ навсегда. Будущее ему ясно: опъ «окрылился,—опъ не ребенокъ, а мужъ». Разочарованный А., «привязался къ литературному труду»:—«Что будетъ жизнь безъ труда», говоритъ онъ, «хоть въ гробъ ложись!» Редакторъ отзывается о немъ: «онъ не глупъ, но что-то не путемъ озлобленъ на весь міръ. «Въ какомъ озлобленномъ, ожесточенномъ духѣ пишетъ онъ! Вѣрно разочарованный! Самолюбие, мечтательность, преждевременно развитіе сердечныхъ склонностей и неподвижность ума, съ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ—лѣнью,—вотъ причины этого зла».

Юлію Павловну Тафаеву А. полюбилъ такой любовью, о какой «мечталъ»: «сознательной, разумной, по вмѣстѣ сильной, не знающей ничего внѣ своей сферы». «Только эта любовь ужъ не такъ пылка... «но за то прочна, можетъ быть, вѣчна!» — «Я не задыхаюсь отъ радости, какъ животное», «духъ не замираетъ, но во мнѣ совершается процессъ важнѣе, выше: я сознаю свое счастье, размышляю о немъ, и оно полнѣе хотя, можетъ быть, тише». Онъ думалъ жениться на Тафаевой, чтобы «пріобрѣсти право не погидать ее ни на минуту, не уходить домой... быть всюду и всегда съ ней. Быть въ глазахъ свѣта законнымъ ея обладателемъ... Она назоветъ меня громко, не краснѣя и не блѣднѣя, своимъ... и такъ всю жизнь! И гордиться этимъ вѣчно!» Но нельзя сказать, «чтобы онъ былъ счастливъ». Его «любовь начиналась страданіемъ». «Минутами онъ вѣрилъ въ возможность счастья и въ любовь Юліи. Въ другое время опъ вдругъ смущался въ пылу самыхъ искреннихъ изліяній»; «ему казалось, что вотъ, того и гляди, она измѣнитъ, или какой-нибудь другой неожиданный ударъ судьбы мигомъ разрушитъ великолѣпный міръ блаженства». «Вкушая минуту радости, онъ зналъ, что ее падо выкупить страданіемъ и хандра находила на него». Въ любви къ Юліи А. былъ деспотомъ. Опъ «ревновалъ: и какъ ревновалъ! Это не была ревность отъ избытка любви, но равнодушная, холодная, злая. Опъ тиганилъ бѣдную женщину изъ любви, какъ другіе не тирають изъ ненависти». «Ему покажется, напримѣръ, что вечеромъ, при го-

стяхъ, она не довольно долго и пѣжно или часто глядитъ на него, и онъ осматривается, какъ звѣрь, кругомъ,—и горе, если въ это время около Юліи есть молодой человѣкъ, и даже не молодой, а просто человѣкъ, часто женщина, иногда — вещь. Оскорбленія, колкости, черныя подозрѣнія и упреки сыпались градомъ». «Онъ ревновалъ не къ красавицамъ, не къ достоинству ума или таланта, а даже къ уродамъ, наконецъ, къ тѣмъ, чья фізіономія просто не правилаась ему». Испытывая «муки ревности», онъ «смотрѣлъ на все въ увеличительное стекло и видѣлъ многое, что простымъ глазомъ не усмотришь». Убѣжденный «въ привязанности Юліи», онъ пачипааетъ размышлять, «что влечитъ праздную, глупую жизнь». «Магическій кругъ, въ который была заключена его жизнь любовью, мѣстами разорвался, и ему вдали показались то лица пріятелей и рядъ разгульных удовольствій, то блистательные балы съ толпой красавицъ, то вѣчно занятой и дѣловой дяди, то покинутыя занятія». Онъ пападаетъ «на любовь»: «что это за любовь! какая-то сонная, безъ энергіи». — «Это ли любовь! гдѣ же тутъ симпатія душъ?» «А ужъ тутъ ли не тянуло душъ другъ къ другу: казалось, слиться бы имъ на вѣкъ, а вотъ поди-жь ты!» «Мучительная, убійственная скука точитъ его» сердце, онъ ищетъ свободы, признаетъ ее «великимъ благомъ». Онъ «бросился въ вихрь шумныхъ радостей», по «слабый организмъ тѣла и душа А., настроенная на грустный элегическій тонъ, не вынесли этихъ забавъ». «Измѣна въ любви». разочарованіе «въ дружбѣ заставили А. «презирать людей»; отсюда выводъ: «противно, гадко смотрѣть на людей, жить съ ними! Всѣ ихъ мысли, слова, дѣла все виждется на пескѣ. Сегодня бѣгутъ къ одной цѣли, спѣшать, сбиваютъ другъ друга съ погѣ, дѣлаютъ подлости, льстятъ, унижаются, строятъ козни, а завтра и забыли о вчерашнемъ и бѣгутъ за другимъ. Сегодня восхищаются однимъ, завтра ругаютъ: сегодня горячи, пѣжны, завтра холодны». «Ужели я ошибался и въ завѣтныхъ вдохновенныхъ думкахъ, и въ темныхъ вѣрованіяхъ въ любовь, въ дружбу... и въ людей... и въ самого себя?» — «Что же жизнь?» «Онъ удивлялся, какъ могутъ люди веселиться, безпрестанно заниматься чѣмъ-нибудь, увлекаться каждый день новыми интересами. Ему странно казалось, какъ это всѣ не ходятъ сонные, какъ онъ, не плачутъ», «не говорятъ о тоскѣ и взаимныхъ страданіяхъ»: «одно тѣло наводитъ на нихъ заботу, а души и въ поминѣ нѣтъ!» — говоритъ онъ: «пустые, ничтожные люди, животныя!» Ему противны люди «своею низостью, мелкостью души». — «Я не сдѣлалъ людямъ зла!» — говоритъ А., — «я распахнулъ широкія объятія для людей» и отъ нихъ «требовалъ только должнаго, слѣдующаго мнѣ по всѣмъ правамъ». «Я пустилъ сокровища души своей по вѣтру, я отдалъ искренность сердца, первую завѣтную страсть — и что получилъ: горькое разочарованіе, узналъ, что все обманъ, все непрочное, что нельзя надѣяться ни на себя, ни на другихъ — и сталъ бояться и другихъ и себя». «Повѣрить людямъ, искать симпатіи, въ комъ? Разсыпать бисеръ передъ кѣмъ? Кругомъ низость, слабодушіе, мелочность», «кто жилъ и мыслялъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей», говоритъ А. «Онъ избѣгалъ толпы»; «сидя въ своемъ кабинетѣ», «въ уединеніи» онъ «точно сотворилъ себѣ изъ ничего какой-то міръ и обрѣтался больше въ немъ, а на службу ходилъ рѣдко и неохотно, называя ее горькою необходимостью, необходимымъ зломъ или печальной прозой». «Бесѣдовать съ своимъ я было для него высшею отрадою». «Наединѣ съ собою только, человѣкъ видитъ себя, какъ въ зеркалѣ; тогда только научается онъ вѣрить въ человѣческое величіе и достоинство», говоритъ А. «Какъ жалокъ, напротивъ, кто не умѣетъ и боится быть съ собою, кто бѣжитъ отъ самого себя и всюду ищетъ общества, чуждаго ума и духа». «Онъ видѣлъ только мрачную сторону» жизни, «свѣтлой онъ не замѣчалъ». «Для него опустѣлъ цѣлый міръ и въ немъ самомъ холодъ, тоска». У него «не осталось ни одной мечты, ни одной розовой надежды». «Въ двадцать пять лѣтъ онъ «потерялъ довѣренность къ счастью и къ жизни и состарѣлся душой. — «А все отъ любви», замѣчаетъ Петръ Ивапычъ. — «Ты дѣльный малый; можешь занять чѣмъ-нибудь посерьезнѣе любви», по А. уже «никому и ничему не вѣрилъ, не забывался въ наслажденіи», «зная, что за этимъ наступитъ

чить скука, что наполнить душевной пустоты ничѣмъ нельзя». «Вѣфряться чувству—оно обманетъ и только взволнуетъ душу». «Желать онъ боялся, зная, что часто, въ моменты достиженія желаемого, судьба вырветъ изъ рукъ счастье и предложитъ совсѣмъ другое, чего вовсе не хочешь», «а если и дать желаемое, то прежде измучить, истомить, унижить въ собственныхъ глазахъ»: «я ничего не хочу добиваться и искать; у меня нѣтъ цѣли, потому что къ чему повлечешься,—достигнешь—и увидишь, что все призракъ», говоритъ А. «Его пугалъ и періодическій приливъ счастья и несчастья въ жизни. Радостей онъ не предвидѣлъ, а горе все непременно впереди, его не избѣжишь». «Всѣмъ, казалось ему, отпущена ровная доля и счастья и несчастья». «Радости для меня минували, и къ нимъ охладѣть», замѣчаетъ онъ. «Человѣкъ счастливъ заблужденіями, мечтами и надеждами; дѣйствительность не счастливить». «Не лучше-ли жить безъ всякихъ надеждъ и волненій, не ожидая ничего, не искать радостей и «не оплакивать потерь», говоритъ онъ. На предсказаніе Лизаветы Александровны Адуевой, что онъ женится, будетъ любить», отвѣчаетъ:—«Неужели вы думаете, что я вѣрю свое счастье женщины, если-бъ даже и полюбилъ ее, чего быть не можетъ, или «что я взялся-бы сдѣлать женщину счастливой»? Нѣтъ, я знаю, что мы обманемъ другъ друга, и оба обманемся».—«Супружество не для меня. Я теперь не могу притвориться, когда разлюблю, и перестану быть счастливъ; не могу также не увидѣть, когда жена притворится; будемъ оба хитрить». Подъ вліяніемъ разочарованія А. перемѣнился и наружно. «Онъ похудѣлъ. Глаза впали. На щекахъ и лбу, появились преждевременныя складки» «отъ безиррегулярныхъ душевныхъ волненій». У него появилась какая-то лѣнь или медленность и неровность движеній, и матовый взглядъ, который сейчасъ высказывалъ, какое ощущеніе тревожило сердце его, или какая мысль шевелилась въ головѣ». «Онъ предался какому-то истукашному равнодушію, жилъ праздно, упрямо удалялся отъ всего, что только напоминало образованный міръ»; «въ образованномъ мірѣ, съ людьми, я сильнѣе чувствую невыгоды жизни», говорилъ онъ. «Онъ искалъ бесѣды съ желчнымъ, озлобленнымъ умомъ, съ ожесточеннымъ сердцемъ, и отводилъ душу, слушая злые насмѣшки надъ судьбой; или проводилъ время съ людьми, неравными ему ни по уму, ни по воспитанію:—«Жизнь давно опротивѣла мнѣ»,—говоритъ А.—«и я избралъ себѣ такой быть, гдѣ она меньше замѣтна». У него «интересовъ въ жизни нѣтъ никакихъ»; «были да прошли», исчезли.—«Такъ все ничтожно; всѣ эти блага, вси пустошь жизни, и люди, и самъ». А. «затосковался». «Онъ допытывается у самого себя: могъ-ли бы онъ быть администраторомъ, какимъ-нибудь командиромъ эскадрона? Могъ-ли бы довольствоваться семейною жизнью? И видитъ, что ни то, ни другое, ни третье не удовлетворило-бы его». Онъ «ясно понималъ, что не имѣетъ права никого винить въ своей тоскѣ... Я самъ погубилъ свою жизнь. Я мечталъ о славѣ, Богъ знаетъ съ чего, и пренебрегъ своимъ дѣломъ; я испортилъ свое скромное назначеніе и теперь не поправлю прошлаго». «Какъ я сталъ мелокъ, ничтоженъ въ собственныхъ глазахъ, съ своей тоской, страданіями». У него явилось «горькое сознаніе, что онъ гордъ и безсиленъ.—«Чѣмъ-бы свое дѣло дѣлать, ты—то стоишь отъ измѣны дѣвченки, то плачешь въ разлукѣ съ другомъ, то страдаешь отъ душевной пустоты, то отъ полноты ощущеній: ну что это за жизнь? Вѣдь это пытка», говоритъ ему Петръ Ирапычъ.—«Я жалокъ, ничтоженъ!» признается самъ А. въ минуту отчаянія—«нѣтъ у меня сердца! Я жалокъ, нищъ духомъ!»—«У меня нѣтъ ни искры разсудка; я страдаю, гибну»; «я гадокъ самому себѣ; отъ людей можно скрыться, а отъ себя куда уйдешь?» «Одно только отрицательное утѣшеніе и осталось мнѣ, что я не обманулъ никого, не измѣнилъ ни въ любви, ни въ дружбѣ. «Онъ охлаждался болѣе и болѣе къ жизни, на все смотрѣлъ сонными глазами и желалъ только спокойствія, сна души».—«Я стремиться выше не хочу», отвѣчаетъ онъ дядѣ.—«Я хочу такъ остаться, какъ есть...»—«Стоить-ли хлопотать изъ чего-нибудь, любить, привязываться, спориться, мириться,—словомъ жить? Не лучше-ли спать и уюмъ и сердцемъ?»

«Какъ бы ни прожить, лишь бы прожить!» Всякій воленъ понимать жизнь, какъ хочетъ». «Я извѣдалъ всю пустоту и всю ничтожность жизни и глубоко презираю ее». «Дѣятельность, хлопоты, заботы, развлеченіе—все надоѣло мнѣ», «въ душѣ дико и пусто». «Пока въ человѣкѣ кипятъ жизненные силы», «пока играютъ желанія и страсти, онъ занятъ чувственно, онъ бѣжитъ отъ того успокоительнаго, важнаго и торжественнаго созерцанія, къ которому ведетъ религія», думаетъ А. «Онъ приходитъ искать утѣшенія въ ней съ угасшими, растроченными силами, съ сокрушенными надеждами, подъ бременемъ лѣтъ». «Если-бъ я могъ еще вѣрить въ это! Когда теплота вѣры не грѣетъ сердце, развѣ можно быть счастливымъ?» Петръ Ивановичъ возбудилъ въ немъ «борьбу двухъ различныхъ взглядовъ на жизнь и не могъ «примирить ихъ; все превратилось» въ пемь «въ сомнѣніе, въ какой-то хаосъ». Онъ «утратилъ жизненные силы и состарился въ двадцать девять лѣтъ», но въ концѣ концовъ рѣшилъ, что «самъ найдетъ свой путь и пойдеть по пемь» «твердыми и ровными шагами». Онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ деревню. Въ деревнѣ, мало-по-малу, онъ «помирился съ прошедшимъ; оно стало ему мило». «Тяжкая школа, пройденная въ Петербургѣ и размышленія въ деревнѣ прояснили» ему «вполнѣ судьбу» его.—«Я теперь покоенъ, не терзаюсь, не мучусь»; «можетъ быть это спокойствіе проистекаетъ пока изъ эгоизма, чувствую, впрочемъ, что скоро взглядъ мой на жизнь уяснится до того, что я открою другой источникъ спокойствія—чище», пишетъ онъ теткѣ. Онъ уже «не сумасбродъ, не мечтатель, не разочарованный, не провинціалъ, а просто человѣкъ, какихъ въ Петербургѣ много и какимъ-бы давно» ему «пора быть». Онъ «дошелъ уже до того рубежа, гдѣ кончается молодость и начинается пора размышленій, повѣрка и разборка всякаго волненія, пора сознанія». А. «стыдится вспомнить, какъ, «воображая себя страдальцемъ, онъ проклиналъ свой жребій, жизнь!»—«Какъ я поздно увидѣлъ, говоритъ онъ, «что страданія очищаютъ душу, что они дѣлаютъ человѣка сноснымъ и себѣ, и другимъ, возвышаютъ его». Онъ призналъ, «что не быть причастнымъ страданіямъ, значить не быть причастнымъ всей полнотѣ жизни». Онъ увидѣлъ, какъ необходимы «борьба и волненія для жизни, какъ жизнь безъ нихъ была-бы не жизнь, а застой, сонъ... Кончается борьба, смотришь—кончается и жизнь; человѣкъ былъ занятъ, любилъ, наслаждался, страдалъ, волновался, сдѣлалъ свое дѣло и, слѣдовательно, жилъ»; «все прожитое» имъ «до сихъ поръ, по его новому мнѣнію, было какимъ-то труднымъ приготовленіемъ къ настоящему пути, мудреною наукою для жизни», и ему «жизнь пачинаетъ казаться благомъ, а не зломъ». Онъ краснѣетъ «за свои юношескія мечты», но признаетъ, что онѣ «залогъ чистоты сердца, признакъ души благородной, расположенной къ добру. Онъ говоритъ, что «молодость должна быть тревожна, кипуча, иногда сумасбродна, глупа, но что у всякаго мечты современемъ улягутся, какъ улеглись теперь» и у него. [Въ эпилогѣ романа А. «тридцать съ небольшимъ лѣтъ». «Онъ «перемѣнился»: «пополнѣлъ, оплѣшивѣлъ, сталъ румянъ». У него «иногда уже колетъ» въ поясницѣ. «Онъ носить съ достоинствомъ свое выпуклое брюшко и орденъ на шеѣ». Онъ «коллежскій совѣтникъ», получаетъ «хорошее казенное содержаніе, посторонними трудами зарабатываетъ много денегъ» и «во время женится на богатой»: у невѣсты «пятьсотъ душъ и триста тысячъ денегъ». На вопросъ Лизаветы Александровны, зачѣмъ онъ женится, отвѣчаетъ:—«Какъ зачѣмъ? Не все-же такъ шататся! Одиночество наскучило. Пришла пора» «уѣсться на мѣстѣ, основаться, обзавестись своимъ домкомъ, исполнить долгъ. Невѣста-же хорошенькая, богатая». На вопросъ, женится-ли онъ по любви, отвѣчаетъ словами Петра Ивановича:—«Женишься по любви—любовь пройдетъ и будешь жить привычкой; женишься не по любви—и придешь къ тому же результату: привыкнешь къ женѣ. Любовь любовью—а женитьба женитьбой!»—«Я иду наравнѣ съ вѣкомъ: пельзя-же отставать!» Онъ идетъ по слѣдамъ Петра Ивановича: сдѣлана имъ и «карьеря, и фортуна». Онъ «воспитанникъ школы дяди»: смотреть на вещи его глазами»].

К р и т и к а: 1) Родоначальникомъ А. на Руси Бѣлинскій считаетъ Владимира Ленекаго, по прямой линіи происходящаго отъ гётевскаго Вертера. «Пушкинъ первый замѣтилъ существованіе въ нашемъ обществѣ такихъ натуръ и указалъ на нихъ. Съ теченіемъ времени онѣ будутъ измѣняться, но сущности ихъ всегда будетъ та-же самая...» Бѣлинскій называетъ А. «романтическимъ звѣрькомъ» и причисляетъ его къ породѣ «людей, которыхъ природа съ избыткомъ надѣляетъ первическою чувствительностью, часто доходящею до болѣзненной раздражительности (susceptibilité)». А., по мнѣнію критика, принадлежитъ къ числу «дряблыхъ, безсильныхъ, недоконченныхъ натуръ». «Всѣ несчастія его произошли оттого, что будучи обыкновеннымъ человѣкомъ, онъ хотѣлъ разыграть роль необыкновеннаго» [Бѣлинскій. Соч., т. XI].

2) О. Миллеръ называетъ А. «своего рода «Митрофаномъ».. Для чего онъ ѣдетъ въ Петербургъ? Да онъ и самъ этого не знаетъ, онъ ѣдетъ искать «чего-то». «Молодому Адуеву профессора твердили, что онъ пойдетъ далеко, т. е., разумѣется, они не лично къ нему это относили, но опъ это заключилъ изъ ихъ курсовъ; они ему рисовали такія мечтательно-неопредѣленные картины будущей дѣятельности, въ которыхъ онъ, подъ вліяніемъ разыгравшагося воображенія, легко могъ пайти себѣ видное мѣсто. Это были картины дѣятельности чисто-заоблачной, ради пользы и добра вообще, какъ ой-то пользы и какъ ой-то добра для всего человѣчества. И вотъ онъ самолюбиво мечталъ о подобной пользѣ, въ сущности только потѣшая этимъ и особеннымъ образомъ развивая свой доморощенный эгоизмъ, т. е. мечталъ, что выдвинется далеко изъ ряда, какими-то особенно блистательными успѣхами, и что на него будутъ съ уваженіемъ указывать пальцемъ. [Миллеръ. Русск. пис. послѣ Гоголя, т. II, 20].

3) «Передъ нами выросшій на почвѣ патріархальной усадебной жизни наивный юноша. Разложеніе патріархальнаго строя жизни заставляло его не довольствоваться своею ролью помѣщика средней руки, поселило въ немъ исکانіе, хотя еще очнь смутное, новыхъ формъ жизни. Университетъ съ его дюжиной наукъ придалъ этому смутному исکانію идеалистическую окраску. Въ этомъ даровитомъ юношѣ заключались, быть можетъ, превосходные задатки, но среда, въ которую онъ нападаетъ, оказалась совершенно негодной для ихъ развитія. Это среда буржуазно-чиновничья, съ ея сухимъ эгоистичнымъ практицизмомъ. [Н. Коробка].

Адуевъ, Петръ Ивановичъ («Обыкн. Ист.»).—«Статскій совѣтникъ по чинувъ», «заводчикъ по ремеслу»; (въ эпилогѣ романа—дѣйствительный статскій совѣтникъ, наканунѣ представляенія въ тайные и «директоръ канцеляріи»). «Онъ былъ не старъ, а что называется мужчиною «въ самой порѣ», «между тридцатью пятью и сорока годами». Впрочемъ, онъ не любилъ распространяться о своихъ лѣтахъ», но «въ его манерѣ скрывать настоящія лѣта не видно было суетной претензіи нравиться прекрасному полу». «Онъ былъ высокій, стройный, пропорціонально сложенный мужчина», «человѣкъ крѣпкой и здоровой природы», «съ крупными, правильными чертами смугло-матоваго лица, съ ровной красивой походкой, съ сдержанными, но пріятными манерами». «Такихъ мужчинъ обыкновенно называютъ *bel homme*». «Ни въ движеніи, ни въ словѣ нельзя было угадать мысли или характера П. И.—такъ все прикрито было въ немъ свѣтскостью и искуствомъ владѣть собой». «Кажется, у него рассчитаны были и жесты и взгляды». «Въ лицѣ замѣчалась также сдержанность, т. е. умѣнье владѣть собой, не давать лицу быть зеркаломъ души. Онъ былъ того мнѣнія, что это неудобно и для себя и для другихъ. «Нельзя однако-жъ было назвать лицо его деревяннымъ: нѣтъ, оно было только покойно. Иногда лишь видны были на немъ слѣды усталости,—должно быть, отъ усиленныхъ занятій.—«Человѣку вездѣ надо работать,—и много работать.—даже до боли въ поясницѣ», говорилъ П. И. «Одѣвался онъ всегда тщательно, даже щеголевато, но не чересчуръ, а только со вкусомъ; бѣлье носилъ отличное; руки у него были полны и бѣлы, ногти длинные

и прозрачные». «Рѣдко кто умѣлъ войти съ такой непринужденностью и достоинствомъ въ гостиную, какъ П. И.».—«Двадцати лѣтъ былъ отправленъ въ Петербургъ старшимъ братомъ, отцомъ Александра». «Онъ самъ нашелъ себѣ дорогу.»—«Я сначала цѣлый годъ безъ жалованья служилъ», разсказывалъ онъ про себя. «Свое небольшое имѣніе онъ продалъ» и въ Петербургѣ «жилъ безвыѣздно семнадцать лѣтъ»; «служилъ при какомъ-то важномъ лицѣ чиновникомъ особыхъ порученій», «носилъ нѣсколько ленточекъ въ петлицѣ фрака» и «слылъ за дѣятельнаго и дѣловаго человѣка», «за человѣка съ деньгами». «Жилъ на большой улицѣ, занималъ хорошую квартиру, держалъ троихъ людей и столько-же лошадей». Приобрѣлъ «стеклянный и фарфоровый заводъ», который велъ совместно съ тремя компаніонами.—«Я хорошо обставленъ и дѣла мои недурны», говоритъ онъ о себѣ. По его словамъ, «Адуевы всѣ не безъ головы». «Поклошается положительнымъ цѣлымъ». «Много хорошаго сдѣлаешь съ талантомъ», говоритъ онъ племяннику, и «притомъ это—капиталь». Рукописи Александра (у котораго П. И. не видѣлъ таланта) отдалъ лакею «обклеить перегородку», а остальные сжегъ въ каминѣ. Онъ врагъ «мечтательной жизни.»—«Я не понимаю отчего пренебрегать скромнымъ назначеніемъ? И оно имѣетъ свою поэзію.»—«Вотъ я статскій совѣтникъ по чину, заводчикъ по ремеслу, а прѣдложи-ка мнѣ взамѣнъ званіе перваго поэта, ей Богу, не возьму!» Считается «самымъ дѣльнымъ чиновникомъ въ министерствѣ» и любитъ заниматься дѣломъ: «мы принадлежимъ къ обществу, которое нуждается въ насъ», говоритъ онъ. «Занимаясь, онъ не забываетъ и себя: дѣло доставляетъ деньги, а деньги comfortъ, который онъ тоже любить». Онъ «не могъ представить себѣ безденежнаго горя»:—«Что-жъ за горе, если оно мѣднаго гроша не стоитъ?»—«Не проси у меня денегъ», говоритъ онъ племяннику, Александру, «это всегда нарушаетъ доброе согласіе между порядочными людьми». Онъ признаетъ, что деньги—это «пробный камень», о который «споткнется не одно чувство.»—«Только деньги на умѣ, отзывается о П. И. его жена. «Однако, онъ не всегда думаетъ о службѣ, да о заводѣ; онъ «знаетъ наизусть не одного Пушкина», «часто бываетъ въ театрѣ»; «онъ читаетъ на двухъ языкахъ все, что выходитъ замѣчательнаго по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаний, любитъ искусство, имѣетъ прекрасную коллекцію картинъ, фламандской школы—это его вкусъ». «О высокихъ цѣляхъ онъ разговаривать не любилъ, называя это бредомъ, а говорилъ сухо и просто, что надо дѣло дѣлать». «Думаетъ и чувствуетъ по земному», «оттого онъ вникаетъ во всѣ земныя дѣла, а между прочимъ, въ жизнь, какъ она есть, а не какъ-бы намъ хотѣлось. «Разсудительный, насмѣшливый и положительный человѣкъ». «Вѣрить въ добро и вмѣстѣ въ зло, въ прекрасное и прескверное». «Люби и дружбѣ тоже вѣрить, только не думаетъ, что онѣ упали съ неба въ грязь, а полагаетъ, что онѣ созданы вмѣстѣ съ людьми и для людей», «что ихъ такъ чѣ надобно понимать», «а не запоситься, Богъ знаетъ куда». «Онъ допускаетъ возможность пріязни, которая отъ частыхъ сношеній и привычки обращается въ дружбу, но онъ полагаетъ также, что въ разлукѣ привычка теряетъ силу и люди забываютъ другъ друга.»—«Друзьями я называю тѣхъ, съ кѣмъ чаще вижу, которые доставляютъ мнѣ или пользу, или удовольствіе». По его мнѣнію, «надо разбирать, разсматривать и остерегаться людей». «не надѣяться ни на чью преданность». «Остерегаться не мѣшаетъ: если окажется негодяй—не обманешься, а порядочный человѣкъ—пріятно ошибешься», но въ то-же время необходимо «быть снисходительнымъ къ слабостямъ другихъ. Это такое правило, безъ котораго ни себѣ, ни другимъ житья не будетъ.»—«У всѣхъ» людей «есть что-нибудь дурное... а не все дурно и не всѣ дурны». Полагая, что «грусть» надо разсматривать «въ увеличительное стекло»: «легче пережешь, когда вообразишь непріятность вдвое больше, нежели она есть», а «блаженство въ уменьшительное, чтобъ съ радости не одурѣть вдругъ, не вѣшаться всѣмъ на шею». По его мнѣнію необходимо «больше разсуждать, нежели чувствовать», «не давать воли сердцу»; «надо все разсматривать, все рассчитывать и обдумывать:—«Вездѣ» расчесть, «мой милый», говорилъ онъ Александру,—«а кто не

расчитываетъ, того называютъ по-русски безрасчетнымъ дуракомъ». — «Жениться надо съ расчетомъ, а не по расчету. Только расчетъ этотъ долженъ состоять не въ однихъ деньгахъ». «По расчету значить жениться для денегъ—это низко; но жениться безъ расчета—это глупо!»—«Умомъ надо дѣйствовать и съ близкими сердцу»: «внутри чѣмъ хочешь любовь, а поддерживай умомъ. Хитрость—это одна сторона ума; презрѣннаго тутъ ничего нѣтъ. «Я думаю простиительно защищать свое добро благородной хитростью; ею и въ военномъ дѣлѣ не пренебрегаютъ».—«Чтобы быть счастливымъ съ женщиной разумно, надо умѣть образовать изъ дѣвушки женщину по обдуманному плану, по методу, если хочешь, чтобы она поняла и исполнила свое назначеніе. Надо очертить ея магическимъ кругомъ, не очень тѣсно, чтобы она не замѣтила границъ и не переступила ихъ, хитро овладѣть не только ея сердцемъ», а «умомъ, волей, подчинить ея вкусъ и нравъ своему, чтобы она смотрѣла на вещи черезъ тебя, думала твоимъ умомъ». «Учреди постоянный контроль безъ всякой тирании... да искусно, не замѣтно отъ нея и веди ее желаемымъ путемъ». «Жена была необходима ему», «паравнѣ съ прочими необходимостями жизни, необходима по привычкѣ». «Я очень къ ней привыкъ», признается П. И., «но это не мѣшаетъ» ему «дѣлать свое дѣло». Онъ окружалъ ее роскошью, всѣми наружными и, сообразными съ его образомъ мыслей, условіями счастья». Ограждая жену методически отъ всѣхъ уклоненій, которыя могли бы повредить ихъ супружескимъ интересамъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не представилъ ей въ себѣ вознаградительныхъ условій за тѣ, можетъ быть, непривилегированныя закономъ радости, которыя бы она встрѣтила въ супружествѣ. Эта «ужасная ошибка» «сдѣлана была не отъ незнанія, не отъ грубаго понятія его о сердцѣ—онъ зналъ его, а отъ небрежности, отъ эгоизма». [И онъ когда-то «любилъ, бѣсновался, плакалъ»; «вѣдалъ искреннія изліянія»]. —«Любить страстно—«не великое достоинство»: «страсть, значить, когда чувство, влеченіе, привязанность, или что-нибудь такое, достигло до той степени, гдѣ ужъ перестаетъ дѣйствовать разсудокъ? Ну что-жъ тутъ благороднаго? Я не понимаю; одно сумасшествіе». «Любовь—любовью, а дѣло дѣломъ», говоритъ онъ. «Если я люблю, то люблю разумно, помню себя. «Дикая, животная» любовь «не помнить» себя, «а разумная должна помнить; въ противномъ случаѣ это не любовь», а «такъ, гнусность». По его мнѣнію, «нѣтъ одной идеальной любви». «Въ любви равно участвуютъ и душа и тѣло; въ противномъ случаѣ любовь не полна». «Разбери, какъ нелѣпа сама любовь: игра крови, самолюбіе... О любви Александра къ Наденькѣ Любецкой отзывается: — «Охъ, эта мнѣ любовь въ 20 лѣтъ! Вотъ ужъ презрѣнная, такъ презрѣнная, никуда не годится!» «У человека по твоему, только и дѣла, чтобы быть любовникомъ, мужемъ, отцомъ... а о другомъ ни о чемъ и знать не хочешь. Человѣкъ, сверхъ того еще и гражданинъ, имѣетъ какое-нибудь званіе, занятіе—писатель что-ли, помѣщикъ, солдатъ, чиновникъ, заводчикъ... А у тебя все это заслоняетъ любовь да дружба...—«Вы помѣшались на любви, на дружбѣ, да на престестяхъ жизни, на счастья: думаютъ, что жизнь только въ этомъ и состоитъ: ахъ, да ахъ! Плачутъ, хнычутъ, да любезничаютъ, а дѣла не дѣлаютъ!»—«Привязанности глубокой, симпатической нѣтъ, а есть одна привычка». «Вещественные знаки невещественныхъ отношеній»—кольцо и волосы Софьи, взятые на память Александромъ,—онъ выбросилъ въ окно; написаннымъ Александромъ Софьѣ письмомъ—закурилъ сигару; утѣшая Александра въ измѣнѣ Наденьки, П. И. говоритъ:—«Что-бы женщина не сдѣлала съ тобой, измѣнила, охладѣла»,—«вини природу, предавайся, пожалуй, по этому случаю философскимъ размышленіямъ, брани міръ, жизнь, что хочешь, но никогда не посягай на личность женщины ни словомъ, ни дѣломъ. Оружіе противъ женщины—снисхожденіе, наконецъ, самое жестокое—забвеніе! Только это и позволяется порядочному человѣку». «О любви женѣ онъ «никогда не говорилъ и у ней не спрашивалъ; на ея вопросы объ этомъ отдѣлывался шуткой, острогой или дремотой». «Мужа съ женой связываютъ общіе интересы, обстоятельства, одна судьба», говорилъ онъ. «Методичность и сухость его отношеній къ ней про-

стирались, безъ его вѣдома и воли, до холодной и тонкой тираніи надъ» ея «сердцемъ». «За эту тиранію онъ платилъ ей богатствомъ. По мнѣнію жены П. И., у него «много ума и слишкомъ много умѣнья владѣть собой». Желая племяннику «добра», онъ говоритъ ему:—«Я никогда никого не отталкиваю», но и «не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла».—«Я предупреждаю тебя, что хорошо по моему мнѣнію, что дѣшно», «постараюсь навести тебя на настоящую дорогу». П. И. «старался представить Александру жизнь, какъ она есть, чтобы» онъ «не забиралъ себя въ голову чего нѣтъ». «П. И. человекъ съ умомъ и тактомъ, не часто встрѣчающимся»; онъ «тонокъ, проникателенъ, ловокъ». Онъ «попималъ всѣ тревоги сердца, всѣ душевныя бури, но понималъ—и только! Весь кодексъ сердечныхъ дѣлъ былъ у него въ головѣ, но не въ сердцѣ». «Въ его сужденіяхъ объ этомъ видно было, что онъ говоритъ какъ-бы слышанное и затверженное, по отнюдь не прочувствованное. Онъ разсуждалъ о страстяхъ вѣрно, но не признавалъ надъ собой ихъ власти, даже смѣялся надъ ними»: «велика фигура—человекъ съ сильными чувствами, съ огромными страстями! Восторги, экзальтація: тутъ человекъ всего менѣе похожъ на человекъ и хвастается нечѣмъ»; говоритъ онъ. П. И. «былъ врагъ всякихъ эфффектовъ», «искреннихъ изліяній», «не любилъ искреннихъ проявленій сердца, не вѣрилъ этой потребности и въ другихъ». «Чувство «у меня не просится» «наружу» «и не требуетъ» «порыва, изліянія», «да если-бъ и просилось, такъ я бы воздержался», замѣчаетъ онъ о себѣ.—«Надо спросить, умѣетъ ли человекъ управлять чувствами; если умѣетъ, то и человекъ»; замѣчаетъ П. И.—«Вы отъ природы человекъ холодный... съ душой, неспособной къ волненіямъ», говоритъ ему Александръ. «Ледянь до ожесточенія», опредѣляетъ его жена. «Блѣдное, безстрастное лицо показывало, что въ этомъ человекѣ немного разгула страстямъ подъ деспотическимъ правленіемъ ума, что сердце у него бьется или не бьется по приговору головы».—«Сколько ума, какое знаніе жизни, людей, умѣнье владѣть собой», удивляется Александръ.—«Надо умѣть и чувствовать, и думать, словомъ, жить одному», а «не навязывать никому своихъ впечатлѣній, потому что до нихъ никому нѣтъ надобности», говоритъ П. И. «Онъ спорить» «съ увѣренностью», «легко устраняетъ всякое противорѣчіе, и достигаетъ цѣли шутя, насмѣхаясь надъ чувствомъ, надъ сердечными изліяніями дружбы и любви». «Не вѣрять въ неизмѣнную и вѣчную любовь, какъ не вѣрять въ домовыхъ». «Любовь», говоритъ онъ, «придетъ сама собой—безъ зову»; «для этого, какъ для всего прочаго, бываетъ свое время, а цѣлый вѣкъ мечтать объ одной любви—глупо». «Любовь—пріятное развлеченіе», по убѣжденію П. И., «только не пужно слишкомъ предаваться ему, а то выйдетъ вздоръ». «Любовь по главное въ жизни», «надо больше любить свое дѣло, нежели любимаго человека». Однако, когда «докторъ сообщилъ ему свои опасенія насчетъ здоровья» его «жены» и о «психологической причинѣ» этой болѣзни, «П. И., и если не по любви къ женѣ, то по чувству справедливости», «далъ бы Богъ знать что, чтобы поправить зло». «Не одну ночь провѣлъ онъ безъ сна», «стараясь отыскать средства возстановить угасающія силы» жены. Онъ боялся, что «она убита безцвѣтной и пустой жизнью»; «терялся въ средствахъ, чувствуя, что для изобрѣтенія ихъ нужно больше сердца, чѣмъ головы». «А гдѣ ему взять его?» П. И. рѣшился на жертву: «подаль въ отставку» и продалъ заводъ, который «принесилъ до сорока тысячъ чистаго барыша».—«Моя карьера кончена! Дѣло сдѣлаю», «долгъ исполненъ, жизнь пройдена съ честью, трудолюбиво»; «судьба не велитъ идти дальше!» сказалъ онъ. Онъ самъ, отпраздновавъ пятидесятилѣтній юбилей своей жизни, назвалъ эту жизнь «деревянной». При всѣхъ удачахъ, «страшно было видѣть на лицѣ этого», прежде «безстрастнаго и холоднаго, человекъ», «болѣе нежели заботливое, почти тоскливое выраженіе, хотя оно и имѣло свойственный П. И. характеръ». Дѣла подорвали здоровье П. И. — «Я хочу отдохнуть, успокоиться» «наединѣ съ тобой», сказалъ онъ женѣ:—«Я не изъ желѣза созданъ», «я хочу жить не одной головой, во мнѣ еще не все застыло!»

К р и т и к а: 1) «Петръ Ивановичъ—не абстрактная идея, живое лицо, фи-

гура, нарисованная во весь рост кистью смѣлою, широкою и вѣрною. О немъ, какъ о человѣкѣ, судятъ или слишкомъ хорошо, или слишкомъ дурно, и въ обоихъ случаяхъ ошибочно. Одни хотятъ видѣть въ немъ какой-то идеаль, образецъ для подражанія: это люди положительные и разсудительные. Другіе видятъ въ немъ чуть не изверга: это мечтатели. Петръ Ивановичъ по-своему человѣкъ очень хорошій; онъ уменъ, потому что хорошо понимаетъ чувства и страсти, которыхъ въ немъ нѣтъ, и которыя онъ презираетъ; существо вовсе не поэтическое, онъ понимаетъ поэзію въ тысячу разъ лучше своего племянника, который изъ лучшихъ произведеній Пушкина какъ-то ухитрился набраться такого духа, какого можно было-бы набраться изъ сочиненій фразеровъ и риторовъ. Петръ Ивановичъ эгоистъ, холоденъ по натурѣ, не способенъ къ великодушнымъ движеніямъ; но вмѣстѣ съ этимъ онъ не только не золь, но положительно добръ. Онъ честенъ, благороденъ, не лицемеръ, не притворщикъ, на него можно положиться, онъ не общается, чего не можетъ или не хочетъ сдѣлать, а что общается, то непременно сдѣлаетъ. Словомъ, это въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ, какихъ, дай Богъ, чтобъ было больше. Онъ составилъ себѣ непреложныя правила для жизни, сообразуясь съ своею натурою и съ здравымъ смысломъ. Онъ ими не гордился и не хвастался, но считалъ ихъ непогрѣшительно-вѣрными. Дѣйствительно, мантия его практической философіи была сшита изъ прочной и крѣпкой матеріи, которая хорошо могла защищать его отъ невзгодъ жизни. Каковы же были его изумленіе и ужасъ, когда, доживъ до боли въ поясницѣ и до сѣдыхъ волосъ, онъ вдругъ замѣтилъ въ своей мантии прорѣху—правда одну только, но зато какую широкою. Онъ не хлопоталъ о семейственномъ счастьи, но былъ увѣренъ, что утвердилъ свое семейственное положеніе на прочномъ основаніи—и вдругъ увидѣлъ, что бѣдная жена его была жертвою его мудрости, что онъ заѣлъ ея вѣкъ, задушилъ ее въ холодной и тѣсной атмосферѣ».—«Петръ Ивановичъ выдержалъ отъ начала до конца съ удивительной вѣрностью». [В ѣ л и н с к і й, сочин., т. XI]. «Типичнымъ представителемъ буржуазно-чиновничьей среды является Адуевъ-дядюшка—человѣкъ, нелишенный извѣстныхъ данныхъ. Въ молодости онъ подобно племяннику мечталъ быть полезнымъ обществу, но въ итогѣ онъ дѣлаетъ карьеру и составляетъ состояніе, на это тратитъ все свои силы, но не достигаетъ даже относительнаго личнаго счастья. [Онъ подъ конецъ бросаетъ дѣла и карьеру, уѣзжаетъ въ Италію, чтобы спасти не вынесшую пошлости жизни жену] Это оказывается однако поздно, и дядюшка самъ чувствуетъ: въ немъ умерла вся душа, никакое живое чувство не можетъ пойти въ ней мѣста, кромѣ привычки къ комфорту, одну изъ сторонъ которой составляетъ привычка къ женѣ». [Н. К о р о б к а]. З) Е. А. Л я ц к і й отмѣчаетъ, что «Александръ Адуевъ и Петръ Ивановичъ тождественны въ своей сущности и писаны, несомнѣнно, съ одного лица, только въ разные періоды жизни». «Тождественность эта прямо поразительна. Біографія Александра оказывается весьма схожею съ біографіей Петра Ивановича въ молодости. Дѣтство обоихъ проходитъ въ одинаковыхъ условіяхъ; они получаютъ одинаковое воспитаніе, учатся въ университетѣ и—каждый въ свое время—одинаково относятся къ наукѣ, искусству, литературѣ. Оба, опять-таки каждый въ свое время, влюбляются по нѣскольکو разъ, сначала у себя на родинѣ, въ деревнѣ, гдѣ оба плачутъ надъ озеромъ, рвутъ желтые цвѣты, пишутъ въ одинаковыхъ выраженіяхъ влюбленные письма, потомъ въ столицѣ то очаровываются, то падаютъ съ небесъ, «бѣснуются, ревнуютъ», наконецъ, остываютъ, становятся благоразумными и стараются забыть «глупости» молодыхъ лѣтъ. Въ итогѣ у обоихъ—крупный чинъ, орденъ на шеѣ, лысина, сѣдина на вискахъ и въ бакенбардахъ, хорошее состояніе, а главное—одинаковое отношеніе къ благамъ жизни, одно и то же міросозерцаніе, вкусы, привычки... даже боль въ поясницѣ и мацера выражаются, и та, по духу ближайшей родственницы, перешла отъ старшаго къ младшему. Одна и та же личность—въ два разные момента. Въ стремленіи сопоставить эти моменты, сдѣлать изъ нихъ большую и малую посылку для вывода—«обыкновенная исторія»,—авторъ совершенно упустилъ изъ виду

необходимость исторической перспективы при обрисовкѣ развитія каждого изъ героевъ. Петръ Ивановичъ лѣтъ на пятнадцать, на двадцать старше Александра. Въ эти пятнадцать, двадцать лѣтъ русская жизнь—заклучимъ ее въ промежутки двадцатыхъ—сороковыхъ годовъ,—несмотря на всѣ преграды, все же значительно ушла впередъ въ смыслѣ умственного и общественнаго самосознанія, въ смыслѣ отношенія къ кореннымъ явленіямъ своей современности. Эта сторона сама по себѣ совершенно не затронута въ романѣ, а между тѣмъ въ ней-то и слѣдовало искать раскрытій общественнаго значенія романа, какъ оно представлялось автору. Въ этомъ отношеніи Гончаровъ не далъ ни одного намека на смѣну поколѣній, на борьбу отживающихъ традицій съ новыми вѣяніями, на все то, что создаетъ неизбежную и вѣчную разницу традицій съ новыми вѣяніями, на все то, что создаетъ неизбежную и вѣчную разницу между отцами и дѣтьми, разницу, необходимость которой столько же коренится въ законахъ природы, сколько въ условіяхъ историческаго развитія общества. То, что мелькаетъ, какъ новое вѣяніе въ Александрѣ, въ свое время промелькнуло въ Петрѣ Ивановичѣ, и какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, оставило послѣ себя слѣдъ въ воспоминаніяхъ, которыхъ вносилъ дѣтвн стыдились оба героя «Обыкновенной исторіи». Словомъ, историческая точка зрѣнія была чужда Гончарову, когда онъ писалъ этотъ романъ: «то занимала не послѣдовательность въ развитіи тѣхъ или иныхъ общественныхъ типовъ, какъ онъ наблюдалъ ихъ въ окружающей жизни, а собственные воспоминанія, попытка разобраться въ томъ, чѣмъ онъ былъ пятнадцать, двадцать лѣтъ назадъ и чѣмъ сталъ, успокоившись отъ напрасныхъ стремленій и бесплоднаго романтизма юношескихъ порывовъ». [Ляцкій, «Гончаровъ»]. 4) Адуе въ — лимфатики, —люди, не знающіе сильныхъ страстей—ни добрыхъ, ни злыхъ. не отвлекаемые въ сторону никакими «мечтаніями»; не зная той згучей тоски, которая такъ часто толкаетъ мечтателя на миражи и бесплодныя исканія, — Адуевы, Штольцы. Тушины медленно, но вѣрно пробираются къ пристани личнаго благополучія, гдѣ и успокаиваются, довольные собой и окружающими ихъ условіями жизни. Можно было бы ихъ называть нѣмецкимъ терминомъ «филістеры», если бы яркое, мастерское изображеніе людей этого типа въ лицѣ дяди изъ «Обыкн. Ист.» не давало основанія называть ихъ просто Адуевыми». [Венгеровъ. Сочин., т. VI]. 5) «Трезвое сознаніе необходимости дѣла, труда, знанія, выразилось въ дядѣ—но это сознаніе только нарождалось, показались первые симптомы, далеко было до полнаго развитія—и понятно, что начало могло выразиться слабо, только кое-гдѣ, въ отдѣльныхъ лицахъ и маленькихъ группахъ, и фигура дяди вышла блѣднѣе фигуры племянника». [«Лучше поздно—чѣмъ никогда»].

Акимъ («Слуга»).—«Товарищъ» дворника. «Вмѣстѣ съ нимъ», вдвоемъ. принялись оправлять «мяннника»-Антоня: «облили ему голову водой, намочили виски и темя уксусомъ, раздѣли и уложили».

Аксинья («Обломовъ»).—Птичница въ Обломовкѣ, жена Антона.

Акулина («Обломовъ»). — «Неповоротливая» А., прислуга Агафьи Матвѣевны, разжалованная изъ кухарокъ въ птичницы и огородницы (послѣ того, какъ хозяйство Обломова поступило въ вѣдѣніе Пшеницыной).

Алао Тосанно Ками Сама («Фрег. Пал.»). — Третій уполномоченный японскаго правительства. (См. полномочные). Въ широкой мантѣ съ широкими рукавами; шелковые панталоны продолжались на аршинъ далѣе ногъ. «Приданъ былъ», какъ и четвертый полномочный, «только для числа и большей важности» посольства. «Опъ молча слушалъ старшихъ двухъ» и «просто засѣдалъ».

Александра (Фрег. Пал.)—Якутка изъ Аяна; молодая и, вѣроятно, въ якутскомъ смыслѣ, красивая, съ плоскимъ носомъ, съ узенькими, по карими глазамъ, и яркимъ румянцемъ на широкихъ щекахъ. Принесла Гончарову «сары»—«сапоги на слона, съ запахомъ вспотѣвшей лошади и сала, которымъ они намазаны».

Александра Васильевна («Обыкн. ист.»),—Знакомая А. П. Адуевой.

Александръ Павловичъ («Превр. судьбы»).—Императоръ. Когда Хабаровъ, «погруженный въ тяжелыя размышленія», «углубился въ уединенную аллею дворцоваго сада (въ Царскомъ Селѣ), вдругъ въ его грудь уперлась чья-то рука. съ красными обшлагомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ раздался строгій голосъ:—«Кто ты? Зачѣмъ здѣсь? Какъ сюда зашелъ?!—«Кто ты такой? грозно спросилъ императоръ». На отвѣтъ Хабарова замѣтилъ:—«Вѣроятно, выгнанный изъ полка за пьянство и гнусное поведеніе?» Принявъ поданные Хабаровымъ документы,—«машинально» взглянулъ на «указъ объ отставкѣ», и «съ особеннымъ вниманіемъ остановился» «на рекомендательномъ письмѣ великаго князя (Константина Павловича). —«Что-жь довело васъ до этого положенія?» спросилъ. «пониживъ тогъ, государя». «Вслушавъ» рассказъ Хабарова, «вынулъ платокъ и закрылъ имъ глаза».—«Къ Дибичу!» сказалъ А. П., указывая въ сторону дворца:—онъ узнаеть мои повелѣнія! «Онъ отвернулся и пошелъ» отъ Хабарова «прочь, закрывая глаза платкомъ».—По приказу А. П., Хабарову было пожаловано «пять тысячъ рублей ассигнаціями и велѣно дать ему въ Москвѣ «мѣсто смотрителя работъ при строящемся храмѣ Спасителя, въ память изгнанія французовъ».

Александръ Степакичъ (Обыкн. ист.). Отецъ невѣсты Александра Адуева. Со слезами на глазахъ выслушалъ «предложеніе» Адуева; «обнявъ» его «и сказалъ, что теперь можетъ умереть спокойно; что онъ знаетъ кому ввѣряеть счастье дочери». Отдалъ Адуеву «двѣсти тысячъ приданого» и «всѣ свои пятьсотъ душъ» «въ полное распоряженіе, съ тѣмъ, чтобы выплачивать ему восемь тысячъ ежегодно».

Алексѣевъ, Иванъ Алексѣевичъ («Обломовъ»).—«Пролетарій». Одинъ изъ двухъ самыхъ усердныхъ посѣтителей Обломова (см. Тарантьевъ). «Старый знакомый» Ильи Ильича, «неопредѣленныхъ лѣтъ, съ неопредѣленною физиономіей, въ такой порѣ, когда трудно бываетъ угадать лѣта; некрасивъ и недурень, не высокъ и не низокъ ростомъ, не блондинъ и не брюнетъ. Природа не дала ему никакой рѣзкой, замѣтной черты, ни дурной, ни хорошей. Его многіе называли Иваномъ Ивановичемъ, другіе Иваномъ Васильевичемъ, третьи—Иваномъ Михайловичемъ. Фамилію его называли тоже различно. Обломовъ звалъ его Иваномъ Алексѣевичемъ Алексѣевымъ, а Захаръ выражался такъ:—«А у этого ни кожи, ни рожи, ни вѣдѣнія». «Угловатой черты», за которую можно было бы уцѣпиться», не было ни «въ наружности, ни «въ манерахъ или характерѣ» А.—«Присутствіе его ничего» не придавало «обществу», такъ же какъ отсутствіе ничего» не отнимало. Остроумія, оригинальности и другихъ особенностей, какъ особыхъ примѣтъ на тѣлѣ, въ его умѣ» не было. Тарантьевъ называлъ А.—«Честная» душа, овца» «овцой». Онъ былъ «какой-то неполный, безыльный, безыльный намекъ на людскую массу, глухое отзвучіе, пейзажъ ея отблескъ». Никогда не поймаешь на лицѣ его слѣда заботы, мечты, чтобы показывало, что онъ въ эту минуту бесѣдуетъ самъ съ собою, или никогда тоже не увидишь, чтобы онъ устремилъ пытливый взглядъ на какой нибудь вышній предметъ, который бы хотѣлъ усвоить своему вѣдѣнію». Богатымъ его нельзя назвать, п. ч. онъ не богатъ, а скорѣе бѣденъ; но рѣшительно бѣднымъ тоже не назовешь, п. ч., впрочемъ, только, что много есть бѣднѣ его. Нужды не терпигъ, и денегъ ни у кого не занимаетъ, а занять у него и подавать въ голову никому не приходится». «Въ службѣ у него итъ особеннаго занятія», и никто не можетъ опредѣлить «къ чему онъ именно способенъ». «Онъ нигдѣ» не бывалъ: какъ родился въ Петербургѣ, такъ и не выѣзжалъ никуда; слѣдовательно, видѣлъ и слышалъ то, что знали и другіе. Со словъ другихъ передавалъ Обломову «новости», о томъ, какъ, «у Алексѣя Спиридонича, сынъ-студентъ читалъ вслухъ» «про англичанъ, что они ружья да пороху кому-то привезли. Алексѣй Спиридоничъ сказали, что война будетъ». На вопросъ Обломова («кому же они привезли») отвѣтилъ:—«въ Испанію, или въ Индію—не помню, только посланникъ былъ очень недоволенъ». «Какой посланникъ?»—«Вотъ ужъ это забыть! сказалъ А., поднимая носъ къ потолку и стараясь вполнить». Въ число «политическихкихъ новостей» включилъ газетную статью о томъ, что «земной шаръ»

все охлаждается». «Когда-нибудь замерзнетъ весь, прибавилъ А. Послѣ восклицанія Обломова («Вона! развѣ это политика?»), «оторопѣлъ» и пачалъ оправдываться», что студентъ читалъ «все подъ-рядъ» и «не сказали, когда кончится политика.—«Я знаю, что это литература пошла». Въ литературѣ въ числѣ «лучшихъ сочинителей» считалъ: Дмитріева, Карамзина, Батюшкова и Жуковскаго; Пушкина же называлъ «хеніемъ». Къ Обломову А. ходилъ «пить, ѣсть, курить хорошія сигары». Когда Обломовъ «молча дремалъ», А—а какъ-будто не было тутъ: онъ тоже молчалъ, дремалъ, или смотрѣлъ въ книгу, разглядывалъ, съ лѣнивой зѣвотой до слезъ, картинки и вещицы. Онъ могъ такъ пробыть хоть трои сутки». Во время бесѣды, А. былъ «всегда покорный и готовый слушатель и участникъ, раздѣлявшій одинаково согласно и «молчаніе, и разговоръ, и волненіе и образъ мыслей, каковъ бы онъ ни былъ у собесѣдника. Вполнѣ согласился съ Обломовымъ, что обломовскому старостѣ «не зачѣмъ было огорчать заранѣе» Илью Ильича своимъ донесеніемъ и въ угѣшеніе прибавилъ:—«Но какой же деликатности ждать отъ мужика. Этотъ народъ ничего не понимаетъ». Придумать что либо для успокоенія Обломова такъ и не могъ, и сказалъ: — Надо подумать, Илья Ильичъ, польза вдругъ рѣшить, и замолчалъ подолго. Онъ былъ всегда «безответный, всему покорный и на все согласный»; даже когда къ обѣду забывали приготовить его любимое кушанье, онъ не обижался:—Ничего-съ я все могу ѣсть», говорилъ А. Не разсердился и тогда, когда, предложивъ Обломову «очинить перышко», получилъ отвѣтъ Ильи Ильича:—Очините, да и Богъ съ вами, подите куда-нибудь.—Я ужъ одинъ займусь, а вы послѣ обѣда перепишите письмо.—«Очень хорошо-съ, отвѣчалъ А.—Въ самомъ дѣлѣ, еще помѣшаю какъ-нибудь»... «У него не было «ни враговъ, ни друзей, но знакомыхъ множество». Встрѣтится ему знакомый на улицѣ:—Куда? спроситъ.—«Да, вотъ, иду на службу, или въ магазинъ, или провѣдать кого-нибудь.—Пойдемъ лучше со мной, скажетъ тотъ:—на почту, или зайдемъ къ портному, или прогуляемся, и онъ идетъ съ нимъ, заходитъ къ портному, и на почту, и прогуливается въ противоположную сторону отъ той, куда шелъ». Такъ Овчининъ, встрѣтя А., «увезъ его къ себѣ» и послалъ къ Обломову, съ приглашеніемъ къ себѣ на обѣдъ. На уговоры Ильи Ильича остаться у него обѣдать, не заставилъ себя долго просить. — Ужъ если оно такъ... я хорошо... какъ вы...» «Принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, въ которыхъ, какъ имъ бейся, не возбудишь никакъ духа вражды, мщенія и т. п. Чтò ни дѣлай съ ними, они все ласкаются». «Хотя про такихъ людей говорятъ, что они любятъ всѣхъ и потому добры, а въ сущности они никого не любятъ и добры только потому, что не злы». «Если при такомъ человѣкѣ подадутъ другіе нищему милостыню—и онъ броситъ ему свой грошъ, а если обругаютъ, или прогонятъ, или посмѣются—такъ и онъ обругаетъ и посмѣется съ другими».

Алексій Наумычъ («Обломовъ»).—Уп. л. I, 9. Одинъ изъ дальнихъ родственниковъ Ильи Иваповича, проживавшій въ Обломовкѣ.

Алексій Петровичъ («Обрывъ»).—Уп. л. Его «три губернатора гнали, имѣнье было въ опеку, дошло до того, что никто займы не давалъ, хоть по міру ступай: а теперь выждалъ, вытерпѣлъ, раскаялся—какіе были грѣхи—и вышелъ въ люди»...

Алексій Спиридонычъ («Обломовъ»).—Уп. л. Знакомый Алексѣева.

Алиса («Фрег. Пал.»).—Англичанка. «Молодая служапка» въ отелѣ m-гз Вельчь. «Какъ всѣ англійскія служапки, бросалась изъ угла въ уголъ, съ легкостью птицы летала по лѣстницѣ, тамъ отдавала приказаніе слугамъ, тутъ отвѣчала на вопросъ, мимоходомъ кому-нибудь улыбалась, или отмахивалась отъ черезчуръ настойчивыхъ любезностей какого-нибудь кругосвѣтнаго путешественника».

Алтаевъ, Владиміръ Петровичъ («Народинѣ»).—Уп. л. Инженерный полковникъ. По словамъ Чучи, «онъ дороги да мосты строить». «Пузанъ такой».

Альфорадоръ («Фрег. Пал.»).—Чиновникъ, завѣдывающій однимъ изъ отдѣленій табачной фабрики въ Маниллѣ (II, 1).

Альяновъ, Матвѣй Андреевичъ («Обломовъ»). Уп. л. Знакомый Овчинина и Обломова.

Амалия («И. С. Поджабринь»).—Сестра баронессы Цейхъ.

Англичанинъ («Фрег. Пал.»).—«Большой ростомъ, большой крикунъ, большой говорунъ», держитъ себя очень прямо, никогда не смотритъ подъ ноги, въ комнатѣ всегда сидитъ въ шляпѣ». За завтракомъ въ отелѣ m-rs Вельчъ только и говорилъ, что о «вчерашнемъ фейерверкѣ» (о загорѣвшихся у русскаго «натуралиста» цѣлой тысячи свѣчекъ).

Андрей («Обломовъ»).—См. Штольць.

Андрюша Обломовъ, см. Обломовъ, Андр.

Андрюшка («Обломовъ»).—Дворовый въ Обломовкѣ.

Анисья («Обломовъ»).—«Живая, проворная баба, лѣтъ 47-ми, съ заботливой улыбкой, съ бѣгавшими живо во все стороны глазами, крѣпкой шеей и грудью и красными, цѣпкими, никогда не устающими руками. Лица у ней почти не было: только и былъ замѣтень носъ; хотя онъ былъ небольшой, но онъ какъ-будто отсталъ отъ лица, или неловко былъ приставленъ, и притомъ нижняя часть его была вздернута кверху, оттого лица за нимъ было незамѣтно: оно такъ обтянулось, выцвѣло, что о носѣ ея давно уже получишь ясное понятіе, а лица все не замѣтишь». Этотъ носъ былъ—«говорящій»,—такъ онъ и выставлялся «прежде всей ея особы», такъ и рдѣлъ «заботой, мыслями, намѣреніями,—такъ и говорилъ, «хотя языкъ» А. и молчалъ. Въ домѣ Ильи Ильича «знала рынокъ и кухню и участвовала въ убораніи комнатъ только разъ въ годъ, когда мыла полы». Послѣ того, какъ А. вышла замужъ за Захара, «она помогала» ему, и, «вообще нѣкоторыя обязанности мужа она взяла на себя, частью добровольно, частью и, ч. Захаръ деспотически возложилъ ихъ на нее. Несмотря на то, что ея «опытность и тонкость соображеній» постоянно «подавлялись мрачною завистью и грубымъ высокомеріемъ мужа», «въ двѣ недѣли доказала мужу, что онъ — хоть брось; ея женскій глазъ и заботливая рука бодрствовали въ запущенныхъ покояхъ». Захаръ только отвернется куда-нибудь, А. «все приберетъ, потомъ окинетъ еще бѣлымъ взглядомъ всю комнату», подвинетъ какой-нибудь стулъ, задвинетъ полуотворенный ящикъ комода, стащить салфетку со стола и быстро скользнетъ въ кухню, заслыша скрипучіе сапоги Захара. Дѣлала все быстро, «въ три приема» и, по отношенію къ мужу, съ такой обидной снисходительностью, такъ тихо, какъ дѣлаютъ только съ дѣтьми, или съ совершенными дураками». Когда Захаръ доказывалъ баринѣ, что пыль зама «съ улицы набирается»—«не по десять же разъ мести»,—А. замѣтила, «вдругъ выглянувъ изъ другой комнаты»:—«Да, ты, Захаръ Трофимычъ, напрасно сначала метешь, а потомъ со столовъ сметаешь: пыль-то опять и насыдетъ». Когда Захаръ «напускалъ холодъ» въ комнаты, «ласково» посоветовала:—«Ты, Захаръ Трофимычъ, напрасно прежде закрываешь трубу, а потомъ форточки отворяешь: опять настудишь комнаты». Разобрала и разложила по мѣстамъ, лежащимъ у Захара вмѣстѣ, чай, сахаръ, лимонъ, серебро», «ваксу, щетки и мыло, а на руганъ мужа «кротко замѣтила»:—«А, чтобы чай не пахнулъ мыломъ». Въ другой разъ она указала ему двѣ-три дыры «на барскомъ платѣ, отъ моли», и сказала, что «въ недѣлю разъ надо непременно встряхнуть и почистить платъ». Когда же, однажды, Захаръ, по обыкновенію, сталъ пенять на барина, что тотъ бранитъ его понапрасну за таракановъ», т. к. «н е о н ъ в ы д у м а л ѣ н х ѣ т ь», А., «молча, выбрала съюбки куски и завалывшіяся съ незапамятныхъ временъ крошки чернаго хлѣба, вымела и вымыла шкапы, посуду, и тараканы почти совсѣмъ исчезли»; въ другой разъ, когда З. «понесъ подносъ съ чашками и стаканами» и «разбилъ два стакана», А. «взяла подносъ у него изъ рукъ», и «такъ устала все, что ни одна чашка не шевельнулась, и потомъ показала ему, какъ взять подносъ одной рукой, какъ плотно придержать другой, потомъ два раза прошла по комнатѣ, вертя подносомъ направо и налево, и ни одна ложечка не пошевелилась на немъ».

Чѣмъ больше было работы, «тѣмъ бывала живѣе А.: все она движется.

суетится, бѣгаетъ, работаетъ». «Изъ любви къ дѣлу», даже тогда, «когда Обломовъ не обѣдалъ дома, А. присутствовала въ кухнѣ хозяйки» (Шеницыной), «бросалась изъ угла въ уголъ, сажала, вынимала горшки, почти въ одно и то же мгновеніе отпирала шкапъ, доставала что надо и захлопывала прежде, нежели Акulina успѣетъ пойти въ чѣмъ дѣло». Чѣмъ больше прибавлялось работы, А. тѣмъ шире расправляла «свои руки, какъ орлица крылья». Встрѣтись съ Агафѣей Матвѣевной, «съ перваго взгляда, слова и движенія» обѣ «поняли и оцѣнили одна другую». «Агафья Матвѣевна оцѣнила, что такое А. и какая она великая сподручица была ея хозяйственнымъ распоряженіямъ», а А. рѣшила, что «миновала назначеніе, что поприще ея—не кухня Обломова, не его холостое хозяйство, и стала дѣятельной помощницей «великой хозяйки—Шеницыной». А. сопричислила себя къ дому Обломова, безсознательно раздѣлила неразрываемую связь своего мужа съ жизнью, домомъ и особой Ильи Ильича. Когда Обломовъ «попалъ въ тиски» (подписавъ заемное письмо Мухомарову), А. осталась одна «и на кухнѣ и въ огородѣ», «она и полы мыла и стирала и за птицами ходила». Захаръ обращался съ нею «высокомѣрно», называлъ «дурой» и «солдаткой», но и ему легко вдругъ стало, что А. «умиѣ его». Когда Обломовъ начиналъ «донимать» Захара «жалкими словами», онъ отвѣчалъ:—«Я позову А.: она все знаетъ...» и «повелительнымъ шепотомъ говорилъ» А.. —«Поди ты къ барину: что ему тамъ нужно?» А. входила и гроза всегда разрѣшалась простымъ объясненіемъ. «Смѣтливая» А. поняла зачѣмъ Обломовъ прогналъ Захара гулять, а ее отправилъ на рынокъ (во время посѣщенія Обломова Ольгой); по на рынокъ не пошла; «добѣжавъ до перваго перекрестка, А. присѣла за плетень, къ канавѣ, и ждала что будетъ. Когда Ольга уѣхала и карета заворотила въ другую улицу, А. пришла домой и сказала, что она избѣгала весь рынокъ и спаржи не оказалось: «Трещала, какъ лучину щипала». Когда ильинскіе люди «взвели клевету», что Илья Ильичъ собирается жениться и сказали объ этомъ, по словамъ Захара, Анисья, «въ пять минутъ успокоила Илью Ильича, сказавъ ему, что никто о свадьбѣ ничего не говорилъ: вотъ побожиться не грѣхъ и даже образъ со стѣпы снять, и что она въ первый разъ объ этомъ слышитъ; говорили, напротивъ, «совсѣмъ другое, что баронъ, слышь, сватался за барышню»...—«Какъ баронъ!—вскочивъ вдругъ, спросилъ Илья Ильичъ, и у него поledenѣло не только сердце, но руки и ноги».—«И это вздоръ»—поспѣшила сказать Анисья, видя, что она изъ огня попала въ полымя:—это Катя только Семену сказала, Семень Мароѣ, Мароа перебрала все Никитѣ, а Никита, сказавъ, что «хорошо, если бъ вашъ баринъ, Илья Ильичъ, посваталъ барышню»...—«Какой дуракъ этотъ Никита!—замѣтилъ Обломовъ».—«Точно что дуракъ,—подтвердила Анисья:—онъ и за каретой когда ѣдетъ, такъ словно спитъ. Да и Василеа не повѣрила,—скороговоркой продолжала она; прибавила, что ничего «и на свадьбу не похоже, а скорѣе на похороны, что у тетеньки (Ольги) все головка болитъ, а барышня (Ольга) плачутъ да молчатъ; да въ домѣ и приданого не готовятъ; у барышни чулковъ пропасть нештопаныхъ, и тѣ не соберутся заштопать; что на той недѣлѣ, даже серебро заложили». Поклялась («вотъ «передъ Господомъ-Богомъ, сквозь землю провалиться»), «что обо всемъ этомъ въ первый разъ слышитъ» «и въ мысляхъ не думаетъ, не то, чтобы» болтать.—По словамъ Захара, померла въ холеру»; пока она была жива, такъ и онъ «не шатался и «у него былъ кусокъ хлѣба».

Анна Борисовна («Обрывъ»).—Знакомая Вѣловодовой. См. кн. Пьеръ.

Анна Васильевна («Обрывъ»).—См. Пахотипа, А. В.

Анна Ивановна Тушина («Обрывъ»).—См. Тушина, А. И.

Анна Павловна («И. С. Поджабринъ»).—Сосѣдка Поджабрина по квартирѣ. Прислала черезъ племянницу Ив. Сав. «розанъ и приглашеніе придти, «коли-де вамъ не скучно будетъ посидѣть съ больной». При свиданіи «поглядѣла на него довольно нѣжно и потупила глаза»; распросила, бываетъ ли часто Поджабринъ дома, часто ли бываютъ у него гости, заинтересовалась цѣною духовъ, которыми былъ надушенъ его платокъ и завела «ученый разговоръ» о

театрѣ и книгахъ. Послѣ такого разговора перешла къ предметамъ болѣе нѣжнымъ: къ дружбѣ и любви.—«Что можетъ быть утѣшительнѣе дружбы!» сказала она, поднявъ глаза кверху. «Любовь», по мнѣнію А. П.,—«пагубное чувство»: «мужчины всѣ, такіе обманщики». На поцѣлуй Поджабрина отвѣтила поцѣлуемъ и, «закрывъ лицо руками», сказала:—«Давно-ли мы знакомы... и ужъ... При упоминаніи Поджабрина «о мужѣ, бывшемъ, по словамъ дворника, въ командировкѣ, востепенулась, покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ» и пробормотала:—«Да... его послали... ничего... онъ долго не будетъ». Предупредила, что у нея «есть дядя,—онъ и ошекунъ» и, встревожась, прибавила:—«Остерегайтесь, не показывайтесь при немъ». Стала неразлучна съ Поджабринимъ: у него «обѣдала, завтракала, словомъ, живмя жила». А. П. полюбила сидѣть и нѣжиться «на мягкомъ диванѣ» Поджабрина. На предложеніе взять одинъ изъ дивановъ къ себѣ, А. П. отвѣтила нерѣшительно:—«Зачѣмъ... Къ такому дивану нуженъ и коверъ, а у меня нѣтъ... не всѣмъ рокъ судилъ счастье». На предложеніе взять и коверъ, попросила дать «на поддержаніе и зеркало, чтобы, хоть на время забыть удары судьбы»; затѣмъ замѣтила «полугнѣвно», что она такъ любитъ цвѣты, а Поджабринъ ихъ «все еще не собрался купить». Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ знакомства, «все вздыхала да свободно распорядилась его добромъ», пока «не затмилась» «заря блаженства», и майоръ Стрекоза не перевезъ А. П. на другую квартиру.

Анна Павловна Адуева («Обыкн. Ист.»). См. Адуева А. П.

Анна Петровна («Обрывъ»).—«Актриса». «Милая женщина и хитрая, и себѣ на умѣ въ своихъ дѣлахъ»; когда «подходилъ ей бенефисъ, а пьесы не было, она и «вздумала сочинить сама... За трагедію она не бралась: тутъ она скромно сознавалась въ своей несостоятельности. А за комедію взялась и въ недѣлю написала листовъ десять, по, «какъ ни билась, не дошла до конца». «Лица все разговариваютъ и не могутъ перестать, такъ и бросила», объяснила она.—По соображеніямъ, которыя она высказывала «съ милой наивностью», «въ Горѣ отъ ума»—всѣ лица самыя обыкновенныя, говорятъ о самыхъ простыхъ предметахъ и случай взять простой: влюбился Чацкій, за него не выдали. Полюбили другого, онъ узналъ, разсердился и уѣхалъ. Отецъ разсердился на обоихъ, она на Молчалина—и все!.. И у Мольера, говорить, скупой-скупой, Тартюфъ — подлый лицемеръ. Можно даже, говорить, придумать похитрѣе, поинтереснѣе интригу. Словомъ, комедія ей казалась... мало серьезнымъ дѣломъ»...

Анна Петровна («Слуги»). — Уп. л. «Страстная охотница устраивать свадьбы.

Антипъ («Обломовъ»).—Дворовый изъ Обломовки.

Антипъ («Обрывъ»).—Уп. л. Отецъ Марины.

Антонъ (Антонъ Тихонычъ) («Слуги»).—«Отпущеникъ изъ крѣпостныхъ». Брюнетъ лѣтъ сорока съ лохматою головою, съ здоровыми длинными мускулистыми руками, съ такими же здоровыми крѣпкими ногами». «Изъ себя видный»—«вылитый Илья Муромецъ». По словамъ А., раньше «у господъ служилъ» «при столѣ, съ господами тоже выѣзжалъ по гостямъ и по егерской части»; несмотря на свою громоздкость», «ходилъ тихо», «ступалъ мягко, осторожно», «какъ котъ» или «какъ волкъ»; «убиралъ комнаты неслышно», «дрова приносилъ, прижимая къ груди, какъ родныхъ дѣтей, и складывалъ каждое полѣно у печки, какъ перышко, какъ мать кладетъ дитя въ колыбель: ни одно полѣно у него не стукнетъ». Былъ «исправнымъ», «смирнымъ» слугою; «какъ по машинѣ исправлялъ свою немудренную службу». Изъ дома «отлучался рѣдко»; «никогда не заговаривалъ самъ, и на вопросы всегда отвѣчалъ тихо и робко», глядя на барина «покорно, почти со страхомъ, тупымъ апатичнымъ взглядомъ, изъ котораго не только не прорѣзывалось иглы, луча свѣта, но даже искры не было». На распросы барина о томъ, не пьетъ ли А., отвѣчалъ «уклончиво»:—«Нынче

курица и та пьетъ», и, подъ предлогомъ взять щетку, тихо ускользнулъ въ переднюю къ себѣ». Ходилъ «въ длинномъ, широкомъ, нескладномъ скюртукѣ, очевидно, сшитомъ не по немъ». «Никакихъ художествъ» не было за А., за исключеніемъ «неважныхъ уклоненій» отъ исправности и «употребленія» остатковъ барской закуски въ свою пользу; каждый разъ на требованіе барина подать, оставшуюся отъ другого дня, закуску, А. говорилъ:—«Сейчасъ», и шелъ «къ буфету, какъ будто справиться», а потомъ возвращался и говорилъ тихо:— «... Тамъ пѣтъ-съ... На распросы «стыдливо» отвѣчалъ, «потупивъ глаза»:— «Я... употребилъ» или—«употребилъ-съ». Когда же баринъ, оставляя «что-нибудь изъ закуски до другого раза», говорилъ А.:—«Вотъ это оставь мнѣ, не употребляй!» А. «не отвѣчалъ ни слова и не употреблялъ никогда». На свои именины собралъ у себя цѣлую компанію, а самъ «лежалъ навзничъ во весь свой гигантскій ростъ на постели, безъ чувствъ, со свѣсившимися на полъ ногами, съ открытымъ ртомъ и глазами. На другой день, на вопросъ барина о происшедшемъ, тихо сказалъ: «имениникъ былъ!»—«Ты часто такъ употребляешь?»—«Никакъ нѣтъ-съ: въ рѣдкость. Вотъ именины случились»...—«Ка-бы не пришли (гости) такъ я бы не того-съ». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на святой, А. снова «употребилъ» и лежалъ въ растяжку на полу, діагонально: навзничъ, опять съ открытымъ ртомъ, съ закачившимися подъ лобъ зрачками, безъ чувствъ». На утро, узнавъ отъ барина, что воры обокрали квартиру, оглядѣлся кругомъ «съ недоумѣніемъ».—«Господи, Боже Ты мой—Господи! Господи Владыко!» говорилъ онъ, оборачиваясь около себя, тараща глаза и разводя руками; потомъ вдругъ заплакалъ и сталъ на колѣни.—«Самъ Христосъ видитъ: вѣдать не вѣдаю, сударь. Виновать тѣмъ, что захмѣлѣлъ»... Онъ разсказалъ, что ходилъ въ балаганъ, тамъ, рядомъ съ нимъ сидѣли какія-то три личности, не то торговцы, не то служакіе у господъ. Сначала читали вмѣстѣ афишку, потомъ разговорились, потомъ гуляли около качелей, и наконецъ пошли въ трактиръ и его назвали, пили чай и прочее... Они разспрашивали его кто онъ, гдѣ онъ живетъ, у кого служитъ, каково ему на мѣстѣ, бываетъ ли баринъ дома, богатъ ли онъ? И все вывѣдали. А сами всё угощали меня и сами пили. Одинъ простился и ушелъ, а вмѣсто него пришли еще двое—и опять стали пить и пить» и меня угощать, пока «я къ вечеру очень охмѣлѣлъ.—заключилъ А.—и... и... не помню, что было... какъ попалъ домой».

Антонъ Иванъчъ («О бы кн. И с т.»).—Мелкопомѣстный помѣщикъ. Сосѣдъ Адуевой. «У него душъ двадцать заложенныхъ и перезаложенныхъ; живетъ онъ почти въ избѣ, или въ какомъ-то странномъ зданіи, похожемъ съ виду на амбаръ. Хозяйства дома онъ не держитъ. Нѣтъ человѣка изъ его знакомыхъ, который бы у него отобѣдалъ, отужиналъ или выпилъ чашку чая, но нѣтъ такъ-же человѣка, у котораго бы онъ самъ не дѣлалъ этого по пятидесяти разъ въ годъ». Онъ «на всѣхъ званныхъ обѣдахъ и вечерахъ, на всѣхъ домашнихъ совѣтахъ; безъ него никто ни шагу»: «сегодня онъ дѣлать будто-бы» одно «горе». «завтра отъ поѣдетъ на свадьбу къ сосѣду—дѣлать радость, а тамъ къ кому-нибудь—исправлять должность повивальной бабки. «Съ виду онъ полный, потому что у него нѣтъ ни горя, ни заботъ, ни волненій, хотя онъ прикидывается, что весь вѣкъ живетъ чужими горестями и заботами». «Щеки его отекли отъ бездѣйствія и объяденія». «Онъ ничего не умѣетъ, ничего не знаетъ: ни въ судахъ хлопотать, ни быть посредникомъ, ни примирителемъ, ровно ничего. Но за то ему поручаютъ, напримѣръ, завезти мимоѣздомъ поклонъ отъ такой-то къ такому-то, и онъ непременно завезетъ и тутъ же, кстати, позавтракаетъ,—увѣдомитъ такого-то, что извѣстная-де бумага получена, а какая именно: этого ему не говорятъ. Еще А. И. употребляютъ въ такихъ дѣлахъ, которые считаютъ неудобнымъ поручить человѣку:—«Нельзя Петрунку послать», говорятъ; «того и гляди, перевертеть. Нѣтъ, ужъ пусть лучше А. И. съѣздитъ!»—«Чудакъ». При встрѣчахъ съ знакомыми всегда обыкновенно поздравляетъ ихъ съ чѣмъ-нибудь, или съ постомъ, съ весной, или съ осенью: если послѣ оттепели морозъ наступилъ, такъ

съ морозомъ, наступить послѣ морозу оттепель,—съ оттепелю». Если ничего подобнаго нѣтъ, то «онъ что-нибудь да выдумаетъ». Любитъ и никогда не отказывается покушать: на предложеніе Анны Павловны закусить, сейчасъ же соглашается. За столомъ оказываетъ «полную честь гомерическому завтраку». Послѣ завтрака онъ не прочь остаться и пообѣдать и отужинать». «Ни горе, ни радость не мѣшаютъ ему ѣсть раза по четыре въ день въ разныхъ мѣстахъ». Вѣрить въ сны, въ примѣты: «какъ можно безъ хлѣба и соли» встрѣчать? «Примѣта есть»... и, схвативъ (при встрѣчѣ Александра) «со стола ломоть хлѣба, положилъ на тарелку, поставилъ солопку и бросился» «къ двери». Встрѣтивши Александра Адуева, «Антонъ Ивановичъ пошелъ посмотрѣть все-ли вытанцили изъ кибитки, потомъ сталъ сзывать дворню здороваться съ баринномъ. Онъ всѣхъ разставлялъ въ порядкѣ и училъ, кому какъ здороваться: кому поцѣловать у барина руку, кому плечо, кому только полу платя и что говорить при этомъ».—«Съ вами горя не чувствуешь, А. И.», «такъ умѣете утѣшить!» говоритъ Анна Павловна. «Къ присутствію А. И. всѣ очень привыкаютъ». «А гдѣ-же А. И.?—спросилъ-бы всякій непремѣнно съ изумленіемъ, если-бы его вдругъ не было гдѣ-нибудь на обѣдѣ или вечерѣ! Что съ нимъ? Да почему его нѣтъ? Тогда ужъ къ нему даже кого-нибудь и отиравать денутомъ провѣдать, что съ нимъ, не заболѣлъ-ли, не уѣхалъ-ли? И если болѣнь, то и родного не порадуютъ такимъ участіемъ». Онъ «вѣчный жидъ». По мнѣнію Александра,—Антонъ Ивановичъ «дуракъ». по мнѣнію Анны Павловны,—«благодѣтель, другъ нашъ».

Анютка («Обрывъ»). — Уп. л. Егорка потащилъ чемоданъ (чтобы смести) съ него пыль и паутину), по дорогой предварительно успѣлъ надѣть его на голову мимошедшей Анюткѣ, отчего она уронила кастрюльку со сливками».

Арина («Обрывъ»).—Уп. л. Дурочка. Ее боялась Марѣшъка.

Агмапсе («Обрывъ»).—Уп. л. Пахотилъ «купить брилліанты какой-нибудь Агмапсе, экипажъ, сервизъ, ѣздить къ ней пѣдѣли три, провозааетъ въ театр, дѣлаетъ ей ужины, сзываетъ молодежь». Онъ «зимой» въ пять тысячъ сервизъ подарилъ на вечеръ А., а она его-то и забыла пригласить къ ужину».

Агмапд («Литер. вѣщ.»).—Уп. л. Француженка; одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ Бебикова. По словамъ графа, m-me А. извѣстна всей jeunesse dorée Петербурга и «состоитъ въ тѣсной зависимости отъ одного извѣстнаго лица» и «весь городъ это знаетъ». По характеристикѣ барона, А. «очень живая, умная женщина», и онъ «бываетъ иногда у нея».

Артемій («Обломовъ»). — Графскій кучеръ, пріятель Захара. Когда Обломовъ (во время пріѣзда Ольги на Выборгскую) «прогналъ» Захара «гулять» и далъ ему двугривенный «на пиво», А. «остроумно догадался» и сказалъ Захару:—«Да не вздумалъ-ли самъ (Обломовъ) нализиться?—Такъ и тебѣ далъ, чтобы не завидно было!»

Артистъ («Обыкновенныя ист.»).—Скрипачъ; «худощавый нѣмецъ» «съ глубокой сильной душой, съ поэтической сильной натурой». «Онъ понимаетъ, что онъ едва замѣтное кольцо въ безконечной цѣпи человечества»; «ему знакомы страданія», «скорбь души» «понятна ему». Онъ «не отрекается отъ міра и не бѣжитъ отъ толпы; могущественно повелѣваетъ ею и гордится ея рукоплетсканіями».

Архипычъ («Обыкновенныя ист.»).—Дворникъ дома, въ которомъ жилъ Александръ Адуевъ.

Архипъ («Май мѣс. въ Петерб.»).—Дворникъ.

Архіерей («Слуги»).—Уп. л. По разсказу Валентина, А., узнавъ отъ священника, что дьяконъ Никита «похваляется, будто бы понимаетъ Покаяписъ (Апокалипсисъ), сказалъ:—«Дерзновенно!» Спросилъ дьякона:—«Ну-ка, дьяконе, скажи», «говорить, что значить блудница, о которой повѣствуетъ св. Іоаннъ Богословъ?..—«Ну, говори, коли понимаешь!» Когда же дьяконъ (см. Никита) отвѣтилъ и замолчалъ, спросилъ:—«А далѣе?» Въ отвѣтъ на молчаніе дьякона,

А. «посмотрѣлъ» на него и проговорилъ «важно», «словно въ церкви изъ алтаря» голосъ подаль:—«Всякій Еремѣй про себя разумѣй!»

Атласовъ («Ф р е г. П а л.»). — Исправникъ; «послѣдній потомокъ Атласова (см. «Списокъ»); встрѣтается съ путешественниками «въ лѣсу, на тундрѣ». «былъ такъ добръ, что нарочно ѣздилъ впередъ» «заготовить лошадей».

Афимья («О б р ы в ь»).—Уп. л. Дворовая. У нея, по словамъ Марѣиньки, «никакой жалости нѣтъ: она живого (гусенка) готова (кошкамъ) бросить».

Афимья («С л у г и»).—Уп. л. Свидѣтельница похождения Валентина: «видала изъ дверей», какъ Валентинъ «ловилъ» дѣвushку «за руку».

Ача («Ф р е г. П а л.»).—Китайка. На кораблѣ, везшимъ эмигрантовъ, среди женщинъ, А. «одна обращала на себя особенное вниманіе». «Не хороша собой, но лицо, однако-жъ, привлекательное». «На пей было широкое и длинное шелковое голубое платьѣ, надѣтое какъ-то на плечо, въ родѣ цыганской шали, бѣлые, чистые шаровары; прекрасная, маленькая, но не до уродливости, нога» была обута «по-европейски». А. «сидѣла на станкѣ пушки, бойко глядѣла вокругъ и безпрестанно кокетничала ногой, выставляя ее на показъ». «Была бойкая женщина и говорила по-англійски почти какъ англичанка». Жила три года въ С.-Франциско и возвращалась обратно изъ Гонгъ-Конга, на вербовавъ «женщинъ для какого-то магазина. На кораблѣ держалась какъ старшая. «въ родѣ начальницы».

Авоныа («Ф р е г. П а л.»).—Тунгузъ-охотникъ. «Бьетъ лосей и медвѣдей изъ ружья» съ кремнемъ, которое сдѣлалъ чуть не самъ, или, можетъ быть, вымѣнялъ въ старицу у китобоевъ, и которое безпрестанно распадается», такъ что его чинять «всякій разъ», какъ А. «возвращается съ охоты. Когда же ему дали «хорошее двуствольное ружье съ пистономъ», «онъ пошелъ въ лѣсъ и скоро воротился»: «Что-жъ ты?» спрашиваютъ.—«Возьмите, говорить, ружье: не умѣю изъ него стрѣлять». Когда того же А. спросили, чего онъ хочетъ «за труды — «денегъ?»—«Нѣтъ», былъ отвѣтъ.—«Ну, коленикуру, холста?» «Нѣтъ».—«Чего же?»—«Бутылочку». За «бутылочку» обѣщавъ принести «медвѣжьихъ шкуръ» и всегда норовилъ придти къ тому времени, когда командѣ раздавали «вино». Кто-нибудь поднесетъ и ему: онъ выпьетъ и не благодаритъ вышивши, не скажетъ ни слова, оборотится и уйдетъ». Доходилъ «въ своихъ охотничьихъ подвигахъ, черезъ лѣса и рѣки, и до китайскихъ и до нашихъ владѣній»; говорилъ «понемногу на всѣхъ языкахъ, больше смѣсю всѣхъ. между прочимъ, и парфчійми дикихъ».

Аянова, Ольга Ивановна-Олинька («О б р ы в ь»).—Дѣвочка, двѣнадцати лѣтъ. «Воспитывалась въ институтѣ на казенный счетъ».—«Олинька моя хорошеетъ», пишетъ о ней отецъ Райскому, «преуспѣваетъ въ благочестіи, благонравіи и наукахъ, институтскому начальству покорна, къ отцу почтительна и всякій четвергъ спрашиваетъ, скоро ли пріѣдетъ другой баловникъ, Райскій, поправлять ея рисунки и совать ей въ другую руку другую сверхштатную коробку конфетъ».

Аяновъ, Иванъ Ивановичъ («О б р ы в ь»).—«Статскій совѣтникъ; ему «около сорока пяти лѣтъ». «Смугло-желтоватый цвѣтъ лица, красно подстриженные, съ сильною просѣдою, волосы на головѣ и бакенбарды», «смышленный взглядъ, пеглыя губы». «Лицо отличается спокойствіемъ или скорѣе равнодушнымъ ожиданіемъ ко всему, что можетъ около него происходить». «На лицѣ его можно прочесть покойную увѣренность въ себя и пониманіе другихъ, выглядывавшее изъ глазъ». «Движенія» А. «умѣренны»; «рѣчь сдержанна». «Костюмъ безукоризненъ».—Вдовецъ; имѣетъ двѣнадцатилѣтнюю дочь. «Строевую службу (чиновника) прошелъ хорошо, протерши лямку около пятнадцати лѣтъ въ канцеляріяхъ; въ должностяхъ исполнителя чужихъ проектовъ. Онъ тонко угадывалъ мысль начальника, раздѣлялъ его взглядъ на дѣло и ловко излагалъ на бумагѣ разные проекты. Мѣнялся пачальникъ, а съ нимъ, и взглядъ, и проектъ: А. работалъ такъ же умно и ловко и съ новымъ начальникомъ, надъ новымъ проектомъ, и докладъ-

ныя записки его нравились всѣмъ министрамъ, при которыхъ онъ служилъ. Теперь онъ состоялъ при одномъ изъ нихъ по особымъ порученіямъ. По утрамъ являлся къ нему въ кабинетъ, потомъ къ женѣ его въ гостиную и, дѣйствительно, исполнялъ нѣкоторыя ея порученія; «чаще всего встрѣчаешь его въ большій части гостиныхъ, утромъ—съ визитами, на вечерахъ, на послѣднихъ всегда за картами». «По вечерамъ въ положенные дни онъ непременно составлялъ партію (у министра, «его сіятельства, моего партнера и милостивца»), съ кѣмъ попросить». «У него былъ довольно крупный чинъ и окладъ—и никакого дѣла». «Въ душѣ А. не было никакого мрака, никакихъ тайнъ, ничего загадочнаго впереди и сами макбетовскія вѣдьмы затруднились бы оболстать его какимъ-нибудь болѣе блестящимъ жребіемъ или отнять у него то, къ которому онъ шествовалъ такъ сознательно и достойно: повыситься изъ статскихъ въ дѣйствительные статскіе и подъ конецъ за долговременную и полезную службу и «пеусыпные труды», какъ по службѣ, такъ и въ картахъ—въ тайные совѣтники и бросить якорь въ портѣ, въ какой-нибудь нетлѣнной комиссіи или въ комитетѣ, съ сохраненіемъ окладовъ,—а тамъ волнуйся себѣ человѣческой океанъ, мѣняйся вѣкъ, лети въ пучину судьба народовъ, царствъ,—все пролетитъ мимо него, пока апоплексическій или другой ударъ не остановитъ теченіе его жизни».—Райскому онъ совѣтуетъ тоже «заняться дѣломъ». «Трудъ—вотъ одно лѣкарство отъ пустоты: дѣло!» сказалъ А. внушительно. «Какое дѣло, скажи, пожалуйста: это любовно! «Какъ какое?—Служи». Когда Райскій сказалъ, что ему пришла серьезная мысль—писать романъ, то А. засмѣялся. «Серьезная мысль!—повторилъ онъ:—«Ты говоришь «о романѣ, какъ о серьезномъ дѣлѣ!»—На вопросъ Р., почему онъ самъ не попробуетъ писать романъ, А. отвѣчаетъ:—«У меня есть, что писать. Я дѣло пишу...»—Опять ты хвастаешься «дѣломъ!» Я думаю, если ты перестанешь писать—вотъ тогда и будетъ дѣло,—замѣчаетъ Р.—«А романъ твой дасть мнѣ окладъ въ нѣтъ тысячъ, да квартиру съ отопленіемъ, да чинъ, да?»—возражаетъ А.—«И ты, не стыдишься говорить это!»—возражаетъ Райскій. Когда мы очеловѣчимся?—«Я сталъ очеловѣчиваться», отвѣтилъ А., съ тѣхъ поръ, какъ началъ получать по двѣ тысячи и теперь понимаю, что вопросы о гуманности неразрывны съ экономическими».—По словамъ Райскаго, А. «храбрится этимъ циническимъ эгоизмомъ».

А.—«такъ себѣ: ни характеръ, ни безхарактерность, ни знаніе, ни невѣжество, ни убѣжденіе, ни скептицизмъ». «Незнаніе или отсутствіе убѣжденія облечено у него въ форму какого-то легкаго, поверхностнаго всеотрицанія: онъ относился ко всему небрежно, ни передъ чѣмъ искренно не склонялся, ничему глубоко не вѣря и ни къ чему особенно не пристращался. Немного насмѣшливъ, скептически, равнодушенъ и ровенъ въ сношеніяхъ со всѣми, не дая никого постоянной и глубокой дружбой, но и не преслѣдуя никого настойчивой враждой». «Пожилъ человекъ, знаетъ жизнь и людей», «скажетъ о немъ наблюдатель и если не отнесетъ его къ разряду особенныхъ, высшихъ натуръ, то еще менѣе къ разряду наивныхъ». А. говорилъ просто, свободно переходя отъ предмета къ предмету, всегда зная обо всемъ, что дѣлается въ мірѣ, въ свѣтѣ, въ городѣ; слѣдилъ за подробностями войны, если была война, узнавалъ равнодушно о перемѣнѣ англійскаго или французскаго министерства, читалъ послѣдную рѣчь въ парламентѣ и во французской палатѣ депутатовъ, всегда зная о новой пьесѣ и о тамъ, кого зарѣзали ночью на Выборгской Сторонѣ. Зналъ генеологию, состояніе дѣлъ и имѣній и скандальную хроніку каждаго большого дома столицы; зная всякую минуту, что дѣлается въ администраціи, о перемѣнахъ, о повышеніяхъ, наградахъ,—зналъ и сілетки городскія: словомъ, зная хорошо свой міръ».—Ему интересно и извѣстно, что «Кокко женился наконецъ на своей Eudoxie»: что «горбуна сбился за границу съ его вѣдьмой»; что «па его мѣсто прочать въ министры князя И. В., а товарищемъ И. Б., что П. П. проигралъ 70.000», а X—е уѣхали за границу и т. п.; когда пропала слухи, что Бѣловодова сдѣлала «un faux pas, А. усердно «сталъ добиваться, какой именно». Не получая отвѣта, онъ началъ

ужь самъ сочинять ихъ (С. Н. и Милари) романъ: думалъ, не застали ли ихъ гдѣ-нибудь уединенно гуляющихъ». «Какая это chose?»—спрашивалъ онъ на ухо и вслухъ того, другого. «И, не получая опредѣленнаго отвѣта, самъ сталъ шепталь, когда рѣчь зайдетъ о ней (о Софьѣ Николаевнѣ).—«Oui!—говорилъ А.—«elle a poussé la chose trop loin sans se rendre compte. Elle a fait un faux pas»...¹⁾, и пожималъ «значительно плечами, когда спросятъ, какой разъ». «Наконецъ, пишетъ онъ Райскому, я добился, что къ прежнему облачку, къ этому некому мною», т. е. que Sophie a poussé la chose trop loin, прибавился, наконецъ и фактъ». «За мною ходить, видя, что я знаю кое-что. К. Р. и жена два раза звали обѣдать, а М. поднаиваетъ меня въ клубѣ, не проговорюсь-ли. Мнѣ это весело и я молчу». Вечера А. кончалъ всегда картами въ англійскомъ клубѣ или у знакомыхъ, а знакомы ему были все». «Въ карты онъ игралъ безъ ошибки» и «обыгрывалъ почти всегда», хотя и «имѣлъ репутацію пріятнаго игрока, потому что былъ снисходителенъ къ ошибкамъ другихъ, никогда не сердился, а глядѣлъ на ошибку съ такимъ же приличіемъ, какъ на отличный ходъ. Потомъ онъ игралъ и по большой, и по маленькой, и съ крупными игроками, и съ капризными дамами». По его словамъ, онъ играетъ «для удовольствія»: «у меня никакихъ расчетовъ нѣтъ».—«Какой-то англичанинъ», по словамъ А., «вывелъ комбинацію, что одна и та же сдача картъ можетъ повториться лѣтъ въ тысячу только... А шансы? А характеры игроковъ, манера каждаго, ошибки? Нѣтъ, въ картахъ не одно и то же».—«Не все равно играть, что тамъ (у тетокъ Бѣловодовой), что у Излевыхъ?»—«Оно правда»,—признается А. Райскому,—«совѣстно немного обыгрывать старухъ: Анна Васильевна бьетъ карты своего партнёра со слѣпа, а Надежда Васильевна вслухъ говоритъ, съ чего пойдетъ».—«Ну, что ты сдѣлалъ?» спросилъ Райскій А.—ва, когда они вышли отъ «тетушекъ».—«Сорокъ пять рублей выигралъ».—Онъ «игралъ» съ ними въ карты «два раза въ недѣлю». Лѣтомъ поселился «неподалеку» отъ ихъ дачи на «Каменномъ островѣ». Когда пріемы у старушекъ прекратились и онъ желалъ узнать: почему? Что собственно произошло?—то, толкнулся въ «клубъ, къ Петру Ивановичу», тотъ уже издали, изъ-за газетъ, лукаво выглянулъ на него и улыбался: «знаю, знаю, зачѣмъ! Что, дверь захлопнулась, оброкъ прекратился?» «Страсти», по мнѣнію А. «мѣшаютъ жить». «Софья Николаевна красавица, да еще и богатая невѣста,—говоритъ онъ въ отвѣтъ на признанія Райскаго объ увлеченіи Бѣловодовой. — «Женись и конецъ всему».—«Если не женишься, такъ не зачѣмъ и ходить».—«Какое жалкое лѣкарство ты выбралъ отъ скуки—переливать изъ пустого въ порожнее съ женщиною, каждый день одно и то же». «Донъ-жуанизмъ» Райскаго А. сравниваетъ съ особенностью своего помощника («въ отдѣленіи»: «тотъ ни одной чиновницѣ, ни одной горничной проходу не даетъ, т. е. красной, конечно. Всемъ говоритъ любезности, подносить конфеты, букеты».—«Самъ А., «устроивъ свои дѣлишки, вель покойную и беззаботную жизнь стараго холостяка». «Я блистаю спокойствіемъ и наслаждаюсь этимъ», говоритъ онъ о себѣ».—«Одно только нарушало его спокойствіе—это «закрытый» геморрой отъ сидячей жизни. Въ перспективѣ представлялось для него тревожное событіе—прервать эту жизнь и побывать на водахъ».—«Новостей много»—пишетъ онъ Райскому.—«Поздравь меня: геморрой, наконецъ у меня открылся! Мы съ докторомъ такъ обрадовались, что бросились другъ другу въ объятія и чуть не зарыдали оба. Понимаешь ли ты важность этого исхода? На воды не надо ѣхать». «Родился, учился, выросъ и дожилъ до старости въ Петербургѣ, не выѣзжая далѣе Лахты и Ораніенбаума». «Онъ равнодушно смотрѣлъ сорокъ лѣтъ сряду, какъ съ каждой весной, отплывали заграницу биткомъ-набитые пароходы, уѣзжали внутрь Россіи длинѣнскіе, влослѣдствіи вагоны, — какъ двигались толпы людей съ навѣннымъ строеніемъ дышать другимъ воздухомъ, освѣжаться, искать впечатлѣній и развлеченій. Никогда не чувствовалъ онъ подобной потребности, да и въ дру-

1) Переводъ см. въ концѣ книги: «Дополненія».

гихъ не признавалъ ея, а глядѣлъ на нихъ, на этихъ другихъ, покойно, равнодушно, съ весьма приличнымъ выраженіемъ въ лицѣ и взглядомъ, говорившимъ: «Пусть-де ихъ себѣ, а я не поѣду». «Чего лучше этого воздуха» — сказалъ Райскому А., «съ удовольствіемъ нюхнувъ воздухъ» «одной изъ большихъ улицъ Петербурга», — «мокраго, вѣчно юнаго Петербурга» — какъ писалъ онъ Райскому. А. — представитель большинства уроженцевъ универсальнаго Петербурга и вмѣстѣ то, что называется свѣтскимъ человѣкомъ. Онъ принадлежалъ Петербургу и свѣту и его трудно было бы представить себѣ гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ, кромѣ Петербурга, и въ другой сферѣ, кромѣ свѣта, т. е. извѣстнаго высшего слоя петербургскаго населенія. «Въ немъ отражались, какъ солнце въ камнѣ, весь петербургскій міръ, вся петербургская практичность, нравы, тонъ, природа, служба, — эта вторая петербургская природа и болѣе ничего». «На всякую другую жизнь у него не было никакого взгляда, никакихъ понятій кромѣ тѣхъ, какія даютъ свои и иностранныя газеты. Петербургскія страсти, петербургскій взглядъ, петербургскій годовою обиходъ пороковъ и добродѣтелей, мыслей, дѣлъ, и политики, и даже, пожалуй, поэзій, — вотъ гдѣ вращалась жизнь его и онъ не порывался изъ этого круга, находи въ немъ полное до роскоши удовлетвореніе своей натурѣ».

Критика: 1) А. — «прямая противоположность Райскому»; это, собственно говоря, тотъ же дядюшка Петръ Ивановичъ, «дѣловая обломовщина» по выраженію О. Миллера («Русск. пис. послѣ Гоголя». II, 24). 2) Ср. Урановъ и Кальяновъ.

Б.

Б. («Фрег. Пал.»). — См. въ «Спискѣ» — Болтинъ.

Б. П. («Обрывъ»). — См. П. Б.

Б. Ш. («Фрег. Пал.»). — См. въ «Спискѣ» — Шлиценбахъ, баронъ.

Б-инь («Фрег. Пал.»). — См. въ «Спискѣ» — Болтинъ.

Б. К. («Фрег. Пал.»). — См. въ «Спискѣ» — Крюднеръ, баронъ.

Баба-Городзаймонъ («Фрег. Пал.»). — Баниось; «рыбодатый, съ умнымъ лицомъ», «съ выдавшеюся верхнею челюстью и большими зубами, похожими на клыки». «Былъ, повидимому, очень добръ, живъ, общителенъ». Посѣтивъ вторично фрегатъ, совершенно «освоился», шутилъ, «звалъ» моряковъ по именамъ, спрашивалъ названія всего, что попадалось ему въ глаза, и записывалъ. «У него преприятная манера говорить: онъ говоритъ какъ женщина, такъ что, самые его отказы и противорѣчія смягчены этимъ тихимъ ласковымъ голосомъ». При сѣздѣ съ корабля, окликнулъ Гончарова и схватилъ за руку. — «А», «Баба, Adieu!» — «Adieu!» повторялъ и онъ. Былъ отосланъ въ Едо съ письмомъ адмирала.

Бабушка («Обрывъ»). — См. Татьяна Марковна.

Бабушка («Обломовъ»). — Жила въ домѣ Пшеницыной. По словамъ Анисьи, съ Б. «говорить нельзя»: она кашляетъ да и на ухо крѣпка. По словамъ Агафьи Матвѣевны, «больная, еле ходитъ, и то въ церковь только: прежде на рынокъ ходила съ Акулиной, а теперь съ Николя перестала: ноги стали отекаютъ и въ церкви-то все больше сидитъ на ступенькѣ».

Базиліо-донъ («Фрег. Пал.»). — Иезуитъ изъ предмѣстья Манилы «въ черной рясѣ, въ черной шляпѣ, съ длинными-предлинными полями».

Vasil, M-me («Обрывъ»). — Уп. л. Знакомая С. Н. Бѣловодовой.

Баланинь («Обрывъ»). — Уп. л. «Ни одна умная дѣвушка не пойдетъ за него, а заглядѣе! Не зѣвай, и онъ будетъ счастливъ.. «Богъ дурака повала кормить», — найдеть дуру съ богатствомъ», отзывается Бережкова о Б.

Баниосы («Фрег. Пал.») или гокейнсы. — Старшіе въ японскомъ городѣ, послѣ губернатора и секретарей его, лица. См. Баба-Городзай, Ойе-Саброскя, Самбро и Хагнвари-Матаса.

Бавиось («Фрег. Пал.»).—Напоминалъ какую-нибудь безусловно-добрую тетку, няньку, или другую жепщину-баловницу, отъ которой ума и наставлений не жди, за-то варенья, конфетъ и потворства—сколько хочешь». Смотрѣлъ «очень ласково» «своимъ довольно тупымъ, простымъ взглядомъ».

Баронъ В. («Литер. в. еч.»).—Одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа Бибикова, соперникъ графа, «какъ шекспировскій Яго», искавшій случая мстить ему». [Въ романѣ Валугева «Лоринъ—баронъ Рингшталь», см. Перечень: «Литер. вечеръ» и «Списокъ»: Валугевъ].

Барыня («Фрег. Пал.»).—Англичанка. «Толстая-претолстая». «лѣтъ сорока пяти, съ большими, темными, медленно мигающими глазами, которые она поминутно обращала на капитана» (за обѣдомъ въ телѣтъ Mrs Вельчъ). «Она крѣпко была затянута въ корсетъ. Платье сидѣло на ней въ обтяжку, и обнаживало круглыя, массивныя плечи, руки и прочее, чѣмъ такъ щедро одарила ее природа. К у ш а л а она очень мало и чуть-чуть кончикомъ губъ брала въ ротъ маленькіе кусочки мяса, или зелень».

Барышня («Народинѣ»).—Попутчица Гончарова отъ Москвы до Казани, сосѣдка по «дилижансу». ѣхала на уральскіе заводы какой-то смотрительницей и «все охала о предстоящемъ ей еще впереди длинномъ пути. Она болала разбойниковъ и грозы, или «грожи», по ея выговору». Стонала она и отъ жара и отъ тѣсноты.

Бебиновъ («Литер. в. еч.»).—«Членъ одного совѣта» и предѣдатель коммисіи по разнымъ преобразованіямъ», авторъ нѣсколькихъ «статей по финансовымъ и политико-экономическимъ предметамъ», «опыта дипломатическихъ мемуаровъ и того романа, который собрались слушать приглашенные въ домъ Уранова. Прежде занималъ дипломатическій постъ на югѣ Европы и провелъ молодые лѣта заграницею». По признанію Б. его романъ представляетъ «опытъ пера». «плодъ досуга»; онъ самъ «не ищетъ авторскихъ лавровъ», и ему поздно становиться въ положеніе начинающаго, но ему «давно хотѣлось высказать нѣсколько идей, наблюденій, опытовъ и взглядовъ на нашу общественную жизнь».—См.—«Прототипы».

Бень («Фрег. Пал.»).—Англичанинъ. «Замѣчательный человекъ» въ Капской колоніи, гдѣ жилъ «съ раннихъ лѣтъ». «Высокій, плотный, мужнина съ просѣдою»; «сложенъ плотно и сильно»; «шагаетъ крупно и твердо, какъ слонъ, въ гору-ли, подъ гору-ли все равно. Ѣсть много, какъ рабочій, пьетъ еще больше; съ лица красноватъ и лысъ». «Гражданскій инженеръ» и завѣдующій цѣлымъ округомъ; геологъ и естественныиспытатель. Любимымъ его занятіемъ была геологія: «вторая специальность Б.—открытие и описаніе ископаемыхъ животныхъ колоніи»; «третья и главная специальность его—прокладываніе дорогъ». «Если-бъ онъ не былъ гражданскій инженеръ и геологъ, то, конечно, былъ бы африканскій Рубини: у него изумительный фальцетто»; «отъ ученыхъ разговоровъ легко переходитъ къ шуткѣ». «Для геологическихъ изслѣдованій, частью изъ страсти къ путешествіямъ и приключеніямъ», «четыре раза» ходилъ за крайніе предѣлы колоніи». Составилъ «великолѣпную карту», надъ которой работалъ около пятнадцати лѣтъ и прорубилъ «по окраинамъ скалъ» дороги.

Бережнова, Татьяна Марковна («Обрывъ»).—См. Татьяна Марковна.

Беттельгеймъ («Фрег. Пал.»).—Англійскій миссіонеръ на Ликейскихъ островахъ. «Худошавый человекъ, съ еврейской фizioноміей, не съ блѣднымъ, а вывѣтшимъ лицомъ, съ руками похожими немного на птичьи когти; большой говорунъ. Въ немъ не было ничего привлекательнаго, да и въ разговорѣ его, въ тонѣ, въ расказахъ, въ привѣтствіяхъ, была какая-то сухость, скрытность, что-то нерасполагающее въ его пользу». «Восемь лѣтъ прожилъ на Лю-Чу и «отправлялся въ Англію печатать книги св. писанія на ликейскомъ и японскомъ языкахъ. Жену и дѣтей онъ уже отправилъ въ Китай и самъ» долженъ былъ отправиться туда же съ Пеопи (см. въ «Спискѣ»), который обѣщалъ взять его

съ собою, лишь только другой миссіонеръ прїѣдетъ на смѣну». «Говорилъ по-англійски, по-пѣмецки и весьма плохо по-аппузски». О Лю-Чу отзывался, какъ о «прекрасномъ мѣстѣ», но жителей не хвалилъ, называя ихъ «шпіонами, картежниками и пьяницами»; говорилъ, что «они невѣжественны, грязны, грубы». Рассказывалъ о преслѣдованіяхъ католическихъ миссіонеровъ и о томъ какъ лиейцы недавно еще... «поколотили одного миссіонера не католическаго». — «Кого же это?»—«Меня, кротко и скромно отвѣтилъ Б. (но подъ этой скромностью таилось, кажется, не смиреніе)».—Жители, дѣйствительно обнаруживали «знаки нерасположенія» къ Б., и одицъ по-англійски сказалъ про него:—«Bad man, very bad man (дурной, очень дурной человѣкъ)». Однако, по словамъ самого Б., онъ «безпрепятственно проповѣдуетъ лиейцамъ въ ихъ домахъ» и уже «ему удалось нѣсколько человѣкъ крестить». Во всемъ винилъ японцевъ, которые живутъ здѣсь подолгу и поддерживаютъ въ народѣ свою систему отчужденія отъ иностранцевъ, и между прочимъ ненависть къ христіанамъ».

Бонзмъ («Ф р е г. П а л.»).—Губернаторъ пролива (гонъ-конгскій губери.) и полномочный отъ Англии въ Китаѣ. При вступленіи Б. на фрегатъ, «ему были отданы тѣ же почести, какими онъ встрѣтилъ русскаго адмирала на берегу: играла музыка, палили изъ пушекъ».

Борисъ Павлогичъ Райскій («О б р ы в ъ»).—См. Р а й с к і й

Боровиковъ («О б р ы в ъ»).—Ун. л. Сотоварищъ Райскаго по школѣ. «Задрожить, запрыгаетъ и захихикаетъ», когда увидитъ, что Райскаго «ведутъ събѣ».

Боцманъ («Ф р е г. П а л.»).—См. Т е р е н т ь е в ъ.

Бочковы («О б р ы в ъ»).—Ун. л. Трое сыновей Бочкова—«кутилы»; они «все собираютъ мужчинъ къ себѣ по вечерамъ, такихъ же, какъ сами, пьютъ, да въ карты играютъ. А на утро глаза у всѣхъ красные»,—говорить о Б. Мароинька.

Бравинъ («Н а р о д и н ѣ»).—«Предводитель дворянства», «веселый себе-сѣдникъ и юмористъ». Когда-то состоялъ во главѣ отдѣльной массонской ложы, бывшей «въ губернскомъ городѣ» (Симбирскѣ). Онъ «былъ въ перепискѣ съ заграничными массонами и, вѣроятно, былъ не чуждъ не одиѣхъ только всѣмъ открытымъ, благотворительнымъ, но и политическимъ дѣламъ, какія входили въ секретный кругъ дѣятельности» «иностранныхъ и русскихъ массонскихъ ложъ». «Послѣ 14 декабря (1825 г.), Б. отвезли въ Петербургъ», «забравъ всю его переписку. Но важнѣйшая часть его бумагъ, за нѣсколько часовъ до обыска, говорятъ, была брошена въ прудъ въ его саду. Объ обыскѣ предупредилъ его полиціймейстеръ, его прїятель, и тѣмъ спасъ Б.». Въ Петербургѣ Б. продержали «около полугода, потомъ спустили». По словамъ Якубова, Б. «воротился весь синій, даже почернѣлъ: его, слышно, подвергли тамъ секретно тѣлесному наказанію». Нануганный Б. «иринникъ, притихъ и быстро превратился въ ультрашовиниста, надѣлъ маску», «при всякомъ случаѣ, когда нужно и не нужно», заявляя «о своей преданности престолу и отечеству»; попилъ себѣ мундиръ и хвастался тѣмъ, что «брильянты отъ пожалованнаго ему, уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ 14-го декабря, перстня онъ раздѣлилъ между нѣсколькими своими дочерьми, чтобъ у каждой осталось воспоминаніе» о «милости». [Ср. въ «Спискѣ» — Б а р а т а е в ъ, кн.].

Бурдалахова, Сенкетей («О б р ы в ъ»).—Дьячиха, у которой жилъ Маркъ Волоховъ.

Бурминъ («И. С. П о д ж а б р и н ѣ»).—Ун. л. Знакомый Поджабринъ.

Буфетчикъ («Ф р е г. П а л.»).—Б. гостиницы въ Шанхаѣ, съ темно-коричневымъ лицомъ, «въ бѣлой чалмѣ, и съ зубами еще бѣлѣе», раздавалъ гостямъ кушанья, китайскимъ мальчишкамъ щелчки. Выдавалъ себя за бывшаго «купца» изъ Сингапура, хотя на самомъ дѣлѣ «онъ тамъ ѣздилъ съ маленькой каретой». Пронелъ цѣлую улицу рядомъ съ Гончаровымъ. «прося запомнить номеръ его кареты и не брать другой».

Бушковъ, Егоръ Петровичъ («Ф р е г. П а л.»). — Ямщикъ. «Мѣщанинъ, имѣющій четыре лошади и занимающійся ямщикомъ у подрядчика-якута», съ которымъ «жилъ въ одной юртѣ». «Обьякутился» такъ, что дѣти Б. «совсѣмъ по-русски не говорятъ». Боялся «краснаго звѣря». На вопросъ:—«А что тебѣ «красный звѣрь» сдѣлаетъ?» отвѣтилъ:—«Какъ что? По бревнышку всю юрту разноситъ».—«А развѣ разносилъ у кого-нибудь?» — «Никакъ нѣтъ, не слыхать».—«Да ты видывалъ краснаго звѣря тутъ близко?»—«Никакъ нѣтъ. Богъ милуеалъ».

Брагинъ, Андрей Тихоновичъ («М а й м ѣ с. в ѣ П е т е р б.»).—Чиновникъ, служившій по особымъ порученіямъ при одномъ директорѣ. Съ вечера, послѣ чинша, либеральничалъ напропалую и бранилъ свое начальство, а утромъ являлся къ директору почтительнымъ чиновникомъ. Вечеромъ бранился, что, тогда «какъ дѣло то все въ трехстахъ рубляхъ», «посылаютъ офицера и даютъ ему прогоны и суточные по чину».—«Чѣмъ бы отдыхать у себя дома, надо поздравлять начальство! И выходитъ суета суетъ!» Получивъ «извѣщеніе отъ экзекутора объ отъѣздѣ за границу директора и его жены», зарычалъ какъ бульдогъ».—«Тутъ занимаешься дѣломъ, вдругъ, изволь, провожатъ директора на станцію». Въ отвѣтъ на замѣчаніе Юхнова («Вы опять, Андрей Тихоновичъ, на начальство роптать!») «язвительно замѣтилъ: — «Что не цорвалось вамъ? По-вашему молчи! Ха-ха-ха!» Явившись на вокзалъ провожатъ уѣзжавшаго за-границу директора, «больше всѣхъ юлилъ», подавая свой букетъ директоршѣ и цѣлуя ей руку»; «директору отвѣшивалъ глубокіе поклоны». На вопросъ директора объ интересующемъ его дѣлѣ (о томъ трехсотрублевомъ дѣлѣ, на которое требуется командировка офицера), отвѣчалъ:—«Какъ-же ваше превосходительство, оно у меня Лязгину назначено двѣсти рублей на командировку да прогонные по чину. Бумага у меня готова». Своему пріятелю, экзекутору, признался послѣ, что «бумаги еще не готовы, хотя» онъ «и сказалъ директору «что написалъ ихъ».

Бѣловодова, Софья Николаевна («О б р ы в ѣ»).—«Кузина» Райскаго. «Изъ стариннаго богатаго дома Пахотинныхъ». «На двадцать пятую году» «вдова, послѣ недолгаго замужества съ Бѣловодовымъ, который служилъ по дипломатической части».—У нея «возвышенный» «лобъ, молочной бѣлизны»; «волосы темные, почти черные и густая коса, едва сдерживаемая большими булавками на затылкѣ». «Нѣсколько крупныя, благородныя черты лица», на которыхъ лежитъ «печать чистосердечія», «большіе сѣро-голубые глаза, полные равнаго немерцающаго горѣнія, «съ открытымъ, невиннымъ, какъ у дѣвушки, взглядомъ». «Цвѣтъ лица, плечъ, рукъ»...«цѣльный, свѣжій цвѣтъ, блистающій здоровьемъ, ничѣмъ не тронутымъ,—ни болѣзнью, ни бѣдами». ...«Гордая шея и спящая сномъ покоя высокая пышная грудь»; «плечи и грудь поражали своей пышностью».—Видъ у нея «стройный, величавый».—«Всегда олимпійское спокойствіе». «Тщина, достоинство, мягкость и увѣренность въ каждомъ мѣрномъ движеніи».—Женщина «дѣйствительно прекрасная собою», обладающая «поразительною красотою». «Когда я въ первый разъ пріѣхала на балъ въ Тюльери»,—передавала сама С. Н.—и вошла въ кругъ, гдѣ были король, королева и принцы...»—«Всѣ ахнули?»—спросилъ Райскій. «Она кивнула головой». У нея было много «искателей»: «то посланникъ являлся чаще другихъ въ домъ, то недавно отличившійся генералъ, а однажды серьезно поговаривали объ одномъ старикѣ, иностранцѣ, потомкѣ королевскаго угасшаго рода».—«Одѣвалась она просто, если разглядѣть подробно все, что на пей было надѣто, но казалась великолѣпно одѣтой. И матерія платья какъ будто особенная, и ботинки не такъ сидятъ на ней, какъ на другихъ».—Платье она обыкновенно носила «шумящее, нестигающееся» («негнущіяся латы платья»); «массивный браслетъ», и «крестикъ, правильно и покойно лежащій на груди». (Воспитаніе С. Н. см. Пахотина-таман). Когда мнѣ было лѣтъ семь,—говоритъ С. Н.,—за мной, помню, ходила нѣмка Маргарита: она причисывала и одѣвала меня, потомъ будили миссъ Дредсонъ и вели къ таман... Послѣ завтрака меня водили гулять или, въ дурную погоду, ѣздили въ

коляскѣ... Я не шалила: миссъ Дредсонъ пла. рядомъ и дальше трехъ шаговъ отъ себя не отпускала... «Послѣ обѣда мнѣ позволяли въ большомъ залѣ играть въ мячикъ, прыгать черезъ веревочку, но тихонько, чтобъ не разбить зеркалъ и не топтать ногами. Маман не любила, когда у меня раскраснѣются щеки и уши, и потому мнѣ не вѣдно было слишкомъ бѣгать. Еще увѣряли, что будто я... она засмѣялась:—языкъ показываю, когда рисую и пишу и даже танцую—и оттого «pas de grimacés»—раздавалось чаще всего». Въ домѣ «вздвигъ танцмейстеръ и училъ: *chasse en avant, chassé à gauche, ten z vous dro t, p s de grimacés*. Еще учили: «histoire, de geographie, calligraphie, l'orthographie, еще по русски»...

«Всѣ уроки» С. Н. «учила одинаково, т. е. всѣ дурно. Въ исторіи знала только двѣнадцатый годъ, потому что «mon oncle, prince Serge, служилъ въ то время и дѣлалъ кампанію. онъ разсказывалъ часто о немъ; она помнила, что была Екатерина II, еще революціи, отъ которой бѣжалъ m-r de-Querney, а остальное все ...тамъ эти войны, греческія, римскія, что-то про Фридриха Великаго»—«все это у меня путалось. Но по-русски у m-r Ельинна я выучивала почти все, чтб онъ задавалъ».—Въ шестнадцать лѣтъ С. Н. «дали особія комнаты и поселили съ ней» «ma tante Анну Васильевну», «а миссъ Дредсонъ уѣхала въ Англію». С. Н. оставили французскаго профессора и учителя по-русски, потому что тогда въ свѣтѣ заговорили, что надо знать по-русски почти такъ же хорошо, какъ по-французски».—М-г Ельиннъ «читалъ» съ С. Н., «приносилъ ей книги».—«Какія же книги?» спрашиваетъ Райскій.—«Я теперь забыла». М-г Ельиннъ «заставлялъ и С. Н. сочинять, но маман вѣдѣла сочинять больше по-французски».—«Въ свѣтѣ знали, что я люблю музыку, говорили, что я буду первоклассная артистка. Прежде маман хотѣла взять Гензельга, но услышавши это, отдумала». Когда С. Н. «была еще дѣвочкой» (но ее «уже вывозили»), то «и у нея были и слезы, и трепеть, и краска» «et tout ce que vous aimez tant»,—была одна «глупость»—увлеченіе. Она «привыкла», къ Ельинну, учителю русскаго языка, «и, когда онъ манкировалъ», ей было досадно, а когда «однажды онъ заболѣлъ и педѣли три не приходилъ, ей «было жаль его», и она «даже просила напѣ послать узнать объ его здоровьѣ».—«Когда напѣ привезъ его въ первый разъ послѣ болѣзни, онъ былъ блѣденъ, молчаливъ... Глаза такіе томные... Мнѣ стало очень жаль его и я спросила за столомъ, чѣмъ онъ былъ боленъ?.. Онъ взглянулъ на меня съ благодарностью, почти пѣжно... Но маман, послѣ обѣда, отвела меня въ сторону и сказала, что это ни на что не похоже».—«Мнѣ стало стыдно, я ушла и плакала въ своей комнатѣ, потому ужъ никогда ни о чемъ его не спрашивала».—Иногда Ельиннъ, по словамъ С. Н., «смотрѣлъ очень странно на нее,—такъ, «какъ вы иногда смотрите»,—говоритъ она Райскому... «или сядетъ такъ близко, что испугаетъ меня. Но мнѣ не было... досадно на него... Я привыкла къ этимъ странностямъ; онъ разъ положилъ свою руку на мою: мнѣ было очень неловко. Но онъ не замѣчалъ самъ, чтб дѣлаетъ—и я не отняла руки. Даже однажды... когда онъ не пришелъ на музыку, на другой день я встрѣтила его очень холодно». «Мнѣ», какъ глупой дѣвочки, было весело смотрѣть, какъ онъ вдругъ робѣлъ, боялся взглянуть на меня, а иногда, напротивъ, долго глядѣлъ,—иногда даже поблѣднѣеть».—«Можетъ быть, призвается Б., я немного кокетничала съ нимъ, по-дѣтски, конечно, отъ скуки»... Ко дню своихъ именинъ С. Н. «разучивала сонату Бетховена, ту, которую онъ восхищался»...—«Я ждала этого вечера съ нетерпѣніемъ, потому что Ельиннъ не зналъ, что я разучиваю ее для...»—На именинахъ «только я сыграла интродукцію, какъ вижу въ зеркалѣ—Ельиннъ стоитъ позади меня... Мнѣ потомъ сказали, что будто я вспыхнула»... «Я играла, играла...»—«съ воодушевленіемъ, горячо, со страстью»... под-сказывалъ Райскій».—«Я думаю—да, потому что сначала всѣ слушали молча, цкто не говорилъ банальныхъ похвалъ: «charmant, brawo», а когда кончила— всѣ закричали въ одинъ голосъ, окружили меня... Но я не обратила на это вниманія, не слыхала поздравленій». я обернулась, только лишь кончила, къ нему...

Она протянула мнѣ руку и я... Я протянула ему тоже руку и опять... пожаль ее!.. И кажется, мы оба покраснѣли...—Въ результатѣ судъ домашняго «ареонага». — «Позвольте васъ спросить, кто вы и что вы?»—тихо спросила мама.—«Ваша дочь», чуть-чуть внятно отвѣтила я. «Не похоже. Какъ вы ведете себя?» —«Я молчала: отвѣчать было нечего...»—П у а donc du sentiment là dedans?, спросила мама. —«Вотъ, послушайте,—обратилась она къ папѣ... какъ вамъ нравится это признаніе?» Въ концѣ концовъ, С. Н. «сдѣлалось дурно». Затѣмъ она «двѣ недѣли не видала» маму.—«Потомъ, когда увидѣлись, я плакала, просила прощенья... Я просила простить и забыть эту глупость и дала слово впередъ держать себя прилично».

Райскій называетъ Б. «жертвой хорошаго тона, рода и приличій». По его словамъ, воспитаніе Б.—«систематическое умерщвленіе свободы духа, свободы ума, свободы сердца».

Въ двадцать пять лѣтъ С. Н. была «прекрасно воспитанная» женщина, «образецъ достоинства строгихъ понятій», «comme il faut», доходящая иногда до «высокаго sublime».—По мнѣнію Райскаго, «въ ней нѣтъ ничего» «живого, подвижнаго, требующаго жизни и отзывающагося на нее... ничего, хоть шаромъ покати! Даже нѣтъ апатіи, скуки, чтобъ можно было сказать: была жизнь и убита—ничего! Сіяетъ и блеститъ, ничего не проситъ и ничего не отдаетъ».—«Ни въ одной чертѣ не было никакой тревоги, желанія, порыва». «Напрасно (Райскій), слыша раздражающій вопль на сценѣ, быстро глядѣлъ на нее—что она? Она смотрѣла на это безъ томительнаго, помутившаго всю публику напряженія, безъ павнаго состраданія. И карикатура на жизнь, комическая сцена, вызвавшая всеобщій продолжительный хохотъ, вызвала у ней только легкую улыбку и молчаливый, обмѣненный съ бывшей съ ней въ ложѣ женщиной, взглядъ». «Въ семействѣ тетки и близкіе старики и старухи часто при ней гадали ей, въ томъ или другомъ искателѣ,—мужа». Шла ли рѣчь о посланникѣ, о генералѣ, о «старикѣ-иностранцѣ, потомкѣ королевскаго угасшаго рода»,—«она молчитъ и смотритъ беззаботно, какъ будто дѣло идетъ не о ней». «Напрасно» Райскій старался все время «настойчивымъ взглядомъ прочесть ея мысль, душу, все, что крылось подъ этой оболочкой: кромѣ глубокаго спокойствія она ничего не прочесть». «Женщина она или кукла, живетъ или поддѣлывается подъ жизнь?» Она «безукоризненно чиста» и «порочной быть не можетъ». Взглядъ ея «невипенъ»; на лицѣ—«печать чистосердечія»; «дѣвическое, почти дѣтское, невѣдѣніе жизни». Въ глазахъ теплится будто и чувство; кажется, она не безсердечная женщина, по какое это чувство? Какого-то всеобщаго благоволенія, доброты ко всему на свѣтѣ,—такое чувство, если только это чувство, какимъ свѣтятся глаза у людей сытыхъ, беззаботныхъ, всѣмъ удовлетворенныхъ и не вѣдающихъ горя и нужды». «Покойная, неподвижная оболочка красоты сіяетъ ровно, одинаково». Она «никогда не бросаетъ ни на что быстрого, жаждущаго, огненного, или наконецъ скучнаго утомленнаго взгляда, никогда не обмолвилась нетерпѣливымъ, неосторожнымъ или порывистымъ словомъ». Ее окружаетъ «ореолъ» «холоднаго сіянія», какого-то «олимпійскаго спокойствія». Она—«просто олимпійская богиня». Вокругъ С. Н.—«шелкъ, бархатъ, фарфоръ». У нея «тысячъ семь» въ годъ карманныхъ денегъ». «Десять слугъ не дадутъ ей пожелать и исполняютъ почти ея мысли». «Она «не знаетъ, какъ и откуда является готовый обѣдъ»; «у крылья ждетъ экипажъ и везетъ ее на балъ и въ оперу».—«Вы «живете олимпійскимъ неподвижнымъ блаженствомъ,—говоритъ ей Райскій,—вкушаете нектаръ и амброзію, и благо вамъ!» —«Чего же еще: у меня все есть, — отвѣтила на это С. Н. и ничего мнѣ не надо».—«Вы прекрасная плѣнница въ свѣтскомъ сералѣ»,—говоритъ ей тотъ же Райскій, —«и прозябаете въ своемъ невѣдѣніи».—«Капарейка тоже счастлива въ клѣткѣ и даже поетъ; но она счастлива капареечнымъ, а не чловѣческимъ счастьемъ».—«Жизнь» закрыта отъ Б., по выраженію Райскаго, «портверой ея окна. «Вы про тѣхъ говорите,—спросила она, указывая головой на улицу:—кто тамъ бѣгаетъ, суетится? Но вы сами сказали, что я не понимаю жизни. Да, я не

знаю этихъ людей и не понимаю ихъ жизни. Миѣ дѣла цѣтъ!..» «Олимпійская богиня», она «не удостоиваетъ смертныхъ спизойти до нихъ, взглянуть па ихъ жизнь».—Да она «и не хочетъ мѣнять этого невѣдѣнія па... опасное вѣдѣніе» Райскаго. У нея есть «правила», *les principes*», и «не выходитъ изъ правилъ»,—по ея мнѣнію,—«кажется, это все». Она «покорна своимъ принципамъ». Все что «не нужно—лишнее»; все, что грозитъ «отступленіемъ отъ порядка, отъ формы, отъ правилъ»—не должно быть; даже «цвѣты» въ комнатѣ она собираетъ въ симметрію—иначе войдетъ тетушка Анна Васильевна и, позволивъ, прикажетъ «дѣвущкѣ въ чепцѣ» сдѣлать это. Ея правило—«мудрость предковъ»;—это «правило предковъ», «правила тетушкины, бабушкины, прабабушкины, прадѣдушкины».—«Вонъ, всѣхъ этихъ полипявшихъ господъ и госпожъ въ робропахъ и фижлахъ»,—говоритъ Райскій, указывая на фамиліные портреты. Это «правила хорошаго тона», «приличія» и т. п. Но Б. непонятно, «отчего то, чѣмъ жило такъ много людей и такъ долго, вдругъ нужно мѣнять на другое».—«*Ma tante*» для нея «авторитетъ».—«Обойдитесь хоть однажды безъ *ma tante!*»—воскликаетъ Райскій; когда привозятъ «изъ деревни отъ управляющаго деньги» С. Н.—ѣ, «тетушка десять разъ сочтетъ и спрячетъ къ себѣ,—говоритъ С. Н.—а я, какъ институтка, выпрашиваю свою долю и она выдаетъ миѣ, вы знаете, съ какими наставленіями».

Вышла замужъ С. Н. «очень просто» (см. Бѣловодовъ, *Paule*).—«Я была очень счастлива,—сказала Бѣловодова, и улыбка, и взглядъ говорили, что она съ удовольствіемъ глядитъ въ прошлое: она вспомнила свой успѣхъ при французскомъ дворѣ въ Тюльери (см. выше). «Всѣ ахнули?» (когда она явилась въ первый разъ ко двору), сказалъ Р. «Она кивнула головой, потомъ вздохнула, какъ будто жалѣя, что это прекрасное прошлое невозвратно». «Мы принимали въ Парижѣ; потомъ уѣхали на воды; тамъ мужъ устраивалъ праздники, балы: тогда писали въ газетахъ».—«И вы были счастливы?»—«Да,—сказала она,—«счастлива; я никогда не видала недовольной мины у *Paul*, не слыхала»...—«Нѣжнаго задушевнаго слова, не видали минуты увлеченія?», вставилъ Р.—«Она задумчиво и отрицательно покачала головой.—«Не слыхала отказа въ желаніяхъ, даже въ капризахъ...—добавила она». «Какое вниманіе, *égard*»,—говорила она:—«какое уваженіе въ каждомъ словѣ!..»—«Да, я была счастлива,—рѣшительно сказала она:—и уже такъ счастлива не буду!»—»На портретъ покойнаго мужа она «глядитъ съ кроткой ласкою».—Когда Райскій сказалъ С. Н.—ѣ: «что же вы не спросите меня, кузина, что значить любить, какъ я понимаю любовь?.. Вы не смѣете спросить... Они услышатъ. (Райскій указалъ на портреты предковъ).—Онѣ не велятъ... (Онъ указалъ въ гостиную на тетокъ)».—Нѣтъ, онѣ услышатъ!—сказала она, указывая на портретъ своего мужа во весь ростъ, стоявшей надъ диваномъ, въ готической золоченой рамѣ. По словамъ Райскаго, С. Н. «спитъ» «во блаженномъ успѣніи».—Райскій рѣшилъ «воскресить» ее отъ сна, вызвать «въ жизнь», «въ жизнь страстей», «въ незнакомую для нея сторону».—Онъ рассказываетъ Б., какъ получаютъ «изъ деревни» ея деньги, какъ въ «зной жнетъ беременная баба», какъ «брошенные дома ребятишки» «ползаютъ съ курами и поросятами»... «и жизнь ихъ, если нѣтъ какой-нибудь дряхлой бабушки дома, каждую минуту виситъ на волоскѣ»... «А мужъ бѣтается тутъ же, въ бороздахъ на пашнѣ... чтобы добыть хлѣба, буквально хлѣба, ...и влести въ контору пять или десять рублей), которые потомъ приносятъ вамъ на подноскѣ».. При этомъ разсказѣ, «па лицо Б. легла тѣнь непривычнаго безпокойства и недоумѣнія:—«Чѣмъ же я тутъ виновата и что я могу сдѣлать?—тихо сказала она, смиренно и безъ ироніи».—«Это очень серьезно, что вы миѣ сказали, произнесла она задумчиво».—«Если вы не разбудили меня, то напугали. Я буду дувно спать. Ни тетушки, ни *Paul*, мужъ мой, никогда миѣ не говорили этого—и никто». «Когда-нибудь... мы проведемъ лѣто въ деревнѣ, *cousin*»,—сказала она живѣе обыкновеннаго:—«пріѣзжайте туда и... мы не велимъ пускать ребятишекъ ползать съ собаками—это прежде всего.—Потомъ попросимъ Ивана Петровича (управляющаго)

не посылать... этихъ бабъ работать... Наконецъ, я не буду брать своихъ карманныхъ денегъ... Когда Райскій горячо коснулся и жизни городовъ, С. Н. «нетерпѣливо сказала: *C'est assez, cousin!* Возьмите деньги и дайте туда»... Она указала на улицу». Произвела дѣйствіе и другая попытка Райскаго—попытка пробудить въ ней «страсть». «Она задумчиво слушала» его краснорѣчивую проповѣдь о красотѣ и счастья и «страсти»—«грозы жизни»;—«сомнѣнія, тѣни, воспоминанія проходили по лицу Б.». Райскій сѣлъ близко подлѣ нея: она не замѣчала, погруженная въ задумчивость».—«Вы станете на колѣни,—страстно прильнете губами къ его рукѣ и будете плакать отъ наслажденія...», — закончилъ Райскій свои горячія слова. «Она сѣла на кресло, откинула голову и вздохнула тяжело.—*Je vous demande une grâces, cousin,*—сказала она.—«Требуйте, приказывайте!»—говорилъ онъ восторженно.—*Laissez moi!*» Онъ пошелъ къ двери и оглянулся. Она сидитъ неподвижно: на лицѣ только нетерпѣніе, чтобъ онъ ушелъ. Едва онъ вышелъ, она налила изъ графина въ стаканъ воды, медленно выпила ее и потомъ велѣла отложить карету.. Она сѣла въ кресло и задумалась не шевелясь». Это была «уже не пружия, покойная и недоступная чувству, Софья». На лицѣ у ней Райскій «успѣлъ прочесть первые, робкіе лучи жизни, мимолетныя проблемскіе нетерпѣнія, погонь тревоги, страха, и наконецъ, добился вызвать какое-то волненіе, можетъ быть, бессознательную жажду любви».—Черезъ нѣсколько минутъ, послѣ ухода Райскаго, «отецъ представилъ Софью графа Милари».

«Графъ Милари былъ у ней разъ шесть, всегда при другихъ, нѣлъ, слушалъ ея игру и разговоръ никогда не выходилъ изъ предѣловъ обыкновенной учтивости, едва замѣтнаго благоуханія тонкой и покорной лести». — Но когда, послѣ этого зашедшій Райскій спросилъ вдругъ:—«Вы влюблены въ этого итальянца, въ графа Милари, да?»—«Улыбка, дружескій тонъ, свободная поза—все исчезло въ ней отъ этого вопроса. Передъ нимъ была холодная, суровая женщина». — «Если вы, *cousin*, дорожите немного моею дружбой»,—говорила она послѣ новаго упоминанія Райскимъ имени Милари:—«и голосъ у ней даже немного измѣнился, какъ будто дрожалъ,—и если вамъ что-нибудь значить быть здѣсь... видѣть меня..., то «не произносите имени».—«Да, это правда, я попалъ: она любитъ его», рѣшилъ Р.—«Она влюблена — какая цѣлность, Боже сохрани!» думала С. Н., «этому никто и не повѣритъ» и «если она приняла догадку Райскаго неравнодушно, такъ, вѣроятно, затѣмъ, чтобы истребить и въ немъ даже тѣлъ подозрѣнія».—«Кузина твоя»,—писалъ Аяновъ Райскому, спустя нѣсколько мѣсяцевъ,—«увлеклась Милари: играя съ тетками я служилъ, говорю, твоему дѣду, т. е. пробужденію страсти, въ твоей мраморной кузинѣ, съ тою только разницею, что безъ тебя это дѣло пошло было въ прокъ. Итальянецъ, графъ Милари, должно быть служилъ по этой части, т. е. развивалъ страсти въ женщинахъ, и едва ли не успѣли бы тебѣ. Онъ повадился ѣздить въ тѣ же дни и часы, когда мы играли въ карты : Софья Николаевна и Милари «занимались музыкой, играли, нѣли». «Когда карета твоей кузины, писалъ тотъ же Аяновъ, являлась на островахъ, являлся тогда и Милари верхомъ, или въ коляскѣ, и ѣхалъ подлѣ кареты. Софья Николаевна еще больше похорошѣла, потомъ стала задумываться, немного вышла изъ своего «олимпійскаго» спокойствія и похудѣла.—Она «увлеклась по-своему, не покидая гостиницы, а гр. Милари добивался свести это на большую дорогу—и говорить. (это напѣ разболталъ). что между ними бывали живые споры, что онъ бралъ ее за руку, а она не отнимала,—у ней даже глаза туманились слезой, когда онъ недовольный прогулками верхомъ у кареты и приѣмомъ при теткахъ, настаивалъ на большей свободѣ, — звалъ въ паркъ вдвоемъ, являлся въ другіе часы, когда теткі спали или бывали въ церкви и, не успѣвая, не показывалъ глазъ по недѣлѣ. А кузина волновалась, «*prenant les choses au sérieux*». Между тѣмъ, графъ серьезнѣе замѣреній не обнаруживалъ».—И тутъ «*Sophie*» совершила «*un faux pas*»,—«а *poussé la chose trop loin*»—написала графу записку: «*venez, comte, je vous attends entre huit et neuf heures personne n'y sera et surtout n'oubliez pas votre portefeuille artistique. Je suis etc. S. В.*» — По

словамъ того же Аянова, «княгиня Олимпіада Измайловна», «гостинельница жепскихъ пороковъ и поборница добродѣтелей», «сообщила теткамъ свѣдѣнія о графѣ: графъ «изъ новыхъ», «своимъ прежнимъ правительствомъ былъ mal vu». «Во Флоренціи или въ Миланѣ есть у него какаѣ-то нареченная певѣста, тоже кухня». Въ результатѣ этого сообщенія, «тетки разомъ слегли, въ окнахъ спустили шторы; «всѣ обѣдали по своимъ комнатамъ и даже не обѣдаютъ, а только блюда приносятся и уносятся непроцутыми... Бѣдняжка Sophie убивается сама: «Oui, la faute est à moi—твердитъ она: je me suis compromise, une femme qui se respecte ne doit pas pousser la chose trop loin...se permettre».—«J'ai fais un faux pas»—твердитъ она: «огорчила тетокъ, васъ папа!» Записку—billet»,—въ которой состоялъ faux pas Б—ой, Милари вернулъ Софьѣ Николаевнѣ съ учтивымъ и почтительнымъ письмомъ». — По объясненію Аянова, «Софья страдаетъ теперь вдвойнѣ: и отъ того, что оскорблена внутренно:—гордости ея красоты и гордости рода нанесенъ ударъ, и отъ того, что сдѣлала... un faux pas, и, можетъ быть, также немного и отъ того чувства, которое ты (Райскій) старался пробудить и ушѣлъ, а я, по дружбѣ къ тебѣ, поддержать въ ней»...—«Что будетъ съ ней теперь — не знаю: драма ли, романъ ли это уже докончи ты на досугѣ»...

Бѣловодовъ, Paul («О б р ы в ъ»).—Мужъ Софьи Николаевны; служилъ по дипломатической части. За границей на водахъ «устраивалъ праздники, балы; объ этомъ писали въ газетахъ». «Сѣрые глаза, острый небольшой носъ, прощически сжатія губы и коротко-стриженные волосы, рыжеватая бакенбарды».—О женитбѣ его Софья Ник. Бѣловодова передавала такъ: «Онъ только что ворочился изъ-за границы, бывалъ у насъ, рассказывалъ, что дѣлается въ Парижѣ, говорилъ о королевѣ, о принцессахъ, иногда обѣдалъ у насъ и черезъ книжницу сдѣлалъ предложеніе». Оставшись въ первый разъ наединѣ съ С. Н., онъ объяснилъ «почему искалъ ея руки, говорилъ, «что не было никого прекраснѣе и блистательнѣе», и «что онъ никогда не кончилъ бы», говоря о ней, «но боится съ сантиментальнымъ». «Потомъ сѣлъ играть въ карты». На другой день онъ былъ объявленъ женихомъ». «Послѣ свадьбы», «мы поѣхали въ Парижъ: мужу дали порученіе и онъ представилъ меня ко двору». «Мы принимали въ Парижѣ». С. Н. «никогда не слыхала иѣжнаго, задушевнаго слова, не видала минутъ увлеченія», но за то «никогда не видала недовольной мишѣ у Paul, не слыхала отказа въ желаніяхъ, даже въ капризахъ». Такъ, въ Вѣнѣ онъ, за полгода до приѣзда «велѣлъ приготовить отель», а когда отель не понравился Софьѣ Николаевнѣ, Б. нанялъ другой».

В.

В. («Ф р е г. П а л.»).—См. въ «Спискѣ: Вейрихъ, д-ръ.

В. А. К. («Ф р е г. П а л.»).—Воишъ Андреевичъ Р.-Корсаковъ. См. «Списокъ»—Римскій-Корсаковъ.

В. И. («О б р ы в ъ»).—Знакомый Аянова. У В. И. на вечерѣ Аянова ожидала «здоровая и серьезная партія съ серьезными игроками».

Валентинъ («С л у г и»).—«Лакей»; прежде служилъ «буфетчикомъ у господъ». «Человѣчекъ низенькаго роста, плѣшивый, лѣтъ пятидесяти, съ просѣдью на рѣдкихъ волосахъ, оригинальной, даже смѣшной наружности». У него былъ «маленькій, едва замѣтный, величины и цвѣта вишни, носъ, голубые, безъ всякаго оттѣлка, глаза», съ «почти несомнѣнною печатью пацвиости, граничащей съ глупостью» и «яркій старческой румянецъ на щекахъ». В. носилъ «розовые и голубыя шейныя косынки, вышитыя манишки съ розовой подкладкой, цвѣтныя воротнички. Въ кармапѣ держалъ миниатюрное зеркальце съ гребенкой» и старался «собрать жидкія космы волосъ съ затылка и висковъ во-едино». Вообще, былъ «кокетливъ: проходя мимо зеркалъ въ комнатахъ, непременно поглядится въ нихъ и иногда улыбнется». Явившись заниматься на мѣсто, «поклонился, ко-

кетливо шаркнувъ ножкой, которую тотчасъ поднялъ немного, и прижалъ къ другой ногѣ»; «шмыгалъ» «по компатамъ, какъ воробей, ступая на одну ногу легче, нежели на другую, едва касаясь ею пола»; «дѣлалъ это, чтобъ придать своей походкѣ нѣкоторую грацію». Былъ не только грамотень, но даже «прикосновенъ къ литературѣ». Привезъ съ собою «какія-то старыя полуразорванныя книги» («тутъ были и календары и «книги духовнаго содержанія», и «старый-престарый ибсенникъ», и «какая-то хрестоматія безъ заглавія»), съ остатками переплета или вовсе безъ переплета; инныя въ листахъ, пожелтѣвшихъ отъ времени и употребленія». Читалъ «нараспѣвъ», «съ амфазомъ, почти всхлипывая стихи». Среди книгъ, на полкѣ, В. хранилъ «тетрадку» съ кривой надписью: «С е п о н н ы м ы». Въ ней «поцарно, иногда по три слова», «тѣмъ же кривыми» почеркомъ написаны были одновзвучныя слова. Напримѣръ, рядомъ стояли: «эмансипація и конституція», далѣе «конституція и проституція», «тлетворный и нерукотворный», «цумизмать и кастратъ», и такъ безъ конца. По объясненію В., синонимы—«это похожія другъ на друга слова». Этому научилъ его «ученый дьяконъ Еремѣй». —«Вотъ, когда я, рассказывалъ В., завелъ эту самую тетрадку и сталъ записывать туда изъ книгъ непонятныя похожія слова, я и спросилъ его, что, молъ, значать похожія другъ на друга слова? Онъ и говорить «сенонимы, говорить, это называется». Я такъ и записалъ и заносу туда такія слова». Самъ В. «читалъ все больше изъ хрестоматіи Греча или другое что-нибудь, лишь бы звучное и малопонятное ему», и «не любилъ понимать, что читаешь». —«Если все понимать—такъ и читать не пужно: что тутъ занятнаго!» «Иныя слова понимаешь—и то слава Богу». Когда баринъ, желая прочесть В. что-либо ему понятное, выбралъ изъ хрестоматіи стихи Шишкова, В. замѣтилъ:—«Это каждый мальчишка пойметъ, или деревенская баба!»—«Прочиталъ разъ, понялъ да и бросилъ: что-жъ тутъ занятнаго?»—«Вы, можетъ быть, и Показались понимаете?»—ѣдко спросилъ онъ у барина и, получивъ утвердительный отвѣтъ, «завизжалъ пронзительнымъ смѣхомъ». По мнѣнію В., понимать Апокалипсисъ «никто не можетъ». «Дьяконъ или священникъ всю жизнь церковныя книги читаютъ—кому-бы понимать, какъ не священнику? А, вотъ, никто не понимаетъ». «Одинъ только святой схимникъ былъ: онъ въ киевскихъ нещерахъ спасался,—тотъ понималъ. Одинъ!» Вмѣшательства въ свои дѣла В. не терпѣлъ:—«Это мои дѣла, а не ваши!» говорилъ онъ барину, хотя вообще былъ «очень учтивымъ, исправнымъ, хорошо выдрессированнымъ слугой», «непьющимъ и честнымъ». Исполнялъ свою должность аккуратно», «очень рѣдко отлучался со двора» и у него «почти не бывало гостей». О самомъ себѣ былъ высокаго мнѣнія и мѣста выбиралъ себѣ такія, гдѣ все «благородно и деликатно и не желалъ жить «съ необразованнымъ мужичьемъ». —«Эту дрянъ,—вѣдь она мужичка,—плетымъ мало сѣчи!» отзывался онъ о дѣвушкѣ, которой самъ же надобѣдалъ своими ухаживаньями. «Несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ слишкомъ», В. былъ—«отчаянный Донъ-Жуанъ» и «се-ладонъ». «По просьбѣ барышень», посреди сарая, закинувъ голову вверхъ, разряженный въ желтые нанковые панталоны, черную плюсовую жакетку, въ розовомъ галстухѣ и съ желтымъ цвѣткомъ въ петлицѣ», В. «разливался сладкимъ теноромъ»; онъ «закатывалъ глаза подъ лобъ, разводилъ «далеко въ стороны руками и приптывалъ»: «Во селѣ-селѣ Покровскомъ, среди улицы большой... Разыгралаа-лись, раа-сплясались дѣвки краа-сны межъ соо-бой!»... По словамъ дѣвушки, В. ей «прохода не даетъ»: «какъ встрѣтитъ на лѣстницѣ, сейчасъ начнетъ глупые камилименты говорить, зоветъ на чашку щекотладу.—ходи, да поди къ нему сюда!» Какія-то невзрачныя женщины,—землячки, по объясненію В., поѣщали его; самъ В. писалъ такія любовныя посланья: «О, милое творенье, прости мнѣ восхищеніе, Лизокъ, голубочка, ангель, чмокъ, чмокъ, чмокъ тебя. Приди, серафима моя, на второй дворъ подъ ворота. Пришесу гостинцевъ много, много, и подарочекъ, чмокъ! чмокъ!» По словамъ Анны Прохоровой В. «самый низкій мужичина: онъ все таскается подъ окнами и пихъ и кокетничаетъ съ ея мастерицами, мѣшаетъ имъ и дѣлаетъ разныя низости». На дѣвицъ вообще

поглядывалъ «сладостно, какъ сатиръ»; даже когда у барина бывали въ гостяхъ дамы, особенно молодыя и красивыя, В. какъ-то суетливо лебезилъ и, подавая чай, фрукты, кокетливо поджималъ ножку, шаркала, приподнимался на цыпочкахъ, чтобы придать себѣ росту, взглядывалъ мимоходомъ въ зеркало, укладкой зачесывалъ пальцами волосы съ затылка». Когда В. замѣчалъ, что надъ нимъ смѣются, онъ «злобно краснѣлъ и бросалъ» «кругомъ себя гнѣвные взгляды». Когда же, обиженная имъ, дѣвушка пришла жаловаться барину на обхожденіе В., онъ замѣтилъ ей:—«Такія дрянн, какъ вы, должны за счастье почитать, если съ ними благородно и деликатно обращается этакій кавалеръ!»—«Онъ поднялся на цыпочки и началъ руками собирать съ затылка волосы на макушку». Услыша смѣхъ барина, В. «ощетинился, какъ звѣрь, злобно посмотрѣлъ на него, хотѣлъ что-то сказать, но удержался»:—«Хорошо-съ, я сдѣлаю»,—ядовито сказалъ В.:—будути онъ доволенъ! Если бы она, эта Прохорова, не беспокоила васъ (барина), а со мной поговорила бы благородно и деликатно—я бы и ничего, отсталъ бы! А если она полѣзла къ вамъ, да еще грозить мнѣ, такъ нарочно, на зло ей буду ходить, буду, буду, буду!» «Я же ей, дрянн этакой: погоди она у меня!»—ворчалъ В., «уходя къ себѣ и потрясая кулаками». Дни-жуанство В. закончилось полнымъ пораженіемъ: В. «измятый, съ разорваннымъ платьемъ, съ расцарапаннымъ лицомъ, удалился, при общемъ хохотѣ дворни, къ себѣ въ комнату».—«Въ этомъ разбойничьемъ домѣ я и дня не проживу. Еще убьютъ, чего добраго! Позвольте расчесть и паспортъ»... «Позвольте мнѣ паспортъ»,—настойчиво повторилъ В. «Я сейчасъ извозчика приведу и уѣду». Онъ самъ озаботился прискаты себѣ временнаго замѣстителя и, получивъ расчесть, «прослезился». Однако, на замѣчаніе барина, что, конечно, послѣ этой исторіи, В. «больше за женщинами ухаживать» не станеть, возразилъ:—«Какъ можно! Стапу-съ. Только не съ такимъ необразованнымъ мужичьемъ, какъ здѣсь».

Вальневъ, Петръ Егоровичъ («М а и м ѣ с. в ѣ П е т е р б.»).—Важный чиновникъ; небольшого роста, съ маленькимъ лбомъ. «Джентльменомъ онъ не былъ, едва-ли даже понимаетъ это слово, или смѣшивается съ крупнымъ чиновомъ». «Въ домашнемъ быту своемъ онъ былъ во всемъ приличенъ», но вкуса въ обстановкѣ не было»; «ладилъ какъ бы жениться на богатой, хоть купеческой дочери, и взять приданого побольше». Былъ «съ высшимъ себя почтителемъ, равныхъ избѣгалъ, а съ низшими наглъ и настойчивъ». «За глаза прозвали его «холопомъ», «нахаломъ», но въ глаза ему ничего не говорили». Онъ всегда былъ озабоченъ, говорилъ всѣмъ, что у него пропасть дѣла и даже увѣрялъ свое начальство, что онъ не спитъ, не ѣсть, и все дѣлаетъ дѣло». «Выпросилъ себѣ чиновъ, звѣздъ, денегъ—всего, и начальство было въ недоумѣніи, какую пользу принесъ онъ отечеству, дѣлало, при видѣ его, большіе глаза и отпускало все, чего онъ ни попросилъ». Онъ же самъ увѣрялъ, что «на его плечахъ лежитъ цѣлое вѣдомство». Выпрашивалъ себѣ командировку, «всегда полегче», «а денегъ на нее побольше, сдать въ дѣла свои другимъ, и возится съ этой командировкой цѣлыя мѣсяцы; потомъ увѣряетъ всѣхъ и каждого, что, безъ него и безъ его трудовъ, дѣло бы стояло». «Всѣмъ говорилъ, что былъ тамъ-то вице-директоромъ, тамъ помощникомъ управляющаго, здѣсь состоялъ въ такой-то должности, дѣлалъ то-то»... «Но никогда не намекалъ, что сдѣлано имъ путнаго въ томъ, или другомъ мѣстѣ». На счетъ его заслугъ, «никто ничего не могъ отвѣтить», «многіе пожимали плечами», но онъ какъ-то проглатывалъ это вольнымъ духомъ и храбро шелъ туда, гдѣ его не знали, увѣрять, что на его плечахъ лежитъ вѣдомство».

Вампоа («Ф р е г. П а л.»).—Громкое коммерческое имя въ Сингапурѣ. В. ужъ лѣтъ двадцать какъ выѣхалъ изъ Китая и поселился здѣсь. Онъ не можетъ воротиться домой, не заплативъ... взятки». «Претолстый китаецъ, одѣтый, какъ всѣ они, въ коленкоровую кофту, въ синіе шаровары, въ туфляхъ, съ чрезвычайной высокою замшевой подошвой, такъ что на ней едва можно ходить, а побѣжать лѣтъ возможности. Голова, разумѣется, полуобрита спереди, а сзади коса». «Говорилъ по-англійски какъ англичанинъ». У В. «богатыя магазины,

домъ и великолѣпная вилла», гдѣ «европейскій комфортъ и восточная роскошь подали «другъ другу руки». Въ великолѣпномъ саду, окружавшемъ виллу, В. «мастерски, съ умомъ и любовью, расположилъ растенія, какъ картины въ галлерей»; В. былъ «не только охотникъ, но и знатокъ дѣла».

Вандикъ («Фрег. Пал.»).—Голландецъ; проводникъ по Капской колоніи, «образованный кучеръ». Высокій, стройный джентльменъ, очень благообразной наружности, съ самыми приличными бакенбардами, украшенными легкой просѣдью, въ голубой курткѣ, съ чернымъ крепомъ на шляпѣ, съ постоянной улыбкой скромнаго сознанія своихъ достоинствъ». Пришелъ въ отель Вельчъ «съ предлиннымъ бичомъ въ рукахъ».—Онъ зналъ все въ колоніи: горы, лѣса, даже кусты, каждую ферму, фермера, ихъ слугъ, собакъ, но всего болѣе лошадей. Покупать ихъ, продавать, мѣнять, составляло его страсть и профессію. Во время путешествія по колоніи, В. замѣти пасшуюся на лугу незнакомую ему лошадь, сказала:— «Здѣсь (у фермы) мы остановимся и я сбѣгаю узнать чья эта лошадь ходитъ тамъ на лугу: я ее не видалъ никогда». То и дѣло во время поѣздки покупалъ и продавалъ лошадей.

Вандика-сынъ («Фрег. Пал.»).—Мальчикъ лѣтъ шести; когда отецъ взялъ его «прокатиться, долгомъ считалъ высовывать голову во всѣ отверстія, сдѣланныя въ покрывкѣ экипажа для воздуха, и въ одно изъ нихъ высунулся такъ песторожно, что вышалъ вонь, и прямо посомъ. Пустыня огласилась неистовымъ крикомъ». Въ ближайшемъ трактирѣ «шалуна обмыли, дали примочки», и затѣмъ отослали домой.

Ванюшка («Фрег. Пал.»).—Человѣкъ князя О.; «молодой малый, безъ всякаго значенія на лицѣ; охотникъ вскакнуть на лошадь и промчатся куда-нибудь безъ цѣли, да за угломъ, особенно на сѣновалѣ, покурить трубку» (II, 7).

Ваня («И. С. Поджабричъ»).—См. Пшеницынъ, Ваня.

Ваня («И. С. Поджабричъ»).—Пріятель Ив. Сав.; театральнѣй всегдашній. Пришелъ звать Поджабрича въ театръ, такъ какъ «Асенкова въ трехъ пьесахъ играетъ».—«Смотри, mon cher, нельзя не быть: что скажутъ наши? Малкировать не должно, а то подумаютъ, что ты хочешь отшатнуться. И то три офицера да вонъ тотъ статскій, знаешь, что еще полъ сюруга все сзади расходятся, собрали, говорятъ, партію перехлонать насъ, говорятъ, и въ раекъ своихъ посадятъ; да гдѣ имъ! Слушать любо, какъ нашъ уголъ захлонаетъ: я однажды изъ коридора послушалъ—чудо! Сначала мелкой дробью—па-па-па,—точно ружейный огонь; а тамъ и пошло, и пошло, такъ по коридорамъ гулъ и ходить... Даже кашельдипнеръ плюнулъ и отошелъ отъ дверей, а я не вытерпѣлъ, да и самъ давай—браво, браво пашни! Квартальный сердито поглядывалъ на меня... да пусть!.. Такъ ѣдемъ? Потомъ поужинаемъ, кутнемъ, а?»

Варвара Николаевна («Обрывъ»).—Уп. л. Тетка Райскаго; ходила, покачивая головой, какъ игрушечные коты, и прищуривала глаза. Въ школѣ, читая «Освоб. Иерусалимъ» Тассо, Райскій сравнивалъ Армиду съ В. Н.

Василиса («Обрывъ»).—«Экономка и довѣрчивая женщина» Татьяны Марковны. Ей «седьмой десятокъ»; она «ровесница барыни». В. «не то что полная, а рыхлая», «разбухшая» «отъ вѣчнаго сидѣнья въ комнатѣ женщины».—«У меня и костей почти нѣтъ, все одні мякоти», говоритъ она про себя, «и точно у ней одні мякоти». «Мякоти» В. нашла у себя въ своей комнатѣ, «въ маленькой горенкѣ рядомъ съ кабинетомъ» Татьяны Марковны, «сядя тридцать лѣтъ у окна, между бутылокъ съ наливками», «на одномъ стулѣ съ высокою спинкою и кожанымъ, глубоко продавленнымъ, сидѣньемъ», и «глядя на дрова да на конавшихся въ кучѣ сора куръ». «Она не уставала отъ этого вѣчнаго сидѣнья, отъ одной и той же картины изъ окна»; «она даже не охотно разставалась со своимъ стуломъ и, подавъ барынѣ кофе, убравши ей платя въ шкапъ, спѣшила на стулъ за свой чулокъ, глядѣть задумчиво на дрова, на куръ и шептала». «Она какъ тѣнь слышино «домовничала» въ своемъ уголкѣ, перебирая спицы чулка». «Когда ее спрашивали, отчего она не выходитъ, она говорила, что любить «домовничать».

«Изъ дому выходить для нее было наказаніемъ. Только въ церковь ходила она и то, стараясь робко, какъ-то стыдливо пройти черезъ дворъ, на улицу, какъ будто боялась людскаго глаза». «Жалуете на одышку»:—«до церкви не дойду—одышка мучаетъ». Она выцвѣла тѣломъ; «лицо у нея задумчивое», глаза «выпале».

В. «молчаливая, серьезная женщина», «чопорная, важная и одна во всей дворѣ только опрятная»; она «вѣчно шепчетъ что-то про себя». «Съ ранней юности поступила на службу къ барынѣ въ качествѣ горничной, не разставалась съ ней».—«В. да Яковъ только и есть порядочные (т. е. не развратные) во всей дворѣ», говорили Татьяна Марковна. В. одна знала «исторію» Татьяны Марковны, и барыня одну ее изъ прислуги и дворни называла «полнымъ именемъ» и ее лишь удостоивала «личнымъ приказомъ по домашнему хозяйству», да «барынѣ почти не пужно было отдавать приказанія В.: она сама знала все, что надо дѣлать. А если надобилось что-нибудь экстренное, бабушка не требовала, а какъ бы совѣтовала» В. «сдѣлать то или другое». «Онѣ говорили между собой односложными словами». На праздникѣ В. вмѣстѣ съ Яковомъ «командовали всей прислугой и В. «докладывала барынѣ, что надо купить». Она же распредѣляла «одежду людямъ». У нея были «ключи отъ чая, сахара, кофе и прочей провизіи». Она «одна только» вынимала и выкладывала «дорогую старую шаль» Т. М.: доставала «парадное, столовое бѣлье, старинное серебро и хрусталь», «приказывала собирать на столъ», стлала «барынѣ постель», и пила чай и кофе непосредственно послѣ барыни.—«Когда, кто приходилъ посторонній въ домъ и когда въ прихожей не было ни Якова, ни Егорки, что почти постоянно случалось, и В. отворяла дверь, она никогда не могла сказать потомъ, кто приходилъ. Ни именн, ни фамиліи приходившаго она передать никогда не могла, хотя состарѣлась въ городѣ и знала въ лицо послѣдняго мальчишку. Если лѣкарь приходилъ, священникъ, она скажетъ, что былъ лѣкарь или священникъ, по имени не помнитъ».—«Быль вотъ этотъ»—начнетъ она.—«Кто такой?» спроситъ Т. М.—«Да вотъ тотъ, что чуть Марю Васильеву не убилъ». А этому уже пятнадцать лѣтъ прошло, какъ гость уронилъ ее маленькую съ рукъ.—«Да кто?»—«Вотъ, что послѣ обѣда не кофе, а чаю просить; или:—«тотъ, что диванъ въ гостиной трубкой прожогъ; или: «что на Страстной скоромное жретъ».—«Пожалуйте поскорѣе, тамъ вотъ этотъ гость пришелъ».—«Кто еще?»—«Да вотъ... взлызастый такой...—«Какой взлызастый?»—«Вотъ, что, слышь, влетѣли будутъ съчъ...»—докладываетъ В. о Маркѣ Волоховѣ.—«Что это, В., ты не спросила, какъ его зовутъ?!»—Сказывалъ онъ, да забыла. «Пыталась В. однимъ кофе, да чаемъ, хлѣбомъ, картофелемъ и огурцами, иногда рыбою, даже въ мисобѣдъ», «похлебкою съ грибами и картофелемъ».—«Она и Яковъ были большими постниками и оба набожные».—Когда Т. М., подъ влияніемъ горя, «точно помѣшалась», В., увидѣвъ барыню «не въ себѣ», горько зарыдала и повалилась въ ноги:—«Матушка, Татьяна Марковна», «придите въ себя, сотворите крестное знаменіе!»—вошла она. «Въ это время В. съ Яковомъ почти не выходили изъ церкви, стоя на колѣняхъ». В. «обѣщалась сходить пѣшкомъ къ кіевскимъ чудотворцамъ, если барыня поправится». Когда барыня поправилась, В. «пошла къ о. Василию».—«Она слыхала, что добрые батюнки даже разрѣшаютъ отъ обѣта совѣмъ, но немощи, или замѣняютъ другимъ».—«Какъ я пойду?»—соображала В.:—«У меня и костей почти нѣтъ, все одиѣ мякоти. Не дойду, Господи помилуй!»—«Я съ искуга обѣщалась», говорила В. отцу Василию: «думала, барыня помретъ. А она черезъ три дня встала. Такъ за что же я въ этаку даль пойду?» «Другое дѣло, кабы барыня маялась въ постели мѣсяца три, да причастили ее и особоровали бы масломъ, а Богъ, по моей грѣшной молитвѣ, поднялъ бы ее на ноги, такъ я бы хоть ползкомъ доползла. А это она и недѣли не хворала!»—«Нельзя ли перемѣнить?» «Я постъ на себя наложила бы: мяса всю жизнь въ ротъ не стану брать, такъ и умру».—«А ты любишь его?»—«Нѣтъ, и смотрѣть-то тошно».—Когда о. Василій рѣшилъ, чтобы она воздержалась полгода отъ кофе и каждый день шталась мясомъ. В. «вздохнула».—«Да, подумалось ей, и вправду

тяжело: это почти все равно, что въ Кіевъ идти». В. ушла отъ священника «очень озабоченная и съ другого дня послушно начала исполнять новое обѣщаніе, со вздохомъ отворачивая носъ отъ кипящаго кофейника, который несли по утрамъ барынь».

Василиса («Обыкновенная»).—Кухарка Любецкой.

Василій, о. («Обрывъ»).—Священникъ церкви въ Малиновкѣ. Марѣинька совѣтовала Райскому послушать «проповѣди о. В. о томъ, какъ надо жить, что надо дѣлать». Когда Василиса пришла къ о. В., «прося рѣшить ея сомнѣнія» (относительно даннаго ею обѣта, сходитъ въ Кіевъ, котораго она, «сидя тридцать лѣтъ на стулѣ», не могла выполнить), онъ сказалъ:—«Колѣ общалась, какъ-же нейти?»—«Надо идти!» Когда же Василиса просила замѣнить ей паломничество:—«Я постъ на себя наложила-бы; мяса всю жизнь въ ротъ не стану брать, такъ и умру».—«А ты любишь его?»—«Нѣтъ и смотрѣть-то тошно! отвыкла отъ него». От. В. «улыбнулся». Онъ «задумался», какъ-бы «облегчить» Василису и, наконецъ, спросилъ, что она любитъ, какую пищу употребляетъ. Узнавъ, что Василиса «до кофе—охотница», сказалъ:—«Ну, такъ—воздержись отъ кофе, не пей!» а питаться ей велѣлъ «мясомъ». Василиса «взглянула на него, не смѣется-ли онъ». «Онъ точно смѣялся, глядя на нее».—«Вѣдь, ты не любишь его, ну, и принеси жертву».—«Какая же польза: оно скоромное, батюшка».—«Ты въ скоромные дни и питайся имъ! А польза та, что мякотей меньше будетъ. Вотъ тебѣ полгода срокъ: выдержи—и обѣтъ исполнишь».

Василій («Обыкновенная»).—Лакей Петра Ивановича.

Василій Андреичъ («Обрывъ»).—Уп. л. Знакомый Бережковой.

Василій Никитичъ («Обрывъ»).—Уп. л. Учитель Райскаго.

Васильевъ, Степанъ («Обрывъ»).—Староста въ Малиновкѣ.

Васюновъ («Обрывъ»).—Товарищъ Райскаго по школѣ: «тупой презираемый первыми учениками», «ни къ чему невнимательный, сонный, вялый», «не выучившій ничего ни одного урока», В. «былъ предметомъ постоянной нѣжности Райскаго (благодаря игръ В. на скрипкѣ). «Каждый день послѣ обѣда, В. «бралъ свою скрипку и, положивъ на нее подбородокъ, водилъ смычкомъ, забывая школу, учителей, щелчки». Во время игры В. становился «прекрасенъ».

Васильевъ («Обломовъ»).—Уп. л. Бывшій сослуживецъ Обломова, переведенный «въ Польшу» (I, 1).

Ватрухинъ («Обрывъ»).—Уп. л. Виноторговецъ; его мадеру «въ два съ полтиной мѣдью», которую по словамъ Викентьева, В. «самъ дѣлаетъ», предпочиталъ всему Опенкину.

Ватунинъ, Титъ Никоновичъ («Обрывъ»).—См. Титъ Никоновичъ В—ъ.

Ведерхель («Фрег. Пал.»).—Еврей.—Англійскій военный докторъ, служившій хирургомъ въ полку ост-индской арміи. «Съ перваго раза заставилъ подозрѣвать, что онъ не англичанинъ». Отзывался о своихъ соотечественникахъ—офицерахъ пелестно и удивлялся «скромности и званию приличій» со стороны русскихъ. Самъ, «вина не пилъ вовсе», былъ воздерженъ въ пищѣ; прекрасно говорилъ по французски и «былъ самый любезный, образованный человѣкъ».

Вейнертъ («Фрег. Пал.»).—Пожилый, русскій нѣмецъ («quasi-русскій»), долго жившій въ Москвѣ, въ качествѣ учителя музыки, или что-то въ эту же родѣ; получилъ за службу пенсіонъ и удалился, по болѣзни, сначала куда-то въ Германію, потомъ на мысъ Добрая Надежды, ради климата». Былъ «боленъ, одинокъ» и «въ тоскѣ доживалъ свой вѣкъ». «Любилъ русскихъ» «и со слезами привѣтствовалъ, заглянувшихъ къ нему моряковъ. Пришелъ самъ въ гостилицу и, заставъ русскихъ за обѣдомъ, сказалъ:—«Сдрастуйте, каспода! и прибавилъ: карашо, карашо!» «Онъ по-русски помнилъ нѣсколько словъ, все остальное забылъ», но «съ умплениемъ смотрѣлъ на каждаго», «не различая съ кѣмъ ужъ онъ видѣлся, съ кѣмъ нѣтъ, вздыхалъ, жалѣлъ, что уѣхалъ изъ Россіи, просилъ взять его съ собой»; подъ конецъ обѣда, выпивъ нѣсколько рюмокъ

вина, совсѣмъ ослабѣлъ, плакалъ, говорилъ смѣсю разныхъ языковъ, примѣшивая безпрестанно, карашо, карашо». Когда всѣ разошлись, В. пошелъ къ хозяевамъ гостиницы и «хныкалъ, вздыхалъ», а «около него» «раздавались смѣхъ и разговоры».

Вельчъ, *ms* («Фрегатъ Пал.»).—Хозяйка «Welch's hotel» въ Каштатѣ. Довольно грузная старушка, «*neс plus ultra* бѣлая, т. е. сѣдая»; постоянно держатась на второмъ планѣ, молча принимала, передаваемые ей Каролиной, фунты и со вздохомъ опускала въ карманъ.

Викентьева, Марья Егоровна («Обрывъ»).—См. Марья Егоровна Викентьева.

Викентьевъ, Николай Андреевичъ («Обрывъ»).—См. Николай Андреевичъ Викентьевъ.

Витбергъ («Превръ судьбы»).—Уп. л. Архитекторъ; задумалъ смѣлый планъ построить храмъ на Воробьевыхъ горахъ». См. въ Спискѣ Витбергъ.

Витуль («Фрегатъ Пал.»).—Вѣстовой П. А. Тихменева.

Виолончелистъ («Обрывъ»).—Сосѣдъ Райскаго, жившій во флигелѣ (въ Петербургѣ). «Каждое утро и каждый вечеръ видѣлъ Райскій въ окно челоуѣка, нагнувагося надъ инструментомъ, и слышалъ повтореніе по цѣлымъ недѣлямъ, почти неисполнимыхъ пассажей, по пятидесяти, по ста разъ. И мѣсяцы проходили такъ». «Оселя!» отзывался Райскій о В., браня его упрямство, и прижимая ухо къ подушкѣ», чтобы не слышать «несноснаго мычанья». Но однажды Райскій услышалъ «не мычанье», не повтореніе «трудныхъ пассажей». «Сильная рука водила смычкомъ, будто по нервамъ сердца: звуки послушно плакали и хохотали, отдавали слушателя точно морекой волной, бросали въ иучину и вдругъ выкидывали на высоту и песли въ воздушное пространство.—«Что это такое? Откуда онъ взялъ эти звуки?—думалъ Райскій.—Кто ихъ далъ ему? «Ужели мѣсяцы и годы осинаго теренія и упорства». [Ср. скрипачъ въ «Об. Ист.», Васюковъ и Райскій въ «Обрывѣ» и любовь къ музыкѣ у Обломова].

Влась («Обрывъ»).—Дворовый Бережковой. См. Кирюшка.

Волковъ («Обломовъ»).—«Знакомый Ильи Ильича. Молодой челоуѣкъ, блестящій здоровьемъ, со смѣющимися щеками, губами и глазами. Зависть брала смотрѣть на него». «Онъ былъ одѣтъ и причесанъ безукоризненно, ослѣплялъ свѣжестью бѣлья, перчатокъ и фрака». На вопросъ Обломова, какъ онъ поживаетъ, В. отвѣтилъ: — «Я? Ничего: здорово и весело,—очень весело!» У него всѣ дни заняты обѣдами и вечерами.—«Утро почитаемъ, надо быть au courantъ всего, знать новости».—«Слава Богу, у меня служба такая, что не нужно бывать въ должности. Только два раза въ недѣлю посижу, да пообѣдаю у генерала, а потомъ, поѣдешь съ визитами, гдѣ давно не былъ; ну, а тамъ... новая актриса, то па русскою, то па французскомъ театрѣ. Вотъ опера будетъ, я абонируюсь. А теперь влюбленъ... Начинается лѣто; Мишѣ обѣщали отпустить; поѣдемъ къ нимъ въ деревню на мѣсяцъ, для разнообразія. Тамъ охота. У нихъ отличные сосѣди, даютъ *bals champêtres*. Съ Лидіей будемъ гулять, кататься въ лодкѣ, рвать цвѣты». Приглашалъ Обломова ѣхать на гулянье въ экипажѣ Лидіи и ѣсть устрицъ за счетъ Мишеля. Изумляется, какъ можно не быть въ Екатерингофѣ 1 мая, когда «тамъ всѣ». Обломову похвастался нарочно спитымъ къ 1-ому мая рейтъ-фракомъ, новыми *lacets* (перчатками со шнурками, вмѣсто пуговокъ), привезеннымъ изъ Парижа и подаркомъ Мишеля—белоюкомъ въ видѣ визитной карточки, съ загнутымъ угломъ. Присыдиль Ильи Ильича за его плафрокъ, потому что такіе давно бросили носить». «Тончайшимъ батистовымъ платкомъ», пропитаннымъ «ароматами Востока», «небрежно обмахнулъ «свои лакированные сапоги», но у Обломова, «видя вездѣ пыль», «не положилъ нигуда шляпы и остался на ногахъ».

Волочновъ («Обыкн. Ист.»).—«Знакомый Александра Адуева. «Ничтожное и еще вдобавокъ злое животное», по мнѣнію раздраженнаго Александра.

Вытягушинъ, Прокофій («Обломовъ»).—Староста Обломова. Доносили

«милостивому государю, его благородно, отцу и кормильцу, барской милости». Иаъ Ильичу, что въ его «вотчинѣ все благополучно: паягую недѣлю пѣть дождей»;—этаконъ засухи старики не заомнятъ, писалъ В.: «ярвое такъ и па-литъ, словно польмемъ; озимъ ино мѣсто червь сгубилъ, ино мѣсто ранніе морозы сгубили»; подъ Ивановъ день три мужичка ушли; «другіе болыю пьютъ и просятся на оброкъ»; «въ недоимкахъ недоборъ». Послѣ изъявленія преданности, подписался такъ: «староста твой, всеишайшій рабъ П. В. собственной рукою руку приложилъ» и, за неумѣиємъ грамоты, поставилъ крестъ. (См. Д е м к а - К р и в о й).

Въра («О б р ы в ѣ»).—Внучка Татьяны Марковны Бережковой, «лѣтъ двадцати двухъ.—можетъ быть, трехъ». У В. «чистыя, тонкія черты, изваяныя точно рукою великаго мастера». «Темные волосы», съ каштановымъ отливомъ лежали густою массою на лбу и на вискахъ, ослѣпительной бѣлизны съ тонкими синими жилками». На лицѣ, бѣломъ, даже блѣдномъ, «блескъ, теплый колоритъ жизни». «Бѣлизна лица матовая, съ мягкими около глазъ и на шеѣ тѣнями». «Глаза темные, точно бархатные, съ темными рѣсницами», «бархатный, черный» «бездонный» взглядъ. Онъ «то манилъ, втягивалъ въ себя, какъ въ глубину, то смотрѣлъ зорко и пронзительно»; иногда этотъ взглядъ становился, «по выраженію Райскаго», «русалочнымъ», «глаза будто стеклянными, ничего не выражающими». Когда В. «улыбалась» или «смѣялась»,—«подбородокъ дрожалъ отъ улыбки» или «отъ смѣха».—«По временамъ, въ одну и ту-же минуту на лицѣ появлялось «двойное» выраженіе, но лицо ея «дышало правдою». «Голосъ ея не былъ звонокъ, какъ у Марошны: онъ былъ свѣжъ, молодъ, но тихъ, съ примѣсью грудного шопота». У В. «былъ не слишкомъ тонкій, но стройный при походкѣ волнующійся станъ»: «мягкій, неслышимый, будто кошачій шагъ». Въ ней была «какая-то тайна»: «мелькала, не высказывающаяся сразу, прелесть въ лучѣ взгляда, въ внезапномъ поворотѣ головы, въ сдержанной граціи движеній», было «что-то неудержимо прозрадывающееся въ душу во всей фигурѣ». Она «заманчива, таинственно-прекрасна, потому что въ ней прелесть... пряталась и раздражала воображеніе». В., по выраженію Райскаго, «вся—мерцаніе и тайна, какъ ночь—полная млы и искръ, прелесть и чудеса». Это была «тонкая, умная красота», «язвительная красота», «перль по красотѣ всего края». «Красота красота и всяческая красота»,—говорилъ восторженный Райскій; «красота довольно рѣдная»,—по признанію Марка Волохова.—Это было «изящное созданіе, взлетѣвшее подъ крыломъ бабушки, въ уютномъ, какъ ласточкино гнѣздышко, уюткѣ... на которое вѣтерокъ не дохнулъ».

Въ «шесть лѣтъ съ небольшимъ» В. была «топенькая», «смугленькая дѣвочка», «съ темно-карими «вострыми глазами», «съ бѣленькими зубками и часто съ замаранными руками. «Она ужъ начинала немного важничать, стыдиться шалостей»: «скакинетъ два-три шага по-дѣтски, и вдругъ остановится и стыдливо поглядитъ вокругъ себя, и пойдетъ плавно». «Если Борисъ тропетъ ее за голову, она сейчасъ поправить волосы; если поцѣлуетъ, она тихо только оботреетъ, схватитъ мячикъ, броситъ его раза два, а если онъ укатился, она не побѣдетъ поднять его, а прыгнетъ, сорветъ листокъ и старается шелкнуть». Она упрямъ: если скажутъ пойдемъ туда, она не пойдетъ, или пойдетъ не сразу, а прежде покачаетъ отрицательно головой, потомъ не пойдетъ, а побѣжитъ и все вирипрыжку. Она не проситъ Райскаго рисовать: а если Марошныка попроситъ, она пристальнѣй Марошныки смотритъ, какъ рисуютъ, и ничего не скажетъ». «Рисунковъ и карандашей... тоже не проситъ». Когда Райскій играетъ на фортепіано, «Вѣрочка, не сморгнувъ, глядитъ на него во все глаза, положивъ подбородокъ на фортепіано». «Плачетъ В. рѣдко и потихоньку, и если огорчатъ ее чѣмъ-нибудь, она дѣлается молчалива и не скоро приходитъ въ себя: не любить, чтобы ее заставили просить прощенья... она молчитъ-молчитъ, потомъ вдругъ неожиданно придетъ въ себя и станетъ опять бѣгать вирипрыжку»: «побѣжитъ и тайкомъ, быстро, какъ птичка клюетъ, сорветъ вѣтку смородины, проворно спрячетъ въ ротъ и сдѣлаетъ зубы

мирно»; «а еще чаще срываетъ ворожаники, черную, приторно сладкую ягуду, растущую въ канавахъ и строго воспрещенную бабушкой, потому что отъ нея будто бы тошнить». Когда Райскій захотѣлъ посмотрѣть «старый домъ» и бабушка сказала просившейся съ нимъ Марошнѣ: — «Куда ты, милая? Тамъ страшно—у!» Марошнѣ испугалась, — В. ничего не сказала, но когда Борисъ «пришелъ къ двери дома, она уже стояла крѣпко прижавшись къ ней, боясь, чтобы ее не оттащили прочь и ухватясь за ручку замка». — [Со страхомъ и замраченіемъ вошелъ Райскій въ прихожую и боязливо заглянулъ въ слѣдующую комнату]. «Вѣрочка только что ворвалась въ переднюю, какъ бросилась виририряжку впередъ и исчезла изъ глазъ, вскидывая далеко пятки и едва глядя по сторонамъ, на портреты. — «Куда ты, Вѣра, Вѣра? — кричалъ Райскій. Она остановилась и глядѣла на него молча, положивъ руку на замокъ слѣдующей двери. Онъ не успѣлъ дойти до нея, а она уже скрылась за дверью». Она «отворила одинъ шкапъ и сунула туда личико, потомъ отворила одинъ за другимъ ящики и также сунула личико». «Она походила на молодую птичку среди этой ветоши и не смущалась ни преслѣдующими взглядами портретовъ, ни сыростью, ни пылью, всемъ этимъ печальнымъ запустѣніемъ. — «Здѣсь хорошо, мѣста много!» сказала она, оглядываясь. — «Какъ тамъ хорошо вверху! Какія большія картины, книги!» — Подросши, В., вмѣстѣ съ Марошнкой, воспитывалась въ «паціонѣ у французженки», м-ме Мейеръ.

В. «страстная, первая натура». — «Докторъ говоритъ, что я первая, что меня надо беречь, не раздражать», шепчетъ сама В. «Докторъ все о нервахъ твердитъ», говоритъ о ней бабушка: — «Не трогайте, не перечьте, берегите!» — «Запятый у нея постоянныхъ не было: читала, какъ и шила, она мимоходомъ и о прочитанномъ мало говорила. «Рисовать» и «играть на фортепьяно» она «не любила»; «иногда брала неопредѣленные безеязные аккорды и къ нѣкоторымъ долго прислушивалась или когда принесутъ Марошнѣ кучу нотъ, она брала то тѣ, то другія. — «Сыграй вотъ это, — говорила она: — теперь вотъ это, потомъ это»; — слушала, глядѣла пристально въ окно и болѣе къ проигранной музыкѣ не возвращалась». — «Нѣтъ, я не играю», — отвѣтила она на вопросъ Райскаго. «Хозяйства» В. «не любила», «рукодѣлаій» — то-же; «вышивать» не умѣла. Въ комнатѣ В. — «ничего не было»: «простая кровать съ большимъ занавѣсомъ, тонкое бумажное одѣяло и одна подушка. Потомъ диванъ, коверъ на полу, круглый столъ передъ диваномъ, другой маленькій письменный у окна, покрытый клеенкой, на которомъ однако-же не было признаковъ письма, небольшое старинное зеркало» и простой шкапъ съ платьями. И все тутъ. Ни гравюры, ни книги, никакой мелочи». «Цѣнты? да, я люблю ихъ», — говорила она Райскому. «Люблю ихъ вошь тамъ, въ саду, а не въ комнатѣ, гдѣ надо за ними ходить». — «И природу вообще?» — «Да, этотъ уголокъ, Волгу, обрывъ, — вошь этотъ лѣсъ и садъ — я очень люблю!» — пропознала она и взгляды ея покоились съ очевиднымъ удовольствіемъ на всей лежащей передъ окнами мѣстности». Она «ни за что не разстанется съ старымъ домомъ», — говорила Марошнѣ: — «она тамъ и живетъ, тамъ ей только и хорошо. Она умретъ, если ее увезутъ». Для В. «это — рай, гдѣ она узнала, что жить, не прозябаетъ». Она «любила гулять въ глуши», у «обрыва», «по скату берега», — не тамъ, «гдѣ обыкновенно бываютъ другіе». У обрыва была ея «любимая скамья», гдѣ она любила сидѣть «одна» и «читать», или «мечтать», «думать». Она жила «въ бездѣйствіи», «праздно». «Не лѣнива, а ничего не дѣлаетъ, — говоритъ о ней бабушка, — ни шить, ни по канвѣ ни музыки не любитъ, ни въ гости не ѣздитъ, — такъ, уродилась такая!». «Но бывали случаи, какъ вдругъ В. охватывалась какой-то лихорадочной дѣятельностью и тогда она кишла изумительной быстротой и обпаруживала тѣмъ мелкихъ способностей, какихъ въ ней пельзи было подозрѣвать: въ хозяйствѣ, въ туалетѣ, въ разныхъ мелочахъ. Такъ, однажды, изъ куска кисен, часа въ полтора, сдѣлала два чепца, одинъ бабушкѣ, другой — Кришкѣ, съ тончайшимъ вкусомъ, работая надъ ними со страстью, съ адекимъ проворствомъ и одушевленіемъ: потомъ черезъ пять минутъ забыла объ

этомъ и сдѣла опять праздно». Иногда она какъ-будто прочтетъ упрекъ въ глазахъ бабушки и тогда особенно одолѣеть ея дикая, порывистая дѣятельность». Она приметъ помогать Марѣнькѣ по хозяйству, и въ пять-десять мицуть, «все порывами», «съ нервнымъ проворствомъ», передѣласть бездну, возьметъ что-нибудь въ руки, быстро сдѣлаетъ, оставитъ, забудетъ, приметъ за другое, опять сдѣлаетъ, и выйдетъ изъ этого такъ же внезапно, какъ войдетъ». Бабушка иногда жалуется, что ей не управиться съ гостями, ропщетъ на Вѣру за дикость, за то, что В. ей не хочетъ помочь. В. хмурится и очевидно страдаетъ, что не можетъ перемочь себя и, наконецъ, неожиданно явится среди гостей—и съ такимъ веселымъ лицомъ, глаза телются такимъ радушіемъ, она принесетъ столько тонкаго ума, граціи, что бабушка теряется до испуга. Ее ставало на цѣлый вечеръ, иногда на цѣлый день, а завтра, точно оборвется: «опять уйдетъ въ себя, и никто не знаетъ, что у ней на умѣ или на сердцѣ».—Подъ вліяніемъ Марка, звавшаго къ «новому труду», В. соглашалась въ «необходимости труда», «она винила себя первая за бездѣйствіе и чертила себѣ, въ недалекомъ будущемъ, образъ простого, но дѣйствительнаго дѣла, завидуя пока Марѣнькѣ въ томъ, что та приспособила свой досугъ и свои руки къ домашнему хозяйству, и отчасти къ деревнѣ. Она готовилась пока раздѣлить съ сестрой ея труды—лишь только, такъ или иначе, выйдетъ изъ тяжелой борьбы съ Маркомъ».

В.—«совѣмъ дикарка... дикая пелюдимка»,—говорила о ней бабушка.—Она «чуждалась общества», «въ гости не ѣздила», однако она «не застѣпчива»; когда Райскій спросилъ ее при первомъ свиданіи:—«Послушайте, В., вы... боитесь меня?» Она не поняла его вопроса и глядѣла на него во все глаза, почти до простодушія, несвойственнаго ея умному и проницательному взгляду.—«Отчего вы не высказываетесь, скрываетесь?—началъ Райскій:—вы думаете, можетъ быть, что я способенъ... пошутить или небрежно обойтись... Словомъ, вамъ можетъ быть, дико: вы конфузитесь, робѣете...» Она смотрѣла на него съ язвительнымъ удивленіемъ и «онъ въ одно мгновеніе понялъ, что она не конфузится, не дичится и не робѣетъ». — «А я не знаю, чего надо бояться и потому, можетъ быть, не боюсь».—«Никого не боюсь,—говорила она Райскому, и этого вашего волка—страсти тоже! Не страшайте напрасно.—«В. ничего не боится», говорила Марѣнька. У В. гордый, независимый характеръ». «Гордое твореніе», «привыкшее жить своими силами,—хоть погибать, да жить ими». Она «скрытна»: «прячетъ свои тайны, уходитъ въ себя, царствуя безраздѣльно въ своемъ внутреннемъ мірѣ, чуждаясь общества, чувствуя себя сильнѣе всѣхъ окружающихъ». «Она очертила около себя кругъ, и ей не хотѣлось бы выйти изъ него». «—«Меня оставляютъ въ покоѣ», «никто не переходитъ за эту черту, я такъ поставила себя и въ этомъ весь мой покой, все мое счастье».—«Я ничего никому не говорю: ни бабушкѣ, ни Марѣнькѣ», говорить она Райскому. — «Бабушка не смѣетъ спросить ни о чемъ»,—жалуется Татьяна Марковна на В.:—«Нѣтъ, да нѣтъ, ничего не знаю, да не вѣдаю». На рукахъ у меня родилась, вѣкъ со мной, а я не знаю, что у ней на умѣ, что она любитъ, что нѣтъ».—В. «не довѣряется мнѣ, прячется, молчитъ, живетъ своимъ умомъ». «Я не видала, чтобы она засмѣялась отъ души или заплакала бы. Если и разсмѣется, такъ прячетъ улыбку, точно грѣхъ какой. А чуть что не по ней, разстроена чѣмъ-нибудь, сейчасъ въ свою башню спрячется и переживаетъ тамъ и радость, и горе одна».—«Читаетъ—никогда не скажетъ что, и книги не покажетъ, не скажетъ даже, откуда достала». «Она поселилась одна въ старомъ домѣ и не любила, чтобы къ ней приходили въ старый домъ. Даже бабушка не тревожила ее тамъ, а Марѣньку она, безъ церемоніи, удаляла, да та и сама боялась ходить туда». Когда Райскій заставлялъ В. тамъ, «она, очевидно, пережидала, не уйдетъ ли онъ и если онъ располагался подлѣ нея, она, послѣдняя изъ учтивости минутъ десять, уходила». И «гулять она любила тоже ходить «одна», не говоря никому куда идти.—«Богъ ихъ знаетъ, гуляютъ гдѣ-нибудь, вѣдь онѣ не говорятъ, куда идутъ», сказала Райскому Марина.—«Никогда?»—«Никогда, и спрашивать не велать, гнѣваются».—

«Ты бы спросила ее завтра, Марошня, гдѣ она была?»—«Разсердится». —«Что же вы не спросите, куда ходит она (В.)?» спросил Райскій «бабушку». —«Какъ можно спросить: прогнѣваются! проницески замѣтила Татьяна Марковна: на три дня запрутся у себя. Бабушка не смѣи рта разинуть!»—«Бабушка и Марошня очень безпокоились», сказалъ Райскій, встрѣтивъ В. послѣ такой прогулки.—«Что это имъ вздумалось? Никогда не безпокоились, а сегодня. Вы бы имъ сказали, что напрасно, что я никого не прошу безпокоиться обо мнѣ». —«Когда я стану погибать, такъ передъ тѣмъ попрошу у васъ или у бабушки позволенія». —По словамъ бабушки, «если В. и больна, такъ не узнаешь ее: ни пожалуется, ни лѣкарства не спросить, а только пуще молчать». —«Я знаю, что я свободна, и никто не вправѣ требовать отчета отъ меня». —«Я никого не боюсь, и бабушка знаетъ это и уважаетъ мою свободу», говоритъ В. —«Мой покой, мои досуги, моя комната, мои... красота и любовь... это все мое... и посягнуть на то или на другое, значить, ...посягнуть на чужую собственность или личность». —«Если не буду чувствовать себѣ свободы здѣсь» —говоритъ В. —«то... уѣду отсюда» (изъ своего «рая»). —«Я требую у васъ одного—покоя», говоритъ она Райскому. —«Я имѣю на него право, я свободна, какъ вѣтеръ, никому не принадлежу, никого не боюсь». —«Какая ты красная, Вѣра», сказалъ ей Райскій:—«Вездѣ свобода. Кто это нажужжалъ тебѣ про эту свободу?.. это, видно, какой-то дилетантъ свободы. Этакъ нельзя попросить другъ у друга сигары или поднести тебѣ вотъ этотъ платокъ, что ты уронила подъ ноги, не сдѣлавшись крѣпостнымъ рабомъ». В. «не здѣшняя», отзывалась о ней Марошня.—«Ей все скучно, она часто груститъ, сидитъ, какъ каменная, все ей будто чужое здѣсь»... «Привязанностей у В., повидимому, не было никакихъ», —такъ казалось наружно, — а проникать въ душу къ себѣ она не допускала. Она о бабушкѣ и о Марошнѣ говорила спокойно, почти равнодушно. Марошню она любила «какъ ребенка, иногда, пожалуй, какъ собесѣдницу»; даже «немного пренебрегала ею». Узнавъ о сватовствѣ Викентьева, В. «подошла къ Марошнѣ, пристально и ласково поглядѣла ей въ глаза, потомъ долго цѣловала ей глаза, губы, щеки. Положивъ ея голову, какъ ребенка, на руку себѣ, она любовалась ея чистотой, младенческой красотой и крѣпко сжала въ объятяхъ». —«Ты должна быть счастлива! —сказала она съ блеснувшими вдругъ и спрятавшимися слезами». —«А вѣдь она любитъ васъ, бабушка, Вѣра-то?» спросилъ Райскій. —«Любитъ! —съ увѣренностью сказала бабушка:—только по своему. Никогда не показываетъ и не покажетъ! А любить, —пожалуй, хотъ умереть готова». —«Покой бабушки мнѣ дорогъ, дороже, нежели, м. б., она думаетъ...» сказала В. Но «бабушки В., какъ будто остерегалась», она слушалась ее, когда та иногда опредѣленно высказывала свою волю. —«Я давно въ долгу передъ ней», —говорила В. Марку. «Когда оно (горе) настаетъ» —говоритъ В. бабушкѣ —«и я не справлюсь одна... тогда я приду къ вамъ и ни къ кому больше, да къ Богу!» —«Сегодня, отсюда я пойду къ ней и расскажу все, рѣшила В. въ роковой вечеръ, въ бесѣдѣ съ Маркомъ. Тушинъ былъ «другомъ» Вѣры. «Въ каждомъ ея взглядѣ и словѣ обращенномъ къ Тушину, Райскій замѣтилъ прежде всего простоту, довѣріе, ласку, теплоту, какой онъ не замѣтилъ у ней въ обращеніи ни съ кѣмъ, даже съ бабушкой и Марошнкой... Когда она глядѣла на Тушина, говорила съ нимъ, подавала руку—видно было, что они «друзья. Онъ «другъ», «въ лучшемъ и тѣсномъ смыслѣ слова». —«Иванъ Ивановичъ—человѣкъ, какими должны быть всѣ и всегда. Онъ что скажетъ, что задумаетъ, то и исполнитъ. У него мысли вѣрныя, сердце твердое—и есть характеръ. Я довѣряюсь ему во всемъ, съ нимъ не страшно ничего, даже сама жизнь» —говорила В. Райскому. В. «любила» Тушина, «только какъ человѣка», «общеловѣческимъ чувствомъ, но главнымъ другомъ Вѣры считалась «Наталья Ивановна, жена священника, ея подруга по пансіону». Вѣра «любитъ» ее, по словамъ бабушки, «за то, что характера нѣтъ», «за гибкость, за податливость, за то, что та не выходитъ изъ ея воли». «Вѣрочкинъ взглядъ, даже капризъ—для нея святы. Чтò та сказала, то только и умно, и хорошо. Ну, Вѣрѣ это»

го и падо: ей не другъ нуженъ, а послушная раба. «Вотъ она и есть: отъ этого она такъ и любить ее». Райскій, прѣхавъ, съ перваго же свиданія «вдругъ», «предъявилъ свои права на ея красоту, свое удивленіе послѣдней, поклоненіе, восторгъ». В. «сначала небрежно», «а потомъ энергически отмахивалась отъ его настояній». — Онъ запугалъ и оттолкнулъ ее сперва своей «страстью» и тѣмъ, что хотѣлъ «прошкунуть въ ея душу». Но, когда потомъ, онъ далъ ей слово, что постарается побѣдить страсть и «все сдѣлаетъ, чтобы заслужить ей дружбу», — В., мало-по-малу, «перестала бояться его, довѣрялась ему, не заширалась отъ него на ключъ»; просила смѣло у него книги и даже приходила сама за ними къ нему въ комнату; когда онъ, давая требуемую книгу, не удерживалъ ее, не напрашивался въ «руководители мысли», не спрашивалъ о прочитанномъ, она сама иногда говорила ему о своемъ впечатлѣніи, по «тайнѣ своихъ» она «не повѣряла», «никакой искренней своей мысли не высказывала,» «не обнаружила желанія, кромѣ одного, которое выразила категорически: это быть свободной».

Вѣра «самоувѣрена», считаетъ себя сильнѣе и «умнѣе» «окружающихъ». В. «всѣ, боится», — сдѣлала наблюденіе Райскій; она «покорила даже самовластную бабушку». Ее окружало «общее поклоненіе, удивленіе» другихъ. Предъ ней «робѣли» смѣлые мужчины, не смѣя бросить на нее нескромнаго взгляда, рискнуть любезностью или комплиментомъ»; къ ней «робко обращались взгляды лучшихъ жениховъ». Тупишь, «атауетъ по росту и силѣ, новидимому, невѣдающей никакихъ страховъ и опасностей, здоровикъ, робѣлъ предъ красивой слабой дѣвочкой, жался отъ ея взглядовъ въ уголь, взвѣшивалъ свои слова при ней, очевидно сдерживалъ движенія»... — «Она мудреная такая — Богъ знаетъ — какъ пристушится къ ней, какъ посвататься!» говоритъ бабушка. «Офицеры, сѣвъники — даво потеряли надежду поправиться ей, и она съ ними почти никогда не говоритъ».

«Истинникъ» у В. «шелъ далеко впередъ опыта;» «предвидѣнія и предчувствія будущихъ шаговъ жизни даются острымъ и наблюдательнымъ умамъ вообще, женскимъ въ особенности, часто безъ опыта, предтечей которому у тонкихъ натуръ служатъ инстинктъ. Онъ готовитъ ихъ къ опыту, по какимъ-то намекамъ, непонятнымъ для наивныхъ натуръ, но явнымъ для открытыхъ, острыхъ глазъ»... У В. именно были такіе «открытые, острые глаза, которые способны при блестящей молніи, разрывавшей тучи, схватить весь рисунокъ освѣщенной мѣстности и удержать въ памяти». «Она бросить всего одинъ взглядъ на толпу, въ церкви, на улицѣ и сейчасъ увидитъ кого ей пужно, также однимъ взглядомъ и на Волгѣ она замѣтитъ и судно, и лодку въ другомъ мѣстѣ, и пасущихся лошадей на островѣ, и бурлаковъ на баркѣ, и чайку, и дымокъ изъ трубы въ дальней деревушкѣ. И умъ, кажется, у ней былъ такой же быстрый, ничего не пропускающей, какъ глаза». «Нѣсколько человѣкъ замѣняли ей толпу; тѣ, что другой соберетъ со многихъ втрѣчѣхъ, въ многіе годы и во многихъ мѣстахъ, — давалось ей въ двухъ-трехъ уголкахъ, по ту и другую сторону Волги, съ пяти-шести лицъ, представляющихъ для нея весь людской міръ, и въ промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ понятія у нея созрѣли и сложились въ болѣе или менѣе опредѣленный взглядъ. «Она не теряла изъ вида путеводной нити жизни и изъ мелкихъ явленій, изъ немудреныхъ личностей, толпившихся около нея, дѣлала не мелкіе выводы». «Она по этой простой калѣвѣ умѣла чертить широкій, смѣлый узоръ болѣе сложной жизни, другихъ требованій, идей, чувствъ, которыхъ не знала, но угадывала, читая за строками простой жизни другія строки, которыхъ жаждалъ ей умъ и требовала натура»: «Она брала изъ простой жизни около себя только одно живое, вѣрное, создавая образъ противоположный тому, за немногими исключеніями, что было около». — «У меня оружіе слабое» — говорила она Марку — «и только имѣетъ ту дѣду, что оно мое собственное, что я взяла его въ моей тихой жизни, а не изъ книгъ, не по наслышкѣ»... «Истинникъ далъ ей въ области «сердечныхъ движеній», если не знаніе, то явное предчувствіе опыта и знанія. «Она знаетъ уже, что значитъ страстный взглядъ, влеченіе къ красотѣ, къ чему это ведетъ и когда и по-

чему поклоненіе, м. б. оскорбительно. Это «не невѣдающая зла певинность, какъ у Марошки»,—В. «какъ нибудь угадала, или услѣдила, перспективу впечатлѣній, борьбу чувствъ и предузнаетъ ходъ я, м. б., драму страсти, и понимаетъ, какъ глубоко входитъ эта драма въ жизнь женщины»; «не все, конечно, В. знаетъ въ игрѣ или борьбѣ сердечныхъ движеній, но она, однако-же... понимаетъ, что тамъ таится дѣлая область радостей, горя, что умъ, самолюбіе, стыдливость, пѣта участвуютъ въ этомъ вихрѣ и волнуютъ человѣка». Къ «страсти» Райскаго относилась В. съ недовѣріемъ: никакой страсти не было — самолюбіе, воображеніе.—«Она не романтикъ»—сказала она Марку о Райскомъ,—«а поэтъ, артистъ.—Я начинаю вѣрить въ него. Въ немъ много чувства, правды. И ничего не скрыла бы отъ него, если-бъ у него самого не было ко мнѣ того, что онъ называлъ страстью».—«Вы сочинили себѣ страсть, вы только — умѣете краснорѣчиво говорить о ней, завлекать, играть съ женщиной»,—отвѣтила она Райскому. Въ то же время она обращается не къ кому иному, какъ къ Райскому съ просьбою «не покидать ее».—Отчасти по совѣту Марка она «не показываетъ ему истины», водить его. «Только что-бъ его немного охладить, я рѣшаюсь на эту глупую двойную роль... Лишь отрезвится, я сейчасъ скажу ему первая все и мы будемъ друзья...»—«Кто тебя развилъ такъ, В.?»—спрашиваетъ ее Райскій.—«...Откуда у тебя эти мысли (пониманіе характера увлеченій Райскаго), какъ ты узнала ходъ страстей?»—«Я хода страстей не знаю, но узнала васъ, вотъ и все,» отвѣчаетъ В.—«Кто тебя развиваетъ, ты вотъ что скажи? А ты все уклоняешься отъ отвѣта».—«Да вы сами. Я все изъ вашихъ разговоровъ почерпаю».—Райскій, въ «поэтическихъ», восторженныхъ краскахъ рисовалъ ей «красоту страсти», «одѣвая страсть», въ «фантастическій парядъ».—«Нѣтъ, ничто въ жизни не дастъ такого блаженства, никакая слава, никакое щекотанье самолюбія, никакія богатства Шехеразеды, ни даже творческая сила, ничто... одна страсть!.. Хотѣла бы ты испытать такую страсть, Вѣра?»—Она задумчиво слушала.—«Да, если она такова, какъ вы ее описываете, если столько счастья въ ней...» Она вздрогнула и быстро отворила окно». Маркъ «проповѣдывалъ ей свою теорію «страсти»-«влеченія».—«Я этого не понимаю,—этой птичьей жизни»,—сказала В. Марку.—«Не все ли равно вамъ, съ вашими понятіями о любви, найти себѣ подругу тамъ въ слободѣ или за Волгой въ деревнѣ?»—«Въ область мысли, знанія, В. вступила... недвѣрчивымъ и осторожнымъ шагомъ. Читала она книги въ бібліотекѣ стараго дома, сначала отъ скуки, безъ выбора и системы, доставая съ полки, что попадется, потомъ изъ любопытства, наконецъ, пѣкоторые съ увлеченіемъ. Скоро она почувствовала безцѣльность и бесплодность этого странствія по чужимъ умамъ, безъ руководящей нити. Она хитро наводила на разговоръ Козлова, почти не спрашивая и не показывая вида, что слушаетъ, и особенно никогда ни передъ кѣмъ не хвастаясь, что знаетъ то, или другое, чего не знаютъ окружающіе. Потомъ, съ повѣркой его взгляда, перечитывала книги онятъ и находила въ нихъ больше смысла и интереса. По просьбѣ молодого священника, возила книги ему и опять слушала, не дѣлаясь семинаристомъ, развѣянно, его мысли и впечатлѣнія, высказанныя подъ вліяніемъ того или другого автора». Со священникомъ она читала «Синнозу», «Вольтера», «нѣкоторыхъ энциклопедистовъ». «Дошли» и «до Фейербаха съ братіей... до социалистовъ и материалистовъ». «Послѣ всѣхъ пришелъ Маркъ— и внесъ новый взглядъ во все то, что она читала, слышала, что знала, взглядъ полного и дерзкаго отрицанія всего, отъ пачала до конца, небесныхъ и земныхъ авторитетовъ, старой жизни, старой науки, старыхъ добродѣтелей и пороковъ. Онъ, съ преждевременнымъ триумфомъ, явился къ ней, предвидя побѣду, и ошибся». Она съ изумленіемъ увидѣла этотъ новый, вдругъ вырвавшійся откуда-то потокъ смѣлыхъ, иногда увлекательныхъ идей, но не бросилась въ него слѣпо и тиеславно, изъ мелкой боязни показаться отсталюю, а также пылливо и осторожно стала всматриваться и вслушиваться въ горячую проповѣдь новаго аностола.—«Я слѣпо никому и ничему не хочу вѣрить, не хочу!»—сказала В. Марку.—«Я соглашаюсь съ вами въ томъ, что ка-

жется мнѣ вѣрно и честно, и если неиду рѣшительно на эту вашу жизнь и на опыты, такъ это, п. ч. хочу сама знать и видѣть, куда иду». «Она добиралась въ проповѣди и увлеченіяхъ Марка до чего нибудь вѣрнаго и живого, на что можно опереться, что можно полюбить, что было такъ прочно, необманчиво въ старой жизни, которой, во имя этого, прочнаго, живого и вѣрнаго, она прощала ся смѣшныя вредныя уродливости, ея весь отжившій соръ. Она страдала за эти уродливости и отъ этихъ уродливостей мѣшавшихъ жить, чувствовала нерѣдко цѣни и готова бы была, ради правды, подать руку пылкому товарищу, другу, пожалуй, мужу,—наконецъ... чѣмъ бы онъ ни былъ для нея,—и идти на борьбу противъ старыхъ враговъ, стирать ложь, мести соръ, освѣщать темные углы смѣло, не слушая старыхъ, разбитыхъ голосовъ не только Тычковыхъ, но и самой бабушки, тамъ, гдѣ послѣдняя безусловно опирается на старое, вопреки своему разуму,—вывести, если можно, и ее на другую дорогу. Но для этого нужно было ей глубоко и невозвратно убѣдиться, что истина впереди».—Маркъ «манилъ впередъ образомъ какого то громаднаго будущаго, громадной свободы, снятіемъ всѣхъ покрывалъ съ Изиды, и это будущее видѣлъ чуть не завтра, звалъ ее вкусить, хоть часть, этой жизни, сбросить съ себя старое и повѣрить если не ему, то опыту!»—«И будемъ какъ боги,» прибавлялъ онъ насмѣшливо». В. «задумывалась надъ всѣмъ, чѣмъ сама жила, и почувствовала новыя треволненія, новыя вопросы, и стала еще жаднѣе прислушиваться къ рѣчамъ Марка. У нея даже бывали минуты, впрочемъ рѣдкія, когда она колебалась въ непогрѣшимости своихъ, собранныхъ молча, про себя, наблюдений надъ жизнью, надъ людьми, правилъ, которыми руководствовалося большинство.» «Она шла», вообще, «не самонадѣянно, а, напротивъ, съ сомнѣніями, не ошибается-ли она, не правъ-ли проповѣдникъ, итъ-ли въ самомъ дѣлѣ тамъ, куда такъ пылко стремится онъ, чего-нибудь такого чистаго, свѣтлаго, разумнаго, что могло бы не только избавить людей отъ всѣхъ старыхъ оковъ, но открыть Америку, новый, свѣжій воздухъ, поднять человѣка выше, нежели онъ былъ, дать ему больше, нежели онъ имѣлъ. Она прислушивалась къ обѣщаннымъ имъ благамъ, читала приносимыя имъ книги, бросалась къ старымъ авторитетамъ, сводила ихъ про-себя на очную ставку,—но не находила ни новой жизни, ни счастья, ни правды,—ни чего того, что обѣщаль, куда звалъ смѣлый проповѣдникъ. А сама все шла за нимъ, увлекаемая жаждой знать, что кроется за этой странной и отважной фигурой. Дѣло пока ограничивалось безпощаднымъ отрицаніемъ всего, во что вѣрить, что любить, на что надѣется живущее большинство. Маркъ клеймилъ это враждой и презрѣніемъ; но В. сама многого не признаетъ въ старомъ свѣтѣ. Она и безъ него знаетъ и видитъ болѣзни: ей нужно знать, гдѣ Америка?»—«Вотъ и весь вашъ отвѣтъ, Маркъ! («опять съ горы потянуло мертвымъ воздухомъ!»)»—«кротко» сказала В. Волохову:—«все прочь, все ложь,—а что правда—вы сами не знаете.» «Ей прежде всего бросилась въ глаза зыбкость, односторонность, пробѣлы, мѣстами будто умысленная ложь пропаганды, на которую тратились живыя силы, дарованія, бойкій умъ и ненасытная жажда самолюбія и самонадѣянности, въ ущербъ простымъ и очевиднымъ готовымъ уже правдамъ жизни, только потому, какъ казалось ей, что онѣ были готовыя.» «Иногда, въ этомъ безусловномъ рвеніи къ какой-то новой правдѣ, видѣлось ей только не умѣнье справиться съ старой правдой, бросающейся къ новой, которая давалась не опытомъ и борьбой всѣхъ внутреннихъ силъ, а гораздо дешевле, безъ борьбы и сразу, на основаніи только слѣплаго презрѣнія ко всему старому, не различавшаго стараго зла отъ стараго добра, и принималась на вѣру отъ непробрѣнныхъ ничѣмъ новыхъ авторитетовъ, шивѣтъ откуда взявшихся новыхъ людей—безъ имени, безъ прошедшаго, безъ исторіи, безъ правъ.» Какъ «Маркъ ни бился развивать В., давать ей свои совѣты, по кто-то другой,—ея вѣра, по ея словамъ, да какой-то попъ изъ молодыхъ, да Райскій со своей поэзіей. да бабушка съ моралью, а еще болѣе—свои глаза, свой слухъ, тонкое чутье и женскіе инстинкты, потомъ воля—поддерживали ея силу и давали ей оружіе противъ его правды и окрашивали старую, обыкновенную жизнь и правду въ та-

гіе здоровые цвѣта, предъ которыми казалась и блѣдна, и пуста, и фальшива, и холодна та правда и жизнь, какую онъ добывалъ себѣ изъ новыхъ, казалось-бы, свѣжихъ источниковъ».

«Вглядѣвшись и вслушавшись въ проповѣдь Марка, во все, что онъ выдавалъ «за новыя правды, новое благо, новыя откровенія», она съ удивленіемъ увидѣла, что все то, что было въ его проповѣди добраго и вѣрнаго—не то, что оно взято изъ того же источника, откуда черпали и не новые люди, что сѣмена всѣхъ этихъ новыхъ идей, новой «цивилизациі», которую онъ проповѣдывалъ такъ хвастливо и таинственно, заключены въ старомъ ученіи. Отъ этого она только сильнѣе увѣровала въ послѣднее и убѣдилась, что... ученіе это есть единственный, непогрѣшительный, совершеннѣйшій идеалъ жизни, въ котораго остаются только ошибки.»—«Молча, глубоко глядѣла она (В. послѣ свиданія съ Волоховымъ) на смотрящій на нее, задумчивый взоръ образа. «Ужели онъ не поймаешь этого никогда и не воротится... сюда... къ этой вѣчной правдѣ?»—«Гдѣ истина?» спросилъ ее Райскій. В. отвѣтила, указывая на церковь:—«Вонъ тамъ... я это до него (до священника) знала...»—У нея «крѣпки», по словамъ Марка. «старыя понятія, мораль, долгъ, правила, вѣра.» [«Вы все еще, какъ цыпленокъ, прячетесь подъ юбки вашей пасѣдки-бабушки: у васъ ея понятія о нравственности»]. В. убѣждена, что «у природы есть—законы, у людей—правила», что «любовь налагаетъ долгъ... жизнь налагаетъ другіе долги: безъ нихъ жизни нѣтъ». И даже «счастье ведетъ за собою долгъ». Любовь «соединяетъ людей на цѣлую жизнь», налагаетъ обязанность, «за отданные другъ другу годы счастья, платить взаимно остальную жизнь.» Жена должна быть «товарищемъ мужа на всю жизнь». «Женщины созданы, прежде всего, для семьи». Когда Маркъ, поцѣловавъ нѣсколько разъ ей руку, «потянувшись поцѣловать ее въ щеку, она отодвинулась. Когда Райскій заявилъ ей:—«Мнѣ ничего не нужно: но ты сама должна знать какими другими глазами, какъ не жадными, влюбленными, можетъ мужчина смотрѣть на твою поразительную красоту...»,—В. не дала договорить ему, вспыхнула и быстро встала съ мѣста.—«Какъ вы смѣете говорить это?» сказала она, глядя на него съ ногъ до головы...—«Вы даже не понимаете, я вижу, какъ это оскорбительно! Осмѣлились бы вы глядѣть на меня этими «жадными» глазами, если-бъ около меня былъ зоркій мужъ, заботливый отецъ, строгій братъ?».

У В. остались «старыя прочныя понятія о жизни, о счастьи», но «ей по плечу современныя понятія, пробивающіяся въ общественное сознаніе; очевидно, она черпнула «другихъ идей, даже знанія». «Какъ ни старалась она таиться, но, по временамъ, проговаривалась какимъ нибудь, нечаянно брошеннымъ словомъ, именемъ, авторитетомъ въ той или другой сферѣ знанія». Она стояла «неизмѣримо выше круга, гдѣ жила», «окружавшей ея застарѣлости, деспотизма, грубости нравовъ». «Образъ мыслей ея былъ смѣль и свободенъ.» Она поставила задачей «выработать новую жизнь изъ старой». Слушая «проповѣди» Марка, В., «почти незамѣтно для нея самой, повѣрила искренности одностороннихъ и поверхностныхъ увлеченій собесѣдника и отъ недовѣрія перешла къ изумленію и участію».—«Участіе привлекло меня на вашу сторону... Я изъ любопытства слѣдила за вами, позволила вамъ приходиться къ себѣ, брала у васъ книги—видѣла умъ, какую-то силу...» «Она увлеклась личностью Волохова, влюбилась въ него самого, въ его смѣлость, въ самое это стремленіе къ новому, лучшему, но не влюбилась въ его ученіе...» Она осталась вѣрна старымъ, прочнымъ понятіямъ о жизни, о счастьи, она «не шла» туда, куда онъ ее звалъ; «боролась и незамѣтно, мало по малу, перешла сама въ активную роль: воротить и его на дорогу, уже испытаннаго добра и правды, увлечь сначала въ правду любви, человеческого, а не животнаго счастья, а тамъ и дальше въ глубину ея вѣры, ея надеждъ...» Она хотѣла «обратить» Марка «въ свою вѣру». «Я горячо приняла вашу судьбу—говоритъ она:—Я страдала не за одинъ темный образъ (вашей) жизни, но и за васъ самихъ. упрямо шла за вами, думала, что ради меня... вы пой-

мете жизнь, не будете блауждать въ одишочку, со вредомъ для себя и безъ всякой пользы для другихъ...» Она думала, что «введетъ поваго и сильнаго челоуѣка въ общество. Онъ уменъ, пастойчивъ и если будетъ простъ и дѣятеленъ, какъ Тушинъ, тогда... и ея жизнь угадала. Она не даромъ жила... А тамъ она не знала, что будетъ.» «Она надѣялась, что путемъ неусыпнаго труда, жертвъ, она мало-по-малу совершить чудо,—и наградой ея будетъ счастье женщины—быть любимой челоуѣкомъ, котораго угадало ея сердце», и у нея будетъ «другъ на всю жизнь». «Она была счастлива при этой мысли». Обратилъ Марка въ свою вѣру — «одно условіе моего счастья», говоритъ В.: «другого я не знаю и не желаю.» «Всякій разъ съ этой надеждой сходила она съ обрыва,» съ надеждой, что Маркъ «уступитъ старой, испытанной правдѣ,» что «они подадутъ другъ другу руки навсегда,» и «всякій разъ ошибалась.»—Цѣлый годъ они «спорили.»—«Всякій разъ, какъ мы наединѣ,—говоритъ ей Маркъ,— вы или спорите, или пытаете меня. Цѣлый годъ шла «борьба». Вопросъ о любви, о той «силѣ», которою она «думала побѣдить» Марка, былъ самымъ острымъ вопросомъ для В. «Теоріи любви на срокъ» Марка, она противопоставила вѣру въ «безсрочную» любовь, любовь на «цѣлую жизнь». Жена, по ея убѣжденію, должна быть «на всю жизнь» «товарищемъ мужа», «равнымъ» ему. «В. чувствовала, что сила ея дѣйствуетъ.»—«Съ весны» (это замѣтила и бабушка), съ начала «любви» своей, она, «такая страшная, стала: «то повеселѣетъ, то задумается; часто капризничаетъ, иногда вспылитъ». Послѣ удачи съ Маркомъ, «за ея обыкновенной всендневной миной, крылась другая. В. усиливалась и притомъ съ трудомъ, скрадывать какое-то ликованіе, будто прятала блиставшую въ глазахъ, въ улыбокѣ зарю внутренняго удовлетворенія, которымъ, повидимому, но хотѣла дѣлиться ни съ кѣмъ... Недовѣрчивыхъ и недовольныхъ взглядомъ не замѣтно, а въ лицѣ, во всей ея фигурѣ тишина, невозмутимый покой, въ глазахъ появлялся иногда лучъ эстаза, будто она черпнула счастья.» «Она была въ какомъ-то непарушимо тихомъ торжественномъ покоѣ счастья или удовлетворенія, молча чѣмъ то наслаждалась, была добра, ласкова съ бабушкой и Маронинкой, и только въ нѣкоторые дни приходила въ безпокойство, уходила къ себѣ, или въ садъ, или съ обрыва въ рощу... А потомъ опять была ровна; покойна».. Она «молиться начала» у «деревянной часовни»: «вся фигура ея, сжавшаяся неподвижно, затасенное дыханіе и немигающій, устремленный на образъ взглядъ—все было молитва». Она молилась передъ свиданіемъ съ Маркомъ о «невѣрующихъ», но прошло свиданіе, и В. «казалась» «такою, какъ всегда», «ничего особеннаго»: «взяла даже какую то работу, на которую и устремила вниманіе», «но бабушка замѣчала, что она продѣваетъ только взадъ и впередъ шелковицу», а Райскій видѣлъ, что В. «въ нныя минуты вздрагиваетъ или боязливо поводитъ глазами вокругъ себя, поглядывая... подозрительно на каждаго». Прошло нѣсколько дней, В.—стала снова «не весела». Послѣ бесѣды съ Маркомъ, когда онъ сказалъ уходя, что «постарается не видаться больше» и «не обернулся» «на зовъ ея сердца»—она стала «молчалива и грустна». Райскій «чаще прежняго заставлялъ ее у часовни молящеюся». «Она была покойна, смотрѣла свѣтло, съ тихой увѣренностью на лицѣ, съ какою то покорностью судьбѣ. «Посмотри, какимъ миромъ сияетъ у тебя лицо: гдѣ ты почерпнула этотъ миръ? Тамъ?»—онъ указалъ на часовню.—«Гдѣ же больше?»—«Ты.. не ходишь, кажется, больше туда?»—продолжалъ онъ, указывая къ обрыву. Она покачала головою.—«И не пойду»,—тихо сказала она. Однако, когда раздался черезъ минуту призывный выстрѣлъ—«она, какъ будто, испугалась, подняла голову, оцѣпенѣла, все слушала. Глаза у нея смотрѣли широко и неподвижно. Въ шихъ еще стояли слезы. Потомъ отняла у Райскаго руку и рванулась къ обрыву. Она остановилась на подорожѣ, приложивъ руку къ сердцу и опять слушала.»—«Пять минутъ назадъ ты была тверда, В...», сказалъ Райскій. «Она поглядѣла машинально на него, не слушая, и сдѣлала шагъ опять къ обрыву, но повернула назадъ и медленно пошла къ часовнѣ. —«Да, да,—шептала она: я не пойду. Зачѣмъ онъ зоветъ? Ужели въ эти дни совершился переворотъ?.. Нѣтъ, нѣтъ. не можетъ быть, чтобъ онъ... Она стала

на порогѣ часовни на колѣни, закрыла руками лицо и замерла неподвижно», но когда раздался другой выстрѣлъ, она стремительно бросилась по лугу къ обрыву. — «Что, ежели онъ возвращается... если моя правда взяла верхъ? Иначе, зачѣмъ зовешь? О Боже!» думала она, «и едва касаясь ногами травы, понеслась по лугу, не оглянувшись назадъ и скрылась за деревьями сада, въ аллеѣ, ведущей къ обрыву». — Она вернулась «угрюмая», «и ни съ кѣмъ не сказала ни слова». — «А я все надѣялась... и надѣюсь еще... безумная... Боже мой!» ломая руки, думала она. — «На другой день, утромъ рано», В. «дала Маринѣ записку и велѣла отдать (Марку) и принести отвѣтъ. Послѣ отвѣта стала веселѣе и, «попросившись у бабушки», уѣхала къ «Натальѣ Ивановнѣ», чтобъ «избавиться отъ этой горячки». Когда В. вернулась, то у нея были слезы на глазахъ»; «сквозь живой тонъ» Райскій слышалъ будто усталость, видѣлъ напряженіе скрыть истощеніе силъ». — «Она собираетъ послѣднія силенки, чтобы замаскироваться, уйти въ себя— это явно; но и въ себѣ ей уже тѣсно—чаша переполняется и волненіе выступает наружу». Когда Райскій заявилъ, что «черезъ часъ уѣдетъ, она отвѣтила, «сильно схвативъ его за руку»: — «Не смѣйте, я не хочу!» «Вы мнѣ нужны». — «Страсть прекрасна: она кладетъ на всю жизнь долгій слѣдъ и этотъ слѣдъ люди называютъ счастьемъ!»—кто это проповѣдывалъ? А теперь бѣжать: нѣтъ! оставайтесь, вмѣстѣ кинемся въ эту бездну!... Вы меня учили любить, вы преподавали страсть вы развивали ее»... — «Страсть прекрасна», твердили вы. — Ну вотъ она, любуйтесь». Райскій «не узналъ прежней В. Лицо блѣдное, исхудалое, глаза блуждали, сверкая злымъ блескомъ, губы сжаты. Съ головы изъ подъ косынки выпадали въ безпорядкѣ на лобъ и виски двѣ-три пряди волосъ, какъ у цыганки, закрывая ей, при быстрыхъ движеніяхъ, глаза и ротъ». — «Страсть—тигръ. Она рветъ меня. Помогите мнѣ жить, дайте той прекрасной страсти, отъ которой тянутся какіе то лучи на всю жизнь»... Дайте этой жизни, гдѣ она? Я, кромѣ отгрызающагося тигра, не вижу ничего... Говорите, научите или воротите назадъ, когда у меня еще была сила!» «Гордая» В. «молила» Райскаго «защитить ее» отъ себя самой. — «Будьте подлѣ меня, не пускайте меня, заприте, если нужно, удержите силой... Вотъ до чего я дошла!— съ ужасомъ прошептала она, закинувъ голову назадъ въ отчаянны, какъ будто удерживала стоить, и вдругъ выпрямилась...» — «Потомъ, тихо пачала В. опять: — «никогда объ этомъ никому не поминайте, даже мнѣ самой»... Но, когда дня два Волоховъ не показывался, — нервы ея видимо упали». — «Мнѣ кажется, Вѣра, у тебя есть помощь сильнѣе моей и ты напрасно надѣялась на меня. Ты и безъ меня не пойдешь туда (къ обрыву)... сказалъ Райскій, подходя съ В. къ часовнѣ. «Она сдѣлала утвердительный знакъ головой и сама, кажется, во взглядѣ Христа искала силы, участія, опоры, опять призыва. Но взглядъ этотъ, какъ всегда, задумчиво-покойно, какъ будто безучастно, смотрѣлъ на ея борьбу, не помогая ей, не удерживая ее...» В. вздохнула. — «Не пойду!» — подтвердила она тихо, отводя глаза отъ образа. Райскій не прочелъ на ея лицѣ ни молитвы, ни желанія. Оно было подернуто задумчивымъ выраженіемъ усталости, равнодушія, а, можетъ быть, тихой покорности». Вечеромъ грянулъ выстрѣлъ, — «она вздрогнула, быстро опустила на стуль и опустила голову». «Въ глазахъ былъ испугъ и тревога». Послѣ долгой борьбы съ самой собой, она «неслышно спустилась съ лѣстницы». «Она не шагала, а неслась». У обрыва ее остановилъ Райскій. «Она окаменѣла на мѣстѣ». — «Вѣра, куда, зачѣмъ?» — «Туда... въ послѣдній разъ, свиданіе необходимо—проститься,—шептала она со стыдомъ и мольбой»... — «Чтобъ разстаться, не надо видѣться,—сказала Райскій. — «Надо—и я увижусь! Часомъ или днемъ позже—все равно. Всю дворню, весь городъ зовите, хоть роту солдатъ, ничѣмъ не удержите!»... — «Братъ, заговорила она черезъ минуту нѣжно, кладя ему руку на плечо,—если вы когда побудь горѣли, какъ на угольяхъ, умирали сто разъ въ одну минуту отъ страха, отъ нетерпѣнія... Когда счастье просится въ руки и ускользаетъ... и ваша душа просится вслѣдъ за нимъ... припомните такую минуту... когда у васъ оставалась одна послѣдняя надежда... искра... Вотъ это—

моя минута! Она пройдет—и все пройдет съ ней»...—«Она стала на колѣни подлѣ него»...—«Раздался третій выстрѣлъ. Она рванулась, по Райскій успѣвъ удержать ее за руку... Она начала биться у него на рукахъ, вырываясь, падая, вставая опять».—«Если... вамъ было когда-нибудь хорошо въ жизни, то пустите!». Вы говорили, «любви, страсть прекрасна!»—задыхаясь отъ волненія, говорила она и вырывалась у него изъ рукъ:—«вспомните... и дайте мнѣ еще одну такую минуту, одинъ вечеръ... Христа ради! шептала она... Подайте и мнѣ эту милостыню...—И Тотъ, Кому мы молились вчера, что это послѣдній вечеръ... послѣдній! Я никогда не пойду съ обрыва больше... «Туда... взглянуть одинъ разъ... на «волка»... проститься... услышать его... м. б.... онъ уступить»... Когда Райскій снесъ ее съ обрыва и отпустилъ, «она быстро обернулась къ нему, обдала его всего широкимъ взглядомъ изступленнаго удивленія, благодарности, вдругъ опустилась на колѣни, схватила его руку и крѣпко прижала къ губамъ...—«Братъ! вы великодушны, Вѣра не забудетъ этого!»—сказала она и, взвизгнувъ отъ радости, какъ освобожденная изъ кѣтки птица, бросилась въ кусты».—Когда она увидѣла Марка и онъ взялъ ее за руку, «тревога ея мгновенно стихла, между ними началась опять «нескончаемая полемика», споръ «въ послѣдній разъ»: о «любви на срокъ» и «любви на всю жизнь». Маркъ требовалъ, чтобъ она «разсталась съ какими-то заученными убѣжденіями». Она отвѣчала: эти убѣжденія—сама жизнь. Я уже вамъ говорила, что живу ими и не могу иначе жить»... В. поняла, что «все кончено», что у нея нѣтъ силъ, ни уйти, ни удержать его! «Еслибъ удержала—что будетъ? не жизнь, а двѣ жизни, какъ двѣ тюрьмы, раздѣленные вѣчной рѣшеткой».—«Мы высказались... отдаю рѣшеніе въ ваши руки!»—проговорилъ глухо Маркъ.. Нѣтъ не могу—слышите, Вѣра, безсрочной любви не общаю... Но я люблю васъ теперь больше всего на свѣтѣ! И если вы послѣ всего этого, что говорю вамъ,—кинетесь ко мнѣ... значитъ вы любите и хотите быть моею»...—«Навсегда вашей?»—спросила она тихо—и сама испугалась повисшей надъ нею тучи. Скажи онъ—«да», она забыла бы о непроходимой «разности убѣжденій», дѣлавшихъ изъ этого «навсегда»—только мостикъ на минуту, чтобъ перебѣжать пропасть и затѣмъ онъ рухнулъ бы самъ въ ту же пропасть»... Онъ молчалъ.—«Не знаю!» сказалъ онъ съ тоской и досадой.. Я знаю только, что буду дѣлать теперь, а не заглядываю за полгода впередъ... Если вы раздѣлите мою любовь, я останусь здѣсь, буду жить тише воды, ниже травы... дѣлать, что вы хотите... чего же еще? Или.. уѣдемъ вмѣстѣ!.. вдругъ сказалъ онъ, подходя къ ней. Передъ ней будто сверкнула молнія. И она бросилась къ нему и положила ему руку на плечо. Ей неожиданно отворились двери въ какой-то рай. Цѣлый міръ улыбнулся ей и звалъ съ собой.. «Съ нимъ, далеко гдѣ-нибудь», думала она. Нѣга страсти стукнулась тихо къ ней въ душу. «Онъ колеблется, не можетъ оторваться, и это теперь... Когда она будетъ одна съ нимъ... тогда, м. б. онъ и самъ убѣдится, что его жизнь только тамъ, гдѣ она»... Все это пѣлъ ей какой-то тихій голосъ.—«Уѣхать съ вами!»—повторила она мечтательно, глядя долго и пристально на него:—а потомъ?»—«А потомъ... не знаю. Зачѣмъ это «потомъ»?.. Это дало ей силу рѣшиться. «Прощайте, Маркъ!»—вдругъ сказала она блѣдная, почти съ гордостью.—Я рѣшила.. Вы никогда не дадите мнѣ того счастья, какого я хочу. Дѣло кончено». «Оба встали съ мѣста блѣдные, стараясь не глядѣть другъ на друга». «Оба пошли молча по дорожкѣ, все замедляя шагъ, какъ бы чего-то другъ отъ друга ожидая. Обоимъ мучила одна и та же мысленная работа, изобрѣсти предлогъ замедленія. Оба понимали, что каждый со своей точки зрѣнія правъ, по все-таки безумно втайнѣ надѣялись, онъ—что она перейдетъ на его сторону, а она,—что онъ уступитъ... Но ихъ убивало, что это послѣднее свиданіе, послѣдній разъ, что черезъ пять минутъ, они будутъ чужіе другъ другу навсегда. Имъ хотѣлось задержать эти пять минутъ, уложить въ нихъ все свое прошлое и, еслибъ можно было, заручиться какой-нибудь надеждой на будущее! Но они чувствовали, что будущаго нѣтъ, что впереди ждала неизбѣжная, какъ смерть, одна разлука». «Вѣра припомнила всю жизнь и не шла ни одной

такой горькой минуты въ ней. У нея глаза были полны слезъ. Теперь ся единственнымъ счастьемъ на мигъ—было бы обернуться, взглянуть на него хоть разъ и поскорѣе уйти навсегда, но, уходя, измѣрить хоть глазами—что она теряетъ. Ей было жаль этого упосягающаго вихря счастья, но она не смѣла обернуться: это было-бы все равно, что сказать да на его роковой вопросъ: «Взглянуть одинъ разъ, что опъ—и отвернуться навсегда, — колебалась она, стоя у подъема на крутизну». «Она стояла у подъема на крутизну, какъ будто не могла взойти на нее». «Потомъ... тихо обернулась назадъ и вздрогнула. Маркъ сидѣлъ еще на плетѣ и глядѣлъ на нее.—«Маркъ, прощай!» вскрикнула она и сама испугалась собственнаго голоса; такъ много было въ немъ тоски и отчаянья». «Маркъ» «принялъ ея отчаянный нервный крикъ прощай, за призывъ—и поспѣшилъ на зовъ».—«Ты воротился... навсегда»?.. сказала В.—«Ты понялъ наконецъ.. о, какое счастье!.. Боже, прости». Она не договорила. Она была у него въ объятіяхъ. Поцѣлуй его зажалъ ея вопль. Борьба «кончилась» «не побѣдой тою или другою, а взаимнымъ пораженіемъ».

«Туча горя и ужаса», «невъразимой тоски», повисла надъ В.:—«Кончена жизнь!» шептала она съ ужасомъ и видѣла впереди одну голую стѣну, безъ привязностей, безъ семьи, безъ всего того, изъ чего соткана жизнь женщины. Предъ ней только одна глубокая, какъ могила пропасть». «Ей хотѣлось бы непроницаемой тьмы, непробудной тишины вокругъ себя, чтобы глазъ ея не касались лучи дня, чтобы не доходило до нея никакого звука. Она будто искала новаго, небывалаго состоянія духа, пѣмоты и дремоты ума, всѣхъ силъ, чтобы окаменѣть; стать растеніемъ, ничего не думать, не чувствовать, не сознавать». «Еслибъ умереть!» — внезапно просіявъ отъ этой мысли, съ улыбкой, съ наслажденіемъ шепнула она». «Съ ужасомъ», съ отчаяньемъ она думала, что «ей предстояло стать лицомъ къ лицу съ бабушкой, и сказать ей:—«Вотъ чѣмъ, я заплатила за твою любовь, пощеченія, какъ падругалась надъ твоимъ довѣріемъ... до чего дошла своей волей». Ей въ дремотѣ отчаянья снился взглядъ бабушки, когда она узнала все, брошенный на нее, ея голосъ, —даже не было голоса, а вмѣсто его какіе-то глухіе звуки ужаса и смерти». «Можетъ быть объ умремъ, помѣшаемся»,—сказала она Райскому,—«но я ее не обману, какія-бы ни были послѣдствія, ихъ надо не скрыть, а перенести». «Я замучалась, пока она не узнаетъ— а у меня еще много мукъ». «И это не главная», подумала она про себя. Отъ спиходительности бабушки, В. «охватила ужасъ». Ей казалось, какъ всегда, когда совѣсть тревожитъ, что бабушка уже угадала все и ея исповѣдь оиздастъ».—«Тушинъ смотрѣлъ на В. какими-то особенными глазами». «Не узналъ-ли? не слыхалъ-ли?» шептала ей совѣсть. «Нѣтъ, пусть знаетъ и онъ! Пришли бы хоть новыя муки на смѣну этой ужасной пытки—казаться обманщицей!»—шептало въ ней отчаянье. И она сказала все Тушину. Ей казалось, что Василиса и Яковъ смотрѣли на нее сострадательно, Егорка дерзко, а горничныя насмѣшливо.—«Вотъ она, «повая жизнь!» думала она, потупя глаза передъ взглядомъ Василисы и Якова, и сворачивая въ сторону отъ Егорки и горничныхъ. А никто въ домѣ, кромѣ Райскаго, не зналъ ничего. Но ей казалось, «...что она читала свою тайну у всѣхъ на лицѣ». Затѣмъ пришло новое мученіе. Когда Тушинъ и Райскій узнали «объ всемъ»—ихъ участіе, полное «уваженія», стало казаться ей «сострадательнымъ великодушіемъ». «Когда Татьяна Марковна (знавшая уже всю правду) смотрѣла на нее съ глубокою нѣжностью», «стала нѣжнѣе», чѣмъ когда либо, «удвоила ласки». «Вѣрѣ думалось», что это «женское глубокое сердце бабушки открылось состраданію: ей жаль карать В., «бѣдную, больную, покаявшуюся», «нищую». Гордость, человѣческое достоинство, права на уваженіе, цѣлость самолюбія—все разбито въ дребезги! Вѣра «ждала» отъ бабушки «и хотѣла «пѣтва, грома», строгаго суда, казни», чтобы бабушка не дарила бы ее лаской и нѣжностью, пока она нѣсколькими годами, работой всѣхъ силъ ума и сердца, не воротила бы себѣ права на любовь этой матери—тогда только успокоилась бы она, тогда настало бы искупленіе. или, по крайней мѣрѣ, забвеніе,

если правда, что «время все стираетъ съ жизни», какъ утверждаетъ Райскій». Въ состраданіи ей чудилось «невольное презрѣніе». У ней пропало даже прошлое пренебреженіе къ чужому мнѣнію. Ей стало больно упасть въ глазахъ даже и «глушцовъ», какъ выражался Маркъ; «ей стало жаль» прошлаго, «общаго поклоненія, теперь утраченнаго!»—«Что-жь, и приму (Христа ради прощеніе родственниковъ), ради Его—и смирюсь!» Но гдѣ же смиреніе? Смиреніе значитъ—выносить взглядъ укоризны чистой женщины, блѣднѣть подъ этимъ взглядомъ цѣлые годы, всю жизнь, и не смѣть роптать. И не буду!—думала она. Перенесу все!.. «Она хотѣла молиться и не могла. О чемъ она станеть молиться?»—«Нельзя жить! Нѣтъ покоя и не будетъ никогда!» «Нельзя жить больше... все погибло!» Она упала безъ надежды встать.—«Молись и ты»—шептала ей бабушка.—«Молитесь вы за меня,—я не могу!»—«Плачь!» говорила бабушка.—«Нѣтъ слезъ, отвѣчала В. Бабушка «спасла В. отъ отчаянья», только «казнивъ себя», признавшись ей, что и она «такая же грѣшница», какъ и В. Исповѣдь бабушки она слушала въ изумленіи, сначала приняла за «героической поступокъ», за «великодушный замыселъ», чтобы спасти ее, падшую, поднять».—«Зачѣмъ клеветишь на себя? «почти шипѣла» В., дрожа:—«чтобъ успокоить, спасти бѣдную Вѣру? бабушка, бабушка, не лги!» И убѣдившись, что бабушка говоритъ правду,—сказала ей:—«Ты святая женщина. Нѣтъ другой такой матери». В. повѣрила ей, и «стало тепло въ груди, легче на сердцѣ».—Бабушка «встала»,—и она можетъ «встать»; для этого, ей, Вѣрѣ, «надо быть бабушкой въ свою очередь, отдать всю жизнь другимъ и, путемъ долга, нескончаемыхъ жертвъ и труда, начать «новую» жизнь, не похожую на ту, которая стащила ее на дно обрыва... любить людей, правду, добро... Все это вихремъ несло у ней въ головѣ и будто уносило ее самое, на какихъ-то облакахъ. Ей на душѣ становилось свободнѣе, какъ преступнику, которому расковали руки и ноги». «Она внутренно вставала на ноги, будто пробуждалась ото сна, чувствуя, что въ нее льется волнами опять жизнь, что тихо, какъ другъ стучить, миръ въ душу, что душу эту, какъ темный запущенный храмъ, освѣтили опять молитвами и надеждами. Могила обращалась въ цвѣтникъ». «Она теперь только поняла эту усилившуюся къ ней, послѣ признанія, нѣжность и ласки бабушки. Да, бабушка взяла ее неудобоносимое горе на свои старыя плечи, стерла своей виной ея вину и не сочла последнюю за «потерю чести». Съ бабушкой онѣ теперь не бабушка съ внучкой, а двѣ подруги, близкія, равныя, неразлучныя».—Она выплакала болѣзнь на груди бабушки. Послѣ этого «мучительныя скорби миновали», хотя «колоритъ и тоны прежней жизни измѣнились». В. «стала другою Вѣрою». Она усердно ушла въ домашнія хлопоты, особенно заботилась о приданомъ Марейки, и принесла туда свой вкусъ и трудъ. Въ ожиданіи какого-нибудь серьезнаго труда, какой могла дать ей жизнь со временемъ, по ея уму и силамъ, она положила не избѣгать никакаго дѣла, какое представится около нея, какъ-бы оно просто и мелко ни было—находя, что, подъ презрѣніемъ къ мелкому, обыденному дѣлу и, подъ мнимымъ ожиданіемъ или изобрѣтеніемъ какого-то новаго, еще небывалаго труда и дѣла, кроется у большей части просто лѣнь или неспособность, или, наконецъ, большое и смѣшное самолюбіе—ставить себя самихъ выше своего ума и силъ. Она рѣшила, что «дѣла» изобрѣтать нельзя, что оно само, силою обстоятельствъ выдвигается на очередь въ данный моментъ, и что такимъ естественнымъ путемъ, рождающееся дѣло только и важно, и нужно. Слѣдовательно, надо зорко смотреть около, не лежители праздно несдѣланное дѣло, за которымъ явится на очередь слѣдующее, по порядку, и не бросаться за какимъ-нибудь блуждающимъ огнемъ или «миражемъ»... Не надо пуще всего покладывать рукъ и коснѣть «въ блаженномъ усненіи», въ постоянномъ «отдыхѣ», безъ всякаго труда».—Гордость В. «была сломлена»; «одиночность силъ, при первомъ тяжеломъ опытѣ, оказалась несостоятельною». «Она поплатилась своею гордостью, и вдругъ почувствовала себя, въ минуту бури, безсильною, а, когда буря ушла,—жалкой, безпомощной сиротой и протянула, какъ младенецъ, руки къ людямъ». И внѣшній видъ В. измѣнился. «Безсознатель-

ное блистаніе молодости и красоты, разливающей яркіе и горячіе лучи вокругъ себя, исчезло». Она ходила уже «не прежнимъ ползучимъ шагомъ, не съ волнующимся при походкѣ станомъ, а тихой, ровной поступью»; «горячіе живые тоны въ лицѣ замѣнились прозрачной блѣдностью». «Въ глазахъ ея было меньше блеска».—Томная печаль, глубокая усталость смотрѣла теперь изъ ея глазъ». «Въ улыбкѣ не было гордости, нетерпѣливыхъ, едва сдерживаемыхъ молодыхъ силъ. Кротость и грусть тихо поклонилась на ея лицѣ и вся стройная фигура ея была полна задумчивой, нѣжной граціи, унылаго покоя».—«Это лилія! гдѣ прежняя Вѣра? Которая лучше: та или эта?» думалъ Райскій, протигивая ей въ умилениіи руки». Она измѣнилась и къ своимъ близкимъ. Прежде В. дарила довѣріе, какъ будто изъ милости, только своей подругѣ. «Теперь она шла искать помощи съ поникшей головой, съ обузданной гордостью, почуя рядомъ силу сильнѣе своей и мудрость мудрѣе своей самолюбивой воли. Она, послѣ обрыва, «поняла Райскаго»,—когда онъ бросилъ ей букетъ померанцевыхъ цвѣтовъ въ окно,—В. «поняла, что этотъ ударъ не могъ быть нанесенъ равнодушной рукою».—«Я повѣрила, что ты любишь меня,—говоритъ она Райскому. Тутъ только представилось мнѣ, что ты вытерпѣлъ въ эти недѣли, вчера»... Когда онъ пришелъ къ ней, полный раскаянія въ своемъ поступкѣ, утромъ послѣ «обрыва» и она услышала его слова, произнесенныя «угасшимъ голосомъ», увидѣла его блѣдное лицо, она, казалось, читала или угадывала смыслъ этого новаго лица, «новаго Райскаго», забыла «въ эту секунду всю свою бурю». Она видѣла на другомъ лицѣ такое же смертельное страданіе, какое жило въ ней самой.—«Братъ, что съ тобой? Ты несчастливъ?»—сказала она, положивъ руку ему на плечо,—и въ этихъ трехъ словахъ и въ голосѣ ея—отозвалось, кажется, все что есть великаго въ сердцѣ женщины: состраданіе, самоотверженіе, любовь».—«Едва говоря, очевидно, дѣлая надъ собою усиліе», В. старалась «немного успокоить» его, «впадавшаго въ отчаяніе».—«Иди оттуда... хотѣла послать за тобой»,—говоритъ В.,—чтобы тебѣ первому сказать всю исторію... искупить хоть немного все, что ты вытерпѣлъ... но ты поторопился». «Она требуетъ отъ него, какъ отъ друга и брата, помощи, важной услуги»—«передать все бабушкѣ». Въ теченіи «новой жизни», она «привязалась» къ Райскому:—«Братъ, «если скука опять будетъ одолевать тебя, заглянешь-ли ты сюда, въ этотъ уголокъ, гдѣ тебя теперь понимаютъ и любятъ?»—шепнула она ему при его отъѣздѣ. В. «поняла» и бабушку: «она теперь только почувствовала, какъ глубоко вонзился ножъ и въ ея, и въ чужую, но близкую ей жизнь, какъ страдаетъ за нее эта трагическая старуха».—«Она за что? Она—святая!» В. «заболѣла» отъ мученій; «очнувшись на груди этой своей матери, въ потокахъ слезъ, безъ словъ, въ судорогахъ рыданій, изливала В. свою исповѣдь, раскаяніе, горе, всю вдругъ прорвавшуюся силу страданія».—«Мать моя, простите меня»... шептала она... «Я не слушала васъ...—Богъ покараетъ меня за васъ»...—«Если-бъ я тебя знала, вышла-ли бы я изъ твоей воли?»—«Съ бабушкой она теперь»—мечтала потомъ В.—не бабушка съ внучкой, а двѣ подруги, близкія, равныя, неразлучныя». «Она даже нечаянно начала ей говорить ты..., когда заговорило прямо сердце, забывшее холодное въ, и она оставитъ за собой это право».—«Бабушка,—сказала она:—ты меня простила, ты любишь меня больше всѣхъ, больше Марѳиньки,—я это вижу! А видишь-ли, знаешь-ли ты, какъ я тебя люблю? Я не страдала-бы такъ сильно, если-бъ такъ-же сильно не любила тебя! Какъ долго мы не знали съ тобой другъ друга!» «Ты сама чувствуешь, бабушка, что ты сдѣлала теперь для меня: всей моей жизни недостанетъ, чтобъ заплатить тебѣ... дай мнѣ только обожать твои святые сѣдины и благословлять всю жизнь!»—Онѣ поняли обѣ «другъ-друга». Только чувства В. къ Тушиню остались неизмѣнны. Тушиня (когда В. хотѣла открыть ему свою «бѣду»,—чтобы не лишиться «прелести его дружбы») невѣрно истолковавъ ея волненіе объяснился ей въ любви.—«Я люблю васъ»... сказалъ онъ.—«Ну, я знаю, отвѣтила В.—«И я васъ тоже... что за новость! «Мы старые друзья»... Нѣтъ Вѣра Васильевна, люблю еще, какъ женщину»... Она вдругъ выпрямилась и окаменѣла,

почти не дыша»...—Бѣдный Ивапъ Ивановичъ, и вы! сказала она.—«Боже мой! За что вы будете пить мою чашу»!..—Вы знаете, ...какъ я дорожила вашей дружбой,—сказала В., и скрыть отъ васъ («бѣду»),—это было-бы мукой для меня. Теперь мнѣ легче,—я могу смотрѣть вамъ прямо въ глаза, я не обманула васъ»...—«Я позвала васъ, чтобы... видѣть васъ въ этой тревогѣ. Когда вы тутъ—будто покойнѣе», говорила она ему, вызвавъ его послѣ письма Марка. Во время бесѣды, В. угадала, что Тушинъ «во второй разъ скатился съ своего обрыва надеждъ», и «ея сердце, женскій инстинктъ, дружба, все бросилось на помощь бѣдному Тушину, и она не дала рухнуть окончательно всеѣмъ его надеждамъ, удержавъ одну, какую только могла дать ему въ своемъ положеніи—это безграничное довѣріе и уваженіе». И она довѣрила ему, вмѣсто себя, переговоры съ Маркомъ.

Со «страстью» В. къ Марку все было кончено подъ обрывомъ. Письмо Марка, присланное В. на другой день,—она не прочитала: «посмотрѣла на него съ минуту, подумала—и рѣшительно бросила «нераспечатаннымъ въ столъ»; «взглянувъ»на второе его письмо, В. оцѣнилась, какъ будто отъ изумленія и съ минуту не брала его изъ рукъ Якова». Когда Яковъ ушелъ, она оперлась локтями на столъ и закрыла руками лицо.—«Какая казнь! Кончится-ли это истязаніе?—шептала она въ отчаяніи». Она глядѣла на этотъ синій пакетъ съ знакомымъ почеркомъ, не торопясь сорвать печать—не отъ страха оглядки, не отъ ужаса звуковъ «тигра». Она, какъ будто со стороны, смотрѣла, какъ ползеть мимо нея этотъ «удавъ» (страсть, по выраженію Райскаго), еще недавно душившій ее страшными кольцами и сверканье чешуи не ослѣпляетъ ея больше». «Знай онъ, (Маркъ), какой переворотъ совершился наверху обрыва, онъ бы, конечно, не написалъ». —«Что дѣлать! Какого отвѣта можетъ онъ ждать, когда мы разошлись навсегда? Ужели вызываетъ?... Нѣтъ, не смѣетъ!... А если вызываетъ?.. Она вздрогнула. Она заглянула себѣ въ душу, и тамъ подслушивала, какой могла-бы дать отвѣтъ на его надежду и опять вздрогнула.—«Нельзя сказать этого отвѣта», думала она: эти отвѣты не говорятся... Если онъ самъ не угадалъ его—отъ меня никогда не узнать!»—У меня одинъ отвѣтъ: не могу, силъ нѣтъ, ничего нѣтъ во мнѣ!» «ничего не хочу, не осталось въ сердцѣ ничего».—Бабушка? «развѣ ты не знаешь, что тутъ все рѣшено давно»?—сказала она Тальяи Марковнѣ.—«Я ничего не хочу, я едва хожу—и если дышу свбодно и надѣюсь ожить, такъ это при одномъ условіи,—чтобъ, мнѣ ничего не знать, не слышать, забыть навсегда... А онъ напомнилъ! Зоветь туда, манить счастьемъ, хотеть вѣнчаться!.. Боже мой»!..—Она съ отчаяніемъ пожала плечами.—«Бабушка! Я ничего не хочу! Пойми одно: если-бъ онъ какимъ-нибудь чудомъ переродился теперь, сталъ тѣмъ, чѣмъ я хотѣла прежде, чтобъ онъ былъ,—еслибъ сталъ вѣрить во все, во что я вѣрю,—полюбилъ меня, какъ я... хотѣла любить его,—и тогда я не обернулась-бы на его зовъ»... «Я бы не была съ нимъ счастлива: я не забыла-бы прежняго человѣка, никогда и никогда не повѣрила-бы новому человѣку. Я слишкомъ тяжело страдала.. Какая страсть устоитъ передъ этими страданіями? Развѣ можно повторять такую ошибку!.. Во мнѣ ничего больше нѣтъ... Пустота—холодъ, и еслибъ не ты—отчаянье»... «Я не жалуюсь тебѣ на него. Никогда не забывай, что я одна виновата во всемъ.. Онъ не знаетъ, что произошло со мной и оттого пишетъ». И въ отвѣтъ на письмо Марка, она написала лаконически: «я не была и не буду счастлива съ вами и послѣ вѣнчанія, я не увижу васъ никогда. Прощайте».

Критика: 1) «Поэзія прошлою слыласъ съ поэзіей вѣчнаго въ образѣ Вѣры. Трагизмъ ея положенія заключается въ томъ, что она не принадлежитъ всецѣло ни прошлому, ни настоящему. Она стоитъ между ними и не хочетъ примирить ихъ, и жаждетъ не созданнаго будущаго».—Передъ бабушкой она искренно готова защищать Волохова, передъ Волоховымъ—бабушку. Если бы она могла соединить новую правду Марка съ тѣмъ вѣчнымъ, чѣмъ она дорожитъ въ прошломъ человѣчества! Но ни бабушка, ни Волоховъ не понимаютъ ея, и она знаетъ, что они никогда не поймутъ. Вотъ почему она такая скрытная и нелюдимая, не смотря на всю бездуу любви, заключенной въ ея сердцѣ». [Мережковскій. Соч. т.

XIII, стр. 259—260]. 2) В.—«типъ новой женщины»,—съ особенной любовью обрисована Гончаровымъ, замѣчаетъ Острогорскій. В., какъ характеръ, гораздо сложнѣе и глубже» всѣхъ героинь Гончарова. [«Этюды». 3) Эта «новая женщина» была встрѣчена съ нескрываемой злобой, нѣкоторыми «литературными судьями». Такъ одинъ изъ нихъ—Нелюбовъ—отмѣчалъ «ничтожество» ея характера, несоотвѣтствіе его съ тѣмъ «значеніемъ и вѣсомъ», которое ему придано въ романѣ». («Р. Вѣстн.» 1869 г.). Другой критикъ, А. К. Головинъ, считаетъ В. «эгоисткой въ душѣ»: «въ цѣломъ романѣ у нея нея не проявляется ни одной сердечной искры»— («Р. романъ и р. общество»). Эти «образцы критическаго недомыслия» характерны столько же сами по себѣ, сколько и т., ч. они до сихъ поръ воскрешаются, и приводятся, безъ всякихъ комментаріевъ, въ сборникахъ крит. статей о Гончаровѣ, предназначенныхъ для обращенія среди широкаго круга читателей, преимущественно учащихся.

Г.

Г. («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—Гошкевичъ, О. А.

Г—ичъ («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—Гошкевичъ, О. А.

Гарасьна («Обрывъ»).—Дворовый Бережковой.

Гастуринъ, Андрей Герасимовичъ («На родинѣ»).—«Ласковый, баловникъ старичекъ». «Простой, неученый, но добрый, всѣмъ любимый, деревенскій житель», «сверстникъ и близкій знакомый Якубова. «Не выпускалъ изо рта большой пенковой трубки. Онъ весь почернѣлъ и какъ то прогорѣлъ отъ солища и отъ табаку». Жилъ «почти безвыѣздно» въ своей деревнѣ; пріѣзжалъ «въ губернский городъ въ три года разъ на дворянскіе выборы, но совсѣмъ не затѣмъ, чтобы «его» выбирали, а, напротивъ, чтобы не выбирали». По словамъ Бравина,—когда мы хотимъ повидаться съ ними (т. е. съ Гастуринымъ и Козыревымъ), стоитъ только написать, что ихъ намѣрены баллотировать: сейчасъ же бросаютъ свои задустья и пріѣдутъ просить, чтобы не выбирали»; пріѣзжая въ городъ, обыкновенно останавливался у Якубова; по утрамъ пилъ чай или кофе въ постели; въ полдень завтракалъ, а «послѣ завтрака опять забирался въ постель». Такъ Г. «заставали и гости»; рѣдко только, въ дни выборовъ, натягивалъ на себя допотопный фракъ, «чтобъ ѣхать въ дворянское собраніе».

Гвоздевъ («Май мѣс. въ Петерб.»).—Купецъ. Хозяинъ ренского погреба. Стоя у себя на порогѣ лавки, съ восторгомъ смотрѣлъ вслѣдъ «двумъ прогуливающимся дѣвцамъ-сиротамъ». Всякій разъ при проходѣ ихъ «онъ низко раскланивался, чѣмъ дѣвцы весьма обижались. Чего-чего онъ ни дѣлалъ, чтобы привлечь ихъ вниманіе! На Святой недѣлѣ, онъ купилъ гдѣ-то на Невскомъ проспектѣ, въ иностранномъ магазинѣ, яйцо такой чудовищной величины, что ахнулъ весь домъ. Онъ доверху набилъ яйцо конфетами и принесъ къ сестрамъ-дѣвцамъ, чтобы похристоваться съ ними». «Когда у него были занятія въ погребѣ, онъ высылалъ вмѣсто себя мальчишка, и тотъ давалъ ему знать немедленно, лишь только сестры показывались на тротуарѣ».

Генераль («Литер. Вѣч.»).—Военный генераль. Хорошій знакомый Урапова, Сухова и Бебикова, «съ которыми находился въ постоянныхъ сношеніяхъ и въ службѣ, и въ обществѣ». Они вчетверомъ составляли собой свой «тѣсный кружокъ». Еще не старый, крѣпкій, здоровый человекъ, «съ бодрой осанкой и простымъ, но энергическимъ выраженіемъ лица. Онъ былъ извѣстенъ, какъ отличный боевой генераль и вмѣстѣ хорошій администраторъ по военной части»; считалъ себя принадлежащимъ «къ высшему кругу». Когда Кряковъ заявилъ, что «высшаго круга нѣтъ на свѣтѣ», Г., обращаясь къ Урапову и Сухову, спросилъ:—«Какъ же это такъ нѣтъ! А все твои (Уранова) сегодня гости, мы какого же круга»? «На литературу смотрѣлъ нѣсколько съ боевой точки зрѣнія, читая, что попадется, въ видѣ отдыха, а чаще и вовсе не читая». За ужипомъ,

однако, «похвалилъ» романъ Бебикова, сказавъ:—«Хорошо, очень хорошо! я съ удовольствіемъ слушалъ!»—«Теперь что-то не пишутъ такъ!» Пояснилъ свои слова: «такъ пріятно, илавно, по-русски, чтобы всякій пощмалъ! Возьмешь книгу или газету—и не узнаешь, русскую или иностранную грамоту читаешь! Объективный, субъективный, эксплуатация, инспирация, конкуренция, интеллигенция—такъ и погоняютъ одно другое! Въмѣсто швейцара пишутъ себѣ портье, вмѣсто хозяйка или покровительница—патронесса! Еще выдумали слово игнорировать!» Во время ужина отмѣчалъ съ неудовольствіемъ въ рѣчахъ собесѣдниковъ иностранныхъ слова, когда же слышалъ смѣшанную русско-французскую рѣчь, замѣчалъ:—«Что вѣрно пороха не хватило, такъ давай изъ Франціи выписывать!» Къ недостаткамъ, «хвалимаго» имъ, романа Бебикова относилъ то, что и въ немъ «попадаютъ то иностранныя, то мудренныя слова»; но самъ былъ пойманъ Суховымъ, когда обмолвился словомъ—«салютую».—Это казенное, значить, можно», «отмѣчалъ генераль», но тутъ же, увлекшись, опредѣлилъ военное званіе по-французски:—*c'est une vocation comme une autre!*. Въ своемъ комитетѣ, по словамъ Сухова, «все вздорилъ» съ противниками, но мечталъ о томъ, если бы «всѣмъ дружно да мирно идти однимъ путемъ, рука въ руку». Во время спора профессора съ Кряковымъ, когда профессоръ заявилъ, что сейчасъ пересталеть говорить, ибо видитъ «явные знаки нетерпѣнія» со стороны Крякова, Г. вставилъ «мѣткую фразу» и сказалъ «храбро», «по военному»:—«Ничего, продолжайте! вѣдь и поданная къ крыльцу лошадь ржетъ и бьетъ копытомъ отъ нетерпѣнія... но на это никто не смотритъ!» Въ концѣ концовъ, подобно Красноперову, возсталъ противъ напускного пренебреженія къ представителямъ военной профессіи.—«Нѣтъ, возставай и возстаютъ,—спорилъ генераль:—гдѣ можно задрѣть, осмѣять, брызнуть перомъ въ офицера—и брызнуть: Мнѣ случилось самому нѣрѣдко читать, да и отъ многихъ военныхъ слыхалъ—тоже жалуются. Или—говорятъ—молчатъ совѣмъ, какъ будто военныхъ и на свѣтѣ нѣтъ! обходятъ и въ газетахъ, и въ повѣстяхъ, и на сценѣ—это что значить? Пренебреженіе! Мы-де васъ и знать не хотимъ». Послѣ защиты военныхъ со стороны Чешнева, «генераль всталъ съ бокаломъ въ рукѣ».—«Хотя я и воинъ, но такъ мужественно и искусно сразиться за военныхъ не сумѣлъ бы. Позвольте выпить за ваше здоровье?»—сказалъ онъ. О Кряковѣ, съ которымъ Г. спорилъ, послѣ его ухода, отозвался:—«А я вижу что онъ добрый малый, воля ваша!»

Генераль-Губернаторъ («Ф р е г. П а л.»).—См. Бонэмъ, сэръ.

Гокейнсы («Ф р е г. П а л.»).—См. Баніосъ.

Горбатова, Марья Павловна («Обыкн. ист.»).—Уп. л. Тетушка Александра; «старая дѣвка», по выраженію Петра Ивановича. Изъ любви къ старшему Адеву «обрекла себя на незамужнюю жизнь» и чувствуетъ «себя весьма счастливою». Называетъ сама себя «бѣдной страдалницей», «которая удалилась отъ свѣта» и «льетъ слезы», «вспоминая счастливое время». «Мысль», «что вы сохранили къ намъ ко всѣмъ прежнія чувствованія среди роскоши и удовольствій великолѣпной столицы», «служитъ бальзамомъ для моего страдающаго сердца», пишетъ она Петру Ивановичу. Считаетъ, что ничего не «можетъ быть святѣе дружбы и вѣрности». «Терпѣть» не можетъ «предрасудковъ». «Разсказывала Александру каждый день, за утреннимъ чаемъ, и за ужиномъ, на сонъ грядущій, по интересному факту «изъ «исторіи любви Петра Ивановича къ ней. Въ письмѣ къ Петру Ивановичу писала: «По гробъ жизни буду помнить, какъ мы вмѣстѣ гуляючи около нашего озера, вы, съ опасностію жизни и здоровья, влѣзли по колѣно въ воду и достали для меня въ тростникѣ большой желтый цвѣтокъ, какъ изъ стебелька опаго текъ какой-то сокъ и исремаралъ намъ руки, а вы почерпнули картузомъ воды, дабы мы могли ихъ вымыть; мы очень много тогда этому смѣялись. Какъ я была тогда счастлива! Сей цвѣтокъ и нынѣ хранится въ книжкѣ...» И дальше спрашивала:—«А цѣла ли у васъ та лепточка», «что вы вытащили изъ моего комода, несмотря на всѣ мои крики и моленія...»

Горбунъ («Обрывъ»).—Уп. л. знакомый Аянова и Райскаго. Въ письмѣ

къ послѣднему Аяновъ сообщаетъ, что Г. «были за границу вмѣстѣ съ его вѣдомой и теперь въ домѣ стало живѣе».

Горничная Любецной («Обыкн. ист.»).—«Дѣйствовала въ духѣ барышни».

Городничій («Народнѣ»).—Городничій Буинска—маленькій человекъ въ военной или полицейской форменной фуражкѣ и сюртукѣ. «Вбѣжалъ впопыхахъ» на станціонный дворъ и накинулся на хозяина за то, что тотъ не потребовалъ паспорта отъ проѣзжаго (забывшаго въ городъ для смѣны лошадей).—Къ тебѣ вѣхалъ прѣзжіи, «а ты и ухомъ не ведешь, не даешь знать въ полицію! а? Ты знаешь, какъ строго приказано?» говорилъ гнѣвно Г. На оправданіе хозяина, прибавилъ:—«Врешь, врешь, подлець! Имщикъ сказывалъ, что проѣзжіи обѣдать здѣсь будешь. Первымъ твоимъ дѣломъ, подлець, потребовать отъ проѣзжаго видъ и представить въ полицію». Взявъ, поданный Гончаровымъ, «отпускной университетскій билетъ», «надѣлъ очки, взглянулъ пристально «на проѣзжаго и потомъ на билетъ», и спросилъ:—«А куда изволите ѣхать?» Получивъ отвѣтъ, вернулъ билетъ обратно, замѣтивъ, что «все въ порядкѣ, по относительно хозяина остался при прежнемъ мнѣніи:—«Нѣтъ, нѣтъ, онъ подлець! Онъ долженъ смотрѣть въ оба: мало къ нему кто заѣдетъ! Полиція обо всѣхъ должна знать!»—«можетъ быть, вы зарѣзали вашихъ родителей и бѣжали! «выналили» Г., обращаясь къ Гончарову.

Горошинъ («Обрывъ»).—Уп. л. По увѣренію Опенкина, онъ отъ Г. «безъ шапки ушелъ», т. е. у Г. его пить «насилно заставляли».

Горюновъ, Миша («Обломовъ»). Уп. л. Пріятель Водкова, только что произведенный въ офицеры.

Графиня («Народнѣ»).—См. Ростина, графиня.

Графъ («Литер. вѣщ.»).—Уп. л. Герой романа Бебикова, «красивый, ловкій» и «блестящій молодой человекъ, офицеръ одного изъ первыхъ гвардейскихъ полковъ. [Ср. Лоринъ, герой романа Валуева—«Лоринъ». См. «Списокъ: Валуевъ»].

Гришна («Обыкн. ист.»)—Дворовый Адуевыхъ. «Малый смиренный, работающій, не зубоскаль».

Губернаторы («Обрывъ»).—См. Пафнутаевъ и Поповъ.

Губернаторъ («Фрег. Пал.»).—См. Новичелись.

Губернаторъ (Фрег. Пал.)—Начальникъ Лю-чу (Ликейск. острова). «Высокій, сѣдой старикъ, не совсемъ патриархальной наружности, съ краснымъ носомъ, и вообще» «съ слѣдами сильнаго невосдержанія на лицѣ, съ изломанными чертами лицами и красными жилками на носу и около». У Г.—а «пучокъ на головѣ былъ проткнутъ золотой шпилькой». Вмѣсто оружія, у него былъ «вѣрѣ». По словамъ Г., жители острова бѣгають отъ европейцевъ, п. ч. «европейцы рѣдко заходятъ сюда» и жители «не привыкли видѣть ихъ». Привезъ адмиралу два какіе-то торта, принялъ отъ него подарки и доставилъ на фрегатъ провизію, но на вопросъ, «нельзя-ли завести торговлю?» съ живостью отвѣчалъ:—«Нѣтъ, нѣтъ! у насъ производится... только для самихъ себя», (т. е. то, что отвѣчали адмиралу представители японскаго правительства): «и то рисъ ѣдимъ, мы, старшіе, а низшій классъ питается бобами и другими овощами».

Губернаторы Нагасанъ («Фрег. Пал.»).—См. Мизно Чикогоно и Осоава Бунгоно.

Губернатора-товарищъ («Фрег. Пал.»).—Товарищъ губернатора Ликейскихъ острововъ; «высокій и здоровый мужчина, лѣтъ 50-ти, съ черной длинной и жидкой, начинающейся съ подбородка, бородою», «съ пучкомъ» на головѣ, который «былъ проткнутъ серебрянной шпилькой».

Губинъ («И. С. Поджабричъ»).—Уп. л. «Утро въ департаментѣ мается... «послѣ обѣда пишеть, книги сочиняеть».

Д.

Дашенька («Обломовъ»).—«Уч. л. Балетная артистка; въ нее влюбленъ кн. Мишель Тюменевъ и отъ нея, по словамъ Волкова, весь городъ безъ ума, какъ она танцуетъ».

Демка кривой («Обломовъ»).—«Шуричь старосты Обломова, Прокофія Вытягушкина. «Писаль со словъ онаго старосты» донесенія изъ деревни барину.

Демьень («Фрег. Пал.»).—Французъ, содержатель отеля въ Манилѣ. По словамъ хозяина лавки, «очень хорошій человекъ». Былъ «лѣтъ тридцати-пяти, приятной наружности, съ добрымъ лицомъ, въ бѣлой курткѣ и соломенной шляпѣ, вѣжливый, но не суетливый»; держалъ себя «очень просто, но съ достоинствомъ, не болтунъ и не хвастунъ, что рѣдко встрѣчаешь въ французѣ». Отель Д. «былъ единственное сборное мѣсто въ Манилѣ для путешественниковъ, купцовъ и «шкиперовъ».

Дворникъ («Поджабринъ»).—Д. дома, гдѣ жилъ Поджабринъ. «Лють спать-то: не скоро добудешься», отзывается о немъ мужикъ. На звонки «изо всей мочи» и стукъ въ дверь («такъ, что стекла задребезжали») не откликнулся. —«Признаться, соснулъ маленько», сказалъ Д.—«Диво, какъ я не слыхалъ. Мнѣ только чуть дотронуся до скобки, я и услышу». Продержалъ подъ дождемъ, возвращающагося домой Поджабринъ, откликнувшись лишь на его третій звонокъ. —«Кто тутъ?» спросилъ Д.—«Я». —«Да кто ты?»—«Новый жилецъ». —«Какой жилецъ? Чтѣ сегодня переѣхалъ». —«Что-же надо?»—«Какъ чтѣ: пусти поскорѣе. Ты видишь, что я подъ дождемъ». —«Ну вотъ погоди: я за ключомъ схожу». —«Ушелъ и пропалъ». «Явился лишь на третій звонокъ.—Что это такое, Господи! покою совсѣмъ нѣтъ! Должность проклятая,—спать... не дадутъ. Кто тутъ?»—«Да я же, тебѣ говорятъ!»—«Да, кто ты?»—«Новый жилецъ». —«Ты еще все тутъ? Чтѣ те надо?»—«Какъ чтѣ? Ахъ, ты разбойникъ! пустишь-ли ты меня? я до костей промокъ». —«Ну, вотъ погоди: ключъ возьму». —«Вотъ постой, что-то ключъ не входитъ. Что это, Господи, за должность проклятая, совсѣмъ покою нѣтъ! такъ и есть... не тотъ ключъ взялъ: это отъ сарая». Предложилъ Поджабрину «гдѣ-нибудь» заснуть:—«инъ ты, ключа-то долго теперъ искать». —«Ну, вотъ погоди, принесу ключъ». «Черезъ добрыхъ полчаса» отыскалъ ключъ. Когда, осматривая квартиру, Авдѣй увидѣлъ «мокрое пятно на потолокъ», а Поджабринъ спросилъ: кажется течетъ сверху?—Д. отвѣчалъ, «наклонивъ немного голову въ знакъ согласія»:—«Точно такъ-съ, протекаетъ маленько. Ино бываетъ наверху, ушатъ съ водой прольютъ, оно и каплетъ въ щель». —«Не извольте сумлѣваться, поспѣшили промолвить Д.:—будете довольны. А это пятно—такъ ничего! не глядите на него—оно дыряно». —«Другой годъ каплетъ. Вы только, какъ станетъ капать, ведро извольте подставить». Успокоилъ Поджабринъ, что «не доглядѣть нельзя»:—«Нѣтъ-съ, услышите: вѣдь оно закаплетъ, словно дождь пойдетъ: такъ и забарабанитъ». —Первымъ явился поздравить Поджабринъ «съ скорымъ вступленіемъ въ законный бракъ», сообщилъ всѣ новости по дому и оувѣдомился насчетъ «другой квартирки», которая скоро очистится:—«Выголяемъ жильца: въ срокъ не платитъ; славно-бы»...

Дворники («Май мѣс. въ Петерб.»).—Послѣ утренняго чаенія «принялись мести» улицу, «вздымая пылъ, навозъ и другое, что валялось на мостовой. Около нихъ образовались цѣлыя облака, до самой крыши. Домъ и улицы—все утонуло, какъ въ дыму». Кухаркѣ, обозвавшей ихъ чертями, одинъ голосъ отвѣтилъ «изъ облака»:—«Какъ-же намъ быть, когда самъ поѣдетъ, дворы и передъ домомъ улицу надо вымести. На окрикъ городского, просунувшаго было на дворъ голову, сказали:—«Сами же велѣли...»—«Такъ я велѣлъ поливать, а вы что дѣлаете, только пылъ разводите! Тогда, «одинъ взялъ шайку, другой полоскательную чашку» и «стали поплескивать воду на дворъ и на мостовую». На жалобы прохожихъ, задыхавшихся отъ пыли, отвѣчали:—«Полиція велитъ! и «неистово

мели улицы, не заботясь о прохожихъ и проезжихъ. У нихъ была одна отговорка:—«полиція такъ велить».

Дворникъ («Обломовъ»).—Д. дома на Гороховой, гдѣ жилъ Обломовъ; пріятель и собутыльникъ по «полпивной» Захара. Послѣ разказа Захара о баринѣ (Обломовѣ), спросилъ:—«неудобно видно»? Когда-же Захаръ сочинилъ, что Обломовъ не только ругается, но «такъ и паровить» толкнуть, сказалъ:—«Вишь ты, бойкій баринъ, не даетъ повадки!» «характерный баринъ!» Во время ссоры Захара съ кучеромъ, старался успокоить Захара:—«Ну полно, полно, Захаръ Трофимычъ!» говорилъ Д.,—что онъ тебѣ сдѣлалъ? Когда же дѣло готово было дойти до драки, онъ протянулъ руки между кучеромъ и Захаромъ:—«Полно, полно вамъ! твердилъ Д., унимая ссорившихся. Услыша отъ Захара, что къ его барину ходятъ сочинители и «желая прекратить раздоръ, спросилъ:—Какіе это такіе, братецъ ты мой, сочинители? Чишники, что-ли такіе?». Послѣ того, какъ Захаръ обозвалъ всѣхъ присутствующихъ, «сколько васъ ни-на-есть»—мерзавцами» и быстро пошелъ домой», Д. закричалъ:—«Полно тебѣ! Постой, постой! Захаръ Трофимычъ! Пойдемъ въ полпивную, пожалуйста, пойдемъ».

Джердинъ (Фрег. Пал.).—Уп. л. Одинъ изъ представителей торговой фирмы «Д. и Матисонъ», занимающей «цѣлый уголъ» въ Гонъ-Конгѣ. Воздвигъ свое «огромное торговое заведеніе» и магазинъ Д., срывъ гору, а еще выше устроилъ «великолѣпную виллу, сдѣлавъ скаты, аллеи, насадилъ всего, что растеть подъ тропиками, и живетъ, какъ бы жилъ въ Англии»...

Дибичъ («Превр. судьбы»). Генераль. Хабаровъ засталъ Д. въ царско-сельскомъ дворцѣ «въ слѣдующей» за залой комнатъ: «Д. барабанилъ пальцами по стеклу и что-то насвистывалъ». «Хабаровъ, постоявъ нѣсколько минутъ, наконецъ кашлянулъ, чтобъ обратить на себя вниманіе генерала».—«Кто ты такой? Какъ сюда зашелъ? Отчего о тебѣ не доложили? обернувшись спросилъ Д., «какъ государь». Взялъ поданные Хабаровымъ документы, «потомъ взглянулъ еще разъ на Хабарова и сказалъ ему:—«Я сегодня увижу государя и узнаю его волю на вашъ счетъ, а теперь, видя ваше положеніе, я догадываюсь, что вамъ нужно вотъ это». «Съ этими словами онъ подошелъ къ столу, досталъ сто рублей и подалъ ихъ Хабарову.—«Запишите вашъ адресъ,—сказалъ онъ».—Въ Петербургѣ, явившагося къ нему Хабарова, «принять ласково».—«Вотъ что государь велѣлъ мнѣ вручить вамъ». Д. «подалъ ему толстый пакетъ».—«Мѣсто почтмейстера» (объ этомъ мѣстѣ просилъ Хабаровъ), которое назначено было для васъ, уже занято, прибавилъ онъ»,—«Но вы получите, когда выздоровѣте совсѣмъ, мѣсто смотрителя работъ при строящемся въ Москвѣ храмѣ Спасителя въ память изгнанія французовъ. Объ этомъ уже писано въ Москву». Когда Хабаровъ «вновь обмундировался и явился» къ Д., тотъ сначала не узналъ его», потомъ сказалъ, «чтобъ онъ немедленно отправился въ Москву, къ мѣсту новаго своего назначенія».

Динакуръ («Фрег. Пал.»).—«Mon seigneur Dinacourt», епископъ-французъ, завѣдующій «христіанами провинціи Джеджианъ въ Китаѣ». «Круглолицый, съ красноватымъ лицомъ и отчасти носомъ», «figure rubiconde», по выраженію француза-миссіонера. Ходилъ «въ китайскомъ платьѣ, съ золотымъ наперснымъ крестомъ»; Гончаровъ встрѣтилъ Д. въ Маниллѣ. «Приѣхалъ «лѣчиться отъ приливовъ крови къ головѣ» и «отдохнуть въ здѣшнемъ климатѣ»; поселился въ испанскомъ монастырѣ». Жаловался, что главное препятствіе для обращенія китайцевъ,—въ буддійскихъ бонзахъ и ученыхъ». На замѣчаніе, что «христіанскимъ миссіонерамъ, скоро предстоятъ новыя подвиги въ Японіи, отвѣтилъ:—«А coups de canons, monsieur, à coups des canons!»

Дипломатъ (И. С. Поджабринь).—См. Шенелъ.

Диренторъ («Обрывъ»).—Уп. л. Директоръ школы, гдѣ учился Райскій. «съ злыми и холодными глазами». Подслушавъ однажды разказъ Райскаго, какъ дикіе ловятъ и ѣдятъ людей, какіе у нихъ лѣса, жилища, оружіе и проч., Д. ска-

заль:—«Пустяки молоть, мастеръ», «а на экзаменѣ не могъ разсказать» системы рѣкъ! Вотъ я тебя выську, погоди! Ничѣмъ не хочешь серьёзно заняться».

Директоръ департамента (М а и м ѣ с. в ѣ П е т е р б.).—Уѣзжая за границу, на вокзалѣ, давалъ вице-директору и чиновникамъ, которые собрались проводить его, «кое-какія наставленія, что дѣлать въ его отсутствіе». Вспомнилъ лишь о командировкѣ офицера (по трехсотъ-рублевому дѣлу съ двумястами рублей прогонныхъ и суточныхъ)—«Такъ, Иванъ Богдановичъ подпишетъ мои распоряженія, офицеръ получитъ деньги и отправится.. Да... да... что еще я хотѣлъ сказать? торопился Д.—«Да, да: я еще что-то хотѣлъ объяснить, да какъ въ этой суматохѣ объяснить! Прощайте, прощайте!»—«Еще я что-то хотѣлъ сказать... говорилъ растерянно Д. На прощанье подалъ «руку только вице-директору и своимъ роднымъ».

Добрынинъ («Обломовъ»).—Уп. л. Сосѣдъ Обломова по деревнѣ. Тарантьевъ, совѣтовалъ Ильѣ Ильичу написать Д. письмо относительно деревенскихъ дѣлъ.

Добышевъ, Иванъ Ивановичъ («На родинѣ»).—Чиновникъ особыхъ порученія при губернаторѣ, бывшій правитель канцеляріи (секретарь). Худощавый брюнетъ». Былъ «главнымъ, хотя не гласнымъ, воротилой въ дѣлахъ» губерніи; безъ Д. губернаторъ, «какъ ребенокъ безъ няньки, не дѣлалъ ни шагу. Цѣлый день, а часто ночью», Д. не отходилъ отъ губернатора, «и чуть-ли не спалъ въ вицъ-мундирѣ». По инициативѣ Д., юному Гончарову было предложено мѣсто секретаря, а Д. «остался все-таки» тѣмъ же «главнымъ воротилой въ дѣлахъ» и постоянно, вдвоемъ съ губернаторомъ», совѣщался о чемъ-то. Всегда «застегнутый на всѣ пуговицы вицъ мундира», Д. «изъ почтенія» отказывался отъ ежедневнаго завтрака у губернатора и не садился за столъ, «оставаясь на ногахъ». Когда губернатора внезапно смѣстили и онъ уѣзжалъ въ Петербургъ, въ числѣ провожавшихъ его, Д. «не было»: «онъ терся уже около новаго губернатора».

Докторъ («Обрывъ»).—См. Иванъ Богдановичъ и Петръ Петровичъ.

Докторъ («Обломовъ»).—«Низенькій человекъ, съ умѣреннымъ брюшкомъ, съ бѣлымъ лицомъ, румяными щеками и лысиной, которую съ затылка, какъ бахрома, окружали черные густые волосы. Лысина была кругла, чиста и такъ лоснилась, какъ будто была выточена изъ слоновой кости». Лицо Д. «отличалось заботливо-внимательнымъ ко всему, на что онъ ни глядѣлъ, выраженіемъ, сдержанностью во взглядѣ, умѣренностью въ улыбкѣ и скромно-официальнымъ приличіемъ». «Одѣтъ онъ былъ въ покойный фракъ, отворявшійся широко и удобно, какъ ворота, почти отъ одного прикосновенія. Бѣлье на немъ такъ и блистало бѣлизной, какъ будто подѣ-стать лысинѣ. На указательномъ пальцѣ правой руки надѣтъ былъ большой массивный перстень съ какимъ-то темнымъ камнемъ». Зашелъ провѣдать Обломова, послѣ посѣщенія сосѣда наверху. Выслушавъ Илью Ильича, «наклонилъ свою лысину и глубоко задумался. Черезъ двѣ минуты, онъ вдругъ приподнял голову и рѣшительнымъ голосомъ сказалъ:—«Если вы еще года два-три проживете въ этомъ климатѣ, да будете все лежать, ѣсть жирное и тяжелое—вы умрете ударомъ». Посовѣтовалъ ѣхать за-границу, «устранять заботы и огорченія», «избѣгать мыслей», т. е. «умственного напряженія, «страстей» тоже беречься». Рекомендовалъ стараться развлекать себя верховой ѣздой, танцами, умѣреннымъ движеніемъ на чистомъ воздухѣ, пріятными разговорами, особенно съ дамами, чтобъ сердце билось слегка и только отъ пріятныхъ ощущеній»; посовѣтовалъ также нанять виллу, окнами на югъ, побольше цвѣтотъ, чтобъ около были музыка, да женщины» и т. д. На вопросъ Обломова, сдѣланный съ худо скрываеваемой досадой («не пужно-ли, еще чего-нибудь?»), Д. задумался и сказалъ:—«Развѣ попользоваться морскимъ воздухомъ: сядьте въ Англій на пароходъ, да прокатитесь до Америки»...

Докторъ («Обыкновенный»).—«Невысокаго роста, полный человекъ, съ крестомъ на шеѣ, въ застегнутомъ наглухо фракѣ». «Петербургскій докторъ: онъ не зналъ, что значитъ ходить пѣшкомъ, хотя и предписывалъ больнымъ моционъ».

Онъ членъ какого-то совѣта, секретарь какого-то общества, и профессоръ, и врачъ нѣсколькихъ казенныхъ заведеній, и врачъ для бѣдныхъ, и непремѣнный посѣтитель всѣхъ консультацій; у него огромная практика. Онъ не снимаетъ даже перчатки съ лѣвой руки, не снималъ бы и съ правой, если-бы не надо было щупать пульса; не разстегиваетъ никогда фрака и почти не садится».

Докторъ («Фрег. Пал.»).—Докторъ-японецъ, съ бритой головой, «безъ косички». («Доктора и жрецы» въ Японіи не носили «вовсе волосъ»); при посѣщеніи фрегата, «рекомендовался» русскимъ докторамъ; «говорилъ немного по голландски» и былъ очень живъ.

Дональдъ («Фрег. Пал.»).—Уп. л. Хозяинъ трактира въ Шанхаѣ. «Плюгавѣйшій изъ англичанъ».

Донкеръ Курціусъ («Фрег. Пал.»).—Уп. л. Голландецъ; оберъ-тофть (директоръ голландской факторіи въ Нагасакахъ). Прислалъ на фрегатъ своего помощника и просилъ передать, что на другой день явится самъ, но «потомъ даль знать, что нездоровъ». Когда Д. послали съ фрегата въ подарокъ «половину быка», онъ благодарилъ коротенькою записочкой, въ которой выражалось большое удовольствіе». [Его помощникъ, «опасаясь японцевъ», просилъ говорить не иначе какъ по голландски» (при посѣщеніи фрегата). Такіе же «опасенія» вызвали и мнимую невѣжливость Д.].

Дредсонъ, миссъ («Обры въ»).—Уп. л. Гувернантка Бѣловодовой. На прогулкѣ «шла рядомъ и дальше трехъ шаговъ отъ себя не пускала» Софью. Когда, однажды, «мальчикъ бросилъ мячикъ», который «покатился» Софьѣ въ ноги и она подняла его, и побѣжала отдать мальчугану, Д. пожаловалась матери». Позднѣе «уѣхала въ Англію».

Дрожиновъ, Аванасій Ивановичъ («Обыкн. ист.»).—«Совѣтникъ» «въ губернскомъ правленіи». «Золото, а не человекъ; умретъ, а своего не выдастъ». «Дѣло-ли дѣлать—такъ и кипитъ въ рукахъ». У себя дома онъ «закормить, запойтъ; а бостончикъ отъ обѣда до глубокой ночи».

Дудкинъ, князь («И. С. Поджабринъ»).—Воображаемый знакомый Поджабрина.

Дюпинъ («Фрег. Пал.»).—«Широкоплечій, приземистый матросъ, артиллеристъ». «Фаворитъ» Гончарова. «Онъ широкъ не въ однихъ только плечахъ. Его называютъ огневой, потому что онъ смотритъ, между прочимъ, за огнями; и когда крикнуть гдѣ-нибудь въ углу: фитиль! онъ мчится, что есть мочи, по палубѣ подать огня. Специальность его, между прочимъ, состоитъ въ томъ, что онъ беретъ и приподнимаетъ, какъ подносъ,—кранецъ съ ядрами и картечью, и ставивъ, только ухнетъ, а кранецъ вѣситъ пудовъ пять. Трудно встрѣтить человекъ, крѣпче и плотнѣе сложеннаго». Во время жары, когда многіе приходили въ совершенное отчаяніе, не зная куда дѣться, Д. говорилъ: «тепло, хорошо». На шутовое замѣчаніе:—«Да ты, смотри, не нанейся холоднаго послѣ работы», «или на сырости не ложись ночью»:—«Слушаю в. в.», отвѣчаетъ онъ серьезно». Когда Гончаровъ подарилъ ему шерстяные чулки, Д. еще въ тропикахъ надѣлъ ихъ» и «сталъ благодарить:—«Благодарю покорнѣйше, в. в.; теперь хорошо, тепло, говорилъ онъ. «Когда же наступали холода, и пришлось приниматься за байковые сюртуки,—«одинъ Д. находилъ, что «свѣженько, хорошо», а самъ былъ босикомъ. На вопросъ, «что-же ты босикомъ? отвѣчалъ:—«Лучше: ноги не горятъ, да и палубы не затопчешь ногами». Когда Гончаровъ сказалъ Д., что «видѣлъ, какъ японецъ одинъ поворачиваетъ пушку, а васъ тутъ, «десятеро возитесь около одной и насилу двигаете ее», отвѣтилъ:—«Точно такъ, в. в.» «куда намъ! Намедни и я видѣлъ, что волной плеснуло на берегъ, вонъ на ту низенькую ботарею, да и смыло пушку, она и поплыла, а японецъ ѣдетъ подлѣ, да и толкаетъ ее къ берегу. Ужъ такія пушки у нихъ!» Потомъ, подумавъ немного, онъ сказалъ: «Еслибъ пришлось драться съ ними, в. в., неужели намъ ружья дадутъ?»—«А какъ же?»—«По лопарю-бы довольно».

Дьяконъ («Слуги»).—См. Никита, дьяконъ.

Дѣвицы-сироты («Май мѣс. въ Петерб.»).—Двѣ Д., дочери умершаго коллежскаго совѣтника; ни одна не хотѣла принимать на свой счетъ «комплименты» Гвоздева, т. к. обѣ считали себя дворянками, а Гвоздевъ былъ «только купецъ»; изъ за этого Д., на прогулкѣ даже «перебранились» между собою...

Дѣвицы («Обыкн. и ст.»).—Знакомыя Александра. Много было хорошенькихъ, но всѣ онѣ очень однообразны. Что одна скажетъ и сдѣлаетъ въ такомъ то случаѣ, смотришь, то же повторить и другая, какъ будто затверженный урокъ». «Не видно ни самостоятельности, ни характера. И движенія, и взгляды—все одинаково: не услышишь самородной мысли, ни проблеска чувства... все покрыть и украсилъ одинакой лоскъ».

Дѣвушка («Слуги»).—Явилась съ жалобой на Валентина:—«Не прикажите ему озорничать!» ..всѣ знакомые мои, и въ домѣ здѣсь, ..могутъ пожалуй, подумать, что я нарочно слушаю его камплименты». По словамъ Д., всѣ знакомые ея, знаютъ ее «честной, аккуратной дѣвужкой».

Дѣвушка («Фрег. Пал.»).—Дочь хозяйки дома въ Стелленбошѣ (Капская колонія), гдѣ останавливались путешественники. «Молодая дѣвушка, съ буклями, совершенно бѣлая, пѣтъ топленаго молока, съ бѣлыми бровями и свѣтлоглубыми, съ бѣлизной глазами».

Дѣвушка («Фрег. Пал.»).—Крестьянка изъ Алданской слободы, очень недурная собой, но «съ болѣзненной бѣдностью на лицѣ». Когда ей сказали:—«Какая же ты красавица!» отвѣтила:—«Ишь, что выдумали! войдите-ка лучше посмотрѣть, хорошо-ли мы строимъ новую избу?» На вопросъ, кто у нихъ «дѣлаетъ кирпичи», сказала:—«Кто? я дѣлаю, еще отецъ».—«А ты умѣешь дѣлать мужскія работы?»—«Какъ же, и бревна рублю, и пашу».—Когда братъ подтвердилъ слова Д., замѣтила:—«А мнѣ не повѣрили, думаете, что вру: врать не хорошо!»—«Я шью и себѣ, и семьѣ платье, и даже обутки (обуви) дѣлаю».—«Не правда. Покажи башмакъ». Она показала препорядочно сдѣланный башмакъ.—«Здѣсь мѣста привольныя, сказала она: только работай, не лѣнись; рожь славная родится, особенно озимая, конопля; и скотинѣ хорошо—все. Вина нѣтъ, мужикъ не пьетъ; мы славно здѣсь поправились, а пришли безъ гроша. Теперь у насъ корова съ телянкомъ, лошадь; понемногу заводимся. Вотъ новую-то избу хотимъ подъ станокъ (станцію) отдать».

Дѣвчонка («Обломовъ»).—«Дѣвчонка» восьмидесятилѣтней тетки Обломова. «Прислуживала ей» за столомъ, стоя за ея стуломъ», трясъ отъ старости головой».

«Дѣдъ» («Фрег. Пал.»).—Старшій штурманскій капитанъ на фрегатѣ. «Три раза ходилъ вокругъ свѣта», и, по словамъ Д., одиннадцать разъ «пересѣкъ экваторъ», т. к. «однажды на самомъ экваторѣ, корабль захватили штилы», и «раза три-четыре перетаскивало, то по ту, то по эту сторону экватора». «Общій оракулъ» и любимецъ». «Морской волкъ». Напоминалъ собою тѣхъ созданныхъ Куперомъ, лицъ, которые родились и воспитались въ «морѣ, или въ глухихъ лѣсахъ Америки, и на которыхъ природа, окружавшая ихъ, положила неизгладимую печаль. И онъ то же съ тринадцати лѣтъ ходитъ въ море и духъ лѣтъ сряду не жилъ на берегу». «Мѣрять и отсчитывалъ узлы»; маленькими шажками ходилъ по палубѣ «опредѣляясь и ловить солнце». У него все всегда бывало—«отлично»: «несетъ ли попутнымъ вѣтромъ по десяти узловъ въ часъ—«славно, отлично!» говорить онъ. Дуетъ ли вѣтеръ прямо въ лобъ и пятитъ назадъ—«чудесно!» восхищается онъ:—«по полтора узла идемъ!» На него не дѣйствуетъ никакая погода. Онъ и въ жаръ и въ холодъ всегда заступитъ, всегда бодръ: только въ жаръ подбородокъ у него свѣтится, какъ будто вымазанный масломъ; въ качку и не въ качку стоитъ на ногахъ твердо, заложивъ коротенькія руки на шишу, или немного пониже, а на ходу шагаетъ маленькими шажками. Его не возмущаетъ ни буря, ни штиль—ему все равно. Близко ли берегъ, далеко ли—ему тоже дѣла нѣтъ. Онъ былъ почти вездѣ, а гдѣ не былъ, такъ не печалится, если не удастся побывать». Никогда «онъ на что-нибудь или на кого-нибудь не жаловался».

—«Отлично!» твердить только. А если кто-нибудь при немъ скажетъ или сдѣлаетъ не отлично, такъ онъ посмотритъ только испытующимъ взглядомъ на вѣхъ кругомъ и улыбнется по-своему. «Какъ отцу родному обрадовался», завидя въ туманѣ маякъ и посоветовалъ, приставившимъ къ нему съ вопросами, когда кончится каналъ (Британскій) и начнется океанъ?—«положить мѣтку»:—«Когда назадъ пойдемъ, такъ я вамъ и скажу, гдѣ кончится каналъ и гдѣ начало океана».

«Дѣдъ» («Фрег. Пал.»).— См. въ списокѣ Хализовъ.

Е.

Евсей («Обыкн. Ист.»).—«Камердинеръ» Александра Адуева. Человѣкъ съ «длинной и плотной фигурой». «Онъ могъ-бы, кажется, унести на своихъ плечахъ» повозку «съ ямщикомъ и лошадьми»; «смирный и непыющій». «Считалъ чистку сапогъ главною и чуть-ли не единственною своею обязанностию, и вообще способностью чистить сапоги измѣрялъ достоинство слуги и даже человѣка; самъ онъ чистилъ съ какою то страстью» и съ утра принимался «за сапоги».—«Цѣлое утро чищу, все перечищу, иные раза по три; вечеромъ снимуть—опять вычищу».—«Подика, вычисти, кто этакъ!»—«Я ни у одного изъ господъ такихъ сапогъ не выдывалъ. У Петра Иваныча хуже вычищены, даромъ, что трое лакеевъ!» говоритъ Е.—«Я-ли не усердствовалъ! служилъ вѣрой и правдой! «Я-ли не смотрѣлъ?»—«Въ восемь-то лѣтъ изъ барскаго бѣлья только одна рубашка пропала, а то у меня и изношенныя-то цѣлы», докладываетъ онъ Аннѣ Павловнѣ, по возвращеніи изъ Петербурга. Въ Петербургѣ «сильно горевалъ» о разлукѣ съ Аграфеной. Онъ любилъ Аграфену, но то, что она была «первой ключницей» было «всего важнѣе для Евсея». Передъ разлукой «сидѣлъ молча и сильно вздыхалъ».—«Прощайте, прощайте! съ громаднѣйшимъ вздохомъ», говорилъ онъ; «кто-то сядетъ на мое мѣсто», кто-то въ дураки съ вами станеть играть? Умолялъ Аграфену, «съ безпокойствомъ и почти съ угрозой», не играть съ Прощкой. —«Будеть-ли Прощка любить васъ такъ, какъ я?»—«Вы у меня, что спшь-порохъ въ глазу! Если-бъ не барская воля, такъ... эхъ!» «Онъ» «крякнулъ и махнулъ рукой». Когда Аграфена отвѣчала ему, что она «не какая-нибудь, не станеть «всякому вѣшатся на шею», Е. сказалъ радостно:—«Богъ васъ награди за вашу добродѣтель! какъ камень съ плечъ!» Самъ поклялся въ вѣрности Аграфенѣ:—«Да разрази меня на этомъ мѣстѣ Господь, лопни мо глаза! что-бъ мнѣ сквозь землю провалиться, коли я тамъ что-нибудь этакое... При прощаньи досталъ «изъ кармана засаленную колоду картъ, но, замѣти Прощку, снова «спряталъ карты въ карманъ».—«Нѣтъ, Аграфена Ивановна, что хогите дѣлайте, а не отдамъ: вы съ нимъ станете играть». Черезъ восемь лѣтъ, «увидя Аграфену, онъ остановился, какъ окаменѣлый, и смотрѣлъ на нее молча съ глупымъ восторгомъ» и довольный «сидѣлъ на старомъ мѣстѣ, между столомъ и печкой».—«Господи, какой покой!» то-ли дѣло здѣсь! вздыхалъ Е., вернувшись домой.

«Просто каторжное житье!» отвѣчаетъ Е. о Петербургѣ.—«У Петра Иваныча, кухня-то, слышь, разъ въ мѣсяцъ топится, люди-то у чужихъ обѣдаютъ... Эко Господи! ну народецъ! нечего сказать, а еще петербургскіе называются! У насъ и собака каждая изъ своей плочки лакаетъ».—«И обычая нѣтъ набѣдаться каждый день до-сыта. Господа кушаютъ, словно украдкой, по одному разу въ день, и то коли успѣютъ, часу въ пятомъ, иной разъ въ шестомъ; а то такъ чего-нибудь перехватить, да и тѣмъ кончатъ. Это у нихъ послѣднее дѣло: сначала всѣ дѣла передѣлають, а потомъ и кушать... Зато «по праздникамъ поѣдутъ господа въ какой-нибудь нѣмецкій трактиръ, да рублей сто, слышь, и проѣдятъ. Когда «у Петра Иваныча соберутся гости: сядутъ за столъ часу въ шестомъ, а встанутъ утромъ въ четвертомъ часу» и «все ѣдятъ». На вопросъ, что ѣдятъ, отвѣчалъ:—«Не узнаешь, что и ѣшь: нѣмцы накладываютъ въ кушанье, Богъ знаетъ, чего: и

въ ротъ-то взять не хочется. И перецъ-то у нихъ не такой; подливаютъ въ соусъ чего-то изъ заморскихъ скляннокъ»... Припомнилъ, какъ «угостилъ» его разъ поварь Петра Ивановича барскимъ кушаньемъ, такъ три дня тошнило.—«Смотрю, оливка въ кушаньѣ»: «раскусилъ,—глядь— а тамъ рыбка маленькая, противно стало, выплюнулъ, взялъ другую и—тамъ тоже; да во всѣхъ... ахъ, вы, что-бъ васъ, проклятые!»—«И что за кушанье? Сначала горячее подадутъ, какъ слѣдуетъ, съ пирогами, да только ужъ пироги: съ наперстокъ; возьмешь въ ротъ вдругъ штукъ шесть, хочешь пожевать, смотришь—ужъ тамъ ихъ и нѣтъ, и растаяли... Послѣ горячаго вдругъ чего-то сладкаго дадутъ, тамъ говядины, а тамъ мороженаго, а тамъ травы какой-то, а тамъ жаркое... и не ѣль-бы!» «И не дай Богъ, какъ» «плохо!» а холостые господа стола не держатъ». «Въ 'рѣдкомъ домѣ хлѣбъ некутъ. А этого тамъ, чтобы капусту запасать, солонину солить, грибы мочить—ничего въ заводѣ нѣтъ».—«Только хороша одна вакса: ужъ вакса, такъ и не наглядись! а запахъ какой: такъ бы и съѣлъ!» Однако, привезъ въ Грачи петербургскіе гостинцы: кому серебряное кольцо, кому березовую табакерку, а Аграфенѣ «бронзовыя серьги», «большой платокъ» и «нѣсколько колодъ играныхъ, но еще почти новыхъ, картъ».

Евсей мать («О бы к п. и ст.»).—Прощаясь съ сыномъ, говорила:—«Вотъ тебѣ образецъ; это мое благословеніе. Помни вѣру, Евсей, не уйди тамъ у меня въ басурманство, а не то проклянью! Не пьянствуй, не воруй; служи барину вѣрой и правдой».

Евсей сестра («О бы к н. и ст.»).—«Босоногая» дѣвчонка, лѣтъ двѣнадцати».

Егорка («О б р ы в ѣ»).—Дворовый изъ Малиновки, камердинеръ Райскаго. «Коренастый, мускулистый, длинорукій, какъ орангъ-утангъ, но хорошо сложенный малый». У Е. «усы до плечъ», «хохоль на лбу», «вѣчно оскаленные зубы», и нахальный взглядъ». Въ день рожденія Мароинки, «явился-было неслыханнымъ франтомъ, въ подаренномъ ему Райскимъ коротенькомъ пиджакѣ, клѣтчатыхъ, зеленыхъ, почти новыхъ, панталонахъ, и въ купленныхъ имъ самимъ, — оранжевомъ галстукѣ и голубомъ жилетѣ».—«..Что за чучело, на кого ты похожъ?» строго крикнула на Егорку Татьяна Марковна и назвала его «шутомъ». Онъ всѣхъ «вострѣе» изъ дворни, отзывается о немъ Бережкова. Въ ожиданіи приѣзда Райскаго, «на совѣтѣ», собранномъ бабушкой, «онъ напоминалъ, больше всѣхъ», о привычкахъ... Бориса Павловича, и за это «былъ пожалованъ» къ нему «въ камердинеры». Первый изъ дворни замѣтилъ, что Райскій влюбленъ въ въ Вѣру.—«Экъ, его разбираетъ!» заявилъ онъ, увидя Райскаго плачущимъ въ кабинетѣ: «врѣзамшись, д. б. въ Вѣру Васильевну.—Е. былъ «героемъ дворни», «былъ ея живой пульсѣ». «Онъ своего дѣла, котораго собственно и не было, не дѣлалъ», «но за то совался поминутно въ чужія дѣла. Смотришь, дугу натягиваетъ, и сила есть»; «то сѣно примется помогать складывать на сѣноваль: бросить охалки три и кинетъ вилы, начнетъ болтать и мѣшать другимъ». Но главное его призваніе и страсть—дразнить дворовыхъ дѣвокъ, трепать ихъ, дѣлать имъ всякія шутки». Съ утра Е. уже «скалилъ зубы» и «озорничалъ». Его такъ и прозвали «зубоскаломъ»; большую часть дня, онъ «сидѣлъ все въ дѣвничей и немилосердно издѣвался надъ горничными». На дворѣ повторялось тоже: «онъ смѣется надъ ними, свещетъ имъ вслѣдъ, схватитъ изъ-за угла или длинной рукой за плечо, или за шею такъ, что бѣдная дѣвка не вспомнитса, гребенка выскочитъ у ней, и коса упадетъ на спину».—«Чортъ, озорникъ!—кричитъ дѣвка, и съ ея крикомъ послышится ворчаніе какой-нибудь старой бабы». «Но ему неймется: онъ подмигиваетъ на проходящую дѣвку глазами кучеру, или Якову» «и опять засвещетъ, захихикаетъ, или начнетъ выдѣлывать такую мимку, что дѣвка бросится бѣжать, а онъ вслѣдъ оскалитъ зубы или свиснетъ». Онъ же «провергѣлъ щель въ деревянной, оклеенной бумагой, перегородкѣ, отдѣлявшей кабинетъ Райскаго отъ коридора и поглядывалъ за нимъ».—«Ну дѣвки, покажу, я вамъ диковинку! сказалъ Е., плюнувъ сквозь зубы въ сторону: «пойдемте, Пе-

лагея Петровна, къ барину, къ Борису Павловичу, въ шелку посмотрѣть; въ театр не надо ходить: какъ онъ тамъ дѣвствуетъ!»—«Что за чортъ не дозовешься ни одной!» сказалъ съ досадою Е., опять плюя сквозь зубы:—«а я тамъ вертѣль-вертѣль буравомъ». Когда же посмотрѣть «театръ» напрашивалась, незваная, Наталья, онъ ей «сказалъ нѣжно»:—«Вы распрекрасная, дѣвица, Наталья Ѳаддеевна:—словно—барышня! Я бы не только въ шелку далъ вамъ посмотрѣть, руку и сердце предложилъ бы—только... рожу бы вамъ другую». Когда же Наталья обидѣлась и ушла, Е. договорилъ ей вслѣдъ:—«А то вы», «болжно на тятеньку своего смахиваете съ рыла-то, на Ѳаддея Ильича!» «И захихикалъ». Однако, «озорство» Е. «во всей женской половинѣ дворни» вызывало «только временныя вспышки» «въ дѣвицахъ», «а потомъ онѣ-же лѣзли къ нему, лишь только онъ назоветъ которую-нибудь Марьей Петровной или Пелагеей Сергѣевной и дружелюбно заговорить съ ней». «Онѣ гурьбой толпились около него, когда онъ въ воскресенье сидѣлъ съ гитарой у воротъ и ласково, но всегда съ насмѣшкой, балагурилъ съ ними. И только тогда бросались отъ него врозь, когда онъ зашѣвлялъ черезъ-чуръ нецензурную пѣсню, или вдругъ принимался за неудобную для ихъ стыдливости мимику». «Но наединѣ и порознь, смотришь, то та, то другая стоитъ дружески обнявшись съ нимъ, гдѣ-нибудь въ уголкѣ, и вечеркомъ, особенно по зимамъ, кому была охота, могъ видѣть, какъ бѣгали женскія тѣни черезъ дворъ и какъ затворялась и отворялась дверь маленькаго чуланчика, рядомъ съ комнатами кучеровъ»; даже Марина, когда Е. скалилъ зубы надъ нею и Савелѣемъ, говорила съ досадою:—«Отстань ты, чортъ этакой!» «но потомъ широко» улыбалась, «показывая зубы».

Егорьевъ («На родилѣ»).—«Домашній чиновникъ» губернатора (Углицкаго), «проживавшій у него чѣмъ-то въ родѣ легавой собаки, бѣгавшій съ разными поносками, и иногда *postillon d'amour*».

Егоръ Ильичъ («Обрывъ»).—Уп. л. Знакомый Бережковой.

Ельнинъ («Обрывъ»).—Уп. л. Учитель русскаго языка Софьи Бѣловодовой. По ея словамъ «il etait tout-à-fait bien»; прекрасно читалъ «и приносилъ ей книги». Былъ такъ приличенъ, что даже «maman» приглашала его на домашнія *soirées musicales dansantes*; былъ хорошо воспитанъ и «игралъ на скрипкѣ»; «восхищался сонатами Бетховена» и Софья въ день своихъ именинъ разучила для него ту, которую онъ восхищался. По словамъ кн. Сержа, Е. «сынъ какого-то лѣкаря, бѣгаетъ по урокамъ, сочиняетъ, пишетъ русскимъ купцамъ французскія письма за границу за деньги и этимъ живетъ». Послѣ «сцены» на именинахъ Софьи (когда Е. растроганный ея игрой, протянулъ ей руку», а «она протянула ему тоже руку и онъ... пожалъ ее»), Е. отказали отъ дома.

Епископъ («Фрег. Пал.»).—Итальянецъ. Епископъ Гонконскій. Посѣтилъ фрегатъ въ сопровожденіи свиты изъ четырехъ мисіонеровъ.

Епископъ («Фрег. Пал.»).—См. Динакуръ.

Ernestin, m-elle («Обломовъ»).—Уп. л. Гувернантка книженъ, у отца которыхъ былъ управителемъ старикъ Штольцъ. Во время пребыванія въ Верхлѣвѣ, «ходила пить кофе къ матери Андриуши (Штольца) и научила «дѣлать ему кудри». «Она иногда брала его голову, клала на колѣни и завивала въ бумажки до сильной боли, потомъ брала бѣлыми руками и цѣловала такъ ласково».

Ечѣмка («Обрывъ»).—Дворовый Бережковой.

Ефремъ («Обрывъ»).—Огородникъ, у котораго нанималъ квартиру Волоховъ («одипоко стоявшую избушку въ полѣ»).

Eudoxie («Обрывъ»).—Уп. л. См. Кокко.

Ж.

Жандармъ («Обрывъ»).—Принесъ Райскому приглашеніе «пожаловать къ губернатору».

Жозефина («И. С. Поджабринь»).—Пріятельница баронессы Цейхъ; интересно-блѣдная и задумчивая женщина».

Журналистъ («Обыкн. Ист.»).—«Знакомый» Петра Иваныча; «прислалъ» Александру «для опыта работу».

Журналистъ («Лит. Веч.»):—См. Редакторъ.

3.

Загруско («Превр. судьбы»).—При выѣздѣ въ Петербургъ, «у шлагбаума, гдѣ была застава», объявилъ себя «польскимъ помѣщикомъ»; пріѣхалъ на перекладной телѣгѣ изъ Варшавы и остановился вмѣстѣ съ Хабаровымъ «въ двухъ чистыхъ комнатахъ».

Зарайскіе («Обыкн. Ист.»).—«Знакомые А. Адуева.

Засѣдатель («Фрег. Пал.»).—Встрѣтился съ Гончаровымъ на Ыргалахской станціи; рѣшилъ, что лучше подождать до свѣта, а то ночью тутъ гористо», и лошади «дѣйствительно измучены». «Ѣхалъ цѣлымъ домикомъ»: вынималъ ихъ погребца «чашку за чашкой, блюдечки, ножи, вилки, соль, маленькіе хлѣбцы, огурцы» и «вино».

Затертый, Исай Ѡмичъ («Обломовъ»).—Уп. л. Сослуживецъ Мухоярова, приставленный имъ въ «повѣренные Обломову. По словамъ Мухоярова, «честнѣйшая душа», двѣнадцатый годъ состоитъ на службѣ», «заикается немного, а дѣловой и знающій человекъ». Три года управлялъ большимъ имѣніемъ, да помѣщикъ отпустилъ его, по этой самой причинѣ, что заикается». Поѣхалъ въ Обломовку и, по убѣжденію Ильи Ильича, благодаря З., онъ «отлично устроилъ хлѣба», такъ какъ З. «собираетъ справки о бѣглыхъ мужикахъ, выгодно продаетъ хлѣбъ» и даже прислалъ ему полторы тысячи рублей», изъ которыхъ З. «былъ удовлетворенъ прогонами, суточными и вознагражденіемъ за трудъ». «Что касается оброка, то З. писалъ, что денегъ этихъ собрать нельзя, что мужики частью разорились, частью ушли по разнымъ мѣстамъ и гдѣ находятся—неизвѣстно, и что онъ собираетъ на мѣстѣ дѣятельныя справки. О дорогѣ, о мостахъ, писалъ онъ, что время терпитъ, «а мужики охотиѣ предпочитаютъ переваливаться черезъ дорогу и черезъ оврагъ торговаго села, чѣмъ работать надъ устройствомъ новой дороги и мостовъ». З. же распорядился и пачетъ постройки дома: опредѣливъ, вмѣстѣ съ губернскимъ архитекторомъ, количество нужныхъ матеріаловъ, онъ оставилъ старостѣ приказъ, съ открытіемъ весны, возить лѣсъ и велѣлъ построить сарай для кирпича, такъ что Обломову оставалось только пріѣхать весной и, благословясь, начать стройку при себѣ. Къ тому времени предполагалось собрать оброкъ и, кромѣ того, было въ виду заложить деревню, слѣдовательно, расходы было изъ чего покрыть». По отзыву Тарантьева, З. «не первый разъ запускаетъ лапу въ помѣщичьи деньги,—умѣетъ концы прятать».

Затѣй («Фрег. Пал.»).—«Русскій якутъ». Ямщикъ. Упращивалъ Гончарова съѣсть въ телѣгу на станціи, потому что лошадь «коренная у насъ съ мѣста прыгаетъ козломъ, на дорогѣ не остановишь».

Захаръ Трофимычъ («Обломовъ»).—«Знаменитый камердинеръ» Ильи Ильича, «обращавшійся всю жизнь около своего барина». Обломовъ называлъ в. своимъ «мажордомомъ» и «повѣреннымъ въ дѣлахъ»; самъ З. гордо говорилъ себѣ, что онъ и «управляющій и мажордомъ». «Пожилой человекъ за пятьдесятъ лѣтъ», «съ голымъ, какъ колѣно, черепомъ». По выраженію кучера, Захара Трофимыча «и ухватить не за что: голова-то, словно тыква... Развѣ вотъ за эти бороды-то, что на скулахъ... тамъ есть за что». Скулы З. украшали «необъятныя широкія, густыя, русыя съ просѣдью бакенбарды, изъ которыхъ каждой стало бы на три бороды». Ходилъ въ «сѣромъ сюртукѣ, и въ сѣромъ же жилетѣ съ мѣдными пуговицами». Въ Петербургѣ З. «не старался измѣнить не только даппаго ему Богомъ образа, но и своего костюма, въ которомъ ходилъ въ деревнѣ. Платье ему шилось по вывезенному имъ изъ деревни образцу. Сѣрый сюртукъ и жилетъ нравились ему и потому, что въ этой полуформенной одеждѣ онъ видѣлъ слабое во-

ромъ дома же, за картами съ двумя-тремя пріятелями, *partie fixe*». На чтеніе «нопаль нечаянно», и самъ не могъ надивиться этому. Когда Бебиковъ открылъ К., что пишетъ романъ, не повѣрилъ:—«Хорошъ долженъ быть романъ»,—сказалъ К., «поглядывая на тетрадь.—Пожалуй, отъ него канцеляріи на полгода работы хватить, а дѣлопроизводителю, т.-е. вашему покорному слугѣ, опять по ночамъ не спать». Писаніе романовъ К. считалъ «вздоромъ». «Сдавая вступительный экзаменъ въ университетъ, по факультету камеральныхъ наукъ, между прочимъ и изъ словесности, онъ запомнилъ имена Вальтеръ-Скотта, Бальзака, у насъ—Загоскина и Лажечникова. Позднѣ, въ журналахъ, онъ встрѣтилъ имена Жоржъ Занда, Виктора Гюго, помнилъ, какого шума надѣлала «Капитанская дочка» Пушкина, затѣмъ романы Лажечникова, Лермонтова и Гоголя. Но онъ, ставъ на практическую точку служебныхъ занятій, уже ничего этого послѣ не читалъ—и на романъ смотрѣлъ... просто никакъ не смотрѣлъ. Онъ считалъ это женскимъ или, какъ онъ выражался, бабимъ дѣломъ, и, нахмурясь, смотрѣлъ, какъ у его сестры, старой дѣвушки, цѣлый уголь, точно дровъ, навалено было русскихъ и французскихъ романовъ». Не повѣрилъ, что «этакій богачъ (Бебиковъ)—и станетъ писать!» Все раздумывалъ о томъ, «насколько хватитъ всей комиссіи и ему работы, т. к. предполагалъ, что Бебиковъ «готовить сюрпризъ»: собереть всю комиссію, да и прочтеть какой-нибудь проектъ или идею».—«Охъ, ужъ эти мнѣ идеи!» думалъ К.—«И женщины тутъ; что-жъ это въ самомъ дѣлѣ—ужели такъ-таки романъ и есть?» шепталъ онъ, робко усаживаясь въ третьей шеренгѣ слушателей въ домѣ Уранова. «К. просто не зналъ, какъ ему быть. Надежда на мистификацію рушилась—онъ видѣлъ это ясно: ни пересмотра проектовъ, ни дополнительныхъ штатовъ, никакихъ смѣтъ, ничего такого въ романѣ не было. А все чтѣ было—ему было чуждо и даже противно, въ родѣ какой-то дѣтской забавы». Во время чтенія, К. волновался:—«Что я ему скажу?» раздумывалъ онъ про себя. «А онъ непременно спроситъ—вонъ, то и дѣло поглядываетъ на меня! Сказать коротко, «никуда не годится», это было бы всего удобнѣе и искреннѣе съ моей стороны—да нельзя, если-бъ и хватило духу; надо объяснить, почему не годится. Сказать «очень хорошо»,—я рискнулъ бы и на это, а какъ спросятъ: что именно и почему хорошо? И когда романъ бываетъ хорошъ, когда не хорошъ—чортъ знаетъ!» Но, по мѣрѣ того, какъ чтеніе подвигалось къ концу», К. «становился покойнѣе; онъ даже повеселѣлъ и смѣлѣе поглядывалъ на автора и на присутствующихъ, почти не вслушиваясь въ послѣднія страницы романа, какъ будто онъ пришелъ къ какому-нибудь критическому заключенію». На вопросъ автора, отвѣтилъ:—«Прекрасно: какое перо!» Онъ не зналъ какой эпитетъ прибавить и смѣло замѣтилъ:—«Вотъ у васъ» «сказано, что восточный вѣтеръ нагоняетъ тучи, дождь... а я живу на дачѣ, на Выборгской сторонѣ, такъ-сказать, подъ самымъ восточнымъ вѣтромъ, и всегда замѣчалъ, что онъ именно приноситъ ясную погоду. Бывало, въ ненастье ждешь его, какъ благодати»... «Авторъ засмѣялся».—«А когда вы живете на дачѣ?»—спросилъ онъ.—«Вотъ на-дняхъ переѣзжаю, на той недѣлѣ, лишь только подуетъ восточный вѣтеръ!»—отвѣтилъ, смѣясь же, К.—«За-то все остальное уже безупречно!—рискнулъ К. кинуть вслѣдъ ухидившему автору, но тотъ, улыбаясь, какъ бомбу, бросилъ ему въ отвѣтъ фразу:—«Мы еще объ этомъ поговоримъ!»—«Вотъ тебѣ разъ!»—размышлялъ К., спускаясь съ лѣстницы:—а я думалъ, что ужъ и отдѣлался! Постой, постой!—вспомнилъ онъ:—у меня еще мелькали какія-то два замѣчанія: одно—ошибка противъ гражданскаго права, а другое... другое... что бишь такое?»—И «очень довольный», «уѣхалъ домой».

Каннингамъ («F r e g. П а л.»).—Американскій консулъ въ Шанхаѣ и представитель «знаменитаго Америк. торг. дома «Россель и К^о», «одного изъ лучшихъ» въ Шанхаѣ. «Маленькій бѣлокурый и невидный изъ себя» человекъ. Къ К. на обѣдъ былъ приглашенъ Гопчаровъ (II, 2). «Выстроилъ себѣ дачу гдѣ-то въ горахъ, миль за 80 отъ моря (несмотря на запрещеніе иностранцамъ углубляться внутрь страны). Когда губернаторъ провинціи протестовалъ противъ этого»,

К. отвѣчалъ, что католическіе миссіонеры, въ разныхъ мѣстахъ, еще дальше имѣютъ монастыри: пусть губернаторъ выгонитъ ихъ оттуда, тогда и онъ откажется отъ дачи». Когда къ тому-же К. «присталъ губернаторъ, зачѣмъ онъ снаряжаетъ судно, да еще, кажется, съ опіумомъ, въ какой-то шестой портъ ¹⁾, чуть-ли не въ самый Пекинъ, когда открыто только пять?»—«А зачѣмъ»—возразилъ тотъ опять,—у о. Чусана, который не открытъ для европейцевъ, давно стоять англійскіе корабли? Выгоните ихъ, и я не пошлю судно въ Пекинъ».

Кантонистъ-писарь («Обрывъ»). — Прохожій; когда Райскій розыскивалъ по городу «учителя»—Козлова, привелъ Бориса Павловича къ тому дому, откуда звонко раздавались азы.—«Вотъ школа, вонъ и учитель самъ сидитъ!» прибавилъ онъ, указывая въ окно на учителя. Когда же Райскій замѣтилъ:—«Да это совсѣмъ не то!» К. сказалъ:—«А то еще на горѣ есть гимназія».

Капитанъ («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»: Унковскій, И. С.

Кармена («Фрег. Пал.»).—Испанецъ изъ Машиллы, товарищъ Авелло; «хотя очень дурно, но за-то очень скоро», говорилъ «по-французски»; «служилъ и по редакціи» газеты, «и по сбору податей».

Каролина («Фрег. Пал.»).—Родственница m-rs Вельчь. Дѣвушка лѣтъ 20, красавица. Она была прекраснаго роста, съ прекрасными глазами и недурными руками. «Сквозь бѣлую, пѣжную кожу сквозили тонкими липіями синія жилки; глаза большіе, темносиніе и лучистые; ротъ маленькій и граціозный, съ вѣчной, одинаковой для всѣхъ улыбкой» (такова была «сила привычки», что даже когда К. «обрѣзала палецъ и заплакала», то лобъ у нея наморщился, глаза выразили страданіе, а ротъ улыбался»). Граціозно «подавала она каждому счетъ, написанный хотя дурной рукой, но прекраснымъ почеркомъ», и «мило говорила:—thank you! когда, взявъ счета, ей подавали кучку фунтовъ». «Привлекала всѣхъ» и около нея было постоянное сборище. Она кругомъ дарила улыбкой, бросая на всѣхъ «убійственный взглядъ».

Карповъ («Фрег. Пал.»).—Поваръ съ фрегата.

Катя («Обломовъ»).—Горничная Ольги Ильинской; прибѣгала съ записками отъ барышни къ Обломову; сопровождала Ольгу, во время ея посѣщенія Ильи Ильича на Выборгской.

Catherine («Обрывъ»).—Уп. л. Кузина Бѣловодовой.

Кеннигштейнъ («Обыкн. ист.»).—Уп. л. Портной; «на губернатора работаетъ».

Кизель, баронъ («И. С. Поджабринь»).—Уп. л. Воображаемый знакомый Поджабрина; барона К. онъ назвалъ Анпѣ Павловнѣ въ числѣ своихъ знакомыхъ для того, чтобы «задать тону». Рекомендовалъ его «какъ отличнаго игрока на билліардѣ».

Кирилла Кириллычъ («Обрывъ»). Уп. л. По словамъ Бережковой, «богаты, здоровехонекъ, весь вѣкъ хи-хи-хи, да ха-ха-ха, да жена вдругъ ушла: съ тѣхъ поръ и повѣсилъ голову,—шестой годъ ходить, какъ тѣнь».

Кириловъ, Семень Семеновичъ («Обрывъ»).—Художникъ, учитель Райскаго. «Маленькій, сухощавый человѣчекъ, весь спрятавшійся въ бакепбарды, усы и бороду. Тѣла почти совсѣмъ не было видно, только впалые глаза неестественно блестя, да носъ вдругъ рѣзкимъ горбомъ выходилъ изъ чащи, а концомъ оный упирался въ волосы, за которыми не видать было ни щекъ, ни подбородка, ни губъ». «Глядя на эти задумчивые сосредоточенные и горячіе взгляды, на это будто уснувшее, подъ непроницаемымъ покровомъ волосъ, суровое, неподвижное лицо», «не подумаешь, что это вольный, какъ птица, художникъ міра, ищущій свѣтлыхъ сторонъ жизни, а примешь его самого за мученика, за монаха искусства, возненавидѣшаго и понявшаго только скорби». Искусство для К.—«все». «Ни жизнью, ни искусствомъ», по убѣжденію К., «шутить нельзя». То и другое строго: оттого немного на свѣтѣ и людей, и художниковъ.. «Искусство не любить

¹⁾ См. въ «Спискѣ»: Японія. Примѣчаніе.

барь... Оно тоже избираеть худородныхъ». «Необходимо работать до тумана, до обморока въ головѣ». «Отдайте искусству все, будьте мудры и вмѣстѣ просты, какъ змѣи и голуби, и, чтобы ни дѣлалось около васъ, куда бы ни увлекла жизнь, въ какую яму ни падали, помните и исповѣдуйте одно ученіе, чувствуйте одно чувство, испытайте одну страсть—къ искусству! Пусть васъ клынутъ, презираютъ во имя его—идите: тогда только призваніе и служеніе совершится»... говорилъ К. Райскому. Онъ вѣрилъ, что существуетъ «общество художниковъ—это орденъ братства, разсѣянный по всему міру и идущій къ одной цѣли!»—«Нельзя наслаждаться жизнью, шалить, ѣздить въ гости, и, между прочимъ, сочинять, рисовать, чертить и ваять». По словамъ Райскаго, К.—«изувѣрь», одинъ изъ послѣднихъ могикавъ: истинный, цѣльный, но не униженный художникъ». Съ К. вмѣстѣ Райскій уѣхалъ за границу. [Ср. Художникъ въ «Портретѣ» Гоголя «Сл. Лит. Тип.», т. 3-й, стр. 72].

Кирюшка («О бры в ъ»).—Дворовый Бережковой. «Чуть у которой-нибудь влучки (барыни) «язычекъ зачесется, или брюшко немощко вспучить», «К. или Власъ скакали, болтая локтями и ногами, на неосѣданной лошади, въ городъ, за докторомъ».

Кичибѣ («Ф р е г. П а л.»). — Японецъ; старшій переводчикъ, присланный изъ Едо. У. К. было «круглое, полное и смуглое лицо безъ румянца», съ выдавшимися до-нельзя верхними зубами, съ постоянною, отчасти пезвольною, по причинѣ выдавшихся зубовъ, улыбкою». По-англійски «не зналъ, и очень жалѣлъ, что «выучился» «по-голландски».—«Я люблю», говорилъ К., ничего не дѣлать, лежать на боку». «Ограниченъ и упрямъ». «Составляя *juste milieu* между приверженцами старины и представителями молодой Японіи: у него не было «застарѣлой ненависти къ новому и вѣры въ японскую систему правленія, по ему не утнаться и за новыми. Онъ просто служилъ за жалованье, кому и какъ хотите». «Ему все равно, возмуть ли Японію, нѣтъ ли, онъ продолжаетъ улыбаться, по-казывать свои фортепіано изо рту» и «х и х и к а е т ъ». «Съ своей улыбкой, съ яснымъ взглядомъ и наклоненной головой, просто, безъ вздоховъ и печали, объявилъ, что Сіогунъ, ни больше, ни меньше, какъ *gestorven*—умеръ!» Переводилъ японскую рѣчь на голландскій языкъ «по своему: коротко и отрывисто, передавалъ только мысль, по способу выраженія, подробности, оттѣнки» у него пропадали. «Если скажутъ что-нибудь рѣзко по-голландски, онъ» «смягчить въ переводѣ на японскій языкъ, или вовсе умолчить». При приѣмѣ адмирала губернаторомъ «лежалъ на полу, «какъ груда кака-я-нибудь, образующая фигурой опрокинутую вверхъ дномъ шляпку». «Хи, хи, хи! слышалось только изъ К.» и онъ «судорожно» подергивался «отъ этого, всѣмъ существомъ его произносимаго, хи». На фрегатѣ, выпрашивая моряковъ (куда идти, воротятся-ли?), «К. извивался, какъ змѣй». Былъ не прочь «посуетиться, поговорить, пошумѣть, побѣгать». Читалъ «крикливымъ, жесткимъ, какъ карканье вороны голосомъ, при чемъ «гримасничалъ и всхлипывалъ».

Кичибѣ-сынъ («Ф р е г. П а л.»).—Кандидатъ въ переводчики.

Кишь («О б р ы в ъ»).—Уч. л. См. Сѣмечкина Дашенька.

Клери Cléry («О б р ы в ъ»).—Уч. л. Гувернантка-француженка Софьи Изъловодовой.

Княгиня («Л и т е р. в е ч.»).—Героиня романа Бебикова, «блестящая звѣзда большого свѣта по красотѣ, изяществу, уму». [Ср. кн. Искрицкая въ романѣ Валуева «Лоринъ». См. въ «Спискѣ»: Валуевъ и Перечень: «Лит. вечеръ»].

Княгиня («О б л о м о в ъ»).—Уч. л. Жена князя, владѣльца Верхлѣва; «величественная красотой, ростомъ и объемомъ женщина, къ которой, кажется, никогда никто не подходилъ близко, не обнялъ, не поцѣловалъ ее, даже самъ князь, хотя у ней было пятеро дѣтей». Она казалась выше того міра, въ который нисходила въ три года разъ (пріѣзжая въ свое помѣстье); ни съ кѣмъ не говорила, никуда не выѣзжала, а сидѣла въ угольной зеленой комнатѣ съ тремя старушками,

да через садъ, пѣшкомъ, по крытой галлерей, ходила въ церковь и садилась на стулъ за ширмы».

Княгиня («Обрывъ»). — Знакомая Татьяна Марковны. «Востроноса худенькая старушка, въ темномъ платьѣ въ кружевахъ, въ большомъ чепцѣ, съ сухими костлявыми, маленькими руками, переплетенными синими жилами, и со множествомъ старинныхъ перстней на пальцахъ». Жила «въ большомъ темномъ домѣ».

Княжны («Обломовъ»). — Дѣвочки одиннадцати и двѣнадцати лѣтъ, высокенькія, стройныя, нарядно-одѣтыя, ни съ кѣмъ не говорившія, никому не кланявшіяся и боявшіяся мужиковъ» (дочери князя, владѣльца Верхлёва).

Князь («Обломовъ»). — Уп. л. Владѣлецъ Верхлёва; «сѣдой старикъ съ выцвѣтшимъ пергаментнымъ лицомъ, тусклыми на выкатѣ глазами и большимъ плѣшивымъ лбомъ, съ тремя звѣздами, съ золотой табакеркой, съ тростью съ яхонтовымъ набалдашникомъ, въ бархатныхъ сапогахъ». Пріѣзжалъ, «года въ три разъ», въ свой верхлёвскій замокъ.

Ковригинъ («Обрывъ»). — Уп. л. См. Саврасовъ.

Козловъ («На родинѣ»). — Хозяинъ станціонной избушки въ Буинскѣ. «Мужикъ въ красной рубашкѣ, съ большимъ ключомъ на поясѣ».

Козлова, Ульяна Андреевна («Обрывъ»). — См. Ульяна Андреевна Козлова.

Козловъ («Обрывъ»). — См. Леонтіи Козловъ.

Козыревъ, Федоръ Петровичъ («На родинѣ»). — Ласковый баловникъ-старичокъ; близкій знакомый Якубова. Имѣлъ «слегка рѣбоватое лицо, темно-сѣрые умные глаза, и «насмѣшливо-добродушную улыбку». Жилъ «почти безвыѣздно въ своей деревнѣ, въ «прелестной усадьбѣ», окруженной садомъ во вкусѣ Людовика XIV». «Былъ поклонникомъ Вольтера и всей школы энциклопедистовъ, и самъ смотрѣлъ маленькимъ Вольтеромъ, острымъ, саркастическимъ—какъ многіе тогда поклонники Вольтера. Духъ скептицизма, отрицанія свѣтился въ его насмѣшливыхъ взглядахъ, улыбкѣ и сверкалъ въ рѣчахъ». К. «саркастически посмѣивался и надъ крутыми мѣрами властей, и надъ переполохомъ» (декабрьскія событія 1825 г.). «Онъ не выползалъ изъ своей норы и не выходилъ изъ халата». Кромѣ «сада и библиотеки, онъ ничего знать не хотѣлъ, ни полей, ни лѣсовъ, ни границъ имѣнія, ни доходовъ, ни расходовъ». По рассказамъ его людей К., въѣзжая на своихъ лошадахъ въ свое сосѣднее имѣніе, спрашивалъ: «чи это лошади?». Вообще, онъ рѣдко покидалъ свой домъ и даже въ лежачую, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ имѣнія, другую деревню, «и въ ту не всякій годъ онъ заглядывалъ»; «въ три года разъ пріѣзжалъ въ губернской городъ на дворянскіе выборы» и останавливался у Якубова. Поутру К. подавали въ постель чай или кофе. Въ полдень онъ завтракалъ и «опять» забирался въ постель; «въ дни выборовъ «нагибалъ на себя екатерининскихъ времянь мундиръ и «панталоны, спрятанные въ высокіе сапоги съ кисточками», надѣвалъ парикъ и, вмѣстѣ съ Якубовымъ и Гастуринимъ, хохоталъ, «оглядывая другъ-друга. На выборы пріѣзжалъ «совсѣмъ не затѣмъ», чтобы его «выбирали, а, напротивъ, чтобъ не выбирали». По словамъ предводителя дворянства Бравина, «стоитъ только написать Козыреву и Гастурину, что ихъ намѣрены баллотировать: сейчасъ же оба бросятъ свои заходустья и пріѣдутъ просить, чтобъ не выбирали». — Бесѣдой его служили «французскіе писатели», но онъ былъ «такъ остороженъ и деликатенъ, что «умалчивалъ» предъ юношами «о смыслѣ и значеніи ученія мыслителей энциклопедистовъ» и давалъ имъ читать произведенія французской поэзіи, декламируя Расина, Корнеля и «Генріаду» Вольтера. — «Баснями соловья не кормить! заканчивалъ онъ «бесѣды и велѣлъ подавать всегда тонкій, изящный обѣдъ».

Коко («Обрывъ»). — Уп. л. Аяновъ писалъ въ письмѣ Райскому, что «К. женился, наконецъ, на своей Eudoxie, за которой чуть не семь лѣтъ, какъ за Рашилью ухаживалъ! — и уѣхалъ въ свою тьму-тараканскую деревню».

Колчинскій барченонъ («Обрывъ»). — Такъ Василиса называла Викентьева.

Колымягинъ, Василій Севастьянычъ («Обломовъ»). — Уп. л. (I, 1).

Комедантъ («Фрег. Пал.»). — Комедантъ залива (de bahia). Испанецъ изъ Маниллы; «высокій, красивый мужчина съ усами». («Я до сихъ поръ имѣю темное понятіе о томъ, что такое commendantе de bahia, — писалъ Гончаровъ I, 5).

Коневъ («Обыкн. и ст.»). — «Другъ» Петра Иваныча. «Нужный человекъ».

Константинъ Павловичъ («Превр. судьбы»). — Великій князь; «управляя Царствомъ Польскимъ», потребовалъ полкъ, гдѣ служилъ Хабаровъ, на смотръ въ Варшаву и «остался очень доволенъ». — «Этого перевести въ Варшаву, въ мою гвардію», сказалъ К. П., указывая на Хабарова. Когда же послѣдній просилъ «избавить» его отъ «этой чести», т. к. ему нечѣмъ будетъ жить въ Варшавѣ, послѣдовалъ приказъ выдавать Хабарову въ добавокъ къ жалованью по двѣсти рублей въ годъ». Черезъ два года К. П. «согласился» на просьбу Хабарова: «уволить его отъ военной службы для опредѣленія къ другимъ дѣламъ» и далъ ему, кромѣ обыкновеннаго указа объ отставкѣ, «свидѣтельство за собственноручной подписью въ томъ, что онъ своею службою и поведеніемъ заслуживаетъ полное одобреніе и можетъ исполнять всѣ возлагаемыя на него дѣла и порученія».

Копылинъ, князь («Май мѣс. въ Петерб.»). — Старинный пріятель Чиханова, «богатый князь». Пріѣхалъ къ Чихановымъ и, «обращаясь къ мужу и женѣ», «сказалъ, пожимая имъ руки»: — «Eh bien, mes enfantes, какъ поживаете?» Узнавъ, что они сидятъ «безъ денегъ и на Антоніевой пищѣ», спросилъ: — «Какъ такъ, безъ денегъ и на Антоніевой пищѣ? Что это значитъ?» — «Такъ, князь: вѣдь я у васъ просилъ денегъ, потому что... мы ѣдимъ печенку съ огурцами, приходится такъ», пояснилъ Чихановъ. — «Sauce Mère?» освѣдомился съ нѣкоторымъ вниманіемъ князь. — «Вы смѣшиваете печенку съ почкой: это двѣ вещи различныя!» сказала Чиханова. — «Печенка, печенка!» повторялъ князь. — «Qu'est ce que c'est que ça?» Когда К. пояснили, что печенка — c'est le foire, а почка — c'est le rognon», сказалъ: — «А, теперь понимаю!» За завтракомъ спросилъ «почти съ отвращеніемъ»: — «Неужели вы ѣдите печенку?» и «посмотрѣлъ на Чихановыхъ какъ-бы съ состраданіемъ, досталъ со вздохомъ изъ кармана своего бумажникъ, отсчиталъ пять сотенныхъ бумажекъ и отдалъ ихъ Чиханову: — «Вотъ вамъ, на первый разъ довольно!»

Коркинъ, графъ («И. С. Поджабринь»). — Поджабринь назвалъ его Аннѣ Павловнѣ въ числѣ своихъ знакомыхъ для того, «чтобы задать тону»; рекомендовалъ К., какъ «славнаго молодого человекъ, перваго жуира въ Петербургѣ».

Костяновъ («Обыкн. и ст.»). — Старикъ — «душа на распашку»; «жилъ на Пескахъ и ходилъ по своей улицѣ въ лакированномъ картузѣ, въ халатѣ, подпоясавшись носовымъ платкомъ». «Страстный любитель всякихъ церемоній, и веселыхъ, и печальныхъ»; «если случался пожаръ, онъ являлся первый и уходилъ послѣдній. Проходя мимо церкви, въ которой отпѣвали покойника, онъ пробирался сквозь толпу взглянуть мертвому въ лицо и потомъ шелъ провожать его на кладбище». «Любилъ такъ же присутствовать при разныхъ экстраординарныхъ происшествіяхъ, какъ-то: дракахъ, несчастныхъ смертныхъ случаяхъ, провалахъ потолковъ и т. п. и читалъ съ особеннымъ наслажденіемъ исчисленіе подобныхъ случаевъ въ газетахъ». «Читалъ онъ, кромѣ этого, еще медицинскія книги», — «для того, — говорилъ онъ, — чтобъ знать, что въ человекѣ есть». Игралъ по вечерамъ съ кухаркой «въ свои козыри, или съ Адуевымъ «въ шашки», «а лѣтомъ за городомъ удилъ рыбу». Разговаривалъ онъ «о томъ, о семь». «Когда шли къ полю, онъ говорилъ о хлѣбѣ, о посѣвѣ; по берегу — о рыбѣ, о судоходствѣ; по улицѣ — дѣлалъ замѣчанія о домахъ, о постройкѣ, о материалахъ и доходахъ... отвлеченностей никакихъ». «Съ мужиками онъ разсуждалъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ,

съ бабами шутилъ и «былъ балагуръ». «На жизнь смотрѣлъ, какъ на хорошую вещь, когда есть деньги, и наоборотъ». Старикъ зналъ кое-что въ хозяйствѣ, такъ напр., «выучилъ Александра дѣлать пастойку, варить селянку и рубцы». Возмущался, что билетъ въ концертъ стоитъ пятнадцать рублей:—«Вотъ мошенники, апаеѣмы! ѣздятъ сюда надувать насъ, обирать деньги!»—«Не ѣздите, Александръ Ѳеодорычъ, плюньте! Добро бы вещь какая-нибудь: взялъ бы домой, на столъ поставилъ, или съѣлъ; а то послушалъ только, да и на: плати пятнадцать рублей! За пятнадцать рублей можно жеребенка купить!» На замѣчаніе Александра, что «иногда за то, чтобы провести вечеръ съ удовольствіемъ, платятъ и дороже», отвѣчалъ:—«Провести вечеръ съ удовольствіемъ! Да знаете что: пойдемте въ баню, славно проведемъ. Я всякій разъ, какъ соскучусь, иду туда—и люблю; пойдемъ часовъ въ шесть, а выйдешь въ двѣнадцать, и погрѣнешься, и тѣло почешешь, а иногда и знакомство пріятное сведешь: придетъ духовное лицо, либо купецъ, либо офицеръ; заведутъ рѣчь о торговлѣ, что-ли, или о преставленіи свѣта... и не вышелъ бы! а всего по шести гривенъ съ человѣка». У К. было много знакомыхъ и онъ удивлялся, что люди «не знаютъ, гдѣ вечеръ провести».

Красноперовъ, Иванъ Петровичъ («Литер. вечеръ»).—Сослуживецъ и пріятель Уранова, «пріятель Греча и Булгарина»; благодаря знакомству съ послѣдними, былъ приглашенъ Урановымъ, «въ качествѣ литературнаго эксперта», на чтеніе романа Бебикова. «Слушалъ, опустивъ подбородокъ въ широкое жабо галстука, иногда покачивалъ головою или зѣвалъ въ ладошь и разсѣянно поглядывалъ на картины, развѣшенныя на стѣнахъ». Когда за ужиномъ Суховъ совѣтовалъ К. «не связываться съ редакторомъ и профессоромъ, потому что они—народъ ученый—загоняють», К. отвѣтилъ:—«Пожалуйста! не загоняють! Николай Ивановичъ (Гречъ) и Ѳаддей Венедиктовичъ (Булгаринъ) не чета были нынѣшнимъ, а и тѣ уважали мое мнѣніе». О чемъ бы не заговорилъ, неизмѣнно поминалъ имена Николая Ивановича и Ѳаддея Венедиктовича; оба они, по словамъ К., «были на стражѣ и бдительно охраняли правильность и неприкосновенность слога»; при нихъ «бывало, сочинители ходили по стрункѣ и тѣ изъ нихъ (сочинителей) только и выходили въ люди, которые побывали въ ихъ школѣ; «отъ Греча и Булгарина доставалось не мало и Александру Сергѣевичу (Пушкину), когда онъ былъ молодъ и вольничалъ!» А прочіе ходили тише воды, ниже травы», говорилъ К. Ополчался противъ печати, обвинялъ ее «въ подстрекательствѣ», по указывать факты К. «очевидно затруднялся и заворчалъ:—«Чего тутъ указывать, все никуда не годится!»—«Вотъ Николай Ивановичъ или Ѳаддей Венедиктовичъ, тѣ сейчасъ бы указали, за словомъ въ карманъ не полѣзли-бы! Я не цензоръ—что мнѣ!» «Онъ не зналъ, что сказать»; но редактору замѣтилъ, что знаетъ—что у того на умѣ и отъ чего въ журналахъ не пишутъ о религіи.—«Какъ не знать! Всѣ знаютъ! Теперь этого и не скрываетъ никто, до того дошло! Даже щеголяютъ этимъ: вотъ-молъ, какіе мы умные! Иначе какъ бы не напечатать объ упадкѣ религіи и не поддержать ее? А вы только объ упадкѣ курса пишете, да перечите правительству!»—«Да! Такъ, такъ! Не смѣйтесь! ораторствовалъ Красноперовъ:—чуть гдѣ-нибудь учитель выдеретъ ученика за вихорь, по-нашему, по-старому, или вытуритъ директоръ изъ училища лѣнтяя, а тотъ сдуру топиться пойдетъ—сейчасъ газеты такъ и завопятъ: «ахти, какой директоръ злодѣй!» Закончилъ по обыкновенію:—«Что нынѣшніе журналы! Вотъ Николай Ивановичъ и Ѳаддей Венедиктовичъ—тѣ сумѣли бы постоять за порядокъ!» «Самъ К., всѣмъ бы сочинителямъ при полиціи списки завелъ, да выдавалъ бы желтые билеты на жительство». «Правительство ослабѣло, строгости нѣтъ! Вотъ и порядокъ нѣтъ! Страху бы намъ, страху! Вотъ что нужно, а не свободу печати!.. Даль-бы я имъ свободу! Сколько зла отъ этого! Боже мой, сколько зла!» «Вездѣ смуты, раздоры».. Злобился «на новыхъ умпиковъ» (къ нимъ онъ сопричислилъ и Крякова), которые, предсказывая оны, скоро «придутъ» да объявятъ, что «домъ твой»—«не твой», а ихъ; «что все общее». «Будетъ тогда весело». Говорилъ, даже когда его не слушали и настаивалъ на своемъ:—«Я старѣе васъ всѣхъ тутъ и могу го-

ворить»... объяснял К. свою пастойчивость. Требовалъ принятія мѣръ относительно «новаго поколѣнія» и грозилъ, что иначе скоро «и у васъ заведутъ кому-муну».—«Смотрите-ка, что теперь дѣлается! Старшихъ пѣть, перемерли, учить уму разуму некому! Что если-бы они возстали изъ гробовъ!»—«Ихъ теперь посадили бы въ кунсткамеру, а съ шими и васъ!»—сказалъ Кряковъ. «К. разсердился, особенно когда это замѣчаніе встрѣтило смѣхъ даже около него».—«А васъ, милостивый государь, и всѣхъ подобныхъ вамъ сочинителей, которые такъ разсуждаютъ, ужъ, извините, я бы не туда посадилъ!»—горячо замѣтилъ онъ учительскимъ тономъ».—«Сажайте, успокойтесь, господнигъ Фамусовъ; вы еще не всё перевелись на Русь!» «Договорился до того, что бросилъ даже «гостямъ постарше» упрекъ, что и они угождаютъ новому поколѣнію и унижаются передъ нимъ, боясь «показаться отсталыми». Въ концѣ концовъ, «брякнулъ»:—«Вы всѣ сами нигилисты, вотъ что!» На просьбу объяснить, сказалъ:—«Да такъ! Вы сами заодно съ этими повыми. Кто больше, кто меньше... но всё, всё! Напримѣръ, иные изъ васъ—и я знаю кто—вѣруютъ въ Бога по своему, а не такъ, какъ указывается православная церковь; ходятъ разъ въ годъ на исповѣдь, для примѣра—говорять; другіе исповѣдуютъ противный господствующему строю правильства образъ мыслей и разсуждаютъ объ этомъ подъ рукою съ пріятелями, а сынки слушаютъ да на усъ мотають! Что мудренаго послѣ этого, что они не признають и не уважають ничего и никого!» Требовалъ къ отвѣту: «куда мчится либерализмъ?» «Какъ пріятель Греча и Булгарина», не могъ терпѣть Гоголя и о «Мертвыхъ Душахъ» отзывался: «думалъ, судя по заглавію, въ самомъ дѣлѣ, что нибудь особенное, романическое, а тамъ плутъ какой-то собиралъ имена, умершихъ послѣ ревизіи, крестьянъ, чтобъ заложить ихъ! Что-жъ тутъ интереснаго?» «Вотъ «Ледяной домъ» Ивана Ивановича Лажечникова... Это романъ! Какъ изольда домикъ сдѣлалъ, свадьбу тамъ играли, человекъ заморозили». Крякова обозвалъ за глаза «паршивой овной», и сказалъ:—«Еще приглашаетъ къ себѣ! Кто поѣдетъ къ такому уроду, куда-нибудь въ трущобу, на чердакъ!» Но онъ же, одинъ изъ присутствовавшихъ на вечерѣ, согласился съ Кряковымъ, что романъ Бебикова никуда не годится. Когда псевдонимъ Крякова былъ разоблаченъ, среди общаго смѣха, «только К. угрюмо молчалъ». Въ Павловскѣ, куда собрались всѣ гости, бывшіе на литературномъ вечерѣ,—К. не было.

Крестный («И. С. Поджабринь»).—Крестный Прасковьи Михайловны. Чиновникъ особыхъ порученій. «Доротный человекъ, лѣтъ пятидесяти, съ ашпенскимъ крестомъ на шеѣ». Кланялся «бокомъ», поглядывалъ «исподлобья». Расхвалилъ бумагу, присланную изъ департамента, гдѣ служилъ Поджабринь, за то, что «написанъ цѣлый листъ кругомъ, а точнѣйшихъ свѣдѣній нѣтъ никакихъ».—«Я нарочно списалъ себѣ эту бумагу... фу-ты, какъ славно написана!» На вечеринкѣ освѣдомился у Поджабрина, «кто теперь министромъ у французовъ?»—«Теперь министерство распущено: никого нѣтъ».—«Стало быть товарищи управляютъ»...—«Тамъ, вѣдь, одно министерство», отвѣтилъ Ив. Саввичъ.—«Какъ, неужели? И одинъ министръ?»—«Нѣтъ-съ, много».—«Много! Какая диковинка!» сказалъ К.

Крестный («Народинъ»).—См. Якубовъ.

Крестянинъ («Обыкновенный»).—Остановился «примоходомъ» посмотрѣть на успѣхъ рыбной «ловли» Костякова. Посовѣтовалъ ему «позвопить въ колокольчики»: «можетъ, рыба на благовѣсть-то и того... пойдеть».

Кричная, Полина Карповна («Обрывъ»).—См. Полина Карповна Брицкая.

Кричніе («Обрывъ»).—Сыновья Полины Карповны, которыхъ она отравила къ дядѣ на воспитаніе, подалше отъ себя, чтобъ они возрастомъ своимъ не обличали ея лѣтъ. Одному «малюткѣ» было шестнадцать, а другому четырнадцать лѣтъ.

Кряковъ («Литер. вѣч.»).—Артистъ Императорскихъ театровъ, приглашенный племянникомъ Уранова на литературный вечеръ для того, «чтобъ весело

было». Былъ представленъ въ качествѣ «газетнаго критика». «Героємъ этого вечера» оказался «не авторъ и его романъ, а К. и оригинальные приемы его полемики». [Ср. рѣчи Крякова съ рѣчами Райскаго. См. Кряковъ—«Прототипы»].

Кузнецовъ («Обломовъ»).—Уп. л. Бывшій сослуживецъ Обломова (I, 1).

Кузька («Обломовъ»).—Уп. л. См.: Мальчишки.

Кузьма («Обрывъ»).—Лакей Бережковой; вмѣстѣ съ Яковомъ «часа четыре употребилъ на то, чтобъ довести» охмелѣвшаго «Опенкина домой; сами же вернулись только на другой день къ обѣду, такъ какъ провели утро въ слободѣ подъ гостепримнымъ кровомъ бабака»; чѣмъ ближе подходилъ К. къ дому, тѣмъ строже и внимательнѣе смотрѣлъ вокругъ, нѣтъ-ли безпорядка какого-нибудь, не валяется-ли что-нибудь лишнее, зря, около дома, трогалъ замокъ у воротъ, цѣль-ли онъ».

Кузьма Ѳедотычъ («Обрывъ»).—Купецъ; владѣлецъ лавки «въ деревяныхъ рядахъ». Въ его лавкѣ были «сукна и матеріи, въ другой комнатѣ сыръ и леденцы, и пряности, даже бронза». На вопросъ Бережковой («хорошо-ли торгуете?») отвѣтилъ, «смахивая пыль съ кресла и почтительно подвигая его ей:—«Грѣхъ пожаловаться, сударыня. Только въ рѣдко стали жаловаться»...

Купецъ («Народинъ»).—Попутчикъ Гончарова и сосѣдь по diligencу во время путешествія изъ Москвы въ Казань. «Сидѣлъ не бокомъ, а прямо и занималъ одинъ почти половину брички». На просьбу сосѣдки подвинуться, отвѣчалъ:—«Куда прикажете подвинуться? Радъ бы выкинуть ноги на дорогу, да боюсь подбереть кто-нибудь, послѣ не найдешь!»

Кучеръ («И. С. Поджабринъ»).—Рубилъ на дворѣ дрова; замѣтя Поджабрина съ Авдѣемъ, отыскивавшихъ дворника, закричалъ:—«Кого вамъ, господа? Дворника что-ли надо?» И съ этими словами вознилъ топоръ въ бревно, обернулъ его, поднялъ надъ головой и хлопнулъ о-земь. Когда же Поджабринъ и Авдѣй сказали, что они ищутъ дворника, К. «поглядѣлъ на нихъ, потомъ поплевалъ на ладони, взялъ топоръ и опять занесъ его надъ головой».—«Не знаю, не видаль! отвѣчалъ онъ, тряхнувъ головой, и вознилъ топоръ въ другое бревно.

Кучеръ («Обломовъ»).—См. Артемій.

Кучеръ («Обломовъ»).—К. изъ дома на Гороховой, гдѣ жилъ Обломовъ, пріятель Захара. Когда послѣдній увѣрялъ собравшихся у воротъ, что Обломовъ «одинъ выпилъ полторы бутылки мадеры, два штофа квасу, да и завалился» спать, К. съ завистью сказалъ:—«Экъ!» Обидѣлъ Захара своей «выходкой», (см. Захаръ), и повздорилъ съ нимъ. Когда же Захаръ не унимался, «выдернулъ проворно, совѣмъ торчавшій изъ подъ мышки Захара, клочокъ рубашки». На угрозу Захара, что его баринъ «выглядить» К. бороду, отвѣчалъ:—«Гораздъ же твой баринъ, коли будетъ чужимъ кучерамъ бороды гладить! Нѣтъ, вы заведите-ка своихъ, да въ тѣ поры, и гладьте, а то больно тароваты!» На обѣщаніе Захара показать баришу изорванное платье, К. нѣсколько струсилъ и потомъ проговорилъ самъ съ собой «въ раздумьи, флегматически»:—«Ну что за бѣда, коли и скажетъ баришу? Баринъ добрый, видно по всему, только обругаетъ. А то, иной, глядитъ, гладить, да—и за волосы!»

Кэптенъ («Фрег. Пал.»). — Уп. л. «Американскій кэптенъ въ синей курткѣ», «съ сжатыми кулаками, съ стиснутыми зубами и съ звѣрскимъ взглядомъ своихъ глазъ, цвѣта морской воды». Если заговорить съ нимъ, «онъ сейчасъ разожметъ кулаки, и начнетъ говорить, разумѣется, о томъ, откуда идетъ, куда, чѣмъ торгуетъ, чтѣ выгоднѣе, привозить или вывозить и т. п. Болтовни, остротъ отъ него не жди. [К. видѣлъ Гончаровъ въ толпѣ на улицѣ Манилы].

Л.

Л. А. П. («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»: Поповъ, Левъ.

Лангвагенъ-фонъ, баронъ («Обломовъ»).—Опекунъ Ольги. «Ему было подлѣ пятьдесятъ лѣтъ, но онъ былъ очень свѣжъ, только красилъ усы и прихра-

мывалъ немного на одну ногу». «Одѣтъ былъ въ послѣднемъ вкусѣ и въ петлицѣ фрака посилъ много ленточекъ. Ѣздилъ всегда въ каретѣ и чрезвычайно берегъ лошадей: садясь въ экипажъ, онъ прежде обойдетъ кругомъ его, осмотритъ сбрую, даже копыта лошадей, а иногда вынетъ бѣлый платокъ и потретъ по плечу или хребту лошадей, чтобъ посмотрѣть, хорошо ли онѣ вычищены». «Онъ былъ вѣкливъ до утонченности, никогда не курилъ при дамахъ, не клалъ одну ногу на другую и строго порицалъ молодыхъ людей, которые позволяютъ себѣ въ обществѣ опрокидываться въ креслѣ и поднимать колѣнку и сапоги паравпѣ съ носомъ. Онъ и въ компаніи сидѣлъ въ перчаткахъ, снимая ихъ только, когда садился обѣдать». «Знакомаго онъ встрѣчалъ съ благосклонно-вѣжливой улыбкой, незнакомаго— сначала холодно; но когда его представляли ему, холодность замѣнялась также улыбкой, и представленный могъ уже рассчитывать на нее всегда». «Разсуждалъ онъ обо всемъ: и о добродѣтели, и о разговорахъ, о наукахъ и о свѣтѣ одинаково отчетливо; выражалъ свое мнѣніе въ ясныхъ и законченныхъ фразахъ, какъ будто говорилъ сененціями, уже готовыми, записанными въ какой-нибудь курсъ и пущенными для общаго руководства въ свѣтъ». «Связями своими въ свѣтѣ» баронъ пользовался при веденіи процесса (относительно «небольшого имѣнія Ольги, которое какъ-то попало въ залогъ при одномъ подрядѣ, да тамъ и засѣло), давалъ процессу этому удовлетворительный ходъ; писать же бумаги и ходить по присутственнымъ мѣстамъ Л. «заставлялъ какого-то чиновника».

Левъ Петровичъ («О б р ы в ъ»). Ун. л. Одинъ изъ знакомыхъ Вѣловодовой; см. Пьеръ, князь.

Леонтій Ивановичъ Козловъ («О б р ы в ъ»).—«Сыпъ дьякона». Учился сперва «въ семинаріи, потомъ въ гимназіи». Окончилъ университетъ. Учитель древнихъ языковъ въ гимназіи.—«Некрасивъ». «Черты неправильныя, какъ будто все врознь, ни румянца, ни бѣлизны на лицѣ: оно было какое то безцвѣтное. «Любъ выпуклый». «Руки худыя». Самъ «худъ». «Въ дѣтствѣ вѣчно онъ копался въ книгахъ или тетрадахъ, какъ будто у него не было дѣтства, не было нерва—шалить, рѣзвиться». «Волоса его были всегда растрепаны», «глаза гдѣ-то блуждали». Во время студенчества К. «былъ такъ бѣденъ, какъ нельзя уже быть бѣднѣе. Жилъ въ какомъ то чуланчикѣ, между печкой и дровами, работалъ при свѣтѣ плошки. «Одѣться ему было не во чтѣ: одинъ вицъ-мундиръ и двое брюкъ, изъ которыхъ однѣ нанковые для лѣта,—вотъ весь его гардеробъ». «Вицъ-мундиръ» «съ полинявшими и отчасти замаслившимися рукавомъ, часто «безъ пуговицъ»; «панталоны разорваны»; «сапоги худые». Характеръ его отличался «простою и цѣлностью. Онъ, по мнѣнію Райскаго, вылился весь окончательно въ назначенный ему образъ, угадалъ свою задачу и окаменѣлъ навсегда».—Л. «изучилъ греческій и латинскій языки».—«По гречески только профессоръ, да протопопъ въ соборѣ лучше его знаютъ!»—отзывались о Л. И. товарищи-студенты. «Учасъ имъ, онъ изучилъ древнюю жизнь». Онъ «ушелъ въ нее всею своимъ существомъ». Онъ «впадалъ въ пристрастіе къ греческой и латинской грамотѣ и бывалъ иногда сухъ, казался неапатиченъ, ...«п. ч. «эта грамота» «была ему мила»: «она была одеждой, сосудомъ, облекавшимъ милую, дорогую изученную имъ и привѣтливо открывавшуюся ему старую жизнь, давшую начало настоящей и грядущей жизни». «Фактическія знанія его были обширны и не были стоячимъ болотомъ, не строились, какъ у нѣкоторыхъ изъ усидчивыхъ семинаристовъ въ умѣ строятся кладбища, гдѣ прибавляется знаніе за знаніемъ, какъ строится памятникъ за памятникомъ, и все они поростають травой и безмолвствуютъ; у Леонтія напротивъ, билась въ знаніяхъ своя жизнь, хотя прошлая, но живая. Онъ открытыми глазами смотрѣлъ въ минувшее. За строкой онъ видѣлъ другую строку. Къ древнему кубку придѣлывалъ и пиръ, на которомъ изъ него шли; къ монетѣ—карманъ, въ которомъ она лежала». «Разсказы» его «о древнемъ бытѣ были живы, вдохновенны». Райскій открылъ въ Л. И., «относительно древней жизни», «страсть», «священный огонь», «глубину пониманія до степени ясности», строгость мысли, тонкость анализа». «Когда онъ углубится въ длинные разговоры

съ Райскимъ (о любимомъ предметѣ) или слушаетъ лекцію о древней и чужой жизни, читаетъ старца-классика,—тогда появлялась у него жизнь въ глазахъ и глаза эти у него были умны, оживленны; появлялась «красота».—Это пере-несъ онъ и на свою другую любовь. «Погруженный въ созерцаніе жизни древнихъ, въ ихъ мысль и искусство», Л. «умудрился видѣть и любить (въ своей женѣ) ка-кой то блескъ и колоритъ древности, античность формы». «Его поражала линія ея затылка и шеи. Голова ея казалась ему, похожей на головы римскихъ женщинъ на классическихъ барельефахъ, на камеяхъ». «Современной жизни, онъ почти не замѣчалъ». «Вся программа и общественной и единичной жизни у насъ позади: всѣ образцы даны намъ»,—говорилъ Л.:—умѣй пасть на свою форму, а она го-това. Не отступай только—и будешь знать, что дѣлать»...—«Какъ не вѣрвать въ прогрессъ! говорилъ онъ.—«Мы потеряли дорогу, отстали отъ великихъ образ-цовъ, утратили многіе секреты ихъ бытія. Наше дѣло теперь—понемногу опять взбираться на потерянный путь и... достигать той же крѣпости, того же совер-шенства въ мысли, въ наукѣ, въ правахъ, въ правахъ и «въ общественномъ хозяй-ствѣ, цѣльности въ добродѣтеляхъ, и пожалуй, въ порокахъ. Низость, мелочи, дрянъ—все поблѣднѣетъ: выправится человѣкъ и опять встанетъ на желѣз-ныя ноги... Вотъ и прогрессъ!» «Возьми-ка предметъ изъ исторіи (для романа)... предлагаешь онъ Райскому. ...«А то далась современная жизнь!.. Муравейникъ, мышиная возня: дѣло ли это искусства? Это газетная литература!» «Ну ужъ, міръ (современный)! Эти ваши Наполеоны и Пальмерстоны, выродки ста-рыхъ большихъ людей». Онъ зналъ не только «древнію языки», но «и новыя, хотя ни на одномъ изъ нихъ не говорилъ, зналъ всѣ литературы». «Л. былъ клас-сикъ и безусловно читалъ все, что истекало изъ классическихъ образовъ или подходило подъ нихъ. Онъ «уважалъ Корнея, даже чувствовалъ слабость къ Расину, хотя и говорилъ съ умишкой, что они заняли только тоги и туники, какъ въ маскарадѣ, для своихъ маркизовъ: по все же въ нихъ звучали древніи имена дорогихъ ему героевъ и мѣстъ». «Въ новыхъ литературахъ, тамъ, гдѣ не было древнихъ формъ, признавалъ только одну высокую поэзію, а тривіальнаго, всенеднежнаго не любилъ; любилъ Данте, Мильтона, усидивался прочесть Клопшто-ка—и не могъ. Шекспиру удивлялся, но не любилъ его; любилъ Гёте, но не ро-мантика-Гёте, а классика, наслаждался римскими элегіями и путешествіями по Италіи больше, нежели Фаустомъ, Вильгельма Мейстера не признавалъ, но зналъ почти наизусть Прометея и Тасса. Онъ шелъ смотрѣть Рафаэля, но авторитета фламандской школы не уважалъ, хотя невольно ублажался, глядя на Тенъера». —Л. былъ «библіофилъ», «библіоманъ». Когда Райскій «передалъ ему на поще-ченіе» бібліотеку отца—«три тысячи томовъ,—Л. «обмеръ» отъ радости.—«Мнѣ взять эти книги!»—сказалъ онъ, когда Райскій подарилъ ему свою бібліотеку. Онъ «смотрѣлъ то на книги, то на Райскаго, потомъ махнулъ рукой и вздохнулъ. —Не шути, Борисъ: у меня въ глазахъ рябитъ... Нѣтъ, vade retro... Не оболь-щай!»—«Для него (Марка Волохова), пишетъ Л.—нѣтъ ничего святого въ мірѣ. Дай ему хоть эльзевира, онъ и оттуда выдеретъ листы».—На вопросъ Райскаго— «неужели не тянетъ его шкуда?»—Л. указалъ на книги:—«мало, что ли»? Л. «принадлежалъ къ породѣ тѣхъ, погруженныхъ въ книги и ничего, кромѣ ихъ, не вѣдающихъ ученыхъ, живущихъ прошлою или идеальною жизнью, жизнью цифръ, гипотезъ, теорій и системъ и не замѣчающихъ настоящей, кругомъ текущей жи-зни». «Рѣдко гдѣ встрѣтишь теперь небритыхъ, пчесанныхъ ученыхъ, съ непо-движнымъ и вѣчно задумчивымъ взглядомъ, съ одною, вергающею около науки рѣчью, съ одностороннимъ, ушедшимъ въ науку умомъ, иногда и здравымъ смы-сломъ, неловкихъ, стыдливыхъ, убѣгающихъ женщинъ, глубокомысленныхъ, съ забавною разсѣянностью и съ умилительной младенческой простотой,—этихъ му-чениковъ, рыцарей и жертвъ науки. И педагогъ науки—теперь сталъ анахрониз-момъ, потому что ею не удивишь никого». «Л. принадлежалъ еще къ этой породѣ, съ немногими смягченіями, какія сдѣлало время».

Л. «задумчивъ» и «разсѣянъ» «съ дѣтства»—и самъ сознаетъ, что у него

«есть этотъ грѣхъ». «По разсѣяности», онъ то «забрѣдетъ не въ тотъ переулокъ», то «пересидитъ за обѣдомъ всѣхъ товарищей». «Всѣ ушли, онъ остался одинъ и задумчиво жевалъ какое-то широкое изъ рису. Онъ не замѣтилъ, что Ульяна Андреевна подставила другую, полную миску, съ тѣмъ же рисомъ. Онъ продолжалъ машинально доставать ложкой рисъ и класть въ ротъ». Она тихонько перемѣнила третью, подложивъ еще рису»,—онъ не замѣтилъ. У Татьяны Марковны, онъ ѣлъ «машинально супъ»; «одинъ стѣлъ машинально блюдо майонеза, вздыхая, глядя куда-то въ неопредѣленное пространство».—«Улинька схватила съ окна его фуражку и надѣла па себя». «Гдѣ-жъ она!»—«Кто-нибудь изъ вашихъ унесъ»,—сказала она.—«Не можетъ быть», говорилъ Л., бросая туда и сюда разсѣянные взгляды». Только вышедши съ нею въ садъ и пройдя шаговъ десять по дорожкѣ, онъ взглянулъ случайно на Улиньку и увидѣлъ свою фуражку». Маркъ Волоховъ во время прогулки «сниметъ съ него фуражку»,—а онъ и «не замѣчаетъ этого». Л. «добродушень», «кротокъ», «сердце» у него «теплое». «Онъ имѣлъ причину быть многими недоволенъ,—имъ никто и никогда». Въ школѣ «потѣшались надъ нимъ», «надъ его задумчивостью, разсѣянностью», по онъ съ признательностью вспоминаетъ, что Райскій, во все время школьнаго ученія, «оттаскалъ его за волосы... всего два раза». «Тогда какъ другіе!...,—но Богъ съ нами, съ повѣсами! Они тоже не со зла, а такъ, а такъ, отъ праздности и вертопрашества». Въ школѣ «дасть ли ему кто щелчка или дернетъ за волосы, ущипнетъ,—онъ сморщится, и вмѣсто того, чтобы вскочить, броситься и догнать шалуна, онъ когда-то соберется обернуться, и посмотрѣть разсѣянно во всѣ стороны, а тотъ ужъ за версту убѣжалъ, а онъ почесываетъ больное мѣсто, опять задумывается, пока новый щелчокъ, или звонокъ къ обѣду, не выведутъ его изъ созерцанія». «То мазнетъ его сажей по лицу какой-нибудь шалунъ, Леонтій не догадается и ходитъ съ пятномъ цѣлый день, къ потѣхъ публики, да еще ему же достанется отъ надзирателя, зачѣмъ выпачкался». «Съѣдятъ ли у него изъ подъ рукъ завтракъ или обѣдъ, онъ не станетъ производить слѣдствія, а возьметъ книгу посерьезнѣе, чтобы заморить аппетитъ, или уснетъ, утомленный голодомъ. Однако, «выросши изъ періода шалостей, товарищи поняли его и окружили уваженіемъ, и участіемъ».—«Онъ предобрый», хвалили они его Улинькѣ.—«Рѣдкій мотъ не заплакать, разставаясь съ нимъ, и самъ онъ задыхался отъ слезъ, не помня ни щипковъ, ни пипковъ, ни проглоченныхъ насмѣшекъ, ни непроглоченныхъ, по ихъ милости обѣдовъ и завтраковъ»; «потѣшался» надъ нимъ и Маркъ Волоховъ: «то фуражку дорогой сниметъ съ меня»,—пишетъ Л., и наслаждается, если я не замѣчу, то почюю стучать въ окно»; но, когда Л. «прихворнетъ»—Маркъ ходитъ, какъ нянька, бѣгаетъ за лѣкарствомъ въ аптеку». Когда Л., послѣ отъѣзда жены, заболѣлъ,—Волоховъ «двѣ ночи почти не спалъ совсѣмъ», ухаживая за нимъ.—«Не ругай меня»,—просилъ Л. Райскаго, послѣ своей драмы;—«и не смѣйся надо мной, какъ всѣ они смѣются... эти учителя товарищи... я вижу у нихъ злой смѣхъ на лицахъ, у этихъ сердобольныхъ посѣтителей».

Онъ былъ «застѣнчивъ», «робокъ» и «скромнень».—«Пойдемъ»—къ Улинькѣ—«звалъ его Райскій», замѣтивъ его увлеченіе ею. «Нѣтъ, Борисъ, не пойду.—отговаривался онъ:—чтѣ мнѣ тамъ дѣлать: вы всѣ любезны, красивы, разговаривать мастера, а я! Что я ей? Она, вонъ, все смѣется надо мной!»—«Да, м. б. она не станетъ смѣяться...—перѣшпительно сказалъ Райскій:—«когда покороче познакомится съ тобой».—«Станетъ, какъ не станетъ!»—говорилъ Л. съ жалкой улыбкой, оглядывая себя съ головы до ногъ». Когда товарищи соблазняли его «профессорскою кафедрой, онъ сперва одушевился, но потомъ:—«Да нѣтъ, куда мнѣ!»—сказалъ онъ, отрезываясь:—«Профессоръ обязанъ другими должностями. онъ въ совѣтахъ, его зовутъ на экзамены... Рѣчь на актѣ надо читать... Я потеряю, куда мнѣ! Нѣтъ, буду учителемъ въ провинціи!—заключалъ онъ рѣшительно и утыкалъ носъ въ книжку или тетради», «считая это скромное назначеніе своимъ призваніемъ». «Достигнувъ пѣли» и «устроившись», Л. «принялся за свое дѣло съ усердіемъ и терпѣніемъ вола и осла вмѣстѣ».—«Я... тоже кое что

дѣлаю: нѣсколько поколѣній къ университету приготовилъ», «робко» замѣчаетъ Л., «сомнѣваясь, заслуга ли это».—«Ты думаешь, я схожу въ классъ, а оттуда домой, да и забылъ!.. Ни, ни!—Вотъ, моя академія, говорилъ онъ, указывая на бесѣдку:—«вотъ и портикъ—это крыльцо, а дождь идетъ—въ кабинетъ: наберется ко мнѣ юности, облѣпять меня. Я съ ними разсматриваю рисунки древнихъ зданій, домовъ, утвари,—самъ черчу, объясняю, ...что самъ знаю, всѣмъ дѣлюсь. Кто постарше, съ тѣми впередъ заглядываю, разбираю имъ Софокла, Аристофана. Не все, конечно; нельзя всего: гдѣ наготы много, я тамъ прималчиваю... толкую имъ эту образцовую жизнь, какъ толкую образцовыхъ поэтовъ: развѣ это теперь ужь не надо никому?—говорилъ онъ, глядя вопросительно на Райскаго».—И представленія Л. о себѣ и требованія его отъ жизни были самыя скромныя.—«Кто ты»? спрашивалъ его Райскій.—«Я—учитель латинскаго и греческаго языка», отвѣчалъ Л. На слова Райскаго, что, хоть онъ уходитъ отъ «жизни»,—«жизнь его достаетъ», Л. возразилъ:—«Что ей меня доставать? Я такой маленькій человекъ, что она меня и не замѣтитъ». «Самъ я буду жить про себя и для себя». «Живу я тихо, скромно... дѣлаю свое дѣло, и ничего знать не хочу, никого не трогаю и меня никто не трогаетъ». ...«Есть у меня книги... Нужды мои не велики, скуки не чувствую, есть жена, она меня любитъ»...—«Этого мало»? Живя «въ чужой», «древней» жизни, онъ былъ «непрактиченъ въ своей жизни». Если-бъ не симпатія товарищей, онъ (студентомъ) не зналъ бы, гдѣ взять книги, а иногда бѣлья, платѣя. Подарковъ онъ не принималъ, п. ч. нечѣмъ было отдарить. Ему находили уроки, заказывали диссертаци и дарили за это бѣлье, платѣе, рѣдко деньги», а чаще всего книги, которыхъ отъ этого у него накопилось больше, нежели дровъ». Онъ «замѣчалъ пустоту» (при развѣздѣ товарище), «тосковалъ, не зная, по непрактичности своей, что съ собою дѣлать, куда дѣваться». «Наконецъ, надо было и ему хлопотать о себѣ. Но гдѣ ему? Райскій поднималъ на ноги все, профессора приняли участіе, писали въ Петербургъ, и выхлопотали ему желанное мѣсто въ желанномъ городѣ. «Тамъ, на родинѣ, Райскій, съ помощью бабушки и нѣсколькихъ знакомыхъ, устроили его на квартирѣ».—«Если не посмотрѣть за нимъ, онъ мимо рта ложку пронесетъ»,—говорила «Улинька». Онъ «не видитъ, что подъ носомъ дѣлается», «знаетъ наизусть чужую жизнь и не видитъ своей; «сидитъ надъ книгами, возрится въ одно мѣсто, и не оттащитъ его».—Влюбившись въ «Улиньку», «онъ не ревновалъ»,—«по самой простой причинѣ»: «онъ не видалъ, не замѣчалъ и не подозрѣвалъ ничего, что дѣлала она, что дѣлали другіе, «онъ слушалъ, что она говорила ему, не слыхалъ, что говорила другимъ, и вѣрилъ только тому, что видѣлъ и слышалъ отъ нея». Онъ «любилъ» Улиньку «до слѣпоты»—по выраженію Райскаго. Онъ просилъ Райскаго «приходи» «вечеромъ», когда его нѣтъ дома, къ женѣ:—пожертвуй вечеръ, поволочись немного, пококетничай!»—«Вѣдь ты любишь болтать съ бабами, а она только тобой и бредитъ»... «Эти женщины, право, одиѣ и тѣ же во всѣ времена,—продолжалъ онъ:—«Вотъ у римскихъ матронъ, даже у женъ кесарей, консуловъ, патрициевъ—всюду хвостъ цѣлій... Миѣ—Богъ съ пей: миѣ не до нея, это домашнее дѣло... «Спасибо еще французъ Шарль не забываетъ... Болтунъ, веселый—ей и не скучно». «Не будь его она мнѣ покоя бы не дала». «Она ревнуетъ меня къ моимъ грекамъ и римлянамъ».—«Къ моей Улинькѣ, какъ къ женѣ кесаря, не смѣетъ коснуться и подозрѣніе».—«Счастливое дитя! «думалъ Райскій: «спитъ и въ ученомъ снѣ своемъ не чувствуетъ, что подлѣ него, эта, любимая имъ, римская голова полна тьмы», а ея сердце «полно пустоты, и что одной ей безсиленъ онъ преподавать «образцы древнихъ добродѣтелей». Л. увѣренъ, что «Улинька» «заботлива, вѣрна». «Вся ея любовь, всѣ ея заботы, жизнь,—все мое»,—говорилъ онъ Райскому. Она «любилъ меня, какъ дай Богъ, чтобы всякаго такъ любила жена».—«Любовь не протакихъ»—«Развѣ его можно любить?» говорить о Л. Улинька. Для У. онъ лишь «противный уродъ». Л., по ея мнѣнію, «не умѣетъ любить». «Онъ даже и слова о любви не умѣетъ сказать: вышучить глаза на меня—вотъ и вся любовь, точно пень! Далась ему книги, уткнетъ носъ въ нихъ и возится съ ними. Пусть же онѣ

и любить его! Я буду для него исправной женой, а любовницей (она сильно потрясла головой)—никогда!»—«Отчего не взяли его (Козлова) съ собой?»—спросилъ «дерзко» и насмѣшливо Маркъ Ульяну Андреевну и М-у Шарля, встрѣтивъ ихъ послѣ купанья:—«Вѣдь и при немъ можно... купаться, онъ не увидитъ. Вонъ бы тугъ, подъ деревомъ, изъ Гомера декламировалъ». Однако, «рядомъ съ книгами, которыми питалась мысль» Л., у него пріютилось и сердце—«Я люблю ее»,—говорилъ онъ женѣ:—«Что, не римская голова?» спрашивалъ онъ указывая на Ульяну Андреевну Райскому; Л. «заглядѣлся на жену и тайное умиленіе медленнымъ лучомъ прошло у него по лицу и застыло въ задумчивыхъ глазахъ. Даже румянецъ пробился на щекахъ. «Онъ самъ не зналъ, что онъ такъ крѣпко связанъ съ жизнью и съ книгами, не подозрѣвалъ, что если бы пропала книга, не пропала бы жизнь, а отними отъ него эту живую «римскую голову», по всей жизни его прошелъ бы параличъ». Когда «Улинька» уѣхала съ m-г Шарлемъ, Л. «заболѣлъ» у него «чуть горячка не сдѣлалась», онъ «убивался горемъ». На слова Райскаго: «Ты самъ шутилъ, бывало, что привыкъ къ ней, что изменишь ей для своихъ римлянъ», Л. «горько улынулся».—«Враль, хвасталъ, не понималъ ничего, Борисъ, не случись этого... я никогда-бы и не понималъ. Я думалъ, что я люблю древнихъ людей, древнюю жизнь, а я просто любилъ... живую женщину; и любилъ книги, и гимназію, и древнихъ, и новыхъ людей, и своихъ учениковъ... и тебя самого... и этотъ городъ, вотъ съ этимъ переулкомъ, заборомъ и съ этими рябинами—потому только, что ее любилъ. А теперь это все опротивѣло, я бы готовъ хоть къ полюсу уѣхать»... «А ты спрашиваешь, принялъ ли бы я ее!»...—«Ея нѣтъ,—вотъ моя болѣзнь!»—«Я не боленъ, я умеръ. и настоящее мое, и будущее—все умерло, п. ч. ея нѣтъ! Поди, вороти ее, приведи сюда—и я воскресну!»... А онъ спрашиваетъ, принялъ ли бы я ее! Какъ же ты романъ пишешь, а не умѣешь понять такого простого дѣла». Л. взглянулъ, наконецъ и на близкую ему жизнь тѣмъ же сознательнымъ и вѣрнымъ взглядомъ, какимъ глядѣлъ на жизнь древнихъ», и Райскій понималъ, что утѣшить его нечѣмъ». Получивъ письмо объ отъѣздѣ Улиньки и читая его, Л. «корчился на полу». Когда Райскій посоветовалъ ему уничтожить письмо:—«Какъ можно!»—съ испугомъ сказалъ Л., выхватывая письмо и пряча его опять въ ящикъ.—«Вѣдь это единственныя ея строки ко мнѣ,—другихъ нѣтъ у меня... Это одно только и осталось у меня на память отъ нея... добавилъ онъ, глотая слезы».—Но онъ все еще продолжаетъ надѣяться:—«Я все жду... все думаю, не опомнится ли». «Постой, что это?.. Кто-то будто ѣдетъ сюда»,—сказалъ онъ, «привставая и глядя въ окно». Онъ и «ночью пробовалъ вставать»; «все вслушивался въ каждый проѣзжавшій экипажъ по улицѣ, подходилъ къ дверямъ въ волнеши и возвращался въ отчаянши». Онъ не переѣзжаетъ къ Татьянѣ Марковнѣ, несмотря на ея приглашенія:—«Я жду ее... боюсь, чтобъ безъ меня не пріѣхала». Его соблазнили къ переѣзду только тѣмъ, что «изъ оконъ стараго дома видно, когда ѣдутъ по дорогѣ». Переѣхавъ къ Бережковой, Л. «совался къ окнамъ, отыскивалъ тѣ самое, изъ котораго видна московская дорога». «Ульяна Андр. написала къ хозяйкѣ квартиры, чтобы ей прислали тенный салонъ, оставшійся дома, и дала свой адресъ, а о мужѣ не упомянула». Л. самъ отправилъ салонъ и написалъ ей горячее письмо—съ призывомъ, говорилъ о своей дружбѣ, даже о любви. «Отвѣта не было». Когда Райскій уѣзжалъ въ Петербургъ, Л. «отвелъ его въ сторону. Долго шепталъ онъ ему, прося отыскать жену, далъ письмо къ ней и адресъ ея и успокоился лишь послѣ того, какъ Райскій тщательно положилъ письмо въ бумажникъ».—«Поговори съ ней, и напиши мнѣ»..., съ мольбой заключилъ онъ:—«А если она соберется... сюда... ты по телеграфу дай мнѣ знать: я бы поѣхалъ до Москвы, навстрѣчу ей». Управившись послѣ болѣзни, Л. «началъ понемногу посѣщать гимназію, но на урокахъ впадалъ въ уныніе, былъ разсѣянъ, не замѣчалъ шутокъ, шалостей своихъ учениковъ.—«Козловъ рассохнется и служить уже не можетъ,—говорилъ о немъ Маркъ. По словамъ Татьяны Марковны. «Богъ далъ Л. ученость, да остроты не далъ». «Онъ какъ младенецъ».—У него

«простая младенческая душа», думаль Райскій. Опъ «ученый, но педогадливый младенецъ».

Леру («Фрег. Пал.»).—Потомокъ французскаго протестанта; хозяйинъ маленькой мызы Клейнбергъ (Капская колонія); вмѣсто обѣда, Л. показалъ прѣзжимъ «банки со змѣями», «камни», шкуры тигровъ и большую обезьяну, привязанную на длинной веревкѣ къ огромному дереву».

Лесюерь («Фрег. Пал.»).—Судья изъ Устера (Капская колонія), владѣлецъ «лучшаго сада». Англичанинъ французскаго происхожденія; «типъ француза не исчезъ въ немъ: черты, окладъ лица, ясно говорили о его происхожденіи, но въ походкѣ, въ движеніяхъ ужъ поселилась, не то что флегма, а какая-то припужденность». По французски онъ не зналъ ни слова». Моряковъ, посѣтившихъ его домъ, Л. принялъ «въ черпомъ фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ и галстукѣ. Онъ молча, церемонно подалъ» гостямъ «руки и заговорилъ по-англійски», спрашивая объ «экспедиціи, о фрегатѣ, о числѣ людей и т.п.

Лесюера-зять («Фрег. Пал.»).—Молодой докторъ, говорившій по-англійски и по-нѣмецки; «изъявилъ удивленіе», «что русскіе говорятъ на всѣхъ языкахъ».

Лидія («Обрывъ»).—Уп. л. Кузина Бѣловодовой. Институтка.

Лидія N («Литер. веч.»).—Уп. л. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ Бебикова. Мнимая соперница графини. «Прелестная молодая блондинка, въ цвѣтѣ лѣтъ, стройная, граціозная, съ умными глазами». Когда съ ея другомъ, «съ Лизой Ф., разыгрался какой-то романъ (кончившійся потомъ такими послѣдствіями, за которыя тетка не захотѣла держать ее у себя), а «свѣтъ» казнилъ Лизу «безпощаднымъ приговоромъ», Л. не могла забыть въ ней «лучшаго, единственнаго друга»; она «объявила отцу и матери, что не покинетъ друга въ бѣдѣ и нуждѣ, когда именно необходимъ другъ» и «удвоила свою лѣзность». Но когда свѣтъ, какъ бумажку къ ея шлейфу», привязалъ къ ея имени имя графа, Л. не выдержала косыхъ взглядовъ, улыбокъ, шопота... Она занемогла». [Ср. въ романѣ Валугва «Лорипъ»: Ольга Николаевна Соболина. См. «Списокъ»: Валугевъ и Перечень: «Лит. вечеръ»].

Лидія («Обломовъ»).—Уп. л. Въ нее «вотъ ужъ три недѣли», какъ влюбленъ Волковъ. Волковъ, приглашая Обломова на перво-майское гулянье въ Екатерингофѣ, говорилъ Ильѣ Ильичу, что «Софія Николаевна съ Л. будутъ только двѣ, напротивъ въ коляскѣ есть скамеечка: вотъ бы вы съ нами...».

Лиза («Обрывъ»).—Уп. л. Улинька живо и съ удовольствіемъ рассказывала, что Л. «застали» «на зарѣ» разговаривающую съ писемоводителемъ черезъ заборъ въ саду».

Лиза («Обыкновен. ист.»).—Одна изъ героинь романовъ Ал. Адуева; «Антигона», какъ онъ ее называлъ. «Хорошенькая дѣвушка, высокаго роста», граціозная. «Прекрасный профиль, бѣлая шея, стройная талія и маленькая ножка». «Добра и довѣрчива»; подъ вліяніемъ любви къ Александру, «похудѣла; глаза у нея немного впали». Отецъ Лизы разстроилъ ся романъ въ самомъ началѣ.

Лиза («Слуги»).—Уп. л. Здоровая мастерица-прачка, предметъ увлеченія Валентина. Изъ-за Л.—Валентинъ «потерпѣлъ поражение» и пришелъ домой «измятый», «съ расцарапаннымъ лицомъ».

Лина-Капитолина Чучина («На родинѣ»).—Сирота; сестра Чучи, барышня «неопредѣленныхъ лѣтъ, не менѣе 25-ти и не болѣе 30 лѣтъ». Наружности у нея «не было, т. е. женской»: это былъ засохшій цвѣтокъ. «Бѣлокурая съ сѣрыми, прятавшимися подъ низенькимъ лбомъ глазами, съ хитренькимъ, высматривающимъ взглядомъ», она была некрасива: глаза, смотрящіе исподлобья, нависшій надъ ними лобъ и немножко выдававшійся подбородокъ, сообщали ей видъ моложавой старушонки». Происходила «отъ стариннаго дворянскаго рода», но по фамиліи Л. и ея сестру, «никто никогда не называлъ; въ нѣкоторыхъ домахъ принимали, въ другихъ смотрѣли на нихъ небрежно, ради ихъ бѣдности»; жила «съ нуждой», «въ тѣсной квартиркѣ, въ мезонинѣ маленькаго деревяннаго

домика, пробавляясь маленькой пенсией за службу отца, да нѣкоторыми женскими работами: вышиваньемъ подушекъ, вязаньемъ шарфовъ, дѣлашемъ цвѣтовъ изъ воску, и другихъ ненужныхъ вещей, которыя покупались «знакомыми», «для подарковъ». «Была порядочно воспитана, т. е. умѣла «въ дурномъ переводѣ съ русскаго говорить французскія фразы, прилично сидѣть въ гостиной и держать себя за столомъ». «Въ гостиной Углицкихъ появлялась рѣдко, обѣдала у нихъ, когда не было гостей». «Увертливая и скользкая, какъ ящерица, она все торопилась, бѣжала, въ рукахъ у нея всегда было какое-нибудь дѣло, ей все было некогда. Когда ее останавливать на дорогѣ, она торопливо отвѣчаетъ, не глядя никому прямо въ глаза». Послѣ того, какъ губернаторша приняла ее «подъ свое крыло», Л. «постоянно» и «отлично, до тонкости исполняла порученія Углицкой, какъ бы они сложны ни были, по части женскаго туалета». «Благодаря ей, никогда ни одной, самой богатой губернской львицы не удавалось, прежде губернаторши, выписать изъ Москвы что-нибудь новое. Она подъ рукой умѣла сбывать выгодно надѣвныя губернаторшины, но еще свѣжія и нарядныя для губернскихъ и уѣздныхъ барынь платья» и т. д. «И все это дѣлала съ наслажденіемъ, проворно, какъ будто все ей счастье, между прочимъ, заключалось въ томъ, чтобы угодить». «Подвижная, живая, какъ ртуть», Л. «была въ постоянныхъ развѣздахъ по городу, въ суетѣ, въ хлопотахъ». «Всюду втиравшаяся», она «у всѣхъ что-нибудь выспрашивала и знала все, что дѣлается въ каждомъ домѣ, начиная отъ крупныхъ помѣщиковъ, предсѣдателей, до кушцовъ и мѣщанъ». Свѣдѣнія ея были до крайности разнообразны (настоящая—газета); «все это съ живыми подробностями передавалось Марьѣ Андреевнѣ (губернаторшѣ) по секрету». «Благодаря Л., у губернаторши въ рукахъ «были нити всей губернской политики, и, губернаторша безъ Л., также не могла обойтись, какъ будуъ ея безъ Добышева». «Съ ранняго утра» Л. «присутствовала въ спальнѣ и будуарѣ Марьи Андреевны. Когда онѣ были вдвоемъ», къ нимъ никто не допускался. «Фаворъ» Углицкой Л. считала «за счастье», потому что, когда замѣтили въ городѣ, какимъ фаворомъ она пользовалась у губернаторши, съ ней перестали обращаться небрежно». «Уклончивая, ласковая до лъстивости», она сама никого не любила: ни губернаторши, ни ея дочери, никого въ городѣ; не было у нея ни птички, ни собачки, ни цвѣтка на окнѣ—никого и ничего». «Самого Углицкаго» немного боялась: она все подозрѣвала, что заговаривая съ ней и глядя ей зорко въ глаза, онъ будто искалъ въ ней чего-то, къ чему прицѣпиться, что-нибудь замѣтить въ ней, обнаружить, поднять на смѣхъ—и уклонялась отъ разговора съ нимъ, отдѣлываясь отъ его шутокъ визгливымъ смѣхомъ». «Сестру свою она втайнѣ презирала («за ея абсолютную ненужность»), но скрывала это, чтобы и другіе въ губернаторскомъ домѣ не заразились тѣмъ же и не свалили ее на ея плечи; «въ припадкахъ желчи» сестру «обзывала немогучкой» и считала виновницей того, что она сама не можетъ выйти замужъ.—«Безъ нея, безъ этой немогучки,—проговаривалась она по секрету: она, Л., давно была бы замужемъ.—«А какъ посмотришь насъ вмѣстѣ, послушаютъ ее, эту Чучу—всѣ прочь идутъ: думать, что и я такая же безпомощная и неумѣлая, и буду въ тягость семьѣ. А у меня золотыя руки!» Съ ихъ помощью Л. «пополняла свой гардеробъ, запаслась на многіе годы, чуть ли не до старости, бѣльемъ, даже двумя лисьими мѣхами», т. к., обыкновенно, на тѣ платья губернаторши, которыя ей нравились, она не находила покупательницы, и платья дарились ей». Спустя нѣсколько лѣтъ, послѣ отъѣзда Углицкихъ, Л. все еще не потеряла надежды на замужество, хотя другіе давно потеряли ее». «Нельзя понять, на чемъ основывались ея надежды найти мужа. Развѣ на томъ, что у нея были золотыя руки».

Лиза Р—ская («На родинѣ»).—Уп. л. Одна изъ «губернскихъ дѣвицъ или барышень, какъ ихъ тогда называли.

Лиза, Ф. («Литер. вѣч.»).— Уп. л. «Самая любимая подруга по институту Лидіи N.; ея «лучшій, по уму и симпатичнымъ качествамъ души и сердца, другъ». «Пріютилась въ семействѣ Лидіи N., какъ ея лучшій другъ, какъ се-

стра». Въ деревнѣ, куда Л. уѣхала на лѣто къ теткѣ, съ ней «разыгрался какой-го романъ» «съ послѣдствіями»; Л. должна была, вернувшись въ Петербургъ, поселиться «въ глухомъ уединеніи», жить «на маленькой квартирѣ, въ большой нуждѣ». [Въ романѣ Валугева «Лоринъ»—Ширяева. См. въ «Спискѣ»: Валугевъ.

Лизавета Александровна Адуева («О бы кн. и ст.»).—См. А д у е в а, Л. А.

Лизы-отець («О бы кн. и ст.»).—Старикъ; «на немъ бѣлая блуза, нанковые панталоны и низенькая шляпа съ большими полями, подбитыми зеленымъ плюшемъ». «Эдипъ»—по опредѣленію Александра, но не представляетъ изъ себя «ничего особеннаго».

Лилина («Л и т е р. в е ч.»).—«Извѣстная въ свѣтѣ вдова Л.; «полная, кругленькая невысокаго роста дама, лѣтъ 30-ти, съ голубыми, какъ небо, дѣтскими глазами», съ большимъ и красивымъ, «какъ у здоровой кормилицы лицомъ», на которомъ «разливались широкія пятна румянца». Съ ея губъ не сходила улыбка тоже дѣтская». «Страстная охотница до домашнихъ спектаклей, всякихъ чтеній и концертовъ», «всегда всѣмъ довольная, всѣхъ любившая и всѣми любимая и балуемая», она являлась съ улыбкой «вездѣ, даже на похороны». Эта «стереотипная улыбка» была извѣстна всѣмъ ея знакомымъ. По словамъ Л., она и всѣ ея «знакомыя дамы» читали и знаютъ Гоголя; отъ романа Бебикова была въ восхищеніи. Когда Кряковъ замѣтилъ ей, что если бы она читала Гоголя и другихъ народныхъ писателей, ея глаза смотрѣли бы иначе и не было бы у ней «этой блаженной улыбки»—сконфузилась и смотрѣла въ недоумѣніи вокругъ. Не обидѣлась, когда Кряковъ взялъ ея руку и замѣтилъ, похваливая, что знаетъ другую руку, которая не уступить рукѣ Л.—«Чья же эта такая счастливая рука, что удостоилась вашего вниманія? съ кокетливой ироніей спросила Л. («Моей жены, вотъ чья, отвѣтилъ Кряковъ»). Послѣ того какъ псевдонимъ Крякова былъ разоблаченъ, въ день бенефиса артиста, Л. послала ему футляръ съ браслетомъ и на бумажкѣ написала: «Съ одной женской руки на другую, достойнѣйшую. руку супруги знаменитаго артиста—отъ женщины».

Лозгины («О б р ы в ъ»).—Уп. л. Братъ Л.—знакомые М. Волохова; старшему изъ нихъ онъ давалъ книги. По словамъ Вѣры, старшій Л. съ книгами Волохова ходилъ въ книжную лавку и говорилъ купцамъ:—«Вотъ бы, какими книгами торговали!» Онъ же забрался въ дѣвичью, да горничнымъ цѣлый день проповѣдывалъ, что глупо ѣсть постное, что Бога нѣтъ и что замужъ выходить нелѣпно». Младшій, Володя Л., «вдругъ объявилъ матери, что онъ не будетъ ходить къ обѣднѣ». Его «высѣкли, стали добираться отчего? На старшаго показали».

Лопаревъ, Миша («На род ин ѣ»).—Уп. л. «Неуклюжій Миша Лопаревъ», по отзыву губернаторши (Углицкой); кавалеръ Сони на вечерахъ.

Лужинъ, графъ («И. С. Под жа б р ин ѣ»).—За ужиномъ у баронессы Цейхъ, «облокотясь рукой на спинку стула» Амаліи, «почти жалелъ гр. Л. съ бокаломъ въ рукѣ» и говорилъ ей что-то тихонько. «Замѣтилъ рѣзко» Поджабрину:—«...Въ самомъ дѣлѣ, что-жъ вы не пьете? У васъ все тотъ-же бокалъ! Если это такъ продолжится, вы, mille pardons—будете здѣсь лишній». Князю Поскочину сказалъ, что если его дама заснетъ, то князь отвѣчаетъ за нее:—«Откуда хочешь возьми женщину, а то кадрилъ не полна—хоть самъ надѣвай юбку». Когда князь нарядился въ дамскую кофту и чепецъ, заявилъ:—«Если бы бабенбарды долой, ты, князь, былъ-бы совершенно женщиной, только не княгиней, а пуассардкой». Въ перереженномъ Поджабринѣ усмотрѣлъ сходство со своей тетуской».

Лука («О б л о м о в ѣ»).—Уп. л. Обломовскій «славный плотникъ». По словамъ отца Обломова:—«Такъ построилъ крыльцо. что оно, хотя и «тогда шаталось, какъ его сдѣлали», да вотъ не развалилось-же, даромъ, что шестнадцать лѣтъ безъ поправки стоитъ».—«Славно тогда сдѣлалъ Лука! Вотъ былъ плотникъ, такъ плотникъ... Умеръ—царство ему небесное, нынче избаловались: не сдѣлаютъ такъ».

Лука Саввиць («О б л о м о в ѣ»).—Илья Ивановичъ Обломовъ не могъ безъ

смѣха слушать исторію, о томъ какъ Л. С., катаясь съ горъ, себѣ «бровь расшибъ». Самъ Л. С. считалъ, — «это все вонъ Алексѣй Наумычъ выдумалъ: то, чего и не было совсѣмъ! Но всѣ обитатели дома утверждали противное: — «Э, хоромъ подхватили всѣ. — Да какъ же ничего не было? Мы-то умерли развѣ? А лобъ-то, лобъ-то, вотъ и до сихъ поръ рубецъ виденъ». Подъ общій хохоть Л. С. признавался: — «...Я бы... не того... да все Васька, разбойникъ... салазки старыя подсунулъ... онъ и развѣхались подо мной... я и того...».

Люда («Фрег. Пал.»). — «Толстый и рябой», японецъ-переводчикъ. Лѣстивый, кланяющийся плутъ». «Принадлежалъ къ разряду застарѣлыхъ и закоренѣлыхъ японцевъ», которые «находить все старое прекраснымъ, перемѣнъ не желаютъ и все новое считаютъ грѣхомъ». За завтракомъ на фрегатѣ завернулъ въ бумажку конфету и кусочекъ торта», «прибавивъ къ этому и варенья», — «все спряталъ въ свою обычную кладовую, т. е. за пазуху. — «Дѣтямъ», сказалъ онъ.

Лунины («Обыкн. и ст.»). — «Знакомые» Адуева. По отзыву Петра Ивановича, «люди порядочные». По мнѣнію раздраженнаго Александра, самъ Л. «точно тотъ оселецъ, отъ котораго соловей улетѣлъ за тридевять земель. А она (Лунина) — такъ доброй лисицей смотритъ»...

Лѣсничій («Обрывъ»). — См. Тушинъ, Ив. Ив.

Любецкая, Марья Михайловна («Обыкн. и ст.»). — «Маменька Наденьки»: была одна изъ тѣхъ добрыхъ и нехитрыхъ матерей, которыя находятъ прекраснымъ все, что ни дѣлаютъ дѣтки. Марья Михайловна велитъ, напримѣръ, заложить коляску. — «Куда это, маменька?» спроситъ Наденька. — «Поѣдемъ прогуляться: погода такая славная». — «Какъ можно: Александръ Ѳеодорычъ хотѣлъ быть». И коляска откладывалась». Или: Марья Михайловна усядется за свой нескончаемый шарфъ «или углубится въ чтеніе французскаго романа». — «Маманъ, что-жъ вы не одѣваетесь?» — спроситъ Наденька строго. — «А куда?» — «Да вѣдь мы пойдѣмъ гулять», Александръ Ѳеодорычъ придетъ за нами. Ужъ вы и забыли! — «Да я и не знала». — «Какъ этого не знать!» скажетъ Наденька съ неудовольствіемъ. Мать покидала и шарфъ, и книгу и шла одѣваться. «Можно сказать», что Л. была «послушная мать». Признается сама: — «Я вѣдь цѣлый день за ней, какъ нянька. Я и гувернантку отпустила нарочно, чтобы не было чужихъ». Александра полюбила «какъ родного», заботилась объ его здоровьи и сообщала ему всѣ секреты Наденьки. По словамъ Петра Ивановича, Л. «не интересна; съ бородавкой у носа». По мнѣнію Александра, Л. «добрая и почтенная». [Ср. Адуева-мать].

Любецкая, Надежда Александровна («Обыкн. и ст.»). — См. Наденька.

Лягавъ («Обломовъ»). — Уп. л. «Голь окаянная», по отзыву Обломова: Л-а приводилъ въ примѣръ Захару Илья Ильичъ, огорченный необходимостью переѣзда на новую квартиру: «вонъ, Л., возьметъ линейку подъ мышку, да двѣ рубашки въ носовой платокъ, и идетъ... — «Куда, молъ, ты?» — «Переѣзжаю», говоритъ.

Лягизъ («Маймѣс. въ Петерб.»). — Уп. л. Офицеръ, назначенный въ командировку «по трехъ-сотъ рублевому дѣлу», съ пособіемъ въ двѣсти рублей и «прогонными по чину».

М.

М. З. («Фрег. Пал.»). — Мпчманъ Зеленый. См. въ «Спискѣ»: Зеленый.

Маевскіе («Обломовъ»). — Уп. л. Знакомые Ольги Ильинской.

Макаровъ («Фрег. Пал.»). — Музыкантъ съ фрегата. Во время праздника, «по поводу годовщины выхода въ море», подрался съ писаремъ, «хотя былъ трезвъе его». На очной ставкѣ, «хранилъ важную и угрюмую мину». — «За что ты прибилъ его? былъ вопросъ». — «Я не прибилъ, я только ударилъ его въ грудь». — «За что-жъ ты его?» — «Съ кулакомъ къ рождѣ лѣзь!» отвѣчалъ М. (См.: Писарь).

Максимъ («Слуги»).—«Рябоватый, здоровый, крѣшко сложенный, мускулетый», «невысокаго роста». «Отличился черезъ три мѣсяца». Ночью встрѣтилъ барина въ «возбужденномъ состояннн», а на утро заявилъ, что пальто съ бровровымъ воротникомъ пропало». На слова барина о необходимости заявить о пропажѣ въ полицію, «равнодушно» отвѣтилъ:—«Ваша воля, какъ вамъ угодно!»

Маланья («Май мѣс. въ Петерб.»).—Прислуга Брагина; когда Брагинъ задалъ ей такой вопросъ:—«Если-бъ ты теперь словила на дворѣ пѣтуха и передала его сосѣдямъ, а полиція предписала бы, во что бы то ни стало, отыскать этого пѣтуха?.. «М. не вдругъ поняла сказанное, и сначала, разиня ротъ; подумала съ минуту, потомъ, кажется, смекнула».—«А какъ она, ваша полиція, отыщеть его? Я бы взяла и отдала дворнику черезъ задній ходъ...—проворно сказала она».—«Погоди, погоди!»—нетерпѣливо перебилъ ее Брагинъ.—«Квартальному начальство выдало бы десять рублей за этого пѣтуха»...—«Весь пѣтухъ-то не стоить и тридцати копѣекъ: за что-жъ давать десять-то рублей? Да не отыщеть она никакъ, ваша-то полиція, когда я отдамъ дворнику черезъ задній ходъ, а десять рублей пропадутъ!..» отвѣчала М.

Маланья Петровна («Обломовъ»).—Уп. л. Знакомая стариковъ Обломовыхъ. «Свѣтская дама», по мнѣнню одного изъ Обломовцевъ. По словамъ матери Ильи Ильича,—проказница:—«Чего она не затѣетъ! И олово лить, и воскъ топить, и за ворота бѣгать; дѣвокъ у меня всѣхъ съ пути собьетъ, затѣетъ игры разныя»... Она же «съ горь выдумала кататься»...

Малюевъ («Обрывъ»).—Уп. л. См. Саврасовъ.

Мальхинъ («Народицъ»).—Уп. л. Чиновникъ. Совѣтникъ казенной палаты; «плѣшивый, толстый, да еще взятки беретъ».—«У него полтора ста душъ, доходу отъ должности, говорятъ, тысячъ пять получаетъ». По мнѣнню одной барыни, небогатаго помѣщицы, къ дочери которой «приглядывался М., онъ «свѣжій, бодрый, что называется въ соку».—«Брюшко точно есть, но еще танцуетъ», заступился за М. старичекъ.—«Доходы получаетъ по мѣсту»...

Мальчикъ («Фрег. Пал.»).—Ликеецъ, М. дѣтъ 16-ти сидѣлъ на фрегатѣ за губернаторомъ и «безпрестанно набивалъ ему трубку», получая за это подачки: «бисквиты» и «паливку, которой подчивали» губернатора.

Мальчишки («Обломовъ»).—М. изъ Обломовки; замѣтили, лежащаго, «за околицей, въ канавѣ, у моста», человекъ, и съ ужасомъ прибѣжали въ деревню съ вѣстью о какомъ-то страшномъ змѣѣ, или оборотнѣ, который лежитъ въ канавѣ, прибавивъ, что онъ погнался за ними и чуть не съѣлъ Кузьку». См.: Мужики.

Мамыкинъ («Обрывъ»).—Уп. л. Откупщикъ.

Мамыкина («Обрывъ»).—Уп. л. Дочь откупщика. Невѣста; по словамъ Татьяны, «красавица, воспитана въ самомъ дорогомъ пансіонѣ въ Москвѣ. Однихъ брилліантовъ тысячъ на восемьдесятъ». М.—у прочила Татьяна Марковна въ невѣсты Райскому.

Мамыщевъ («Обрывъ»).—Уп. л. По словамъ Тычкова, «губернаторъ получилъ донесеніе, что въ селѣ у М. не покойно».

Маргарита («Обрывъ»).—Уп. л. Нѣмка; «ходила» въ дѣтствѣ за Софьей Бѣловодовой: «причесывала и одѣвала» ее.

Маргарита («Фрег. Пал.»).—Уп. л. Какая-то М. въ Маниллѣ, къ которой русскіе моряки ѣздили покупать платки и матерію изъ анапасовыхъ волоконъ.

Марина Антиповна («Обрывъ»).—«Дворовая, «повѣренная и ближайшая фрейлина Вѣры. У М. «изжелта-сѣрые, лукавые и безжизненные глаза» со «скользящимъ быстро по предметамъ, ни на чемъ не останавливающимся, взглядомъ», «широкая, внезапно все лицо и рядъ бѣлыхъ зубовъ освѣщающая улыбка, какъ будто къ нему вдругъ поднесутъ въ темнотѣ фонарь, также внезапно пропадающая и уступающая мѣсто слезамъ, даже, когда нужно, воплямъ».

«Сложена М. хорошо: талія ея, безъ корсета и кринолина, тонко и стройно покачивалась надъ грязной юбкой, когда она неслась по двору, будто летѣла,» — «почти не перебирая ногами». «Ловка». «Проворна». «Легкій, будто летучій, шагъ». «Какая-то нервная дрожь плечъ и бедръ», «и подвижность, игра во всей фигурѣ, въ щекахъ, и въ губахъ, въ рукахъ». «Она даже не радѣла слишкомъ о своемъ туалетѣ, особенно когда разжаловали ее въ чернорабочія: платье на ней толстое, рукава засучены, шея и руки по локоть грубы отъ загара и отъ работы; но сейчасъ же, за чертой загара, начиналась бѣлая, мягкая кожа». М. «была не то что хороша собой, а было въ ней что-то втягивающее, раздражающее, нельзя назвать что именно, что привлекало въ ней многочисленныхъ поклонниковъ». «Богъ знаетъ что», — «только кто съ ней поговорить, поглядить на нее, а она на него, даже кто просто встрѣтитъ ее, тотъ поворотитъ со своей дороги и пойдетъ за ней».

«Въ дворню изъ деревни была взята М. дѣвчонкой шестнадцати лѣтъ. Проворотствомъ и способностями она превзошла всѣхъ и cadaго и превзошла ожиданія бабушки. Не было дѣла, котораго она не разумѣла, гдѣ другому надо часть, ей не нужно и пяти минутъ. Другой еще выслушаетъ приказаніе, почешетъ голову, спину, а она ужъ на другомъ концѣ двора, ужъ сдѣлала дѣло, и всегда отлично, и воротилась. Позовутъ-ли ее одѣть барышень, гладить, сбѣгать куда-нибудь, приготовить, кунить, на кухнѣ-ли помочь: въ нее всю какъ-будто вложена какая-то молнія, рукамъ дана цѣпкость, глазу вѣрность. Она все замѣтитъ, угадаетъ, сообразитъ и сдѣлаетъ въ одну и ту же минуту». «Она вѣчно двигалась, дѣлала что-нибудь, и когда остановится безъ дѣла, то руки хранятъ пріемъ, по которому видно, что она только-что дѣлала что-нибудь или собираетъ дѣлать». «И чиста она была на руку: ничего не стайтитъ, не спрячетъ, не присвоитъ, не корыстна и не жадна: не съѣстъ тихонько. Даже немного ѣла, все на ходу; мость посуду и съѣстъ что-нибудь съ собранныхъ съ господскаго стола тарелокъ, какой-нибудь огурецъ, или хлебнетъ стоя щей ложки двѣ, отщипнетъ кусочекъ хлѣба и ужъ опять бѣжитъ». «Татьяна Марковна не знала ей цѣны, и сначала взяла ее въ комнаты, потомъ по просьбѣ Вѣрочки, отдала ей въ горничныя. Въ этомъ званіи М. мало было дѣла, и она продолжала дѣлать все и за всѣхъ въ домѣ. Вѣрочка какъ-то полюбила ее, и она полюбила Вѣрочку и умѣла угадывать по глазамъ, что ей нужно, что нравилось, что нѣтъ». «Но... несмотря на все это, бабушка разжаловала ее изъ камерфрейлинъ въ дворовыя дѣвки, потомъ обрекла на черную работу, мыть посуду, бѣлье, полы и т. п.» Только ради ея проворства и способностей, она оставлена была при старомъ домѣ и продолжала пользоваться довѣренностью Вѣры, и та употребляла ее по своимъ особымъ порученіямъ». «М. потеряла милости барыни за то, что познала «любовь и ея тревоги», въ лицѣ Никиты, потомъ Петра, потомъ Терентья, и такъ далѣе, и такъ далѣе». «Не было лакея въ дворнѣ, виднаго парня въ деревнѣ, на которомъ бы она не оставила благосклоннаго взгляда. Границъ и предѣловъ ея любвіамъ не было». «Будь она въ Москвѣ, въ Петербургѣ, или другомъ городѣ и положеніи, — тамъ опасеніе, страхъ лишиться хлѣба, мѣста, положили бы какою-нибудь узду на ея склонности. Но въ ея обезпеченномъ состояніи крѣпостной дворовой дѣвки, узды не существовало». «Ее не прогнать, куска хлѣба не лишать, а къ стыду можно притерпѣться, какъ скоро однажды навсегда узнаетъ тѣсный кружокъ лицъ, съ которымъ она болѣе или менѣе состояла въ родствѣ, кумовствѣ или пѣжныхъ отношеніяхъ». «Когда Савелій, полюбивъ М., женился на ней, она и не думала мѣняться, и о супружествѣ имѣла темное понятіе. Не прошло двухъ недѣль, какъ Савелій засталъ у себя въ гостяхъ гарнизоннаго унтера. Савелій взялъ возжи «и дворня съ ужасомъ впимала истязанію». «Но этотъ урокъ не повелъ ни къ чему. М. была все та же, опять претерпѣвала истязанія и бѣжала къ барынѣ или же ускользала отъ мужа и пряталась дня три на чердакахъ, по сараямъ, пока не проходилъ первый пылъ. Она была живуча, какъ кошка, и быстро оправлялась отъ побоевъ, сама дружно и безстыдно раздѣляла смѣхъ

дворни надъ ревностью мужа, надъ его стараніями исправить ее, даже надъ побоями».—«Вотъ посмотри, какъ ее мужъ одѣлалъ!»—обратилась бабушка къ Райскому.—«А за дѣло, негодяйка, за дѣло!»—«Понапрасну, барыня, все понапрасну. Пѣсь его знаетъ, что померещилось ему, чтобъ сгинуть ему, проклятому! Я ходила въ кусты, сучьевъ наломать, тутъ встрѣтился графскій садовникъ: дай, говоритъ—я тебѣ помогу, и дотасали сучья до калитки, а Савелій выдумалъ...»—«Врешь, врешь, негодяйка!»—строго говорила барыня:—«не даромъ, не даромъ!»—«Вотъ сквозь землю провалиться! Дай Богъ до утра не дожить»...—«Перестань клясться! На той недѣлѣ ты выпросилась ко всенощной, а тебя видѣли въ слободкѣ съ фельдшеромъ»...—«Не я, барыня, дай Богъ околѣть мнѣ на этомъ мѣстѣ»...—«Какъ же Яковъ тебя видѣлъ? Онъ лгать не станетъ!»—«Не я, барыня, должно-быть, чортъ былъ во образѣ моемъ»... Райскій поймалъ М. ночью въ саду съ «садовникомъ» и «солгалъ» Савелію «въ пользу преступной жены», чтобы «не погубить ея». М. встрѣтила сейчасъ же послѣ этого Савелія, «караульщика» ее:—«Что тебѣ, дѣшій, не спишь?»—сказала она и, согнувъ одно бедро, скользнула проворно мимо его:—«бродить по ночамъ! Ты бы хоть лошадямъ гривы заплеталъ, благо нѣтъ домашнего! Срамить меня только передъ господами!»—ворчала она, несясь, какъ сильфъ, мимо его, съ тарелками, блюдами, салфетками и хлѣбами въ обѣихъ рукахъ, выше головы, но такъ, что ни одна тарелка не звенѣла, ни ложка, ни стаканъ не шевелились у ней». Это была «распущенная дворовая женщина, въ родѣ горькихъ безнадежныхъ пьяницъ между мужчинами», а Райскій видѣлъ въ ней «безкорыстную жрицу культа», «матеръ наслажденій». Подъ конецъ «съ Мариной что-то недоброе случилось. Она ходила какой-то одичалой и задумчивой и валялась съ недѣлю на лежанкѣ, а потомъ слегла, объявивъ, что нездорова, встать не можетъ.—«Богъ караетъ!»—говорилъ Савелій, кряхтя и кутая ее въ теплое одѣяло! Позванная дѣвка Меланхолика. «объявила, «что болѣзнь Марины превышаетъ ея познанія. Ее отправили въ клинику, въ сосѣдній городъ, за двѣсти верстъ». [Ср. Савелій].

Маркъ Ивановичъ Волоховъ («О бры въ»).—«Чиновникъ... пятнадцатаго класса»,—рекомендуется Маркъ Райскому.—«Лѣтъ двадцати семи». «Не блондинъ, а блѣдный лицомъ, и волосы блѣдно-русые, закинутые густой гривой за уши и на затылокъ». «У него большой выпуклый лобъ», «открытое, какъ будто дерзкое лицо», «скорѣе худощавое, нежели полное», «далеко выходило впередъ». «Черты лица не совсѣмъ правильныя, довольно крупныя». «Глаза сѣрые»; «взглядъ ихъ «былъ или смѣлый, вызывающій, или, по большей части, холодный и ко всему небрежный». «Усы и борода жидкіе, свѣтлѣе волосъ на головѣ». «Сложенъ крѣпко, точно изъ металла, и пропорціонально». «Руки у него длинныя, кисти рукъ большія, правильныя и цѣпкія». Усѣвшись съ ногами въ кресло (у Козлова) и «сжавшись въ комокъ, М. сидѣлъ неподвижно, поги, руки не шевелились, точно замерли, глаза смотрѣли на все покойно или холодно». «Но подъ этой неподвижностью таилась зоркость, чуткость и тревожность, какъ замѣтна иногда въ лежачей, повидимому, покойно и беззаботно, собакѣ. Лапы сложены вмѣстѣ, на лапахъ покоится спящая морда, хребетъ согнулся въ тяжелое, лѣгкое кольцо: спать совсѣмъ, только одно вѣко все дрожитъ, и изъ-за него чуть-чуть сквозитъ черный глазъ. А пошевелился кто-нибудь около, дунь вѣтерокъ, хлопни дверь, покажись чужое лицо—эти безпечно разбросанные члены мгновенно сжимаются, вся фигура полна огня, бодрости, лаесть, скачешь...» М.—человѣкъ «умный», по мнѣнію Райскаго и Вѣры; «живой, свободный умъ». Онъ съ «образованіемъ», «говорить, что былъ въ одно время съ нами въ университетѣ»,—пишетъ Козловъ Райскому:—только не по одному факультету. Кажется врать».—«Чего не знаетъ!»—отзывается о немъ тотъ же Козловъ:—«Все! Кажется, съ большими дарованіями и свѣдѣніями: могъ бы быть полезенъ»... говорить о немъ Ватутинъ.—«У него есть и вкусъ и пониманіе» живописи и «вѣрный глазъ». Онъ «проницательная шельма»,—по словамъ Райскаго. У него есть «юморъ». Онъ «соритъ умомъ», обладаетъ самостоятельной волей. «Настой-

чивъ». «Сильный человекъ». У него «есть» умъ, какая-то сила... Но все это идетъ стороной отъ жизни», замѣчаетъ Вѣра. М. «бѣдепъ». — «Бездомный такой, по словамъ «бабушки». Ведетъ «бродячую цыганскую жизнь». Живетъ въ одинокой «избушкѣ» у «огородника», спитъ лѣтомъ «на телѣгѣ», подъ «большой рогожей». Въ «комнатѣ» его «кровать», «на ней» «тоненькій старенькій тюфякъ, тощее ваточное одѣяло, маленькая подушка. На полкѣ и на столѣ десятка два книгъ, на стѣнѣ висѣли два ружья, на единственномъ стулѣ въ безпорядкѣ валялось нѣсколько бѣлья и платья». Потомъ онъ перешагалъ къ дьячихѣ «Секлетѣй Бурдалаховой». «Въ образѣ жизни неопрятенъ». «Одѣтъ неряшливо». По словамъ Нила Андрейча, «отверженецъ церкви и общества», «врагъ правительства», «подозрительный человекъ»; «Варрава». «Паря». Онъ «объявилъ войну обществу». — «Русскій Карлъ Моръ», — насмѣшливо называетъ его Райскій. — «Волоховъ — чудо нашего города», пишетъ о немъ Козловъ. «Его здѣсь никто не любить и всѣ боятся». «Онъ «покою никому не даетъ: шалуннице непроходимый: я боюсь его», признается затѣмъ Козловъ. — Опъ «благой такой: пуцай лучше спать!» говоритъ жена огородника: — «Мужа то вотъ дома нѣтъ, такъ мнѣ и жутко съ нимъ одной. Пуцай спать!» — «Развѣ онъ обижаетъ тебя?» — «Нѣтъ, грѣхъ сказать; почто обижать? только чудной такой: я нешто его боюсь». — Василиса характеризуетъ его такъ: «взлысатый такой»... — «Какой «взлысатый?» — Вотъ чтѣ, слышь, петьми сѣчь будутъ». «Въ полку» М. «нагрубилъ командиру и былъ «исключенъ изъ полка». Гдѣ-то опъ «побилъ жидя». Однажды, «возвращаясь съ охоты», М., «чтобъ ружье разрядить», сталъ стрѣлять «на выгѣдѣ» «по голубьямъ». Нилъ Андрейчъ, увидѣвъ это, началъ «кричать», «затоналъ погами, грозилъ пальцами, стучалъ палкой». — «Я далъ ему истощить весь словарь этихъ нѣжностей», — говоритъ М.: — «выступилъ хладнокровно, а потомъ прицѣлился въ него и — выстрѣлилъ въ воздухъ». Въ городѣ ходилъ слухъ, распущенный Ниломъ Андрейчемъ, что М. стрѣлялъ въ Тычкова. Это «важное дѣло — урокъ старому ребенку», — заявлялъ самъ М. Полину Карповну онъ «травилъ» собаками, «которыя у нея шлейфъ разорвали». «Поднималъ знамя бунта противъ уѣздной или земской полиціи»... — «Я вамъ когда-нибудь покажу образчикъ... «мужества», говорилъ М. Райскому. — «Вотъ тутъ что-то часто сталъ ѣздить мимо нашихъ огородовъ полицеймейстеръ: это д. б., его превосходительство изволитъ беспокоиться и посылаетъ узнавать о моемъ здоровьѣ, о моихъ удовольствіяхъ». — «Ну, хорошо же!.. Теперь я воспитываю пару бульдоговъ, еще недѣли не прошло, какъ они у меня, а ужъ на огородахъ у насъ ни одной кошки не осталось... Я ихъ посажу теперь на чердакъ, въ темноту, а когда полковникъ или его свита, изволитъ пожаловать, такъ мои птепцы и вырвутся... нечаянно, конечно». — Изъ кармана показываетъ кулакъ полицеймейстеру — говоритъ о М. Райскій. «Губернаторъ» «порядочный человекъ», по мнѣнію М., — только затѣмъ и можетъ «позвать», «чтобъ спихнуть съ крыльца». — М. «дразнитъ мѣстное начальство», «осаждастъ» «по почамъ трактиры». — «Закричимъ «пожаръ» — предлагаетъ онъ Райскому: — «тогда отворять, а мы и войдемъ» (въ трактиръ ночью). — «Потомъ выгошать» — сказалъ Райскій. — «Нѣтъ, ужъ это напрасно: не впустишь меня еще можно, а когда я войду, такъ ужъ не выгонишь». — Онъ «не платилъ въ трактирѣ денегъ». Опъ «буянтъ», называетъ М. Райскій. «Омаръ» — прозываетъ его Козловъ, т. к. М. «когда читаетъ книгу, то изъ прочитаннаго вырываетъ листикъ и закуриваетъ сигару, или сдѣлаетъ изъ него трубочку и чиститъ ею ногти или уши». М. взялъ у Козлова «Аристофана», — «да тутъ же при мнѣ», рассказываетъ Козловъ, «вдругъ сзади и вырвалъ страницу». — «Я по поводу испорченныхъ книгъ потребовалъ было объясненій, но онъ мнѣ такое лицо сдѣлалъ, что я не рѣшился продолжать». Къ Козлову М. входитъ не «черезъ калитку», а «перелѣзаетъ черезъ заборъ», «подкрадывается къ окнамъ», и «вдругъ забарабанилъ, что есть мочи, въ стекло». — «Философъ! Отворяй! Слышишь ли ты, Платонъ?» Козловъ жалуется, что М. «ночью стучитъ къ нему въ окна»; даже Ватутину М. «оставилъ кое-какія сувениры»: «ночью будилъ не разъ, окна отво-

рять у него въ спальнѣ» (парочно, зная маленькую слабость старика—боязнь простуды). У того же Ватутина М. «занялъ» «триста рублей», и «не отдастъ никогда». По словамъ Татьяны Марковны, онъ «только и дѣлаетъ, что деньги забираетъ». У Райскаго онъ «съ наслажденіемъ» куритъ «дорогія сигары». Воруетъ яблоки изъ садовъ; сниметъ съ Козлова «по дорогѣ» шапку и наслаждается, если тотъ не замѣтитъ».—«Безпутный бродяга», опредѣляетъ М. Райскій. М., по словамъ Вѣры, «самъ напрашивается на непріятности»; играетъ жизнью».—«Онъ «смѣлый» человѣкъ».—«Чего онъ испугается, этотъ уродъ?» говоритъ Улинька о немъ. Онъ «даже хвастается удачею».—«Если-бъ... въ полицію посадили», говоритъ Вѣра:—«Кажется, только этого не достаетъ до вашего счастья».—«Я все равно здѣсь, въ этомъ промозглomъ углу, что Пугачевъ и Стенька Разинъ. Не испугаетесь въ?»—спрашиваетъ М. Вѣру при первой встрѣчѣ. «Вы, кажется, хвастаетесь своимъ громкимъ именемъ»—замѣчаетъ ему она. Онъ рассказываетъ «незначительныя новости» о своихъ «подвигахъ и щеголяетъ цинизмомъ».—«Вы рисуетесь эксцентричностью и распущенностью»—говоритъ ему Райскій. «А, можетъ быть»,—«равнодушно» отвѣтилъ М. Онъ, по словамъ Козлова, «ничего не дѣлаетъ».—«Я «пью» «отъ скуки и праздности», говоритъ Волоховъ о себѣ...—«И я смертельно хочу дѣлать, но, я думаю—не буду».—«Отчего же?»—«Попроща», «арены» для меня нѣтъ... какъ вы, Райскій, говорите».—«У насъ все артисты»—говоритъ М.: «одни дѣлать, рисуютъ, брягчатъ, сочиняютъ... Другіе ѣздятъ въ палаты, въ правленія—по утрамъ, третью сидятъ у своихъ лавокъ и играютъ въ шапки, четвертые живутъ по помѣстьямъ и продѣлываютъ другія штуки—вездѣ искусство!» Пристать къ нимъ пробовалъ, да не умѣю».—И «я артистъ», бросаетъ онъ Райскому, «только въ другомъ родѣ. Я такой артистъ, что купцы называютъ «художникъ».—«Артистъ sans façon», по опредѣленію Райскаго, который напивается при первомъ знакомствѣ, бьетъ стекла, и т. д. «Праздникъ, по опредѣлившійся, ни на чемъ не остановившійся человѣкъ»; «праздникъ повѣса, которому противенъ трудъ и всякій порядокъ»,—«бродячая жизнь, житье на-распашку, на чужой счетъ—вотъ все, что имъ остается, какъ скоро они, однажды, выскочатъ изъ колеи. Они часто грубы, грязны; естъ между ними фаты, которые еще гордятся своимъ цинизмомъ и лохмотьями»,—характеризуетъ М. Райскій. «Наружно очеркъ вѣренъ, почти совершенно»...—удостоверяетъ, выслушавъ эту характеристику, самъ Волоховъ. Но, «вы скажите мнѣ, прежде, отчего я такой?»—задаетъ онъ вопросъ Райскому. «Вы такъ хорошо сдѣлали очеркъ: замокъ передъ вами, приберите и ключъ». Ключъ, по намеку Марка, въ томъ, что онъ имѣетъ «претензію выражать собой и преслѣдовать великую идею»: Онъ «апостолъ» «свѣта», «новой науки», «новой жизни». Онъ «проповѣдникъ» «грядущей силы», «зари будущаго», «юныхъ надеждъ». Прежняя «мораль», «вѣра», «правила», «жизнь», «убѣжденія»—«для него не существуютъ». Для него это «мертвечина» Онъ, по словамъ Вѣры, «все отрицаетъ, порицаетъ»: «никого и ничего не уважаетъ»; «ни во-что не вѣритъ». «Клеймитъ старое «враждой и презрѣніемъ».—«Все это годилось прежде, а теперь потекла другая жизнь, гдѣ не авторитеты, не заученныя понятія, а правда пробивается наружу». Онъ почитатель «Фейербаха»; онъ «смѣется надъ религіей»; «атеистъ»; «и вѣчность, и безсмертіе» онъ разрушаетъ «младенческими химическими и физическими опытами». (У него «мнимая страсть къ изученію природы»). «Порядокъ бытія», по его мнѣнію, «случаенъ». Люди, по его словамъ, толпаются какъ мошки въ жаркую погоду въ огромномъ столбѣ, сталкиваются, мнутся, плодятся, питаются, грѣются и исчезаютъ въ процессѣ жизни, чтобъ завтра дать мѣсто другому такому же столбу». «Человѣкъ—«животное», «животный организмъ», и только. Надо быть «естественнымъ и натуральнымъ»; т. е. надо «слѣдовать» «природнымъ влеченіямъ», «насуущимъ потребностямъ». Это и есть «законы природы»: «природу не передѣлаешь». Надо брать примѣръ съ «природы», съ «животныхъ». «Останавливаться надъ всѣми явленіями жизни по долгу—значитъ надѣвать путы на ноги... значитъ, жить «понятіями». «Изъ природнаго влеченія

дѣлають правила и сковываютъ себя по рукамъ и по ногамъ». — «Поймите, Вѣра, хаосъ вашихъ «правилъ» и понятій». Отъ нихъ вѣетъ «мертвымъ воздухомъ». Надо «избавить людей отъ этихъ старыхъ оковъ» — долга, морали, «которые цедергиваютъ жизнь скукой и плѣсенью» и т. п. Нужна «свобода». Однако, «оставляя себѣ одну животную жизнь», М. «проповѣдовалъ какую-то правду, какую-то честность, какія-то стремленія къ лучшему порядку, къ благороднымъ цѣлямъ». Читаетъ и пропагандируетъ «Прудона и прочихъ». «La propriété c'est le vol», по его мнѣнію — «божественная истина», «обходящая весь міръ». «Онъ манитъ впередъ образомъ какого-то громаднаго будущаго, громадной свободы, снятіемъ всѣхъ покрывалъ съ Изиды — и это будущее видѣлъ чуть не завтра». М. требуетъ «честности» и «логичности», «правды, добра». «Онъ звалъ къ новому дѣлу, къ новому труду». — Однако, «новаго дѣла и труда, кромѣ раздачи запрещенныхъ книгъ», Вѣра у него «не видѣла». — Въ этой «раздачѣ» и «проповѣди» онъ и видѣлъ свое «дѣло». — «Мнѣ некогда заниматься разговорами о любви, у меня есть дѣла» — говорить онъ Вѣрѣ. «Роль», принятая имъ на себя — «вспрыснуть живой водой мозги», «учить дураковъ». Онъ «кое-кому раздастъ книги», «больше всего молодежи»: изъ семинаріи брали, изъ гимназіи — учитель одинъ». Вѣрѣ, при первой встрѣчѣ, онъ предлагаетъ принести «Прудона съ братіей»: — «У меня все новое есть. Только вы не показывайте бабушкѣ или тушомнымъ вашимъ гостямъ». — Онъ «цѣлый вечеръ говорилъ съ «мальчикомъ Лозгинымъ», «какъ съ лутнымъ, и далъ ему книгъ»; давалъ также книги и мальчишкѣ, сыну стряпчаго» и т. д. По его словамъ: «тутъ было ужъ принялись шевелиться». Да «мальчикъ», «стряпчаго сынъ», «все испортилъ»: попался съ книгой и, подъ розгой», сказалъ, «что книгу взялъ у Марка». — Райскій такъ былъ пораженъ, узнавъ, какія книги М. давалъ мальчикамъ, что «выпучилъ на него глаза». Вѣра говоритъ Марку: — «Вездѣ есть мальчики, которымъ хочется, чтобъ поскорѣй усы выросли...» — «Вѣдь взрослые не станутъ слушать. И вамъ не стыдно своей роли? Вы вѣрите въ нее, не шутя, призваніемъ?» — По словамъ Райскаго, въ минуту гнѣва, — М. «трактирный либераль!»

Сообразно со своими взглядами, М. «усвоилъ условія и формы общегитія, которыя считалъ свободными и разумными». Онъ думалъ, по словамъ Райскаго, что «быть грубымъ — значить быть простымъ и натуральнымъ». У него «волчьи» манеры, какъ назвала ихъ Вѣра. — «Вы, какъ клоуны въ циркѣ, все выворачиваете себя на изнанку», — замѣчаетъ ему Райскій. — «Вы по уши влюблены» — говоритъ М. Райскому. — «Какъ же это вы видите?» — спросилъ тотъ. — «Да такъ, по рожѣ». — «Она» («бабушка»), говоритъ онъ Райскому, — «старуха хоть куда... Теперь ужъ, думаю, мозги то размягчили?» и т. д. Вѣра, при первой встрѣчѣ, приняла М. за «семинариста», п. ч. тѣ такіе же «неотесанные». Такъ какъ человѣкъ «животное, то « въ чувствахъ (любви) М. видѣлъ только рядъ кратковременныхъ встрѣчъ и грубыхъ наслажденій, обнажая ихъ даже отъ всякихъ иллюзій, составляющихъ роскошь человѣка, въ которой отказано животному. — «Я пошелъ бы прямо къ дѣлу, да тѣмъ и кончилъ бы», заявляетъ онъ Райскому, говоря о любви къ Вѣрѣ. — «Любовь», «природное влеченіе», «посущая потребность». — «Нечего медлить, сдерживать чувство, допытываться, вмѣсто того, чтобы наслаждаться». Надо «прямо отъ опыта допроситься истины», — говоритъ онъ Вѣрѣ. — «Посмотрите кругомъ», — продолжалъ онъ, указывая на «кучку кружившихся другъ около друга голубей, потомъ на мелькнувшихъ одна въ догонку другой ласточекъ». — «Весь вѣкъ живете въ полѣ и въ лѣсу и не видите этихъ опытовъ... Въ любви нѣтъ никакихъ «долговъ», «правилъ» и «обязанностей». — «Любовь — влеченіе»; «явится повое влеченіе» — надо уступить ему: «не мы виноваты въ этомъ, а природа». Она «хорошо сдѣлала». Иначе значило бы «надѣвать пути на ноги». Надо «виснуть на шеѣ пока виснется, а потомъ разойтись». Единственное «правило» въ любви: — «правило свободнаго размѣна, указанное природой». «Свобода съ обѣихъ сторонъ». — «La propriété c'est le vol» — поэтому М. беретъ безъ позволенія яблоки. — «Они мои, а не чужія: вы

воруете ихъ у меня», говорить онъ хозяйкѣ—Вѣрѣ. Онъ же занимаетъ деньги безъ отдачи, «во имя того... что ему онѣ нужны, а у Райскаго есть». Взявъ пальто Райскаго, чтобы «примѣрить», онъ заявляетъ:—«рады вы, нѣтъ ли,—а я его теперь съ плечъ не сниму,—развѣ украдете у меня».—«Вы вѣдь не долго пронесите свое пальто, а мнѣ оно года на два станетъ».

М. «проповѣдуетъ» «свободу» Вѣрѣ, а «хочетъ быть господиномъ и топаетъ ногой, что Вѣра не покоряется ему рабски». «Онъ говоритъ: «Мнѣ надо не ученицу, а товарища», и «требуетъ вѣры въ свое ученіе».—«Я хочу сама знать и видѣть, куда иду», отвѣчаетъ ему Вѣра.—«То есть хочу разсуждать!» возражаетъ М.—«Чего же вы требуете? что-бы я не разсуждала?»...—«Вѣрите мнѣ и слушайте»,—былъ отвѣтъ.—Онъ проповѣдывалъ «честность». «Обмануть» Вѣру, «увлечь, обѣщать «безсрочную любовь», сидѣть съ ней годы, пожалуй,—жениться—онъ содрогнулся опять при мысли употребить грубый, площадной обманъ».—«Если бѣ хотѣлъ обмануть»,—говоритъ онъ Вѣрѣ,—«то обмануть бы давно, стало быть, не могу»... Онъ «честно» «предупреждаетъ» ее, что любовь его «на срокъ».—Но, когда М-ку грозила опасность быть высланнымъ куда-нибудь изъ города «за раздачу книгъ», и ему «хотѣлось остаться здѣсь... на неопредѣленное время» (изъ-за Вѣры),—то онъ «сказалъ» «въ полицію», что запрещенныя «книги» «взялъ» у Райскаго.—«Вы бы прежде спросили, позволю-ли я—и честно ли это?»—отвѣтилъ ему Райскій.—«Я—безъ позволенія. А честно ли это, или нѣтъ—объ этомъ послѣ. Что такое честность по-вашему? спросилъ М., нахмурившись».—«Это ни честно, ни нечестно, а полезно для меня».—«За то это «логично»:—вамъ ничего не сдѣлаютъ: вы въ милости у его превосходительства,—продолжалъ Маркъ:—а меня за это укутутъ».—«Надѣюсь—это логика!»—«Если, потомъ, какое-нибудь преступленіе сдѣлаете, скажите на меня: я возьму на себя». Когда Райскій отказывается принять вину на себя, М. отвѣтилъ:—«Ну, нечего дѣлать: скажу на Козлова (друга Райскаго). Онъ совѣмъ заплесневѣлъ: пусть посидитъ на гауптвахтѣ, а потомъ опять примется за грековъ»...—«Нѣтъ, ужъ не примется, когда лишатъ мѣста и куска хлѣба»,—сказалъ Райскій.—«Пожалуй что и такъ... не логично! Такъ ужъ лучше скажите вы на себя». Узнавъ, что Райскій принялъ на себя вину, М. «и не думалъ благодарить его за эту услугу, а только сказалъ, что такъ и слѣдовало сдѣлать, и что онъ ему, Райскому, уже тѣмъ однимъ много сдѣлалъ чести, что ожидалъ отъ него такого простого поступка, п. ч. поступить иначе, значило бы быть «доносчикомъ и шпиономъ». Позднѣе М. говорилъ Вѣрѣ, что «Райскій порисовался и великодушничалъ, взявъ на себя исторію о книгахъ». Когда М. понадобилось «теплое одѣяло» и т. д.,—онъ «приписываетъ», безъ вѣдома Вѣры, къ ея письму съ подписью «ваша Вѣра», «posteriptum», въ которомъ Вѣра, будто бы, проситъ для «одного несчастнаго изгнанника изъ родины» денегъ, 300 или 220 рублей, осеннее пальто и жилетъ и теплое одѣяло.—Онъ же убѣждаетъ Вѣру «не показывать истины» объ ихъ отношеніяхъ Райскому, а «водить» его:—«Дурачить» его «вовсе не совѣстно».—М. «проповѣдовалъ» «логичность»—и въ то же время, «подаваясь вліянію Вѣры, «поступалъ нелогично». Вѣра, «вооруженная своими наблюденіями, логикой и волей», «боролась» и «спорила» съ проповѣдями Марка.—Онъ «топалъ въ ярости ногами, строилъ батареи изъ своихъ доктринъ и авторитетовъ и встрѣчалъ недоступную стѣну»; «онъ свирѣпѣлъ, скалилъ зубы, какъ «волкъ», но проводникомъ ея отповѣдей служили бархатные глаза, какихъ онъ не видалъ никогда, и лба его касалась твердая, но нѣжная рука и онъ, рыча про себя, ложился смиренно у ногъ ея, чую побѣду и добычу впереди, хотя и далеко». Онъ «понемногу, кое въ чемъ, уступалъ, покорялся нѣкоторымъ ея требованіямъ: пересталъ дѣлать эксцентрическія выходки, не дразнилъ мѣстныхъ власти, сталъ опрятнѣе въ образѣ жизни, не щеголялъ цинизмомъ».—«Если вы раздѣлите мою любовь, я останусь здѣсь, буду жить тише воды, ниже травы... дѣлать, чтѣ вы хотите»... Наконецъ, утверждая, что «онъ не вѣритъ» (обряду вѣнчанія) и «терпѣть не можетъ» «поповъ», М., въ концѣ концовъ, «принеситъ жерт-

ву»: предлагаетъ Вѣрѣ «обвѣнчаться».—Послѣ разрыва съ Вѣрой, «совѣсть» вонзала свой «ножь все глубже и глубже» въ душу М.:—«Ты не пощадилъ Вѣру «честно», когда она падала въ безсиліи, не сладилъ потомъ логично о со страстью, а пошелъ искать удовлетворенія ей, «подаваяся «печестно», отвѣргаемою твоимъ «разумомъ», обрядю». Изъ логики честности ты сдѣлалъ двѣ ширмы, чтобы укрываться за нихъ со своей «новой силой».

Онъ «холодный, злой, безъ сердца»—думаетъ Райскій о М. Вѣра находитъ въ М. «какую-то сухость, даже злость ко всему, кромѣ себя». Она зоветъ его «волкомъ». Взглядъ у М. «или смѣлый, вызывающій или, по б. ч., холодный ко всему и пренебрежительный». Смѣхъ «злой», «холодный», «язвительный». М. смѣется «по своему, съ холодною злостью. «Горе его», когда онъ разставался съ Вѣрою, «было не трогательное, возбуждающее участіе, а злое, неуступчивое, вызывающее новые удары противнику за непокорность. Даже это было не горе, а свирѣпое отчаянье. Онъ готовъ былъ изломать Вѣру, какъ ломаютъ чужую драгоценность, съ проклятіемъ: «не доставайся никому». «Онъ шель... не оборачиваясь, злобно непокорнымъ звѣремъ, уходящимъ отъ добычи». «Онъ злился отъ гордости и страдалъ сознаніемъ своего безсилія». Послѣ бесѣды съ Тушинымъ, «онъ злился, что уходитъ неловко, неблаговидно.—«Волкомъ» звала Вѣра тебя въ глаза «шутя»,—говорила совѣсть Марку послѣ разрыва съ Вѣрой:—«теперь... къ хищническому волка въ памяти у ней останется ловкость лисы, злость на все лающей собачки». Только Козловъ, «боящійся» М., «не можетъ его не любить». «Въ сущности, предобрый»,—отзывается Леонтій про Марка.—«Иногда вдругъ принесетъ бутылку отличнаго вина или съ огорода притащить цѣлый возъ овощей». «Когда прихворнешь, ходитъ какъ нянька, за лѣкарствомъ бѣгаетъ въ аптеку».—Когда Козлова бросила жена и онъ заболѣлъ, М. «двѣ ночи не спалъ совѣмъ», «сидя около него, п. ч. иначе Козловъ «по ночамъ одинъ». «Онъ и лѣкаря привелъ» и «порошки» давалъ. Узнавъ, что Райскій хочетъ перевести Козлова къ себѣ, М. «схватилъ» Райскаго «за руку» и «сказалъ серьезно»:—«Вотъ теперь дайге руку,—это дѣло, а не слова... Онъ (Козловъ) останется безъ угла и безъ куска... Славная мысль пришла вамъ въ голову».—Тотъ же М. вызываетъ снова придти черезъ день сидѣть около больного, «смѣнить» Райскаго. Но такъ какъ больной «никого не слушаетъ,—[я ужъ хотѣлъ побить его», говоритъ М., «плюнувъ съ досады], то онъ «ругаетъ больного». Когда же Козловъ «ночью пробовалъ вставать», «этотъ разбойникъ Маркъ, точно желѣзной ручищей, повалилъ его и велитъ лежать. «Не воротится (Улинька), говоритъ М., лежи мирно!»—«Боюсь я этого Марка»—жалуется Козловъ. «Когда увидитъ Татьяну Марковну», «Маркушка зубы скалитъ»; но онъ «симпатизируетъ ей. «Она старуха хоть куда: лучше ихъ всѣхъ тутъ, бойкая, съ характеромъ, и былъ когда-то здравый смыслъ въ головѣ. Теперь ужъ, я думаю, мозги-то размягчались?».—Она, по его мнѣнію, «славная старуха»: «Тычкова выпнала».—«Экая здоровая старуха, эта ваша бабушка!»—замѣтилъ М. Райскому:—«Я когда-нибудь къ ней на пирогъ приду! Жаль, что старой дури набито въ ней много». Къ Райскому М. относился насмѣшливо:—«куда ему! (романъ написать). «Онъ неудачникъ», «неизлѣчимый романтикъ»—отзывается М. о Райскомъ. Однако, «съ тѣхъ поръ, какъ онъ вытолкалъ Тычкова», М. «считаетъ его «не совѣмъ пропащимъ человѣкомъ».—Вѣру М. «уважалъ, но уважалъ противъ воли, какъ въ сраженіи уважаютъ непріятеля, который отлично дерется». Онъ «любитъ» ее. Ради нея остается въ городѣ», «забываетъ «дѣло», «измѣняетъ образъ жизни», «почти не спитъ». Въ борьбѣ съ Вѣрой, онъ самъ «измѣнился въ лицѣ, похудѣлъ». Однако онъ все настаиваетъ на «любви на срокъ».—«Я думалъ, говоритъ М. Вѣрѣ,—что мы скоро сойдемся и потомъ разойдемся—это зависитъ отъ организмовъ, отъ темпераментовъ. отъ обстоятельство». Но «онъ привязанъ къ ней не слѣпо».—«Ваша красота, говоритъ онъ, да умъ, да свобода понятій и держатъ меня въ плѣну долѣе, нежели со всякой другой». Подъ «безконечную любовью» «онъ разумѣетъ безконечную горячку».—Принявъ крикъ Вѣры —«прощай»—за «при-

зырь» М. «одержалъ побѣду» падъ нею; тогда, по его мнѣнію, для нихъ «настало счастье». Онъ полагаетъ, что Вѣра заболѣла потомъ «отъ страсти».—«Можетъ быть вдвоемъ, дѣйствуя за одно, мы отдѣлаемся отъ страсти дешево и уйдемъ по добру и поздорову»,—пишетъ онъ ей,—«а въ одиночку тяжело и скверно».—«Страсть сломаетъ Вѣру», говоритъ М. Тушину.—«Дико бѣжать отъ счастья».—М. «не оцѣнилъ въ время Вѣру» и потерялъ «то, чего никогда уже болѣе не встрѣтитъ на пути». Райскій опредѣляетъ характеръ Марка: «Отъ природы М. былъ пылкимъ, живымъ мальчикомъ. Дома мать, няньки избаловали его... Все это баловство повело къ деспотизму: а когда дядьки и няньки кончились, чужие люди стали ограничивать дикую волю—ему не понравилось: онъ сдѣлалъ эксцентрической подвигъ, его прогнали изъ одного мѣста. Тогда ужъ онъ сталъ мстить обществу: благородіе, тишина, чужое благостояніе показались грѣхомъ и порокомъ, порядокъ противенъ, люди нелѣпы... И давай тревожить покой мирныхъ людей». «Будущность М., по его собственному мнѣнію, неопредѣленная, неизвѣстная, безъ угла, или безъ гнѣзда, безъ очага, безъ имущества».—Уѣхавъ послѣ разрыва съ Вѣрой, М. отправился «на время въ Новгородскую губернію къ старой теткѣ, а потомъ памфлетъ просится опять въ юнкера, съ переводомъ на Кавказъ».

К р и т и к а : 1) М е р е ж к о в с к і й находитъ общую черту у «литигисга» Волохова, «чиновника» Адуева и «аккуратнаго, добродѣтельнаго нѣмца Штольца»: разсудокъ у нихъ преобладаетъ надъ чувствомъ, расчетъ надъ голосомъ сердца, практичесость надъ воображеніемъ, способность къ дѣйствію надъ способностью къ созерцанію. «...М. Волоховъ несмотря на ожесточенный протестъ, скорѣе циникъ, чѣмъ аскетъ, и онъ не прочь отъ удовольствій комфорта—курить съ наслажденіемъ дорогія сигары Райскаго. Волоховъ прямо объявляетъ Вѣрѣ, что матеріальную сторону любви ставитъ выше нравственной; въ конечномъ идеалѣ общечеловѣческаго счастья, за который борется онъ съ такой убѣжденностью, на первомъ планѣ стоятъ матеріальныя блага, тотъ же комфортъ, тѣ же вкусныя сигары барина Райскаго, только доступныя большому числу людей». [Мережковский, Сочин., т. XIII]. 2) «Въ сферахъ, близкихъ къ «дѣтямъ», на «Обрывѣ» взглянули какъ на памфлетъ противъ молодого поколѣнія; въ сферахъ, близкихъ къ «отцамъ», усмотрѣли, напротивъ того, въ Маркѣ Волоховѣ рѣзкое, но вполне вѣрное изображеніе новаго теченія. Есть и среднее мнѣніе, которое утверждаетъ, что Гончаровъ, съ его глубокимъ умомъ, не могъ все поколѣніе шестидесятыхъ годовъ олицетворить въ образѣ циничнаго буяна, не гнушавшагося для личныхъ своихъ пуждъ выманивать деньги подложнымъ письмомъ. Рѣчь, по этому пониманію «Обрыва», идетъ только о нѣкоторыхъ несимпатичныхъ автору элементахъ движенія шестидесятыхъ годовъ». [Вепгеровъ]. 3) «Меня крайне удивляло, говоритъ самъ Гончаровъ [«Лучше поздно, чѣмъ никогда»], какъ могло молодое поколѣніе принять Волохова на свой счетъ, Волоховъ—будто бы новое поколѣніе! То поколѣніе, которое бросилось навстрѣчу реформъ—и туда уложило все силы! Даровитые дѣятели въ крестьянской реформѣ, въ земскихъ дѣлахъ, въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ успѣли пріобрѣсти громкія имена: неужели это Волоховы! Поколѣніе, которое переполняетъ школы, жадно учится, познаетъ, изобрѣтаетъ, творитъ во всехъ отрасляхъ русскаго хозяйства, промышленности, науки, вездѣ пробивая новые пути, вызывая новыя силы! Поколѣніе молодыхъ умовъ и дарованій въ освобожденной прессѣ, сослужившее огромную службу Россіи, угадывая, объясняя и проводя въ массу идеи и цѣли великаго преобразователя! И все это Волоховы! Кому могла придти такая мысль!» 4) Ляцкій отмѣчаетъ «субъективность Гончарова при созданіи образа М. В—а. По мнѣнію названнаго изслѣдователя, «какъ бы то ни было, Маркъ вноситъ съ собою «н о в о е ученіе», но «Гончаровъ дальше «дерзкаго» отрицанія авторитетовъ и проповѣди повой свободы, не выходящей изъ предѣловъ призыва къ свободной любви, не идетъ въ своемъ объясненіи. Онъ связываетъ новое ученіе съ именами Фейербаха, Прудона, по этимъ упоминаніемъ обыкновенно дѣло и кончается; въ чемъ состояла новая правда—такъ и остается невыясненнымъ. Читатель догадывается,

что дѣло здѣсь не въ доброй волѣ Гончарова, а прежде всего, въ томъ, что общественно-политическая сторона учений этихъ писателей оставалась чужда ему, и даже болѣе того—можно съ увѣренностью сказать, что самъ онъ едва-ли близко вникалъ въ сущность ихъ содержанія. Отсюда понятно, что то, что изъ новой правды молодые умы стремились примѣнить къ общественно-политической сторонѣ русской жизни, шло въ разрѣзъ съ коренными убѣжденіями Гончарова. Оно было ему органически непонятно и потому, останавливаясь на вѣщныхъ, до карикатуры утрированныхъ, признакахъ носителей этой новой правды, онъ лишилъ М. В.—а наиболѣе положительной черты людей его типа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исторической основы». «Въ созданіи Марка субъективности Гончарова сама собой пробылась наружу, и его личность выразилась при этомъ тѣмъ отчетливѣе, чѣмъ меньше удалось ему придать индивидуальнымъ чертамъ Марка типическое значеніе» [«Гончаровъ», стр. 212—215].

Марья Егоровна Винентьева («Обрытъ»).—Мать Николая Андрейча; «почти молодая женщина, лѣтъ сорока съ небольшоимъ»; была такая же живая и веселая, какъ онъ, но съ болѣшимъ запасомъ практическаго смысла. Между ею и сыномъ была вѣчная комическая война на словахъ». «Они спорили на каждомъ шагу, за всякіе пустяки,—и только за пустяки. А когда доходило до серьезнаго дѣла, то «М. Е.» другимъ голосомъ и другими глазами, нежели какъ обыкновенно, предъявляла свой авторитетъ» и ставила на своемъ. Между М. Е. и сыномъ происходила «видимый разладъ и существенная невидимая гармонія». Они спорили между собою «съ утра до вечера», съ промежутками громкаго смѣха. А когда они были ужъ очень дружны, то молчали, какъ убитые, пока тотъ или другой не прерветъ молчаніе какимъ-нибудь замѣчаніемъ, вызывающимъ непременно противорѣчіе съ другой стороны». Сына М. Е. звала «Николкой» и «волченкомъ», и если уступала ему въ чемъ-либо, такъ «съ бою, и притомъ самаго упornaго и горячаго»; она раньше сына разобралась насчетъ его чувствъ къ Марѣнькѣ» и «молча», про себя, давно все обдумала, взвѣсила, разсчитала—и рѣшила, что эта свадьба—дѣло подходящее». Однако, когда сынъ заявилъ, что хочетъ жениться, М. Е. приняла это извѣстіе пашмѣшливо и велѣла созвать людей:—«Зови всѣхъ людей: Николай Андричъ помѣшался!». Разсердилась и «начала въ волненіи ходить взадъ и впередъ по комнатѣ»; сдалась только послѣ одного изъ самыхъ бурныхъ разговоровъ.—«Еще что Татьяна Марковна скажетъ!» говорила М. Е. «раздражительно, какъ будто съ досадой уступая». Послѣ объясненія съ сыномъ, она всю ночь «со страху не спала»: «сердце ея чужало бѣду». Ее страшна какъ взглянетъ Татьяна Марк. на послѣднее объясненіе сына съ Марѣнькой»; во время торжественнаго «сватовства» не выдержала тона и положила копецъ «церемои и сватовству».—«Гдѣ имъ было занимать мудрости, вѣдь не жили совѣмъ, оправдываетъ она Марѣньку и сына предъ Татьяной Марковной; предложила ей, послѣ свадьбы «отпустить дѣтей въ Москву, въ Петербургъ и даже за границу», но не возражала, когда бабушка возстала противъ этого «новаго распутства», рѣшительно заявивъ, что не отпуститъ Марѣньку, пока жива».

Марья Ивановна («Обыкн. Ист.»).—«Сосѣдка» Любецкой.

Марья Карповна («Обыкн. Ист.»).—Сосѣдка Аппы Павловны.

Марья Михайловна («Обломовъ»).—Тетка Ольги. «Женщина очень умная, приличная, одѣтая всегда прекрасно, всегда въ новомъ шелковомъ платѣ, которое сидитъ на ней отлично, всегда въ такихъ изящныхъ кружевныхъ воротничкахъ; цепецъ тоже со вкусомъ сдѣлать и ленты прибраны кокетливо къ ея почти пятидесятилѣтнему, но еще свѣжему лицу. На цѣпочкѣ виситъ золотой лорнетъ».—«Позы, жесты ея исполнены достоинства; она очень ловко драпируется въ богатую шаль, такъ кстатн обопрется локтемъ на шитую подушку, такъ величественно раскинется на диванѣ. Ее никогда не увидишь за работой: нагибаться, шить, заниматься мелочью нейдетъ къ ея лицу, важной фигурѣ. Она и приказанія слугамъ и служанкамъ отдавала небрежнымъ тономъ, коротко и сухо». «Она иногда читала, никогда не писала, но говорила хорошо, впрочемъ,

«больше по-французски». «Въ разговорѣ она не мечтаетъ и не умничаютъ; у ней, кажется, проведена въ головѣ строгая черта, за которую умъ не переходилъ никогда. По всему видно было, что чувство, всякая симпатія, не исключая и любви, входятъ, или входили въ ея жизнь наравнѣ съ прочими элементами, тогда какъ у другихъ женщинъ сразу увидишь, что любовь, если не на дѣлѣ, то на словахъ, участвуетъ во всѣхъ вопросахъ жизни, и что все остальное входитъ стороною. настолько, насколько остается простора отъ любви». «У этой женщины впереди всего шло умѣнье жить, управлять собою, держать въ равновѣсїи мысль съ намѣреніемъ, намѣреніе съ исполненіемъ. Нельзя было заставить ее непритовленную, врасплохъ, какъ бдительнаго врага, котораго когда ни подкараульте, всегда встрѣтите устремленный на васъ, ожидающій взглядъ». «Стихія ея были свѣтъ, и оттого такъ, осторожность шла у ней впереди каждой мысли, каждаго слова и движенія». «Съ перваго взгляда», видя вмѣстѣ М. М. и Ольгу, «можно было рѣшить, что онѣ тетка и племянница, а не мать и дочь». Ихъ отношенія были «очень просты и покойны: въ нѣжности онѣ не переходили никогда границъ умѣренности, никогда не ложилось между ними и тѣни неудовольствія». «Это происходило «частью отъ характера М. М.», «частью отъ совершеннаго недостатка всякаго повода для обѣихъ—вести себя иначе. Теткѣ не приходило въ голову требовать отъ Ольги что-нибудь такое, чтобъ рѣзко противорѣчило ея желаніямъ; Ольгѣ не приснилось бы во снѣ не исполнить желанія тетки, не послѣдовать ея совѣту»: въ выборѣ платья, въ прическѣ, въ томъ, папримѣръ, поѣхалъ ли во французскій театр, или въ оперу». При этомъ М. М. «выражала желаніе, или высказывала совѣтъ, отнюдь не болѣе—а она всегда высказывала его съ умѣренностью до сухости, насколько допускали права тетки, никогда болѣе». «Отношенія эти были такъ безцвѣтны, что нельзя было никакъ рѣшить, есть ли въ характерѣ тетки какія-нибудь притязанія на послушаніе Ольги, на ея особенную нѣжность». «Она ни передъ кѣмъ никогда не открываетъ сокровенныхъ движеній сердца, никому не повѣряетъ душевныхъ тайнъ; не увидишь около нея доброй прїятельницы, старушки, съ которой бы она шепталась за чашкой кофе». «Въ ея отношеніяхъ къ барону не проглядывало ни тѣни какой-нибудь затанчившейся особенной симпатїи» и, когда они оставались наединѣ, то больше молчали, но молчали какъ-то значительно и умно, какъ будто что-то знали «такое, чего другіе не знаютъ, но и только». М. М. «повидимому любитъ быть съ нимъ вмѣстѣ—вотъ единственное заключеніе, какое можно вывести, глядя на нихъ»; обходилась М. М. съ барономъ, «такъ же какъ и съ другими: благосклонно, съ добротой», но такъ же ровно и покойно». Въ ея домѣ «все было немного чопорно» и «постоянно шелъ живой современный разговоръ». «На разговоры по угламъ, на прогулки Обломова съ Ольгой» М. М. «никакъ не смотрѣла». «Гулять съ молодымъ человѣкомъ, съ франтомъ—это другое дѣло: она бы и тогда не сказала ничего, но, съ свойственнымъ ей тактомъ, какъ-нибудь незамѣтно установила бы другой поядокъ: сама бы пошла съ ними разъ, или два, послала бы кого-нибудь третьяго, и прогулки сами собою бы кончились. Но гулять «съ месьѣ Обломовымъ», сидѣть съ нимъ въ углу большой залы, на балконѣ... что жъ изъ этого? Ему за тридцать лѣтъ: не станеть же онъ говорить ей пустяковъ, давать какихъ-нибудь книгъ». Притомъ Штольцъ «просилъ М. М. не выпускать Обломова изъ вида, приглашать почаще къ себѣ, втягивать въ прогулки, поѣздки, всячески шевелить его, если-бъ онъ не поѣхалъ за границу».

Марья Онисимовна («Обломовъ»).—Знакомая стариковъ Обломовыхъ.

Марѳа («Обломовъ»).—Уч. л. Прислуга Ивана Герасимовича.

Марѳа («Обыкновенно и старая»). Жена дворника Любецкой.

Марейнъка («Обрывъ»).—«Двоюродная вичка» Бережковой». «Свѣжая, бѣлокурая, здоровая, склонная къ полнотѣ дѣвушка, «лѣтъ двадцати двухъ».—«Лобъ у нея «нѣжной бѣлизны»; большіе темно-сѣрые», «веселые» глаза: «кругленькія здоровыя щеки», «здороваго цвѣта», «бѣлыя тѣсныя зубы»; свѣтлорусая, вдвое сложенная на головѣ, коса; «вполнѣ развитая грудь, релье-

ефно отливавшаяся въ тонкой бѣлой блузѣ»; «кругленькая, точно выточенная и крѣпкая небольшая нога».—«Голосъ у нея «пріятный, грудной, звонкій», «дѣтскій». М. «блеститъ красками здоровья». «Въ лѣтнемъ нарядѣ изъ прозрачной ткани», она «кажется какой-то радугой изъ весеннихъ цвѣтовъ, лучей, тепла и красокъ весны». Отъ нея вѣетъ «дыхаіемъ херувимской свѣжести».—«Она миленькая», думаетъ о М. Райскій:—«какая простота и прелесть!».

Училась М. «пять лѣтъ» «въ пансіонѣ» «у французенки, М-ме Мейеръ». Она «умѣетъ изъ воску лѣпить цвѣты, и тѣ же цвѣты «рисуетъ съ природы»; «играетъ на фортепіано». «Поетъ немножко» «русскіе романсы»; «начала»—говоритъ она, «итальянскую музыку, да учитель уѣхалъ. Я пою: Una voce poco fa, только трудно очень для меня». Она любитъ пѣть: «Ненаглядный ты мой, какъ люблю я тебя» и поетъ звонко, чисто»... «Безпечно прервала пѣніе и тѣмъ же тономъ, какимъ пѣла, приказываетъ изъ окна Матренѣ собрать съ грядъ салатъ». Когда М. «соскучится», она «читаетъ» «что попадется. «Титъ Никонычъ журналы носить», она «повѣсти читаетъ». «Иногда у Вѣрочки возьметъ французскую книгу, какую-нибудь Елену; недавно читала миссъ Еджервортъ ¹⁾, еще «Джонъ Эйръ» ²⁾.—«Это очень хорошо»... «Я двѣ ночи не спала: все читала, не могла оторваться»,—говоритъ М. «Романы читаетъ» «только такіе, гдѣ кончается свадьбой»:—«Я всегда прежде посмотрю, и если печальный конецъ въ книгѣ—я не стану читать».—Она читала «Жуковского», «Пушкина недавно «Мазепу» ³⁾ прочла»—но не понравилось:—«жалко Марію». «Горе отъ ума» тоже не понравилось».—«Софья Павловна гадкая, а Чацкаго жаль: пострадалъ за то что умнѣе всѣхъ»; при чтеніи «Кунигунды» у М. «навертывались слезы. «Гадкая книга!»—говорила она:—«что они вытерпѣли бѣдные». «Гуливеровы путешествія»,—которыя М. нашла въ бібліотекѣ (Райскаго), она оставила у себя:—«Я ихъ разъ семь прочла. Забуду немного и опять прочту. Еще «Кота-Мура», «Братья Серапіона», «Песочный человѣкъ» ⁴⁾, это больше всего люблю».—«Да вонъ у меня,—говоритъ она Райскому, изъ вашихъ книгъ остались нѣкоторыя, да я ихъ не могу одолѣть»... «Шатобриана» ⁵⁾ «Les Martyrs»... Это ужъ очень высоко для меня». Мишле «Téces de l'histoire moderne» ⁶⁾, «римскую исторію, кажется, Жибона» (Гиббона) ⁷⁾—«я не дочитала... слишкомъ величественно! Это надо только учителямъ читать, чтобъ учить»... М. «смотрѣла на все бодро, зорко», «никогда не задумывалась». «Когда не было никого въ комнатѣ, ей становилось скучно и она шла туда, гдѣ кто-нибудь есть. Если разговоръ на минуту смолкнетъ, ей ужъ неловко станеть, она зѣвнетъ и уйдетъ, или сама заговорить». Но если сядетъ за шитье, то углубится серьезно и молча, долго можетъ просидѣть, сядетъ за фортепіано, непременно проиграетъ все до конца, что предположить; книгу прочтетъ всю и долго рассказываетъ о томъ, что читала, если ей понравится». Она «любитъ хозяйство, и рукодѣліе, и «домашнія заботы». «Бабушка часто велитъ ей записывать расходъ и приходъ». «Она знаетъ, сколько засѣвается ржи, овса, когда что поспѣваетъ, куда и когда сплавляютъ хлѣбъ, знаетъ, сколько лѣсу надо мужику, чтобы избу построить».—«Я бы могла и за полевыми работами смотрѣть»,—говоритъ она,—да бабушка не пускаетъ».—«По дому она мнѣ помощница»,—пишетъ бабушка,—«а до имѣнья я ее не допускаю: не дѣвичье дѣло!» М., по мнѣнію Татьяны Марковны, «будетъ примѣрная хозяйка».—«Я хозяйка здѣсь»,—говоритъ сама М. Райскому:—у меня ключи отъ серебра, отъ кладовой»; она «разливаетъ чай и вообще присматриваетъ за хозяйствомъ»; «ходить за цвѣтами, за птичками». М. «охотница до парадовъ, украшеній, мелкиихъ бездѣлокъ на столѣ, на этажеркахъ». «Въ ея комнатѣ было все уютно, миіатиорно и весело. Цвѣты на окнахъ, птицы, маленькій кіотъ надъ постелью, множество разныхъ коробочекъ, ларчиковъ, гдѣ напратано было всякаго добра, лоскутковъ, нитокъ, шелковъ, вышиванья: она славно шила шелкомъ и шерстью по канвѣ». «Въ ящикахъ лежали ладонки.

¹⁻⁷⁾ См. Дополненія.

двойню сросшіея орѣшки, восковыя огарочки, въ папкахъ насушено было множество цвѣтовъ, на окнахъ лежали найденныя на Волгѣ въ песокъ цвѣтныя камешки, раковинки». «Стѣну занималъ большой шкапъ, съ платьями—и все въ порядкѣ, все чисто, прибрано, уложено, завѣшено. Постель была маленькая, но заваленная подушками, съ узорчатымъ шелковымъ на ватѣ одѣяломъ, обшитымъ кисейной бахромой». По стѣнамъ висѣли англійскія и французскія гравюры, взятыя изъ стараго дома и изображающія семейныя сцены: то старика, уснувшаго у камина, и старушку, читающую библію, то мать и кучу дѣтей около стола, то снимки съ Теньеровскихъ картинъ, наконецъ голову собаки и множество вырѣзанныхъ изъ книжекъ картинъ, съ животными, даже нѣсколько картинокъ модъ. У стѣнки особый «шкапикъ» «для лакомствъ», которыя она очень «любитъ».—«Ты не хотѣла бы, Мареницка, не правда ли, выпорхнуть изъ этого гнѣздышка? спрашиваетъ Райскій.—«Нѣтъ, ни за что!» качая головой, рѣшительно сказала она.—«Бросить цвѣтникъ, мои комнатики. Вѣдь у меня тутъ все: садъ и грядки, цвѣты... А птицы? кто-же будетъ ходить за ними? какъ можно, ни за что!» «М. любитъ, когда ей дарятъ что-нибудь». Получая отъ Райскаго привезенный имъ подарокъ, М. такъ покраснѣла отъ удовольствія, что щеки у ней во все время, пока разсматривали подарки и говорили о нихъ, оставались красны. Она, какъ часто случается съ дѣтьми, отъ сильной радости забыла поблагодарить Райскаго». Когда бабушка напомнила ей, М. сконфузилась и присѣла». Райскій засмѣялся.—«Какая я дура... присѣдаю сказала она.—«Принимаете вы съ Вѣрочкой отъ меня въ подарокъ все это, да?»—спросилъ Райскій, желая подарить имъ домъ и все свое имѣнье.—«Да... братецъ... весело сказала она, не задумываясь; когда Ватутинъ обѣщалъ принести «косыночку», «модную, изъ козьяго пуха», «поцѣловавъ» его, М. шепчетъ ему:—«Нельзя ли прислать косыночку завтра... Она понадобится». «Бабушка» называетъ ее за это «попрошайкой».—«Когда Райскій желалъ взять, что она выберетъ для себя изъ «всего имѣнія», которое онъ дарилъ ей съ Вѣрочкой, М. сказала: «Я садикъ возьму!»—«А кружевъ, бѣлья, серебра?»—«Не надо. Кружева у меня есть свои и серебро тоже. Да я люблю деревянной ложкой ѣсть». «Чашки возьму и чайники (саксонскіе), еще вонъ этотъ диванчикъ возьму и маленькія кресельца, да эту скатерть, гдѣ вышита Діана съ собаками. Еще бы мнѣ хотѣлось взять мою комнатику». Въ старомъ домѣ, гдѣ живетъ Вѣра, М. не любить оставаться:—«пойдемте, братецъ, отсюда, здѣсь пустотой пахнетъ. Какъ ей (Вѣрѣ) не страшно одной; я бы умерла... Безстрашная такая, пожалуй на кладбище одна почью поидеть»...—«А ты не ходишь?»—спросилъ Райскій.—«Я днемъ хожу туда, и то съ Агабей или мальчишку изъ деревни возьму».—«Въ лѣсъ» ходитъ она также «боятся»; «не ходитъ съ обрыва, тамъ страшно, глухо». «Грозы» боится:—«Я всегда прячусь въ постель, задерну запавѣски и, если молнія очень блестятъ, то положу большую подушку на голову, а уши заткну, и ничего не вижу, не слышу»... «Натура» у ней «здоровая». «Она любитъ воздухъ; ей нужды нѣтъ загорѣть. Она любитъ, какъ ящерица, зпой». Никогда не ложится спать безъ ужина. «Люта спать», по выраженію Марини.—«Какъ лягу», говорила сама она:—«такъ сейчасъ засну, даже иногда не успѣю чулокъ снять, такъ и повалюсь». У ней «ни страстей, ни широкихъ движеній, какой-нибудь дальней, трудной цѣли». При одной мысли о «страсти Мареницки» Райскій засмѣялся.

М. «наивна»; «желанія у М. вращаются въ кругу ея быта: она любитъ, чтобы Святая педѣля была сухая, любитъ святки, сильный морозъ, чтобы сани скрипѣли и за носъ щипало. Любитъ катанье и танцы, толпу, праздники, пріѣздъ гостей и выѣзды съ визитами—до страсти. Но, несмотря на страсть къ танцамъ, ждетъ съ нетерпѣніемъ лѣта, поры плодовъ, любитъ, чтобы много вишенъ уродилось и арбузы выпли большіе, и яблоковъ народилось бы столько, какъ ни у кого въ садахъ».—«Вѣра... не здѣшняя; говорить М. «А я—ахъ, какъ мнѣ здѣсь хорошо: въ полѣ, съ цвѣтами, съ птицами, какъ дышется легко!

какъ весело, когда съѣдутся знакомые!.. Нѣтъ, нѣтъ, и здѣшняя, я вся вотъ изъ этого песочку, изъ этой травки! не хочу нигуда. Чтобы я одна дѣлала тамъ, въ Петербургѣ, за границей—я бы умерла съ тоски»... Она была удивлена вопросомъ Райскаго:—«не скучно тебѣ здѣсь?»—«Нѣтъ!» сказала она;—«чего же мнѣ еще нужно?» — «Пошло, скучно!» — повторяла она задумчиво: — «нѣтъ! развѣ здѣсь скучно?» . «Бабушка» щедро надѣляетъ ее замѣчаниями и предостереженіями на каждомъ шагу»:—«Молода еще шутить надъ бабушкой», — крикнула бабушка сердито М.—«я тебя и за ухо, да въ лапти; нужды нѣтъ, что большая». Когда бабушка «её ни разу не побранила», это для М. «значило,—что не любить».—«Безъ бабушки—ни шагу», заявляетъ М.—«Если бабушка умретъ, «тогда и мы съ Вѣрочкой умремъ, п. ч. безъ бабушки»...—она тяжело вздохнула»:—«я сама бы ничего не выдумала; чтобы я стала дѣлать безъ бабушки?».—«Что бабушка скажетъ, такъ тому и быть?» спросилъ Райскій—«Да, она лучше меня знаетъ».—М. «боится» бабушки и пугаетъ Райскаго... бабушкой.—«Вы очень боитесь? Сердце бьется?» допытывается она у Райскаго — Бабушка «умная, добрая, она все знаетъ», говоритъ М.: — «Она лучше всѣхъ здѣсь и въ цѣломъ свѣтѣ». — «Со временемъ изъ тебя можетъ выйти такая же бабушка» — замѣчаетъ М. Райскій:—«Развѣ ты хотѣла бы быть такою?»—«Ахъ, дай Богъ: да гдѣ мнѣ?» М. «смирная», по словамъ Бережковой. Она «скромная», — «Ну, что за хорошенькая»,—«небрежно» говоритъ она о себѣ: «толстая, бѣлая! Вотъ Вѣрочка такъ хорошенькая, прелесть» — «Я многого не понимаю»... «Вѣрочка знаетъ» все.—«Ты, Вѣрочка, будешь еще счастливѣе меня. Посмотри, какая ты красавица, какая умная—мы съ тобой какъ будто не сестры!» Райскій, по ея мнѣнію, «умный-преумный».—«Это не глупо... любить птицъ?» робко спрашивала М. Райскаго:—«Вы не смѣтаете, вы это правду говорите?». «Ахъ, Боже мой! Онъ сочтетъ меня дурочкой... Что бы сказать мнѣ ему такое... самое умное?»—думала М. Она «дѣтски застѣнчива». При первой встрѣчѣ съ Райскимъ, вошла «медленно, со стыдливой пеловкостью, съ опущенными глазами, краснѣя».—Послѣ «предложенія» Викентьева, ее долго не могли найти. «Наконецъ, сама бабушка съ Марей Егоровной отыскали ее за завѣтками постели въ углу, подъ образами, и вывели ее оттуда, раскрасившуюся, не одѣтую, старающуюся закрыть лицо руками». «Обѣ принялись цѣловать ее и успокаивать. Но она поотрѣвъ отказалась идти къ обѣду и къ завтраку, пока всё не перебивали у ней въ комнатѣ и не поздравили по очереди». Точно такъ же она убѣгала и отъ каждаго гостя, который пріѣзжалъ поздравлять, когда вѣсть пронеслась по городу. М.,—по ея словамъ «боится» и Райскаго:—«Вы не простой. Иногда у васъ что-то такое въ глазахъ... Нѣтъ, я не привыкну къ вамъ»,—заявила она, почувствовала къ нему нѣжную симпатію. М. «всѣхъ любить»...—«Я вѣдь васъ всѣхъ люблю... какъ люблю, Господи!.. Да какъ же и когда вы узнаете это; я не умѣю даже сказать» —говоритъ М. Вѣрѣ.—«Богъ тебя любить, дитя мое»,—говорила ей бабушка:—«за то, что ты сама всѣхъ любишь, и всѣмъ, кто поглядитъ на тебя, становится тепло и хорошо на свѣтѣ». «Господи!»,—воскликнула М. увидѣвъ подарки, сдѣланные ей передъ свадьбой» и «всклипывая отъ счастья»:—«за что они меня такъ любятъ всё? я никому ничего хорошаго не сдѣлала и не сдѣлаю никогда!».—Даже и въ каждомъ лицѣ изъ двора свѣтилось непритворное дружество, ласка къ ней и лучъ радости, по случаю ея праздника». Прощаясь съ бабами передъ свадьбой, «М. обошла каждую избу, ласкала ребятишекъ, двумъ изъ нихъ вымыла рожицы, нѣкоторымъ матерямъ дала ситцу на рубашонки дѣтямъ, да двумъ дѣвочкамъ постарше на платья, и двѣ пары башмаковъ», сказавъ, чтобы не смѣли ходить босоногія по лужамъ».—«Красавица ты, наша, Божій ангелъ, награди тебя Господь, провожали ее бабы съ каждаго двора, когда она прощалась съ ними недѣли на двѣ». «Еще въ дѣтствѣ, бывало, узнаетъ она, что у мужика пала корова или лошадь, она влѣзаетъ на колѣни къ бабушкѣ и выпроситъ лошадь или корову. Изба ветхал, или строеніе на дворѣ,

она попросить лѣску». «Умерь у бабы сынъ, мать отстала отъ работы, сидѣла въ углу, какъ убитая, М. каждый день ходила къ ней и сидѣла часа по два, глядя на нее, и приходила домой съ распухшими отъ слезъ глазами». «Коли мужикъ заболѣвалъ трудно, она приласкается къ Ивану Богдановичу, лѣкарю, и сама вскочитъ къ нему на дрожки и повезетъ въ деревню». «То и дѣло проситъ у бабушки чего-нибудь: холста, коленкору, сахару, чаю, мыла. Дѣвкамъ даетъ старья платя, велитъ держать себя чисто. Къ слѣпому старику носить чего-нибудь лакомага поѣсть, или дать немного денегъ. Знаетъ всѣхъ бабъ, даже ребятишекъ по именамъ, послѣднимъ покупаетъ башмаки, шьетъ рубашонки и креститъ почти всѣхъ новорожденныхъ». «Если случится свадьба, М. не знаетъ предѣла щедрости: съ трудомъ ее ограничиваетъ бабушка. Она даетъ бѣлье, обувь, придумаетъ какой-нибудь затѣйливый сарафанъ, истратитъ всѣ свои карманныя деньги и долго послѣ того экономничаетъ». «Только пьяницъ, какъ бабушка же, не любила, и однажды даже замahнула зонтикомъ на мужика, когда онъ, пьяный, хотѣлъ ударить при ней жену». Она сама постоянно «кормитъ птицъ». «Голуби и воробьи... «галки», «куры, индѣйки, утки», «гуси» привыкли по утрамъ «получать отъ М. кормъ».—«Всѣ собаки въ деревнѣ знаютъ и любятъ ее». «У ней есть любимыя коровы и овцы». «Коза» «Маша»—«заходить въ огородъ»:—«Она меня ищетъ,—говоритъ М.:—«Я ей хлѣбца дамъ.—У нея есть «свой садикъ»—«цвѣтникъ», на огородѣ «свои грядки»: «сама работаетъ», «сама поливаетъ» цвѣты и ухаживаетъ за ними.

М. «сама невинность». Въ первую прогулку съ Райскимъ она, переступая чрезъ канавку, приподняла край платья и юбки такъ, что стала видна «нога въ бѣломъ чулкѣ»—«Ты любишь шеголять, М.: лакированный башмакъ!»—замѣтилъ Райскій. «Онъ думалъ, что она смутится, пойманная врасплохъ, приготовился наслаждаться ея смущеніемъ, смотрѣлъ какъ она быстро и стыдливо броситъ изъ рукъ платье и юбку».—«Это мы съ бабушкой на ярмаркѣ купили»—сказала она, приподнявъ еще немного юбку, чтобы онъ лучше могъ разглядѣть башмаки. — «А у Вѣрочки лиловые... прибавила М. — «Милое дитя», думалъ Райскій, — «тебѣ не падо притворяться стыдливой». Во время «припадка» Райскаго, М. «безпечно принимала и возвращала ласки, почти не замѣчала ихъ, и ничего не чувствовала». — «Какіе вы странные: на себя не похожи! не болитъ ли голова?» спросила она его.—«Не подходи близко, не ласкай меня! Милая сестра!»—сказалъ онъ «очувшись»— «Какъ же не ласкать, когда вы сами такъ ласковы!»—У нея «святое, стыдливое невѣдѣніе».—«Отчего онъ не велѣлъ подходить близко, вѣдь онъ не чужой? А самъ такъ ласковъ»; «пролежавъ безъ сна съ часъ въ постели, она встала, вытерла лицо огуречнымъ разсоломъ, что дѣлала обыкновенно отъ загара, потомъ перекрестилась и заснула. Когда Райскій спросилъ ее, думаетъ ли она выйти замужъ,—«она покраснѣла.—Скажи мнѣ правду на-ухо, говоришь онъ—«Да... иногда думаю».—«Когда же иногда?»—«Когда дѣтей вижу». М. «больше всего любитъ дѣтей». «Мнѣ завидно глядѣть на Надежду Никитишну,—говоритъ она:—«у ней семь человѣкъ... Куда ни обернешь, вездѣ дѣти. Какъ это весело! Мнѣ бы хотѣлось побольше маленькихъ братьевъ и сестеръ, или хоть чужихъ дѣточекъ. Я бы и птицъ бросила, и цвѣты, музыку,—все бы за ними ходила. Одинъ шалитъ, его въ уголь надо поставить, тотъ проситъ кашки, этотъ кричитъ, третій дерется: тому оспочку надо привить, тому ушики пронимать, а этого надо учить ходить... Что можетъ быть веселѣе! Дѣти—такія милыя, граціозныя отъ природы, смѣшныя, добрыя, хорошенькія!».—«Есть большія (дѣти), а безобразныхъ нѣтъ! Ребенокъ не можетъ быть безобразнѣе. Онъ еще не испорчен ничѣмъ». «Все это говорила она съ жаромъ, почти страстно»... «Она все съ дѣтьми»,—замѣчаетъ бабушка:—«Когда они тутъ—се не отгонишь; поднимутъ шумъ, гамъ, хоть вонъ бѣги». Когда М. «идетъ по деревнѣ, дѣти отъ нея безъ ума: они, завидя ее, бѣгутъ къ ней толпой, она раздаетъ имъ пряники, орѣхи. много приведетъ къ себѣ, умоетъ, возится съ ними». М. «всегда весела». «е

всегда слышно и видно въ домѣ. Она то смѣется, то говоритъ громко... «Въ саду слышно, какъ она пѣсенку поетъ наверху, а черезъ минуту слышишь ужъ ея говоръ на другомъ концѣ двора или раздается смѣхъ по всему саду». Она «смѣшлива». «Если станеть (Николай Андреичъ) смѣшить»,—заявляетъ она бабушкѣ, послѣ того какъ приняла рѣшеніе держаться «серьезно» и «съ достоинствомъ»:—«Я ужъ не утерплю, бабушка,—засмѣюсь, воля ваша.»—Съ Викентьевымъ она «рѣзвится, бѣгаетъ, точно дитя». «Она двумя пальцами взяла за голову рыбу, а когда та стала хлестать хвостомъ взадъ и впередъ, она, съ крикомъ:—«Ай, ой!»—выронила ее на полъ и побѣжала по корридолу. Онъ бросился за ней и черезъ минуту оба уже гдѣ-то хохотали, а еще черезъ минуту послышались вверху звуки рѣзваго вальса на фортепіано, съ топотомъ ногъ надъ головой Татьяны Марковны, а потомъ кто-то точно скатился съ лѣстницы, а дальше промчались по двору и бросились въ садъ, сначала М., за ней Викентьевъ, и звонко изъ саду доносились ихъ говоръ, пѣніе и смѣхъ». «Черезъ четверть часа ужъ оба смирно сидѣли, какъ ни въ чемъ не бывало, около бабушки, и весело смотрѣли кругомъ и другъ на друга.»—Бабушка сдѣлала М. выговоръ, сказала, что надо «быть пооглядчивѣй», «знать всему мѣру и пору»,—«не бѣгать по двору да по саду, чтобы люди не стали осуждать:—«вонъ скажутъ, дѣвушка ужъ невѣста, а повѣсничаетъ какъ мальчикъ, да еще съ постороннимъ». М. попыталась было стать «серьезной» и церемонной, но попытка окончилась неудачей.—«Полно вамъ Божьи младенцы!»—«сказала Татьяна Марковна, у которой морщины превратились въ лучи и улыбка озарила лицо»:—«Подите, Богъ съ вами, дѣлайте, чтѣ хотите.»—У Николая Андреевича «уже крестикъ есть!»—сообщила М. Райскому.—«Такой маленькій!» съ удовольствіемъ прибавила она». «Райскаго, котораго М. не видала съ дѣтства», она всякую ночь видѣла во снѣ, только совсѣмъ не такимъ, какъ онъ есть, а «такимъ румянымъ, не задумчивымъ, а веселымъ»:—«вы будто все шалите, да бѣгаете». Однако, и у М. есть свои «грѣхи» и ее «совѣсть мучаетъ»:—«Послушайте-ка проповѣди отца Василія о томъ, какъ надо жить, чтѣ надо дѣлать! А какъ мы живемъ: дѣлаемъ ли хоть половину того, что онъ велитъ?—внушительно говорила она.—Хоть бы одинъ день прожить такъ... и то не удастся! Отречься отъ себя, быть всѣмъ слугой, отдавать все бѣднымъ, любить всѣхъ больше себя, даже тѣхъ, кто насъ обижаетъ, не сердиться, трудиться, не думать слишкомъ о парядахъ и о пустякахъ, не болтать... ужась, ужась! Всего не вспомнишь! Я какъ стану думать, такъ и растеряюсь: страшно станеть. Не достанетъ всей жизни, чтобъ сдѣлать это!»—«И ты часто мучаешься этимъ?» «спросилъ Райскій—«Нѣтъ; иногда, какъ заговорятъ объ этомъ, бабушка побранить... Заплачу, и пройдетъ, и опять дѣлаюсь весела, и все, чтѣ говорить отецъ Василій—будто не мое дѣло! Вотъ что худо!»—«И больше пѣтъ у тебя заботы, счастливое дити?»—«Какъ будто этого мало! Развѣ вы никогда не думаете объ этомъ?»—съ удивленіемъ спросила она. «Ей было немного стыдно и неловко, что ее считаютъ еще ребенкомъ.»—«А, вѣдь, я давно не ребенокъ: мнѣ идетъ четырнадцать аршинъ матеріи на платьѣ: столько же, сколько бабушкѣ—нѣтъ больше.»—Послушайте, братецъ,—вы не думайте, что я дитя, п. ч. люблю пниць, цвѣтѣ: я и дѣло дѣлаю»,.. сказала М.:—«Я бы могла. и за полевыми работами смотрѣть, да бабушка не пускаетъ, что же еще?»—прибавила она, глядя на него во всѣ глаза и думая, выросла ли она хоть немного въ его глазахъ.»—«Развѣ я дѣвочка?» обидчиво замѣтила М. бабушкѣ. — «Мнѣ четырнадцать аршинъ на платьѣ идетъ... сами говорите, что я невѣста.»—«Правда, ты выросла»,—отвѣчала бабушка:—«да сердце у тебя дѣтское» и «умъ въ скорлупѣ»; хотя ты, «можетъ быть, поумнѣе многихъ умницъ.»—«Понятія у нея «раннія. дѣвическія», «дѣтскія». пинеть бабушка Райскому.—«Она «дѣвочка, и ни разу не высказалась въ ней даже «дѣвица»; быть «дѣвой!» «она рѣшительно не общала». Она сама сознаетъ, что «многого не понимаетъ.»—«Ты ангелъ чистоты», восторженно восклицалъ Райскій:—«Ты свѣтла, чиста, прозрачна...»

«Ты вся—солнечный лучь!. И пусть будеть проклять, кто захочетъ бросить пещистое зерно въ твою душу». «Вѣра» сравниваетъ ее съ бабочкой:—«Вотъ она кто»,—сказала Вѣра, указывая на кружившюся около цвѣтка бабочку:—«Троньте неосторожно—цвѣтъ крылышекъ пропадетъ, пожалуй, и совсѣмъ крыло оборвете». М. «цѣльная натура», по мнѣнію Райскаго. «Другое воспитаніе, другое воззрѣніе, даже дальнѣйшее развитіе нарушило бы строгую опредѣленность ея природы»; оно «дало бы хаосъ, повело бы къ недоумѣніямъ и—много-много, если-бъ разрѣшилось претензіей създѣть въ Москву, побывать на балѣ въ дворянскомъ собраніи, привезти платье съ Кузнецкаго Моста и потомъ хвастаться этимъ до глубокой старости передъ мелкими губернскими чиновниками».

Николай Андреичъ, по мнѣнію М., «хорошенькій, веселый и добрый», «да молодъ: ему всего двадцать три года». Когда Райскій сказалъ:—«такъ, вотъ, кто тебѣ нравится: Викентьевъ»—«Что вы, Викентьевъ!»—отвѣтила М. задумчиво, какъ будто справляясь сама съ собою: нравится ли онъ ей?—«Вотъ его двѣ подѣли не видать совсѣмъ, мнѣ и нужды нѣтъ»... Однако, когда доложили, что пришелъ Викентьевъ, «М. немного покраснѣла и поправила платье, косынку и мелькомъ бросила взглядъ въ зеркало». Любовь Маро. и Викентьева выяснилась лишь послѣ чтенія «Кунигунды», когда они пошли въ садъ слушать соловья. «Соловей лилъ свои трели. М. обняло обаяніе теплой почвы... Въ ней только что начинала разыгрываться сладость нервнаго раздраженія», но лишь Викентьевъ «печаянно» сказалъ ей о своей любви, «прижалъ ея руку къ губамъ и осыпалъ поцѣлуями», «въ одну минуту она вырвала руку, бросилась опреметью назадъ, сама перескочила калаву и, едва дыша, пробѣжала аллею сада, вбѣжала на ступени крыльца и остановилась на минуту перевести духъ».—«Я закричу, Николай Андреичъ. Подите домой!» «повелительно» сказала она, «не переставая дрожать», когда онъ продолжалъ свои рѣчи.—«Мы не дѣти, пора перестать шалить». Когда же Викентьевъ, «почти насильно, увелъ ее въ аллею» и сказалъ «нѣжно и рѣшительно»:—«Я не мальчикъ теперь,—я то же взрослый, выслушайте меня, М. В.»,—«она вдругъ перестала вырываться, оставила ему свою руку, которую онъ продолжалъ держать и, съ бьющимся сердцемъ и напряженнымъ любопытствомъ, послушно окаменѣла на мѣстѣ»...—Но и Викентьевъ «вырвалъ у нея секретъ», только заговоривъ о «разлукѣ».—«Скажите мнѣ только слово, можно мнѣ любить васъ? Если нѣтъ,--я уѣду--вотъ прямо изъ сада и никогда»...—М. «вдругъ» заплакала навзрыдъ, и крѣпко схватила его за руку, когда онъ сдѣлалъ шагъ отъ нея...—«Я васъ любила, м. б., да не знала этого», сказала она.—«Вы нечестный: вы заставили бѣдную дѣвушку высказать полневоль, чего она никому, даже Богу, отцу Василью не высказала бы... А теперь, Боже мой, какой срамъ!»—«Я это «сказала бы бабушкѣ на ушко и потомъ спрятала бы голову подъ подушку на цѣлый день. А здѣсь... одинъ—Боже мой!». Викентьевъ, по ея мнѣнію, долженъ былъ тоже «сказать свой секретъ» «на другое ушко бабушкѣ и у ней спросить»: «любить ли его М.?—Узнавъ, что мать Викентьева еще ничего не слышала о его намѣреніи, М. заявила:—«Безъ ея согласія не сдѣлаю ни шагу, какъ безъ согласія бабушки. И если не будетъ этого согласія, ваша нога не будетъ въ домѣ здѣсь, помните это, m-r Викентьевъ,—вотъ что!», М. представляется это объясненіе чѣмъ-то ужаснымъ.—«Какой ужасъ! До чего договорились!»—«Господи, Господи! что скажетъ бабушка!»—думала М., «запершись въ своей комнатѣ и трясясь, какъ въ лихорадкѣ».—«Что мы надѣлали! мучилась она мысленно.—И какъ я перескажу... что мнѣ будетъ за это»...—«Грѣхъ сдѣланъ»,—думала она. «Когда М. и Викентьевъ стали жеманомъ и невѣстой, М. встрѣчаетъ его, «краснѣя отъ радости!.—«Сейчасъ... черезъ пять минутъ придетъ Николай Андреичъ»...—«Дождись! Онъ еще спит!».—сказала бабушка. «Нѣтъ, придетъ—я ему велѣла!» кокетливо возразила М. Получивъ свадебный подарокъ отъ Викентьева и шутивую записку, М. «заемѣляясь, потомъ поглядѣла кругомъ, поцѣловала записку, покраснѣла до ушей

и, спрыгнувъ съ постели, спрятала ее въ свой шкапчикъ, гдѣ у нея хранились лакомства». Объявленные женихомъ и невѣстой, М. и Викентьевъ «не скакали уже». Оба были сдержаннѣе, и только иногда живо спорили или ѣли, или читали вдвоемъ. Но между ними не было мечтательнаго, поэтическаго размѣна чувствъ, ни оборота тонкихъ изысканныхъ мыслей, съ безконечными оттѣнками ихъ, съ роскошнымъ узоромъ фантазiи—всей этой игрой, этихъ изящныхъ и неистощимыхъ наслажденiй развитыхъ умовъ». «Духъ анализа тоже не касался ихъ, и лицемо обмѣна ихъ мыслей была прочитанная повѣсть, доходившiя изъ столицы новости, да поверхностныя впечатлѣнiя окружающей природы и быта». «Ихъ не манила даль къ себѣ; у нихъ не было никакого тумана, никакихъ гаданiй. Горизонтъ наблюденiй и чувствъ ихъ былъ тѣсенъ». «М. зажимала уши, или уходила вонъ, лишь только Викентьевъ, въ объясненiяхъ своихъ, выйдетъ изъ предѣловъ обыкновенныхъ выраженiй и заговоритъ о любви къ ней языкомъ романа или повѣсти». «Ихъ оближенiе было просто и естественно, какъ указывала натура, сдержанная чистой нравственностью и морально бабушки. М. до свадьбы не дала ему ни одного поцѣлуя, никакой почти лишней противъ прежняго ласки—и на украденный имъ поцѣлуй продолжала смотрѣть, какъ на дерзость, и грозила уйти, или пожаловаться бабушкѣ». «Но неумышленно, когда онъ не дѣлалъ никакихъ любовныхъ прелюдiй, а просто бралъ ее за руку, она давала ему руку, брала сама его руку, опиралась ему довѣрчиво на плечо, позволяла переносить себя черезъ лужи, и даже, шая, ерошила ему волосы, или, напротивъ, возьметъ гребенку, щетку, близко подойдетъ къ нему, такъ что головы ихъ касались, причешетъ его, сдѣлаетъ проборъ и, пожалуй, намаститъ голову». «Но если онъ возьметъ ее въ это время за талию или поцѣлуетъ, она покраснѣетъ, броситъ въ него гребенку и уйдетъ прочь». «Поэзiя, чистая, свѣжая, природная, всѣмъ ясная и открытая, билась живымъ родникомъ—въ ихъ здоровьѣ, молодости, открытыхъ, неиспорченныхъ сердцахъ». «Передъ вѣнчанiемъ, М. «сияла, какъ херувимъ,—красотой, всей прелестью расцвѣтшей розы, и въ этотъ день явилась въ ней новая черта, новый смыслъ въ лицѣ, новое чувство, выражавшееся въ задумчивой улыбкѣ и въ висѣвшихъ иногда на рѣсницахъ слезахъ. Сознанiе новой жизни, даль будущаго, строгость долга, моментъ торжества и счастья—все придавало лицу и красотѣ ея нѣжную, трогательную тѣнь».—Послѣ свадьбы, прiѣхавъ на проводы Райскаго, М. была «чудо красоты, нѣги, стыдливости». «На каждый взглядъ, на каждый вопросъ, обращенный къ ней, лицо ея вспыхивало и отвѣчало неуловимой нервной игрой ощущенiй, нѣжныхъ тоновъ, оттѣнковъ чуткихъ мыслей—всего, объяснивагося ей въ эту недѣлю, смысла новой, полной жизни».—«Какой идеалъ жены и матери!.. Милая Марөинька! Какъ счастливъ будетъ мужъ твой!»—сказалъ ей, еще при первой встрѣчѣ, Райскiй.

К р и т и к а: «Граціозный образъ М.—самое идеальное и нѣжное воплощенiе всего, что было хорошаго въ старой помѣщичьей жизни. М. живетъ въ родной обстановкѣ такъ же привольно и радостно, какъ птица въ воздухѣ, рыба въ водѣ: ей ничего больше не надо. Это—полная счастливая гармонiя съ окружающей природой, не нарушенная не однимъ ложнымъ звукомъ». «Пусть М. кажется намъ неразвитой, глупенькой дѣвочкой, пусть читаетъ только такiе романы, которые непременно кончаются свадьбой, запираетъ лакомства въ особенный шкапчикъ, потому что любить ихъ, какъ ребенокъ,—зато какой поэзiей, счастиемъ и добротой вѣетъ въ насъ отъ этого сердца! Всѣ новѣйшiя прогрессивныя идеи Райскаго отскакиваютъ, не проникая въ нее. Но развѣ она не напоминаетъ того, что умнѣе всѣхъ идей Райскаго—великую заповѣдь любви?». «Мы, люди большихъ городовъ, кочевой и суетной жизни, оторванные отъ природы, никогда не знавшiе патрiархальнаго очага—едва ли можемъ себѣ представить всю силу этой первобытной, физической и вмѣстѣ съ тѣмъ сердечной любви къ родной землѣ. Мы похожи на цвѣты, перенесенные изъ лѣса въ комнату, лишенные корней, опущенные въ воду. Такiя счастливыя и здоровыя натуры, какъ М.—это цвѣты, растущiе на волѣ, пустившiе глубоко корни въ родную землю». [М е

режковскій: Сочин., т. XIII, 255]. «Въ галлерей русскихъ женскихъ типовъ живою, схваченный во всей своей, если можно такъ выразиться, прозаической поэзіи, портретъ Маренъки занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ». [Венгеровъ. Сочин. Гончарова, т. I].

Матабе («Фрег. Пал.»). Одинъ изъ младшихъ переводчиковъ, привозившихъ на фрегатъ провізію. «Не бойкій, невзрачный человѣкъ», съ простымъ, добрымъ и честнымъ лицомъ. По убѣжденію М., Японія не можетъ долго оставаться въ нынѣшнемъ ея положеніи, — «скоро надо ожидать переменъ».

Матвѣй («Слуги»). — Крѣпостной польскаго помѣщика на оброкѣ. «Полякъ», но по польски не разговаривалъ. «Это былъ довольно длинный, лѣтъ сорока-пяти человѣкъ, худощавый, даже чахлый, будто только-что вставшій со смертнаго одра: кости да кожа. Небольшая голова, глаза впалые, блѣсоватые, какъ у чухонца, безъ выраженія; большія, настежь отворенныя губы, которыхъ онъ, кажется, отъ слабости не могъ сжать, лицо съ повисшими складками — точно пожелтѣвшей отъ ветхости лайки; волосы жидкіе, подъ цвѣтъ старой рогожки». «Говорилъ пещернымъ голосомъ, какъ умирающій». Улыбался, обнаруживалъ «блѣдныя десна» и недостатокъ въ нижней челюсти зуба. «Онъ прямо смотрѣлъ» и будто съ трудомъ мигалъ и тяжело дышалъ. Ноги у него, начиная съ колѣнъ, были какъ будто не свои, не натуральныя, а деревянныя, приставленныя вмѣсто оторванныхъ. Руки длинныя не по корпусу, какъ у орангъ-утанга. «По словамъ рекомендовавшаго М., буфетчика, «выходили» М. «мѣста — посмотреть — посмотреть господа на него и не берутъ»: «смѣшной ужъ очень!» «Смѣшной и жалкій». — «Сызмалу, по объясненію самаго М., былъ другой», а такимъ сталъ оттого, что «бить больно бывалъ», въ ту пору, когда, служилъ у своего барина, «вмѣсто денщика». — «Чуть что не потрафишь и начнешь»: кулаками, по головѣ, и колѣнками то же, а иной разъ саблей ударить, или салогомъ!... «Иной разъ не въ мочь было ѣздить съ нимъ на перекладной телѣгѣ и велить придти до мѣста пѣшкомъ»... (См. Помѣщикъ польскій). — «Я съ годами и ослабъ», признавался М. «Онъ все какъ-то двоился: когда молчалъ, не двигался, слушалъ что ему говорили — онъ сохранялъ свой видъ изнеможеннаго, забитаго человѣка. Не сжималъ губъ, отвѣчалъ будто съ трудомъ и еле дышалъ. То вдругъ просыпался точно отъ сна и обнаруживалъ признаки жизни». На вопросъ, много ли онъ страдалъ? — «Молодцовато отговорился: — Нѣтъ-съ, баринъ, это что за боли: это ничего! — Такія ли бываютъ! Это легко... а тѣ вотъ страшныя!» — «Какія же еще есть такія страшныя боли?» — «Ихъ три, три мученическія муки, — сказали онъ съ убѣжденіемъ. — Нашъ ксѣндзь, отецъ Иеронимъ, сказывалъ: «нѣтъ, говорить, тяжело этихъ самыхъ мукъ; когда, говорить, зубы болятъ, когда женщина родить и когда человѣкъ умираетъ». — «А онъ почему же знаетъ, твой ксѣндзь? Про зубную боль, пожалуй, еще такъ, если у него болѣли зубы. А про роды, или про смерть, какъ онъ можетъ знать: вѣдь онъ не родилъ самъ и не умеръ тоже?» — «Ксѣндзы все знаютъ! — съ благоговѣніемъ произнесъ М., закрывая глаза: — Все-съ. Знаютъ, зачѣмъ каждый человѣкъ рождается на свѣтъ, а когда умираетъ, знаютъ что съ его душой въ шестой и девятый день послѣ смерти дѣлается и по какимъ «мутарствамъ» ходитъ она. Да-съ! — со вздохомъ заключилъ онъ». «Кромѣ церкви, по воскресеньямъ, нигде не отлучался ни шагу» и, когда заболѣлъ, завѣщалъ, съ случаѣ смерти, половину его имущества отдать на церковь...

Былъ «упрямъ какъ волъ» и имѣлъ страсть къ противорѣчіямъ». Несмотря на приказъ, никого не принимать, впустилъ одного господина, п. ч. онъ показался М. «генераломъ» и даму, т. к. «у ней на козлахъ кучеръ въ ливреи сидитъ и по русски не говоритъ». Къ «генераламъ», которыхъ М. называлъ «внералами», «онъ питалъ какое-то суевѣрное почтеніе, или боялся ихъ, какъ большихъ собакъ». Оказался «вѣрнымъ», «хотя и смѣшнымъ, хранителемъ» и «опорою холостого гнѣзда» Гончарова. Былъ «неумолимо аккуратень и безпощадно честень». Всѣ вещи переписалъ въ «реестръ» и прислалъ ба-

рина, если что износится, или разбьется, отмѣчать въ «ерестрикѣ», а если что онъ, М., разобьетъ или потеряетъ, вычитать «изъ его жалованья». Въ каждой кофѣйкѣ отдавалъ отчетъ и подавалъ счета, въ которыхъ «ортографія была своеобразная». Оживлялся лишь въ работѣ; но если «вдругъ услышитъ ударъ барабана съ улицы, проходящую мимо музыку—М. «мгновенно бросалъ «все, что у него въ рукахъ» и исчезалъ. Мигнуть черезъ десять, онъ возвращался, «почти всегда сіяющій, удовлетворенный». «Другое обстоятельство вызывало жизнь въ М.: это ловля воровъ и расправа съ ними. «Сіяющій, .. «блещущій жизнью», онъ доносилъ, что въ домѣ «поймали вора и отколошматили». На вопросъ, «билъ ли и М., отвѣчалъ:—«Самую малость, баринъ: я больше за шею его держалъ, за галстукъ, вотъ такъ, что-бъ не убѣгъ.—«И тебѣ не стыдно, не грѣхъ?»—«А онъ зачѣмъ чужое беретъ, баринъ? Какой у бытокъ тому, кого обокралъ! такъ ему и надо!—энергически подтверждалъ онъ».—«Если-бъ обокрали,.. на сторожа подумали бы»,..—пояснялъ М. Страхъ передъ убытками» былъ преобладающей чертой у М. Во имя этого страха онъ воздерживался и отъ пищи. «О вишѣ и помину не было». Отъ предложенія «употреблять» остатки господскаго завтрака отказался и «денегъ на провизію не бралъ.—«Нѣтъ-съ баринъ, нѣтъ, зачѣмъ стану я вамъ убытокъ дѣлать! Богъ дастъ проживу!» чтобы не нанести «убытка» барину, отказывался даже взять денегъ на перевозку своихъ вещей при поступленіи на службу:—«Какъ можно спервоначалу, еще не заслужилъ, а вамъ убытокъ! отказался и отъ покупки, за барскій счетъ, для себя провизіи; онъ и изъ больницы выписался раньше выздоровленія, «чтобы изъ забыть барина отъ убытка платить его замѣстителю». Онъ терпѣливо переносилъ побои, и постоянную голодуху, падалъ силами отъ работы, но не падалъ духомъ; только страхъ убытка въ превозмогалъ въ немъ все, и М. на деньги былъ жаденъ»: бралъ вещи въ закладъ и давалъ деньги подъ проценты». Оправдывался тѣмъ, что даже ксендзъ, которому онъ исповѣдался, сказалъ:—ничего, говорить, если не жмешь очень! Только на церковь не жалѣй.—«Я что же, говорилъ М.,—самую малость беру: два процента въ мѣсяцъ и впередъ вычитаю только половину».—«Другіе сто на сто берутъ»...—«И господа это дѣлаютъ, тихонько черезъ человѣка», прибавлялъ онъ.—«Одинъ купецъ—онъ торгуетъ въ лавкѣ, и деньги тоже даетъ»...—«У меня ужъ опять четыреста накопилось!» заявлялъ онъ барину—«таинственнымъ шепотомъ». Единственнымъ желаніемъ М., его «завѣтной мечтою»—было выкупиться па волю.—«Прикоплю и выкуплюсь!» «говорилъ и онъ и тогда даже глаза у него свѣтились». Когда Гончаровъ, тронутый вниманіемъ, заботливостью и неподкупной честностью М., замѣтилъ:—«Тебѣ цѣны нѣтъ, знаешь ли ты, Матвѣй!» «Онъ понималъ это буквально.—«Баринъ мой сбавилъ цѣну, соглашается теперь на пятьсотъ!»—живо, захлебываясь отъ радости, сказалъ онъ.—«Приказчику велѣлъ писать ко мнѣ, а я послалъ письмо, что скоро деньги вышло... Четыреста у меня ужъ есть,—довѣрчиво, шепотомъ прибавилъ онъ:—мѣсяца черезъ три, Богъ дастъ, прикоплю и остальное». Рѣшилъ жениться «на почти старушонкѣ», п. ч. у ней деньги есть, но когда кумъ пропилъ всѣ, скопленные М., деньги, отданныя ему на храненіе, онъ далъ обнищавшему куму «свои старые сапоги, панталоны, да рубль денегъ». Задумавъ вмѣстѣ съ женой «дѣла дѣлать» и открыть кухмистерскую, убѣжденно говорилъ:—«Безъ хозяйки этихъ дѣловъ нельзя дѣлать! Насчетъ будущей же семейной жизни и дѣтей отозвался:—«Какія, баринъ, дѣти: стану ли я такимъ пустымъ дѣломъ заниматься! Это баловство, тѣфу!» Выкупившись на волю, по большимъ праздникамъ, онъ являлся съ поздравленіями къ барину, «но когда Гончаровъ, «по старой привычкѣ», «хотѣлъ ему подарить на красное яничко».—М., «какъ раненій волкъ, отскочилъ и съ упрекомъ» сказалъ:—«Я не затѣмъ, баринъ, не затѣмъ! Боже оборони! Я молюсь за васъ... и никогда васъ не забуду!»

Это тотъ самый Матвѣй или Филиппъ (см. «Прототипы»), который «снарядилъ» Гончарова «въ кругосвѣтное плаваніе» и упрашивалъ его не ѣздить

по морю (Фрег. Пал. I).—«Баринъ!» сказалъ онъ встревоженнымъ и умоляющимъ голосомъ: «не ѣздите, Христа ради, по морю!»—«Куда?»—«А куда ѣдете: на край свѣта.»—«Какъ же ѣхать?»—«Матросы сказывали, что сухимъ путемъ можно.»—«Отчего жъ не по морю?»—«Ахъ, Господи! какія страсти рассказываютъ. Говорятъ: вонъ съ этого бревна, что на верху поперекъ висить»... («съ реи») — «въ бѹрю вѣтромъ пятнадцать человѣкъ въ море снесло; насилу вытащили, одинъ утонулъ. Не ѣздите, Христа ради!»

Матвѣй Матвѣевичъ («Обыкновенныя исторіи»):—Выходитъ «изъ дому, съ толстой палкой, въ шестомъ часу вечера, и всякому извѣстно, что онъ идетъ дѣлать вечерній моціонъ, что у него безъ того желудокъ не варить, и что онъ остановится непременно у окна стараго совѣтника».

Матвѣй Моисеевичъ («Обломовъ»):—«Огромный лакей» изъ дома на Гороховой, гдѣ жилъ Обломовъ. Выбѣжалъ изъ подъѣзда «въ ливрейномъ фракѣ на распахку, съ аксельбантами и въ штиблетахъ». Онъ подошелъ къ казачку, далъ ему сначала оплеуху, потомъ назвалъ дуракомъ». На вопросъ озадаченнаго казачка, за что, отвѣчалъ:—«А! ты еще разговаривать? Я за тобой по всему дому бѣгаю, а ты здѣсь (у воротъ)!» Взялъ казачка «одной рукой за волосы нагнувъ ему голову и три раза методически, ровно и медленно, ударилъ его по шеѣ кулакомъ.»—«Баринъ пять разъ звонилъ,—прибавилъ онъ въ видѣ правочленія:—«а меня ругаютъ за тебя, щенка этакаго! Пошелъ!» «И онъ повелительно указывалъ казачку рукой на лѣстницу».

Матвѣя-кумъ («Слуги»):—Матвѣй отдавалъ ему деньги на сохраненіе, а кумъ «все таскалъ ихъ, сначала понемногу, а потомъ взялъ всѣ, и мѣсяца три пропадалъ... все пилъ!».

Матрена-Матреша («Обрывъ»):—Горничная Марѣишки. На приказъ барыни, подойти и поцѣловать руку у Райскаго, сказала:—«Оробѣла, барыня, не смѣю!» Когда Егорка «провертѣлъ щель» въ перегородкѣ, отдѣлявшей кабинетъ Райскаго отъ корридора, и звалъ Пелагею и М. «въ щелку посмотрѣть», какъ тамъ Борисъ Павлычъ «дѣвствуетъ», М. отвѣтила:—«А кто-жъ комнату Марѣи Васильевны уберетъ? Ты, что ли?» Однако, сдалась и пошла смотрѣть «въ щель». Увидя плачущаго Райскаго, сказала «жалостно»:—«Взаправду плачешь, сердечный!» Когда Райскій засмѣялся, М., вмѣстѣ съ Пелагеей и Егоркой, «присѣла и захихикала».

Матрена («Слуги»):—Жена Степана. «Женщина за пятьдесятъ лѣтъ, съ крѣпкими, точно изъ гуттаперчи щеками, носомъ и подбородкомъ». «Глаза глядѣли не прямо, а стороной», «губы» она «поджимала». «Навезла множество всякой всячины». Когда баринъ увидѣлъ въ кухнѣ таракановъ и спросилъ:—«Что это за гадость?»—«отвѣчала съ невозмутимымъ спокойствіемъ,—«это... тараканы-съ!»—«Мы не съ собой ихъ привезли. Гдѣ ихъ нѣтъ! Гдѣ мы не жили, вездѣ были—что клопы, что тараканы», оправдывалась М. Тараканы оставались все время, пока жила М. въ домѣ. «Русская набожная женщина». «На мнѣ, чай крестъ есть», говоритъ М.—Заняла кіотомъ со священными предметами не только весь передній уголъ своей комнаты, но отчасти даже гардеробную и комнату съ ванной. Однако праздники служили ей болѣе для угожденія «мамонтъ», а не для проявленія благочестія. «Когда М. и зъ гостей «приходила домой», отъ нея не святостью пахло. «Однажды вечеромъ явилась «на-веселѣ» и на замѣчаніе барина «обидчиво отозвалась:—«Нынче Ильинская Пятница: я на Прохоровыхъ заводахъ была!» «Нельзя же: всѣ люди, какъ люди—я точно не человѣкъ!.. По ея словамъ, она, «на старость, горемычная, мыкается-мыкается» съ мужемъ. Говоря это, «пробовала заплакать, но слезъ не было» и М. «утирала сухіе глаза». Была «казначеемъ» Степана и его «поѣдомъ ѣла».—«Дьяволъ баба», называлъ ее Степанъ. Когда онъ залилъ и пропалъ изъ дома, М. не беспокоилась:—«Можно отыскать—да зачѣмъ! говорила она—«Пусть тамъ и остается! Боже оборони, лишь бы не пришелъ! Я его не пушу! Онъ пьяный, злудій, презлудій! Пусть почуветъ хоть на улицѣ, или въ части... «Хоть-бы сгинулъ, окаянный!»

Матрена Михайловна («Обыкн. Ист.»).—Знакомая Анны Павловны.

Матрость («Фрег. Пал.»).—Пожилой М. съ «Паллады». По словам Фадеева, у М. «отъ солнышка» «шкура со спины сошла»—«на берегу нагишомъ» ходить: «солнышко и напекло; теперь и рубашекъ нельзя надѣть». «Сидѣлъ голый» «въ нижней палубѣ» (во время стоянки въ портѣ Ллойдъ), «опершись руками и головой на боченокъ, служившій ему столомъ» и «морщился». На вопросъ, что съ нимъ? отвѣчалъ:—«Да кто его знаетъ, что такое в. в.!».—«Вонъ спина-то какая!» («на спину было страшно взглянуть: она вся была багровая и покрыта пузырями, какъ будто ее окатили кипяткомъ»). Объяснилъ «съ досадою», что въ Тамбовѣ «всегда, бывало, цѣлый день на солнцѣ сидишь и голову подставишь—ничего; ляжешь на травѣ, спину и брюхо грѣешь—хорошо. А здѣсь, Богъ знаетъ, что: солнце-то, словно пластырь!»

Маттисонъ («Фрег. Пал.»).—Уп. л. Предсѣдатель торговаго дома «М. и Джердинъ». См. выше Джердинъ.

Маховъ («Обломовъ»).—Уп. л. Бывшій сослуживецъ Обломова (I, 1).

Маша Пшеницына («Обломовъ»).—См. Пшеницына Маша.

Маша («Обыкн. Ист.»).—Дворовая Адуевыхъ. «Дѣвушка» «проворная и ловкая». «Взята была во дворъ «ходить за баринкомъ».

Маша («И. С. Поджабринъ»).—Горничная баронессы. «Тронулась нѣжностями» Поджабрина, который увѣрилъ М., что онъ барскій лакей.—«Вы сами словно какъ баринъ!» твердила М. и обижалась, когда Поджабринъ не спрашивалъ, любить-ли она его. Узнавъ, что передъ ней не камердинеръ, а баринъ, расплакалась:—«Сказали, что вы камердинеръ», что любите меня, а сами баринъ!»—«Извѣстно, баринъ не станетъ любить простую дѣвушку». Бросила Поджабрину, подаренныя ей деньги, «но потомъ пришла и произнесла «робко, почти шопотомъ:—«Я васъ такъ люблю». Когда-же Поджабринъ заявилъ, что «это очень глупо—любить», отвѣтила:—«Что-жъ мнѣ дѣлать! Я не виновата!» На утѣшенія Авдѣя «сказала уныло»:—«Ну, Богъ съ нимъ! и задумчиво побрела домой!»

Машутна («Обрывъ»).—Горничная Бережковой. М. «какъ-то было неловко держать себя въ чистотѣ. Чисто-вымытыми руками она не такъ цѣпко беретъ вещь въ руки и, того-гляди, уронить»; ей «въ чистомъ платьѣ тоже не свободно ходить». «Когда ей велеть причесаться, вымыться и одѣться въ воскресенье, такъ она, по ея словамъ, «точно въ мѣшокъ зашита цѣлый день»—М. «кажется, только тогда и была счастлива, когда вся вымажется, растреплется отъ натирания половъ, мытья оконъ, посуды, дверей, когда вся липо, голова сдѣлается неузнаваема, а руки до того выпачканы, что если понадобится почесать носъ или бровью, такъ она прибѣгаетъ къ локтю». «Заслышавъ звонъ ключей» барыни, М. «проворно сдергивала съ себя грязный фартукъ, утирала чѣмъ попало, иногда барскимъ платкомъ, а иногда тряпкой, руки. Поплевавъ на нихъ, она крѣпко приглаживала сухія, непокорныя косички». Держалась всегда «отъ барыни въ тѣни», «стараясь притвориться опрятной».

Масленниковъ («Обрывъ»).—Уп. л. «Добрый» М., товарищъ по школѣ Райскаго.

Мегфоръ («Фрег. Пал.»).—Американецъ, банкиръ въ Маниллѣ; въ его обществѣ Гончаровъ ѣздилъ осматривать канатную фабрику.

Медгорсть («Фрег. Пал.»).—«Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ миссіонеровъ: онъ живетъ тридцать лѣтъ въ Китаѣ и непрерывно подвизается въ пользу распространенія христіанства: переводитъ европейскія книги на китайскій языкъ. См. въ Спискѣ: Медгорсть».

Мездры («Обломовъ»).—Уп. л. По словамъ Волкова, въ домѣ М. объ одномъ говорятъ—объ искусствахъ; только и слышишь: венеціанская школа, Бетховенъ да Бахъ, Леонардо-да Винчи».

Мейеръ («Обрывъ»).—Уп. л. Въ пансіонѣ у m-me М. учились Вѣра

и Марейника. По тысячи двѣсти рублей ас. платила за каждую: «обѣ пять лѣтъ были тамъ», рассказывала Татьяна Марковна.

Мезенскіе («Обрывъ»).—Уп. л. Знакомые Аянова.

Меланхолиха («Обрывъ»).—«Баба» изъ городской слободы; «простыми средствами лѣчила людей и снимала педуги какъ рукой». «Къ М. отправляли дворовыхъ и другихъ простыхъ людей на вылѣчку». «Послѣ ея лѣченія, много скорчить и на весь вѣкъ въ три погибели, или другой перестанетъ говорить своимъ голосомъ, а только кряхтитъ потомъ всю жизнь; кто воротится отъ нея безъ глаза или безъ челюсти,—а все же боль проходила». Такъ какъ М. «практиковала только надъ крѣпостными людьми и мѣщанами, то врачебное управленіе не обращало на нее вниманія». Призванная къ заболѣвшей Маринѣ, М., по тщательномъ освидѣтельствѣваніи больной, шепотомъ объявила Василисѣ, что болѣзнъ Марины превышаетъ ея познанія.

Метлинскій графъ («Обломовъ»).—Уп. л. (II, 8).

Мизно Чикононо («Фрег. Пал.»).—Второй губернаторъ Нагасаки; «съ лица немудрецъ, но съ сердитымъ выраженіемъ». «Дѣйствовалъ подъ опекой перваго», но когда тотъ уѣхалъ съ полномочными въ Едо, М.-Ч. хотѣлось показать, что онъ и одинъ умѣетъ распорядиться». «Ужасно обрадовался», узнавъ, что фрегатъ снимается съ якоря и съ радости прислалъ въ подарокъ отъ себя множество картофелю, рыбы, полированный столъ и ящикъ.

Милари, графъ («Обрывъ»).—Красавецъ-итальянецъ. «Мужчина среднихъ лѣтъ, высокій брюнетъ съ задумчивымъ лицомъ. Физиономія не русская» —«Графъ Милари, ma chere amie», «grand musicien et le plus aimable garçon du monde»—рекомендовалъ М. дочери старикъ Пахотинъ. М. былъ у Бѣловодовой «разъ шесть, всегда при другихъ, пѣлъ («онъ очень хорошо поетъ», отзывалась Софья Николаевна), слушалъ ея игру и разговоръ, никогда не выходилъ изъ предѣловъ обыкновенной учтивости, едва замѣтнаго благоуханія тонкой, покорной лести». Однако, влюбленный въ Бѣловодову, Райскій замѣтилъ, что «когда онъ заговорилъ» о М., у Софьи «пробѣжала какая-то тѣнь по лицу». Райскій «создалъ» изъ этого «тайну» Софьи. Когда же, пытаясь разгадать эту тайну, онъ произнесъ снова имя М., Бѣловодова отвѣтила:—«Если вы, cousin, дорожите немного моею дружбой, и если вамъ что-нибудь значить быть здѣсь... видѣть меня..., то «не произносите имени» М. Вскорѣ же «весь Петербургъ» заговорилъ о томъ, что, «когда карета» Бѣловодовой являлась на островахъ, являлся тогда и М. верхомъ или въ коляскѣ, и ѣхалъ подлѣ кареты». Потомъ, кто-то пустилъ слухъ, что Софья «сдѣлала un faux pas». Какой именно никто не зналъ, и Аяновецъ «уже самъ началъ сочинять ихъ романъ» (Бѣловодовой и М.). Наконецъ прибавился и фактъ: Софья Николаевна отвѣчала запиской на записку М. Изъ записки (см. Бѣловодова) «сдѣлали слона»; за полученіемъ этой записки обратно и для объясненія съ графомъ былъ отправленъ старикъ Пахотинъ. М. «тонко и лукаво улыбался» при объясненіи, но, на другой день», согласно своему слову, вернулъ записку, вмѣстѣ съ учтивымъ и почтительнымъ письмомъ.

Милановичъ («Народникъ»).—Уп. л. Чиновникъ канцеляріи губернатора, «сынъкъ Марыи Яковлевны».

Миссіонеръ («Фрег. Пал.»).—Китаецъ, «учившійся въ знаменитомъ римскомъ училищѣ пропаганды». Въ Гонгъ-Конгѣ, при посѣщеніи фрегата, на ходился въ свитѣ епископа. «Сохранялъ свой китайскій костюмъ, чтобъ свободнѣе ѣздить по Китаю для сношеній съ тамошними христіанами и для обращенія новыхъ».

Митя («Лит. веч.»).—Племянникъ Уранова, студентъ, пригласившій на вечеръ Крякова. Онъ одинъ изъ присутствовавшихъ въ домѣ Уранова, весело слушалъ споры за ужиномъ, т. к. одинъ зналъ кто былъ Кряковъ.

Михайло Михалычъ («Обыкновенныя ист.»).—Уп. л. По отзыву Анны Павловны, хотя «и умнымъ человекомъ считается», «а что мясоѣдъ, что страстная

недѣля—все одно жреть».—«Онъ вонъ и бѣднымъ помогаетъ, да будто его милостыня принята Господомъ». Слышь, подалъ разъ старику красненькую, тотъ взялъ ее, а самъ отвернулся да плюнулъ. «Всѣ кланяются ему и въ глаза-то Богъ знаетъ что наговаривать, а за глаза крестятся какъ поминвають» его, словно шайтана какого».

Михайловы («Обрывъ»).—Уп. л. Имъ пересказала Нелюбова «сцену» между Софьей и Ельинимъ. М-ы обвинили мать Софьи «въ недостаткъ вниманія» и «бранили, зачѣмъ она принимаетъ «Богъ знаетъ кого».

Михельна Кернь («Фрег. Пал.»).—Матросъ, «скотникъ» съ фрегата. «Неподвижно стоялъ» съ ружьемъ у рѣчки (на о. Батанъ). На вопросъ, что онъ тутъ дѣлаетъ, «почти не дыша, прошепталъ»:—«Жду дракона, ваше в-дѣ». См. Унтеръ.

Михей Андреевичъ Тарантьевъ («Обломовъ»).—См. Тарантьевъ, М. А.

Мишель, князь («Обломовъ»).—Уп. л. Сынъ владѣльца Бѣрхлѣва, братъ Пьера. Лишь познакомился съ Андрюшей (Штольцомъ), какъ поставилъ его въ позицію и началъ выдѣлывать удивительныя штуки кулаками, попадая ими Андрюшѣ то въ носъ, то въ брюхо; потомъ сказалъ, что это англійская драка».

Michel Раминъ («Обрывъ»).—«Только-что выпущенный кадетъ, съ чуть-чуть пробивающимся пушкомъ на бородѣ». Онъ держалъ себя прямо, мундиръ у него съ иголки: онъ всегда застегнутъ на всѣ пуговицы». У М. были такія большія руки, съ такими длинными и красными пальцами, что ни въ какія перчатки, кромѣ замшевыхъ, не входили. Приѣхалъ въ отпускъ и «стоялъ» при Полинѣ Карповнѣ, сопровождающая ее вездѣ, таская паль, мантилью и вѣеръ за ней».—«Je veux former le jeune homme, ce pauvre enfant!» объясняла «официально» Крицкая «свои отношенія» къ М. При представленіи Бережковой вытянувъ шею, стоялъ, почти не дыша; «вмѣсто поклона, болтнулся всей фигурой, густо покраснѣлъ, и опять окоченѣлъ на мѣстѣ».—«Dites quelque chose Michel!» сказала вполголоса Крицкая. Но М. покраснѣлъ еще гуще и остался на мѣстѣ». «Былъ одержимъ кадетскимъ аппетитомъ и институтскою робостью». «Полина Карповна стало было его угощать конфетами, но онъ съѣдалъ фунта по три въ одинъ присѣсть. Когда у Бережковой подали кофе, Крицкая обратилась къ М.:—«Возьмите вашу чашку—вотъ и булки!»—«Я признаться ужъ пилъ...—подъ носъ себѣ произнесъ кадетъ, однако, взялъ чашку, выбралъ побольше булку и, откусивъ половину ея, точно отрѣзалъ, опять густо покраснѣлъ». Въ обществѣ постоянно густо краснѣлъ, и «на вопросы» «сплнымъ басомъ» говорилъ:—да-съ, нѣтъ-съ. Увидя вошедшую Марѣишку, кадетъ также «густо покраснѣлъ» и «неожиданно басомъ сказалъ:—«Марѣя Васильевна! у васъ коза въ огородъ зашла—я видѣлъ! Какъ бы въ садъ не забралась!»

Молочновы («Обрывъ»).—Мужъ и жена—«бодрые; тихіе, задумчивые, хорошенькіе старички», каждому изъ нихъ «по восьмидесяти лѣтъ». «Оба такіе чистенькіе, такъ свѣжо одѣты; онъ выбритъ, она въ сѣдыхъ букляхъ, такъ тихо говорятъ, такъ любовно смотрятъ другъ на друга и такъ хорошо имъ въ темныхъ, прохладныхъ комнатахъ съ опущенными шторами». По словамъ бабушки, «и не слышать ихъ въ городѣ: тихо у нихъ и мухи не летаютъ, сидятъ да шепчутся, да угождаютъ другъ-другу. Вотъ примѣръ всякому: прожили вѣкъ, какъ будто проспали. Ни дѣтей у нихъ, ни родныхъ. Дремлютъ да живутъ!»

Монахъ («Фрег. Пал.»).—Настоятель августинскаго монастыря въ Манилѣ.

Мотья («Обрывъ»).—Дворовый Бережковой; большой. Когда Егорка или Васька прочили ему близкую смерть («у кого грудь ввалилась, волосы изъ дымчатыхъ сдѣлались красными, глаза ушли въ лобъ—тотъ безпремѣнно умереть... Прощай Мотинька: мы тебѣ трюбокъ сколотимъ, да полѣнцо въ голову положимъ...»), М. отвѣтилъ:—«Нѣтъ, погоди я тебя еще вздую».

Мотыгинь («Ф р е г. П а л.»).—«Худощавый рябой матросъ», «другъ Эад-деева. Въ Портъ-смутѣ «вздумалъ поиграть съ портъ-смутской леди, продающей рыбу»; леди «отвѣчала градомъ кулачныхъ ударовъ, изъ которыхъ одинъ попалъ въ глазъ» М-у.

Мужики («О б л о м о в ѣ»).—Крестьяне изъ Обломовки; когда мальчишки, замѣтя, лежавшаго въ канавѣ прохожаго, приняли его за страшнаго змѣя или оборотня, и съ ужасомъ прибѣжали въ деревню, М. «поудалѣе, вооружились вилами и топорами, и гурьбой пошли къ канавѣ».—«Куда васъ несетъ?—унимали старики.—Аль шея-то крѣпка? Чего вамъ надо? Не замайте: васъ не госятъ». «Но мужики пошли и саженъ за пятьдесятъ до мѣста стали окликать чудовище разными голосами: отвѣта не было; они остановились; потомъ опять двинулись». «Въ канавѣ лежалъ мужикъ, опершись головой въ пригорокъ; около него валялись мѣшокъ и палка, на которой навѣшаны были двѣ пары лаптей». «Мужики не рѣшались ни подходить близко, ни трогать». —«Эй! Ты, братъ!—кричали они по очереди, почесывая, кто затылокъ, кто спину.—Какъ тамъ тебя? Эй, ты! Что тебѣ тутъ?» «Прохожій сдѣлалъ движеніе, чтобъ приподнять голову, но не могъ: онъ, повидимому, былъ нездоровъ или очень утомленъ». «Одинъ рѣшился было тронуть его вилой».—«Не замай, не замай!—закричали многие.—Почемъ знать; какой онъ: ишь, не баетъ ничего; можетъ-быть, какой-нибудь такой... Не замайте его, ребята!»—«Пойдемъ,—говорили нѣкоторые:—право-слово, пойдемъ: что онъ намъ, дядя, что ли? Только бѣды съ нимъ!» «И всѣ ушли назадъ, въ деревню, рассказавъ старикамъ, что тамъ лежитъ нездѣшній, ничего не баетъ и, Богъ его вѣдаетъ, что онъ тамъ»...—«Нездѣшній, такъ и не замайте!—говорили старики, сидя на завалинкѣ и положивъ локти на колѣнки.—Пусть его себѣ! И ходить не-по-что было вамъ!»

Мулагна («Ф р е г. П а л.»).—«Плотная и высокая М.», служанка дома въ Стелленбошѣ, гдѣ останавливались путешественники. «Сросшія брови и маленькій лобъ не мѣшали ей кокетливо играть своими черными, какъ деготь, глазами».

Мурашина («О б л о м о в ѣ»).—Уп. л. Дочь дѣйствительнаго статскаго советника, невѣста Судьбинскаго.

Мусинскіе («О б л о м о в ѣ»).—Уп. л. По словамъ Волкова, у М. «полгорода биаеть». Это такой домъ, гдѣ обо всемъ говорятъ.

Мухоярова, Ирина Пантелѣева («О б л о м о в ѣ»).—Жена Ивана Матвѣвича. Послѣ смерти Обломова, играла первенствующую роль въ домѣ Агафьи Матвѣевны, т. е. «она предоставляла себѣ право вставать поздно, пить три раза кофе, перемѣнять три раза платье въ день и наблюдать только одно по хозяйству, чтобъ ея юбки были накрахмалены какъ можно крѣпче. Болѣе она ни во что не входила».

Мухояровъ, Иванъ Матвѣвичъ («О б л о м о в ѣ»).—Братецъ Пшеницной, кумъ Тарантьева. По словамъ Агафьи Матвѣевны, «служить въ канцеляри, гдѣ мужиковъ записываютъ. «Тридцать лѣтъ на одномъ стулѣ сидитъ, всѣмъ присутствіемъ вертитъ», говоритъ Тарантьевъ. М. на службу отправлялся «съ большимъ бумажнымъ пакетомъ подъ мышкой, съ толстой палкой и въ резиновыхъ калошахъ, несмотря на сухой и жаркій день». «Онъ былъ лѣтъ сорока, съ прямымъ хохломъ на лбу и двумя небрежно на вѣтеръ пущенными такими же хохлами на вискахъ, похожими на собачьи уши средней величины. Сѣрые глаза не вдругъ глядѣли на предметъ, а сначала взглядывали украдкой, а во второй разъ ужъ останавливались». «Рукъ своихъ онъ какъ будто стыдился, и когда говорилъ, то старался прятать, или обѣ за спину, или одну за пазуху, а другую за спину. Подавая начальнику бумагу и объясняясь, онъ одну руку держалъ на спинѣ, а среднимъ пальцемъ другой руки, ногтемъ внизъ, осторожно показывалъ какую-нибудь строку или слово и, показавъ, тотчасъ пряталъ руку назадъ, м. б., оттого, что пальцы были толстоваты, красноваты и немного тряслись, и ему не безъ причины казалось несовсѣмъ приличнымъ выставлять ихъ часто напо-

газъ». «Вицмундиръ на немъ былъ застегнутъ на всѣ пуговицы, такъ что нельзя было узнать, есть ли на немъ бѣлье, или нѣтъ; галстукъ завязанъ простымъ узломъ и концы спрятаны внизъ». «Онъ былъ болѣе нежели небреженъ въ платьѣ, въ бѣльѣ: платью носилъ по многимъ годамъ и тратилъ деньги на покупку новаго съ отвращеніемъ и досадой, не развѣшивалъ его тщательно, а сваливалъ въ уголъ, въ кучу. Бѣлье, какъ чернорабочій, мѣнялъ только въ субботу; но что касалось стола, онъ не щадилъ издержекъ». «Въ этомъ отношеніи онъ былъ «великій эпикуреецъ» и кромѣ того отчасти руководствовался своей собственной, созданной имъ, со времени вступленія въ службу, логикой: «не увидать что въ брюхѣ—и толковать пустяковъ не стануть; тогда какъ тяжелая цѣпочка на часахъ, новый фракъ, свѣтлые сапоги—все это порождаетъ лишніе разговоры». «отъ этого на столѣ у Пшеницыныхъ являлась телятина перваго сорта, янтарная осетрина, бѣлые рябчики. Онъ иногда самъ обходитъ и обнюхаетъ, какъ лягавая собака, рынокъ, или Милютины лавки, подъ полой принесетъ лучшую пулярку, не пожалѣвъ четырехъ рублей на индѣйку». «Вино онъ бралъ съ биржи и пряталъ самъ, и самъ доставалъ; но на столѣ никогда никто не видалъ ничего, кромѣ графина воды, настоенной смородиннымъ листомъ; вино же вышivalось въ свѣтлицѣ». «Когда онъ съ Тарантьевымъ отправлялся на тоню, въ пальто у него всегда спрятана была бутылка высокаго сорта мадеры, а когда пили они въ заведеніи чай, М. приносилъ съ собою ромъ».—У тебѣ денегъ то лопатой не переворочаешь!» говорилъ М-у Тарантьевъ. По собственному признанію, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ (десятый годъ) «секретаремъ», въ день собираетъ «по цѣлковому, да по трехрублевому», а прежде гривенники, да двутривенные болтались въ карманѣ, а иногда, срамъ сказать, зачастую и мѣдью приходилось собирать». Въ двадцать пять лѣтъ составилъ себѣ лишь такой капиталъ, что можно прожить на Выборгской сторонѣ, не показывая носа на свѣтъ Божій: кусокъ будетъ хорошей... Не жалуюсь, хлѣба не переѣшь! говорилъ М. Онъ же мечталъ о большемъ:—«Что это за жизнь!» «Есть, по словамъ М., счастливые, что за одно слово, —такъ вотъ шепнетъ на ухо другому, или строчку продиктуетъ, или просто имя свое напишетъ на бумагѣ—и вдругъ такая опухоль сдѣлается въ карманѣ, словно подушка, хоть спать ложись». У М. было тридцать пять тысячъ капитала.—«Что-жъ все тридцать-пять. Когда до пятидесяти дотанешь? Да и съ пятьдесятью въ рай не попадешь»—разсуждалъ онъ.—Женишься, такъ живи съ оглядкой, каждый рубль считай, объ ямайскомъ забудь и думай—что это за жизнь!» Въ мечтахъ у него былъ свой «рай»: квартира на Литейной, ковры, женитьба на богатой, недоступности такая, что «просители и въ лицо почти не видать и подойти не смѣють. Сядетъ въ карету, въ кл у б ъ! крикнетъ, а тамъ, въ клубѣ-то, въ звѣздахъ руку жмутъ, играетъ-то не по пятаку, а обѣдать-то, обѣдать—ахъ! Про селянку и говорить постыдится: сморщится, да плюнетъ. Нарочно зимой цыплятъ дѣлаютъ къ обѣду, землянику въ апрѣлѣ подадутъ! Дома жена въ блондахъ, у дѣтей гувернантка, ребятишки причесанные, разряженные». «Коренной русскій служака», по характеристикѣ Тарантьева. «Золотой человекъ». Учился въ гимназій, да изъ шестого класса «взялъ» его «отецъ и опредѣлилъ въ правленіе».—«Что наша наука! Читая, писать, грамматикѣ, ариметикѣ, а дальше и не пошелъ-ся. Кое-какъ приспособился къ дѣлу, да и перебиваюсь по маленьку». признавался онъ Обломову.—«Прошло времячко! жаловался М. Тарантьеву».—«И рожа, слышь не такая, и пальцы, видишь, красны, зачѣмъ воду пьешь». А какъ ее не пить-то? Попробуй! хуже лакея, говорятъ: нынче и лакей такихъ сапогъ не носитъ, и рубашку каждый день мѣняетъ». Особенно былъ недоволенъ на службѣ «молокососами», которые всюду «гадятъ»: все они перебили, ломаются, читаютъ, да говорятъ по французски и «дѣло смыслятъ».

Съ просителей М. бралъ и серебромъ и мѣдью, предъ начальствомъ былъ «тише воды, ниже травы». Когда ему велѣли подать въ отставку, (за его продѣлку съ Обломовымъ: заемное письмо), онъ «паль предъ стопы» начальства; послѣ увольненія, М. «разными хитростями и поклонами» добился того,

что вновь поступилъ на прежнее мѣсто. На Обломова М. произвелъ впечатлѣніе «положительнаго, дѣловаго» человѣка»; въслѣдствіи Ильи Ильича измѣнилъ свое мнѣніе и называлъ его «пройдохю». По выраженію Тарантьева, М. «мастеръ строчить бумаги». Составилъ такой контрактъ Обломову, что Тарантьевъ пришелъ въ восторгъ: не забылъ включить въ условіе о наймѣ квартиры «и огороды, и конюшни, и амбары». По рекомендаціи того же М., въ Обломовку былъ командированъ, чтобы «повысосать немного», сослуживецъ М., Затертый, который уже «не въ первый разъ запускаетъ лалу въ помѣщичьи деньги». Затертый былъ рекомендованъ Ильѣ Ильичу М-вымъ «какъ дѣловой и знающій человѣкъ». На увѣренія Обломова, что онъ (Обломовъ) ничего не понимаетъ въ дѣлахъ, М. «бросилъ двойной взглядъ на Илью Ильича» и смиренно, «съ покорной усмѣшкой», замѣтилъ:—«Изволили-же чѣмъ-нибудь заниматься: нельзя, чтобъ»... Тарантьеву же отозвался объ Обломовѣ:—«Что за голова! Меня даже смѣхъ взялъ! Приравнивалъ Илью Ильича къ «олухамъ», которые «пока не перевелись на Руси». М. сразу опредѣлилъ, что «Илья Ильичъ трусоватъ, никакихъ порядковъ не знаетъ» и въ его голову залѣтъ «сокровище», «такая птица»: мысль «обставить Обломова. Однако, во время бесѣды съ Илѣей Ильичемъ, М. не сядился; лишь послѣ двукратнаго предложенія рѣшился сѣсть, перегнувшись тѣломъ впередъ и поджавъ руки въ рукава». «Проворно вставалъ», всякій разъ когда Обломовъ подходилъ къ нему и «смирненно» отвѣчалъ на вопросы; когда Обломовъ началъ ходить по комнатѣ, М. «стоялъ на своемъ мѣстѣ и, всякій разъ, слегка ворочался всѣмъ корпусомъ въ тотъ уголъ, куда пойдетъ Обломовъ, «пряча руки въ рукава».—Сталъ бы я связываться съ этакимъ, если-бъ зналъ! (что Штольцъ съ генераломъ другъ-другу ты говорятъ)», замѣтилъ М. Тарантьеву.—«Законное дѣло! передразнилъ онъ Тарантьева:—«Поди-ка скажи тамъ» (начальству):—языкъ прилипне къ гортани». Однако, когда М. чувствовалъ свою силу, то, на «грозныя возраженія» Обломова, отвѣчалъ спокойно:—«Вотъ-съ въ контрактѣ сказано, —извольте прочесть»...—«По закону такъ-съ. Сами изволили подписать: вотъ подпиши-съ». На просьбу Обломова дать ему посмотреть контрактъ:—«Вотъ-съ, копію извольте получить, а контрактъ принадлежить сестрѣ, —мягко отозвался Ив. Матв., взявъ контрактъ въ руку»; показывая заемное письмо Обломова Штольцу, обратилъ его вниманіе на подпись Ильи Ильича и «на засвидѣтельствованіе маклера».—«Законъ-съ», —сказалъ онъ:—«мое дѣло сторона!» Когда же Штольцъ, «уѣзжая, пригрозилъ М., что этимъ не кончится дѣло, оправдывался:—«Законное дѣло-съ, а я въ сторонѣ». «Обдѣлывая» «законное дѣло» съ заемнымъ письмомъ Обломова, М., вопреки совѣта Тарантьева, не желаетъ дѣйствовать «принудительно».—«Нѣтъ, нѣтъ, Боже сохрани! Все испортишь, кумъ: скажетъ, что принудили, пожалуй, упомянетъ про побой, уголовное дѣло. Нѣтъ, это не годится! А вотъ что можно: предварительно закусить съ нимъ и выпить: онъ смородиновку-то любить. Какъ въ головѣ зашумитъ, ты и мигни мнѣ: я и войду съ письмецомъ-то. Онъ и не посмотритъ сумму, подпишетъ, какъ тогда контрактъ, а послѣ поди, какъ у маклера будетъ засвидѣствовано, допрашивайся! Совѣстно будетъ этакому барину сознаться, что подписалъ въ нетрезвомъ видѣ; законное дѣло!»—«А какъ удачно пройдетъ, можно годика черезъ два повторить: законное дѣло!» и онъ выпилъ съ кумомъ за здоровье олуховъ!—Когда же «законное дѣло» «не выгорѣло» и М. пришлось изъ-за этого уйти со службы, во всемъ обвинилъ Тарантьева:—«Нѣтъ, кумъ, ужъ если въ петлю лѣзть, такъ тебѣ первому: кто уговаривалъ Обломова пить-то? Кто срамилъ, прозилъ? Выйдя въ отставку, М. женился и сталъ заниматься подрядами, но разорился и, въ концѣ-концовъ, поступилъ на прежнее мѣсто. «Онъ опять началъ ходить пѣшкомъ въ должностъ и приносить «четвертаки и полтинники и двугривенные, наполняя ими далеко спрятанный сундучокъ».

Мышинскіе («Обрывъ»).—Уп. л. Знакомые Аянова.

Мѣшечниковъ, Гаврила Ивановичъ («Обрывъ»).—Уп. л. Чиновникъ въ палатѣ; по словамъ Савелія, М. «лишетъ всѣ бумаги» по дѣламъ Татьяны Марковны.

Н.

Н. Н. («Фрег. Пал.»).— См. Списокъ:— Назимовъ.

Н. Н. М. («Фрег. Пал.»).—См. Списокъ:—Муравьевъ, Н. Н.

Надежда Васильевна («Обрывъ»).— См. Пахотина, Н. В.

Надежда Нинитишна («Обрывъ»).—Уп. л. Марейнкѣ было «завидно глядѣть на Н. Н.: у ней семь человекъ (дѣтей)... Куда не обернись, вездѣ дѣти!»

Наденька Любецкая («Обык. Ист.»).—«Маленькая брюнетка», «восемнадцати лѣтъ». «Она была не красавица и не приковывала къ себѣ мгновенно вниманія. Но если кто пристально вглядывался въ ея черты, тотъ долго не сводилъ съ нея глазъ. Ея физіономія рѣдко оставалась двѣ минуты покойною. Мысли и разнородныя ощущенія до крайности впечатлительной и раздражительной души ея, безпрестанно смѣнялись однѣ другими, придавая лицу ея ежеминутно новое и неожиданное выраженіе. Глаза, напримѣръ, вдругъ бросать будто молнію, обожгутъ и мгновенно спрячутся подъ длинными рѣсницами; лицо сдѣлается безжизненно и неподвижно—и передъ вами точно мраморная статуя. Ожидаясь велѣдъ затѣмъ опять такого же пронзительнаго луча—отнюдь нѣтъ! вѣки поднимаются тихо, медленно—васъ озаритъ кроткое сіяніе взоровъ». Въ движеніяхъ Н. было «много граціи», и въ этой граціи—много тихаго, порывистаго». «Въ разговорахъ тѣ же неожиданные обороты: то вѣрное сужденіе, то мечтательность, рѣзкій разговоръ, потомъ ребяческая выходка, или тонкое притворство». «Все показывало въ ней умъ пылкій, сердце своеправное и непостоянное». По словамъ ея матери, Н. «такая живая, такая рѣзвушка,—вскочитъ, запоетъ да побѣжитъ,—вѣтеръ». По мнѣнію влюбленнаго Александра, Н.—«это ангель, олицетворенная искренность, женщина какую, кажется, Богъ впервые создалъ во всей чистотѣ и блескѣ». Это «не только чувствующая, это мыслящая дѣвушка... глубокая натура». «Въ разговорѣ у нея нѣтъ «пошлыхъ общихъ мѣстъ», и, по мнѣнію влюбленнаго Александра, свѣтлымъ умомъ блестятъ ея сужденія, у нея «огонь въ чувствахъ». Отвергнутый Н., Александръ называетъ ее «капризной дѣвочкой, не понимающей ни его, ни самой себя, ни любви». По увѣренію матери, Н. «тайкомъ и мысли ни какой не допустить».—«Дай Богъ всякому такую дочь!» Н. пользовалась полною свободою, распоряжалась и собою, и маменькою, и своимъ временемъ, и занятіями, какъ хотѣла. Впрочемъ, она была добрая и нѣжная дочь, нельзя сказать—послушная, потому только, что не она, а мать слушалась ея.—«Ахъ, перестаньте, перестаньте загадывать!»—«Не пророчьте: мнѣ что-то страшно дѣлается, когда вы говорите такъ». «Говорятъ, будто, что было однажды, то ужъ никогда больше не повторится!» По ея словамъ, «нельзя вѣрить самимъ себѣ». Она «гордилась любовью» Александра «и звала его «мой поэтъ», но, «иногда на вздохи и стихи отвѣчала зѣвотой», т. к. «сердце ея было занято, но умъ оставался празденъ». Подъ вліяніемъ любви къ графу она измѣнилась: «нѣтъ небрежности въ обращеніи. Она осмотрительнѣе въ поступкахъ, какъ будто стала разсудительнѣе». «Гдѣ милые капризы, дикость, шалости, рѣзвость? Все пропало. Она стала серьезна, задумчива, молчалива. Ее какъ будто что-то мучить». Она стала «похожа на всѣхъ дѣвицъ: такая же притворщица, такъ же лжетъ, такъ заботливо спрашиваетъ о здоровьѣ... такъ постоянно внимательна, любезна по формѣ». «Въ какіе-нибудь два, три мѣсяца», «эта дѣвушка образовалась въ женщину».

Критика: «Я рисовалъ не Наденьку, а русскую дѣвушку извѣстнаго круга той эпохи, въ извѣстный моментъ. Самъ я никакой одной Наденьки лично не зналъ, или зналъ многихъ». И. Гончаровъ. [«Лучше поздно, чѣмъ никогда»]. «Это дитя природы, вѣчный матеріалъ, изъ котораго жизнь, въ ея вѣншихъ формахъ, творитъ все, что хочетъ, безъ всякой борьбы во имя какихъ бы

то ни было высших началъ. При благопріятныхъ условіяхъ, изъ нихъ могутъ выработаться добродѣтельныя, но недалекія матери семействъ, свѣтскія дамы, отражающія въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, предразсудки и слабыя стороны среды, типичныя классныя дамы; въ мѣщанской средѣ—изъ нихъ по преимуществу вербуются классъ надоѣдающихъ женъ, несносныхъ сплетницъ, мелочныхъ, придирчивыхъ хозяекъ. Безтолковое воспитаніе, при отсутствіи хорошихъ интеллектуальныхъ задатковъ отъ природы, служить опредѣляющей чертой этого типа, [Л я ц к і й].

Накамуро Тамея («Ф р е г. П а л.»).—Японецъ, церемоніймейстеръ, «съ широкимъ круглымъ лицомъ, съ плоскимъ и нѣскольکو вздернутымъ, широкимъ же арабскимъ носомъ». «Въ его наружности было что-то дикое»; онъ былъ похожъ немного взглядами, голосомъ и движеніями на звѣря («медвѣдя»), но былъ смысленный и распорядительный человѣкъ». Когда вмѣсто полномочныхъ на фрегатъ начали посылать Н. съ секретарями, онъ быстро усвоилъ «роль начальника: «какъ медвѣдь неловко влѣзалъ на мѣсто, гдѣ сидѣли полномочные, сжималъ, по привычкѣ многихъ японцевъ, руки въ кулаки и опиралъ ихъ о колѣни, морщилъ лобъ и говорилъ съ важностью». Получивъ отъ адмирала запечатанный пакетъ, заключавшій важныя бумаги, «для передачи полномочнымъ», Н. «преблагополучно доставилъ его по адресу. Но на другой день вдругъ явился, въ ужасной тревогѣ, съ пакетомъ, умоляя взять его назадъ...—«Какъ взять? Это не водится, да и не нужно, причины нѣтъ! приказалъ отвѣтить адмиралъ.—«Есть, есть», говорилъ Н.,—мнѣ не вѣлѣно возвращаться съ пакетомъ, и я не смѣю ухватить отъ васъ. Сдѣлайте милость, возьмите!» Отъ радости, что его просьба была исполнена. Н. «отвязалъ отъ пояса бронзовый флакончикъ для духовъ и подаль его» взявшему пакетъ.—Услыша игру на піанино, Н. пришелъ въ восторгъ; въ такой же восторгъ привели Н. и подаренныя ему картинки изъ журналовъ, среди которыхъ были изображенія прошлогоднихъ женскихъ модъ. «Женскія фігуры и платья произвели большой эффектъ».

Нарабойси 1-ый («Ф р е г. П а л.»).—Уп. л. Японецъ-переводчикъ, двоюродный братъ Н-и 2-го.

Нарабойси 2-ой («Ф р е г. П а л.»).—Переводчикъ-японецъ, представитель молодой Японіи (см. Съюза). «Молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, говорящій немного по англійски». «Очень скромный, задумчивъ; у него нѣтъ столбняка въ манерахъ» и «самоувѣренности». «У него что-то бродитъ въ головѣ, сознаніе и потребность чего-то лучшаго противъ окружающаго его»; со вздохомъ сознался, что все, видѣнное на фрегатѣ, «приводитъ его въ восторгъ, что онъ хотѣлъ бы быть европейцемъ, русскимъ, путешествовать и заглянуть куда-нибудь, хоть бы на Бонимъ-Сима».

Настасья Ивановна («О б л о м о в ѣ»).—«Пожилая дѣвушка», дальняя родственница отца Ильи Ильича, состояла въ свитѣ матери Обломова вмѣстѣ съ Пелагеей Игнатъевной и Степанидой Агаповной (такими же дальними родственницами Ильи Ивановича).

Настасья Петровна («О б р ы в ѣ»).—Одна изъ знакомыхъ Бережковыхъ, присутствовавшая «на парадномъ завтракѣ» въ Малиновкѣ. Когда Иванъ Петровичъ заговорилъ о туркахъ (они «издревле притѣсняють христіанъ, жгутъ, рѣжутъ, а женщинъ того...») Н. П., по замѣчанію Тычкова, «покраснѣла», но Тычкову она возразила:—«Что вы, ваше превосходительство... отъ чего мнѣ краснѣть? Я и не слыхала, что говорить», сказала Н. П. «бойко», «жеманно поправляя шаль». Тычкова называла ее «плутовкой» и спрашивалъ священника, не жаловалась ли Н. П. на исповѣди на мужа, что онъ...—«Ахъ, что вы, ваше превосходительство! торопливо перебила» Н. П.

Настасья Ѳадеевна («О б л о м о в ѣ»).—Знакомая стариковъ Обломовыхъ, пріятельница матери Ильи Ильича.

Наталья Ивановна («О б р ы в ѣ»).—Уп. л. Жена священника, подруга Вѣры по пансіону. По словамъ Татьяны Марковны, «добрая, смиренная курица,

лепечеть безъ умолку, поетъ, охотница шептаться, особенно съ Вѣрой: такъ и щебечеть, и все на ухо»; неглупа, читаетъ много книгъ и пріодѣтъся любить». «Ей только—дарила свое довѣріе Вѣра». Н. И., по характеристикѣ Татьяны Марковны, «послушная раба» Вѣры. «Вѣра любитъ ее за то, что характера нѣтъ», «за гибкость, за податливость, за то, что та не выходитъ изъ ея воли». «Вѣрочкинь взглядъ, даже капризь—для нея святы. «Что только та сказала, то» для Н. И. «только и умно, и хорошо».

Наталья Егдеевна («Обрывъ»).—Дворянка, «одна изъ плетельщицъ кружевъ у Татьяны Марковны». Когда Егорка «провертѣлъ щель» въ перегородкѣ, отдѣлявшей кабинетъ Райскаго отъ корридора и приглашалъ другихъ дѣвушекъ «въ щелку посмотрѣть», какъ дѣвствуетъ тамъ Борисъ Павлычъ, «любопытная Н. сама напрашивалась»:—«Покажи мнѣ, что тамъ такое!»—«Вы прекрасная дѣвица, Н. Ѳ., отвѣтилъ Егорка нѣжно:—«словно—барышня! Я бы не то что въ щелку далъ вамъ посмотрѣть, руку и сердце предложилъ бы—только... рожу бы вамъ другую!» Н. Ѳ. «обидилась».—Ругатель! сказала она, уходя изъ комнаты:—право ругатель!»

Наташа («Обрывъ»).—Героиня «старого эпизода» изъ жизни Райскаго, «подруга» его юности. «Масляный портретъ» Н., «скорой рукой набросанный» и едва подмалеванный Райскимъ, хранился у него; «въ заглавіи» старой «тетради» Бориса Павловича стояло: «Н а т а ш а».—«Голубь, а не женщина!» называлъ Райскій Наташу, воскрешая ея образъ. «Это былъ чистый, свѣтлый образъ, какъ Перуджиніевская фигура, простодушно и безсознательно жившій и любившій, съ любовью пришедшій въ жизнь и съ молитвой отходящій отъ нея». «И ея болѣзненная, страдальческая жизнь, и преждевременная смерть казались ей—такъ надо. Она подбила Райскаго «не страстью, а какою-то ничѣмъ не возмутимую, ничего не боящуюся любовью, безъ слезъ, безъ страданій, безъ жертвъ, п. ч. не понимала что такое жертва, не понимала, какъ можно полюбить и опять не любить». «Для нея любить—значило дышать, жить, не любить—перестать дышать и жить». «На вопросы его (Райскаго:—«Любишь ли? Какъ?»)—«Она, сжавъ ему крѣпко шею и стиснувъ зубы, по дѣтски отвѣчала:—«Вотъ такъ! «А на вопросъ:—«Перестанешь ли любить»? говорила задумчиво:—«Когда умру, такъ перестану». Дочь «бѣдной, больной женщины», Н. осталась рано сиротой. Райскій узналъ Н. въ самую опасную минуту, «когда ея невѣдѣнію и невинности готовились сѣти, со стороны одного «благодѣтеля». «Спасая искренно и горячо отъ сѣтей этого б л а г о д ѣ т е л я Н.,—Райскій влюбился самъ въ нее; онъ и Н. получили благословеніе «у смертнаго одра матери». «Оба протягивали руки къ брачному вѣнцу—и оба... не устояли». «Гробъ» матери Н. сталъ «между ними и бракомъ». «Глубокій трауръ, вдругъ облекшій ея молодую жизнь, подломилъ и ея хрупкій наследственно-болѣзненный организмъ, въ которомъ еще сильнѣе скорби и недуга, горѣла любовь и волновала нетерпѣніемъ и жадной счастія». «Съ той минуты какъ она полюбила» Райскаго, въ глазахъ и улыбка ея засвѣтился тихій рай: онъ свѣтился два года... «Но ни разу на лицѣ ея не блеснулъ таинственный лучъ затаеннаго, сдержаннаго упоенія, никогда—потеряннаго, безумнаго взгляда, которымъ выговаривается пожирающее душу пламя»—«въ ней не было признака страсти». «До послѣдней минуты, «похолодѣвшія губы шептали неизмѣнное л ю б л ю , рука повторяла привычную ласку»; даже, когда Райскій «исчезалъ на мѣсяцы», «возвращаясь, онъ былъ встрѣчаемъ опять той же улыбкой, тихимъ свѣтомъ глазъ, шопотомъ нѣжной, кроткой любви». «Никогда—ни упрека, ни слезы, ни взгляда удивленія или оскорбленія за то, что онъ прежде былъ не тотъ, что завтра будетъ опять иной, чѣмъ сегодня, что она проводитъ дни оставленная, забытая, въ страшномъ одиночествѣ». У ней и въ сердцѣ, и въ мысли не было упрековъ и слезъ, не срывались укорины съ языка. Она не подозрѣвала, что можно сердиться, плакать, ревновать, желать, даже требовать чего-нибудь именемъ своихъ правъ». У ней было одно желаніе и право: любить». «Она думала и вѣрила, что такъ, а не иначе, надо любить и быть любимой, и что весь

міръ такъ любить и любимъ». «Обида, зло падали въ жизни на нее иногда и съ другихъ сторонъ: она блѣднѣла отъ боли, отъ изумленія, подкашивалась и безсознательно страдала, принимая зло покорно, не зная, что можно отдать обиду, заплатить зломъ». Лишь спустя педѣлю, послѣ того какъ «совсѣмъ слегла», Н. написала записку Райскому: «Навѣсти меня милый Борисъ: я умираю. Твоя Н.». Когда же Райскій пришелъ, она просила простить, что «потревожила»:—«Я всего педѣлю какъ слегла: грудь заболѣла». А сама «старалась слабой рукой сжать его руку и не могла». Она не хотѣла, чтобы онъ «скучалъ съ нею», но, въ кошпѣ-концовъ призналась:—«Я схитрила... шептала она, приложивъ свою щеку къ его щекѣ»:—«мнѣ вотъ ужъ третій день легче, а я написала, что умираю... мнѣ хотѣлось замалить тебя... Прости меня!»—«Она не догадывалась объ отжившей любви (со стороны Райскаго) и не поняла-бы никогда причинъ».—«Бѣдная Н.», думалъ позднѣе Райскій:—ты и живая была такъ же блѣдно окрашена въ цвѣта жизни, какъ и на полотнѣ моей картины и на бумагѣ перомъ!»

Начальникъ отдѣленія («Обыкн. Ист.»).—«Пріятель Петра Ивановича». «Крутенекъ». «Точно Юпитеръ громовержецъ; откроетъ ротъ—и бѣжитъ Меркурій съ мѣдной бляхой на груди; протинетъ руку съ бумагой—и десять рукъ тянутся принять ее».

Начальникъ порта («Фрег. Пал.»).—Начальникъ аянскаго порта. Штабсъ-офицеръ. Подошелъ къ путешественникамъ, «не знавшимъ куда преклонить голову», спросилъ ихъ имена, сказалъ свое, и пригласилъ къ себѣ ужинать, а завтра обѣдать».

Негоціантъ («Фрег. Пал.»).—Н. нѣмецъ изъ Гонъ-Конга. «Грозилъ путешественникамъ «ураганомъ». На вопросъ—«стало быть, лучше уходить въ море?»—отвѣчалъ:—«Богъ знаетъ гдѣ лучше! Послѣдній разъ, во время урагана, потонуло до восьмидесяти судовъ въ морѣ, а на берегу опрокинуло цѣлый домъ и задавило пять человѣкъ; въ гонъ-контской гавани погибло безъ счета лодокъ, и съ ними до ста человѣкъ».

Негрятяна («Фрег. Пал.»).—Старая Н., служанка хозяйки дома въ Стелленбошѣ (Капская колонія). «Черная, какъ поношенный атласъ, старуха, съ платкомъ на головѣ; была «не въ своемъ умѣ». Увидя проѣзжихъ, вмѣсто пріѣтствія, «высунула имъ языкъ».

Негрятянка («Фрег. Пал.»).—Старая Н., торговка апельсинами въ Порто-Прайя. «Болтала немного по англійски и называла Гопчарова: сипльоръ французъ. О русскихъ она не слыхала». Когда Гончаровъ «рѣшился купить» у Н. всю корзину апельсиновъ, она изъ другой корзинки выбрала еще нѣсколько самыхъ лучшихъ апельсиновъ и хотѣла «ихъ «подарить».—«Present, present», твердила она. Когда же покупатель сталъ «вынимать изъ кармана деньги, чтобы заплатить и за эти», «она ужасно разсердилась и взяла-было назадъ и первую корзину».

Нелюбова («Обрывъ»).—Уп. л. Кузина Софьи Бѣловодовой. Во время «сцены» между Софьей и Ельнинымъ «все замѣтила» и пересказала Михайловымъ.

Никита («Обрывъ»).—Уп. л. Лакей Бережковой. Съ Н.—Марина «познала любовь и ея тревоги».

Никита («Обломовъ»).—Слуга Ильинскихъ, тотъ самый, который, по словамъ Анисьи, былъ виновникомъ болтовни («хорошо если-бъ вашъ баринъ, Илья Ильичъ, посваталъ барышню»). По словамъ Анисьи, «дуракъ»: онъ и за каретой, «когда ѣдетъ, такъ словно спитъ». Приписалъ Обломову на Выборгскую книги и записки отъ Ольги.

Никита («Слуги»).—Уп. л. Дьяконъ прозванный Еремѣемъ. По словамъ Валентина, И. «хвастался», что понимаетъ Покалипсисъ (Апокалипсисъ). Призванный архіереемъ, во время торжественнаго обѣда, къ отвѣту, Н. «не зналъ куда дѣться изъ-за стола: «провалился бы», рассказывалъ онъ, «лучше сквозь землю. И кудебьяка, говорить, такъ и заперла мнѣ горло....» «А ну-ка, дьяконе,

скажи...» это архіерей-то говорит дьякону: «скажи, говорить, что значить блудница, о которой повѣтствуетъ, св. Іоаннь Богословъ въ Покаяніи...» Вотъ дьяконъ—самъ послѣ сказываль—не разжевавши хорошенько, почестъ цѣликомъ цѣлую корку кувѣяки съ семгой проглотилъ. Чуть не подавился, весь покраснѣлъ, какъ ракъ. «Ну, говори, коли понимаешь!»—нудилъ архіерей.—«Блудница... святой владыко... это... это...—мямлилъ дьконъ:—это св. Іоаннь Богословъ прорекаетъ о заблудшей западной римской католической церкви...» Такъ Н. и «замолчалъ»: у него дыханіе перехватило». Съ тѣхъ поръ, по словамъ Валентина (см. Архіерей), во всемъ селѣ, всѣ, даже мужики, дьякона Н. и прозвали Еремѣемъ, а подъ сердитую руку и блудницей дразнили».

Никитишна («Обыкн. Ист.»).—Уп. л. Старуха. «Она, говорятъ, многимъ помогаетъ... Она только пошепчетъ на воду, да подышитъ на спящаго чело-вѣка—все и пройдетъ», рассказываетъ о Н. Анна Павловна.

Николай Андреичъ Винентьевъ («Обрывъ»).—«Колчинскій барченокъ» какъ называетъ его Васисла. «Помѣщикъ». «У нихъ (съ матерью) четыреста душъ».—«Чиновникъ», «служить у губернатора по особымъ порученіямъ». «Свѣжій, «цвѣтушій» молодой человекъ, двадцати трехъ лѣтъ, «съ темнорусыми, почти каштановыми волосами, съ румяными щеками и съ сѣро-голубыми вострыми глазами, съ улыбкой, показывающей рядъ бѣлыхъ, крѣпкихъ зубовъ». «Средняго роста», «красиво и крѣпко сложенный». «Хорошенькій», по оцѣнкѣ Марѣинки. «Учился въ Казани, въ университетѣ»; думаль «пойти въ гусары». «Поетъ», «играетъ», «танцуетъ»; «проказничаетъ» иногда, такъ что его «хотѣли посадить на гаушвахту».—«На все гораздый»,—по словамъ Бережковой. «Бхаль къ вамъ», рассказываетъ онъ Марѣинкѣ,—«а тамъ на рѣкѣ, въ осокѣ, вижу сидитъ въ лодкѣ Иванъ Матвѣичъ. Я попросился къ нему, онъ подѣхаль, взялъ меня, я и четверти часа не сидѣлъ вотъ какого (сазана) выудилъ. А это вамъ, Марѣа Васильевна, дорогой вопъ тутъ во ржи нарваль васильковъ». Ъздитъ «на заводъ, покупать лошадей», въ Москву—«заказывать гардеробъ и экипажи» для свадьбы. У него есть «катеръ» и всѣ гребцы—пѣсенники». «Веселый» «сорванецъ», «шалунъ и рѣзвый»,—по словамъ «бабушки». Мастеръ передразнивалъ. Передразнивая Нила Андреевича, Н. А. «сдѣлалъ важную мину, сталъ посреди комнаты, опустилъ бороду въ галстухъ, сморщился, поднялъ палецъ вверхъ и дряблымъ голосомъ произнесъ: «Молодой человекъ! Твои слова потрясаютъ авторитетъ старшихъ». Должно быть, очень было похоже на Нила Андрееча, «п. ч.—даже «бабушка», противъ воли, засмѣялась. Подражая м-р. Шарлю, Н. А. «вышелъ на середину комнаты, сдѣлалъ сладкую мину, корпусъ наклонилъ немного впередъ, руки округлил, шляпу взялъ подъ мышку.—*Mille pardons, mademoiselle, de vous avoir dérangée.* То «съ головой уйдетъ въ рожъ, перепела передразниваетъ».—«Я—вотъ что сдѣлаю»,—предлагаетъ онъ Марѣинкѣ: «побѣгу впередъ, сяду за кушетъ и объяснюсь Полниѣ Карповнѣ въ любви голосомъ Бориса Павловича».—Только Марѣинька удержала его отъ этого. Читая вслухъ «Кунигунду», «вставлялъ отъ себя въ романъ цѣлыя тирады или читалъ разными голосами. Когда говорила угнетенная героиня, онъ читалъ тоненькимъ, жалобнымъ голосомъ, а за героя читалъ своимъ голосомъ, обращаясь къ Марѣинкѣ, отчего та поминутно краснѣла и дѣлала ему сердитое лицо». Въ лицѣ грознаго родителя Н. А. представлялъ Нила Андреевича». У него отняли книгу и велѣли сидѣть мирно». Онъ умѣетъ «комически расканиваться», рассказываетъ комическій сонъ. Онъ «не посидитъ ни минуты спокойно»:—«живчикъ», по словамъ «бабушки». Придя въ гости къ Бережковой, «онъ не сидѣлъ, не стоялъ на мѣстѣ, то совался къ бабушкѣ, то бѣжалъ къ Марѣинкѣ и силился переговорить обѣихъ. Почти въ одну и ту же минуту лицо его принимало серьезное выраженіе и вдругъ разливалось по немъ смѣхъ и показывались крупныя бѣлыя зубы, на которыхъ отъ торопливости его говора, или отъ смѣха, иногда вскакивалъ и пропадалъ пузырь». Постоянно «божится». Бабушка называетъ его «верченымъ». Ему «не сидится»; въ ногахъ такъ и зудитъ», по ея выраженію; онъ

«скачетъ и прыгаетъ по комнатѣ, какъ ргуть, «говоритъ мать Н. А.—ича. Марейнька выбѣжала изъ комнаты. «Онъ бросился» за Марейнькой, черезъ минуту оба уже гдѣ-то хохотали», черезъ минуту еще—«раздались звуки вальса», «потомъ кто-то точно скатился съ лѣстницы, а дальше промчались по двору и бросились въ садъ». Н. А. «нарочно выпачкался въ мукѣ на мельницѣ», чтобы разсмѣшить Марейньку. «Лѣзетъ на крышу за ея котенкомъ» и т. д. «Живость» проявляется и въ его смущеніи и недоумѣніи. Когда Марейнька, послѣ выговора бабушки, измѣнила обращеніе съ Н. А., онъ вытаращилъ глаза на нее, потомъ на бабушку, потомъ опять на нее, поерошилъ волосы, взглянулъ мелькомъ въ окно, вдругъ сѣлъ и въ ту же минуту вскочилъ:—«Марѳа Васильевна, «заговорилъ онъ: пойдите... смотрѣть: сейчасъ молодые проѣдутъ...» Или: Н. А. «постоялъ минуту двѣ въ недоумѣніи, почесывая то затылокъ, то брови, потомъ, вмѣсто того чтобы погладить волосы, какъ дѣлаютъ другіе, поерошилъ ихъ, растегнулъ и застегнулъ пуговицу у жилета, вскинулъ легонько фуражку вверхъ и, поймавъ ее, выпрыгнулъ изъ комнаты, сказавши:—«Я за нотами и книгами,—сейчасъ прибѣгу». «Онъ видѣлъ, что собирается гроза (отъ «бабушки» и матери, послѣ его предложенія» Марейнькѣ) и началъ метаться въ безпокойствѣ, не зная, чѣмъ отвратить ее, онъ поджималъ подъ себя ноги и клалъ церемонно шляпу на колѣни, или вдругъ вскакивалъ, подходилъ къ окну и высовывался изъ него почти до колѣнъ»—Онъ обернулъ шляпу вверхъ дномъ и забарабанилъ по ней пальцами». — «Татьяна Марковна», — обратился онъ наконецъ къ ней, чтобы отвлечь отъ себя «грозу»:—«я не успѣлъ нынче позавтракать, нѣтъ-ли чего?—вдругъ попросилъ онъ:—я голоденъ...»—«Видите, какой хитрый!» сказала Бережкова, ... «Онъ знаетъ мою слабость, а мы думали, что онъ дитя! не поддѣли, не удалось, хоть и проситесь въ женихи!» «Какъ много кушаетъ!» говорить о немъ Марейнька:—«недавно большую-пребольшую сковородку грибовъ съѣлъ! Сколько булочекъ скушаетъ за чаемъ! Что ни дай, все скушаетъ»... За это «бабушка его любить».—«Нѣтъ, нѣтъ ничего не хочу!»—говоритъ Н. А., когда «бабушка» предлагаетъ «завтракать»:—я съѣлъ цѣлый пирогъ предъ тѣмъ, какъ ѣхать сюда».—«А битаго мяса не станете?»—Вчерашнее жаркое есть, цыплята»...—«Вотъ бы цыпленка хорошо»... согласился онъ.—«Буду слушаться»..., общается онъ Татьянѣ Марковнѣ, послѣ предложенія, чтобы смягчить ее:—«даже ничего... не съѣмъ безъ вашего спроса»...

«Горизонтъ наблюдений и чувствъ» Николая Андрейча «былъ тѣсенъ». Духъ анализа не касался его съ Марейнькой; «пищею обмѣна ихъ мыслей была прочитанная повѣсть, доходившія изъ столицы, новости, да поверхностныя впечатлѣнія окружающей природы и людей». Н. А., по мнѣнію Бережковой, «прекрасный», «добрый». Она «любитъ» его и ему вполне довѣряетъ.—«Куда бы вы ни забѣжали вдвоемъ, что бы ни затѣяли», — говоритъ она Марейнькѣ, — «я знаю, что онъ не скажетъ тебѣ ничего непутнаго.» Когда Марейнька замѣчаетъ Н. А.: «вы... нечестный!»—«Нѣтъ, нѣтъ»,—перебилъ онъ и торопливо поерошилъ голову: не говорите этого. Лучше назовите меня дуракомъ, но я честный, честный, честный... Я никому не позволю усомниться...никто не смѣетъ!» Когда Бережкова, отпуская Марейньку «съ женихомъ» въ гости къ матери Н. А., «довольно серьезно замѣтила ему, чтобъ онъ тамъ въ деревнѣ, соблюдалъ тонкое уваженіе къ невѣстѣ и, особенно при чужихъ людяхъ..., не бѣгалъ съ ней тамъ по рошамъ и садамъ, какъ здѣсь, Н. А. «нѣсколько покраснѣлъ отъ этого предостереженія, какъ будто обидѣлся тѣмъ, что въ немъ предполагаютъ недостатокъ такта».—Губернаторъ, «у котораго онъ служить, «его очень любитъ и никогда не посылаетъ на слѣдствія: что, говоритъ, ему грязнить тамъ. разбирать убійства да воровства, нравственность испортится! пусть, говоритъ, побудетъ при мнѣ».—На службѣ, какъ самъ Н. А. сказывалъ, «у него никакихъ дѣлъ нѣтъ». «Онъ теперь при губернаторѣ, сообщаетъ Марейнька Райскому, —и когда не у насъ»—тамъ обѣдаетъ, играетъ, танцуетъ»...—«Однимъ словомъ. служить!» сказалъ Райскій. Однако Н. А. не былъ «три недѣли» у Бережковой, п. ч. «никакъ нельзя было,

убернаторъ не выпускалъ никуда; велѣли дѣла канцеляріи приводить въ порядокъ... «Новый правитель канцеляріи постуиааетъ—мы дѣла скрѣпляли, описидѣвали»,—говорить онъ:—«Я пяти сотъ дѣлъ по листамъ скрѣпилъ. Даже поночамъ идѣли... У Н. А. за службу уже «крестикъ есть», но онъ никакъ не могъ е заплакать, разставая съ Марѣнькой на нѣсколько дней. При прощаніи Райскимъ, у Н. А. «лицо дружески улыбалось ему, а по носу изъ глазъ катилась слеза «съ вишню», какъ замѣтила Марѣнька». «Бабушку» онъ «любитъ» и «боится»,—говоритъ Марѣнька. Пославъ «мать» «сватать за него» Марѣньку, Н. А. «прошелъ» самъ «не въ комнату, а въ садъ, и выжидалъ, не выглянетъ ли изъ окна его мать. Самъ онъ выглядывалъ изъ-за кустовъ»: «то высунется, то прячется» чья-то голова. Когда позвали Н. А., онъ прежде долго возился въ передней, будто чистился, оправлялся...—«Милости просимъ, Н. А.!—ядовито по-дорывалась съ нимъ Татьяна Марковна, а мать смотрѣла на него проиически. Онъ быстро взглядывала то на ту, то на другую и ерошила голову». «Онъ такъ мутился, что сказалъ Татьянѣ Марковнѣ:—«Здравствуйте, Т. М.,—я вамъ приездъ концерты на билетъ». Съ матерью у Н. А. «происходилъ видимый разладъ существовала невидимая гармонія. Таковъ былъ наружный образъ ихъ отношений». «Между ею и сыномъ была вѣчная комическая война на словахъ». «Они порили на каждомъ шагѣ, за всякіе пустяки,—и только за пустяки. А когда дошло до серьезнаго дѣла, она другимъ голосомъ и другими глазами, нежели какъ обыкновенно, предъявляла свой авторитетъ,—и онъ, хотя сначала протестовалъ, о потомъ сдавался, если требованіе ея было благоразумно». «Этотъ вѣчный поръ шелъ съ утра до вечера между ними, съ промежутками громкаго смѣха. А когда они были ужъ очень дружны, то молчали какъ убитые, пока тотъ или другой не прерветъ молчанія какимъ-нибудь замѣчаніемъ, вызывающимъ непремѣнно противорѣчіе съ другой стороны. И пошло опять». «Любовь его къ матери наружно выражалась также бурно и неистово, до экстаза. Въ припадкѣ нѣжности, онъ вдругъ бросится къ ней, обѣими руками обовьетъ шею и облѣпнть горячими поцѣлуями; тутъ уже между ними произойдетъ буквально драка. Она овить его за уши, дереть, щиплетъ за щеки, отталкиваетъ, наконецъ кликнетъ оясторукую и толстобедрую ключницу Мавру и велитъ оттащить прочь «вол-енка». Когда сынь сообщил ей «чуть слышно»:—«жениться хочу».—«Что?» просила она не ведущаиись?—«Жениться хочу!» «Она взглянула на него быстро.»—«Мавра, Антопъ, Иванъ, Кузьма!—закричала она:—всѣ идите скорѣй сюда—скорѣй!» «Мавра одна пришла».—«Зови всѣхъ людей: Н. А. помѣялся!»—«Христосъ съ нимъ—что вы, матушка, испужали до смерти!»—говояла Мавра, тыча рукой въ воздухъ.—«Я не шучу!»—подтвердилъ онъ рѣзко:—автра я долженъ отвѣтъ дать. Что ты скажешь?»—«Велю залереть тебя... наешь куда!»—шешпула она, видимо озабоченная. «Онъ вскочилъ, и между ними ачался одинъ изъ самыхъ бурныхъ разговоровъ. Долго ночью слышали люди горячій споръ, до крика, почти до визга, по временамъ смѣхъ, скаканье его, поомъ поцѣлун, гнѣвный крикъ барыни, веселый отвѣтъ его—и потомъ гробовое оумчаніе, признакъ совершенной гармоніи». «Марья Егоровна, по свойству воихъ отношений къ сыну, не могла, какъ и онъ, съ своей стороны тоже, устуитъ, а онъ взялъ ея согласіе иначе, какъ съ бою, и притомъ самаго упорнаго горячаго». «По объясненію Н. А. бабушкѣ, онъ высказалъ свою любовь Маряишкѣ, «ей Богу, нечаянно»:—«Я и не думалъ, и въ голову не приходило».—Я бы днемъ ни за какія сокровища не сказалъ вамъ... ой Богу не сказалъ бы»...—говоритъ онъ Марѣнькѣ:—«Я почти не зналъ, что люблю васъ». Все соловей адѣлалъ: онъ открылъ нашъ секретъ».—Соловей, котораго они пошли послуатъ съ Марѣнькой, «такъ иѣлъ, такъ пѣлъ».—Марѣя Васильевна, шептала съ слышно Н. А.:—«со мной дѣлается что-то такое», «чего я никогда не испыамъ... точно все шевелится во мнѣ»...—«Я теперь вскочилъ бы на лошадь и поакалъ бы во всю мочь, чтобы духъ захватило... или бросился бы въ Волгу и переаылъ на ту сторону»... Подъ вліяніемъ этого настроенія, Н. А. и сказалъ:—«Онъ

(соловей) поеть о моей любви «къ вамъ».—Н. А. «самъ-было испугался своимъ словъ, но вдругъ прижалъ ей руку къ губамъ и осыпалъ ее поцѣлуями».—Затѣмъ, когда Марюнька не хотѣла было его слушать, онъ заговорилъ «нѣжнымъ, но рѣшительнымъ тономъ»:—«Я не мальчикъ теперь,—я тоже взрослый, выслушайте меня... «Вы взрослая и потому не бойтесь выслушать меня: я говорю не ребенку»...—«Я такъ сроднился, сблизился съ вами, что если насъ различить теперь... Если хотите, разстанемтесь, вотъ теперь же... «Я сейчасъ же съ этого мѣста уйду и никогда не вернусь сюда!»—[«Если бы вы не согласились,—говорилъ онъ позже своей матери и «бабушкѣ»:—«уѣхалъ бы сегодня же отсюда и въ гусары пошелъ бы и долговъ надѣлалъ бы, совсѣмъ пропалъ бы»].—«Какъ вы странно говорите!»—замѣтила Марюнька: «вы никогда не были такимъ, я васъ никогда такимъ не видала».—«И вы тоже измѣнились», отвѣтилъ онъ Марюнькѣ.—«Отчего же это вдругъ случилось?»—«Соловей все объяснилъ намъ: мы оба выросли и созрѣли сию минуту, вотъ тамъ, въ роуцѣ... «Въ свое оправданіе», «пилившимъ» его Бережковой и матери, онъ сказалъ «смѣло» и «ероша голову»:—«Вы хотите, чтобъ я поступилъ, какъ послушный, благородный мальчикъ, т. е. съѣздивъ бы къ тебѣ, мамешка, и просилъ твоего благословенія, потомъ обратился бы къ вамъ, Татьяна Марковна и просилъ бы быть истолковательницей моихъ чувствъ, потомъ черезъ васъ получилъ бы да и при свидѣтеляхъ выслушалъ бы признаніе невесты, съ глупой рожей поцѣловалъ бы у ней руку»... «развѣ это счастье?».—«Если бы надо было опять начать, я опять вызвалъ бы Марюньку въ садъ».—«Соловей пѣлъ, а мы росли; онъ намъ все рассказывалъ и,—пока мы съ Марою Васильевной будемъ живы,—мы забудемъ многое, все, но этого соловья, этого вечера, шопота въ саду и ея слезы никогда не забудемъ. Это-то счастье и есть, первый и лучший шагъ его, и я благодарю Бога за него».—Н. А. «любить» Марюньку «со всею веселостью и рѣзвостью жизни»... Они «какъ голуби»,—говоритъ «бабушка»,—«ужъ и не знаю, что они нихъ лучше—онъ или она?» «Божьи младенцы».—«Давно я думаю, что они пара, Марья Егоровна,—говорила Бережкова:—боялась только, что молоды ужъ очень оба. А какъ погляжу на нихъ, да подумаю, такъ вижу, что они никогда старше и не будутъ».—«Съ лѣтами придетъ и умъ, будутъ заботы—и созрѣють»,—договорила Марья Егоровна.—Оба они росли у насъ на глазахъ: гдѣ имъ было занимать мудрости, вѣдь не жили совсѣмъ!» Когда Н. А. и Марюнька были объявлены женихомъ и невестой.—«онъ и Марюнька не скакали уже и были сдержаны и только иногда живо спорили, или пѣли, или читали вдвоемъ». Передъ вѣнчаньемъ, «женихъ былъ скромнѣе, почти робокъ; прошала его рѣзвость, умолкли шутки, онъ былъ растроганъ». Ставъ мужемъ и пріѣхавъ черезъ недѣлю къ Бережковой, Н. А. «ходилъ за Марюнькой, какъ пажъ, глядя ей въ глаза, не пужно ли, не жадеетъ ли она чего пибудь, не беспокоитъ ли ее что-нибудь». «Счастье ихъ было слишкомъ молодо и эгоистически захватывало все вокругъ. Они никого и ничего почти не замѣчали, кромѣ себя».—«Перспектива ихъ дальнѣйшей жизни «была ясна, проста и обнимъ имъ одинаково открыта».

Николай Ивановичъ («Обрывъ»).—«Попъ», «молодой священникъ» изъ села, за Волгой; мужъ Нат. Ив.—Попъ-то, по словамъ Татьяны Марковны, не бѣдный: своя земля есть, хлѣба, всякаго добра въ волю». Помѣщикъ его любить и ему лошадей подарилъ, экипажъ, даже деревьями изъ оранжерей комнаты у него убираетъ. Попъ умный, изъ молодыхъ—только ужъ очень по свѣтски ведетъ себя: привыкъ тамъ въ помѣщичьемъ кругу. Даже французскія книги читаетъ и покуриваетъ». Вѣра, по просьбѣ молодого священника, возила книги ему и онъ высказывалъ свои мысли и впечатлѣнія, подъ вліяніемъ того или другого автора». Со священникомъ она читала «Спинозу», «Вольтера», «нѣкоторыхъ энциклопедистовъ». «Дошли и «до Фейербаха съ братіей... до социалистовъ и материалистовъ». Н. И. въ книгахъ «отмѣчалъ мѣста карандашомъ», прося Вѣру и жепу ихъ выписывать: «хотѣлъ, кажется, возражать и напечатать въ журналѣ». По словамъ Вѣры, она «многимъ ему обязана» въ своемъ развитіи.

Ниль Андреичъ Тычковъ («Обрывъ»).—См. Тычковъ, Н. А.
Новинскій, Платонъ, графъ («Обыкн. Ист.»).—«Прекрасный мужчина: высокій, стройный блондинъ, съ большими выразительными глазами, съ пріятной улыбой. Въ манерахъ простота, изящество, какая-то мягкость. Онъ кажется, расположилъ бы къ себѣ всякаго». «Онъ шутитъ умно: въ его шуткахъ—ни малѣйшей принужденности, ни претензіи на остроуміе, а такъ что-то занимательное, какая-то особенная способность забавно рассказать, даже не анекдотъ, а просто новость, случай, или однимъ неожиданнымъ словомъ серьезную вещь превратить въ смѣшную. Графъ говорилъ обо всемъ одинаково хорошо, съ тактомъ, и о музыкѣ, и о людяхъ и о чужихъ краяхъ»; «говорилъ о литературѣ, какъ будто никогда ничѣмъ другимъ не занимался». «Онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ первоклассными русскими литераторами, а въ Парижѣ познакомился съ нѣкоторыми и изъ французскихъ». У него былъ «звучный, свѣжій» голосъ, «который, такъ кажется, и просится въ сердце женщины». Онъ хорошо ѣздилъ верхомъ, хорошо стрѣлялъ: «въ пятнадцати шагахъ пулю въ пулю такъ и сажаетъ». По словамъ Любецкой-матери, у графа «богатый домъ»; все такъ съ вкусомъ, роскошно, а самъ графъ такой добрый, такой обходительный».—«Чего, чего не дѣлаетъ для насъ, какъ Наденьку балуетъ! Смотрите, сколько цвѣтовъ! Все изъ его сада». Для Наденьки графъ былъ «новостью». По ея мнѣнію, «графъ молодой, хорошенькій и прелобезный»; у него не можетъ быть дурныхъ намыслиній». «Графъ былъ неизмѣнно вѣжливъ къ Александру, звалъ его къ себѣ взглянуть на садъ, приглашалъ раздѣлать прогулку верхомъ, предлагалъ ему лошадей. Въ домѣ Любецкой графъ держалъ себя свободно, какъ дома. Онъ былъ одинаково любезенъ и съ матерью и съ дочерью, не искалъ случая говорить съ одной Наденькой, не бѣжалъ за ней въ садъ, глядѣлъ на нее точно такъ же, какъ и на мать. Внимательность и услужливость графа и его ежедневныя посѣщенія можно было приписать сосѣдству дачъ и радушию пріему, который онъ всегда находилъ у Любецкихъ». Петръ Ивановичъ Адуевъ считаетъ его «порядочнымъ человѣкомъ, да и отъ кого ни слышишь—всѣ хвалятъ».

Новичелись, марнизъ («Фрег. Пал.»).—Испанецъ. Новый губернаторъ Филиппинскихъ острововъ. «нѣчто въ родѣ вице-короля». Отъ него ждутъ много добраго. Онъ затѣваетъ разныя реформы, но въ «губернаторѣ одинъ недостатокъ: онъ слишкомъ исполненъ своего достоинства, гордится древностью рода и тѣмъ, что жена его—первая дама при королевѣ, отъ этого онъ важничаетъ, какъ нѣтухъ».

Нѣмка («Обрывъ»).—Уп. л. Хозяйка, у которой Райскій нанималъ «три порядочныя комнаты», «постоянно оставляя квартиру за собой».

Нянька («Обрывъ»).—Уп. л. Н—а Вѣры и Марѣньки. «Здоровая баба, съ необычными, красными щеками и вѣчно смѣющимся—хоть бей ее. ротъ».

Няня («Обломовъ»).—См. Обломова-Няня.

О.

О. («Фрег. Пал.»)—Князь Оболенскій; совершилъ кругосвѣтное плаваніе на «Діанѣ» и, вмѣстѣ съ Гончаровымъ, возвращался въ Россію черезъ В. Сибирь.

Обломова-мать («Обломовъ»).—По утрамъ спрашивала няньку, «покойно ли спалъ» Ильюша, не просыпался ли ночью, не метался ли во снѣ, не было ли у него жару?» потомъ, брала сына за руку и подводила его къ образу, «Гамъ, вставъ на колѣни» и обнявъ сына «одной рукой, подсказывала ему «слова молитвы», «влагая въ нихъ свою душу». «Отпуская Ильюшу гулять, ласкала его и давала «строгое подтвержденіе нянькѣ, не оставлять ребенка одного, не допускать къ лошадямъ, къ собакамъ, къ козлу, не уходить далеко отъ дома, а главное, не пускать его въ оврагъ». См. также Обломовъ, И. И.

Обломова-няня («Обломовъ»).—Няня Ильи Ильича. Старуха. «Цѣлый день, и всѣ дни, и ночи» Н. «наполнены были суматохой, бѣготней: то пыткой, то живой радостью за ребенка, то страхомъ, что онъ упадетъ и расшибетъ носъ, то умилениемъ отъ его непритворной дѣтской ласки, или смутной тоской за отдаленную его будущность: этимъ только и билось сердце ея, этими волненіями подогрѣвалась кровь старухи, и поддерживалась кое-какъ ими сонная жизнь ея, которая безъ того, можетъ-быть, утасла бы давнымъ-давно. Она отвѣчала на разспросы ребенка, почему свѣтъ чередуется съ тѣнями: «оттого, батюшка, что солнце идетъ навстрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится; а ужъ завидитъ какъ его, такъ и просвѣтлѣетъ». Въ долгіе зимніе вечера, она папашентывала Илюшѣ «о какой-то невѣдомой сторонѣ, гдѣ цѣтъ ни ночей, ни холода, гдѣ все совершаются чудеса, гдѣ текутъ рѣки меду и молока, гдѣ никто ничего круглый годъ не дѣлаетъ, а день-дешьской только и знаютъ, что гуляютъ все добрые молодцы, такіе, какъ Илья Ильичъ, да красавицы, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать». «Тамъ есть и добрая волшебница, являющаяся у насъ иногда въ видѣ щуки, которая изберетъ себѣ какого-нибудь любимца, тихаго, безобиднаго, другими словами, какого-нибудь лѣнтяя, котораго всѣ обижаютъ, да и осыпаютъ его, ни съ того, ни съ сего разнымъ добромъ, а онъ, знай, кушаетъ себѣ да наряжается въ готовое платье, а потомъ женится на какой-нибудь неслыханной красавицѣ, Милитрисѣ Кирбитьевнѣ». Н. «искусно избѣгала въ разсказѣ всего, что существуетъ на самомъ дѣлѣ». Она повѣствовала «о подвигахъ нашихъ Ахилловъ и Улиссовъ, объ удали Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеша Поповича, о Полканѣ-богатырѣ, о Колечницѣ прохожемъ, о томъ, какъ они странствовали по Руси, побивали несмѣтныя полчища басурмановъ, какъ состязались въ томъ, кто однимъ духомъ выпьетъ чару зелена-вина и не крикнетъ; потомъ говорила о злыхъ разбойникахъ, о спящихъ царевнахъ, окаменѣлыхъ городахъ и людяхъ; наконецъ, переходила къ нашей демонологіи, къ мертвецамъ, къ чудовищамъ и къ оборотнямъ». «Она съ простотою и добродушіемъ Гомера, съ той же животрепещущею вѣрностью подробностей и рельефностью картинъ, влагала въ дѣтскую память и воображеніе Иліаду русской жизни, созданную нашими гомеридами тѣхъ туманныхъ временъ, когда человѣкъ еще не ладилъ съ опасностями и тайнами природы и жизни, когда онъ трепеталъ и передъ оборотнемъ, и передъ лѣшимъ, и у Алеша Поповича искалъ защиты отъ окружавшихъ его бѣдъ, когда и въ воздухѣ, и въ водѣ, и въ лѣсу, и въ полѣ, явствовало чудеса».

Обломовъ, Андрей («Обломовъ»).—Сынъ Ильи Ильича и Агафьи Матвѣевны.

Обломовъ, Илья Ильичъ («Обломовъ»).—Дворянинъ «изъ нѣкогда богатаго и знаменитаго, стараго», но «обѣднѣвшаго рода», «единственный обладатель» «трехсотъ-пятидесяти душъ» «въ одной изъ отдаленныхъ губерній, чуть не въ Азіи, и трехъ или четырехъ «разбросанныхъ деревень». Коллежскій секретарь въ отставку. Родился и воспитывался «въ нѣдрахъ провинціи». До пятинадцати лѣтъ учился «въ пансіонѣ» (у Штольца), потомъ «прослѣдилъ курсъ наукъ до конца», въ Московскомъ университетѣ. Человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ-трехъ отъ роду [въ началѣ романа], средняго роста, пріятной наружности, съ темно-сѣрыми глазами, но съ отсутствіемъ всякой опредѣленной идеи, всякой сосредоточенности въ чертахъ лица» «Мягкость» была господствующимъ и основнымъ выраженіемъ не лица только, а всей души»: «душа такъ открыто и ясно свѣтилась въ глазахъ, въ улыбкѣ, въ каждомъ движеніи головы, руки. И поверхностно-наблюдательный холодный человѣкъ, взглянувъ мимоходомъ на О., сказалъ-бы: Добрякъ долженъ быть, простота! человѣкъ поглубже и посимпатичнѣе, долго глядящаясь въ лицо его, отошелъ бы въ пріятномъ раздумьѣ, съ улыбкой». Цвѣтъ лица у Ильи Ильича не былъ румяный, ни смуглый, ни положительно-блѣдный, а безразличный, или казался такимъ, можетъ-быть, потому, что О., какъ-то обрюзгъ не по лѣтамъ». Вообще же тѣло егѣ, судя по матовому, черезчуръ бѣлому цвѣту

какъ вчера, вчера какъ завтра». Цѣлое утро сидитъ у окна и неуклонно наблюдаетъ за всѣмъ, что дѣлается на дворѣ». Послѣ того, какъ разрушилась галерея, велѣлъ обрушившіяся доски и перила отгачить къ сараямъ» и всѣмъ разъ какъ увидитъ ихъ изъ окошка, такъ и озаботится мыслью о поправкѣ: «призоветь плотника, начнетъ совѣщаться какъ лучше сдѣлать, новую галерею выстроить или сломать и остатки; потомъ отпустить его домой, сказавъ:—Поди събѣ, а я подумаю». «Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока углы совсѣмъ не отстали отъ стѣнъ». «Тогда былъ призванъ плотникъ на окончательное совѣщаніе». Когда И. И. кто-то напомнилъ, что вотъ кстати бы ужъ и ворота исправить и крыльцо починить:—«Да, да надо, заботливо отвѣчалъ И. И., и шелъ тотчасъ осмотрѣть крыльцо.—Въ самомъ дѣлѣ, видишь, вѣдь, какъ совсѣмъ расплывалось, говорилъ онъ, качая ногами крыльцо, какъ колыбель».—«Да оно и тогда шаталось, когда его сдѣлали, замѣтилъ кто-то».—«Такъ что-жь, что шаталось?» отвѣчалъ О.—«Да вотъ не развалилось-же, даромъ что шестнадцать лѣтъ безъ поправки стоять»... «И онъ обращалъ глаза въ другую сторону». Онъ «простеръ свою заботливость даже до того, что однажды, гуляя по саду, собственноручно приподнял, кряхтя и охая, плетень и велѣлъ садовнику поставить поскорѣй двѣ жерди: плетень, благодаря этой распорядительности Обломова, простоялъ такъ все лѣто, и только зимой снѣгомъ повалило его опять». Наконецъ, даже дошло до того, что на мостикъ настлали три новыя доски, тотчасъ же, какъ только Антипъ свалился съ лошадыю въ канаву». Тратить деньги зря О. не любилъ и «какъ ни необходима была вещь», но «деньги за нее выдавались всегда съ великимъ соболѣзнованіемъ и то если издержка была незначительна»; «заплатить за что нибудь, хоть самонужиѣйшее, вдругъ двѣсти рублемъ, пятьсотъ рублей, казалось И. И. чуть не самоубійствомъ». Услыхавъ, что одинъ изъ окрестныхъ молодыхъ помѣщиковъ ѣздилъ въ Москву и заплатилъ тамъ за дюжину рубалекъ триста рублей, двадцать пять рублей за сапоги и сорокъ за жилетъ къ свадьбѣ», И. И. перекрестился и сказалъ съ выраженіемъ ужаса, скороговоркой, что «этакого молодца надо посадить въ острогъ». И. И. согласился съ женой, что издержка на отправленіе письма значитъ «сорокъ копѣекъ зря бросать». Онъ зналъ единственное употребленіе капиталовъ—«держатъ ихъ въ сундукѣ». Но И. И. «и не вздумаетъ никогда повѣрить, сколько копенъ скошено или сжато, и въискать за упущеніе, а подай-ка ему не скоро осовой платокъ, онъ накричитъ о безпорядкахъ и поставитъ вверхъ дномъ весь сундукъ». «Какъ всѣ въ Обломовкѣ, сносилъ трудъ, какъ наказаніе, наложенное еще на праотцевъ нашихъ», не слыхивалъ «о такъ пазываемой многотрудной работѣ» и въ жизни видѣлъ идеаль «покоя и бездѣйствія»; не смущался никакими туманными умственными вопросами. Въ чтеніи «не подозрѣвалъ существованія потребности». Сочинителя «почиталъ не иначе, какъ весельчакомъ, гулякой, пьяницей и потѣшникомъ, въ родѣ плясуна», но иногда бралъ «книгу въ руки» и смотрѣлъ на нее, какъ на вещь, назначенную для развлеченія, отъ скуки и отъ нечего дѣлать»; съ равнымъ удовольствіемъ «читалъ третьягодничья вѣдомости» или повѣйшій сонникъ, или «Россіяду», или трагедіи Сумароова. Когда И. И. сѣлъ писать отвѣтъ на письмо Филиппа Матвѣевича, «въ домѣ воцарилась глубокая тишина; людямъ не велѣно было топать и шумѣть». «Баринъ пишетъ! говорили всѣ такимъ робко-почтительнымъ голосомъ, каковыя говорятъ, когда въ домѣ есть покойникъ», а самъ И. И. волею не волею «медленно, криво, дрожащей рукой и съ такой осторожностью, какъ будто боялся какое нибудь опасное дѣло». Сына отдалъ въ ученіе къ Штольцу, п. ч. понималъ выгоду образованія, но только эту очевидную выгоду, чтобы «соблюсти предписанную форму» и «добыть какъ нибудь» (подешевле) аттестатъ, въ которомъ бы сказано было, что Ильюша прошелъ всѣ науки и искусства». «Ученье-то не свой братъ: хоть кого въ бараний рогъ свернетъ». «Ученье-то не уйдетъ, а здоровья не купишь; здоровье дороже всего въ жизни». [Ср. Обломовъ. Илья Ильичъ].

Ойе-Саброски («Фрег. Пал.»).—Балюсъ. Ласковый и учтивый, съ дѣтскимъ личикомъ; «шутникъ и хохотунъ». Встрѣтя, въ третій разъ прибывшихъ въ Нагасаки, моряковъ, захохоталъ, частью отъ удовольствія, частью отъ глупости». За обѣдомъ на фрегатѣ, «въ первый разъ видя горчицу, вдругъ, прежде нежели могли предупредить его, съѣлъ ея цѣлую ложку: у него покраснѣлъ лобъ и выступили слезы».

Олимпиада Измаиловна, княгиня («Обрывъ»).—Уп. л. «Гонительница женскихъ пороковъ и поборница добродѣтели». Аяповъ, встрѣтивъ княгиню на лѣстницѣ у Бѣловодовыхъ;—она «несла такое торжественное, важное лицо вверхъ, что Аяповъ «даже не осмѣлился осведомиться о ея первахъ». Послѣ ея визита, «обѣ тетки Бѣловодовой «разомъ слезли». О. И. «вывѣдала» все о прошломъ гр. Милари и рассказала теткамъ Софи.

Ольга Сергѣевна Ильинская («Обломовъ»).—Ей было «двадцать лѣтъ». «О., въ строгомъ смыслѣ, не была красавица, то-есть, не было ни бѣлизны въ пей, ни яркаго колорита щекъ и губъ, и глаза не горѣли лучами внутреннего огня; ни коралловъ на губахъ, ни жемчугу во рту не было, ни миньютюрныхъ рукъ, какъ у пятилѣтняго ребенка, съ пальцами въ видѣ винограда». «Носъ образовалъ чуть замѣтно выпуклую, граціозную линію; губы толкія и большею частию сжатія: признакъ непрерывно устремленной на что-нибудь мысли. То же присутствіе говорящей мысли свѣтилось въ зоркомъ, всегда бодромъ, ничего не пропускающемъ взглядѣ темныхъ, сѣро-голубыхъ глазъ. Брови придавали особенную красоту глазамъ: онѣ не были дугообразны, не округляли глазъ двумя тоненькими, нащипанными пальцемъ ниточкамъ—иѣтъ, это были двѣ русыя, пучнистыя, почти прямыя полоски, которыя рѣдко лежали симметрично: одна на линію выше другой, отъ этого падъ бровью лежала маленькая складка, въ которой какъ-будто что-то говорило, будто тамъ покоилась мысль». «Сѣро-голубые, ласковые глаза выражали доброту и взглядъ ихъ былъ такъ глубокъ». Обломову казалось, что О. взглядомъ «добываетъ изъ него все то, что не хочется чтобы знали другіе». «Если-бъ ее обратить въ статую, она была бы статуя граціи и гармоніи. Нѣсколько высокому росту строго отвѣчала величина головы, величинѣ головы—оваль и размѣры лица; все это, въ свою очередь, гармонировало съ плечами, плечи—со станомъ... «Кто ни встрѣчалъ ее, даже разсыпанный, и тогъ на мгновеніе останавливался передъ этимъ, такъ строго и обдуманно, артистически созданнымъ существомъ». «Очаровательное дитя», называлъ ее Штольцъ, но только, встрѣтаясь съ О. за границей. «Онъ съ изумленьемъ увидѣлъ, въ какой образъ простоты, силы и естественности выросло это, многообѣщавшее и забытое имъ, дитя». Обломовъ любовался каждымъ ея движеньемъ». «Боже мой, какая она хорошенькая! Бываютъ же такія на свѣтѣ!» думалъ онъ, глядя на нее почти испуганными глазами. «Эта бѣлизна, эти глаза, гдѣ, какъ въ пучинѣ, темно, и вмѣстѣ блестятъ что-то, душа, должно-быть! Улыбку можно читать, какъ книгу; за улыбку эти зубы и вся голова... какъ она нѣжно покоится на плечахъ, точно зыблется, какъ цвѣтокъ, дышитъ ароматомъ... «Ходила О. съ наклоненной немного впередъ головой, такъ стройно, благородно покоившейся на тонкой, гордой шеѣ; двигалась всемъ тѣломъ ровно, шагая легко, почти неуловимо». «Ея смѣхъ» «былъ такъ звученъ, такъ искрененъ и заразителенъ, что кто ни послушаетъ этого смѣха, нецрѣмжно засмѣется самъ, не зная о причинѣ». «Одни считали ее простой, недалкой, неглубокой, потому что не слышались съ языка ея ни мудрыя сентенціи о жизни, о любви, ни быстрыя, неожиданныя и смѣлыя реплики, ни вычитанныя или подслушанныя сужденія о музыкѣ и литературѣ: говорила она мало, и то свое, неважное—я ее обходили умные и бойкіе «кавалеры»; небожкіе, напротивъ, считали ее слишкомъ мудреной и немного боялись. Но Штольцъ «говорить съ ней охотнѣе и чаще», «нежели съ другими женщинами», говорилъ «безъ умолка и смѣлилъ ее». Говорить съ другими мужчинами ей было скучно». Штольца «она называла» «другомъ, любила за то, что онъ всегда смѣлилъ ее и не давалъ скучать.

ерзновенному, ищущему предстать предъ твои очи и облобызать прахъ твоихъ ногъ! Прими подъ гостеприимный кровъ твой странника, притекша издалека кусить отъ твоея трапезы и укрыться отъ зноя полдневаго!» Онъ разливалъ олны семинарскаго краснорѣчя, переходя нерѣдко въ плаксивый тонъ. Татьяну Марковну О. величалъ—«краснымъ солнышкомъ», Вѣру и Марейнку—«небесными голубками», Викентьева—любвеобильнымъ и надеждами чреватимъ, села Колчина и многихъ иныхъ мѣсть обладателемъ», Марину—«Маринушкой»; обращаясь къ Якову, говорилъ:—«человѣче», или «благочестивый Іаковъ», тогда какъ себя именовалъ «недостойнымъ Іоакимомъ». Всегда былъ «рѣчистый, неугомонный, подъ конецъ пьяный». На предложеніе Бережковой, выпить съ дороги кофе, возразилъ:—«Что, матушка, за кофе: не къ рожѣ мнѣ!» На вопросъ Викентьева: «Водки?»—отвѣтилъ:—«Съ мѣсяца ей не видалъ, забылъ чѣмъ пахнетъ». Просилъ Марейнку «изъ сахарной ручки удостоить поднести рюмочку мадерцы», но не иностранной, «не отъ итальянца»:—«Не надо отъ итальянца! не въ коня кормъ. Она (матера) десять рублей стоитъ: не къ рожѣ!» Просилъ Татьяну Марковну:—«Удостой, матушка, отъ Ватрухина, отъ Ватрухина—въ два съ половиной мѣдью!» Когда Марейнка налила О. рюмку, онъ, съ жадностью, одной дрожащей рукой, осторожно и плотно прижалъ ее къ нижней губѣ, а другую держалъ въ видѣ подноса подъ рюмкой, чтобъ не пролить ни капли, и залпомъ опрокинулъ рюмку въ ротъ, потомъ отеръ губы и потянулся къ рукѣ Марейнки»...—«Рюмку пожалуйте недостойному, просилъ онъ у Татьяны Марковны и, охмелѣвъ, опускался на колѣни и вопилъ:—Матушка, матушка! дай ножку, благодѣтельница!» По словамъ Викентьева, напивался «живо». Викентьевъ, однажды, такъ «напоилъ О. за завтракомъ», что «къ тремъ часамъ О. былъ готовъ совсѣмъ и спать крѣпкимъ сномъ въ пустой залѣ стараго дома». Придя въ домъ Бережковой, О. просиживалъ до поздняго вечера, пока его «безъ церемоніи» не отводили, или не отвозили «на телѣгѣ» домой. [На проводы охмелѣвшаго О. «на другой концѣ города», «Яковъ съ Кузьмой вдвоемъ употребили четыре часа.]. Послѣ обѣда, за которымъ О. пилъ «матеру отъ Ватрухина», онъ шелъ спать на сѣновалъ; потомъ принимался «за чай съ ромомъ»; за ужиномъ снова пилъ «матеру» и послѣ «прихлебывалъ холодный чай съ ромомъ». Охмелѣвши, онъ вздыхалъ и сопѣлъ, и «просилъ снова поднести ему рюмочку». Онъ, не переставая, говорилъ «сластенькимъ, дребезжащимъ голосомъ, или оралъ во все горло», или донималъ Татьяну Марковну разказами о прежнемъ житьѣ-бытьѣ въ городѣ, о многихъ старикахъ, которыхъ всѣ забыли, кромѣ его, о разныхъ событіяхъ добраго стараго времени, наконецъ, о своихъ домашнихъ несчастіяхъ». Когда Марина сказала О., что «барыня почивать хочетъ, пора вамъ домой»,—О. отвѣтилъ:—«Худу глаголешь, нечестивая. Татьяна Марковна не изгоняетъ гостей: гость—священная особа».. Послѣ выговора Татьяны Марковны, упалъ на колѣни» и, барахтаясь, кое-какъ поднялся съ пола», но домой не пошелъ. Онъ отправился къ Якову и просилъ «поднести изъ благочестивыхъ рукъ рюмочку ямайскаго». Довольствовался пивомъ и принялся за разказы «о божественномъ». На слова Татьяны Марковны, что ея домъ «не кабакъ» и что она не велитъ О. «принимать», откликнулся:—«Матушка! кабакъ! кабакъ! кто говоритъ кабакъ? Это храмъ мудрости и добродѣтели. Разказывая Якову о «божественномъ», О. «кончилъ живо», «и сталъ поминутно терять нить исторіи и перешуталъ до того, что Самсонъ у него проглотилъ кита и носилъ три дня во чревѣ».—«Какъ, позвольте, задумчиво остановилъ его Яковъ»:—«Кто кого проглотилъ?»—«Человѣкъ, тебѣ вѣроятъ: Самсонъ, то бишь Іона!»—«Да вѣдь китъ большущая рыба: сказываютъ, въ Волгѣ не уляжется», возразилъ Яковъ.—«А чудо-то на что?»—«Проглотилъ, ей Богу, право, проглотилъ»,—бормоталъ О. несвязно въ просонѣ».—Поднеси изъ благочестивыхъ рукъ»..., «чуть внятно лепеталъ онъ, уже сыпая».

Ошперь-толки («Фрег. Пал.»), т. е. старшіе переводчики, см.: Кибе, Лѣода и Эйноске.

Офицеръ («Фрег. Пал.»).—Испанецъ изъ Манилы. Во время строевого ученья, «съ бамбуковой палкой, какъ коршунъ, виляя около» марширующихъ «индѣйскихъ рекрутовъ». «Палка дѣйствовала неутомимо, удары сыпались то на голыя пятки, то на плечи, иногда на затылокъ провинившагося».

Офицеръ («Обыкн. Ист.»).—Гость Тафаевой.

П.

П. А. («Фрег. Пал.»).—См. въ Слискъ:—Гихменевъ, П. А.

П. А. Т. («Фрег. Пал.»).—См. выше—П. А.

П. Б., князь («Обрывъ»).—Уп. л. Черезъ него провѣдала княгиня Олимпиада Измаиловна, что графъ Милари «изъ новыхъ», и своимъ прежнимъ правительствомъ былъ mal vu и эмигрировалъ изъ отечества въ Парижъ, гдѣ и проживалъ, а, главное, что у него тамъ, подъ голубыми небесами, во Флоренціи, или въ Миланѣ, есть какая-то шарченая невѣста, тоже кузина... что вся ея фортуна перейдетъ въ его родъ изъ того рода, такъ-же, какъ и виды на карьеру» (изъ письма Аянова Райскому).

Павель Саввичъ («Обыкн. Ист.»).—Уп. л. Знакомый Антона Ивановича—«Есть же скареды такіе», отзывается о П. С. Антонъ Ивановичъ.—«Въ иной богадѣльнѣ лучше содержатъ народъ», чѣмъ «у нихъ въ домѣ», «а въ Москвѣ, на Кузнечномъ мосту, что годъ, то тысячъ десять и посадятъ».

Паисовъ («Фрег. Пал.»).—Уп. л. Матросъ. Подвѣсилъ къ одному крючку, вмѣстѣ съ Фадеевымъ и Шведовымъ. См. Шведовъ.

Пантелеймонъ («Обрывъ»).—Уп. л. Дворовый изъ Малиновки.

Пасторъ («Фрег. Пал.»).—«Бѣлокурый, полный» мужчина. Въ гостиницѣ въ Капштатѣ—«въ сѣняхъ, по ступенямъ лѣстницы, въ номерахъ, на крыльцѣ—«вездѣ» были дѣти П. «Настоящій Авраамъ—послѣ божественнаго посѣщенія».

Пасторъ («Фрег. Пал.»).—См. Беттельгеймъ.

Пахотина, Анна Васильевна («Обрывъ»).—Младшая сестра Николая Васильевича. «Высокая, сѣдая, чинная старушка; ходила дома, какъ и сестра, въ шелковомъ темномъ платьѣ, большомъ чепцѣ, на рукахъ со многими перстнями. «Носила сырцовыя буки и большую шаль». Жила вмѣстѣ съ сестрой, Надеждой Васильевной, «уединенно», въ старомъ, длинномъ, въ два этажа, съ гербомъ на фронтонѣ домѣ, гдѣ было все «богато», «чинно», но «безъ комфорта». Въ домѣ тянулась безконечная амфилада компать. «Портреты предковъ» занимали «всю залу». Швейцаръ походилъ на Нептуна; лакен пожилые и молчаливые, женщины въ темныхъ платьяхъ и чепцахъ. Экипажъ высокій съ шелковой бахромой, лошади старыя, породистыя, съ длинными шеями и спинами, съ побѣлѣвшими отъ старости губами, при ѣздѣ крупно кивающія головой. А. В. гордилась своей родословной; дорожила «именемъ», «репутацией и важностью дома, преданіями» рода. Какъ и сестра, А. В. была скупа, по выдавала брату «субсидіи», не считая «пяти тысячъ карманныхъ денегъ» и чуть не плача платила за него по счетамъ купцовъ. Обѣ сестры знали на какое употребленіе уходятъ у брата деньги, но на это онѣ смотрѣли снисходительно, помня нестрогіе нравы повѣсь своего времени и находя это въ мужинѣ естественнымъ. Онѣ прощали брату все за то только, что онъ Пахотинъ. Только онѣ, какъ «нравственныя», «женщины», затыкали уши, когда онъ хвастался «передъ ними своими шалостями». А. В. не могла «видѣть безпорядка: въ комнатѣ Софьи, чуть цвѣты раскинутся въ вазѣ прихотливо», она «звонила дѣвушку и приказывала собрать ихъ въ симметрію»; когда «западалъ вольный лучъ солнца», А. В. находила, «что глазамъ больно, молча указывала на портьеру»—и портьера «закрывала свѣтъ». Любила играть въ карты и Пахотинъ прозвалъ «постояннаго партнера «сестеръ

—Аянова—«женихомъ» А. В. Во время игры она «со слѣпа била» и карты партнера и «свою даму, кладя девятку на чужого валега, когда дама была на рукахъ». Послѣ этого «трефовая дама» ея даже «во снѣ снилась». Нѣкогда, обѣ сестры «блистали въ свѣтѣ», но, по какимъ-то забытымъ причинамъ, остались дѣвами и доживали старость, окруживъ «попеченіями и заботами» Софью. Послѣ того, какъ Софья сдѣлала un faux pas, «обѣ тетки разомъ слегли» и втайнѣ готовились уѣхать на такія воды, какихъ, по выраженію Аянова, старики не запомнятъ».

Пахотина, татап («Обрывъ»).—Уп. л. Жена Николая Васильевича, мать Софьи; «изъ стараго рода», «красивая», но холодная, «съ деспотическимъ характеромъ». Она «сразу» угадала слабость мужа и прибрала его къ рукамъ. По словамъ Софьи, «татап была строга и серьезна, никогда не шутила, почти не смѣялась, ласкала мало, всѣ слушались въ домѣ: няньки, дѣвушки, гувернантки дѣлали все, что она приказывала и папа тоже. Въ дѣтскую она не ходила, но порядокъ былъ такой, какъ будто она тамъ жила». По утрамъ, «прежде нежели поздороваться» съ дочерью, «пристально поглядитъ» ей «въ лицо», «обернетъ» ее раза три, посмотреть все ли хорошо, даже ноги посмотреть, потому глядитъ», какъ дочь дѣлаетъ «книксъ», и тогда поцѣлуетъ въ лобъ и отпуститъ. «Шалить» Софья не позволяли: татап «не любила» когда у ребенка «раскраснѣются щеки и уши, и потому» ей «не велѣно было слишкомъ бѣгать». Лишь послѣ обѣда, ей позволяли въ большой залѣ играть часъ въ мячикъ, прыгать черезъ веревочку, потихоньку, чтобы не разбить зеркалъ и не топтать ногами». Когда Софья на прогулкѣ поймала мячикъ, брошенный мальчикомъ ей въ ноги и «побѣжала отдать ему», «миссъ Дредсонъ сказала татап, и Софью три дня не пускали гулять». Когда заболѣлъ учитель русскаго языка Софьи (Ельнинъ) и, послѣ трехнедѣльнаго отсутствія, его привезъ обѣдать самъ Пахотинъ, татап «разсердилась» и, по словамъ Софьи, «начала сцену съ папѣ». Когда же Софья спросила Ельнина, «чѣмъ онъ былъ боленъ?», П. «послѣ обѣда отвела дочь въ сторону и сказала, что это ни на что не похоже—дѣвицъ спрашивать о здоровьѣ посторонняго молодого (человѣка, еще учителя), —«и Богъ знаетъ, кто онъ такой, прибавила она». Послѣ игры (на фортепиано Софьи, на ея именинахъ), когда Ельнинъ «протянулъ ей руку» и она «протянула ему тоже руку», П. «не простясь, ушла послѣ гостей къ себѣ». На другое утро, въ присутствіи тетки, дяди и мужа—«всего ареонага, по выраженію Райскаго, П. «тихо» задала вопросъ дочери:—«Позвольте васъ спросить, кто вы и что вы?»...—«Ваша дочь», отвѣтила Софья.—«Не похоже. Какъ вы ведете себя?»—«Что это за сцену разыграли вы вчера: комедію, драму? Чье это сочиненіе, ваше или учителя этого... Ельнина?» Когда же Софья отвѣтила, что она «не играла сцены», а произошло это «нечаянно»:—«Тѣмъ хуже», сказала П.:—il y a donc du sentiment là dedans? Вотъ послушайте, что говоритъ ваша дочь... Какъ вамъ нравится это признаніе?», обратилась она къ мужу. Разъяснила, по справкамъ князя Сержа, Софья, кто такой ея «учитель»: онъ сынъ какого-то лѣкаря, бѣгаетъ по урокамъ, сочиняетъ, пишетъ русскимъ купцамъ французскія письма за границу за деньги, и этимъ живетъ»... Послѣ этого Софья не видала татап «двѣ недѣли». Позднѣе объяснила дочери, что у Ельнина «были дурныя намѣренія, что онъ хотѣлъ вскружить» Софья «голову» «изъ самолюбія, п. ч. серьезныхъ намѣреній онъ имѣть не смѣлъ». П. говорила дочери «какъ ея поразила эта сцена», какъ она чуть не занемогла, какъ это все замѣтила кузина Нелюбова и пересказала Михайловымъ, какъ тѣ обвинили ее въ недостаткѣ вниманія, бранили, зачѣмъ принимали Богъ знаетъ кого».—«Вотъ чему ты подвергла меня!» заключила П., обращаясь къ дочери. Когда же Софья сдѣлала предложеніе Бѣловодовъ, онъ «былъ на другой день объявленъ женихомъ», причемъ послѣднимъ «изъ родныхъ» узналъ о помолвкѣ самъ Пахотинъ.

Пахотина, Надежда Васильевна («Обрывъ»).—Старшая сестра Николая Васильевича. «Высокая. сѣдая чипная старушка»: «страдала тикомъ и носила

подъ чепцомъ бархатную шапочку, на плечахъ бархатную, подбитую горпоставемъ кацавейку». Подобно сестрѣ (см. Анна Васильевна) «была скупа» и не любила безпорядка». Если оказывалась книга—въ богатомъ переплетѣ, лежащей на диванѣ, на стулѣ», Н. В. ставила ее на полку». Очень любила карты; увидя вошедшихъ Аянова и Райскаго, въ отвѣтъ на поклоны, ласково поглядѣла на нихъ, съ удовольствіемъ высморкалась и сейчасъ же понюхала табаку, зная, что у ней будетъ партія». Во время игры обыкновенно говорила вслухъ, «съ чего она пойдетъ». См. выше—Анна Васильевна.

Пахотинъ, Николай Васильевич («Обрывъ»).—«Очень красивый сановитый старикъ, съ мягкими, почтенными сѣдинами. По виду, его примешь за какого-нибудь «Пальмерстона». Онъ «изъ древняго рода», въ которомъ было много лицъ съ громкимъ значеніемъ». «Засѣдаетъ въ какомъ-то совѣтѣ разъ въ недѣлю, имѣетъ важный чинъ, двѣ звѣзды» и находится «въ томительномъ ожиданіи третьей». При встрѣчахъ не знавшіе П. «почтительно сторонились». «Никто лучше его не одѣтъ»—«онъ даетъ законы вкуса портному»; «все на немъ сидитъ отлично, ходитъ онъ бодро, благородно, говорить съ увѣренностью и никогда не выходитъ изъ себя». Съ нимъ можно было не согласиться, но сбить его трудно. «Судить обо всемъ часто наперекоръ логикѣ, но владѣть софизмомъ съ необыкновенной ловкостью». Опытъ, жизнь всегда въ кучѣ людей, множество встрѣчъ и способность знакомиться со всѣми, образовали ему какой-то очень пріятный, мелкій умокъ, и незнающій его съ перваго раза даже положится на его совѣтъ, сужденіе, и потомъ уже, жестоко обманувшись, разглядитъ, что это за чело-вѣкъ». Шестнадцать лѣтъ онъ поступилъ въ гвардію, выучась отлично говорить, писать и пѣть по-французски и почти не зная русской грамоты». Онъ имѣлъ «двадцать тысячъ дохода» при готовой квартирѣ, лошадяхъ и экипажѣ. «П. не успѣлъ еще окунуться въ омутъ опасной «жизни», когда, на двадцать пятомъ году, его женили»; жена «прибрала» П. «къ рукамъ» и онъ состоялъ «въ полномъ распоряженіи супруги». Жены П. «боялся»; во время засѣданія «ареопага», по словамъ дочери, онъ «былъ смущенъ и жалокъ» больше нежели обвиняемая Софья. О сватовствѣ Вѣловодова онъ узналъ «послѣдній изъ родныхъ». Когда Софья сдѣлала «un faux pas», Николаю Васильевичу «было запрещено (сестрами) выходить изъ дому, чтобъ не проболтался». Онъ, однако «проболтался» Аянову и показалъ записку—«billet»—Софьи къ Милари—entre nous soit dit. Объяснилъ, что —«Sophie n'était pas tout-à fait insensible aux hommages du comte, mais c'est un gentilhomme et elle est trop bien élevée pour pousser les choses... jusqu'à un faux pas». Онъ «плакалъ о своей бѣдной Софьѣ», «возмущался охами и ахами сестеръ», «находилъ, что всего грустнѣе то, что «Софья убивается сама» и, въ концѣ-концовъ, былъ поставленъ сестрицами своими dans une position très délicate: объясниться съ гр. Милари». Онъ приглашалъ Аянова обѣдать къ себѣ,—когда былъ постъ (по случаю «исторіи съ Софьей»)—и, боязливо уплетая перепелокъ, говорилъ:—«Я велѣлъ для васъ сдѣлать обѣдъ,—только не говорите!» Въ глазахъ сестеръ, онъ былъ «пустой, никуда не годный, ни на какое дѣло, ни для совѣта, старикъ и плохой отецъ». «Онъ никогда не называлъ себя старикомъ».—«Женщины,—говорилъ П.:—теперь только и находятъ развлеченіе съ людьми нашихъ лѣтъ». Онъ пересиливалъ годы и природу, но не пересилилъ, и только смотрѣлъ, какъ «наслаждались», «ѣли и пили другіе». Наслажденными онъ «пользоваться не могъ», «у него желудокъ не варилъ», его мучилъ ревматизмъ; онъ чувствовалъ шумъ въ головѣ: «все слышится-то, что колокола звонять», или, вмѣсто болтовни кругомъ, П. казалось, что «грызутъ грецкіе орѣхи». По словамъ самого П., у него: и подагра, тикъ, и нервы, и ревматизмъ». Онъ прохлаждалъ себя, макая бисквиты въ шампанское и плотая дижестивныя пилюли вслѣдъ за тѣмъ; на увеселительную прогулку за городъ онъ долженъ былъ надѣвать «шубу» и «бархатную ермолку подъ шляпу». Однако, «онъ ѣздитъ» къ какой-нибудь Argance, провожаетъ въ театръ, дѣлаетъ ей ужины, подарки, сзываетъ молодежь. Онъ не можетъ отказать

себѣ въ удовольствіи, раздѣлить общество «petite Nini».—«Что дѣлать! Се que femme veut, Dieu veut!» восклицалъ онъ. Райскій познакомился съ П. на вечерѣ у одной хорошенькой актрисы». На его половинѣ, «на диванѣ, можно было найти иногда женскую перчатку, ботинки, въ уборной его—цѣлый магазинъ косметическихъ снадобьевъ»; «готическій каминъ» прикрывался картинами фоблазовскихъ нравовъ», «на столахъ часто утро заставало остатки ужина» и «слышались часто звонкіе голоса». У П. въ комнатахъ всегда было живо и безпорядочно». Сестры П. затыкали уши, когда онъ захочетъ похвастаться передъ ними своими шалостями, или когда кто другой вздумаетъ довести до ихъ свѣдѣнія о какомъ-нибудь его сумасбродствѣ». У него было «старческое тщеславіе имѣть видъ шалуна; знакомые звали его «шалуномъ» и, «завидя» П., начинали уже улыбаться и потомъ фамиллярно и шутливо трясли его руку, звали устройте веселый обѣдъ, рассказывали на ухо пріятную исторію». П. «шутливо, рассказывалъ направо и налево анекдоты, говорилъ каламбуры». Въ чопорномъ домѣ сестеръ, онъ такъ «разгулялся однажды» насчетъ будущей свадьбы Анны Васильевны съ Аяповымъ, котораго «прозвалъ женихомъ» сестры, что «былъ вытолканъ обѣими сестрицами въ спину и не получилъ ни гроша субсидіи, за которой явился». Онъ бывалъ всюду: даже хаживалъ и нкогнито къ Излеру (лѣтній увеселительный садъ). Послѣ смерти жены, почувствовалъ себя на свободѣ, вдругъ спохватился, что молодость его рано захвачена была женитьбой, и что онъ не успѣлъ пожить и пожуировать». Онъ сталъ вознаграждать себя за вѣрность въ супружествѣ сумасбродными связями; мечталъ поѣхать за границу, т. е. въ Парижъ, куда особенно любилъ уноситься воспоминаніями, припоминая 1814 годъ; но въ Парижъ ему хотѣлось «уже не съ оружіемъ въ рукахъ, а съ золотомъ, и тамъ пожить, какъ жила въ старину». «Онъ съ наслажденіемъ и завистью припоминалъ анекдоты времени революціи (о похищеніяхъ «повѣсь») и оканчивалъ рассказы вздохомъ сожалѣнія о прошломъ». Въ Парижъ П. не пустили: «образъ его жизни, нравъ, его затѣи» хорошо «были извѣстны». Онъ «похалдрилъ и потомъ сдѣлалъ какое-то громадное, дорогое сумасбродство». У П. быстро ушли всѣ паличныя деньги, брильянты жены, наконецъ и большая часть приданнаго дочери». «Онъ успѣлъ нанести смертельный ударъ своему состоянію». «Промотавшись» онъ успокоился и «въ Парижъ не порывался». Сестры «выдавали» П. «пять тысячъ» въ годъ карманныхъ денегъ и «въ разное время субсидіи около такой же суммы, и потомъ еще «къ концу года платили почти столько же по счетамъ портныхъ, мебельщиковъ и другихъ купцовъ». У Аянова онъ занялъ триста рублей; у князя тысячу. Однако, и тогда, когда уже «иззякли источники», П. «изрѣдка, въ годъ разъ, иногда два, сдѣлаетъ дорогую шалость, купить брилліанты какой-нибудь Armance, экипажъ, сервизъ». Онъ былъ весь въ значительныхъ долгахъ и у него осталось «одно постоянное дѣло, постоянное стремленіе, забота, куда уходили его напряженное вниманіе, соображенія, вся его тактика»:—это извлекать отъ обихихъ своихъ старшихъ сестеръ» денежные средства на шалости». Онъ «шутя» проживалъ жизнь, всегда смѣялся, рассказывалъ только веселое, даже драму въ театрѣ смотрѣлъ съ улыбкой, любуясь ножкой или лорнируя la gorge актрисы. По характеристикѣ Райскаго, у П. «погасло артистическое тонкое чувство поклоненія красотѣ. Онъ поклоняется грубо, чувственно». «Когда же наставало невеселое событіе, не обѣдъ, не соблазнительная закулисная драма, а затрагивались нервы жизни, слышался въ ней роковой раскатъ, около него возникалъ важный вопросъ, требовавшій мысли или воли, старикъ тупо недоумѣвалъ, впадалъ въ безпокойное молчаніе и только учащенно жевалъ губами». Такъ было, когда сестры поручили ему «объясниться съ графомъ Милари и выпросить назадъ у него» ту «роковую записку» Софьи, которой самъ П. не придавалъ никакого значенія. «Свѣтъ, опытъ, вся жизнь не дали ему никакого содержанія и оттого онъ боится серьезнаго, какъ огня». При объясненіи съ гр. Милари,—котораго самъ П. представилъ дочери,—у Николая Васильевича «разомъ поднялись всѣ педуги».

Paul («Обрывъ»).—Мужъ Бѣловодовой. См.—Бѣловодовъ.

Pauline («Обрывъ»).—Уп. л. Одна изъ «пассій» Пахотина.

Пафнутьевъ («Обрывъ»).—Уп. л. Губернаторъ, предшественникъ Попова; при немъ «даже дамы не сажались въ гостяхъ, прежде нежели онъ не сядетъ самъ»; взыскивалъ «за одно неуваженіе къ рангу», вспоминалъ Тычковъ о П.

Пашутна («Обрывъ»). — Дѣвочка 8—10 лѣтъ; дворовая изъ Малиновки. «Такія дѣвочки не переводились у Бережковой. «Волосы были у П. коротко острижены, платье сдѣлано изъ старой юбки, но такъ, что не разберешь, задомъ или напередъ оно сдѣлано на ней; ноги обуты въ большіе, не по лѣтамъ, башмаки». «У ней изъ маленькаго, нѣскольکو плутовскаго носа часто свѣтится капля. Пробовали ей давать носовые платки, но она изъ нихъ все свивала подобіе куколь, и даже углемъ помѣчала, гдѣ быть глазамъ, гдѣ носу. Ихъ отобрали у нея, и она оставалась съ каплей, которая издали свѣтилась какъ искра». Обязанность П. состояла въ томъ, чтобы, когда «Татьяна Марковна сдѣлала въ своей комнатѣ, стоять, плотно прижавшись въ уголкѣ у двери и вязать чулокъ, держа клубокъ подъ мышкой, но стоять смирно, не шевелясь, чуть дыша, и, по возможности не спуская съ барыни глазъ, чтобы тотчасъ броситься, если барыня ужажетъ ей пальцемъ подать платокъ, затворить или отворить дверь, или велитъ позвать кого-нибудь». — «Утри носъ!—слышалось иногда, и дѣвочка утирала носъ передникомъ, или пальцемъ, и продолжала вязать». Въ другое время, П. «шла къ Василисѣ, влѣзала на высокій табуретъ, и молча, не спуская глазъ съ Василисы, продолжала вязать чулокъ, насилу одолевая пальцами длинныя стальные спицы». Чулокъ П. держала такъ высоко, что спицы поминутно высовывались выше головы». «Часто клубокъ вываливался изъ-подъ мышки и катился по комнатѣ». — «Что зѣваешь, подними!—слышался шопотъ». Если-же приходилъ «котъ Сѣрко», и «Василиса отлучалась изъ комнаты, дѣвочка не могла отказать себѣ въ удовольствіи поиграть съ нимъ»; тогда поднималась возня, смѣхъ дѣвочки, игра кота съ клубкомъ: тутъ часто клубокъ, и самъ котъ летѣли на полъ, иногда опрокидывался и табуретъ съ дѣвочкой». Райскій давалъ П. то «ложку варенья», то яблоко» и «ласково гладилъ ее; когда онъ входилъ въ комнату она, быстро взглянувъ на него изъ-за чулка, усмѣхнулась было», и еще быстрѣе потупила глаза подъ суровымъ взглядомъ Василисы». Отъ Волохова П., вмѣстѣ съ Василисой, «заперлись на ключъ».

Пелагея («Обрывъ»).—Горничная Бережковой. Когда «Егорка повертѣлъ шель» въ перегородкѣ, отдѣлявшей кабинетъ Райскаго отъ корридора, и приглашалъ дѣвушекъ смотреть, какъ тамъ Борисъ Павловичъ «дѣйствуетъ», П. отвѣтила:—Некогда мнѣ, гладить надо». Однако, Егорка убѣдилъ П., и она пошла, вмѣстѣ съ Матреной, «посмотрѣть» «тіатръ» Егорки. Увидя Райскаго, то плачущимъ, то смѣющимся, «чуть ли не въ одно время», Егорка, Матрена и П. «присѣли и всѣ захихикали». Но когда Егорка заявилъ, что Райскаго оттого разбираетъ, что онъ «врѣзамшись, д. б., въ вѣру Васильевну»—П. «ткнула его кулакомъ въ бокъ». — «Что ты врешь, поганецъ!» замѣтила она со страхомъ:—ври да не смѣй трогать барышень! Вотъ узнаетъ барыня... Пойдемте прочь!»

Пелагея Ивановна («Обломовъ»).—Уп. л. Пожилая дѣвушка, дальняя родственница Ильи Ивановича; «состояла въ свитѣ матери» Обломова. На вопросъ Ивана Ильича, что значить, когда кончикъ носа «чешется», разъяснила:—«Въ рюмку смотрѣть», а когда «съ боку чешется—означаетъ—вѣсти; брови чешутся—слезы; лобъ—кланяться; съ правой стороны чешется мужикъ, съ лѣвой—женщина; уши зачешутся значить къ дождю, губы—цѣловаться, усы—гостиницы ѣсть, локоть—на новомъ мѣстѣ спать, подошвы—дорога»...

Пенкинъ («Обломовъ»).—Знакомый Обломова. Литераторъ. Черненькій господинъ, заросшій весь бакенбардами, усами и эспаньолкой. Одѣвался «съ умысленной небрежностью». Писалъ «двѣ статьи въ газету каждую недѣлю, потомъ разборы беллетристовъ и сочинилъ повѣсть «о томъ, какъ въ одномъ

городъ городничій бьетъ мѣщанъ по зубамъ». По словамъ П., въ его повѣсти ему «удалось показать и самоуправство городничаго и развращеніе правовъ въ простонародіи; дурную организацію дѣйствій подчиненныхъ чиновниковъ и необходимость строгихъ, но законныхъ мѣръ». — «Не правда ли эта мысль... довольно новая? спросилъ П. Обломова. Признавалъ себя представителемъ «реальнаго направленія»: — «Намъ, — говорилъ П., — нужна одна голая физиологія общества, не до лѣсенъ намъ теперь». Восхищался современной «вѣрностью» литературы: — «Вѣрность-то, вѣрность кака! До смѣха похоже. Точно живые портреты. Какъ кого возьмутъ, купца ли, чиновника, офицера, будочника — точно живьемъ и отпечадаютъ». Любилъ все, что дѣлаетъ шумъ, и «о чемъ говорить». Необходимымъ элементомъ въ писателѣ считалъ «кипучую злость — желчное гоненіе на порокъ, смѣхъ презрѣнія надъ падшимъ человѣкомъ»... На требованіе Обломова «дать человѣка» и любить его, П. воскликнулъ: — «Любить ростовщика, ханжу, ворушаго, или тупоумнаго чиновника»... — «Нѣтъ, ихъ надо карать, извергнуть изъ гражданской среды, изъ общества»... Восторгался готовящейся къ печати, своей поэмой: «Любовь взяточника къ падшей женщиной» — («Я не могу вамъ сказать, кто авторъ: это еще секретъ»), но восторженно заявилъ, что «въ поэмѣ обнаруженъ весь механизмъ нашего общественнаго движенія, и все въ поэтическихъ краскахъ. Всѣ пружины тронуты, всѣ ступени общественной лѣстницы перебраны. Сюда, какъ на судъ созваны авторомъ и слабый, но порочный вельможа, и цѣлый рой обманывающихъ его взяточниковъ; и всѣ разряды падшихъ женщинъ разобраны... француженки, пѣмки, чухонки, и все, все... съ поразительной животрепещущей вѣрностью». — «Авторъ великъ! Въ немъ слышится то Дантъ, то Шекспиръ! воскликнулъ П., и «вдругъ смолкъ, видя, что, «дѣйствительно, онъ далеко хватилъ» въ своихъ похвалахъ.

Пересвѣтовъ («Обломовъ»). — Уп. л. Чиновникъ, сослуживецъ Судьбинскаго; «получаетъ прибавочныя», «а дѣла-то, по словамъ того же Судьбинскаго, «меньше моего дѣлаетъ, и не смыслить ничего».

Перская, княгиня («Май мѣс. въ Петерб.»). — Пріятельница гр. Рѣшетилловой; «пріѣхала къ послѣдней обѣдать и жаловалась ей, что «измучилась совсемъ, дѣлая визиты». — «Представь, я нынче сдѣлала двадцать два визита... это ужасъ! — съ неподдѣльнымъ ужасомъ говорила она». — «Осталось еще визитовъ тридцать! — со вздохомъ добавила она». — «Зачѣмъ ты ихъ дѣлаешь, эти визиты? — спросила графиня. — Ты бы, какъ я, вовсе не ѣздилъ!» — «Нельзя, нельзя!» — строго замѣтила графиня. — «Если дѣлать по-товому — не соберешь усеби на балъ всѣхъ маменекъ и тетусекъ! Вотъ ты узнаешь, когда будешь вывозить свою Nadine! Хорошо еще, что сегодня въ четырнадцать домахъ не было хозяекъ у себя, я оставила карточки, а въ восьми домахъ приняли — надо было тащиться на лѣстницу! — со вздохомъ прибавила она. — Да... я и забыла сказать тебѣ: представь себѣ, я видѣла во снѣ — гробъ! Что бы это значило? — вдругъ спросила она».

Перевозчица (Фрег. Пал.). — Старая перевозчица на Гон-Конгѣ. Киятаянка.

Перевозчица («Фрег. Пал.»). — См. Этола.

Пестовъ, графъ (Литер. веч.). — «Свѣтская окаменѣлость, напоминавшая Тугоуховскаго». «Какъ Тугоуховскій (см. «Типы Грибоѣдова»), «онъ боялся оставаться одинъ дома и умереть». Въ гостяхъ «его посадятъ въ покойное кресло», «онъ посидитъ, пожуетъ губами, пошепчетъ что-то и задремлетъ». Онъ уже лѣтъ десять смотрѣлъ тусклымъ взглядомъ вокругъ себя, не всегда и не все пснимая, что происходитъ. Онъ поминутно забывалъ о чемъ говорить, иногда съ кѣмъ говорить, подчасъ не узнавалъ даже родныхъ внуковъ». Зато «помнилъ до мелочей свой вѣкъ, «и служилъ живымъ архивомъ для справокъ: онъ помнилъ всѣхъ современниковъ, крупныя событія и мелкія сплетни, хронологію, анекдоты, даже у кого въ домѣ когда собирались, чей лучше былъ поваръ и т. п.» — «Merci!» — сказалъ онъ Бебикову, по окончаніи чтенія. — «C'est bien

écrit! Vous me donnerez un exemplaire je le mettrai a côté de J. J. Roussau!»—Dites-lui, qu'il écrive cela en français!—говориль С. спутникамъ, которые вели его подь руку къ выходу».

Пестовы («Обрывъ»).—Уп. л. Знакомые Опенкина.

Петровъ («Обрывъ»).—Уп. л. Старый докторъ, бросившій давно практику, лѣчившій тетокъ Бѣловодовой.

Петръ Ивановичъ («Обрывъ»). Уп. л. Знакомый Аянова по клубу и передавшій ему кое-какія подробности исторіи «Софьи съ гр. Милари».

Петруша («Слуги»).—«Сынъ» Степана и Матрены, семнадцати лѣтъ, обучался слесарному ремеслу и ходилъ къ отцу и матери только по большимъ праздникамъ; по праздникамъ игралъ въ бабки въ углу двора съ мальчишками, или спалъ дома такъ, что его не добудисься». Отецъ таскалъ П. «за вихры, а П., «во время запоя Степана, запиралъ на ночь двери на ключъ и не пускалъ отца домой. Въ квартирѣ одинъ оставаться «боялся» и, сидя на крылцѣ, принимался плакать.

Петрушка («Обрывъ»).—Лакей Бережковой.

Петръ («Слуги»).—«Блондинъ, лѣтъ тридцати», «представительной наружности», «съ грубоватыми, но правильными чертами лица». «Очень тихій, приличный и расторопный слуга», «подъ пару Антошу». «Отслуживъ свой день, запиралъ» барина «на ночь на ключъ и уходилъ со двора. «Уходилъ раза два, только не водку пить, нѣтъ!» За другимъ, за дѣломъ уходилъ».—За другимъ, за дѣломъ, только не водку пить!»—твердилъ П. Когда баринъ обозвалъ П. «бродягой», вскинулся на него «съ крикомъ, съ азартомъ:—«Какъ вы смѣете называть меня бродягой!» и «продолжалъ кричать и грубить». На предложеніе лечь спать, «кричалъ»:—«лягу и безъ васъ, не дамъ куражиться надъ собой! Я не бродяга, я хожу въ хорошіе люди, не водку пить: нѣтъ, нѣтъ!» Утромъ, какъ ни въ чемъ не бывало, принесть чай, газеты». Получивъ расчетъ, оторопѣлъ немного, переступилъ съ ноги на ногу и «тихо сказалъ»:—«Помилуйте, за что же?». Когда узналъ, какъ онъ велъ себя наканунѣ ночью, схватился «руками за голову» и спросилъ:—«Неужели это правда? и я это все сказалъ?». На замѣчаніе барина, что онъ не можетъ держать больше П. у себя, отвѣтилъ «тихо»:—«Это точно-съ». Ушелъ, понуря голову» и, отворяя дверь, еще тише прибавилъ:—«Простите за вчерашнее». Вернувшись, дня черезъ два, за своими пожитками, на вопросъ, за какимъ дѣломъ уходилъ онъ по ночамъ, «откровенно», потупляя глаза, сознался:—«Водку пить-съ!».

Петръ Ивановичъ Адуевъ («Обыкн. Ист.»).—См. Адуевъ, П. И.

Петръ Петровичъ («Май мѣсяцъ въ Петерб.»).—Экзекуторъ, пріятель Брагина. На проводахъ директора, твердилъ какъ сорока:—«Слушаю, ваше превосходительство, все будетъ сдѣлано».

Петръ Петровичъ («Обрывъ»).—Старый докторъ, лѣчившій когда-то Бережкову. Когда Вѣра заболѣла, Татьяна Марковна послала за П. П.

Петръ Сергѣичъ («Обыкн. Ист.»).—Знакомый Адуевой.

Писарь (Фрег. Пал.).—Во время праздника на фрегатѣ «по поводу годовщины выхода въ море», пришелъ къ старшему офицеру съ жалобой на музыканта Макарова; жаловался, что Макаровъ «пзломалъ ему спину».—«И больно?»—спросили его.—«Точно такъ-съ, отвѣчалъ онъ съ той улыбкой челоуѣка на-веселѣ, въ которой умѣщаются и обида и удовольствіе: «Писать вовсе не могу, прибавилъ онъ, съ влажными глазами и съ той-же улыбкой, и старался водить рукой по воздуху». На очной ставкѣ съ Макаровымъ, подтвердилъ слова послѣдняго:—точно такъ-съ, въ грудь... (т. е., что Макаровъ ударилъ его въ грудь).—За чтожь ты его?—«Съ кулакомъ къ рожѣ лѣзь!»—отвѣчалъ Макаровъ.—«Ты лѣзь?»—Точно такъ-съ, лѣзь», отвѣчалъ П.

Риегге, князь (Обрывъ).—Одинъ изъ знакомыхъ Бѣловодовой.

Плотниковъ («Фрег. Пал.»).—Смотритель почтовой стапціи: былъ такъ старъ, что, по лѣтамъ его, ему спать ужъ было трудноато». Гончаровъ встрѣ-

тилъ его «у берестяной юрты, одиноко стоящей на правомъ берегу Лены. Ц. былъ «въ мундирѣ и въ шапгѣ». Онъ держалъ руку подъ козырекъ и глазъ не сводилъ съ Гончарова. На вопросъ: вы смотритель?—отвѣчалъ: «Точно такъ, изъ дворянъ». Живя среди якутовъ «объякутился» и «не все по русски понималъ». Разказалъ, «что онъ, по распоряженію начальства, переведенъ на дальнюю станцію, вмѣсто другого смотрителя, Татаринова, который поступилъ на его мѣсто; что это несогласно съ его семейными обстоятельствами, и потому онъ просилъ убѣдительно Татаринова, выйти въ отставку, чтобы перепроситься на прежнюю станцію, но тотъ не согласился»; умолялъ Гончарова «ходатайствовать по этому дѣлу у начальства».

Полина Карповна Крицкая («Обрывъ»).—Вдова чиновника Палаты. У нея было двое дѣтей, но Крицкая отправила ихъ къ дѣду на воспитаніе, людальше отъ себя, чтобъ они возрастомъ своимъ не изболчили ея лѣтъ». «Она все вздыхаетъ, вспоминая «несчастное супружество», хотя всѣ говорятъ, что мужъ у ней былъ добрый, смиренный человѣкъ и въ ея дѣла никогда не вмѣшивался. А она называетъ его «тираномъ», говорить, что молодость ея прошла безплодно, что она не жила любовью и счастьемъ».—«Не льщусь этой почестью»,—отвѣтила она, когда Тычковъ предлагалъ ей выйти за него замужъ и «быть генеральшей».—«Вамъ едва ли кто найдетъ подъ парю», сказала П. К. «генералу». Все еще вѣрила, что «часъ ея пробьетъ», и «она полюбитъ и будетъ любить идеально». «Она не была сентиментальна, но часто «вздыхала, возводила глаза къ нему, разливаясь въ нѣжныхъ рѣчахъ». Все это дѣлала притворно, прибѣгая къ условнымъ приемамъ кокетства». Говорила, «картавя»,—«жарко», «вижю», «bonjour».

Тычковъ называлъ П. К. «старой модницей, прельстительницей, вѣтренницей». Онъ ее журилъ за то, что она «ходитъ въ розовомъ, бантики, да ленточки», а «вѣдь ей давно за сорокъ». Татьяна Марковна звала ее «безстыжей» и сравнивала съ Мариной.—«*Cette femme, quelle horreur!*»—отзывалась П. К. объ Ульянѣ Андреевнѣ. При встрѣчѣ съ П. К., «Райскій съ любопытствомъ глядѣлъ на барыню, набѣленную пудрой, въ локонахъ, съ розовыми лентами на шляпкѣ и на груди, значительно открытой, и въ ботинкѣ пятилѣтняго ребенка, т. ч. кровь отъ этого прилила ей въ голову». «Перчатки» лопнули по швамъ, п. ч. были менѣе руки. Райскому, она показала «черномазой старухой, о красотѣ которой забыли всѣ, кромѣ самой П. К.; онъ же именовать ее «эксцентрической барыней»; по его мнѣнію, она «играетъ наивно комедію, не скрывается и не окружаетъ себя туманомъ»; онъ же находилъ, что П. К. не годится и въ романъ: слишкомъ каррикатурна! Никто не повѣритъ...» Татьяна Марковна не совѣтъ была права, сравнивая ее съ Мариной—«П. К. была покойнаго темперамента: она не искала т. н. «паденія», и измѣны своимъ обязанностямъ на совѣсти не имѣла. «Это было «тупое, безплодное и каррикатурное кокетство сѣдѣющей Калипсо, все ищущей своего Телемака».—«*Je veux le jenne homme, se pauvre enfant!*» «объясняла официально П. К.» «свои отношенія» къ состоящему при ней юношѣ, который сопровождалъ ее вездѣ, «таская шаль, мантилью и вѣрь за лей». При ней всегда кто-нибудь состоялъ. П. К. старалась заманивать новичковъ, заѣзжихъ студентовъ, прапорщиковъ, молодыхъ чиновниковъ. Она ласкаетъ ихъ, кормитъ, лакомитъ, раздражаетъ ихъ самолюбіемъ и подъ рукою распускаетъ слухъ, что тотъ или другой «страдаетъ» по пей.—«*Pauvre garçon!*»—говорила она съ жалостью».—Посмотрите, вашъ cousin въ плѣну. не правда-ли, какъ левъ въ сѣтяхъ», указала она вошедшей Вѣрѣ, на Райскаго, который «молча выпутывалъ ноги изъ юбокъ». Когда Борисъ Павловичъ согласился поѣхать къ ней, П. К. «помчала его», глядя торжественно по сторонамъ, сначала по главнымъ улицамъ», «мимо всѣхъ знакомыхъ». Она привезла Райскаго къ себѣ «какъ военную добычу». Она «не знала, гдѣ его посадить», велѣла подать прекрасный завтракъ, «потомъ позвала горничную и хвастливо сказала, что никого не принимаетъ», вошедшему человѣку повторила то же

самое. «Къ вечеру весь городъ зналъ, что Райскій провелъ утро наединѣ съ П. К., что не только шторы были опущены, но и ставни закрыты, что онъ объяснился ей въ любви, умолялъ, плакалъ—и теперь страдаетъ муками любви». П. К. «гордилась своею побѣдой».

Когда-то она была «мѣстной львицей», и молодежь «гонялась» за нею. Она сама смотрѣла на жизнь, какъ на рядъ побѣдъ, считая потеряннымъ день, когда на нее никто не взглянетъ нѣжно или не шепнетъ ей хоть намекъ на лѣзность». Въ первый прїѣздъ Райскаго П. К. его «обливала взглядами», хотя онъ «былъ ранній юноша, успѣла ему сказать» (за десять минутъ, которыя пробыли въ ея домѣ Райскій съ бабушкой), «что у него глаза и ротъ обворожительны, и что онъ много побѣдъ сдѣлаетъ, начиная съ нея...» На прощанье «взяла руками Райскаго за обѣ щеки и поцѣловала въ лобъ». При новой встрѣчѣ, черезъ 14 лѣтъ, она припомнила «два взгляда» Райскаго и поняла причину, почему онъ не хотѣлъ посѣтить ее:—«Ah, le monde est si méchant».—«Чортъ знаетъ, что такое!» думала Райскій, глядя на нее во все глаза. «Такъ? Угадала?»—говорила она.—«Я еще въ первый разъ замѣтила, que nous nous entendons! Эти два взгляда—помните? Voilà, voilà, tenez... Этотъ самый! о, я угадываю его. Райскій засмѣялся».—«Да, да: правда? Oh, nous nous convenons! Что касается до меня, я умѣю презирать свѣтъ и его мнѣнія. Не правда-ли, это заслуживаетъ презрѣнія?» Но увидя, у окна квартиры Козлова, «жену Леонтія, которая дѣлала знаки Райскому», П. К. пришла въ ужасъ.—«Вы ѣдите къ этой женщинѣ—возможно-ли? Я компрометирована!» «сказала она».—«Что скажутъ, когда узнаютъ, что я завезла васъ сюда?» Alons de grâce, montez vite et patrons! Она сама увѣряла Райскаго, что онъ «не равнодушенъ къ ней, но скрываетъ или sur le point l'être противится и немного остерегается, mais que tôt on tard cela finira par la et comme elle sera contente, heurée!»—«О, мы будемъ счастливы! Enfin!» будто про себя шепнула она, но такъ, что Райскій слышалъ. «Она заранее безъ ума» и отъ альбомовъ Райскаго, и отъ произведеній его музы; въ то время, какъ «Райскому «страхъ какъ хотѣлось пустить въ нее палками и тетрадами»:—«Не конфузьтесь, будьте смѣлѣе, говорила она».—«Вотъ такъ! Я вижу, что вы угадали меня, прибавила она шопотомъ, когда Борисъ Павловичъ «разразился первыми хохотомъ и сѣлъ подлѣ нея». Послѣ того, какъ Райскій «отомстилъ за П. К. Тычкову, она написала Вѣрѣ восторженное письмо. Она писала, что становится на колѣни «предъ милымъ, благороднымъ, прекраснымъ братомъ!» «Онъ былъ великъ! Скажите ему, что онъ мой рыцарь и навсегда, что я его вѣчная, послушная раба!» «Да, я его люблю, нѣтъ боготворю! Все мужчины должны пасть на колѣни предъ нимъ». Крицкая молила Вѣру «упросить» Райскаго «сдѣлать ея портретъ» и прибавляла: «—Богъ съ нимъ съ портретомъ, но чтобъ мнѣ быть только съ артистомъ, видѣть его, любоваться имъ, говорить, дышать съ нимъ однимъ воздухомъ!» П. К. «надоѣдала Райскому своими прѣсненными нѣжностями»—«Я вся ваша покорная раба, заявила она Борису П-у и была счастлива, что привела его въ «ажитацию».—«Ахъ, вы въ ажитацию: это естественно—да, да, я этого хотѣла и добила съ, говорила П. К., торжествуя и обмахиваясь вѣеромъ. «Она «пришла въ экстазъ», услыша его признанье (онъ съ любовью и ждалъ, что будетъ).—«О, я знала, я знала, видите! Не я-ли предсказывала?—ликуя говорила она. «Она сидѣла въ своей красивой позѣ, напротивъ большого зеркала, и молча улыбалась своему гостю, мѣля отъ удовольствія. Она не старалась ни приблизиться, ни взять Райскаго за руку, ни приглашала сѣсть ближе, а только играла и блистала передъ нимъ своей интересной особой, нечаянно показывала «ножку» и съ улыбкой смотрѣла, какъ дѣйствуютъ на него эти маневры». Когда онъ съ «комическимъ экстазомъ» сказалъ:—мигъ остается только... поцѣловать васъ!...»—«M-r Boris! de grâce—oh! oh!» съ натянутымъ смущеніемъ сказала она:—que voulez-vous—нѣтъ, ради Бога, нѣтъ, пощадите, пощадите!» «Она замахала руками въ притворномъ страхѣ», подняла штору» и, опу-

тивъ томно голову на плечо, шептала сладостно:—«Pitié, pitié!» Когда же Райскій заявилъ, что онъ пошутилъ:—«Не бойтесь, П. К., вы безопасны, клянусь вамъ...»—«О, не кланяйтесь! вдругъ вставъ съ мѣста, сказала она съ пафосомъ и нажмурилась:—«есть минуты страшныя въ жизни женщины... Но вы великодушны!»—«прибавила она томно, млѣя и клоня голову на сторону:—вы не погубите меня». «Она была даже довольна», когда Райскій собрался уходить». «Ей (о смерти хотѣлось», чтобъ кто-нибудь всегда былъ въ нее влюбленъ, чтобъ объ этомъ знали и говорили всѣ въ городѣ, въ домахъ, на улицѣ, въ церкви, т. е. что кто-нибудь по ней страдаетъ, плачетъ, не спитъ, не ѣстъ, пусть бы даже это была неправда». При новыхъ встрѣчахъ съ Райскимъ, «она дѣлала томные глаза, ловила его взглядъ (Райскій «хмурясь отодвигался отъ нея» и думалъ: «Ну тебя къ чоргу!») и раза два начинала тихо:—Je comprends: dites tout! (le courage)!» Когда вечеромъ, Райскій стоялъ надъ обрывомъ, то вглядываясь мысленно въ новый пробужденный образъ Вѣры, то терзаясь нечеловѣческими муками», къ нему подошла Крицкая:—«Я пришла... я знаю... вижу... вы хотите давно сказать, шептала П. К. таинственно:—но не рѣшаетесь... Du courage! идѣсь никто не видитъ и не слышитъ... Exrêpez vous». Когда же Райскій схватилъ ее за руку и потащилъ къ обрыву.—«Ah, de grâce! Mais pas si brusquement... qu'est-ce que vous faites... mais laissez donc!» завопила она въ страхъ и не на шутку испугалась.—«Пустите, пустите! пищала она не своимъ голосомъ:—«я упаду, мнѣ дурно!».

Поджабринъ, Иванъ Саввичъ («И. С. Поджабринъ»).—См. Иванъ Саввичъ Поджабринъ.

Полковникъ («Обрывъ»).—«Полковникъ гарнизонный», гость Бережовой. «Толстый, коротенькій, съ налившимся кровью лицомъ и глазами, т. ч., глядя на него дѣлалось за человѣка страшно».

Полковникъ («Фрег. Пал.»).—Ирландецъ. Полковникъ испанской службы, очень благообразный, высокій, сѣдой старикъ въ свѣтло-зеленомъ сюртукѣ. Одинъ изъ обитателей номеровъ m-г Демьена въ Маниллѣ.

Полковникъ («Фрег. Пал.»).—П. ость-индской службы». Высокій, худощавый старикъ, въ синей курткѣ; былъ «болѣе похожъ на шкипера кучеческаго удна». Возвращаясь черезъ Каншиадтѣ въ Англію изъ Индіи, прослуживши тамъ «свои лѣта».

Полковница («Фрег. Пал.»).—Жена полковника ость-индской службы; высокая, худощавая женщина, съ блѣднорусыми волосами. Она волосокъ къ волоску расположила скудную свою шевелюру и причесалась почти до мозга». За бѣдомъ (въ отелѣ m-гс Вельчъ) «поддакивала безпрестанно» собесѣднику, вердя: «Yes, y-e-s!». Въ семь минутъ 33 раза произнесла это слово. Говорила по-французски, русскихъ моряковъ разспрашивала о фрегатахъ, о путешествіи, о лондонской церкви; получивъ отвѣтъ, что это «прекрасная церковь, П. сказала семь разъ»—«Yes... oui, oui»...

Полномочные («Фрег. Пал.»).—П. японскаго правительства, пріѣхавшіе изъ Ёдо въ Нагасаки для переговоровъ съ адмираломъ. По словамъ баліосовъ, І. имѣли полное довѣріе отъ правительства, большія права («до шести сотъ человѣкъ свиты»). «Всѣ четверо полномочныхъ (см., Алао, Кавадзл, Тсууй (Полномочный) были въ широкихъ мантияхъ, изъ богатой, толстой какъ дубокъ, шелковой съ узорами матеріи, которая едва сжималась въ складки; рукава у кисти были чрезвычайно широкіе; спереди отъ самаго подбородка до пояса, висѣлъ изъ той же матеріи нагрудникъ; подъ мантией обыкновенный халатъ и юбка, конечно, шелковые; на головѣ поставлена была на маковку, вверхъ номъ, маленькая, черная, съ гранью коронка, «изъ палье-маше, прикрѣпленная, тропущенными подъ подбородокъ бѣлыми шнурками». Эта коронка была очень похожа «на дамскія рабочія корзиночки и, пожалуй, на кузовки, съ которыми у насъ бабы ходятъ за грибами». При посѣщеніи фрегата П. «вели себя, какъ тонкіе, бѣкъ жившіе въ свѣтѣ люди»: все было ново для нихъ, [«они сознавались

въ этомъ на другой день»], но «не показали, ни жестомъ, ни взглядомъ, удивленія или восторга». Они такъ скоро «приглядѣлись къ нашему порядку, что едва можно было замѣтить разницу между ними и европейцами»; смущались вѣжливостью и внимательностью» русскихъ (за обѣдомъ на фрегатѣ) «и не знали, какъ благодарить».

Полномочный («Ф р е г. П а л.»).—Четвертый полномочный японскаго правительства; «быть приданъ только для числа и большей важности»; онъ лишь просто «засѣдалъ». Имя его Гончаровъ «забылъ». «Полный и рослый мужчина»; за обѣдомъ на фрегатѣ выпилъ бокала четыре вина и «съ удовольствіемъ ѣлъ баранину». «Кончивъ тарелку, онъ подаль ее челоуѣку самъ: знакъ что желаетъ повторенія».

Помощникъ столоначальника («О б ы к н. И с т.»).—Уп. л. «Онъ у всѣхъ беретъ» «взаимы безъ отдачи». «Черезъ двѣ недѣли знакомства» съ Александромъ, взялъ у него двадцать пять рублей и «просилъ еще пятьдесятъ».

Понюшкинъ («М а й м ѣ с. в ѣ П е т е р б.»).—Чиновникъ; сослуживецъ и сожитель Брагина. Слущая «либеральныя рѣчи» послѣдняго, П. только усмѣхался.

Попадьа («О б р ы в ѣ»).—См. Наталья Ивановна.

Поповъ («О б р ы в ѣ»).—Уп. л. Губернаторъ. Ходилъ «въ старомъ сюртукѣ» и не замѣчалъ «какъ одѣваются у него чиновники»; заботился только, «чтобъ въ Петербургъ никакихъ вестей не доходило». Съ нимъ вмѣстѣ отправился Райскій въ поѣздку по губерніи.

Попъ («О б р ы в ѣ»).—См. Николай Ивановичъ.

Поспѣловъ («О б ы к н. И с т.»).—«Другъ» Александра. «Молодой челоуѣкъ». «Вышелъ вторымъ кандидатомъ». «Нарочно за сто шестьдесятъ верстъ прѣѣхалъ въ Грачи» и «скакалъ цѣлыя сутки», «чтобы сказать послѣднее «прости» Александру». Прощаясь, общался писать и сохранить дружбу «до гробовой доски». «Но, послѣ» перваго же «письма, переписка прекратилась». Въ Петербургѣ получилъ П. прекрасное мѣсто, доволенъ и службой, и начальниками, и товарищами и... всѣми людьми, и своей судьбой». Черезъ нѣсколько лѣтъ встрѣтятся съ Александромъ, пригласилъ его къ себѣ; по приходѣ Адуева, «тотчасъ же предложилъ сѣсть за карты».—«Не играешь? сказалъ онъ съ удивленіемъ».—«Что же ты дѣлаешь?» «Онъ предлагалъ» Адуеву «то сигару, то трубку, жалѣлъ, что» Александръ не играетъ и что ему «скучно», «старался звать» его. «Безпрестанно обращался къ нему «и изъ-за картъ рассказывалъ всякій свой удачный и неудачный выходъ». Когда Александръ спросилъ П., «намѣренъ-ли онъ удѣлить» ему «сколько-нибудь времени въ этотъ вечеръ», П. «съ участіемъ разспрашивалъ, не нужно-ли чего Адуеву, «сталъ предлагать» свои «услуги, помощь». Узнавъ, что Александръ «хотѣлъ говорить съ нимъ не о службѣ, не о матеріальныхъ выгодахъ, а о томъ, что ближе къ сердцу, о золотыхъ дняхъ дѣтства, объ играхъ, о проказахъ», П. вдругъ переѣнилъ разговоръ, какъ будто считая его пустяками, и началъ серьезно разспрашивать «о дѣлахъ, о надеждахъ на будущее, о карьерѣ». Когда же Адуевъ «началъ рассказывать о томъ, какъ поступили» съ нимъ «люди»:—«А что?—вдругъ перебилъ П. съ испугомъ:—вѣрно обокрали?» «Онъ думалъ, что Александръ говоритъ «про лакеевъ». Когда Александръ «заговорилъ» о своей «любви, о мученіяхъ, о душевной пустотѣ.—«П. разразился хохотомъ»:—«Полно, полно», «лучше выпей-ка водки, да станемъ ужинать». По мнѣнію Петра Ивановича, П. «челоуѣкъ порядочный»; Александръ разочарованный въ дружбѣ, называлъ П. «коварнымъ» и «чудовищемъ». Глядя на него, Адуевъ думалъ, «до чего можетъ окаменѣть челоуѣкъ».

Правитель канцеляріи («О б р ы в ѣ»).—Уп. л. «Новый П. канцеляріи, гдѣ служилъ Викентьевъ».

Прасковья Михайловна («И. С. П о д ж а б р и н ѣ»).—Сосѣдка Поджабрина. По словамъ Поджабрина «недурна», только немного толстовата, или не то, что толстовата, а у пей. л. б., кость широка». Дочь умершаго коллежскаго совѣтника; не беззащитная дѣвушка, хотя и живетъ одна: у ней есть крестный—тоже

коллежскій совѣтникъ. По характеристикѣ крестнаго, П. М., не то, что боязлива, «а того.. получила отъ отца фундаментальное воспитаніе. Мать была, правда, баловища—не тѣмъ будь помянута—да умерла рано; а покойный-то отецъ, мой сослуживецъ, коллежскій совѣтникъ,—вотъ ужъ онъ былъ строгъ, не любилъ баловать. Онъ ее и приучилъ къ аккуратности и воздержанію. Не будь его, смоталась бы, чисто смоталась бы дѣвка. Да онъ—царство ему небесное—былъ съ правилами человѣкъ и ей внушилъ». По справкамъ Авдѣя, П. М. живетъ «съ дѣвушкой и кухаркой тихо, скромно», и «въ гостяхъ у нея бываютъ все женщины».—«Я дѣвушка, мнѣ 22-ой годъ, я дочь честныхъ родителей, живу одна, и обо мнѣ никто дурного слова не слыхалъ»,—говоритъ она Поджабрину.—«Я еще съ покойнымъ папенькой жила здѣсь. Слава Богу! про насъ никто не можетъ недобраго слова сказать. Вотъ сегодня въ первый разъ незнакомый мужчина вошелъ безъ позволенія». Однако, изъявила согласіе принимать Поджабрину «по четвергамъ, когда у нея «собираются родные», и взяла съ Поджабринна общаніе, что онъ «никогда, ни словомъ, ни нескромнымъ взглядомъ», не нарушитъ приличій...» Узнавъ, что Поджабринъ читаетъ философскія книги, сказала:—«Ужъ хороши эти философскія книги! я знаю! Мнѣ крестный сказалъ, что философы въ Бога не вѣруютъ. Вотъ шустри васъ къ себѣ: вонъ вы чтѣ читаете!» Театръ посѣщаетъ рѣдко: «если пьеса такая, гдѣ нѣтъ ничего»... — Вѣдь нынче женщинѣ и въ театръ, не знавши, нельзя пойти... Богъ знаетъ, что представляютъ!...» Когда Поджабринъ признался П. М. въ любви («лаконической», по его опредѣленію), «зажала уши». На просьбу Поджабринна дать ему отвѣтъ, сказала:—«Я! отвѣтъ! чтобъ я теперь дала отвѣтъ! Вы не щадите моей скромности! Боже мой! Теперь вечеромъ, съ такими объясненіями.. Отвѣтъ!.. Нѣтъ, нѣтъ! лучше подождите хоть до завтра... или нѣтъ! въ среду утромъ, въ 12 часовъ, вы получите отвѣтъ»... Поджабринна, явившагося раѣе срока, встрѣтила восклицаніемъ:—«Ахъ! Что вы сдѣлали? Вы, вы опозорили меня... Какъ! такъ рано, прежде моего отвѣта! Это ужасно! Приходите въ среду, я васъ жду, а теперь уйдите, уйдите! «Она убѣжала въ спальню и заперлась», но, еще до наступленія среды, весь домъ зналъ, «о скоромъ вступленіи въ законный бракъ» П. М. съ Поджабриннымъ. Когда же Поджабринъ намекнулъ ей, что «вѣдь любовь иногда не ждетъ помолвки»:—«Объ этомъ и думать не должно!»—сказала она.

Профессоръ («Лит. в. еч.»).—«Извѣстный П. словесности, написавшій «много книгъ по литературѣ». Слушалъ чтеніе романа Бебикова «съ строгимъ официальнымъ вниманіемъ, склонивъ немного голову на бокъ и сохраняя приличную случаю мину». Когда Урановъ похвалилъ романъ, П. похвалилъ въ свою очередь:—«И какъ хорошо авторъ читаетъ, какой пріятный голосъ, и манера благородная!» замѣтилъ онъ. На рѣчь Красноперова отвѣчала «съ добродушнымъ смѣхомъ», на Крякова хотя и обидѣлся, но съ достоинствомъ молчалъ»; по словамъ П., онъ «не имѣлъ претензіи читать лекцію»; однако, прочелъ ее, заявивъ себя «не поклонникомъ утилитаризма въ искусствѣ». («Какія повести рассказываете! Что мы, пансіонерки, что ли!»—сказала Крякова въ отвѣтъ на длинную рѣчь П.). По собственнымъ словамъ, «дурную привычку говорить много «приобрѣлъ на кафедрѣ». По мнѣнію Чешнева, «на критическомъ турнирѣ» П. взялъ изъ его рукъ конь и ратовалъ «побѣдоноснѣе его».

Профессоръ («Обрывъ»).—Профессоръ Академіи Художествъ.—«Что это за блннъ? сказалъ онъ, скользя въ взглядомъ по картинѣ (Райскаго), но взглянувъ мелькомъ въ другой разъ, вдругъ быстро схватилъ ее, поставилъ на мольбертъ и вонзилъ въ нее испытующій взглядъ, сильно сдвинувъ брови». «Это вы дѣлали? спросилъ онъ (Райскаго), указавъ на голову Гектора.—«Я-съ».—«И это вы?—П. указалъ на Андромаху.—«Тоже я-съ».—«А это?» спрашивалъ П., «указывая на ребенка».—«Я-же».—«Не можетъ быть»: «Это двое дѣлали, стрынисто отвѣтилъ П. и спросилъ Райскаго, гдѣ онъ учился? сказалъ, что «у него талантъ и разразился сильной бранью, узнавъ, что Райскій только разъ десять былъ въ Академіи и съ бюстовъ не рисуетъ».—«Посмотрите: ни одной

черты нѣтъ вѣрной. Эта нога короче, у Андрюмахи плечо не на мѣстѣ; если Гекторъ выпрямится, такъ она ему будетъ только по брюхо. А эти мускулы, посмотрите»... «Онъ обнажилъ и показалъ коленно, потомъ руку».—«Вы не умѣете рисовать, сказалъ онъ: вамъ года три надо учиться съ бюстовъ, да анатомію... А голова Гектора, глаза... Да вы ли дѣлали?»—«Я—сказалъ Райскій». «П. пожалъ плечами».

Прохинъ, Андрей Петровичъ («На родинѣ»).—Чиновникъ особыхъ прученій при губернаторѣ (Углицкомъ). Полненкій кругленькій сорокалѣтній человекъ, средняго роста, съ сѣро-голубыми на выкатѣ глазами, съ одутловатыми отъ вина щеками, вѣчно съ влажнымъ подбородкомъ и руками, такъ что послѣ его рукожатія надо было обтирать руку. Впрочемъ, онъ былъ не непріятной наружности». «Писать онъ былъ великій мастеръ. Его докладныя объяснительныя и оправдательныя записки были шедеврами. Онъ былъ извѣстное перо въ губерніи. Онъ воспиталъ свой стиль въ семинаріи, потомъ въ казанскомъ университетѣ, на хряхъ, періодахъ, тропяхъ, фигурахъ, метафорахъ, свидѣтельстввахъ отъ противнаго, подобіяхъ и прочихъ тонкостяхъ риторики. Никогда отъ нихъ не отступалъ и признавался, «что если бъ и захотѣлъ, то не могъ бы отступить». «Ужъ отецъ втянулся,—говорилъ онъ».—«Когда возьму перо въ руку, такъ первое является у меня не что писать, а какъ писать? Ядро мысли выдупляется на другой страницѣ листа, а на первую просится вступленіе, потомъ занимаетъ меня соображеніе о числѣ посылокъ и т. д.». «Слогъ у него былъ плавный, текучій, пріятный». «Нигдѣ, что называется, ни сучка, ни задоринки. Такъ и льется рѣчь, какъ тихая рѣка. Ни нечаянныхъ оборотовъ, ни сильныхъ взмаховъ и ударовъ пера, ни поразительныхъ неожиданностей. И какой тонкій, искусный казуистъ онъ былъ! Какъ онъ умѣлъ подсказанный ему Углицкимъ софізмъ развести въ сладкой водѣ фигуръ и троповъ». «Къ сожалѣнію, всѣми качествами его пера и пріятнаго характера не часто приходилось пользоваться. Онъ являлся у губернатора мѣсяца два-три сряду, потомъ мѣсяца на три пропадалъ, запирался дома и... пилъ запоемъ». «Въ пьяномъ образѣ бывалъ свирѣпъ». Въ это время, П. изъ оконъ своего дома «показывалъ прохожимъ языкъ, грозилъ кулакомъ или плевался. Иногда выходилъ въ сѣромъ халатѣ на улицу, въ галошахъ на босу ногу, и шелъ въ кабакъ, если дома не давали пить». Допивался до бѣлой горячки и потомъ конфузился, сознавалъ свое «безобразіе», грустилъ, называлъ самъ себя «скотиной», «свиньей». «Въ немъ таплась заноза противъ всѣхъ знавшихъ иностранныя языки. «Знай я ихъ, эти распроклятые языки, — проговаривался онъ за пуншемъ, среди своихъ: — изъ меня бы вышла не та фигура!» Углицкому былъ преданъ: узнавъ, что губернатора уволили, пришелъ въ «возбужденномъ состояніи». — «Что я слымалъ, ваше превосходительство! Ужели это — правда, начать онъ, подбѣгая къ губернатору и съ паюсомъ складывая руки на груди». — «Какъ: нашъ добрый благородный начальникъ покидаетъ насъ! Нѣтъ, это невозможно! скажите, что это неправда!» Вызвался написать Углицкому «объяснительную записку» и выпросился ѣхать вмѣстѣ въ Петербургъ, но когда Углицкій рѣшилъ отправить П., «какъ кулъ съ поклажей», обратно, возмутился: — «Вы думаете, я приму ваше предложеніе, расшаркаюсь, поблагодарю и поѣду съ вашимъ холопомъ назадъ, домой? Ошибаетесь: я чиновникъ коронный, царскій слуга (онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь); состоялъ при васъ, какъ при губернаторѣ, по лакеемъ вашимъ не былъ, любовныхъ вашихъ записокъ по городу не разносилъ: да! «Я, Прохинъ, не унижусь до этого никогда! нѣтъ, никогда!».

Прохожіи («Обломовъ»).—Уп. л. «Отставшій отъ проходившей въ городъ артели человекъ. Лежалъ, за околицей («Обломовки»), въ канавѣ, у моста», «опершись теломъ въ пригорокъ». Онъ, «повидимому, былъ нездоровъ или очень утомленъ». Его припаяли за «оборотня обломовскіе мальчишки».

Прохорова, Анна («Слуги»).—Хозяйка прачешнаго заведенія. Прислала съ дворникомъ «пезапечатапную записку» барину, слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь!» «Вашъ лакей Валентъ самый низкій мужчина: онъ все таскается подъ окнами у насъ и какетничаетъ съ моими мастерицами, мѣшаетъ имъ и дѣлаетъ разныя низости: вонъ какую записку онъ подалъ Лизѣ—извольте прочитатъ. Мы просимъ васъ унять его. Если онъ не перестанетъ какетничать, ходить подъ окна и бросать записки—я тогда приду сама и раздеру ему всю лицо». «Готовая ко услугамъ Анна Прохорова, прачешная хозяйка». «Подъ фразой «раздеру всю лицо»—была другая зачеркнутая редакція: «раздеру ему поганую харю». Должно быть эта фраза показалась ей грубою». «и она изъ учтивости смягчила ее. Къ письму приложенъ былъ клочокъ бумаги, на которомъ, должно быть, рукой Валентина написано было его посланіе къ Лизѣ. (См. Валентинъ).

Прохоръ («Обрывъ»).—Кучеръ Бережковой; когда Татьяна Марковна купила въ лавкѣ веревку («чтобъ не вѣшали бабы бѣлье на дерево») и отдала П., онъ долго ее разсматривалъ, все потягивая въ рукахъ каждый вершокъ, потомъ осмотрѣлъ оба конца и спряталъ въ шапку.

Прошна («Обыкн. Ист.». —Дворовый Адуевыхъ. «Озорникъ: ни одной женщины проходу не дастъ». «Отъ него путнаго слова не добьешься, только и знаетъ, что лѣзетъ съ ручищами»,—говоритъ Аграфена «—Подлѣ него и сидѣть-то тошно—слизня-свиной! Онъ, того и гляди, поровитъ ударитъ чловѣка, или сожратъ что-нибудь барское изъ-подъ рукъ—и не увидишь».

Пуле («Обыкн. Ист.». —Французъ, учитель Тафаевой. «Это былъ дорогой французъ. Около него ухаживали и отецъ и мать. Его принимали въ домъ, какъ гостя, обходились съ нимъ очень почтительно».

Пшеницына, Агафья Матвѣвна («Обломовъ»).—См. Агафья Матвѣвна П.

Пшеницына, Маша («Обломовъ»).—Дочь Агафьи Матвѣвны; «ей платвевъ «не напасешься; такъ вотъ на ней все и горитъ, особенно башмаки: не успѣваемъ на рынкѣ покупать», жаловалась на дочь Агафья Матвѣвна. Впоследствии «вышла замужъ за смотрителя какого-то казеннаго дома».

Пшеницынъ, Ваня («Обломовъ»).—Сынъ Агафьи Матвѣвны. Обломовъ занимался съ нимъ по французски. Когда мать пригрозила съ Ваши «снять сапоги», если онъ будетъ плохо учиться, сказалъ:—«Я не люблю учиться по французски»—«Отчего?», спросилъ Обломовъ.—«Да по-французски есть много нехорошихъ словъ, фыркнулъ носомъ Ваня». Позднѣе учился въ гимназій, «кончилъ курсъ наукъ и поступилъ на службу».

Пхайло, Казимиръ Альбертовичъ («Обломовъ»).—Уп. л. (I, 1).

Пьеръ, князь («Обломовъ»).—Уп. л. Сынъ князя, владѣльца Верхлѣва, братъ Мишеля. Пренюдалъ Андриушъ (Штольцу) какъ бьютъ зорю, въ кавалеріи и пѣхотѣ, какія сабли гусарскія и какія драгунскія, какихъ мастей лошади въ каждомъ полку и куда непременно надо поступить послѣ ученья, чтобъ не опозориться».

Пьеръ, князь («Обрывъ»).—Уп. л. Одинъ изъ знакомыхъ Бѣловодовой. По мнѣнію Райскаго, принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые (какъ и Анна Борисовна и Левъ Петровичъ) «живутъ или воспоминаніями о любви, или любятъ да притворяются».

Р.

Р. К. («Фрег. Пал.». —См. въ «Спискѣ» —Римскій-Корсаковъ.

Райскій, Борисъ Павловичъ («Обрывъ»).—«Помѣщикъ», «столбовой дворянинъ»—«Ему около тридцати пяти лѣтъ. Онъ «очень хорошо сложенъ». «Съ перваго взгляда онъ казался моложе своихъ лѣтъ: большой бѣлый лобъ блисталъ свѣжестью, глаза мѣнялись, то загорались мыслию, чувствомъ, веселостью, то задумывались мечтательно и тогда казались молодыми, почти юношескими. Иногда же смотрѣли они зрѣло, устало, скучно, и обличали возрастъ своего хозяина».

римляне, германцы, русские—но живыя лица,—у Райскаго уха невольно открывается: онъ весь тутъ и видитъ этихъ людей, эту жизнь». «Когда зададутъ Теу на диссертацию, Р. терялся, впадалъ въ уныніе, не зная, какъ приступить къ разсужденію, напримѣръ, «Объ источникахъ къ изученію народности, или о древнихъ русскихъ деньгахъ или о движеніи народовъ съ сѣвера на югъ». «Онъ, вмѣсто того, чтобъ разсуждать, вглядывается въ движеніе народовъ, какъ будто оно передъ глазами. Онъ видитъ, какъ туча народа, точно саранча, движется, располагается на бивуакахъ, зажигаетъ костры; видитъ мужчинъ въ звѣриныхъ шкурахъ, съ дубинами, оборванныхъ матерей, голодныхъ дѣтей; видитъ какъ они рѣжутъ, истребляютъ все на пути, какъ гибнутъ отсталые. Видитъ сѣрое небо, скудныя страны, и даже древнія русскія деньги; видитъ такъ живо, что можетъ нарисовать, но не знаетъ, какъ «разсуждать» объ этомъ: и чего тутъ разсуждать, когда ему и такъ видно?» Одинъ толчокъ—и «фантазія» Р. начинаетъ работать, создавая живыя картины: даже, когда директоръ училища общалъ его высѣчь, Р. «смотрѣлъ, какъ стоялъ директоръ, какъ говорилъ, какіе злые и холодные у него глаза, разбиралъ, отчего ему стало холодно, когда директоръ тронулъ его за ухо, представилъ себѣ, какъ поведутъ его съечь, какъ у Севастьянова отъ испуга вдругъ побѣлѣетъ носъ, и онъ весь какъ будто похудѣетъ немного, какъ Боровиковъ задрожитъ, запрыгаетъ и захихикаетъ отъ волненія, какъ добрый Маслянниковъ, съ плачущимъ лицомъ, бросится обнимать его и прощаться съ нимъ, точно съ осужденнымъ на казнь. Потомъ, какъ его будутъ раздѣвать и у него похолодѣетъ сначала у сердца, потомъ руки и ноги, какъ онъ не сможетъ самъ лечь, а положить его тихонько сторожъ Сидорычъ...» «Онъ слышалъ мысленно свой визгъ, видѣлъ болтающіяся ноги и вздрогнулъ...» «Р. подошелъ къ «Обрыву», подъ которымъ, по преданію, какой-то портнягой убилъ жену. Онъ «вспомнилъ это печальное преданіе, и у него плечи немного холодѣли отъ дрожи, когда онъ спускался съ обрыва, въ чащу кустовъ». «Ему живо представлялась картина, какъ ревнивый мужъ, трясся отъ волненія, пробирался между кустовъ, какъ бросился къ своему сопернику, ударилъ его ножомъ; какъ, можетъ-быть, жена билась у ногъ его, умоляя о прощеніи. Но онъ, съ пѣной у рта, наносилъ ей рану за раной, и потомъ, надъ обоими трупами, перерѣзалъ горло и себѣ». Если попадалась интересная для него книга, Р. «сжимался въ комокъ и читалъ жадно, почти не переводя духа, но внутренно разрываясь отъ волненія, и вдругъ въ неистовствѣ бросалъ книгу и бѣгалъ, какъ потерянный, когда храбрый Ринальдъ, или въ романѣ мадамъ Коттенъ, Малекъ-Адель, вознывали у ногъ волшебницы». Когда являлись интересные для него задачи, вопросъ, «воображеніе Р. вспыхивало и онъ путемъ сверкнувшей догадки схватывалъ тѣнь, верхушку истины, дорисовывалъ остальное и уже не шелъ долгимъ опытомъ и трудомъ завоевывать прочію побѣду. Онъ уже былъ утомленъ, онъ шелъ дальше, глаза и воображеніе искали другого, и онъ летѣлъ на крыльяхъ фантазіи черезъ пропасти, горы, океаны, переходимые и переплываемые толпой мужественно и терпѣливо». «Онъ отталивалъ наскучившій предметъ прочь, отыскивая вокругъ новаго, живого, поразительнаго, чтобъ въ немъ самомъ все играло, билось, трепетало и отзывалось жизнью на жизнь». Учился онъ «по серьезнымъ предметамъ» плохо:—«садись на мѣсто, пустой мальчи!» говорилъ ему нерѣдко учитель математики, отчаявшись чего-нибудь отъ него добиться.—«Зато, если задѣть его самолюбіе, затронуты нервы, тогда онъ однимъ взглядомъ въ книгу какъ будто снимаетъ фотографію съ урока, запомнить столбцы цифръ, отгадываетъ задачу—и вдругъ блеснетъ, какъ фейерверкъ, и изумитъ весь классъ, иногда и учителя». «Притворяется!»—думаютъ ученики.—«Какія способности у этого дѣтяя!»—подумаетъ учитель». «Онъ чувствовалъ и понималъ, что онъ не лежебока и не лѣнтяй, а что-то другое, но чувствовалъ и понималъ онъ одинъ, и больше никто,—но не понималъ, что же онъ такое именно, и некому было растолковать ему это, и разъяснить, нужно ли ему учить математику, или что-нибудь другое». «Вокругъ его не было никого, кто напра-

вить бы жадные порывы его любознательности въ опредѣленную колею». «Хозяйственные» вопросы, «денежныя дѣла» совѣмъ не интересовали Р. Онъ все свое достояніе отдалъ на волю и въ распоряженіе «бабушки» и «опекуна».

«Бабушка все хотѣла показывать ему счеты, объясняла, сколько она откладываетъ въ приказъ, сколько идетъ на ремонтъ хозяйства, чего стоили передѣлки». «—Вѣрочкины и Марейникины счеты особо: вотъ смотри,—говорила она:—не думай, что на нихъ хоть копѣйка твоя пошла. Ты послушай...» «Но онъ не слушалъ, а смотрѣлъ, какъ писала бабушка счеты, какъ она глядитъ на него черезъ очки, какія у нея морщины, родимое пятнышко, и лишь доходилъ до глазъ и до улыбки, вдругъ засмѣется и бросится цѣловать ее». «—Ты ему о дѣлѣ, а онъ шалитъ: пустота какая, мальчикъ!—говорила однажды бабушка».—Когда онъ пріѣхалъ къ бабушкѣ уже тридцатипятилѣтнимъ мужчиной, это отношеніе не измѣнилось. «—Стало-быть, ты не знаешь, куда я твои деньги тратила?»—спросила Татьяна Марковна. «—Не знаю, бабушка, да и не желаю знать!»—отвѣчалъ онъ, приглядываясь изъ окна къ знакомой ему дали, къ синему небу, къ мѣловымъ горамъ за Волгой. «—Представь, Марейника: я еще помню стихи Дмитріева, что въ дѣтствѣ училъ: «О, Волга пышна, величава, прости, но прежде удостой склонить свое вниманье къ лирѣ гѣвца незнаемаго въ мірѣ, но воспоеннаго тобой...» «—Ты, Борюшка, прости меня: а ты, кажется, полоумный!»—сказала бабушка. «Въ службѣ названіе пустого человѣка привинтилось въ нему еще крѣпче, чѣмъ въ школѣ». «Отъ него не добились ни одной докладной записки, никогда не прочелъ онъ ни одного дѣла, между тѣмъ вносилъ веселье, смѣхъ и анекдоты въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ. Около него всегда куча народу». «Но мыслю о дѣлѣ, если только она не проходила черезъ докладъ, какъ бывало русскій языкъ черезъ грамматику, а сказанная среди шутокъ и бездѣлья, для него какъ-то ясна, лишь бы не доходило дѣло до бумагъ». «Онъ озадачивалъ новизной взгляда чиновниковъ. Столоначальникъ, слушая его, съ усмѣшкой отбиралъ у него какую-нибудь заданную ему бумагу и отдавалъ другому». «—Напишите, пожалуйста, вотъ это предписаніе,—говорилъ онъ:—пока Борисъ Павловичъ рисуетъ свой проектъ». «Служба», не манила Райскаго; «поглядѣвши вокругъ себя, онъ вывелъ свое оригинальное заключеніе, что служба не есть сама цѣль, а только средство куда-нибудь дѣвать кучу люда, которому безъ нея незачѣмъ бы родиться на свѣтъ. И если-бъ не было этихъ людей, то не нужно было бы и той службы, которую они несутъ». «—Дѣла у насъ, русскихъ, нѣтъ»,—рѣшилъ Райскій,—«а есть миражъ дѣла. А если и бываетъ, то въ сферѣ рабочаго человѣка, въ приспособленіи къ дѣлу грубой силы или грубаго умѣнья, слѣдовательно, дѣло рукъ, плечей, спины: и то дѣло вяжется плохо, плетется кое-какъ; поэтому, рабочій людъ, какъ рабочій скотъ, дѣлаетъ все изъ-подъ палки и норовитъ только отбить свою работу, чтобы скорѣе дорваться до животнаго покоя...» «А не въ рабочей сферѣ—повыше, гдѣ у насъ дѣло, которое бы каждый дѣлалъ, такъ-сказать, облизываясь отъ удовольствія, какъ будто бы ѣлъ любимое блюдо? А вѣдь только за такимъ дѣломъ и не бываетъ скуки! Отъ этого всѣ у насъ ищутъ однихъ удовольствій, и все внѣ дѣла». «—А дѣла нѣтъ, одинъ миражъ!—злобо твердилъ онъ». «Искусства дались Р-му лучше наукъ», но здѣсь ему не хватало «терпѣнія», «выдержки», «труда». Онъ «пристрастился» въ училищѣ «къ рисованію» и добился «легкаго успѣха». «—Талантъ, талантъ!—звучало у него въ ушахъ». «Но чертить зрачки, носы, линіи лба, ушей и рукъ по сту разъ—ему было до смерти скучно». «Онъ рисуетъ глаза кое-какъ, но заботится лишь о томъ, чтобы въ нихъ повторились учительскія точки, чтобы они смотрѣли точно живые, а не удастся, онъ броситъ все. уныло облокотится на столъ, склонитъ голову и осѣдлаетъ своего любимаго коня, фантазію, или конь осѣдлаетъ его, и мчитя онъ въ пространствѣ, среди своихъ міровъ и образовъ». Поступивъ «въ академію», Р. «робко пришелъ туда и осмотрѣлся кругомъ. Всѣ сидятъ молча и рисуютъ съ бюстовъ. Онъ началъ тоже рисовать, но черезъ два часа ушелъ и сталъ рисовать съ бюста дома». «Но дома, то сигару закуритъ, то сядетъ съ ногами на дн-

ванъ, почитаетъ, или замечается, и въ головѣ раздадутся звуки. Онъ за фортепіано и забудется». Или же улетаетъ въ мечты о славѣ». Ему рисовалась темная, запыленная мастерская, съ завѣшеннымъ свѣтомъ, съ кусками мрамора, съ начатыми картинами, съ манекеномъ,—и самъ онъ, въ изящной блузѣ, съ длинными волосами, съ нѣгой и счастьемъ смотритъ на свое произведение: подъ кистью у него рождается чья-то голова». «Она еще неодушевлена, въ глазахъ нѣтъ жизни, огня. Но вотъ онъ посадитъ въ нихъ двѣ магическія точки, проведетъ два какихъ-то рѣзкихъ штриха, и вдругъ голова ожила, заговорила, она смотритъ такъ открыто, въ ней горятъ мысль, чувство, красота...» «Въ комнату заглядываютъ робко посѣтителы, шепчутся...» «Наконецъ, вотъ выставка. Онъ изъ угла смотреть на свою картину, но ея не видать, передъ ней толпа, тамъ проносятъ его имя. Кто-то измѣнилъ ему, назвалъ его, и толпа отъ картины обратилась къ нему». «Онъ сконфузился и очнулся».

«Недѣли черезъ три Р. опять пошелъ въ академію: тамъ опять всѣ молчатъ и рисуютъ съ бюстовъ». Послѣ этого, «онъ не ходилъ мѣсяцевъ шесть, потомъ пошелъ, и тѣ же самые товарищи рисовали... съ бюстовъ».—Р.,—«бросивъ бюсты, рисунки, взявъ кисть». «Полгода онъ писалъ картину» — Гекторъ и Андромаха—и понесъ ее къ профессору. Тотъ посмотрѣлъ. «—Что это за блинъ?—сказалъ, скользнувъ взглядомъ по картинѣ, но взянувъ мелкомъ въ другой разъ, вдругъ схватилъ ее, поставилъ на мольбертъ и вонзилъ въ нее испытующій взглядъ, сильно сдвинувъ брови». Профессора поразила голова Гектора. «—Кто придѣлалъ голову этой мазнѣ?» — спросилъ профессоръ, но подтвердилъ, что у Райскаго «талантъ». «—Вы не умѣете рисовать, сказалъ онъ».—«Ни одной черты вѣрной». Вамъ года три надо учиться съ бюстовъ, да анатоміи». «Учитесь; со временемъ...» «Все учитесь; со временемъ!» думалъ Р. А ему бы хотѣлось—не учась—и сейчасъ».—И послѣ этого онъ «въ академіи съ бюстовъ не рисовалъ, между тѣмъ много читалъ, много писалъ стиховъ и прозы, танцовалъ, ѣздилъ въ свѣтъ, ходилъ въ театръ и къ «Арמידамъ», и въ это время сочинилъ три вальса и нарисовалъ нѣсколько женскихъ портретовъ. Потомъ, послѣ бѣшеной масленицы, вдругъ очнулся, вспомнилъ о своей артистической карьерѣ и бросился въ академію: тамъ ученики молча, углубленно рисовали съ бюста».

«Музыку Р. любилъ до опьяненія». Онъ любилъ въ училищѣ слушать игру Васюкова. «Послѣ нѣсколькихъ звуковъ, открывалось глубокое пространство, тамъ являлся движущійся міръ, какія-то волны, корабли, люди, лѣса, облака,—все будто плыло и несло мимо него въ воздушномъ пространствѣ. И онъ, казалось ему, все росъ выше, у него занимало духъ, его будто шекотали, или купался онъ...» «Заиграетъ ли женщина на фортепіано, гувернантка у сосѣдей, Р. бѣжалъ-было передъ этимъ удить рыбу,—но раздались звуки, и онъ замиралъ на мѣстѣ, разинувъ ротъ, и прятался за стуломъ играющей». «Его не стало, онъ куда-то пропалъ, опять его несетъ кто-то по воздуху, опять онъ растетъ, въ него льется сила, онъ въ состояніи поднять и поддержать сводъ, какъ тотъ, котораго Геркулесъ смѣнилъ». «Звуки почти до боли ударяютъ его по груди, проникаютъ до мозга—у него уже мокрые волосы, глаза...» «Онъ сталъ было учиться, сначала на скрипкѣ у Васюкова,—но вотъ уже недѣлю водить смычкомъ взадъ и впередъ: а, с, g, тянетъ за нимъ Васюковъ, а смычокъ деретъ ему уши. То захватить онъ двѣ струны разомъ, то рука дрожитъ отъ слабости:—нѣтъ! Когда же Васюковъ играетъ—точно по маслу рука ходить». «Двѣ недѣли прошло, а онъ забудетъ то тотъ, то другой палецъ. Ученики бравятся». «Райскій бросилъ скрипку и сталъ просить опекуна учить его на фортепіано». «На фортепіано легче скорѣй», думалъ онъ. «Съ грѣхомъ пополамъ, онъ одолѣлъ первые шаги»; онъ «не хотѣлъ играть гамма, а ловилъ ухомъ мотивы, какіе западутъ въ голову и бывалъ счастливъ, когда удавалось ему уловить ту же экспрессию или силу, какую слышалъ у кого-нибудь и поразился ею». «Часто онъ задумывался, слушая свою игру, и мурашки бѣгали у него по спинѣ». «Вдалекѣ видѣлась уже ему на-

полненная зала, и онъ своей игрой потрясалъ стѣны и сердца знатоковъ. Женщины съ горящими щеками слушали его, и его лицо горѣло стыдливомъ торжествомъ...» «Онъ тихонько утиралъ слезы, катившіяся по щекамъ, горѣлъ, мѣлъ отъ своей мечты». «Скоро онъ перегналъ розовенькихъ уѣздныхъ барышень и изумлялъ ихъ силою и смѣлою игры, пальцы бѣгали смѣло и обдуманно». «Онъ услышитъ оркестръ, затвердитъ то, что увлекло его и повторяетъ мотивы, упиваясь удивленіемъ барышень: онъ былъ первый, лучше всѣхъ; нѣмецъ-учитель говоритъ, что способности у него быстрыя, удивительныя, но лѣтъ еще удивительнѣе». Въ зрѣломъ возрастѣ «отъ пера онъ бросался къ музыкѣ и забывался и гимны красотѣ. Ему хотѣлось бы поймать эти звуки, формулировать въ стройномъ созданіи гармоніи». «Изъ этихъ волнъ звуковъ очертывалась у него въ фантазіи какая-то музыкальная поэма: онъ силился уловить тайну созданія и три утра бился, изведя толстую тетрадь нотной бумаги. А когда сыграть на четвертое утро написанное, вышла... полька-редова, но такая мрачная и грустная, что онъ самъ разливался въ слезахъ, играя ее». «Онъ удивился такому скудному результату своихъ роскошныхъ импровизаций, положенныхъ на бумагу, и со вздохомъ сознался, что одной фантазійе не одолѣешь музыкальной техники». «Р. началъ писать и стихи, и прозу, показавъ сначала одному товарищу, потомъ другому, потомъ всему кружку, а кружокъ объявилъ, что онъ талантъ. Тогда Борисъ приступилъ къ историческому роману, написалъ нѣсколько главъ и прочелъ также въ кружкѣ. Товарищи стали уважать его, «какъ надежду», ходили съ нимъ толпой». Они «показали его стихи и прозу гениальнымъ профессорамъ, пророкамъ, какъ ихъ звалъ кружокъ, хвостомъ ходившій за ними». «Одинъ изъ «пророковъ» разобралъ стихи публично на лекціи и сказалъ, что «въ нихъ преобладаетъ элементъ живописи, обиліе образовъ и музыкальность, но нѣтъ глубины и мало силы», однако, предсказывалъ, что съ лѣтами это придетъ, поздравилъ автора тоже съ талантомъ и совѣтовалъ «беречь и лелѣять музу», т.-е., заняться серьезно». «Р., шатаясь отъ упоенія, вышелъ изъ аудиторіи, въ кружкѣ, по этому случаю, былъ трехдневный ревъ». «Другой «пророкъ» прочелъ начало его романа и пригласилъ Р. къ себѣ». «Онъ вышелъ отъ профессора, какъ изъ бани, тоже съ патентомъ на талантъ, и съ кучей старыхъ книгъ, лѣтописей, грамотъ, договоровъ». «—Готовьте серьезнымъ изученіемъ вашъ талантъ,—сказалъ ему профессоръ: у васъ есть будущность». «Р. еще «серьезнѣе» занялся хожденіемъ въ оскрестности, проникалъ въ старыя зданія, глядѣлъ, шунгалъ, нюхалъ камни, читалъ надписи, но не разобралъ и двухъ страницъ данныхъ профессоромъ хроникъ, а писалъ русскую жизнь, какъ она снилась ему въ поэтическихъ видѣніяхъ, и кончилъ тѣмъ, что очень «серьезно» написалъ шутивую поэму, восхвѣвъ въ ней товарища, написавшаго диссертацию «о долговыхъ обязательствахъ» и шикода не платившаго за квартиру и за столъ хозяйкѣ». На бѣду «кто-то сказалъ ему, что при талантѣ не нужно много и работать, что работаютъ только бездарные, чтобы измучить себѣ кропотливое жалкое подобіе могучаго и всеобиднаго дара природы—таланта». «—У васъ есть страстность, но нѣтъ стѣрасти (къ искусству), сказалъ Р-му Кириловъ. «Творчество» моментами совершенно захватывало Р., и заставляло забывать все... Когда, послѣ «драмы» подъ обрывомъ, Вѣра пришла къ нему, чтобы посоветоваться о письмахъ Марка—и онъ вдругъ замѣтилъ ея «новую красоту»—«Это—лилія! гдѣ прежняя Вѣра? которая лучше: та или эта?»—думалъ онъ, протягивая ей въ умиленіи руки». «—Погоди, Вѣра!—шпнталъ онъ, не слыхавъ ея вопроса и не опуская съ нея широкаго, изумленнаго взгляда.—Сядь вотъ здѣсь,—такъ!—говорилъ онъ, усаживая ее на маленькій диванъ». А самъ торопливо сунулся въ уголъ комнаты, порылся гамъ и досталъ рамку съ натянутымъ холстомъ». Онъ, схватилъ «наитру, покрылъ ее красками и, взглядывая горячо на Вѣру, торопливо, какъ будто веруя, переносилъ черты ея лица на полотно. Она повторила ему о письмахъ Марка. Онъ молчалъ и глядѣлъ на нее, будто въ первый разъ.

видить». «—Братъ, ты не слушаешь?». «—Да... да... слышу... «письма отъ Марка...» «Ну, что онъ, здоровъ, какъ поживаетъ?... скороговоркой сказалъ онъ». «Она съ удивленіемъ глядѣла на него. Она едва рѣшалась назвать Марка, думая, что дотронется до него этимъ именемъ, какъ каленымъ желѣзомъ,—а онъ о здоровьѣ его спрашиваетъ!» «Поглядѣвъ еще на него, она перестала удивляться. Если бѣ вмѣсто имени Марка, она назвала Карпа, Сидора—дѣйствіе было бы одно и то же. Р. машинально слушалъ и не слышалъ». «Онъ слышалъ только звукъ ея голоса,—погруженный въ работу, видѣлъ только ее, не вникалъ въ ея слова и машинально повторялъ имя». «—Что-жъ ты ничего мнѣ не отвѣчаешь?—спросила она. «—Послѣ, послѣ, Вѣра, ради Бога! Теперь не говори со мной—думай что-нибудь про себя. Меня здѣсь нѣтъ...» «Его самого готовили—къ чему—никто не зналъ. Вся женская родня прочила его въ военную службу, мужская—въ гражданскую, а рожденіе само по себѣ представляло еще третье призваніе—сельское хозяйство. У насъ легко погнаться за всеми тремя зайцами и поспѣть къ тремъ — миражамъ». «И только одинъ онъ выдался уродъ въ семьѣ и не поспѣлъ ни къ одному, а выдумалъ свой миражъ—искусство. «Сколько насмѣшекъ, пожиманія плечъ, холодныхъ и строгихъ взглядовъ перенесъ онъ на пути къ своему идеалу. И если-бъ онъ вышелъ побѣдителемъ, вынесъ на плечахъ свою задачу и доказалъ «серьезнымъ людямъ», что они стремятся къ миражу, а онъ къ дѣлу—онъ бы и былъ правъ». Но въ результатѣ, на вопросъ, не художникъ ли онъ:—«Да, художникъ!—со вздохомъ сказалъ Райскій:—художество мое здѣсь—онъ указалъ на голову и на грудь:—здѣсь образы, звуки, формы, огонь, жажда творчества, и вотъ еще я почти не началъ...»—«Въ васъ погибаетъ талантъ», говорилъ ему Кириловъ: — вы не выбьетесь, не выйдете на широкую дорогу. У васъ недостаетъ упорства, есть страстность, да страсти, терпѣнья нѣтъ!» Бросивъ академію, Р. хотѣлъ было писать картину на выставку», но узналъ, что для этого надо «нѣсколько лѣтъ». Тогда Р. пришла серьезная мысль—писать романъ». «—Чортъ съ ними, съ большими картинами!—съ досадою сказалъ Райскій Козлову:—я бросилъ почти живопись. Въ одну большую картину надо всю жизнь положить, а не выразишь и сотой доли изъ того живого, чтѣ проносится мимо и безвозвратно утекаетъ. Я пишу иногда портреты...»—«Есть одно искусство: оно лишь можетъ удовлетворить современнаго художника: искусство слова, поэзія: оно безгранично. Туда уходитъ и живопись, и музыка—и еще тамъ есть то, чего не даетъ ни то, ни другое...»—«Въ романъ все уходитъ». «Только романъ можетъ охватывать жизнь». «Въ романѣ укладывается вся жизнь, и дѣликомъ, и по частямъ». «Вотъ пусть эта звѣзда, какъ ее... ты не знаешь? и я не знаю, ну да все равно,— пусть она будетъ свидѣтельницей, что я наконецъ слажу съ чѣмъ-нибудь: или съ живописью, или съ романомъ. Романъ—да! Смѣшай свою жизнь съ чужою, занеси эту массу наблюденій, мыслей, опытовъ, портретовъ, картинъ, ощущеній, чувствъ... *une mer à boire!*» Прошелъ годъ попытокъ, и Р. рѣшается, что его призваніе—скульптура.—«Чтѣ я дѣлаю! На что трачу время и силы? Еще годъ пропалъ! Романъ!—шепталъ онъ съ озлобленіемъ. Затѣялъ писать романъ! И вы, и никто—не остановили меня, не сказали мнѣ, что я—пластикъ, язычникъ, древній грекъ въ искусствѣ! Выдумалъ какую-то «осмысленную и одухотворенную Венеру!» Мое ли дѣло чертить картины нравовъ, быта, осмысливать и освѣщать основы жизни! Психологія, авализм!» «Мое дѣло—формы, виѣшняя, ударяющая на нервы красота!» «Для романа—нужно... другое, а главное—годы времени! Я не пожалѣлъ бы трудовъ; и на время не поспешилъ бы, если бѣ было увѣренъ, что моя сила—въ перѣ!» «Я сохранию впрочемъ эти листки: можетъ-быть... Нѣтъ, не хочу обольщать себя невѣрной надеждой! Творчество мое не ладитъ съ перомъ. Не по натурѣ мнѣ вдумываться въ сложный механизмъ жизни! Я пластикъ, повторяю: мое дѣло только видѣть красоту—и простодушно, «не мудрствуя лукаво», отражать ее въ созданіи...» «Сохранию эти листки затѣмъ развѣ, чтобы когда-нибудь вспоминать, чему я былъ свидѣтелемъ, какъ жили другіе, какъ жилъ я самъ, чтѣ чувствовалъ (или вѣриѣ ощущалъ), что перенесъ—и... «И послѣ моей

смерти — другой найдет мои бумаги»: «засвѣтитъ онъ, какъ я свою лампаду» — «и — можетъ быть напишетъ... «Теперь, хотите ли знать, кто я, что я?... — Скульпторъ! — «Да, скульпторъ — не ахайте и не бранитесь! Я только сейчасъ убѣдился въ этомъ, долго не понимая намековъ, призывовъ: отчего мнѣ и Вѣра, и Софья, и многія — прежде всего являлись статуями. Теперь мнѣ ясно!» «Онъ съ живостью собралъ всѣ бумаги, кучей, въ беспорядкѣ сунулъ ихъ въ большой старый портфель — сдѣлалъ «ухъ», какъ будто горбатый вдругъ сбросилъ горбъ, и весело потеръ руку объ руку».

Нѣтъ для меня мирной пристани», — говоритъ Р.: — «или горѣніе, или — сонъ и скука». — «Если-бъ не было на свѣтѣ скуки!! Можетъ ли быть лютеѣ бича?» «Всѣ отъ скуки спасаются какъ отъ чумы», — говорилъ онъ Аянову. — «Скука — его недугъ»; его «одолѣвала хандра, доводившая иногда до свирѣпости»; «тупая и бесплодная скука», которой онъ не «предвидѣлъ конца». Могъ бы онъ заняться дѣломъ: за дѣломъ скуки не бываетъ.» Но дѣла нѣтъ — все «миражъ»... Отъ скуки Р. «пришла въ голову» прежняя мысль писать скуку: «вѣдь жизнь многосторонняя и многообразная, и если», думалъ онъ, «и эта широкая и голая какъ степь, скука лежитъ въ самой жизни, какъ лежатъ въ природѣ безбрежные пески, нагота и скудость пустынь, то и скука можетъ и должна быть предметомъ мысли, анализа, пера или кисти, какъ одна изъ сторонъ жизни: что жъ, пойду, и среди моего романа вставлю широкую и туманную страницу скуки: этотъ холодъ, отвращеніе и злоба, которые вторглись въ меня, будутъ красками и колоритомъ... картина будетъ вѣрна»... «Впечатлительность» его постоянно «требовала» новой и новой «пищи». — «Что за существованіе», размышлялъ онъ: «остановить взглядъ на явленіи, принять образъ на себя, вспыхнуть на минуту и потомъ холодѣть; скучать и насильственно или искусственно подновлять въ себѣ періодическую охоту къ жизни, какъ ежедневный аппетитъ! Тайна умѣнья жить — только тайна длить эти періоды, или, лучше сказать, не тайна, а даръ, невольный, бессознательный. Надо жить какъ-то закрывши глаза и уши — и живется долго и прочно. И тѣ и правы, у кого нѣтъ жала въ мозгу, кто близорукъ, у кого туго обоняніе, кто идетъ, какъ въ туманѣ, не теряя иллюзій! А какъ удержать краски на предметахъ, никогда не взглянуть на нихъ простыми глазами и не увидѣть, что зелень не зелена, небо не сине, что Маркъ не заманчивый герой, а мелкій либераль, Марейнка сахарная куколка». «Боже мой! зачѣмъ я все вижу и знаю, гдѣ другіе слѣпы и счастливы! Зачѣмъ для меня довольно шороха, вѣтерка, самаго молчанія, чтобъ знать? Проклятое чутье!» Р. былъ вѣчно въ борьбѣ, межъ двухъ огней». Съ одной стороны — жажда «ощущать жизнь», съ другой — «развѣдающій, какъ укусъ, анализъ»... «Съ одной стороны фантазія обольщаетъ, возводитъ все въ идеаль: людей, природу, всю жизнь, всѣ явленія, а съ другой — холодный анализъ разрушаетъ все — и не даетъ забываться». «Съ любовью артиста, отдается онъ» каждому «новому и неожиданному впечатлѣнію»; но скоро «иллюзія разлетается, какъ мыльный пузырь». «Онъ не находилъ ни въ чемъ примиренія со своими идеалами, страдалъ отъ уродливостей и томился равнодушіемъ ко всему на свѣтѣ». Онъ «оскорблялся ежеминутнымъ и повсюднымъ разладомъ дѣйствительности съ красотой своихъ идеаловъ и страдалъ за себя и за весь міръ». Р. искалъ «красоты» во всемъ — въ «искусствѣ» («дѣль и двигателя котораго — красота»); въ «жизни», въ другихъ, въ «себѣ самомъ». Будучи «равнодушенько ко всему на свѣтѣ, кромѣ красоты, онъ покорялся ей до рабства». «Ко всякому безобразію онъ былъ жестокъ и грубъ», и «холоденъ ко всему, гдѣ не находилъ красоты». «Красота — это тоже мудрость, но созданная не людьми», говорилъ онъ. «Красота — это всеобщее счастье». Это поклоненіе красотѣ выразалось прежде всего въ поклоненіи «высокой, чистой женской красотѣ». «Женская красота, исполненная ума — необычайная сила, говоритъ Р. — «она движетъ міромъ, она дѣлаетъ исторію, строитъ судьбы; она, явно или тайно, присутствуетъ въ каждомъ событіи. «Я поклоняюсь красотѣ, люблю ее тѣломъ и душою», — сказала Р. Кирилову: — «И, признаюсь»... — «онъ комически вздох-

нуль»:—больше тѣломъ... Изъ поклоненія красотѣ вытекаетъ ея теорія «донъ-жуанизма».—«Донъ-жуанизмъ—то же въ людскомъ родѣ, что донъ-кихотство: еще глубже; эта потребность еще прирожденнѣе...—сказалъ онъ.—«Говори мнѣ, что я гадокъ, если я гадокъ, Вѣра, а не бросай камень въ то, чего не понимаешь. Искренній Донъ-Жуанъ чистъ и прекрасенъ; онъ гуманный, тонкій артистъ, типъ, chef-d'oeuvre между человѣками. Такихъ, конечно, не много. Я увѣренъ, что въ байроновскомъ Донъ-Жуанѣ пропадалъ художникъ. Это влеченіе къ всякой видимой красотѣ, всего болѣе къ красотѣ женщины, какъ лучшаго созданія природы, обличаетъ высшіе человѣческіе инстинкты, влеченіе и къ другой красотѣ, невидимой, къ идеаламъ добра, изящества души, къ красотѣ жизни! Наконецъ, подъ этими вѣжными инстинктами, у тонкихъ натуръ кроется потребность всеобъемлющей любви! Въ толпѣ, въ грязи, въ тѣснотѣ, грубѣютъ эти тонкіе инстинкты природы!» На совѣтъ «жениться»—«Ахъ!—почти съ отчаяніемъ произнесъ Райскій.—Вѣдь жениться можно одинъ, два, три раза: ужели я не могу наслаждаться красотой такъ, какъ бы наслаждался красотой въ статуѣ? Р. какъ Диогенъ, ищетъ идеала среди дѣйствительности. «Диогенъ искалъ съ фонаремъ человека—я ищу женщины: вотъ ключъ къ моимъ поискамъ! А если не найду въ ней, и боюсь, что не найду, я, разумеется, не затуплю фонаря, пойду дальше... Но, Божей мой! гдѣ кончится мое странствование?»—«Долго ходилъ я, какъ юродивый между вами, съ диогеновскимъ фонаремъ»,—писалъ онъ Бѣловодовой,—«отыскивая въ васъ черты нетлѣнной красоты для своего идеала, для своей статуи! Я одолѣвалъ всѣ преграды, переносилъ всѣ муки (вѣдь непременно будутъ преграды и муки—безъ этого нельзя: «въ болѣзняхъ имали родити чадо, сказано», подумалъ онъ)—и все шель своимъ путемъ, къ своему созданію». «Красота» Вѣры поразила и увлекла его. Увидѣвъ Вѣру, онъ «торопливо», снова зажегъ «диогеновскій фонарь». «Онъ чувствовалъ эту красоту нервами, ему было больно отъ нея. Онъ нехотя впился въ нее глазами». Онъ былъ охваченъ «страстной любовью къ Вѣрѣ», и «какъ къ женщинѣ человѣкъ и какъ къ идеалу художникъ». Ему предчувствіе говорило, что это послѣдній опытъ, что въ Вѣрѣ онъ, или найдетъ, или потеряетъ уже навсегда свой идеалъ женщины, разобьетъ свою статую въ куски и потушитъ диогеновскій фонарь». И онъ возвелъ Вѣру въ идеалъ. «Онъ въ чистыхъ формахъ все выливалъ образъ Вѣры, и чертя его бессознательно и непритворно, чертилъ и образъ своей страсти, отражая въ ней, иногда наивно и смѣшно, и все, что было свѣтлаго, честнаго въ его собственной душѣ, и чего требовала его душа отъ другого человѣка и отъ женщины». «Онъ смотритъ, ищетъ, освѣщаетъ темныя мѣста своего идеала, пытается собственный умъ, совѣсть, сердце, требуя опыта, наставленія—что онъ хотѣлъ и проситъ отъ нея, что онъ недостаетъ для полной гармоніи красоты? Прислушивался къ своей жизни, припоминалъ все, что оскорбляло его въ его прежнихъ, несостоявшихся идеалахъ. «Вся женская грубость и грязь, прикрытая нарядами, золотомъ, брилліантами и румянами,—густыми волнами опять протекла мимо его. Онъ припомнилъ свои страданія, горькія оскорбленія, вынесенныя имъ въ битвахъ жизни: какъ падали его модели, какъ падалъ онъ самъ вмѣстѣ съ ними, и какъ вставалъ опять, не отчаяваясь и требуя отъ женщинъ челоуѣчности, гармоніи красоты паружной съ красотой внутренней». «Онъ перебиралъ каждый шагъ» Вѣры, какъ судебный слѣдователь, и то дрожалъ отъ радости, то впадалъ въ уныніе». «Онъ мучился тѣмъ, что видѣлъ въ ней, среди лучей, туманное пятно—ложь». Онъ «оскорблялся» каждымъ отступленіемъ отъ идеала». Вѣра была «его мучительница и идолъ, которому онъ лихорадочно дочитывалъ про себя—и молитвы, какъ идеалу, и шепталъ проклятія, какъ живой красавицѣ, кидая мысленно въ нее каменья». По словамъ Аянова, Р. «ухитрился быть» и Донъ-Кихотомъ и Донъ-Жуаномъ вмѣстѣ». Но, отыскивая красоту во «внѣшнемъ» мірѣ, Р. искалъ ее и во «внутреннемъ». Онъ «свои художническія требованія переносилъ въ жизнь, мѣшая ихъ съ общечеловѣческими». Онъ «писалъ» жизнь» съ натуры и тутъ же, невольно и бессознательно, приводилъ въ исполненіе древнее мудрое правило: по-

знавалъ самого себя», съ ужасомъ вглядывался и вслушивался въ дикіе порывы животной, слѣпой природы, самъ писалъ ей казни и чертилъ новые законы, разрушалъ въ себѣ «ветхаго человѣка» и создавалъ новаго. И если ужасался, глядясь самъ въ подставляемое себѣ безошадное зеркало зла и темноты, то и невозможно было счастливъ, замѣчая, что эта внутренняя работа надъ собой, которой онъ требовалъ отъ Вѣры, отъ живой женщины, какъ человѣкъ, и отъ статуи, какъ художникъ, началась у него самого не съ Вѣры, а давно, прежде когда-то, въ минуты такого же раздвоенія природы на реальное и фантастическое. Онъ, съ бѣніемъ сердца и трепетомъ чистыхъ слезъ, подслушивалъ среди грязи и шума страстей, подземную тихую работу, въ своемъ человѣческомъ существѣ, какого-то таинственнаго духа, затихавшаго иногда въ трескъ и дымъ нечистаго огня, но не умиравшаго, и просыпавшагося опять, зовущаго его, сначала тихо, потомъ громче, и громче, къ трудной и нескончаемой работѣ надъ собой, надъ своей собственной статуей, надъ идеаломъ человѣка». «Радостно трепеталъ онъ, вспоминая, что не жизненные приманки, не малодушные страхи звали его къ этой работѣ, а безкорыстное влеченіе искать и создавать красоту въ себѣ самомъ. Духъ манилъ его за собой, въ свѣтлую, таинственную даль, какъ человѣка и какъ художника, къ идеалу чистой человѣческой красоты». Но не одно «поклоненіе красотѣ» заставляло Р-го «увлекаться» Софьей, Мароинькой, Вѣрой.—Его принуждала къ этому еще жажда страсти»; завлекало «стремленіе развить», раздражать «любопытство» и «препятствія». «Вездѣ сонъ, тупая тоска»,—думалъ онъ.—«Цѣли нѣтъ, искусство не дается мнѣ, я ничего для него не дѣлаю. Всякое такъ-называемое «серьезное дѣло» мнѣ кажется до крайности пошло и мелко. Я бы хотѣлъ разыграть остальную жизнь во что-нибудь, въ какой-нибудь необыкновенный громаднѣйшій трудъ, но я на это не способенъ,—не приготовленъ: нѣтъ у насъ дѣла! Или, чтобы она разлетѣлась фейерверкомъ, страстью!»—«Страсть! повторилъ онъ очень страстно. «Ахъ, если-бъ на меня излился ея глгучій зной, сжегъ бы пожралъ бы артиста, чтобы я слѣпо утонулъ въ ней и утопилъ эти свои параллельные взгляды, это пытлиное, двойное зрѣніе! Надо, чтобы я не глазами, на чужой кожѣ, а чтобы собственными нервами, костями и мозгомъ костей вытерпѣлъ огонь страсти, и послѣ—желчью, кровью и потомъ написалъ картину ея, эту геенну людской жизни»; «ея судорогу, ея муки и боли, это самозабвеніе, эту другую жизнь среди жизни, эту хмѣльную игру силъ... это блаженство!...»—«Я хочу обыкновенной, жизненной и животной страсти, со всей ея классической грозой. Да, страсти, страсти!...—оралъ онъ, несясь по саду и впивая свѣжій воздухъ».—«Страсть подай мнѣ,—вопилъ онъ безсонный, ворочаясь въ мягкихъ пуховикахъ бабушки, въ жаркія, лѣтнія ночи:—страсть полную, въ которой я могъ бы погибнуть,—я готовъ—но съ тѣмъ, чтобы упиться и захлебнуться ею».

«Очеловѣчить» людей, «пробудить» къ «жизни»,—въ этомъ Р. видѣлъ одну изъ своихъ задачъ вообще.—«Жизнь для себя и про себя—не жизнь, а пассивное состояніе: пужно слово и дѣло, борьба», говорилъ онъ.—«Помилуй, Леонтей; ты ничего не дѣлаешь для своего времени, ты пятишься, какъ ракъ. Оставимъ римлянъ и грековъ—они сдѣлали свое. Будемъ же дѣлать и мы, чтобы разбудить это (онъ указалъ вокругъ на спящія улицы, сады и дома). Будемъ превращать эти обширныя кладбища въ жилия мѣста, встряхивать спящіе умы отъ застоя!»—Надо «очеловѣчить себя и все около себя. Это задача каждаго изъ насъ».—Я «проповѣдывать могу»,—говорилъ онъ:—и искренно, всюду, гдѣ замѣчу ложъ, притворство, злость, словомъ, отсутствіе красоты, пужды нѣтъ, что самъ бывало безобразенъ... «Въ горячемъ спорѣ» онъ «бросалъ бомбу въ лагерь неуступчивой старины, въ деспотизмъ своеволія, жадность плантаторовъ, отыскивая въ людяхъ людей, исповѣдуя и проповѣдуя человѣчность». «Онъ добродушно воевалъ съ бабушкой, съ ея старыми «правилами» и предрасудками. Упорнѣе всего пытался онъ «пробуждать» и «очеловѣчивать» Софью, Вѣру, Мароиньку.—Мнѣ хотѣлось бы разбудить васъ, говорилъ онъ Софьѣ:—вы спите, а не живете. Что изъ этого выйдетъ, я не знаю, но не могу оставаться и равнодушнымъ къ ва-

шему ену», къ «блаженному усенію». Ради этого, онъ всячески старался разрушить «ея правила» и заставить взглядѣться въ жизнь, «поднять портьеру съ окна». — «Что у васъ за страсть преслѣдовать мои бѣдныя правила?» — говорила Софья. — «Потому что они не ваши». — «Чьи же?» — «Тетушкины, бабушкины, дѣдушкины, прабабушкины, прадѣдушкины, вонъ всѣхъ этихъ полинявшихъ господъ и госпожъ въ ребронахъ, манжетахъ». — «Онъ указалъ на портреты». — «Вотъ видите, какъ много за мои правила, — сказала она шутиливо. — А за ваши?» — «Еще больше! — возразилъ Райскій и открылъ портьеру у окна.» — «Посмотрите, всѣ эти идущіе, ѣдущіе, спящіе взадъ и впередъ, всѣ эти живые, не полинявшіе люди — всѣ за меня! Идите же къ нимъ, кухня, а не отъ нихъ назадъ! Тамъ — жизнь... — Онъ опустил портьеру. — А здѣсь — кладбище». Но разрушая «старыя правила», онъ «не можетъ рассказать с в о и хъ правилъ». «Онъ много разъ принимался за это, — по словамъ Софьи, — и все напрасно»... — «Я только отвѣчаю на вашъ вопросъ: «что дѣлать», — говорилъ онъ: — «и хочу доказать, что никто не имѣетъ права не знать жизни. Жизнь сама тронетъ, коснется, пробудитъ отъ этого блаженнаго успенія — и иногда очень грубо. Научить «что дѣлать» — я тоже не могу, не умѣю. Другіе научатъ». — «Довольно того, что я потревожилъ ваше спокойствіе. Вы говорите, что дурно уснете — вотъ это и нужно: завтра не будетъ, м. б., этого сіянія на лицѣ, но зато оно засіяетъ другой, не ангельской, а человѣческой красотой». — «Что же мнѣ дѣлать, cousin: я не понимаю?» — допытывалась Софья: — «Вы сейчасъ сказали, что для того, чтобы понять жизнь, нужно, во-первыхъ, снять портьеру съ нея. Положимъ, она снята, и я не слушаюсь предковъ: я знаю, зачѣмъ, куда бѣгутъ всѣ эти люди, — она указала на улицу: — что ихъ занимаетъ, тревожитъ: что же нужно, во-вторыхъ?» — «Во-вторыхъ, нужно...» «Онъ всталъ, заглянулъ въ гостиную, подошелъ тихо къ ней и тихо, но внятно сказалъ: — «Любить!» — «Voilà le grand mot! — насмѣшливо замѣтила она». Р. съ воодушевленіемъ, во имя ея «пробужденія», краснорѣчиво проповѣдуетъ ей необходимость «страсти». — «Но зачѣмъ же непременно страсти, — возражала она: — развѣ въ нихъ счастье?» — «Зачѣмъ гроза въ природѣ?... Страсть — гроза жизни... О, если бѣ испытать эту сильную грозу! — съ увлеченіемъ сказалъ онъ и задумался». — «Вотъ видите, cousin: все прочее, кромѣ васъ, велитъ бѣжать страстей, а вы меня хотите толкнуть, чтобы потомъ всю жизнь раскаиваться... — Нѣтъ, не къ раскаінію поведетъ васъ страсть: она очиститъ воздухъ, прогонитъ міазмы, предразсудки, и дастъ вамъдохнуть настоящей жизнью... Вы не упадете, вы слишкомъ чисты, свѣтлы; порочны вы быть не можете. Страсть не исказитъ васъ, а только подниметъ высоко». Когда же, «пробужденная» имъ, Софья стала увлекаться графомъ Милари, — Р. замѣтилъ это, — и сталъ «ревновать». «Сердце ноетъ, мучится, терзается, глаза впиваются въ нее съ вопросами, слова кипятъ на языкѣ и не сходятъ. Его уже гложетъ ревность». «Что жъ это? Ужели я, не шутя, влюбленъ?» думалъ онъ. «Нѣтъ, нѣтъ! И что мнѣ за дѣло? вѣдь я не для себя хлопоталъ, а для нея же... для развитія... «для общества». Еще послѣднее усиліе»... — «Что же: вы бредили страстью для меня — ну, вотъ я страстно влюблена, — смѣялась она. — Развѣ мнѣ не все равно идти туда (она показала на улицу), что съ Ельнинымъ, что съ графомъ? Вѣдь тамъ я должна «увидѣть счастье, упиться имъ!» Р. стиснулъ зубы, сѣлъ на кресло и злобно молчалъ. Она продолжала наслаждаться его положеніемъ. — «Уфъ!» — говорилъ онъ, мучаясь, волнуясь, не отъ того, что его поймали и уличили въ противорѣчіи самому себѣ, не отъ того, что у него ускользала красавица-Софья, а отъ подозрѣнія только, что счастье быть любимымъ выпало другому. Не будь другого, онъ бы покойно покорился своей судьбѣ». Въ результатъ для «пробужденной» Софьи, — «un faux pas», для Р. — муки «оскорбленнаго самолюбія», «отверженной любви». «А вѣдь есть упорство и у него; у Райскаго! Какія усилія напрягалъ онъ, чтобы... сладить съ кузиной — сколько ума, игры воображенія, труда положилъ онъ, чтобы пробудить въ ней огонь, жизнь, страсть... Вотъ куда уходятъ эти силы! Не вноси искусства въ жизнь, шепталъ ему кто-то, а жизнь въ искусство!... Береги его, береги силы!» — «Мар-

винька! я тебя просвѣщу!» обратился онъ къ Марѳинькѣ въ первое же свиданіе. Онъ «хочетъ «пробудить» ее, «развивать ее», «учиться, читать вмѣстѣ». — «Птичекъ, цвѣтовъ и всей этой мелочи не станетъ, чтобъ прожить ею цѣлую жизнь», говорилъ онъ: — «Нужны другіе интересы, другія связи, симпатіи...» «Но опыты надъ Марѳинькой не подвигались впередъ, и не будь она такая хорошенькая, онъ бы усталъ давно отъ безплодной работы надъ ея развитіемъ». И тутъ средствомъ «пробужденія» должна была служить любовь, «страсть». — «Можетъ быть, одна искра», думалъ онъ: «одно жаркое пожатіе руки вдругъ пробудятъ ее отъ дѣтскаго сна, откроютъ ей глаза, и она внезапно вступитъ въ другую пору жизни...» — «Что же мнѣ дѣлать?» — почти въ отчаяніи сказала она. — «Надо любить кого-нибудь, мужчину...» — помолчавъ говорилъ онъ, наклоня ея лобъ къ своимъ губамъ». «Онъ поддавался нѣгѣ ея ласкъ, и отвѣтныя его ласки были не ласки брата, а нѣжныя; въ поцѣлуй прокрадывался какой-то страстный змѣй...» Встрѣтивъ Вѣру, Р. получилъ отъ нея рѣшительный отпоръ всякимъ попыткамъ «развиванія». Между тѣмъ, онъ положилъ бы всю свою силу, чтобы помочь ей найти искомое, бросилъ бы сѣмена своихъ знаній, опытовъ и наблюденій на такую благодарную и богатую почву; для Р. — это не миражъ, а «подвигъ очеловѣчпванія, долгъ, къ которому мы всѣ призваны и безъ котораго не мыслимъ никакой никакой прогрессъ». Онъ успѣлъ «пронѣть» Вѣрѣ ради ея «пробужденія» настоящей «гимнъ» страсти — «бурный», «восторженный», «краснорѣчивый». — «Страсть — это постоянный хмѣль, безъ грубой тяжести опьяненія, — говорилъ онъ: — «это вѣчные цвѣты подъ ногами». «На остывшій слѣдъ этой огненной полосы, этой молніи жизни, ложится потомъ покой, улыбка отдыха отъ сладкой бури, благородное воспоминаніе къ прошлому, тишина! И эту-то тишину, этотъ слѣдъ люди и назвали — святой, возвышенной любовью, когда страсть сгорѣла и потухла...» — «Видишь-ли Вѣра, какъ прекрасна страсть, что даже одинъ слѣдъ ея кладетъ яркую печать на всю жизнь, и люди не рѣшаются сознаться въ правдѣ — т.е. что любви уже нѣтъ, что они были въ чадѣ, не замѣтили, прозѣвали ее, упиваясь, и что потомъ вся жизнь ихъ окрашена въ тѣ великолѣпные цвѣта, которыми горѣла страсть!... Эта окраска — и есть и любовь, и дружба, и та крѣпкая связь, которая держитъ людей вмѣстѣ иногда всю жизнь...» «Нѣтъ, ничто въ жизни не даетъ такого блаженства, никакая слава, никакое щекотанье самолюбія, никакія богатства Шехерезады, ни даже творческая сила, ничто... одна страсть.» — «Тебѣ на голову велятъ камень, а ты въ страсти думаешь, что летятъ розы на тебя, скрежетъ зубовъ будешь принимать за музыку, удары отъ дорогой руки покажутся нѣжныя ласки матери. Заботы, дразги жизни, все исчезнетъ — одно безконечное торжество наполняетъ тебя — одно счастье гладѣть вотъ такъ... на тебя...» (онъ подошелъ къ Вѣрѣ) — «взять за руку (онъ взялъ ее за руку) и чувствовать огонь и силу, трепеть въ организмѣ...» «Она вздрогнула, и онъ тоже». Его «проповѣдь», его «гимнъ» страсти произвели впечатлѣніе на Вѣру. Пришелъ часъ, когда Р. самъ изумился и ужаснулся результатамъ «страсти» въ ней. — «Вы лиса, мягкая, хитрая», — говорила Вѣра ему, какъ бы въ припадкѣ безумія: — «заманить въ западню... тихо, умно, изящно... Вотъ я васъ!» — «Страсть прекрасна: она кладетъ на всю жизнь долгій слѣдъ, и этотъ слѣдъ люди называютъ счастьемъ!...» «Кто это проповѣдывалъ? А теперь бѣжать: нѣтъ! оставайтесь, вмѣстѣ кинемся въ ту бездну! Это жизнь, и только это! говорили вы: — вотъ и давайте жить! Вы меня учили любить, вы преподавали страсть, вы развивали ее...» — «Умереть, умереть! зачѣмъ мнѣ это? Помогите мнѣ жить», дайте той прекрасной страсти, отъ которой тянуся какъ къ лучу на всю жизнь... Дайте этой жизни, гдѣ она? Я, кромѣ огрызающагося тигра, не вижу ничего... Говорите, научите, или воротите меня назадъ, когда у меня еще была сила! Не шутите впередъ съ страстью», а научите, «что мнѣ дѣлать теперь — вы, учитель!.. А вы подожгли домъ, да и бѣжать! «Страсть прекрасна, люби, Вѣра, не стыдись!» Чья эта проповѣдь: отца Василья?» «Но Р. не сумѣлъ «погасить зажженного дома». — «Развѣ страсть оправдываетъ всякій выборъ?...» — спросила однажды Вѣра. — «Всякій, Вѣра. И

тебѣ повторяю то же, что сказала Марейнкѣ: «люби, не спрашиваясь никого, достоинъ ли онъ итъ ли—смѣло иди»...—«Я самъ толкну тебя къ избранному, говорилъ Р. другой разъ.—Но когда онъ убѣдился, что у Вѣры дѣйствительно есть «страсть»—къ другому,—онъ пришелъ въ отчаяніе и бѣшенство».—«Боже мой, ужели она до поздней ночи остается на этихъ свиданіяхъ? Да кто, что она такое, эта моя статуя, прекрасная, гордая Вѣра? Она тамъ, можетъ-быть, хочеть надо мной, вмѣстѣ съ нимъ... Кто онъ? Я хочу знать—кто онъ?—въ ярости сказалъ онъ вслухъ.—Имя, имя!—«Мщеніе, мщеніе!» Р. самъ наконецъ испыталъ «искреннюю» страсть, которой такъ жаждалъ, но она оказалась далекой отъ его «воображаемой» страсти, которую онъ проповѣдывалъ, которой «пѣлъ гимны». Однажды, придя отъ Вѣры, онъ «легъ на постель и въ нервныхъ слезахъ растопилъ внезапный порывъ волненія».—«Это она—страсть, страсть!—шепталъ онъ, рыдая».—«А вотъ она, эта страсть,—говорилъ онъ:—не угодно ли попробовать! Меня толкаютъ, смѣются—а я все люблю, и какъ люблю! Когда Вѣра настаивала, что Р. уѣзжалъ, онъ сталъ умолять ее позволить остаться:—«Дай этого грошь нищему... Христа ради!»—шепталъ онъ страстно, держа ладонь передъ пей:—дай еще этого рая и ада вмѣстѣ! дай жить, не зарывай меня живого въ землю!...—едва слышно договаривалъ онъ, глядя на нее съ отчаяніемъ». Онъ вполне извѣдалъ «боли страсти, среди которой не зналъ ни тихихъ дней, ни ночей, ни одной минуты отдыха!»—«Чѣмъ же это кончится?—не безъ любопытства спросила» Вѣра.—«Не знаю. Можетъ-быть, съ ума сойду, брошусь въ Волгу или умру... нѣтъ, я живучъ—ничего не будетъ, но пройдетъ полгода, можетъ-быть, годъ—и я буду жить...» «Вѣра не вѣритъ» его «страсти!»—«Посмотрѣла бы она,—думалъ Р.,—какъ этотъ удавъ гнется передо мной, сверкая изумрудами и золотомъ, когда его грѣетъ и освѣщаетъ солнце, и какъ блѣднѣетъ, ползя во мракѣ, шипя и грозя острыми зубами!» «Слѣдя за ходомъ своей собственной страсти, какъ медикъ за болѣзнью, и какъ будто снимая фотографію съ нея, потому что искренно переживалъ ее, онъ здраво заключалъ, что эта страсть—ложь, миражъ, что надо прогнать, разсѣять ее!» «Онъ уже не звалъ болѣе страсть къ себѣ, какъ прежде, а проклиналъ свое внутреннее состояніе, мучительную борьбу, и написалъ Вѣрѣ, что рѣшился бѣжать ея присутствія». «Бѣгство» не удалось; но больше всего любовь Р.—то разжигалась «загадкой», «тайной», желаніемъ «разгадать», «разрѣшить задачу».—Чѣмъ и какъ живетъ эта женщина!—думалъ онъ о Софѣ:—Если не гложетъ ее мука, если не волнуютъ надежды, не терзаютъ заботы,—если она въ самомъ дѣлѣ «выше міра и страстей», отчего она не скучаетъ, не томится жизнью... какъ скучаю и томлюсь я? Любопытно узнать!»—и онъ ломалъ голову, и тратилъ силы на эту задачу. Въ Марейнкѣ его заинтересовало, «способна ли она» «къ дальнѣйшему развитію» или «дошла уже до своихъ геркулесовыхъ столповъ?»—«Вѣдь все-таки она грядущая женщина: какая же она будетъ, /какою быть должна?». Въ высшей степени возбудила его любопытство «таинственность» Вѣры.—«Поговорю съ ней раза два, окончательно разрѣшу себѣ задачу, какъ было и съ Бѣловодовой, и съ Марейнкой, и по обыкновенію разочаруюсь—потомъ уѣду!—рѣшилъ онъ». Однако, задача оказывалась гораздо сложнѣе. «Даже красота» Вѣры, «кажется, потеряла свою силу надъ нимъ; его влекла къ ней какая-то другая сила. Онъ чувствовалъ, что связанъ съ ней, не теплыми и многообѣщующими надеждами, не трепетомъ нервъ, а какою-то враждебною, разжигающею мозгъ болью, какими-то посторонними, даже противорѣчащими любви связями». «Его мучила» «тайна: какъ она, пропадая куда-то на глазахъ у всѣхъ, въ виду, изъ дома, изъ сада, потомъ появляется вновь, будто со dna Волги, выплывшей русалкой, съ свѣтлыми, прозрачными глазами, съ печатью непроницаемости и обмана на лицѣ, съ ложью на языкѣ, чуть не въ вѣнкѣ изъ водяныхъ порослей на головѣ, какъ настоящая русалка!»—Р.—му одно время удалось одолѣть себя. Онъ совсѣмъ было рѣшился уѣхать.—«Побѣда надъ собой была до того вѣрна, что онъ стыдился прошедшей слабости и ему

хотѣлось немного отмстить Вѣрѣ за то, что она поставила его въ это положеніе». Но онъ увидѣлъ таинственное письмо, которое Вѣра «отъ него прятала»,—и настали новыя «муки».—«Отъ кого письмо? Узнать и уѣхать—вотъ все, чего онъ добивался. Тутъ хуже всего тайна: отъ нея вся боль!». Онъ «три дня ходилъ, какъ убитый», «не спалъ три ночи», терзался. Но вотъ онъ услышалъ, что письмо «отъ попады».—«Отъ попады!—повторилъ онъ, и у него гора съ плечъ свалилась.—А я бился, бился, а ларчикъ открывался просто! Отъ попады! Въ самомъ дѣлѣ: въ одномъ карманѣ и письмо, и отвѣтъ на него! Это ясно! Не показывала она мнѣ—тоже понятно: кто покажетъ чужое письмо, съ чужими секретами?.. Разумѣется, разумѣется! И давно бы сказала: охота мучить! Какой мгновенный переходъ, однако, отъ этой глупой тоски, отъ раздраженія къ спокойствію! Вотъ и опять тишина во всемъ организмѣ, гармонія! Боже, какой чудный вечеръ! Какое блестящее небо, какъ воздухъ тепелъ, какъ хорошо! Какъ я здоровъ и глубоко покоенъ! Теперь все узналъ, нечего мнѣ больше дѣлать: черезъ два дня уѣду!»—«Егоръ! принеси чемоданъ!». «Онъ выспался за всѣ три ночи, удивляясь, какъ просто было подобрать этотъ ключъ, а онъ бился трое сутокъ!»—«Да вѣдь всѣ простыя догадки даются съ трудомъ! Вонъ и Колумбъ просто открылъ Америку...» «И остановился, самъ дивясь своему сравненію». «Утромъ онъ всталъ бодрый, веселый, трещащій силой, нѣгой, надеждами—и отчего все это? Оттого, что письмо было отъ попады!». Но уѣхать Р.—ому и на этотъ разъ не пришлось; письмо оказалось «не отъ попады»...—Онъ все допытывался, какъ «имя» того, кого любить Вѣра?. «Кого она любить?»—«Таинственная фигура Вѣры манила его все въ глубину фантастической дали. Вѣра шла будто отъ него въ туманѣ покрывала; онъ стремился за ней, касался покрывала, хотѣлъ открыть ея тайны и узнать, что за Изида передъ нимъ». «Онъ только-что коснется покрывала, какъ она ускользнетъ, уйдетъ дальше. Онъ блаженствовалъ и мучился двойными радостями и муками, и человѣка, и художника, не зная самъ, гдѣ является одинъ, когда исчезаетъ другой и когда оба смѣшиваются».—«Ты гордо оттолкнула меня,—говорилъ онъ Вѣрѣ:—и этимъ раздражила самолюбіе, потомъ окружила себя тайнами и раздражила любопытство. Красота твоя, умъ, характеръ сдѣлали остальное—и вотъ передъ тобой влюбленный въ тебя до безумія!»—«Въ любви,—говорилъ Р. Аянову:—я всегда проигрываю».

Когда Р. разстался съ «пробужденной» Софьей, «въ немъ постепенно гасли боли корыстной любви и печали. Не стало страсти, не стало какъ-будто самой Софьи, этой суетной, холодной женщины». «Передъ нимъ, какъ изъ тумана, возникалъ одинъ строгій образъ женской красоты, не Софьи, а какой-то, будто античной, нетлѣнной, женской фигуры. Снился одна только творческая мечта, развивалась грандіозной картиной, охватывала его все болѣе и болѣе. Онъ, приталывъ дыханіе, погрузился въ артистическій сонъ и наблюдалъ видѣніе, боясь дохнуть».—«Женская фигура съ лицомъ Софьи рисовалась ему бѣлой, холодной статуей, гдѣ-то въ пустынѣ, подъ яснымъ, будто луннымъ, небомъ, но безъ луны»... «Она, обративъ каменное лицо къ небу, положивъ руки на колѣни, полукривъ уста, кажется, жаждала пробужденія. И вдругъ изъ за скалъ мелькнулъ яркій свѣтъ... воздухъ заструился, и лучъ озолотилъ блѣдный лобъ статуи; «вѣки медленно открылись и искра пробѣжала по груди, дрогнуло холодное тѣло, блѣдныя щеки зардѣли, лучи упали на плечи».... «Изъ груди вырвался вздохъ—и статуя ожила, повела радостный взглядъ вкругъ...» «И дальше, дальше жизнь волнами вторгалась въ пробужденное созданіе...» Но скоро созданная имъ женщина, мало-по-малу, опять обращалась въ Софью». «Пустыня исчезла; Софья, въ мечтѣ его, была уже опять въ своемъ кабинетѣ, затянута въ свое платье, за сонатой Бетховена, и въ трепетѣ слушала шопотъ блѣднаго, страстнаго Милари». «Но ни ревности, ни боли онъ не чувствовалъ, и только трепеталъ отъ красоты, какъ-будто перерожденной, новой для него женщины. Онъ любовался уже ихъ любовью и радовался ихъ

радостью, томясь жадной превратить и то, и другое въ образы и звуки. Въ немъ умеръ любовникъ и ожилъ безкорыстный артистъ». То же самое было и съ любовью Р. къ Вѣрѣ. Когда Р. убѣдился въ «паденіи» «пробужденной» Вѣры — онъ пришелъ въ отчаянье и бѣшенство: «Погибай же ты, жалкая самка, тутъ, на днѣ обрыва, — воскликнулъ онъ: — какъ тотъ бѣдный самоубійца. Вотъ тебѣ мое прощаніе!..» «Онъ хотѣлъ плюнуть съ обрыва — и вдругъ окаменѣлъ на мѣстѣ. Противъ его воли, вопреки ярости, презрѣнія, въ воображеніи — тихо поднимался со дна пропастей и вставалъ передъ нимъ образъ Вѣры, въ такой оболстительной красотѣ, въ какой онъ не видалъ ея никогда!» «У ней глаза горѣли, какъ звѣзды, страстью. Ничего злого и холоднаго въ нихъ, никакой тревоги, тоски; одно счастье глядѣло лучами яркаго свѣта. Въ груди, въ рукахъ, въ плечахъ, во всей фигурѣ струилась и играла полная, здоровая жизнь и сила. Она примирительно смотрѣла на весь міръ. Она стояла на своемъ пьедесталѣ, но не бѣлой, мраморной статуей, а живою, неотразимо-плѣнительной женщиной». «Въ глазахъ его совершилось пробужденіе Вѣры, его статуи, отъ дѣвческаго сна. Ледъ и огонь холодили и жгли его грудь, онъ надрывался отъ мукъ и — все не могъ оторвать глазъ отъ этого неотступнаго образа красоты, сіяющаго гордостью, смотрящаго съ любовью на весь міръ, и съ дружеской улыбкой протягивающей руку и ему...» «Я счастлива!» — слышитъ онъ ея шопотъ». «У ногъ ея, какъ отдыхающій левъ, лежалъ, безмолвно торжествуя, Маркъ; на головѣ его покоилась ея нога... Райскій вздрогнулъ, стараясь отрезвиться».

«Воля» Р. была слаба, а «способность увлекаться» велика, фантазія «неуловимо капризна». Р. даже не признавалъ «воли». — «Такъ называемая «воля» подшучиваетъ надъ всѣми! — Нѣтъ воли у человѣка, — говорилъ онъ: — а есть парализъ воли: это къ его услугамъ! А то, что называютъ волей — эту мнимую силу, такъ она вовсе не въ распоряженіи господина, «царя природы», а подлечь какимъ-то постороннимъ законамъ и дѣйствуетъ по нимъ, не спрашивая его согласія. Она, какъ совѣсть, только и напоминаетъ о себѣ, когда человѣкъ уже сдѣлалъ не то, что надо, или если онъ и бываетъ твердъ волей, такъ развѣ случайно, или тамъ, гдѣ онъ равнодушенъ». Часто «благія намѣренія» Р. не только не исполнялись, а приводили ко злу. Такъ было въ его «исторіи» съ Наташей; спасая искренно и горячо дѣвушку отъ сѣтя «благодѣтелей», «онъ влюбился самъ въ Наташу, Наташа влюбилась въ него — и оба нашли счастье другъ въ другѣ, оба у смертнаго одра матери получили на него благословеніе». «У обонхъ былъ одинъ простой и честный образъ семейнаго союза. Онъ уважалъ ея невинность, она цѣнила его сердце — оба протягивали руки къ брачному вѣнку — и оба... не устояли. — Р. искалъ «грозы», «ада» страсти; Наташа была «кроткимъ ягненокъ». «Скоро онъ охладѣлъ». Сидя у одра думирающей Наташи, Р. «поблѣднѣлъ». «Образъ умирающей сталъ предъ нимъ нѣмымъ укоромъ». «Онъ вспомнилъ свое забвеніе, небрежность». «Онъ клялъ себя, что не отвѣчалъ цѣлымъ океаномъ любви на отданную ему одному жизнь, что не окружилъ ее оградой нѣжности отца, брата, мужа, далъдохнуть на нее, не только вѣтру, но и смерти». — «Смерть! Боже, дай ей жизнь и счастье и возьми у меня все!» — вопила въ немъ поздняя, отчаянная мольба. Онъ мысленно всходилъ на эшафетъ, самъ клалъ голову на плаху и кричалъ:» — «Я преступникъ!.. если не убилъ, то далъ убить ее». «Черезъ недѣлю послѣ того онъ шель съ поникшей головой за гробомъ Наташи, то читая себѣ проклятія за то, что разлюбилъ ее скоро, забывалъ подолгу и почасту, но берегъ, то утѣшаясь тѣмъ, что онъ не властенъ былъ въ своей любви, что сознательно онъ никогда не огорчилъ ее, былъ съ нею нѣженъ, внимателенъ, что, наконецъ, не въ немъ, а въ ней недоставало матеріала, чтобъ поддержать неугасимое пламя». Позднѣе, Р. хотѣлъ было стать «руководителемъ» Марейники; вмѣсто этого съ нимъ случился «припадокъ». — «Боже мой!» — думалъ онъ, внутренно содрогаясь: «полчаса назадъ, я былъ честенъ, чистъ, гордъ; полчаса позже.

этотъ святой ребенокъ превратился бы въ жалкое созданіе, а честный и гордый человекъ въ величайшаго негодяя! Гордый духъ уступилъ бы всемогущей плоти; кровь и нервы посмѣялись бы надъ философіей, нравственностью, развитіемъ! Однако, духъ устоялъ, кровь и нервы не одолѣли: честь, честность спасены... «Чѣмъ?»—спросилъ онъ себя, останавливаясь надъ рытвиной. «Прежде всего... силой моей воли, сознаниемъ безобразія».. началъ было онъ говорить, выпрямляясь.—«Нѣтъ, нѣтъ», долженъ былъ онъ сейчасъ-же сознаться: «это пришло послѣ всего, а прежде чѣмъ? Ангель-хранитель невидимо оградилъ? бабушкина судьба берегла ее? или... что?» Что бы ни было, а онъ этому загадочному и ли обязанъ тѣмъ, что остался честнымъ человекомъ. Таилось ли это и ли въ ея святомъ, стыдливомъ невѣдѣніи, въ послушаніи проповѣди отца Василья, или, наконецъ, въ лимфатическомъ темпераментѣ—все же оно было въ ней, а не въ немъ...»—«О, какъ скверно! какъ скверно!»—твердилъ онъ, перескочивъ рытвину и продираясь между кустовъ на приволжскій песокъ.

То же повторилось и съ Ульяной Андреевнѣй. У Р. были «благія намѣренія»; убѣдившись, что жена Козлова избѣгаетъ ему съ Шарлемъ, онъ думалъ: «А вѣдь я другъ Леонтія, старый товарищъ, и терплю, глядя, какъ эта честная, любящая душа награждена за свою симпатію! Ужели я останусь равнодушнымъ?.. Но что дѣлать: открыть ему глаза, будить его отъ этого, когда онъ такъ вѣритъ, поклоняется чистотѣ этого... «римскаго профиля», такъ сладко спитъ въ лонѣ домашняго счастья—плохая услуга! Что же дѣлать?» У него мелькнула «счастливая мысль»: онъ вдругъ рѣшилъ «дать Ульянѣ Андреевнѣ урокъ наединѣ: бросить ей громы на голову, плеснуть на нее волной чистыхъ, невѣдомыхъ ей понятій и нравовъ! Она обманываетъ добраго, любящаго мужа и прячется отъ страха: сдѣлаю, что она будетъ прятаться отъ стыда. Да, пробудить стыдъ въ огрубѣломъ сердцѣ—это долгъ и заслуга—и въ отношеніи къ ней, а болѣе къ Леонтію!» «Это уже не миражъ, а истинно честное, даже святое дѣло!» думалось ему. Затѣмъ его поглотилъ процессъ его исполненія. Онъ глубоко и серьезно вникалъ въ предстоящій ему долгъ: какъ, безъ огласки, безъ всякаго шума и сценъ, кротко и разумно уговорить эту женщину побережь мужа, обратиться на другой, честный путь и начать заглаживать прошлое?... Онъ съ полчаса ходилъ по переулку, выжидая, когда уйдетъ м-г Шарль, чтобы упасть на горячій слѣдъ и «бросить громы», или подѣйствовать своимъ влияніемъ... «Это рѣшитъ минута,—заклучилъ онъ. Придя къ Козлову, Р. «погрузился въ свою задачу о долгѣ, думалъ, съ чего начать. Онъ видѣлъ, что мягкость тутъ не поможетъ: надо бросить громъ на эту, играющую позоромъ, женщину, назвать по имени стыдъ, который она такъ щедро льетъ на голову его друга». «Онъ молча, холодно осматривалъ ее съ ногъ до головы, даже позволилъ себѣ легкую улыбку презрѣнія». И все кончилось тѣмъ, что онъ «не устоялъ». «Громы умолкли».—«Леонтіи!»—вдругъ произнесъ онъ, хватаясь за голову:—въ какихъ рукахъ его счастье? Какими глазами взгляну я на него! А какъ тверда была моя воля!»—«Я сдѣлалъ все, что могъ, все, что могъ!»—твердилъ онъ:—но вышло не то, что нужно...—шпнулъ онъ со вздохомъ. И съ этимъ но, и съ этимъ вздохомъ, припелъ къ себѣ домой, мало-по-малу оправданный въ собственныхъ глазахъ, и, къ большому удовольствію бабушки, весело и съ аппетитомъ пообѣдалъ съ нею и съ Марвинькой». Убѣдившись, что подъ обрывомъ совершилось «торжество тряпичной страсти», Р. былъ внѣ себя отъ мученій, и отчаянья, и гнѣва.—«Пусть такъ—Вѣра свободна, но какъ она смѣла ругаться надъ человекомъ, который имѣлъ неосторожность пристраститься къ ней. надъ братомъ, другомъ!...—съ яростью шипѣлъ онъ:—о, мщеніе, мщеніе!» Онъ заказала свадебный букетъ и бросилъ ей въ окно, когда она вернулась домой. На слѣдующее утро, вспомнивъ про этотъ поступокъ, «онъ съѣлъ на постель, какъ будто не самъ, а подняла его посторонняя сила; посидѣлъ минуты двѣ неподвижно, открывъ ши-

ное работать неустанно и такъ или иначе доводить свое дѣло до конца. А Райскій только мечтаетъ о романѣ, а не пишетъ. Неудачникъ, хотя и даровитый: чортъ ли въ немъ?». «Кромѣ того, Р. слишкомъ усердно поклонялся женской красотѣ, поклонялся чувственно, нетрезво, и много фантазій тратилъ на эти свои поклоненія идоламъ.

«Я ставилъ перѣдко въ кожу Райскаго своихъ пріятелей изъ кружковъ 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годовъ—и какъ многіе подходили къ этому типу, перѣдко и самъ влѣзалъ въ него и чувствовалъ себя въ немъ, какъ впору спитомъ халатѣ. Р. безспорно—артистическая натура, съ сильными задатками, затерявшаяся въ бездѣльной русской жизни своего времени». [Письмо къ кн. Д. Цертелеву. «Нов. Время», № 12943, Ил. прил., стр. 18. Ср. «Лучше поздно—чѣмъ никогда».]

2) По мнѣнію Мережковскаго (соч. т. XIII, 248—49), «Р.—воплощеніе и развитіе созерцательной стороны обломовскаго типа. Такія мягкія и впечатлительныя и лѣнныя натуры—благодарная почва для художественнаго дилетантизма. Р.—эстетикъ, воспитанный въ духѣ сороковыхъ годовъ. «Равнодушный ко всему на свѣтѣ, кромѣ красоты», онъ «покорялся ей до рабства, былъ холоденъ ко всему, гдѣ не находилъ ея, и грубъ, даже жестокъ ко всякому безобразію». Но, несмотря на страстное поклоненіе красотѣ, изъ Р. настоящаго художника никогда не выйдетъ, вслѣдствіе той же обломовской лѣни и привычки жить «на всемъ готовомъ». Самъ Райскій сознаетъ свою обломовщину: «я уродъ... я больной, ненормальный человѣкъ, и притомъ я отжилъ, испортилъ, исказилъ... или нѣтъ, не понялъ своей жизни». У Р., какъ и у Обломова, есть высокіе pomysлы «и слезы о бѣдствіяхъ человѣчества», которые тоже находятъ въ непримиримомъ противорѣчій съ характеромъ и жизнью дилетанта. Характеръ Р. задуманъ широко и сложно. Настроенія его до такой степени измѣнчивы и прихотливы, что въ немъ нельзя ни на чемъ остановиться, ничего предсказать. Онъ созданъ весь изъ тонкихъ переплетенныхъ и залутанныхъ противорѣчій. Поэту, изобразившему подобный характеръ, пришлось бороться съ такими трудностями, какъ живописцу, который задумалъ бы перенести на полотно радугу, ея неуловимую нѣжность тоновъ, мимолетность и безчисленность оттѣнковъ и отблесковъ». 3) См. «Протогины».

Редакторъ («Л и т е р. в е ч.»).—Редакторъ журнала, приглашенный на вечеръ племянникомъ Уранова, «по просьбѣ дяди». «Довольно полный блондинъ», «средняго роста, среднихъ лѣтъ», приличной наружности». Слушалъ чтеніе «съ выраженіемъ учтиваго равнодушія». О самомъ произведеніи отзывался «сдержанно»:—«Да... это замѣчательное произведеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ!»—«Да, замѣчательное произведеніе! равнодушно», повторилъ онъ, поддакивая Профессору.—«Хорошо бы немного придать разнообразія, небрежности языку, что называется abandon. А то ужъ слишкомъ гладко, прибранно, стилисти!» Когда же Чешневъ спросилъ: Вы, конечно, охотно приняли бы его на страницы вашего журнала? Р. задумался и не сразу отвѣчалъ.—«Я не знаю... надо подумать... поговорить съ моимъ сотрудникомъ по части belle-тристики,—отвѣчалъ онъ уклончиво».—«Но вѣдь вы находите въ романѣ достоинства?» «О, конечно; но этого мало. Журналъ мой издается въ извѣстномъ направленіи—слѣдовательно все, что входитъ въ него, должно, или отвѣчать этому направленію, или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчить ему рѣзко...» Иначе былъ бы не журналъ, а сборникъ, альманахъ».

Радищевъ, Филиппъ Матвѣевичъ («Обломовъ»).—Уп. л. Пріятель старика Обломова. Написалъ письмо Ильѣ Ивановичу съ просьбой прислать «рецептъ пива, которое особенно хорошо дѣлали въ Обломовкѣ». «Неизвѣстно, дождался ли Ф. М. рецепта».

Рейнгольдъ («Обломовъ»). Уп. л. Знакомый старика Штольца; вмѣстѣ съ нимъ пришелъ въ Россію изъ Саксоніи и нажилъ «четырехъ-этажный домъ». Прощаясь съ сыномъ, уѣзжавшимъ въ Петербургъ, старикъ Штолецъ сказалъ:

—«Ну, а если не станетъ умѣнья, не сумѣешь самъ отыскать вдругъ свою дорогу, понадобится посоветоваться, спросить—зайди къ Р.; онъ научить.—О!—привавиль онъ»... «это... это... (онъ хотѣлъ похвалить и не нашелъ слова). См. Ш т о л ь ц ь.

Рене («О б ы к н. И с т.»).—«Бородатый иностранецъ»; гость Тафаевой.

Реми («Ф р е г. П а л.»).—Еврей. «Пожилой, невысокій брюнетъ, владѣлецъ «французскаго магазина» въ Шанхаѣ, «похожаго на всѣ европейскіе столичные магазины».

Ричардъ («Ф р е г. П а л.»).—Слуга въ отелѣ Вельчь. Малаецъ, «не всѣмъ черный, но и не бѣлый, съ краснымъ платкомъ на головѣ». «Поднявъ колоколь, съ большой стаканъ величиною, вровень со своимъ ухомъ, и зажмуривъ глаза, звонилъ изо всей мочи на всѣ этажи и номера, сзывая путешественниковъ къ обѣду». Прислуживая за обѣдомъ, онъ не допустить зова: онъ глазами ловить взглядъ, подбѣгаетъ къ вамъ», приготавливаясь слушать», дѣлаетъ «гримасы»; слушая, «поворачиваетъ голову немного въ сторону, а одно ухо къ вамъ; лицо все, особенно лобъ, собирается у него въ складки, губы кривятся въ сторону, глаза устремляются къ потолку. Рѣдко можно встрѣтить фізіономію подвижнѣе этого лица, напоминающаго нашихъ татаръ».

Рокотовъ («О б л о м о в ъ»).—Уп. л. На его свадьбу Тарантьевъ просилъ у Обломова дать ему фракъ.

Ростинъ («Н а р о д и н ѣ»).—Помѣщикъ; владѣлецъ двухъ тысячъ душъ; въ молодости соперникъ Якубова.

Рулевой («Ф р е г. П а л.»).—Р. съ русыми, загнутыми кверху усами и строгимъ, не улыбающимся лицомъ. На Пасхѣ, во время стоянки въ Нагасакахъ, вмѣстѣ съ боцманомъ плясалъ «долго и истово», какъ будто работалъ трудную работу. Одинъ, уставъ, останавливался, какъ вкопанный; другой, въ ту же минуту, начиналъ припрыгивать, сначала тихо, потомъ все скорѣе и скорѣе, глядя внизъ и переставляя ноги, одну вмѣсто другой, потомъ быстро падалъ и прыгалъ въ присядку, изрѣдка вскрикивая».

Рѣшетилова, графиня («М а й м ѣ с. в ѣ П е т е р б.»).—Къ ней ѣздили то русскій архіерей, то католическій прелатъ, иногда какая-нибудь великосвѣтская барыня съ визитомъ. Графиня одинаково говорила и съ русскимъ преосвященнымъ, и съ католическимъ прелатомъ, и съ великосвѣтской барыней. Услышитъ, напр., она, что въ такой-то церкви православный священникъ будетъ говорить краснорѣчивую проповѣдь, она ѣдетъ туда, выслушаетъ и умилится искренно. Узнаетъ, что готовится говорить католическій прелатъ, она ѣдетъ въ инославный храмъ и также умиляется, какъ онъ хорошо говорилъ; точно также съ восторгомъ слушаетъ и какого-нибудь апостола изъ свѣтскихъ проповѣдниковъ, пужды нѣтъ, что онъ проповѣдуетъ расколъ. А къ вечеру забудетъ ихъ всѣхъ». «Она не ѣздила, какъ большинство нашихъ барынь, по магазинамъ, а посѣщала музеи, картинныя галереи, мастерскія художниковъ».

Рѣшетилловъ, графъ («М а й м ѣ с. в ѣ П е т е р б.»).—«Быль человекъ военный и возраженій на свои приговоры не допускалъ. Только отъ равныхъ себѣ по чину онъ принималъ противныя его взгляду мнѣнія. На низшихъ же смотрѣлъ свысока». Вельчь позвалъ къ себѣ управляющаго домомъ (которому говорилъ то «вы», то «ты») затѣмъ, чтобы узнать, нельзя ли «присстроить» повара, оказавшагося у графа на кухнѣ лишнимъ».

Рѣшетиловой-Гость («М а й м ѣ с. в ѣ П е т е р б.»).—«Обыкновенный гость граф. Р—ой. «Высокій, лѣтъ «шестидесяти», мужчина, въ бѣломъ батистовомъ жабо, въ черномъ фракѣ, съ прозрачными ногтями, накрахмаленный; держалъ «себя прямо, какъ палка. Онъ былъ ежедневнымъ посѣтителемъ и являлся неизмѣнно къ обѣду». «Когда-то онъ былъ равнодушенъ къ графинѣ, въ ея дѣвичество, но какъ у него было какихъ-то триста, а у графа, тогда еще подполковника, тысячи три душъ, то онъ скромно уклонился отъ сватовства, предоста-

вѣвъ первому искать руки его предмета, а самъ остался вѣчнымъ обожателемъ графини».

С.

С. («Фрег. Пал.»).—см. въ «Спискѣ»: Савичъ.

Савелій («Обрывъ»).—Мужъ Марины, дворовый изъ Малиновки, вѣдавшій у Бережковой всѣ дѣла «по деревнѣ». Онъ былъ «лѣтъ сорока пяти», «сложенъ плотно, будто изъ однѣхъ широкихъ костей и оттого казался «толстымъ, хотя жиру у него не было ни золотника». Остриженъ въ скобку, бороду» брилъ «рѣдко и у него на губахъ и на подбородкѣ всегда» торчала «щетина». «Онъ былъ мраченъ лицомъ, съ нависшими бровями, широкими вѣками, которыя поднималъ медленно и даромъ не тратилъ ни взглядовъ, ни словъ». Даже движеній почти не дѣлалъ. Отъ одного разговора на другой онъ тоже переходилъ трудно и медленно. «Мысленная работа совершается у него тяжело: когда онъ старается выговорить свою мысль, то помогаетъ себѣ бровями, складками на лбу, и отчасти указательнымъ пальцемъ». «На вопросы обступившей его дворни (послѣ возвращенія изъ города, куда С. отвозилъ большую Марину), хотѣлъ что-то сказать, но только поглядѣлъ на всѣхъ, поднялъ выше обыкновеннаго кожу на лбу, сдѣлавъ складку въ палецъ толщиною, потомъ плюнулъ, повернулся спиной и шагнулъ за порогъ своей клѣтшукки».—«Честный, распорядительный», «серьезный мужикъ», «золото-мужикъ, называла его Татьяна Марковна; С.—«большія дѣла у меня дѣлаетъ», говорила она:—«Хлѣбъ продаетъ, деньги получаетъ».—«Удостоившись, въ числѣ прочихъ, благосклоннаго вниманія Марины, С. пошелъ къ барынѣ просить позволенія жениться». «Черезъ двѣ недѣли ровно» (барыня дала ему двѣ недѣли сроку, чтобъ онъ «хорошенько одумался»), пришелъ въ комнаты и сталъ въ углу».—«Позвольте повѣнчаться!» сказалъ С. и предложилъ за Марину «выкупъ». На возраженіе Татьяны Марковны о прошломъ Марины, о томъ, что она «не уймется», отвѣчалъ увѣренно: «Уймется, не будетъ!». Когда же Марина «не унялась», и С. засталъ, черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы, у себя въ гостяхъ гарнизоннаго унтеръ-офицера», онъ «поблѣднѣлъ и вопросительно взглянулъ на жену»; «подумалъ немного, потупившись, «потомъ залеръ дверь, медленно засучилъ рукава и, взявъ старую вожжу, изъ висѣвшихъ на гвоздѣ, началъ отвѣшивать медленные, но тяжелые удары по чему ни попало».—«Собака собачья смерть!» мрачно говорилъ С. на увѣщанія барыни. На вопросъ—«что ты сдѣлаешь дракой? Уймется, что ли, она?»—отвѣчалъ:—«Все-таки... острастка...» Съ вожжей С. почти не разставался, и точно чутьемъ узнавалъ, гдѣ находится Марина.—«Что тебѣ, лѣшій, не спится?» говоритъ ему Марина:—«бродитъ по ночамъ! Ты бы хоть лошадамямъ гривы заплеталъ, благо нѣтъ домового!» Послѣ женитбы С. измѣнился, началъ худѣть, рѣже показывался въ людской, среди дворни и сильно задумывался. «На жену онъ прежде смотрѣлъ исподлобья, а потомъ почти вовсе не глядѣлъ, но всегда зналъ, въ какую минуту, гдѣ она, что дѣлаетъ». С. падалъ духомъ, молился Богу, сидѣлъ молча, какъ бирюкъ, у себя въ клѣтшуккѣ.—«Стигнутъ бы ей проклятой!» «мрачно» говорилъ С. и просилъ Райскаго: отправить Марину въ полицію, или «хоть въ Сибирь» сослать, или «хоша въ рабочій домъ на всю жистъ», или «плетями» ее «высѣчь». Между тѣмъ, онъ же впадалъ въ странное противорѣчіе: на ярмаркѣ онъ всѣ деньги истратилъ на жену, купить ей платье, башмаковъ, серьги какія-нибудь. На Святую недѣлю, молча, поведетъ ее подъ качели и столько закупить, и молча-же, насуетъ ей вѣ руки орѣховъ, пряниковъ, черныхъ стручьевъ, моченыхъ грушъ, что она употчуетъ всю дворню»; когда Марина заболѣла, С. «закуталъ ее «въ теплое одѣяло». —«Богъ караетъ!» говорилъ С., кряхтя, но «самъ же отвезъ Марину въ «клинику,

въ сосѣдній городъ, за двѣсти верстъ». Онъ любилъ Марину, по выраженію Райскаго, «сосредоточенной страстью».

Савелій Никитичъ («И. С. Поджабринь»).—Дворникъ.

Саврасовъ («Обрывъ»).—Уп. л. Сотоварищъ Райскаго по школь «С., Ковригинъ, Малюевъ, Чудинъ—первые ученики». Они равно хорошо учатся и изъ математики, и изъ исторіи, сочиняютъ, чертятъ, рисуютъ и языки знаютъ, и все. «Ихъ всѣ уважаютъ, они такъ гордо смотрятъ, такъ покойно спятъ, всегда одинаковы».

Садагора («Фрег. Пал.»).—Японецъ-переводчикъ; «старый, грубый циникъ»,—«нянька, приставленная къ голландцамъ, и гроза ихъ». «Страхъ, какъ походилъ на пожилую дѣвушку съ своей сѣдой косой».

Садовникъ («Обрывъ»).—Уп. л. Графскій С. Онъ, по словамъ городской сплетни все видѣлъ и слышалъ, что происходило въ оранжереѣ между Татьяной Марковной, Ватутинымъ и графомъ Сергѣемъ Ивановичемъ. С. «молчалъ, боялся, былъ крѣпостной»; онъ разсказалъ о происшедшемъ лишь женѣ.

Садовника-вдова («Обрывъ»).—Уп. л. «Пьяная баба», собирающаяся милостыней на паперти Успенья. Отъ нея вывѣдалъ Тычкова подробности отпосеній Татьяны Марковны къ Ватунину.

Самбро («Фрег. Пал.»).—Байось; посѣтилъ фрегатъ на третій день прихода русскихъ въ Нагасаки.

Свинникъ («Обломовъ»).—Уп. л. Бывшій сослуживецъ Обломова. По словамъ Судьбинскаго, «вѣтренная голова. Иногда, чертъ знаетъ, какія тебѣ итоги выведетъ, перепутаетъ всѣ справки». Потерялъ «важное дѣло» и за это былъ лишенъ награды «до тѣхъ поръ, пока дѣло не отыщется».

Священникъ («Слуги»).—Уп. л. По словамъ Валентина, С., послѣ обѣдни, за завтракомъ, указалъ Архіерею на «дьякона Никиту, говоря:—«Вотъ», «святой владыка: дьяконъ нашъ Никита похваляется, что понимаетъ» Апокалипсисъ.

Священникъ («Фрег. Пал.»).—«Padre» съ острова Батана.

Севастьяновъ («Обрывъ»).—Уп. л. Товарищъ Райскаго по школь.

Севри [Севрз] («Фрег. Пал.»).—Старожилъ острова Пиля (Бонинъ-Сима), женаты на кривой, пятидесятилѣтней Каначкѣ. Подтвердилъ, что «мореплаватели стараются приобрѣтать все даромъ». По разсказу С., одинъ изъ моряковъ, потерпѣвшій крушеніе при выходѣ изъ порта Ллойдъ, «воротился и получилъ помощь отъ жителей». На прощанье, «поколотилъ и обобралъ по-селенцевъ», взявъ «у старика С. двѣ тысячи долларовъ».

Сейоло («Фрег. Пал.»).—Одинъ изъ «второстепенныхъ каффрскихъ предводителей», взятый въ плѣнъ англичанами и содержавшійся «подъ крѣпкимъ карауломъ въ мѣстечкѣ Винбергъ» (Капская колонія). «Мужчина лѣтъ тридцати, высокаго роста, вершковъ четырнадцати, атлетическаго сложенія, стройный, темно-коричневаго, матоваго цвѣта. Одѣтъ онъ былъ въ жакетъ и синихъ панталонахъ; ноги у него босыя, грудь открыта на распаху. Когда его навѣстили русскіе, онъ привсталъ, сѣлъ на тюфякъ и протянулъ имъ руку. Привезенные ему въ подарокъ табакъ и сигары С. взялъ и, не поглядѣвъ, что было въ бумагъ, положилъ подлѣ себя; увидя свой фотографическій портретъ, С. громко захохоталъ» и передалъ его женѣ, но потомъ снова взялъ отъ нея «и сталъ пристально разсматривать». Когда этотъ портретъ подарили его женѣ, С. отъ удовольствія привсталъ и захохоталъ».

Сейоло-жена («Фрег. Пал.»).—Одна изъ семи женъ С., которыя, «по очереди», пріѣзжали къ нему и проводили «съ нимъ недѣли по три, по четыре». Ей было всего лѣтъ девятнадцать или двадцать. У ней круглое смугло-желтое лицо, темно-каріе глаза, съ выраженіемъ доброты, и маленькая, стройная нога». Она была «въ ситцевомъ платьѣ европейскаго покроя, въ чулкахъ и башмакахъ; голова повязана платкомъ. Посѣтившимъ Сейоло путешественникамъ, она «первая подала руку» и «смотрѣла на нихъ, опершись на локоть». Увидя фо-

тографическій портретъ мужа, со смѣхомъ сказала:—«Сейоло! Сейоло! Опять смотрѣла на портретъ и продолжала смѣяться. Получивъ портретъ въ подарокъ, «была очень довольна и съ улыбкой кивала головой».

Секретари («Фрег. Пал.»).—С. нагасакскаго губернатора—«два старика, лѣтъ 70-ти каждый, плѣшивые, съ сѣдыми жиденькими косичками, въ богатыхъ штофныхъ юбкахъ, съ широкой бархатной по подолу обшивкой, въ бѣлыхъ бумажныхъ чулкахъ» и «въ соломенныхъ сандаляхъ». При посѣщеніи фрегата, «тихо плелись, шаркая подошвами, не глядя по сторонамъ», съ опущенными вѣками.

Семень («Обрывъ»).—Дворовый Викентьева. Отъ него Марейшка, черезъ Марину, слышала, что Николай Андреичъ ночью «храпить».

Семень Архипычъ («Обыкн. Истр.»).—Знакомый А. П. Адуевой.

Семень Семенычъ («И. С. Поджабринъ»).—Чиновникъ. Когда Ѳекла Андреевна доложила ему, что новый жилецъ (Поджабринъ) переѣхалъ, С. С. «понюхалъ табакъ, поправилъ крестъ въ петлицѣ и молчалъ. Слушалъ, какъ Ѳекла Андреевна рассказывала о томъ, какіе у Поджабринина «стулья и диваны,—красные и зеленые, да прямики».—«Я на одинъ присѣлъ, пока онъ стоялъ на корридорѣ, такъ и ушла вотъ до этихъ поръ, инда испужалась».—«До какихъ поръ?»—спросилъ С. С. флегматически.—«Вотъ до сихъ». Она показала рукой.—«А гдѣ онъ служитъ?»—«Не успѣла спросить у человѣка.. вотъ ужъ развѣ».—«Добро, давайте-ка обѣдать»,—сказалъ С. С.:—«нечего растабарывать».

Семень Семеновичъ («Обломовъ»).—Уп. л. Чиновникъ. По словамъ Судьбинскаго «только мастеръ пылъ въ глаза пускать». Когда «изъ губерніи поступило представленіе о возведеніи при зданіяхъ, принадлежащихъ «вѣдомству, собачьихъ конуръ, для береженія казеннаго имущества отъ расхищенія», С. С. нашель, составленную архитекторомъ, смѣту преувеличенной и «началъ наводить справки, что можетъ стоить постройка собачьей конуры». Нашель гдѣ-то тридцатью копѣйками меньше—сейчасъ докладную записку».

Serge, prince («Обрывъ»).—Уп. л. Дядя Софьи Бѣловодовой въ 1812 г. «дѣлалъ кампанію» и, благодаря его рассказамъ, Софья «въ исторіи знала только двѣнадцатый годъ».

Сивновъ («Превр. судьбы»).—Купецъ; къ нему пришелъ Хабаровъ въ поискахъ мѣста; С. принялъ его и сказалъ, что онъ радъ имѣть дѣло съ «благороднымъ» человѣкомъ, ему-де такой нуженъ, а то все «пдуги да мошенники!» Онъ поставилъ его въ амбарѣ у Смольнаго, куда съ барокъ складывали кули муки, а оттуда, подъ присмотромъ приказчика, развозили ихъ купцамъ, забравшимъ хлѣбъ у С.. Когда же «возчики» «понадули» Хабарова и мукой воспользовались въ свою пользу», С. сказалъ:—«Вотъ что, ваше благородіе, нашъ-то простой человѣкъ, приказчикъ, запримѣтилъ бы этихъ самыхъ мужиковъ въ лицо и что они не тово... не отъ хозяина пріѣхали, а сами по себѣ.—При этомъ купецъ не то крикнулъ, не то вздохнулъ.—Я сыщу этихъ самыхъ возчиковъ, а вы намъ не рука!—прибавилъ онъ.—Вотъ вамъ пятьдесятъ рублей, что вы зажили у насъ! Богъ съ вами, намъ такихъ не надо!»

Сергій Ивановичъ («Обрывъ»).—Уп. л. Дядя Райскаго.

Сергій Ивановичъ, графъ («Обрывъ»).—Уп. л. «Покойный графъ» С. И., по словамъ Крицкой, сватался къ Татьянѣ Марковнѣ, но «та не хотѣла, и онъ женился на другой». Какъ говорили городскія сплетни, С. И. подстерегъ rendez-vous Татьяны Марковны съ Ватутинымъ. «Соперники дали другъ другу слово: Г.—«молчать обо всемъ», а Ватутинъ—«не жениться».

Сиговъ («Народинъ»).—Жандармскій «губернскій полковникъ».

Сидорычъ («Обрывъ»).—Сторожъ въ школѣ, гдѣ учился Райскій. Райскаго «пугало и томило обидное состраданіе» С., «и вмѣстѣ трогало своей простотой». Послѣ того, какъ Райскій не выучилъ два урока сряду» и «долженъ былъ остаться безъ обѣда, если не выучитъ ихъ къ утру», С. (когда уже «всѣ

легли спать») тихонько всталъ, вздулъ свѣчу и принесъ Райскому изъ класса книгу».—«Учи, багوشка, сказалъ онъ: пока они спятъ. Никто не увидитъ, а завтра будешь знать лучше ихъ: что они, въ самомъ дѣлѣ, обижаютъ тебя, сироту!»

Сильчъ («Обрывъ»).—Безногий старикъ изъ Малиновки. Нищій; «выпрашивалъ луковицу на обѣдъ» и просилъ «на паперти милостыню». Въ день своей помолвки, Марейнка ему «оставила рубль мѣдными денгами», которыхъ С. «жадно подобралъ» и дрожащими отъ жадности руками, началъ завертывать ихъ въ какіе-то хлопки и тряпки, пряталъ въ карманы, даже взялъ одинъ пятакъ въ ротъ».

Симабара («Фрег. Пал.»).—Уп. л. Владѣтельный князь.

Синіе очки («Лит. вѣч.»).—См. Трухинъ.

Синоура Томотаро («Фрег. Пал.»).

Сначины («Обыкп. Ист.»).—«Знакомые» Алекс. Адуева.

Синявская, графиня («Литер. вѣч.»).—У ней «былъ изящный профиль, матовая бѣлизна лица, темно-сѣрые умные глаза, и какая-то тонкая, загадочная улыбка, такъ что нельзя было угадать, порицаетъ она ея или одобряетъ что-нибудь, радуется, или смѣется про себя». «За эти умные глаза и загадочную улыбку ее прозвали сфинксомъ. Она была еще молода, и въ особенности моложава, такъ что казалась скорѣе старшею сестрою, нежели матерью своей дочери». Была приглашена на вечеръ по желанію самого Бебикова, «почти не спускала глазъ съ автора, иногда взглядывала на дочь, говорила ей тихо, съ улыбкой, слова два, и опять слушала чтеніе». «Авторъ, отрывая глаза отъ рукописи, каждый разъ прежде всего обращалъ взглядъ на графиню, очевидно справляясь съ ея впечатлѣніемъ». Когда, во время перерыва, Бебиковъ обратился къ ней съ вопросомъ:—«Вы, графиня, конечно, еще ничего теперь не скажете мнѣ?»—она отвѣтила:—«И послѣ не скажу—зачѣмъ?»—«Развѣ вы не знаете, какъ я цѣню ваше мнѣніе.—У меня нѣтъ мнѣнія, а только впечатлѣніе.—Скажите ваше впечатлѣніе.—«Не умѣю, его надо угадать».—«Въ глазахъ сфинкса трудно угадывать, «развѣ измѣнить улыбка ваша: она у васъ добрее глазъ...»—Когда чтеніе было закончено, и авторъ снова подошелъ къ С., она «съ улыбкой смотрѣла» на него. «Глаза у нея тоже смѣялись». «Она молча подала ему руку и онъ молча пожалъ ее», потомъ, указывая на дочь, сказала:—«Посмотрите, какъ она взволнована! Вотъ вамъ живое и непритворное впечатлѣніе! Довольны вы?»—«А вы сами что скажете?». «Она улыбнулась по-своему». На замѣчаніе автора, что онъ уже знаетъ ея мнѣніе, онъ его «видѣлъ», отвѣтила:—«Запишите это выраженіе въ романъ»: «видѣлъ мнѣніе! Оно характеристично, какъ весь романъ!»

Синявская, графиня («Литер. вѣч.»).—Дочь предыдущей. Семнадцатилѣтняя «преlestная брונетка». «У нея съ кистей рукъ не спала, какъ у многихъ подростковъ, краснота молодой крови. Она только-что начала выѣзжать. «Ея свѣтло-каріе глаза сыпали снопы лучей наивной, нескрываемой радости отъ всего, что она тутъ (на вечерѣ у Уранова) видитъ и слышитъ». «Она робко, стороной, бросала застѣнчивые, но любопытные взгляды на все и всѣхъ» и «прильнула близко», почти на колѣни, къ матери. Она была «въ простомъ платьѣ, безъ вѣера, даже безъ перчатокъ, которыя сняла, лишь только сѣла». Во время чтенія «съ восторгомъ смотрѣла» на автора.

Скудельниковъ, Матвѣй Ивановичъ («Литер. вѣч.»).—«Пожилой беллетристъ», знакомый Уранова по клубу. Урановъ вытѣпалъ С. «изъ его гнѣзда», пообщавъ «хорошій романъ, хорошее общество, хорошихъ, даже прекрасныхъ дамъ, и хорошій ужинъ»; прїѣхавъ на вечеръ, «какъ сѣлъ, такъ и не пошевелился въ креслѣ, какъ будто приросъ или заснулъ. Изрѣдка онъ поднималъ апатичные глаза, взглядывалъ на автора и опять опускалъ ихъ. Онъ, повидимому, былъ равнодушенъ и къ этому чтенію, и къ литературѣ—

вообще ко всему вокруг себя». «При слабых мѣстах» романа, С. «гладил себя» «по лысой головѣ, какъ будто внутренно одобрялъ себя мыслью, что самъ онъ лучше написалъ бы эти мѣста».—За ужиномъ упорно молчалъ и лишь послѣ того, какъ редакторъ коснулся вопроса о томъ, что «художникъ-писатель долженъ быть объективенъ», С. поднялъ глаза на минуту на редактора, обвелъ взглядомъ прочихъ гостей и опять сталъ смотрѣть на столъ, гдѣ, прямо противъ его носа, лежали въ десертныхъ вазахъ дыня и ананасъ». Услыша, какъ Кряковъ назвалъ Чешнева «шовинистомъ», С. вдругъ взглянулъ широко на Крякова и Чешнева». Въ концѣ ужина, когда хозяинъ обратился къ С. съ вопросомъ о причинѣ его молчанія, онъ отвѣтилъ:—«Я давно хотѣлъ сказать, да не дали...»—«Ну, говорите теперь: что такое?»—«А вотъ дыню и ананасъ забыли, такъ и остались неразрѣзанными!»—сказалъ онъ.—«Всѣ засмѣялись».—«Въ самомъ дѣлѣ! сейчасъ, сейчасъ!—захлопотался хозяинъ.—Да что вы о дынѣ, вы о романѣ-то ничего не сказали».—«Я все слушалъ...»—«Ну, и скажите что-нибудь».—«Все скажу».—«Говорите: мы слушаемъ».—«Я не вамъ, я самому автору скажу».—«Что скажете?»—«Все, что здѣсь происходило и что говорили о его романѣ...»—«Нельзя: мало ли что тутъ говорили. Онъ обидится».—«Вы не знаете его, а еще друзья! Все скажу, что дѣлали и говорили...»—«Все?»—«Все, даже и про ананасъ съ дыней не забуду!»

Сланцовъ, Андрей Ивановичъ («На родинѣ»).—Отставной полковникъ. Пріятель и однополчанинъ Углицкаго, съ которымъ жилъ вмѣстѣ «душа въ душу». У С. «за Волгой» «было порядочно имѣнье», но онъ не любилъ деревни и всю зиму гостилъ у Углицкаго. У С. было «то же воспитаніе, нравы, какъ и у его пріятеля, тотъ же «прекрасный тонъ, манеры, щегольство, та же бойкость французской рѣчи на словахъ и та же малограмотность на письмѣ».

Слуга («Фрег. Пал.»).—Слуга въ отелѣ m-gs Вельчь; «мальчикъ лѣтъ двадцати, угреватый, подслѣповатый; когда онъ появился въ комнатѣ «вдругъ запахло собакой». На приказъ принести воды для бритья, отвѣтилъ:—«Yes, sir», «и не принесъ». Послѣ звонка «являлся съ кружкой воды». На приказъ принести щетку, отвѣтилъ тѣмъ же «yes» и обнаружилъ «то же ненослушаніе». Въ отвѣтъ на просьбу вставить выбитое стекло въ окнѣ отвѣтилъ:—«yes, sir», но стекло такъ и осталось не вставленнымъ.

Смирновъ («Обыкн. и ст.»).—«Другъ» Петра Иваныча. «Нужный человекъ».

Смотритель станціонный («Фрег. Пал.»).—Смотритель на Мухтуйской станціи. Франтъ. «Форменный сюртукъ у него въ рюмочку; самъ расчесанъ»; «...двумя пальцами взялъ подорожную, согнувъ мизинецъ въ кольцо».

Смотритель станціонный («Фрег. Пал.»).—См. Плотниковъ.

Солдаты («Фрег. Пал.»).—Японцы, составившіе свиту банисовъ, пріѣхавшихъ на фрегатъ: «два старика въ панталонахъ, т. е. ноги у нихъ выше колѣнъ обтянуты синей матеріей, а обуты въ такіе же чулки, какъ у всѣхъ, и потомъ въ сандалии. Коротенькія мантіи были тоже синія». С. «отъ старости едва стояли на ногахъ и плохо видѣли. Съдая косичка, въ три волоса, не могла лежать на головѣ и торчала кверху; сквозь рѣдкую косу проглядывала лысина, цвѣта красной мѣди». Во время сѣзда адмирала на берегъ, «по сторонамъ разставлены были, на сажень одинъ отъ другого», взятые на подборъ, поменьше ростомъ японцы, въ маленькихъ, въ формѣ воронки, лакированныхъ шапкахъ, съ сонными глазами. Они стояли, откинувшись корпусомъ назадъ, ноги врозь, съ согнутыми колѣнками. На плечахъ у нихъ, казалось, были ружья: надо подозрѣвать такъ, п. ч. самыя ружья спрятаны въ чехлахъ, а, м. б., были одни чехлы безъ ружей».

Сонинъ («Обыкн. и ст.»).—Уп. л. «Знакомый Ал. Адуева. «Всегда дасть хорошій совѣтъ, когда пройдетъ бѣда, а попробуйте-ка обратиться въ нуждѣ...»

такъ онъ и отпустить безъ ужина домой, какъ лисица волка», отзывается о С. раздраженный Александръ.

Соничка («Обломовъ»).—Замужняя подруга Ольги, «авторитетъ» для нея; полюбивъ Обломова, Ольга «уже никого не спрашивала что ей дѣлать, какъ поступить, не ссылаясь мысленно на авторитетъ С».

Совѣтникъ («На родинѣ»). Уп. л. По разсказу Якубова, когда С. пріѣхалъ въ городъ, то занялъ у него денегъ на мундиръ, «а теперь у него деревенька съ тремястами душъ да домикъ» выстроилъ «женѣ изъ Москвы наряды выписываетъ, ведетъ большую игру». «Лѣтъ десять секретаремъ въ консисторіи пробылъ, тамъ нажилъ, потомъ губернаторъ Тмакинъ переманилъ его къ себѣ въ секретари, дѣльный былъ, а потомъ съѣздивъ въ Петербургъ, подмазалъ гдѣ слѣдуетъ и воротился предсѣдателемъ».—«Халунъ, пострѣль!»—отзывался Якубовъ о С.

Сотрудникъ журнала («Обыкновенныя исторіи»).—Пріятель Петра Иванаыча. «Человѣкъ опытный». «Педантъ».

Софья Михайловна («Обыкновенныя исторіи»).—Дочь Марьи Карповны. «Первая любовь» А. Адуева. «Полная и румяная дѣвушка», глаза и все выраженіе лица ея явно говорили: буду любить просто, безъ затѣй, буду ходить за мужемъ, какъ нянька, слушаться его во всемъ и никогда не казаться умнѣе его; да и какъ можно быть умнѣе мужа? Это грѣхъ! Стану прилежно заниматься хозяйствомъ, шить, рожу ему полдюжины дѣтей, буду ихъ сама кормить, нянчить, одѣвать и обшивать».—«Полнота и свѣжесть щекъ ея и пышность груди подтверждали обѣщаніе насчетъ дѣтей». При проходахъ Александра, «слезы на глазахъ и грустная улыбка придавали ей» «не такой прозаической интересъ». Разставаясь С. передала ему на память свои «волосы и колечко»; «но въ отсутствіи Александра вышла замужъ. У нея «ужъ шестой ребеночекъ въ походѣ», «а въ домѣ бѣдность такая, что и не глядѣлъ бы». «Въ покояхъ косяки всѣ покривились; полъ такъ и ходитъ подъ ногами; черезъ крышу течетъ. И поправить-то не на что, а на столъ подадутъ сущу, ватрушекъ, да баранины—вотъ вамъ и все!»—разсказываетъ Антонъ Ивановичъ.

Софья Николаевна («Обломовъ»).—Уп. л. Волковъ, приглашая Обломова на перво-майское гулянье въ Екатерингофъ, говорилъ, что тамъ С. Н. съ Лидіей будутъ въ экипажѣ только двѣ; напротивъ въ коляскѣ скамеечка: вотъ бы вы съ нами».

Старикъ («Обыкновенныя исторіи»).—Гость Тафаевой; «повидимому, отставной военный, съ двумя клочками сѣдыхъ волосъ подъ носомъ и со множествомъ лепточекъ въ петлицѣ».

Старикъ («Фрегата Пала»).—Кореецъ; взявъ, написанную русскимъ переводчикомъ по китайски, записку (о доставкѣ на фрегатъ «куръ, зелени, рыбы», въ обмѣнъ на ромъ, полотно и п. предметы) «надулся, какъ пѣтухъ, и съ комическою важностью, съ амфазомъ, нараспѣвъ, началъ декламировать написанное. Это отчасти напоминало мѣрное пѣніе нашихъ нищихъ о Лазарѣ. Потомъ, прочитавъ, старикъ написалъ по китайски въ отвѣтъ, что *почтенныя куръ у нихъ нѣтъ* (моряки, съѣзжавшіе на берегъ, однако, видѣли куръ). Старикъ повторилъ, что провизія берется не даромъ, а въ обмѣнъ, но онъ сказалъ «пудди». Его попросили написать слово по-китайски. «Онъ написалъ: вышло «не знаю». Послѣ объясненій С. «долго и внимательно слушалъ, онъ «вдругъ живо замахалъ рукой, какъ будто догадался, въ чемъ дѣло». С. взявъ русскаго переводчика за рукавъ и, схвативъ кисть, опять написалъ: *пудди*».

Старушка («Обыкновенныя исторіи»).—Гостя Тафаевой.

Степанида Агаповна («Обломовъ»).—Пожилая дѣвушка, дальняя родственница Ильи Ильича (см. Настасья Ивановна).

Степанида Игнатьевна («И. С. Поджабрины»).—«Верхняя баба», знакома дворника. Когда Авдѣй пригрозилъ С. И. своимъ барипомъ, отвѣтила:—«Боюсь я твоего барина! что онъ мнѣ дастъ? Эка невидаль! мы сами чинов-

ники».—«Еще ругается! какъ я скажу своему хозяину, такъ онъ тебѣ скорѣе дастъ. Будешь помнить, какъ ругаться, окаянный, каторжникъ, чтобъ тебѣ ни дня, ни покрывки!»

Степанъ («С л у г и»).—«Отпущенный на волю старикъ, лѣтъ 65-ти», еще бодрый, хотя съ нѣсколько помятымъ лицомъ и мелкими морщинами. Смотрѣлъ добродушно и зорко своими карими глазами. Его взглядъ говорилъ: «все сдѣлаю, что прикажете», а чего не прикажете—ни за что не стану дѣлать!» «Прежде жилъ по мѣстамъ поваромъ.—«У важныхъ генераловъ живаль», «въ княжескомъ домѣ жилъ». По собственнымъ словамъ, «состарѣлся» для поварской «службы»: быть «всегда у огня, въ жару» и предпочелъ должность лакея, т. к. она «попрохладнѣе». Хвастался что былъ хорошимъ поваромъ и, дѣйствительно, хорошо готовилъ».—«Я, говорилъ С. съ «самоувѣренностью»—все умѣю: и супы, поро какіе угодно, и соусъ къ рыбѣ и спаржѣ, пирожное тоже всякое; вафли, кремъ шоколадный или съ ванилью»... По словамъ Матрены,—«ка-бы не пилъ запоемъ, не отпустили бы отъ мѣстовъ». «Его бы обѣими руками держали». «Поживеть-поживеть мѣсяць другой—и откажутъ».—«Бывало, по ея словамъ, когда С. служилъ поваромъ, получить рублей двадцать жалованья, зайдетъ въ трактиръ... и ни копѣйки домой не принесетъ», «а онъ съ двухъ рюмокъ уже пьян!» «Въ кабакѣ «начнетъ угощать всякаго, а что останется—у него вытаскать». Когда пропьетъ деньги, или у него утащатъ ихъ изъ кармана товарищи попойки, мало-помалу перестаетъ пить, ходитъ дня три, какъ шальной, мелетъ про себя несвязный вздоръ и постепенно приходитъ въ себя, принимаетъ свой кроткій образъ, съ добродушнымъ взглядомъ и улыбкой». Получивъ деньги на провизію, для званнаго обѣда, «до ночи не приходилъ». По словамъ Петруши, «всякій разъ заливаетъ, какъ только получить деньги». Брань жены и упрёки С. принималъ «равнодушно: лишь встряхнетъ головой, усмѣхнется».—«Да ну, тебя,—замолчишь ли ты, о, чертовка», огрызаясь С. На угрозу Матрены «огрѣтъ кочергой» отвѣтилъ:—«Ну, чортъ съ тобой, лѣшій тебя дери!» Если же «ему становилось не въ мочь», то уходилъ» изъ кухни въ переднюю.—«Господи Боже мой! Что это за дьяволь-баба!»—вздыхалъ С. Иногда, «исполненный усердія», онъ даже пробовалъ помочь женѣ, говоря:—«Дай-ко, я поджарю.—«Я бы тертымъ сахаромъ посыпалъ, да сметанки подлилъ, да лучку тебѣ поджарю; вотъ какъ вкусно будетъ, пальцы оближешь!» Охотно согласился, чтобы жена получала за него жалованье:—«Пожалуй, извольте ей отдавать: она у меня казначей»,—сказалъ С. По праздникамъ, обыкновенно исчезалъ изъ дома, покидая всѣ заботы о домѣ на жену и сына. Когда выпадали праздники по нѣсколько дней сразу, С. никогда не бывало дома. По словамъ сына, въ пьяномъ видѣ С. «озорничаетъ, дерется съ мамкой, таскаетъ и его за вихри, бьетъ и ломаетъ, что попадется подъ руку». «Изъ кроткаго, смирнаго старика обращается въ звѣря. Послѣ угрозы барина заявить въ полицію о скандалахъ, С. «сталъ на колѣни, скрестилъ руки на груди и голосомъ глубокаго убѣжденія и съ чувствомъ произнесъ:—«Нѣтъ, вы этой низости со мной не сдѣлаете». Позднѣе С. «видали въ Казанскомъ соборѣ просящимъ милостыню». По словамъ Матрены, «все пилъ, пилъ, наконецъ, ослабъ, не могъ выходить, руки и ноги стали трястись, потомъ окончили, и онъ умеръ тихо, мирно, принявъ св. Тайнъ, и передъ самой смертью произнесъ:—«Проклятъ тотъ, кто выдумалъ водку пить!».

Степка («О б р ы в ь»).—Дворовой Бережковой, только-что взятый въ лакеи изъ деревни, даже «не умѣвшій стоять прямо на ногахъ».

Стоксъ («Ф р е г. П а л.»).—Англичанинъ. Офицеръ морскихъ войскъ съ корабля «Спартана», стоявшаго въ Шанхаѣ. «Молодой человекъ лѣтъ двадцати»; «безпрестанно ходилъ и въ осажденный (тайпингами) городъ, и въ лагерь».

Столоначальникъ («О б ы к н. И с т.»).—Уп. л. «Картежникъ. Посадить тебя съ двумя такими же молодцами, какъ самъ, а тѣ стакнутся и оставятъ тебя безъ гроша»,—характеризуетъ С. Петръ Ивановичъ Александру.

Стрекоза («И. С. Поджабринъ»).—Отставной майоръ; «опекунъ» и «дядя» Анны Павловны. «Низенькій, чрезвычайно толстый пожилой человекъ, съ усами, въ венгеркѣ»; заставъ Анну Павловну у Поджабрина, потребовалъ отъ Ивана Савича объясненія: давно ли онъ знакомъ съ пей, какимъ образомъ познакомился, и предложилъ либо стрѣляться на пистолетахъ, либо отказаться отъ знакомства.

Стулокинъ, Матвѣй Лукичъ («И. С. Поджабринъ»).—Уп. л. Начальникъ отдѣленія, въ которомъ служилъ Поджабринъ. По словамъ крестнаго, два года тому назадъ былъ у нихъ столоначальникомъ и «еще не изъ самыхъ бойкихъ, а такъ себѣ!..».

Судьбинскій («Обломовъ»).—«Старый сослуживецъ» Обломова. Начальникъ отдѣленія. «Господинъ въ темно-зеленомъ фракѣ съ гербовыми пуговицами, гладко выбритый, съ темными, ровно окаймлявшими его лицо, бакенбардами, съ утружденнымъ, но покойно сознательнымъ выраженіемъ въ глазахъ, съ сильно потертымъ лицомъ, съ задумчивой улыбкой». Прежде ходилъ на службу къ десяти часамъ, теперь ѣздитъ къ двѣнадцати.—«Въ двѣнадцать часовъ ѣзжу,—сказалъ онъ Обломову и «сдѣлалъ на послѣднемъ словѣ удареніе. Службу называетъ «дьявольскою»: отъ людей отвыкъ совѣмъ».—«Адская работа! На представленіи изъ губерній положиться нельзя. Надо провѣрить самому списки». Внутренно доволенъ собой и своей служебной «репутацией»:—«Меня очень цѣнятъ, скромно» заявилъ С., «потуя глаза».—«А что-жъ бы я сталъ дѣлать, если бы не служилъ?—«Надо работать, коли деньги берешь. Начальствомъ тоже доволенъ: «безъ наградъ не оставляетъ» и даже общается «выдумать» какую-то командировку». Жалуется лишь, что «ни минуты нельзя располагать собою». Сообщилъ Обломову «много» служебныхъ новостей: «въ письмахъ отмѣнили писать покорный слуга,—пишутъ примите увѣреніе, формулярныхъ списковъ не велѣно представлять», «прибавили два стола и двухъ чиновниковъ особыхъ порученій». Сообщая Обломову о потерѣ дѣла Свинкинымъ, «почти шепотомъ» передалъ, что думаетъ объ этомъ директоръ. Передавъ всѣ служебныя новости, подѣлился съ Обломовымъ извѣстіемъ личнаго характера, о томъ, что онъ самъ женится. О невѣстѣ отозвался кратко («да, мила»), но на вопросъ Обломова («что-жъ, хорошая партія»), отвѣтилъ подробно:—«Да, отецъ (невѣсты) дѣйствительный статскій совѣтникъ; десять тысячъ даетъ, квартира казенная. Онъ намъ цѣлую половину отвелъ, двѣнадцать комнатъ; мебель казенная, отопленіе, освѣщеніе тоже: можно жить». «Увязъ», «по уши увязъ!» думалъ Обломовъ о С.

Сурковъ (Обыкн. Ист.).—Компаніонъ Петра Ивановича по заводу. С. «подъ сорокъ лѣтъ», «онъ добрый малый, но пренустой». «Недурень собой,—т. е. румянь, гладокъ, высокъ, всегда завить, раздупленъ, одѣтъ по картинкѣ». «Самолубивъ до глупости». «Въ маленькомъ кругу», среди немногихъ, можетъ, пожалуй, прослыть и львомъ и умникомъ». «Въ каждой складкѣ платья, въ каждой бездѣлицѣ «у С. рѣзко проглядывала претензія быть львомъ, превзойти всѣхъ модниковъ и самую моду. Если, напр., мода требовала распашныхъ фраговъ, такъ его фракъ запахивался до того, что походилъ на распростертыя птичьи крылья; если носили откидные воротники, такъ онъ заказывалъ себѣ такой воротникъ, что въ своемъ фракѣ онъ похожъ былъ на пойманнаго сзади мошенника, который рвется вонъ изъ рукъ. Онъ самъ давалъ наставленія своему портному, какъ шить». «Фать», по мнѣнію Петра Ивановича. «Господствующая страсть его—женщины». «Воображалъ, что всѣ женщины отъ него безъ ума». «Со второго дня знакомства съ женщиной», онъ «ужъ начинаетъ звать ее по имени». «Чуть заведется у него «страстишка», онъ не скупится на «сюрпризы и подарки»; «самъ пустится въ щегольство, начнетъ мѣнять экипажи, лошадей...». Если же «увидитъ, что ему не везетъ, не станетъ тратить деньги даромъ». «Сначала съ ума будетъ сходить отъ ревности и досады, потомъ охладѣетъ». Влюбился въ Тафаеву, и «совсѣмъ одурѣлъ»: «байронствуетъ»,

«ходить угрюмый», потомъ пересталъ къ ней ходить и вездѣ объявилъ, «что у нихъ все кончено, что онъ разорвалъ съ ней связь». По словамъ самого С., онъ безъ любви жить не можетъ, но при этомъ «ищетъ связей въ свѣтѣ»:— «Мнѣ, говорить, надобно благородную интригу, я безъ любви жить не могу!». По мнѣнію Петра Ивановича, С. «только бы похвастаться,—чтобъ о немъ говорили, что онъ въ связи съ такой-то, что «его видятъ въ ложѣ у такой-то».— «И за моей женой волочился», говоритъ Петръ Ивановичъ.— «Бывало, ужъ я и не забочусь посылать человѣка за билетомъ въ театр: С. непременно привезетъ».— «Гдѣ онъ беретъ и за какія деньги—это его тайна». Нужно ли достать что-нибудь рѣдкое, толпу-ли растолкать, сѣздить-ли осмотрѣть дачу, «достать-ли билетъ, когда нѣтъ никакой возможности»— «вездѣ незамѣнимъ С.»;— «куда ни поплешь—золото!». «Онъ мастеръ угодить».

Сусловъ, Онисимъ («Обломовъ»).— Уп. л. Крестьянинъ изъ Обломовки. Мужчина солидный, который не устаетъ во весь ростъ въ своемъ жилищѣ. Не всякій и сумѣетъ войти въ избу къ Онисиму; развѣ только что посѣтитель упрости ея стать къ лѣсу задомъ, а къ нему передомъ. «Кажется, курицѣ страшно войти» въ избу Онисима, стоявшую на обрывѣ оврата. «Крыльцо висѣло надъ оврагомъ, и чтобъ попасть на крыльцо ногой, надо было одной рукой ухватиться за траву, другой за кровлю избы, и потомъ шагнуть прямо на крыльцо».

Суховъ, Иванъ Ильичъ («Литер. вѣч.»).— Короткій пріятель и любимый застольный товарищъ Уранова «и въ совѣтѣ, и въ англійскомъ клубѣ». «Толстый» С. во время чтенія, «обнаруживалъ кое-какіе знаки нетерпѣнія»: дышалъ громко, то ртомъ, то носомъ, иногда прикрывалъ рукою зѣвоту (то же самое онъ дѣлалъ за ужиномъ, когда споръ становился менѣе оживленнымъ) и пробовалъ заговаривать съ сосѣдями. Послѣ окончанія чтенія, аплодировалъ «отъ удовольствія, что кончилось».— «У меня ноги затекли!—говорилъ онъ», потирая икры». Передъ ужиномъ, по просьбѣ хозяина, громко прочелъ меню, въ которомъ оказались, вымышленные Суховымъ: «пять изъ крокодила» и «филе изъ слона». За ужиномъ «оживился», но когда Урановъ спросилъ С., читалъ-ли онъ «Исторію одного крестьянина», С. отмахнулся:— «Нѣтъ, я не читаю и новыхъ русскихъ авторовъ: пробовалъ да бросилъ». Посовѣтовалъ Красноперову, съ которымъ былъ на «ты», «не связываться» со спорящими Кряковымъ, Профессоромъ и Редакторомъ. (Они загоняютъ тебя! Народъ ученый!). Самъ С. въ спорѣ не принималъ участія и лишь высказался по поводу сцены любви въ романѣ Бебикова:— «Онъ скупенекъ на поцѣлуи, это правда!—сказалъ С.:—нѣтъ, чтобы того... этакъ... (онъ поглядывалъ на Лилину, какъ будто ея присутствіе стѣсняло его)—что-нибудь насчетъ... какъ, напримѣръ, тамъ графъ съ княгиней... въ паркѣ, что ли, въ ея деревнѣ... ну, жаркую сценку... какъ водится... по-человѣчески!...». Уклоняясь отъ спора, С. «подсказывалъ» другимъ, вставлялъ слова и радовался, когда споръ становился оживленнѣе.— «Соглашался во всемъ съ Чешневымъ, но тутъ-же высказалъ желаніе познакомиться ближе съ Кряковымъ, поѣхать къ нему и пригласить къ себѣ обѣдать».— «Не принимай къ сердцу, что онъ говоритъ»,— тихо сказалъ Уранову С. о Кряковѣ.— «Вѣдь, это антихристъ, но только прелюбопытный малый; какъ бы его къ намъ въ клубъ затащить! Когда Кряковъ заговорилъ особенно бурно, развѣнчивая романъ Бебикова, «тихо, удерживая смѣхъ», С. сказалъ хозяину:— «Пошли за полиціей!». Когда же Кряковъ собирался уходить («Того и гляди, за полиціей пошлютъ!»), С. «весело отвѣтилъ:— «Мы васъ не выдадимъ, вы герой!»— «Ну, наслушались мы сегодня и новой, и старой мудрости», «каково-то спать будетъ? А все-таки весело, превесело здѣсь!—заклучилъ онъ», обращаясь къ своимъ сосѣдямъ.

Схимникъ («Слуги»).— Уп. л. См. Валентинъ.

Сычугъ («Обломовъ»).— По словамъ старосты Обломова, «тверезый мужикъ» и потому староста поставилъ С. «денно и ночью смотрѣть» за су-

шильней и бѣлильней, а, чтобы С. «не стянулъ чего господскаго», староста самъ смотрѣлъ за С. также «денно и ноцно».

Сюза («Фрег. Пал.»).—Японецъ-переводчикъ—«Jeune Japon»; «съ завистью» глядитъ «на все европейское» и представлялъ «нѣмую, покорную оппозицію». [Ср. Парадоксъ 2-ой, Эйноске].

Съмечкина, Дашенька («Обрывъ»).—Уп. л. Въ письмѣ къ Наташѣ Вѣра сравнивала Райскаго съ Дашенькой С., «которая была однажды влюблена въ испанскаго принца, увидѣвши портретъ въ нѣмецкомъ календарѣ, и не пропускала никого, даже настрощика Киша».

Т.

Т. («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—Тырковъ.

Тараска («Обрывъ»).—Дворовый изъ Малиновки.

Тарась («Обломовъ»).—Уп. л. «Дюжій» кузнецъ; «чуть-было собственноручно не запарился до смерти въ землянкѣ, до того, что надо было отливать его водой».

Тайпиль-Вань («Фрег. Пал.»).—Уп. л. Претендентъ на китайскій престоль, предводитель тайпинговъ [тайпингъ—«великое спокойствіе»]. Имя тайпинговъ приняли возставшіе китайцы. Возстаніе началось въ 1849 г. и было подавлено при помощи американскихъ, голландскихъ и англійскихъ инструкторовъ, лишь въ 1863 г. (Ср. «Фрег. Пал.» II, 2).

Тарантьевъ, Михай Андреевичъ («Обломовъ»).—«Русскій пролетарій». «Землякъ» и одинъ изъ «усердныхъ посѣтителей Обломова». «Сынъ провинціального подьячаго», канцелярскій писецъ въ департаментѣ. По собственнымъ словамъ, въ свое время «былъ гораздъ» «строчить бумаги», «да отвыкъ. Присяду: слеза такъ и бьетъ изъ глазъ». «Человѣкъ лѣтъ сорока, принадлежавшій къ крупной породѣ, высокій, объемистый въ плечахъ и во всемъ туловищѣ, съ крупными чертами лица, съ большой головой, съ крѣпкой коротенькой шеей, съ большими на выкатѣ глазами, толстогубый. Бѣглый взглядъ на этого человѣка рождалъ идею о чемъ-то грубомъ и неопрятномъ. Видно было, что онъ не гонялся за изяществомъ костюма. Не всегда его удавалось видѣть чисто обрितымъ. Но ему, повидимому, это было все равно: онъ не смущался отъ своего костюма и носилъ его съ какимъ-то циническимъ достоинствомъ». «Его никогда не смущалъ стыдъ за поношенное платье». «Движенія его были смѣлы и размашисты; говорилъ онъ громко, бойко и почти всегда сердито; если слушать въ нѣкоторомъ отдаленіи, точно будто три пустыя телѣги ѣдутъ по мосту».—«Держи языкъ за зубами. Вонъ, вѣдь, ты какой, изъ тебя, какъ изъ пушки, такъ и палить!»—говорилъ Мухоморовъ Т—у. «Онъ дѣлалъ много шума», «кричалъ, спорилъ». Появленіе Т. у Обломова составляло «родъ какого-то спектакля».—«Здравствуй, землякъ,—отрывисто сказалъ Т., протягивая мохнатую руку къ Обломову».—«Что это ты лежишь по сю-то пору, какъ колода?»—«Не приходи,—ты съ холода!»—говорилъ Обломовъ, прикрываясь одѣяломъ».—«Вотъ еще что выдумалъ, съ холода!»—заголосилъ Т.—«Ну, ну, бери руку, коли даютъ! Скоро двѣнадцать часовъ, а онъ валяется!» «Онъ хотѣлъ приподнять Обломова съ постели, но тотъ предупредилъ его, опустивъ быстро ноги и сразу попавъ ими въ обѣ туфли».—«Я самъ сейчас хотѣлъ встать»,—сказалъ онъ, зѣвая».—«Знаю я, какъ ты встаешь: ты бы тутъ до обѣда провалялся. Эй, Захаръ! Гдѣ ты тамъ, старый дуракъ? Давай скорѣй одѣваться барину». Т., несмотря на школу отца [Т. учился года три у священника «по латыни» и приготавливался отцомъ къ хожденію по дѣламъ], какъ «двадцать пять лѣтъ назадъ» опредѣлился въ какую-то канцелярію писцомъ, такъ въ этой должности и дожилъ до сѣдыхъ волосъ». «Въ петербургской службѣ ему нечего было дѣлать съ своею латынью и съ тонкой теоріей

вершать по своему произволу правыя и неправыя дѣла; а между тѣмъ онъ посылъ и сознавалъ въ себѣ дремлющую силу, запертую въ немъ враждебными обстоятельствами навсегда, безъ надежды на проявленіе, какъ бывали запираемы, по сказкамъ, въ тѣсныхъ заколдованныхъ стѣнахъ духи зла, лишенные силы вредить. Можетъ-быть, отъ этого сознанія бесполезной силы въ себѣ, Т. былъ грубъ въ обращеніи, недоброжелателенъ, постоянно сердитъ и бранчивъ». — «Дай-ка мнѣ твое имѣнье,—говорилъ Т. Обломову,—такъ обо мнѣ бы услышали въ народѣ!». «Онъ съ горечью и презрѣніемъ смотрѣлъ на свои настоящія занятія: на переписыванье бумагъ, на подшиванье дѣлъ и т. п. Ему вдали улыбалась только одна послѣдняя надежда: перейти служить по виннымъ откушамъ». Онъ умѣлъ «прятать концы», но за нимъ все-таки числилось какое-то «дѣло», и Т., «всю жизнь» выскабливалъ «его своими боками». Т. признался Обломову, что ему «нельзя» «въ палату идти»: «враги есть, злобствуютъ на меня, ковы строятъ, какъ бы погубить». Изъ него не выработался «дѣлецъ и крючкотворецъ»; но «теорія дѣятельности и жизни, теорія взятокъ и лукавства», созданная отцомъ», «примѣнялась» Т. «ко всѣмъ мелочамъ», «вкралась во всѣ его пріятельскія отношенія, за недостаткомъ официальныхъ». «Онъ былъ взятчикъ въ душѣ, по теоріи, ухитрился брать взятки, за немѣнѣемъ дѣлъ и просителей, съ сослуживцевъ, съ пріятелей, Богъ знаетъ какъ и за что—заставлялъ, гдѣ и кого только могъ, то хитростью, то назойливостью, угощать себя». Узнавъ «на кухнѣ», что у Ильи Ильича готовится къ обѣду «телятина и говядина, остался недоволенъ». Потребовалъ купить мадеры «изъ англійскаго погреба»; давъ совѣтъ Обломову (перехватъ «къ кумѣ», на Выборскую), спросилъ шампанскаго.—«Шампанское будетъ?».—«Что я, даромъ-то стану совѣтовать!»—сказалъ онъ. Когда же Обломовъ обратился къ нему съ просьбой научить, что ему дѣлать со старостой, Т. сначала велѣлъ «прибавить еще и портеру къ обѣду». — «Признайся, есть за что и угостить,—говорилъ Т. Мухоярову:—домъ бы сгнилъ, а этакого жильца не дождался». Пріѣхавъ къ Ильѣ Ильичу на дачу, Т. потребовалъ, чтобы Обломовъ заплатилъ «три цѣлковыхъ за извозчика». — «Гдѣ же твой извозчикъ? И за что три цѣлковыхъ?».— «Я отпустилъ его. Какъ за что? И то не хотѣлъ везти: «по песку-то?» говоритъ. Да отсюда три цѣлковыхъ—вотъ двадцать два рубля!» Обломовъ «досталъ ему четыре цѣлковыхъ». Т. спряталъ ихъ въ карманъ». — «Семь рублей ассигнаціями за тобой,—прибавилъ онъ.—Да дай на обѣдъ!».— «На какой обѣдъ?».— «Я теперь въ городъ не поспѣю: на дорогѣ въ трактирѣ придется; тутъ все дорого: рублей пять сдерутъ! Обломовъ молча вынулъ цѣлковый и бросилъ ему». — «Вели же мнѣ дать чего-нибудь закусить,—сказалъ онъ». — «Вѣдь ты хотѣлъ въ трактирѣ обѣдать?—замѣтилъ Обломовъ». — «Это обѣдать! А теперь всего второй часъ». Разсердившись на Обломова, сказалъ:—«А! Ты попрекаешь меня! Такъ чортъ съ тобой, и съ твоимъ портеромъ и шампанскимъ! На, вотъ, возьми свои деньги... Куда бишь я ихъ положилъ? Вотъ со всѣмъ забылъ, куда сунулъ, проклятыя!». «Онъ вынулъ какую-то замасленную бумажку». — «Нѣтъ, не онѣ!»—говорилъ онъ.—«Куда это я ихъ?.. Онъ шарилъ по карманамъ». Денегъ онъ такъ и не отдалъ. «Пораженный Обломовымъ въ щеку, Т. мгновенно смолкъ». — «Что это? что это—а? Что это! — блѣдный, задыхаясь, говорилъ онъ, держась за щеку.—Безчестье? Ты заплатишь мнѣ за это!» Однако, Т. «требовалъ отъ всѣхъ незаслуженнаго уваженія, былъ придирчивъ». Онъ «смотрѣлъ на все угрюмо, съ полупрезрѣніемъ, съ явнымъ недоброжелательствомъ ко всему окружающему, готовый бранить все и всѣхъ на свѣтѣ, какъ-будто какой-нибудь обиженный несправедливостью, или непризнанный въ какомъ-то достоинствѣ, наконецъ, какъ гонимый судьбою сильный характеръ, /который недобровольно, неумышленно покоряется ей». На жалобу Обломова, что его «съ квартиры гонятъ»:—«Видно, не платишь: и по дѣломъ!»—отвѣтилъ Т. Онъ же самъ никому не платилъ, хотя бралъ, гдѣ только можно.—Взялъ я когда-то у него, ужъ года два будетъ, пять-

десять рублей займы,—разсказываетъ Т. о мшмомъ родственникѣ Алексѣевѣ.— Ну, велики ли деньги пятьдесятъ рублей? Какъ, кажется, не забыть? Нѣтъ, помнитъ: черезъ мѣсяцъ, гдѣ ни встрѣтитъ: «А что-жь должокъ?» говоритъ. Надоѣлъ! Мало того, вчера къ намъ въ департаментъ пришелъ: «Вѣрно вы, говорить, жалованье получили, теперь можете отдать». Даль я ему жалованье: пошелъ при всѣхъ срамить, такъ онъ насиду двери нашель. «Бѣдный человѣкъ, самому надо!» Какъ будто мнѣ не надо! Я что за богачъ, чтобъ ему по пятидесяти рублей отваливать!» У Обломова онъ «взялъ бархатный жилетъ и рубашку голландскую» и они, по выраженію Захара, «пятый мѣсяцъ гостять у Т.»—«А что, Михей Андреичъ, когда принесете барскую рубашку да жилетъ?..»— мрачно спросилъ Захаръ.—«Какой тебѣ рубашки да жилета?—отговаривался Тарантьевъ:—Давно отдалъ».—«Когда это?»—спросилъ Захаръ.—«Да не тебѣ ли въ руки отдалъ, какъ вы переѣзжали? А ты куда-то сунуль въ узелъ, да спрашиваешь еще...» Просилъ у Обломова дать надѣтъ па свадьбу его фракъ. На замѣчаніе Ильи Ильича, что фракъ ему будетъ «не впору», отвѣтилъ:—«Впору; вотъ не впору?»—перебилъ Т.—А помнишь, я примѣривалъ твой сюртукъ: какъ на меня сшить!» и крикнулъ Захара. Въ другой разъ, увидя «шляпу Обломова, стоящую на этажеркѣ», сказалъ:—«Ты не носишь шляпу, вонъ у тебя фуражка дай-ка братъ, на лѣто» и, «взявъ шляпу Обломова», примѣривалъ ее. Съ «кума»-Мухоярова онъ получилъ пятьдесятъ рублей [за переѣздъ Обломова въ домъ Пшеницыной] и говорилъ:—«Да, ты скупъ, кумъ: съ тобой надо торговаться: пятьдесятъ рублей за такого жильца!». Онъ завидовалъ Мухоярову, у котораго—«источникъ есть вѣрный, черпай только, не уставай!» (взятки).—«...Тотъ цѣлковый, тотъ два—смотришь, въ день рублей семь и спряталъ. Ни привязки, ни придирки, ни пятець, ни дыму. А подъ большимъ дѣломъ подпишешь иной разъ имя, такъ послѣ и всю жизнь и выскабливаешь боками». «Въ кругу своихъ знакомыхъ игралъ роль большой сторожевой собаки, которая лаетъ на всѣхъ, не даетъ никому пошевелиться, но которая, въ то же время, непременно схватить на лету кусокъ мяса, откуда и куда бы онъ ни летѣлъ».

Т. «былъ человѣкъ ума бойкаго и хитраго; никто лучше его не разсудить какого-нибудь общаго житейскаго вопроса, или юридическаго запутаннаго дѣла: онъ сейчасъ построить теорію дѣйствій въ томъ или другомъ случаѣ и очень тонко подведетъ доказательства». Онъ былъ «мастеръ» говорить, но только говорить»; «на словахъ онъ рѣшалъ все ясно и легко, особенно, что касалось другихъ; но какъ только нужно было двинуть пальцемъ, тронуться съ мѣста—словомъ, примѣнить имъ же созданную теорію къ дѣлу и дать ему практическій ходъ, оказать распорядительность, быстроту—онъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ: тутъ его не хватало—ему вдругъ и тяжело дѣлалось, и нездоровилось, то неловко, то другое дѣло случится, за которое онъ тоже не приметя, а если и приметя, такъ не дай Богъ, что выйдетъ. Точно ребенокъ: тамъ не доглядитъ, тутъ не знаетъ какихъ-нибудь пустяковъ, тамъ опоздаетъ, и кончатъ тѣмъ, что броситъ дѣло на половинѣ, или приметя за него съ конца и такъ все изгадитъ, что и поправитъ никакъ нельзя, да еще онъ же потомъ и браниться станеть».—«А чортъ съ нимъ!»—сказалъ Т. объ Обломовѣ, въ то время, какъ Мухояровъ придумывалъ новое «законное дѣло». «Кто съ нимъ посоветуется, тому Т. «въ заключеніи почти всегда нагрубить».—«Что я за совѣтникъ тебѣ достался? Напрасно ты воображаешь...»—отвѣтилъ онъ Обломову, на просьбу научить, что дѣлать». Когда на его совѣтъ—переѣхать на Выборгскую—Обломовъ отвѣтилъ отказомъ, Т. заявилъ:—«А я вотъ посмотрю, какъ ты не переѣдешь. Нѣтъ ужъ, коли спросилъ совѣта, такъ слушайся, что говорятъ».—«Вотъ какъ поступи, а то ничего не смыслишь!». Онъ такъ «натурально» разсказывалъ Обломову о томъ, что произойдетъ, когда губернаторъ получитъ просьбу Ильи Ильича, что Обломовъ попросилъ Т. довершить благодѣяніе и написать въ деревню.—«Э! Какія выдумки!—чтобъ я писать

сталъ! Я и въ должности третій день не пишу: какъ сяду, такъ слеза изъ лѣваго глаза и начнетъ бить; видно, надуло, да и голова затекаетъ, какъ нагнусь...» На предложеніе Обломова съѣздить въ Обломовку, Т. обидѣлся:—«Я управитель, что ли, твой?» Когда Обломовъ заявилъ, что онъ не позволитъ дерзости по отношенію къ Штольцу, «Т. побагровѣлъ отъ злости».—«А! если ты меня мѣняешь на нѣмца—сказалъ онъ:—такъ я къ тебѣ больше ни ногой». На просьбу Обломова сходить въ палату, чтобы засвидѣтельствовать довѣренность:—«Что я тебѣ за ходатай достался?—отозвался Т.»—«Я тебѣ прибавлю на обѣдъ,—сказалъ Обломовъ.»—«Туда сапогъ больше избыешь, чѣмъ ты прибавишь».

По убѣжденію Т., «всѣ мошенники натурально пишутъ». Однако, тотъ-же Т. совѣтовалъ Обломову писать «натурально» къ губернскимъ властямъ и жаловаться на старосту, прося его превосходительство «принять отеческое участіе» и взглянуть «окомъ милосердія на неминуемое, угрожающее» (Обломову) ужаснѣйшее несчастіе, происходящее отъ буйственныхъ поступковъ старосты», причѣмъ упомянуть о томъ «крайнемъ раззореніи, которому долженъ подвергнуться» Обломовъ, съ женой и малолѣтними, остающимися безъ всякаго призрѣнія и куска хлѣба, двѣнадцатую человѣками дѣтей».—«Справокъ наводитъ не стануть, зато будетъ «натурально...»—прибавилъ Т., и посовѣтовалъ одновременно отправить письмо и къ губернаторскому секретарю, «разумѣется, со вложеніемъ», и ящикъ съ сигарами сосѣду-помѣщику. Онъ же совѣтовалъ Мухоярову, какъ прибрать побольше Обломовскихъ денегъ:—«Ты выведи, какіе-нибудь счеты, какіе хочешь, за дрова, за капусту, ну, за 'что хочешь, благо Обломовъ теперь передалъ кумѣ хозяйство, и покажи сумму въ расходъ. А Затертый, какъ пріѣдетъ, скажемъ, что привезъ оброчныхъ денегъ столько-то и что въ расходъ ушли».—«А какъ онъ возьметъ счеты, да покажетъ послѣ нѣмцу, тотъ сосчитаетъ, такъ, пожалуй, того...»—«Во-на! Онъ ихъ сунетъ куда-нибудь и самъ чортъ не сыщетъ. Когда-то еще нѣмецъ пріѣдетъ, до тѣхъ поръ забудется...». На опасенія Мухоярова возразилъ:—«Трусливъ ты сталъ, кумъ!»—«Погорачится нѣмецъ, покричитъ, и будетъ съ него. А то еще дѣло!» Но при появленіи Штольда въ домѣ Обломова, Т. «первый проворно переправился за плетень и шагнулъ въ огородъ. Обломовъ такъ и не могъ дозваться къ обѣду Т. Но онъ сразу не понялъ, «какой могарычъ будетъ» изъ «законнаго дѣла» Мухоярова (заемнаго письма Обломова на имя Пшеницной) и лишь, послѣ объясненія послѣдняго, пришелъ въ восторгъ.—«А контрактъ-то, контрактъ-то каковъ заключили?—хвастался Т.—Мастеръ ты, братъ, строчить бумаги, Иванъ Матвѣвичъ, ѡ-Богу мастеръ! Вспомнишь покойника отца!» не читалъ, такъ и подмахнулъ! А тамъ и огороды, и конюшни, и амбары». [Т. же въ самый переѣздъ Ильи Ильича на дачу далъ ему подписать, заготовленный Мухояровымъ, контрактъ насчетъ квартиры въ домѣ Пшеницной, и «Обломовъ подписалъ, не читая»].—«Законное дѣло!»—въ восторгѣ сказалъ Т., узнавъ о проектѣ Мухоярова заготовить «заемное письмо» на имя Пшеницной и дать его подписать Обломову.—Онъ же согласился «сгѣдить» за Обломовымъ и Атафѣей Матвѣвной, и за триста рублей, полученныхъ отъ Мухоярова, былъ свидѣтелемъ «у маклера» «законнаго дѣла» Мухоярова съ Обломовымъ.

«Синонимами мошенника, обманщика, хитреца или разбойника» были въ глазахъ Т. всѣ иностранцы: «французъ, нѣмецъ, англичанинъ». Т. питалъ какое-то инстинктивное отвращеніе къ иностранцамъ. «Уважать нѣмца (Штольда)?—съ величайшимъ презрѣніемъ сказалъ Т.—За что это?». Недаромъ мой отецъ совѣтовалъ беречься этихъ нѣмцевъ, а ужъ онъ ли не зналъ всякихъ людей на своемъ вѣку,—говорилъ Т. Онъ приводилъ въ примѣръ «Ивана Матвѣвича», который «золотой человѣкъ, не чета какому-нибудь выскочкѣ-нѣмцу!».—«Коренной, русскій служака, тридцать лѣтъ на одномъ стулѣ сидитъ, всѣмъ присутствіемъ вертитъ, и деньжонки есть, а извозчика не найметъ;

фракъ не лучше моего; самъ тише воды, ниже травы, говорить чуть слышно». По мнѣнію Т., «настоящій «хорошій русскій человекъ» «выберетъ что-нибудь одно, да и то еще не спѣша, потихоньку да полегоньку, кое-какъ». Онъ негодовалъ, что Штольцъ шатается по чужимъ землямъ»:—«Нечисто! Я бы подь судъ этакихъ»,—говорилъ Т.; услыша отъ Обломова, что Штольцъ «учиться хочетъ, все видѣть, знать, Т. сказалъ:—«Учитесь! Мало еще учили его? Чему это? Вретъ онъ, не вѣрь ему: онъ тебя въ глаза обманываетъ, какъ малаго ребенка. Развѣ большіе учатся чему-нибудь? Слышите, что рассказываетъ? Станетъ надворный совѣтникъ учиться! Вотъ ты учился въ школѣ, а развѣ теперь учишься? А онъ развѣ (Т. указалъ на Алексѣева) учится? А родственникъ его учится? Кто изъ добрыхъ людей учится? Что онъ тамъ, въ нѣмецкой школѣ, что ли, сидитъ, да уроки учитъ? Вретъ онъ! Я слышалъ, онъ какую-то машину поѣхалъ смотрѣть да заказывать: видно, тиски-то для русскихъ денегъ! Я бы его въ острогъ... Акціи какія-то... Охъ, эти мнѣ акціи, такъ душу и мутятъ!». Акціи онъ считалъ «нѣмецкой выдумкой». По объясненію Т., «это, напримѣръ, мошенникъ какой-нибудь выдумаетъ дѣлать несоразмерные дома и возьмется городъ построить: нужны деньги, онъ и пустить въ продажу бумажки, положимъ, по пятисотъ рублей, а толпа олуховъ и покупаетъ, да и перепродаетъ другъ другу. Послышится, что предпріятіе идетъ хорошо, бумажки вздорожаютъ, худо—все и лопнетъ. У тебя останутся бумажки, а денегъ-то нѣтъ. Гдѣ городъ? спросишь: сторѣлъ, говорятъ, не достроился, а изобрѣтатель бѣжалъ съ твоими деньгами. Вотъ онъ, акціи-то!» Когда онъ узналъ, что Штольцъ взялъ на аренду Обломовку, Т. воскликнулъ «съ яростью», обращаясь къ Мухоярову:—«Нѣтъ, каковъ шельма! «Дай, говоришь, мнѣ на аренду»,—вѣдь намъ съ тобой, русскимъ людямъ, этого въ голову бы не пришло! Это заведеніе-то нѣмецкой стороной пахнетъ. Тамъ все какія-то фермы, да аренды».

«Никогда не стѣснялся онъ ни чѣмъ присутствіемъ и въ карманъ за словомъ не ходилъ, и вообще постоянно былъ грубъ въ обращеніи со всѣми, не исключая и пріятелей, какъ будто давалъ чувствовать, что, заговаривая съ человѣкомъ, даже обѣдая или ужиная у него, онъ дѣлаетъ ему большую честь». —«Дай-ка, землякъ, сигару»,—сказалъ Т. Обломову.—«Э! Да это все! тѣ же?—строго спросилъ Т., вынувъ сигару и поглядывая на Обломова.—«Да, тѣ же,—отвѣчалъ Обломовъ машинально.—«А я говорилъ тебѣ, чтобы ты купилъ другихъ, заграничныхъ? Вотъ какъ ты помнишь, что тебѣ говорятъ! Смотри же, чтобы къ слѣдующей субботѣ непременно были, а то долго не приду. Вишь, вѣдь, какая дрянь!—продолжалъ онъ, закуривъ сигару и пустивъ одно облако дыма на воздухъ, а другое втянувъ въ себя.—«Курить нельзя». Объяснилъ Обломову, что онъ нарочно раньше пришелъ, «чтобы узнать, какой обѣдъ будетъ».—«Ты все дрянью кормишь меня».—«Дайте-ка табаку!»—сказалъ онъ Алексѣеву.—«Да у васъ простой, не французскій. Такъ и есть!»—сказалъ онъ, понюхавъ:—«отчего не французскій?». Обломова Т. корилъ:—«Эхъ, братъ Обломовъ, не умѣешь ты жить, а еще помѣщикъ! Какой ты баринъ? По-мѣщански живешь; не умѣешь угостить пріятеля».—«Я бы, на твоёмъ мѣстѣ, «давнымъ-давно заложилъ имѣніе, да купилъ бы другое, или домъ здѣсь, на хорошемъ мѣстѣ: это стоитъ твоей деревни. А тамъ заложилъ бы и домъ, да кушилъ бы другой...» Мухоярову Т. хвастался, что «доселѣ онъ благодѣтельствовалъ Обломову».—«Вѣдь безъ меня, братецъ ты мой, онъ бы съ голоду умеръ, или въ тюрьму попалъ. Надзиратель придетъ, хозяинъ домовой что-нибудь спроситъ, такъ, вѣдь, ни въ зубъ толкнуть—все я! Ничего не смыслить...» Онъ называлъ Илью Ильича «мѣшкомъ», «соломою», «пропащимъ человѣкомъ», но ходилъ къ нему «пить, ѣсть, курить хорошія сигары». Алексѣева выбранилъ за какого-то родственника, причѣмъ досталось и самому Алексѣеву:—«Еще этакой свиньи я не видывалъ, какъ вашъ родственникъ»,—сказалъ Т. Когда же Алексѣевъ началъ доказывать, что у него нѣтъ родственника, заявилъ:—«Вотъ,

еще не родственникъ! Такой же, какъ вы, невзрачный и зовуть тоже Васильемъ Николаичемъ. (Алексѣева звали Иваномъ Алексѣевичемъ и онъ также, какъ Т., былъ постояннымъ посѣтителемъ Обломова). Захара Т. называетъ «старымъ псомъ», «старой скотиной», «старой шельмой» и «старымъ чортомъ»; онъ норовилъ ударить Захара.—«Чай, пропиль, да еще спрашиваешь!»—отвѣчалъ онъ на пристававшя Захара отдать взятыя у Обломова вещи. Но молчалъ, когда тотъ-же Захаръ за обѣдомъ ему все не подавалъ, или сваливалъ на тарелку кушанья, сколько заблагоразсудится». Своей грубостью онъ вывелъ изъ терпѣнья даже Илью Ильича (отзывомъ о Штольца).—«Тарантьевъ!—крикнулъ Обломовъ, стукнувъ по столу кулакомъ:—Молчи, чего не понимаешь!». «Т. выпучилъ глаза на эту, никогда небывалую, выходку Обломова, и даже забылъ обидѣться тѣмъ, что его поставили ниже Штольца».—«Вотъ какъ ты нынче, братъ...—бормоталъ онъ, взявъ шляпу:—какая приты!» Когда выведенный изъ себя Обломовъ далъ Т. оплеуху и выгналъ его изъ дому, Т. завонилъ:—«Батюшки! Разбой! Помогите!»—«Разбойники, душегубцы!»—кричалъ онъ, идучи по двору:—«Залатаешь мнѣ за безчестье!»

Татьяна Марковна Бережнова («Обрывъ»).—«Помѣщица». «Дворянка столбовая». Въ первый прїѣздъ Райскаго (студентомъ), Т. М. было «красавица». «Высокая, не полная и не сухощавая, но живая старушка... даже не старушка, а лѣтъ около пятидесяти женщина, съ черными, живыми глазами и такой доброй и граціозной улыбкой, что, когда и разсердится и засверкаетъ гроза въ глазахъ, такъ за этой грозой опять видно чистое небо». «Надъ губами маленькіе усики; на лѣвой щекѣ, ближе къ подбородку, родимое пятно съ густымъ кустикомъ волосъ. Это придавало лицу ея еще какой-то штрихъ доброты». «Она стригла сѣдые волосы и ходила дома, по двору и по саду съ открытой головой, а въ праздникъ и при гостяхъ надѣвала чепецъ; но чепецъ держался чуть-чуть на маковкѣ, не шель ей и какъ будто готовъ былъ каждую минуту слетѣть съ головы. Она и сама, просидѣвъ пять минутъ съ гостемъ, извинится и сниметъ». «До полудня она ходила въ широкой бѣлой блузѣ, съ поясомъ и большими карманами, а послѣ полудня надѣвала коричневое, по большимъ праздникамъ свѣтлое, точно серебряное, едва гнувшееся и шумящее платье, а на плечи накидывала старинную шаль, которая выпималась и выкладывалась одной только Василисой».—«Дядя Иванъ Кузьмичъ съ Востока вывезъ, триста червонныхъ заплатилъ: теперь этакой ни за какія деньги не отыщешь!»—хвасталась она. «На поясѣ и въ карманахъ висѣло и лежало множество ключей, такъ что бабушку, какъ гремучую змѣю, можно было слышать издали, когда она идетъ по двору или по саду». «Накинувъ пгаль и задумавшись, она походила на одинъ старый женскій портретъ, бывшій въ старомъ домѣ въ галлерей предковъ». «Иногда вдругъ появлялось въ ней что-то сильное, властное, гордое: она выпрямлялась, лицо озарялось какою-то внезапную строгою или важною мыслію, какъ будто уносившею ее далеко отъ этой мелкой жизни, въ какую-то другую жизнь». «Сидя одна, она иногда улыбалась такъ граціозно и мечтательно, что походила на беззаботную, богатую, избалованную барыню. Или когда, подперевъ бокъ рукою или сложивъ руки крестомъ на груди, смотритъ на Волгу и забудетъ о хозяйствѣ, то въ лицѣ носится что-то грустное». Черезъ 14-ть лѣтъ, когда Райскій прїѣхалъ снова навѣстить ее, «она, хотя постарѣла, но постарѣла ровною, здоровою старостью: ни болѣзненныхъ пятенъ, ни глубокихъ нависшихъ надъ глазами и ртомъ морщинъ, ни тусклаго, скорбнаго взгляда!». «Видно, что ей живется крѣпко, хорошо, что она, если и борется, то не даетъ одолѣвать себя жизни, а сама одолѣваетъ жизнь и тратитъ силы въ этой борьбѣ скупю». «Голось у ней не такъ звопокъ, какъ прежде, да ходитъ она теперь съ тростью, но не горбится, не жалуется на недуги. Такъ же она безъ чепца, такъ же острижена коротко, и тотъ же блестящій здоровьемъ и добротой взглядъ озаряетъ все лицо, не только лицо, всю ея фигуру».

Т. М., по воспитанію, была стараго вѣка и разваливаться не любила, а держала себя прямо, съ свободной простотой, но и съ сдержаннымъ приличіемъ въ манерахъ», «со сдержаннымъ достоинствомъ барыни», «и ногъ подь себя, какъ дѣлають нынѣшнія барыни, не поджимала».—«Это стыдно женщинѣ,—говорила она.—Въ кабинетѣ Т. М. стояло старинное», «окованное бронзой и украшенное рѣзбой, бюро съ зеркаломъ, съ урнами, съ лирами, съ геніями». «Т. М. «завѣсила зеркало»:—«Мѣшаетъ писать, когда видишь свою рожу напротивъ,—говорила она». «Еще тамъ былъ круглый столъ, на которомъ она обѣдала, пила чай и кофе, да довольно жесткое, обитое кожей, старинное же кресло, съ высокой спинкой рококо». Въ юности Т. М. была «живой, очень красивою, стройною, немного чопорною дѣвушкой». По городскимъ рассказамъ, «Тить Никоничъ», «пріѣхавшій» тогда «въ городъ», «любилъ Т. М., а она его»; «а за нее сватался покойный графъ, Сергій Ивановичъ». «Въ одну ночь графъ подстерегъ rendez-vous Т. М. съ Ватутинымъ въ оранжереѣ, очень «рѣшительное»,—какъ выражалась Крицкая. «Графъ далъ пощечину Титу Никоничу». Тотъ «не вынесъ, сбиль съ ногъ графа... и чуть не зарѣзалъ его»: «Т. М. остановила его за руку:—«Ты, говорить, дворянинъ, а не разбойникъ—у тебя есть пшлага!»—и развела ихъ. Драться было нельзя, чтобы не огласить ее. Соперники дали другъ другу слово: графъ—молчать обо всемъ, а Ватутинъ—«не жениться»... Вотъ отчего Т. М. осталась въ дѣвушкахъ».—У Т. М. «былъ свой капиталъ, выдѣленный ей изъ семьи, «тысячъ полтораста», своя родовая деревенька». Но, послѣ смерти отца и матери Райскаго,—ея племянника и племянницы»,—она поселилась въ «маленькомъ имѣніицѣ» Райскаго—«Малиновкѣ»—«съ двумя двоюродными внуками-сиротами, оставленными ей двоюродной племянницей», которую Т. М. «любила, какъ дочь». «Въ столицѣ» Т. М. «никогда не жила». Она не можетъ совершенно понять, какъ Райскій не заботится объ имѣніи, считаетъ его «клочкомъ» земли и т. д. Она думала, что Райскій навсегда поселится въ своей Малиновкѣ. Иначе—«зачѣмъ онъ пріѣхалъ?»—Она сама называла себя въ шутку его «старостой».—«Позови людей»,—приказываетъ она Василисѣ, по пріѣздѣ Райскаго:—«Старость скажи, всѣмъ, всѣмъ: хозяинъ, молъ, пріѣхалъ, настоящій хозяинъ, баринъ!»—«Милости просимъ, батюшка! милости просимъ въ родовое гнѣздо!»—съ шутливо-ироническимъ смиреніемъ говорила она, поддѣлываясь подъ мужицкій ладъ.—«Не оставьте насъ своей милостью: Татьяна Марковна насъ обижаетъ, разоряетъ, заступитесь!.. Ха-ха-ха.—На тебѣ ключи, на вотъ счеты, изволь командовать, требуй отчета отъ старухи: куда все растранижила, отчего избы развалились?.. Поди-ка, въ городъ все малиновскіе мужики подь окошками побиралются... «Да чтѣ жъ ты, хозяинъ, молчишь? Чтѣ не спрашиваешь отчета?»». «Въ большой шнуровой книгѣ» у нея «отмѣчена всякая копѣйка» внука. Она аккуратно посылала ему «счеты», «вѣдомости», «реестры». Узнавъ, что Райскій не читалъ ихъ, Т. М. «вспылила»:—«Я тутъ тружусь, сижу иногда за полночь, пишу, считаю каждую копѣйку, а онъ рвалъ».—«Полно тебѣ: ти, ти, ля, ля, ля!»—передразнила она его.—«Хочешь смотрѣть и принимать имѣніе?»—«Ты этакъ не думаешь ли, что я твоими деньгами пользовалась? Смотри, вотъ тутъ, отмѣчена всякая копѣйка».—Когда же Т. М. услышала, что Райскій хочетъ «уступить все милымъ сестрамъ» «въ приданое», она «сильно расходилась».—«Не бывать этому!»—пылко воскликнула Бережкова:—«онѣ не нищія, у нихъ по пятидесяти тысячъ у каждой. Да послѣ бабушки втрое, а, можетъ-быть, и побольше останется: это все имъ! Не бывать, не бывать! И бабушка твоя, слава Богу, не нищая! У ней найдется уголь, есть и клочокъ земли, и крышка, гдѣ спрятаться! Богачъ какой, гордецъ, въ даръ жалуетъ! Не хотимъ, не хотимъ! Марейника! Гдѣ ты? Иди сюда! Вотъ слышишь: братецъ тебѣ жаловать изволить домъ и серебро, и кружева. Ты вѣдь безприданница, нищенка! Присѣдай же ниже, благодари благодѣтеля, поцѣлуй у него ручку. Чтѣ же ты?»—«Не бери!»—повелительно сказала Т. М.—«Скажи: не

хочу, не надо, мы не нищія, у насъ у самихъ есть имѣніе». Марейнька, однако, «потихоньку» приняла «подарокъ» отъ Райскаго.—«Ну, вотъ, и кончено,—громко и весело сказалъ Райскій:—милая сестра! ты не гордая, не въ бабушку!»

—«Что кончено?—вдругъ спросила бабушка.—Ты приняла?» Кто тебѣ позволилъ? Коли у самой стыда нѣтъ, такъ бабушка не допуститъ на чужой счетъ жить. Извольте, Борисъ Павловичъ, принять книги, счета, реестры и всѣ крѣпости на имѣніе. Я вамъ не приказчица досталась». «Она выложила передъ нимъ бумаги и книги».—«Вотъ чотыреста-шестьдесятъ-три рубля денегъ—это ваши. Въ мартѣ мужики принесли за хлѣбъ. Тутъ по счетамъ увидите, сколько внесено въ приказъ, сколько отдано за постройку и починку службъ, за новый заборъ, жалованье Савелью—все есть».—«Бабушка!»—«Бабушки нѣтъ, а есть Татьяна Марковна Бережкова». Т. М-нѣ и въ голову никогда не приходило устранить отъ себя управленіе имѣніемъ и не хотѣла она этого. Она-бъ не знала, чтò дѣлать съ собой. Она хотѣла только поугагать Райскаго—и вдругъ онъ принялъ это серьезно». Сталъ говорить, что «отдастъ все въ чужія руки» или «на школы», «отпуститъ на волю крестьянъ» и т. п.—«Пожалуй, чего добраго? Отъ него станется, вонъ онъ какой!»—«думала Т. М. «въ страхѣ».—«Такъ и быть,—сказала она:—я буду управлять, пока силы есть. А то, пожалуй, дядюшка такъ управитъ, что подъ опеку попадешь».—«Она управляла имѣніемъ Райскаго, «какъ маленькимъ царствомъ, мудро, экономично, кропотливо, но деспотически и на феодалныхъ началахъ. Опекуну она не давала сунуть носа въ ея дѣла и, не признавая никакихъ документовъ, бумагъ, записей и актовъ, поддерживала порядокъ, бывшій при послѣднихъ владѣльцахъ, и отсылалась въ отвѣтъ на письма опекуна, что всѣ акты, записи и документы записаны у ней на совѣсти, и она отдастъ отчетъ внуку, когда онъ вырастетъ, а до тѣхъ поръ, по словесному завѣщанію отца и матери его, она полная хозяйка». Она «любила говорить, что безъ нея ничего не сдѣлается»; «напримѣръ, веревку могъ купить всякій. «Но Боже сохрани, чтобъ она повѣрила кому-нибудь деньги». «Хотя она была не скупа, но обращалась съ деньгами съ бережливостью; передъ издержкой задумывалась, была безпокойна, даже сердита немного; но, выдавъ разъ деньги, тотчасъ же забывала о нихъ, и даже не любила записывать; а если записывала, такъ только для того, по ея словамъ, чтобъ потомъ не забыть, куда деньги дѣла, и не испугаться. Пуще всего она не любила платить вдругъ много, большіе куши». Она была «хлопотлива, любила повелѣвать, распоряжаться, дѣйствовать, ей нужна была роль. Она вѣкъ свой дѣлала дѣло, и если не было, такъ выдумывала». «Кромѣ крупныхъ распоряженій, у ней жизнь кишила маленькими заботами и дѣлами. То она заставитъ дѣвокъ кроить, шить, то чинить что-нибудь, то варить, чистить. «Дѣлать все самой» она называла смотреѣть, чтобъ все при ней дѣлали». «Она собственно не дотронется ни до чего, а старчески-граціозно подопретъ одной рукой бокъ, а пальцемъ другой повелительно указываетъ, чтò какъ сдѣлать, куда поставить, убрать». День Т. М. обычно проходилъ такъ: «распорядившись утромъ по хозяйству», она «послѣ кофе, стоя, сводила у бюро счета, потомъ садилась у оконъ и глядѣла въ поле, слѣдила за работами, смотреѣла, чтò дѣлалось на дворѣ, и посылала Якова или Василису, если на дворѣ дѣлалось что-нибудь не такъ, какъ ей хотѣлось». «Потомъ, если нужно, ѣхала въ ряды и заѣзжала съ визитами въ городъ, но никогда не засиживалась, а только взглянетъ минутъ на пять и сейчасъ къ другому, къ третьему, и къ обѣду домой». «Не то, такъ принимала сама визиты, любила пуще всего угощать завтраками и обѣдами гостей». «Послѣ обѣда», Т. М., зимой, сидя у камина, часто задумчиво молчала, когда была одна. Она сидѣла безпечной барыней, въ красивой позѣ, съ сосредоточенной будто бы мыслью или какимъ-то глубокимъ воспоминаніемъ, и—любила тогда около себя тишину, оставаясь долго въ сумеркахъ одна. Лѣто проводила въ огородѣ и саду: здѣсь она позволяла себѣ, надѣвъ замшевыя перчатки, брать лопатку, или грабельки, или лейку въ руки,

и, для здоровья, вскопаетъ грядку, польетъ цвѣты, обчиститъ какой-нибудь кустъ отъ гусеницы, сниметъ паутину съ смородины и, усталая, кончитъ вечеръ за чаемъ, въ обществѣ Тита Никоныча Ватутина, ея стариннаго и лучшаго друга, собесѣдника и совѣтника».

Всѣ въ городѣ «уважали Т. М.». Она знала и «любила» это. «Любила, чтобъ къ ней губернаторъ изрѣдка заѣхалъ съ визитомъ, чтобы прїѣзжее изъ Петербурга важное или замѣчательное лицо непременно побывало у ней, и вице-губернаторша подошла, а не она къ ней, послѣ обѣдни въ церкви поздороваться, чтобъ, когда ѣдетъ по городу, ни одинъ встрѣчный не проѣхалъ и не прошелъ, не поклонясь ей, чтобы купцы засуетились и бросили прочихъ покупателей, когда она явится въ лавку, чтобъ никогда никто не сказалъ о ней дурного слова, чтобы дома всѣ ее слушались». «Любила она, чтобы всякій день кто-нибудь завернулъ къ ней, а въ имянины ея всѣ, начиная съ архіерея, губернатора и до послѣдняго повытчика въ палатѣ, чтобы три дня городъ поминалъ ея роскошныя завтраки, нужды нѣтъ, что ни губернаторъ, ни повытчики не пользовались ея искреннимъ расположеніемъ. Но если бы не пришелъ въ этотъ день м-г Шарль, котораго она терпѣть не могла, или Полина Карповна, она бы искренно обидѣлась». «Въ этотъ день она, по всей вѣроятности, втайнѣ желала, чтобы зашелъ на пирогъ даже Маркушка». Т. М. «добрая, гостепріимная хозяйка». Она «еще ни одного человѣка не выпустила отъ себя», «не напицкавъ его чѣмъ-нибудь во всякую пору, утромъ и вечеромъ». У нея въ домѣ «навѣрное можно накормитъ роту солдатъ». — «Ахъ, бабушка, какъ мнѣ всего хочется!—говорила Вѣра, ласкаясь, какъ кошка, около бабушки:—и чаю, и супу, и жаркого, и вина. И Ивану Ивановичу тоже. Скорѣе, милая бабушка». «Она знала, чѣмъ бабушку успокоить». — «Ты, не шутя, ужинать будешь?»—спросила Т. М., смягчаясь, Райскаго, на котораго была «сердита». — «Т. М., я не успѣлъ нынче позавтракать, нѣтъ-ли чего?»—«вдругъ попросилъ» Викентьевъ во время «сватовства», желая отвратить «грозу». — «Видите, какой хитрый!»—сказала Бережкова:—«онъ знаетъ мою слабость». Она «очень любила Викентьева, по словамъ Марейники, за то, что онъ «много кушаетъ... что ни дай, все скушаетъ»...—«Приди Маркушка къ вамъ, вы бы и ему наготовили всего»,—говоритъ Райскій. — «Чего не выдумаетъ; Маркушку угощать!»—отвѣтила Т. М. — «Пришелъ бы ко мнѣ объ ту пору: я бы ему дала обѣдъ!»—Но, когда «Маркушка» пришелъ къ Райскому и «поужиналъ» безъ ея вѣдома, Т. М. спрашиваетъ:—«Отчего ты не разбудилъ меня! Кто вамъ подавалъ, что подавали?»—«Все холодное! Какъ же не разбудить меня! Дома есть мясо, цыплята... Ахъ, Борюшка, срамишь ты меня!»—«Мы сыты и такъ». — «А пирожное?»—спохватилась она:—«вѣдь его не осталось! Что же вы ѣли?»—«Ничего: вонъ Маркъ пуншъ сдѣлалъ. Мы сыты». «Сыты! ужинали безъ горячаго, безъ пирожнаго. Я сейчасъ пришлю варенья...» Увидя заснуваго въ комнатѣ Райскаго, Волохова, Т. М. замѣтила:—«Стыдъ, Борисъ Павловичъ, стыдъ: развѣ перинъ нѣтъ въ домѣ?» Черезъ нѣсколько времени пришла Марина и поставила прежде на столъ банку варенья, потомъ втащила пуховикъ и двѣ подушки». Когда Маркъ пришелъ еще разъ:—«Ужъ не Маркушка ли опять?»—съ ужасомъ спросила Т. М. — «Деньги-то не забудь взять съ него назадъ! Да не хочеть-ли онъ трескаться? я бы прислала»... Даже «Опенкина» Т. М. не принимала только тогда, когда ждала «хорошихъ гостей», т. е. людей поважнѣе въ городѣ...—«Нечего дѣлать»,—съ тоской сказала бабушка:—«надо пустить. Чай, голоднехонекъ, бѣдный! Куда онъ теперь въ такую жару потащится? Зато ужъ на цѣлый мѣсяцъ отдѣлаюсь». «Запереть ему совсѣмъ двери было не въ нравахъ провинціи вообще и не въ характерѣ Т. М. въ особенности, какъ ни тяготило ее присутствіе пьянаго въ комнатѣ, его жалобы и вздохи». Когда «Опенкинъ «томилъ Бережкову разказами», «снисходительная старушка не рѣшалась напомнить ему о позднемъ часѣ, ожидая, что онъ» самъ «догадается». Сама Т. М. рѣдко выѣзжала изъ дома, но «въ тор-

жественныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда ѣхала «въ городъ съ визитами», или въ лавки, дѣлать закушки»,—она приказывала «заложить свою старую, высокую карету», «надѣвала чепчикъ, серебристое платье, турецкую шаль, лакею» приказывала «надѣть ливрею». Она ѣздила на парѣ «сытыхъ лошадей, ѣхавшихъ медленной рысью, въ груди у нихъ что-то отдавалось, точно икота. Кучеръ держалъ кнутъ въ кулакѣ, вожжи лежали у него на колѣняхъ, и онъ изрѣдка подергивалъ ими, съ лѣнливымъ любопытствомъ и зѣвотой поглядывая на знакомые предметы по сторонамъ. Въ такихъ случаяхъ «выѣздъ» Т. М. походилъ на «торжественное шествіе» по городу. Не было человѣка, который бы не поклонился ей. Съ иними она останавливалась поговорить». Она знала всякаго встрѣчнаго, знала, гдѣ кто живетъ, и какъ,—все это бѣгло, на ходу». Въ лавкахъ купцы встрѣчали ее съ поклонами и съ улыбкой». Т. М. въ лавкѣ «пересмотрѣла все матеріи, прицѣнилась и къ сыру, и къ карандашамъ, поговорила о цѣнѣ на хлѣбъ и перешла въ другую, потомъ въ третью лавку, наконецъ, проѣхала черезъ базаръ и купила только веревку, чтобъ не вѣшали бабы бѣлыя на дерево, и отдала Прохору».

«Т. М. гордилась своимъ родомъ, предками, всегда чувствовала себя «дворянкой». «Ни съ кѣмъ она такъ охотно не пила кофе», «не говорила секретовъ», какъ съ А. И. Тушиной, «находя въ ней» «больше всего глубокое уваженіе... къ своему роду, къ фамильнымъ преданіямъ».—«Ты кто:—сказала Т. М. Тычкову:—ничтожный приказный, рагувену, и ты смѣешь кричать на женщину, и еще на столбовую дворянку».—Когда Крицкая сказала:—«Ахъ, Т. М., это у насъ по-мѣщански, а въ столицѣ...»,—«глаза» у Т. М. «засверкали».—«Это не мѣщане, Полина Карповна!—съ крѣпкой досадой отвѣтила Т. М., указывая на портреты родителей Райскаго, а также Вѣры и Марѣинки, развѣшанные по стѣнамъ:—И не чиновники изъ палаты,—прибавила она, намекая на покойнаго мужа Крицкой».—«Загляни въ старый домъ, на предковъ: постыдись хоть ихъ»,—говорила она Райскому.—«Не огорчай бабушку»,—говорить Т. М. студенту-Райскому:—«Дай дожить ей до такой радости, чтобъ увидѣть тебя въ гвардейскомъ мундирѣ; молодцомъ приѣзжай сюда...»—«Приказныхъ она вообще не любила:—«Писать согнувшись, купаться въ чернилахъ, бѣгать въ палату; кто потомъ за тебя пойдетъ? Нѣтъ, нѣтъ, приѣзжай офицеромъ, да женись на богатой»,—совѣтовала она Райскому. Богатая невѣста можетъ быть и не дворянка. «Къ намъ изъ Москвы переселился Мамыкинъ, откупщикъ»,—писать она Райскому, 6 лѣтъ спустя:—«у него дочь невѣста, одна, больше дѣтей нѣтъ. Вотъ, если-бъ Богъ благословилъ меня дожидаться такой радости: женить тебя и сдать имѣніе съ рукъ на руки, то я покойно закрыла бы глаза».—По приѣздѣ Райскаго, она говоритъ ему, что въ красотѣ съ Вѣрочкой и Марѣинкой «развѣ Настенька Мамыкина постоитъ: помнишь, я писала, дочь откупщика?» «Она лукаво подмигнула ему».—«Почему вы знаете, что для меня счастье—жениться на дочери какого-то Мамыкина?»—«Она красавица, воспитана въ самомъ дорогомъ пансіонѣ въ Москвѣ. Однихъ брилліантовъ тысячъ на восемьдесятъ... тебѣ полезно жениться... Взять бы богаче приданое, зажил бы большимъ домомъ, у тебя бы весь городъ бывалъ, все бы работѣствовало передъ тобой, поддержалъ бы свой родъ, связи... И въ Петербургѣ не ударилъ бы себя въ грязь...—мечтала почти про себя Т. М.»—«Богъ съ тобой, что ты, Борошка? Долго ли такъ до сумы дойти! Рисовать, писать, имѣніе продать. Не будешь ли по урокамъ бѣгать, школьничковъ учить? Эхъ ты! Изъ офицеровъ вышелъ, вопль теперь въ короткохвостомъ сюртучишкѣ ходишь. Въмѣсто того, чтобъ четверкой въ дормезѣ прокатить, притащился на перекладной, одинъ, безъ лакея, чуть не пѣшкомъ пришелъ. А еще Райскій! Загляни въ старый домъ, на предковъ: постыдись хоть ихъ! Срамъ, Борошка! То ли бы дѣло, съ такими эплетами, какъ у дяди, Сергѣя Ивановича». «Что смѣешься? Я дѣло говорю!»—замѣтила Т. М. «Нажить богатство, выйти въ люди», по мнѣнію Т. М., значить «умѣть жить». Нилъ Андреевъ, по ея сло-

вамъ, «умѣть жить» и вообще «важный», «почтенный» человѣкъ». — «Чѣмъ же онъ почтенный?» — спрашиваетъ Райскій. — «Старый, серьезный человѣкъ, со звѣздой!» — «Что значить «серьезный?» — «Говорить умно, учить жить, не запеть: ти-ти-ти, да та-та-та. Строгий: за дурное осудить! Вотъ что значить серьезный». — «И богатъ. Говорятъ, что въ карманъ у себя онъ тоже казенную палату завелъ, да будто родную племянницу обобралъ и въ сумасшедшій домъ заперъ. Есть грѣхъ, есть грѣхъ...» А все-таки, по мнѣнію Т. М., «человѣкъ онъ (Тычковъ) старый, заслуженный, а главное — серьезный». Т. М. очень заботится о томъ, «что скажутъ люди», «что скажетъ Ниль Андричъ». — «Что скажутъ люди: обѣдалъ у чужихъ», — обижается она на Райскаго: — «лапшу да кашу: какъ будто бабушкѣ нечѣмъ накормить». — «Подари сестрамъ на свадьбу кружева, что-ли: да только, чтобъ никто не зналъ, пуще всего Ниль Андричъ... Надо втихомолку». «Скажутъ» — «обираемъ сироту», и т. д.

«Натура» у Т. М. была «феодалная»: «человѣкъ, лакей, слуга, дѣвка» — все это навсегда, несмотря ни на что, оставалось для нея человѣкомъ, лакеемъ, слугой, дѣвкой». «Различіе между «людьми» и господами никогда и ничто не могло истребить». «Просить бабушка не могла своихъ подчиненныхъ». «Личнымъ приказомъ она удостоивала немногихъ: по домашнему хозяйству Василисѣ отдавала ихъ, а по деревенскому — приказчику или старостѣ. Кромѣ Василисы, никого она не называла полнымъ именемъ, развѣ уже встрѣтится такое имя, что его никакъ не сожмешь и не обрѣжешь; напримѣръ, мужики: Ѳерапонтъ и Пантелеймонъ такъ и назывались Ѳерапонтомъ и Пантелеймономъ, да старосту звала она Степанъ Васильевъ, а прочіе всѣ были: Матрѣшка, Машутка, Егорка и т. д. «Она была въ мѣру строга, въ мѣру снисходительна, человѣколюбива, но все въ размѣрахъ барскихъ понятій». «Кормила Т. М. людей сытно, плотно, до отвала, щами, кашей, по праздникамъ пирогами и бараниной; въ Рождество жарили гусей и свиней; по нѣжностей въ ихъ столѣ и платьѣ не допускала, а давала, въ видѣ милости, остатки отъ своего стола то той, то другой женщинѣ. Чай и кофе пила, непосредственно послѣ барыни, Василиса, потомъ горничныя и пожилой Яковъ. Кучерамъ, дворовымъ мужикамъ и старостѣ въ праздники подносили по стакану вина, ради ихъ тяжелой работы». Заболѣть-ли кто-нибудь изъ людей, — Т. М. вставала даже ночью, посылала ему спирту, мази, но отсылала на другой день въ больницу, а больше къ Меланхоликъ, доктора же не звала. Между тѣмъ, чутъ у которой-нибудь внучки язычокъ зачесется или брюшко немного вспучить, Кирюшка или Власъ скакали, болтая локтями и ногами, на несѣдланной лошади, въ городъ, за докторомъ». Когда же «являлся у Ирины, Матрены или другой дворовой дѣвки, непривилегированный ребенокъ», Т. М. «выслушаетъ донесеніе объ этомъ, молча, съ видомъ оскрбленнаго достоинства; потомъ велитъ Василисѣ дать чего тамъ пужно, съ презрѣніемъ глядя въ сторону, и только скажетъ: — «Чтобъ я ее не видала, негодяйку!» «Матрена и Ирина, оправившись, съ мѣсяцъ прятались отъ барыни, а потомъ опять ничего, а ребенокъ оправлялся «на село».». Въ дѣвичьей у Т. М. сидѣли три-четыре молодыя горничныя, которыя цѣлый день, не разгибаясь, что-нибудь шили, или плели кружева, потому что бабушка не могла видѣть человѣка безъ дѣла». При звукѣ ея ключей дворовые «быстро прятали трубки за сапоги, потому что она больше всего на свѣтѣ боялась пожара, и куренье табаку относилась — по этой причинѣ — къ большимъ порокамъ». «Повара и кухарки, тоже слышавъ звонъ ключей, припимались — за ножъ, за уполовникъ или за метлу». Слуховъ «о волѣ» Т. М. побаивалась. — «Сохрани Богъ!» — сказала она, услыша, что мужики у сосѣдей иногда о волѣ заговариваютъ». Т. М. «объ общемъ благѣ слышать не хотѣла: — «Знай всякій себя», — говорила она, но сама «была всегда въ оппозиціи съ мѣстными властями: постояли къ ней назначать, или велять дороги чинить, взсыкаютъ-ли подати: она считала всякое подобное распоряженіе начальства насиліемъ, бранилась, ссорилась, отказывалась платить». — «Откупа пошли, — рассказывала

она,—а я вздумала велѣть пиво варить для людей, водку гнали дома, не много, для гостей и для дворни, а все же запрещено было; мостовъ не чинила... Отъ меня взятки-то гладки, полицеймейстеръ и озлобился, видишь». Т. М. «не любила полиціи, особенно» этого «полицеймейстера», «видя въ немъ почти разбойника». «Тить Никонъчъ, попытавшись нѣсколько разъ, но тщетно, примирить ее съ идеей объ общемъ благѣ, ограничился тѣмъ, что мирилъ ее съ мѣстными властями и полиціей». По выраженію Райскаго, Т. М. была «деспотка». «Это отъ привычки командовать крѣпостными людьми»,—объяснялъ Райскій.—«Командовать очень любить»,—говорила о ней и Козлова.—«Необыкновенная вы женщина»,—замѣтилъ ей Райскій.—«Чѣмъ же я необыкновенная?»—«Какъ же: ѣшь дома, не ходи туда, спи, когда не хочется... Зачѣмъ стѣсняешь себя?»—«Чтобъ угодить бабушкѣ»,—отвѣчала Т. М. Она не велитъ Борису Павловичу знакомиться, съ кѣмъ онъ хочетъ, «деньгами мѣшаешь распоряжаться, какъ вздумается».—«Дайте же денегъ (для Марка)»,—настаивалъ Райскій.—«Нѣту денегъ!»—коротко сказала Т. М.—«Не дамъ: если не добромъ, такъ неволей послушаешься бабушки».—«Какой своеобразный человѣкъ: даже бабушки не слушается»,—думала она о Райскомъ.—«Сравнилъ себя со мной! Когда же курицу яйца учать? Грѣхъ, грѣхъ, сударь!». Въ концѣ-концовъ, она «махнула на Райскаго рукой»: «отъ рукъ отбился», «вышелъ изъ повиновенія».—«Говори не говори, онъ все свое дѣлаетъ! изъ рукъ вонъ».—«Дѣвухкѣ своя воля! Ты не натолкуй ей (Вѣрѣ) еще этого, Борисъ Павлычъ, серьезно прошу тебя... Иногда брякнешь вдругъ, Богъ тебя вѣдаетъ что»,—возражаетъ Т. М., хотя Вѣра «очертила вокругъ себя кругъ: никто не переходитъ за эту черту». Марейшка «безъ бабушки ни шагу». «Безъ бабушкина спроса» она не смѣетъ даже о замужествѣ мечтать».—«Какъ? и мечтать не можетъ безъ спроса?»—спросилъ Райскій.—«Конечно, не можетъ»,—отвѣчала Т. М.—«Но, вѣдь, отъ нея дѣло!»—«Нѣтъ, не ея, а пока бабушкино. Пока я жива, изъ повиновенія не выйдеть».—«Я тебя за ухо, да въ лапти»,—грозитъ Т. М. Марейшкѣ.—«Зачѣмъ навязывать Марейнкѣ свою волю и свое счастье?»—спрашивалъ Т. М. Райскій.—«Кто навязываетъ?»—отвѣтила Т. М.:—спроси ее! Если бы онѣ у меня были запуганныя или забитыя, какія-нибудь несчастныя, а ты видишь, что онѣ живутъ у меня, какъ птички, дѣлаютъ, что хотятъ».—«Да, это правда, бабушка»,—чистосердечно сказалъ Райскій:—«васъ связываетъ съ ними страхъ, не цѣпи, не молотъ авторитета, а нѣжность голубиннаго гнѣзда... Онѣ обожаютъ васъ—такъ... Но вѣдь все дѣло въ воспитаніи: зачѣмъ наматывать имъ старыя понятія, воспитывать по-птичьи? Дайте имъ самимъ извлечь немного соку изъ жизни...»—«Ничего я ни Марейнкѣ, ни Вѣрочкѣ, не наматывала: о любви и не заикалась никогда—боюсь и пикнуть, а вижу и знаю, что Марейшка безъ моего совѣта и благословенія не полюбила бы никого».—«Пусть бы она (Вѣра) оставила свою гордость и довѣрилась бабушкѣ: можетъ-быть, хватило бы ума и на другую систему».—«Я,—говоритъ Т. М.,—только, какъ полицеймейстеръ, смотрю, чтобы снаружи все шло своимъ порядкомъ, а въ дома не вхожу, пока не позовутъ»,—прибавила она.—«Развѣ я мѣшаю Вѣрѣ? стѣсняю ее? Она прячется... Я даже не прошу отъ нея «ключей» (отъ ума и сердца).—«Я сама бы ничего не выдумала: что бы я стала дѣлать безъ бабушки?»—говоритъ Марейшка. И Вѣра, по выраженію Марка, «все еще какъ цыпленокъ, прячется подъ юбки своей насѣдки-бабушки: у нея бабушкиныя понятія о нравственности» и «правила». Т. М. побаивалась «воровъ», «пожара», «грозы» и т. д. Когда ждали пріѣзда Райскаго, Т. М. тревожилась за него: на пути «овраги и разбойники». Она «смерть боится» пожара, и поэтому не выносить, когда «курятъ»; не спитъ спокойно по ночамъ, когда Райскій сидитъ долго при огнѣ: «вдругъ заснетъ!» и не потушить свѣчи!.. Но когда останавливалась надъ городомъ и Малиновкой», «черная туча и разрѣшалась продолжительной, почти тропической грозой—все робѣло, смущалось, весь домъ принималъ, какъ будто передъ нашествіемъ непріятеля, оборонительное положеніе,—

Т. М. походила на капитана корабля во время шторма.—«Гасить огни, закрывать трубы, окна, запирайте двери!—слышалась ей команда.—Поди, Василиса, посмотри, не курятъ-ли трубокъ? Нѣтъ ли гдѣ сквозного вѣтра? Отойди, Мароинька, отъ окна!»—«До конца грозы она «не смыкала глазъ, не раздѣвалась, ходила изъ комнаты въ комнату, заглядывала, что дѣлаютъ Мароинька и Вѣрочка, крестила ихъ и крестилась сама, и тогда только успокаивались, когда туча, истративъ весь пламень и трескъ, блѣднѣла и уходила въ даль». Она жила для своихъ «внука и внучекъ». Увидя пріѣхавшаго Райскаго, она такъ и всплеснула руками, такъ и прыгнула:—«Проказникъ ты, Борюшка! и не написалъ, нагрнулъ: вѣдь ты перепугалъ меня, какъ вошелъ». «Она взяла его за голову, поглядѣла съ минуту ему въ лицо, хотѣла будто заплакать, но только сжала голову, видно раздумала, быстро взглянула на портретъ матери Райскаго и подавила вздохъ».—«Ну-ну-ну...—хотѣла она сказать, спросить—и ничего не сказала, не спросила, а только засмѣялась и проворно отерла глаза платкомъ.—Мамеинъ сыночекъ: весь, весь въ нее!» Во второй (тоже неожиданный) пріѣздъ Райскаго, Т. М. прижала его къ себѣ, и около губъ ея улыбка образовала лучи».—«Борюшка! другъ ты мой».—«Она обняла его раза три. Слезы навернулись у ней и у него. Въ этихъ объятіяхъ, въ голосъ, въ этой, вдругъ охватившей ее радости—точно какъ будто обдало ее солнечное сіяніе—было столько нѣжности, любви, теплоты!» Она «глаза свои проглядѣла», «не спала до полуночи» «цѣлую недѣлю», ожидая его, «хлопотала, красила, убирала комнаты, и новыя рамы вставляла, занавѣски купила шелковыя...», «она чуть не сама дѣлала ему постель», «опускала занавѣски, чтобъ утромъ не безпокоило его солнце», «заботливо разспрашивала, въ которомъ часу его будить, что приготовить—чаю или кофе по утру, масла или яицъ, сливокъ или варенья». «Она попробовала рукой, мягка-ли перина, сама поправила подушки повыше и велѣла поставить графины съ водой на столикъ, а потомъ раза три заглянула, спитъ ли онъ, не безпокойно ли ему, не нужно ли чего-нибудь». Первое время Т. М. сомнѣвалась, любить ли ее Райскій. Но, получивъ отъ него подарки, она «убѣдилась, что внукъ любить и уважаетъ ее»: «она была тронута до слезъ».—«Меня, старуху, вспомнилъ!—говорила она, сѣвши подлѣ него и трепля его по плечу».—«Кого же мнѣ вспомнить: вы у меня одинъ, бабушка!»—«Да какъ же это,—говорила она:—счета рвалъ, на письма не отвѣчала, имѣніе бросилъ, а тутъ вспомнилъ, что я люблю иногда рано утромъ одна напиться кофе: кофейникъ привезъ, не забылъ, что чай люблю, и чаю привезъ, да еще платье... Ахъ, Борюшка, Борюшка, ну, не странный ли ты человекъ!» Такъ же «нѣжно любить она и Мароиньку, «Божьяго младенца», какъ Т. М. называла ее. Она молилась «о ней въ слезахъ, призывая благословеніе на новое счастье и новую жизнь своей внучки», когда Мароинька рассказала про свою любовь къ Викентьеву; «но еще жарче молилась бабушка о Вѣрѣ» и еще больше она любила Вѣру.—«Люблю (Вѣру)»,—«вполголоса» отвѣчала бабушка на вопросъ Райскаго:—«охъ, какъ люблю!»—прибавила она со вздохомъ, и даже слезы, было, показались у нея:—«она (Вѣра) и не знаетъ; авось узнаетъ когда-нибудь...» Иногда Райскій видѣлъ у Т. М. другія слезы: Т. М. скучала и роптала:—«Вѣкъ свой одна, не съ кѣмъ слова перемолвить»,—жаловалась она:—«внучки разбѣгутся, маюсъ-маюсъ весь свой вѣкъ—хоть бы Богъ прибралъ меня! Выйдутъ дѣвочки замужъ, останусь, какъ персть» и т. д., но она жила, «вѣрная простымъ, указываемымъ сердцемъ, добродѣтелямъ», «правиламъ», взятымъ изъ «Моисея и Евангелія», и своему «гостепримству».

Особаго образованія Т. М. не получила.—«Послушай, что я хотѣла тебя спросить,—сказала однажды бабушка:—зачѣмъ ты опять въ школу поступилъ?»—«Въ университетъ, бабушка, а не въ школу»,—отвѣтилъ Райскій.—«Все равно: вѣдь ты учишься тамъ. Чему? У опекуна учился, въ гимназіи учился, рисуешь, играешь на клавинодахъ,—что еще? А студенты учатъ тебя только трубку курить, да, пожалуй—Боже сохрани—вино

пить. Ты бы въ военную службу поступишь, въ гвардію». Узнавъ, что Райскій хочетъ быть артистомъ, воскликнула:—«Какъ—артистомъ?»—«Художникомъ... Послѣ университета въ академію пойду...»—«Что ты, Бөрюшка, перекрестись!»—сказала бабушка, едва и о п я в ъ, что онъ хочетъ сказать.—«Это ты хочешь учителемъ быть?»—«Нѣтъ, бабушка, не всѣ артисты—учители, есть знаменитые таланты: они въ большой славѣ и деньги большія получаютъ за картины или за музыку...»—«Такъ ты за свои картины будешь деньги получать или играть по вечерамъ за деньги?. Какой срамъ!»—«Къ литературѣ Т. М. была довольно холодна, и только охотно слушала, когда Титъ Никоничъ приносилъ что-нибудь любопытное по части хозяйства, какихъ-нибудь событій, въ родѣ убійствъ, большихъ пожаровъ, или гигиеническихъ наставленій». «Тѣмъ не менѣе, она раздѣляла со многими другими вѣру въ печальное слово вообще, когда это слово было назидательно».—Въ молодости, читая «Кунигунду», она «даже плакала» надъ этимъ романомъ».—По мнѣнію Райскаго, Т. М. принадлежитъ къ людямъ, которымъ «никуда не хочется». «Лѣтъ пятьдесятъ—шестьдесятъ они живутъ повтореніями, не замѣчая ихъ и все ожидая, что завтра, послѣзавтра, на слѣдующій годъ, случится что-нибудь другое, чего еще не было, любопытное, радостное». Они «не смотрятъ на дно жизни, что лежитъ на немъ, и не уносятся теченіемъ этой рѣки впередъ, къ устью, чтобъ остановиться и подумать, что это за океанъ, куда вынесутъ струи».—«Что Богъ дастъ!»—говоритъ бабушка.—«Разсуждаетъ она о людяхъ, ей знакомыхъ, очень мѣтко, разсуждаетъ правильно о томъ, что дѣлалось вчера, что будетъ дѣлаться завтра, никогда не ошибается; горизонтъ ея кончается—съ одной стороны полями, съ другой—Волгой и ея горами, съ третьей—городомъ, а съ четвертой дорогой въ міръ, до котораго ей дѣла нѣтъ». «У ней не было позыва идти, вникать въ жизнь дальше стѣнъ, садовъ, огородовъ имѣнія и, наконецъ, города. Этимъ замыкается весь міръ». Она «добыла себѣ, какъ будто купила на вѣсь, жизненной мудрости, пробавляется ею и знать не хочетъ того, чего съ нею не было, чего она не видала своими глазами, и не заботится, есть ли тамъ еще что-нибудь, или нѣтъ». Въ своемъ «мірѣ» она, «какъ по потамъ, играетъ». Она сама думаетъ, что «ошибокъ не дѣлаетъ, знаетъ, какъ, гдѣ ступить, что сказать, какъ и своимъ, и чужимъ добромъ распоряжаться». «Она говоритъ языкомъ преданій, сыплеть пословицы, готовые сеиценціи старой мудрости... и весь наружный обрядъ жизни отправляется у ней по затверженнымъ правиламъ»; ея жизнь «покоится на этихъ простыхъ, прочныхъ основахъ». По мнѣнію Т. М., есть «Богъ и судьба»; «слѣдовательно, двое»,—замѣтилъ Райскій.—«И вотъ шестьдесятъ лѣтъ, со всѣми маленькими явленіями, улеглись въ эту теорію. И какъ ловко пришлось!»—«Ахъ, бабушка!»—сказалъ онъ:—«чего я не захочу, что принудить меня? или если скажу себѣ, что непременно поступлю такъ, вооружусь волей...»—«Никогда не говори «непремѣнно»,—живо перебила Т. М.:—«Боже сохрани!»». «Т. М. посмотрѣла на него чрезъ очки:—«Ты никакъ съ ума сошелъ: поучись-ка у бабушки жить. Самонадѣянъ очень. Дастъ тебѣ когда-нибудь судьба, за это «непремѣнно»! Не говори этого! А прибавляй всегда: «хотѣлось бы», «Богъ дастъ, будемъ живы и здоровы»... А то судьба накажетъ за самонадѣянность: никогда не выйдетъ по-твоему...»—«У васъ, бабушка, о судьбѣ такое же понятіе, какъ у древняго грека о фатумѣ: какъ о личности какой-нибудь, какъ будто воплощенная судьба тутъ стоитъ да слушаетъ...»—«Да, да,—говорила бабушка, какъ будто озираясь:—Кто-то стоитъ да слушаетъ! Ты только не остерегись, забудь, что можно упасть—и упадешь. Понадѣйся безъ оглядки, судьба и обманетъ, вырветъ изъ рукъ, къ чему протягивалъ ихъ! Гдѣ меньше всего ждешь, тутъ и оплеуха...»—«Но когда же счастье? Ужели все оплеухи?»—«Нѣтъ, не все: когда ждешь скромно, сомнѣваешься, не забываешься, оно и упадетъ. Пуше всего не задирай головы и не подымай носа, побаивайся: ну, и дастся. Судьба любитъ осторожность, оттого и говорятъ: «береженого Богъ бережетъ».

«И тут не пересаливай: кто слишком трусливо пьитися, она тоже не любить и подстережетъ. Кто воды боится, весь вѣкъ бѣгаетъ рѣки, въ лодку не садеть, судьба подкараулитъ: когда-нибудь сядеть, тутъ и бултыхнется въ воду». — «О, судьба проказница! — продолжала она. — Когда ищешь въ кошелькѣ гривенника, попадаютъ все двугривенные, а гривенникъ послѣ всѣхъ придетъ; ждешь кого-нибудь: приходятъ, да не тѣ, кого ждешь, а дверь, какъ на смѣхъ, хлопаешь да хлопаешь, а кровь у тебя кипитъ, да кипитъ. Пропадетъ вещь: весь домъ перероешь, а она у тебя подъ носомъ — вотъ что!». Все это дѣлается такъ, по убѣжденію Т. М., «для того, чтобъ человѣкъ не засыпалъ и не забывался, а помнилъ, что надъ нимъ кто-нибудь, да есть; чтобъ онъ шевелился, оглядывался, думалъ, да заботился. Судьба учитъ его терпѣнію, дѣлаетъ ему характеръ, чтобъ поворачивался живо, оглядывался на все зоркимъ глазомъ, не лежалъ на боку и дѣлалъ, что каждому опредѣлили Господь». — «То-есть, вы думаете, что къ человѣку приставленъ какой-то невидимый квартальный надзирателемъ, чтобъ будить его?» — «Шути, а, шути, правду сказалъ», — замѣтила бабушка. «Она сдѣлала изъ наблюденій и опыта мудрый выводъ, что всякому дается извѣстная линія въ жизни, по которой можно и должно достигать извѣстнаго значенія, выгоды, и что всякому дана возможность сдѣлаться (относительно) важнымъ или богатымъ, а кто прозѣваетъ время и удобный случай, пренебрежетъ данными судьбой средствами, тотъ и пеняи на себя!» — «Всякому», — говорила она, — «судьба даетъ какой-нибудь даръ: одному, напр., дано много ума или какой-нибудь «остроты» и умѣнья (подъ этимъ она разумѣла талантъ, способности), — зато богатства не дала — и сейчасъ примѣръ приводила: или архитектора, или лѣкаря, или Степку-мужика... Другой красивъ, картинка — зато пѣтый дуракъ... Не зѣвай, и онъ будетъ счастливъ!» «Богъ дурака-повали кормить!» приводила она и пословицу въ подкрѣпленіе: — «найдетъ дуру съ богатствомъ! А есть и такіе, что ни «остроты» судьба не дала, ни богатства, зато дала трудолюбіе: этимъ берутъ! Ну, а кто лежебокой былъ, или прозѣвалъ, загубилъ даръ судьбы — самъ виноватъ!» — «Виновать, виновать!» — рѣшала она, не слушая апелляціи. — Ужъ если кто несчастенъ, погибаетъ, свихнулся, впалъ въ нищету, въ крайность, какъ-нибудь обиженъ, опороченъ, и поправиться не можетъ, значитъ — самъ виноватъ. Какой-нибудь грѣхъ да былъ за нимъ, или есть: если не порокъ такъ тяжкая ошибка! Вражда, страсти!.. все одинъ и тотъ же врагъ стережетъ насъ всѣхъ!.. Богъ накажетъ иногда, да и проститъ, коли человѣкъ смирится и опять пойдетъ по хорошему пути. А кто все спотыкается, падаетъ и лежитъ въ грязи, значитъ, не прощенъ, а не прощенъ потому, что не одолѣтъ себя, не сладитъ съ виномъ, съ картами, или укралъ, да не отдаетъ краденаго, или гордъ, обидчикъ, золь не въ мѣру, грязенъ, обманщикъ, предатель... Мало ли зла: что-нибудь да есть! А хочеть, такъ выпоззеть опять на дорогу. А если просто слабъ, силенки нѣтъ, значитъ, вѣры нѣтъ: когда есть вѣра, есть и сила». — «Не зѣвай, смотри за собой: упалъ, такъ вставай на ноги, да смотри, нѣтъ-ли лукавства за самимъ? А нѣтъ, такъ помолись — и поправишься. Вонъ, Алексѣя Петровича три губернатора гнали, имѣнье было въ оекѣ, дошло до того, что никто взаимно не давалъ, хоть по міру ступай: а теперь выждалъ, вытерпѣлъ, раскаялся — какіе были грѣхи — и вышелъ въ люди»... Когда Райскій назвалъ себя «несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ»: — «Не говори этого никогда!» — боязливо перебила Т. М.: — «судьба подслушаетъ, да и накажетъ: будешь въ самомъ дѣлѣ несчастный! Всегда будь доволенъ, или показывай, что доволенъ». «Она даже боязливо оглянулась, какъ будто судьба стояла у нея за плечами». — «Несчастный! а чѣмъ, позволъ спросить? — заговорила она: — здоровъ, умень, имѣніе есть, слава Богу, вонъ какое! — она показала головою въ окно. — Чего еще: рожна, что ли, надо?» И объяснила, что значитъ — «розонъ»: — «То, что человѣкъ не чувствуетъ счастья, коли нѣтъ рожна, — сказала она». — «Надо его ударить

бревномъ по головѣ, тогда онъ и узнаеть, что счастье было, и какое оно плохенькое ни есть, а все лучше бревна».—«Эй, Борюшка, не шакликай бѣду! Не сладко покажется, какъ бревно ударить по головѣ. Да, да,—помолчавши, съ тихимъ вздохомъ прибавила она:—это такъ ужъ въ судьбѣ человѣческой написано—зазнаваться. Пришла и твоя очередь зазнаться: видно, наука нужна. Образумить тебя судьба, помянешь меня!»—«Чѣмъ же, бабушка: рожномъ? Я не боюсь. У меня—никого и ничего: какого же мнѣ рожна ждать».—«А вотъ узнаешь: всякому свой! Иному даетъ на всю жизнь—и несетъ его, тянетъ, точно лямку. Вонъ Кирила Кирилычъ...—бабушка сейчасъ бросилась къ любимому своему способу, къ примѣру:—богатъ, здоровехонекъ, весь вѣкъ хи-хи-хи, да ха-ха-ха, да жена вдругъ ушла: съ тѣхъ поръ и повѣсилъ голову,—шестой годъ ходитъ, какъ тѣнь...»—«Практическаго мудрость»—опредѣлили Райскій разсужденія Т. М.; когда же онъ приглядѣлся попристальнѣе, то увидѣлъ, что «сквозь обветшалую и иногда никуда непригодную мудрость» Т. М. «пробивалась живая струя здороваго практическаго смысла, собственныхъ идей, взглядовъ и понятій. Въ тѣхъ случаяхъ, которые не могли почему-либо подойти подъ готовые правила, у бабушки вдругъ выступали собственныя силы, и она дѣйствовала своеобразно. «Только когда она пускала въ ходъ собственныя силы, то сама будто пугалась немного и безпокойно искала подкрѣпить ихъ какимъ-нибудь бывшимъ примѣромъ». «До прїѣзда Райскаго, жизнь ея покоилась на этихъ простыхъ и прочныхъ основахъ, и ей въ голову не приходило, чтобы тутъ было что-нибудь не такъ, чтобы она весь вѣкъ жила въ какой-то «борьбѣ съ противорѣчїями», какъ говорилъ Райскій». «Если когда-нибудь и случалось противорѣчїе, какой-нибудь разладъ, то она приписывала его никакъ не себѣ, а другому лицу, съ кѣмъ имѣла дѣло, а если никого не было, такъ судьбѣ. А когда явился Райскій и соединилъ въ себѣ и это другое лицо, и судьбу, она удивилась, отнесла это къ непослушанію внука и къ его странностямъ». «Она открыла большіе глаза на его «мудренныя», казавшіяся ей иногда шальными, слова, на его «цыганскіе» поступки, споры.—«Станный, своеобразный человекъ,—говорила она и надивиться не могла, какъ это онъ не слушается ея и не дѣлаетъ, что она указываетъ». «И еще осуждаетъ ее».—«Развѣ можно жить иначе? Тить Никонычъ въ восхищеніи отъ нея, самъ Нилъ Андреичъ отзывался одобрительно, весь городъ тоже уважаетъ ее, только Маркушка зубы скалитъ, когда увидитъ ее,—но онъ—пропащій человекъ». А тутъ внукъ, свой человекъ, котораго она мальчишкой воспитывала, «отъ рукъ отбился», смѣетъ оправдываться, защищаться, да еще спорить съ ней, обвиняетъ ее, что она не такъ живетъ, не то дѣлаетъ, что нужно!» «Она горячо защищалась, сначала преданїями, сентенціями и пословицами, но когда эта мертвая сила, отъ перваго прикосновенія живой силы анализа, разлеталась въ прахъ, она сейчасъ хваталась за свою, природную логику». «Этого только и ждалъ Райскій, зная, что она сейчасъ очутится между двухъ огней: между стариной и новизной, между преданїями и здравымъ смысломъ—и тогда ей надо было, или согласиться съ нимъ, или отступить отъ старины». «Но бабушка триумфа ему никогда не давала, она сдаваться не любила и кончала споръ, опираясь деспотически на авторитетъ уже не мудрости, а родства и своихъ лѣтъ». «Райскій удивлялся, какъ могло все это уживаться въ ней, и какъ бабушка не замѣчаетъ вѣчнаго разлада старыхъ и новыхъ понятій»;—однако, столкнувшись съ новою жизнью, Т. М. нѣсколько разъ пришлось потерпѣть неудачу съ примѣненїемъ старыхъ правилъ». Такъ, когда Т. М. очень желала «довѣдаться о томъ, что ее такъ безпокойло» [именно, не влюбилась ли въ кого Вѣра], «она думала попытать вывести на свѣжую воду внучку—стороной, или «аллегорїей», какъ она выразилась Райскому, т. е. примѣромъ. Она пришла къ «счастливой мысли: вспомнила, что у ней гдѣ-то есть нравоучительный романъ», надъ которымъ она «плакала» въ молодости. «Тема его состояла въ изображеніи гибельныхъ послѣдствїй страсти отъ неповиновенія родителямъ.

Молодой человек и девушка «Кунигунда» любили друг друга, но, разлученные родителями, видѣлись съ балкона издали, перешептывались, переписывались». «Сношенія эти были замѣчены посторонними, девушка потеряла репутацію и должна была идти въ монастырь, а молодой человекъ посланъ отцомъ въ изгнаніе, куда-то въ Америку». Т. М. «вытащила книгу» «изъ подъ хлама» и пожелала, чтобы внучки «поперемѣнно», «по вечерамъ, ... читали ей вслухъ». «При каждомъ словѣ о любви», Т. М. «исподтишка глядѣла» на Вѣру—«что она: волнуется, краснѣетъ, блѣднѣетъ?»—«Замѣчай за Вѣрой»,—шепнула Т. М. Райскому:—какъ она слушаетъ!—«Гадкая книга, бабушка»,—сказала Марейнка:—что они вытерпѣли, бѣдные!..—«А что жъ дѣлать? Вотъ, чтобы этого не терпѣть»,—говорила бабушка, стороной глядя на Вѣру:—и надо бы было этой Кунигундѣ спроситься у тѣхъ, кто уже пожилъ и знаетъ, что значать страсти. А то вотъ и довели себя до добра:—если бы она спросила отца или мать, такъ до этого бы не дошло. Ты что скажешь, Вѣрочка?»—«Бабушка! за что вы мучили меня цѣлую недѣлю, заставивши слушать такую глупую книгу?»—сказала Вѣра. На вопросъ Райскаго [какъ подѣйствовала прекрасная Кунигунда?] Т. М. «болѣзненно вздохнула въ отвѣтъ. Ей было не до шутокъ; она взяла у него книгу и велѣла Пашуткѣ отдать въ людскую. Послѣ этого Т. М. «отрезвилась отъ печатной морали и сама внутренно стыдила себя за прошлое средство».—«Вонъ и хотѣла остеречь ихъ (Марейнку и Викентьева) моралью—и даже нравоучительную книгу въ подмогу взяла»,—разсказывала она потомъ Викентьевой:—цѣлую недѣлю читали-читали и только кончили, а они въ ту же минуту почти все это и продѣлали въ саду, что въ книгѣ написано... Вотъ вамъ и мораль!» «Добро бы Вѣра»,—думала она по этому поводу:—а то Марейнка, какъ Кунигунда... тоже въ саду!.. Точно на смѣхъ вышло: это «судьба» забавляется!»—рѣшила Т. М., хотя—и она и Викентьева,—«обѣ знали, къ чему идетъ дѣло» у Марейнки и Николая Андреевича; однако, когда Викентьева пріѣхала, Т. М. «надѣла шумящее шелковое платье съ сербристымъ отливомъ, турецкую шаль, пробовала было надѣть массивныя брилліантовые серьги»; «одѣвшись, сложивъ руки на руки, украшенные на этотъ разъ старыми дорогими перстнями, торжественной поступью вошла она въ гостиную и, обрадовавшись, что увидѣла любимое лицо доброй гостыи, чуть не испортила своей важности, но тотчасъ оправилась и стала серьезна». «Обѣ онѣ церемонно раскланялись, и Т. М. посадила гостью на диванъ и сѣла подлѣ нея. Когда Викентьева стала объяснять цѣль посѣщенія, Т. М. отвѣчала «церемонно», «съ несвойственнымъ ей жеманствомъ», но, въ концѣ концовъ, когда Т. М. увидала, что Викентьева не понимаетъ ея пріема и «обижается»,—у нея «пропала вся важность. Морщины разгладились, и радость засяла въ глазахъ. Она призналась, что «только старый обычай хотѣла поддержать».—«Да видно, не вездѣ пригожи они, эти старые обычаи!..» «Какое сватовство и церемоніи между нами!»—сказала она, сбрасывая мантилью и чепчикъ и обнимая гостью. На своихъ именинахъ, когда пріѣхалъ Нилъ Андреичъ, Т. М. сказала Райскому:—«Вотъ, Нилъ Андреичъ давно желалъ тебя видѣть... онъ—его пресвосходительство,—не забудь»,—шепнула она.—«Погоди ѣсть, поговори съ нимъ»,—шептала бабушка:—«успѣешь!»—«Я буду и ѣсть, и говорить»,—отвѣчала вслухъ Райскій. Т. М. «skonфузилась и сердито отвернула плечо». Она «была сама не своя» отъ поступковъ Райскаго и «не рада была, что затѣяла позвать гостей». Когда же Райскій заявилъ, что онъ съ «Маркомъ»—«пріатели», Т. М. стала возражать:—«Не вѣрьте ему, Нилъ Андреичъ: онъ самъ не знаетъ, что говорить». «Какой онъ тебѣ пріатель...»—«Что вы, бабушка! Да не онъ ли у меня ужиналъ и ночевалъ? Не вы ли велѣли ему постелать мягкую постель...»—«Борисъ Павлычъ! Помилосердствуй, помолчи!—пестово шептала бабушка».—«Не я, Нилъ Андреичъ,—оправдывалась она:—а Борюшка привелъ его ночью. Я и не знала, кто тамъ у него спитъ!»—Когда «обиженная» Тычковымъ, Крицкая уходила отъ Т. М., послѣдняя «останавливала

ее:—«Ну, не сердитесь на старика: онъ не отъ злого сердца; онъ почтенный такой...»; но когда, въ отвѣтъ на обвиненіе, брошенное Райскимъ, Тычковъ, «задыхаясь отъ злости», попытывался, кто рассказалъ Райскому о немъ,—«Т. М. вдругъ встала съ мѣста...—«Кто сказалъ? Да я сказала, и сказала правду...»—«Татьяна Марковна! Какъ!..—заревѣлъ-было Нилъ Андреичъ.—«Меня 65 лѣтъ Т. М.—и зовуть. Ну, что «какъ»? И по дѣломъ тебѣ! Что ты лаешься на всѣхъ: напала, въ самомъ дѣлѣ, въ чужомъ домѣ на женщину—хозяйку. остановилъ тебя—не по-дворянски поступаешь». Т. М. удержала Райскаго, бросившагося-было къ Тычкову, «такимъ повелительнымъ жестомъ, что онъ «окаменѣлъ и ждалъ, что будетъ». «Она вдругъ выпрямилась, надѣла чепецъ и, завернувшись въ шаль, подступила къ Нилу Андреичу». «Она вдругъ выросла въ фигуру, полную величія, т. ч. даже и на Райскаго напала робость».—«Ты кто?»—сказала она (Тычкову):—«ничтожный приказный, ра-вечи,—и ты смѣешь кричать на женщину и еще на столбовую дворянку! Зазнался: урока хочешь! Я дамъ тебѣ одинъ разъ навсегда: будешь помнить». «Отрезвись, встань и поклонись: передъ тобой стоитъ Татьяна Марковна Бережкова! Вонъ, видишь, здѣсь мой внукъ, Борисъ Павлычъ Райскій: не удержи я его, онъ сбросилъ бы тебя съ крыльца, но я не хочу, чтобъ онъ маралъ о тебя руки—съ тебя довольно и лакеевъ!..»—«Люди!—крикнула она, хлопнувъ въ ладони, выпрямившись во весь ростъ и сверкая глазами. Она походила на портретъ одной изъ величавыхъ женщинъ въ ея родѣ, висѣвшей на стѣнѣ». Райскій увидѣлъ въ ней «другую, незнакомую ему до тѣхъ поръ, женщину», и сказалъ, «робко подойдя къ Т. М.:—«Напрасно вы требовали должной вамъ дани, поклона, отъ этого пня: онъ не понималъ вашего величія. Примите отъ меня этотъ поклонъ, не какъ бабушка отъ внука, а какъ женщина отъ мужчины». Т. М. отвѣтила:—«Принимаю, Борисъ Павлычъ, твой поклонъ, какъ большую честь—и не даромъ принимаю—я его заслуживаю. А вотъ и тебѣ, за твой честный поступокъ, мой поцѣлуй—не отъ бабушки, а отъ женщины...» «Она поцѣловала его въ щеку».—Послѣ этого событія видно было, что внутренно Т. М. не мало озабочена была сама своей «прытью», какъ говорила она, и старалась молча переработать въ себѣ это «противорѣчье съ собой», какъ называла Райскій. «Уважать человѣка сорокъ лѣтъ, называть его «серьезнымъ», «почтеннымъ», побаиваться его суда, пугать имъ другихъ—и вдругъ въ одну минуту выгнать его вонъ! Она не раскаивалась въ своемъ поступкѣ, находя его справедливымъ, но задумывалась прежде всего о томъ, что сорокъ лѣтъ она добровольно терпѣла ложь, и что внукъ ея.. былъ.. правъ». «Этого она ни за что не скажетъ ему: молодъ онъ, пожалуй зазнается, а она покажетъ ему вниманіе иначе, по-своему, не ставя себя въ затруднительное положеніе передъ внукомъ и не давая ему торжества». «Вотъ отчего она ласковѣ смотрѣла на Райскаго и про себя уважала его больше прежняго». «Но все же ей было неловко—не отъ одного только внутренняго «противорѣчія съ собой», а просто отъ того, что вышла исторія у ней въ домѣ, что выгнала человѣка стараго, «почтен.. нѣтъ серьезнаго», «со звѣздой»... «Она вздыхала, но воротить прежняго не желала, а хотѣла бы только, чтобъ это событіе отодвинулось лѣтъ за десять назадъ, превратилось бы какимъ-нибудь чудомъ въ давно прошедшее и забылось совѣмъ». Однако, и послѣ этого Т. М. говорить, во время спора, Райскому:—«Вотъ Борюшка, мы выгнали Нила Андреича, а онъ бы тебѣ на это отвѣчалъ, какъ слѣдуетъ—я не сумѣю».

Сначала Т. М. и не догадывалась, что Вѣра м. б. въ кого нибудь «влюблена». «Ужъ не одну ночь не спала я»—говорила она:—«и думаю, отчего Вѣра съ весны такая странная стала? То повеселѣеть, то задумается: часто капризничаетъ, иногда вспылитъ. Замужъ пора ей—вотъ что!—почти про-себя прибавила Т. М.—Я спрашивала доктора, тотъ все нервы—и что это за нервы такіе? Бывало и доктора пикакихъ нервъ не знали. Поясница—такъ и говорили, что поясница болитъ, или подъ ложечкой: отъ этого и лѣчили. А теперь все

пошли нервы! Вонъ, бывало, кто съ ума сойдетъ: спятилъ, говорятъ, сердечный—съ горя, что ли, или изъ ума выжилъ, или спился, а нынче говорятъ: мозги какъ-то размягчились...» — Не влюблена ли? — вполголоса сказала Райскій—«и раскаялся; хотѣлось бы назадъ взять слово, да поздно». «Въ бабушку точно камнемъ попало». «— Господи спаси и помилуй!— произнесла она, перекрестившись, точно молнія блеснула передъ ней:—этого горя только недоставало!». «— Пока Вѣра капризничаетъ безъ причины, мечтаетъ одна—Богъ съ ней! А какъ эта змѣя, любовь, заберется въ нее, тогда съ ней не сладишь! замѣтила Т. М. «Она (Вѣра) въ экстазѣ, развѣ вы не видите?» сказалъ Райскій. —«Въ экстазѣ!»—со страхомъ повторила Т. М.—«Зачѣмъ ты мнѣ на ночь говоришь: я не усну. Это бѣда—экстазъ въ дѣвушкѣ!». Послѣ этого Т. М. «вышла изъ своей пассивной роли и стала исподтишка пристально слѣдить за Вѣрой. Она задумывалась не на шутку, бросила почти хозяйство, забывала всякіе ключи на столахъ». Т. М. печально поникала головой и не знала, чѣмъ и какъ вызвать Вѣру на откровенность». Сознавши, что это почти невозможно, она ломала голову, какъ бы, хоть стороною, узнать и отвратить бѣду». «Влюблена! въ экстазѣ!» Это казалось ей страшнѣе всякой оспы, кори, лихорадки, и даже горячки. И въ кого бы это было? Дай Богъ, чтобъ въ Ивана Ивановича! Она умерла бы спокойно, если бѣ Вѣра вышла за него замужъ». Но «по-женски, проникла въ секретъ ихъ взаимныхъ отношеній и со вздохомъ заключила, что если тутъ и есть что-нибудь, то съ одной только стороны, т.-е. со стороны лѣсничаго, а Вѣра платила ему просто дружбой, или благодарностью, какъ еще вѣрнѣе догадалась Т. М., за «баловство». «Экстазъ» Вѣры прошелъ, по всего обиднѣе и грустнѣе для Т. М. была тайнственность; «тайкомъ отъ нея дѣвушка переписывается, можетъ-быть, переглядывается съ какимъ-нибудь вертопрахомъ изъ окна—и кто же? внучка, дочь ея, ея милое дитя, ввѣренное ей матерью: ужасъ, ужасъ! Даже руки и ноги холодѣютъ..., шептала она, не подозрѣвая, что это отъ нервъ, въ которые она не вѣрила». «Она ждала, не откроетъ ли чего-нибудь случай, не проговорится ли Марина? Не проболтается ли Райскій?» Нѣтъ. «Какъ ни ходила она по ночамъ, какъ ни подозрительно оглядывала и спрашивала Марину, какъ ни подсылала Марейнку спросить, что дѣлаетъ Вѣра: ничего изъ этого не выходило». Для того, чтобы вывѣдать тайну и «остеречь» внучку, Т. М. и придумала читать «Кунигунду»;—чтеніе окончилось неудачей.—«Не наказать (чтеніемъ), а остеречь хотѣла я тебя»,—отвѣтила она Вѣрѣ, чтобъ ты... не провинилась когданибудь... чѣмъ же я остерегу, уберегу, укрою тебя, дитя мое?.. скажи, успокой!..»—Она проситъ Вѣру «разсказать ей, облегчить горе, если есть...»—«Когда оно настанетъ—и я не справлюсь одна... тогда я приду къ вамъ—и ни къ кому больше, да къ Богу! Не мучьте меня теперь и не мучьтесь сами... Не ходите, не смотрите за мной...»—«Не поздно ли будетъ тогда, когда горе придетъ?..—прошентала бабушка.—Хорошо,—прибавила она вслухъ:—успокойся, дитя мое! я знаю, что ты не Марейнка, и тревожить тебя не стану».—«Она поцѣловала ее со вздохомъ и ушла скорыми шагами, понуривъ голову». Когда Райскій вполголоса сказалъ ей, что ему нужно поговорить съ ней, чтобъ она какъ-нибудь незамѣтно отослала людей, она остановила на немъ неподвижный отъ ужаса взглядъ. У ней побѣлѣлъ даже носъ».—«Бѣда?»—спросила она отрывисто».—Она «чувствовала себя глубоко оскорбленной и въ сердцѣ, и въ самолюбіи. Около нея происходитъ что-то тайнственное и серьезное, между близкими ей людьми, а ее оставляютъ въ сторонѣ, какъ чужую, или какъ старую, отжившую, ни на что не способную женщину». «Драма» Вѣры кончилась «подъ обрывомъ». На слѣдующее утро, «день рожденія Марейнки», Т. М. «была такъ весела, безпечна». «Но, съ полудня, она «такъ измѣнилась, такъ во всѣхъ подозрительно всматривалась, во все вслушивалась, что Райскій сравнивалъ ее съ конемъ, который безпечно жевалъ свой овесъ, уходя въ него мордой по уши, и вдругъ услыхалъ шорохъ или почувялъ запахъ какого-то неизвѣстнаго и невидимаго врага». Во время разказа

Райскаго, Т. М. «не пошевелилась, не сказала ни слова», но «когда онъ кончилъ, она встала, выпрямилась медленно, съ напряженіемъ, потомъ такъ же медленно опустила опять плечи и голову, стоя, опершись рукой о столъ. Изъ груди ея вырвался не то вздохъ, не то стонъ».—«Поздно послала она къ бабушкѣ,—шептала она:—Богъ спасетъ ее! Береги ее, утѣшай, какъ знаешь! Бабушки нѣтъ больше!»—«Бабушки нѣтъ у васъ больше...—твердила она разсѣянно, стоя тамъ, гдѣ встала съ кресла, и глядя внизъ.—Пооди, пооди!—почти гнѣвно крикнула она, вида, что онъ [Райскій] медлитъ.—Не ходи ко мнѣ... не пускай никого, распорядяйся всѣмъ... А меня оставьте всѣ... всѣ!»—Она стояла на своемъ мѣстѣ, какъ прикованная, съ безжизненнымъ, точно спящимъ взглядомъ. «Она нетерпѣливо махнула ему рукой».—«Уйди къ ней, береги ее! бабушка не можетъ, бабушки нѣтъ!»—шептала она.—Всю ночь она провела въ креслѣ «въ безсознательной, мертвой дремотѣ, и оставалась неподвижна». «Утромъ, въ чемъ была накануне и съ открытой головой, съ наброшенной на плечи турецкой шалью, она пошла изъ дому, ногой отворяя двери, прошла всѣ комнаты, корридоръ, спустилась въ садъ, и шла, ни на кого не глядя, какъ будто бронзовый монументъ всталъ съ пьедестала и двинулся». Она прошла «къ «обрыву», «стала спускаться» «ровнымъ, медленнымъ и широкимъ шагомъ, неся голову прямо, не поворачиваясь, глядя куда-то въ даль».—«Мой грѣхъ!»—сказала она, будто простонала, положивъ руки на голову», и «вдругъ ускоренными шагами пошла она дальше, вышла къ Волгѣ и стала неподвижно у воды. Вѣтеръ хлесталъ и обвивалъ платье около ея ногъ, шевелилъ ея волосы, рвалъ съ нея шаль—она не замѣчала. У Райскаго замеръ духъ отъ мелькнувшей догадки: хочетъ утопиться! Но она медленно повернулась, шагая крупно и оставляя глубокой слѣдъ на влажномъ пескѣ. «Сознаніе всего другого, кромѣ «бѣды», умерло въ лицѣ; она точно лунатикъ, или покойница».—«Мой грѣхъ!»—повторила она прямо грудью, будто дохнула:—тяжело, облегчи, не снесу!»—шепнула потомъ, и опять выпрямилась и пошла въ гору, поднимаясь на обрывъ, одолевая крутизну нечеловѣческой силой, оставляя клочки платья и шали на кустахъ». «Колѣни у ней дрожали; еще минута—и она готова рухнуть на землю, но чей-то голосъ, дающей силу, шепталъ ей:—«иди, не падай—дойдешь!» И старческое бессиліе пропадало, она шла опять. Она шла «дальше, дальше, не зная, гдѣ остановится или упадетъ, потерявъ силу. Она вѣрить, что рядомъ идетъ съ ней другая сила и несетъ ея бѣду, которую не снесла бы она». «Случайно наткнулась она на часовню, въ полѣ, подняла голову, взглянула на образъ—и новый ужасъ, больше прежняго, широко выглянулъ изъ ея глазъ. Ее отшатнуло въ сторону». «Она, какъ раненый звѣрь, упала на одно колѣно, тяжело приподнялась, и ускоренными шагами, падая опять и вставая, пронеслась мимо, закрывъ лицо шалью отъ образа Спасителя, и простонала»:—«Мой грѣхъ!» «На другой день Т. М. «не принимала никакой пищи». Когда же Райскій «взялъ кружку молока и рѣшительно подступилъ къ ней, взявъ ее за руки, она поглядѣла на него, какъ будто не узнала, поглядѣла на кружку, машинально взяла ее дрожащей рукой изъ рукъ его и съ жадностью выпила молоко до послѣдней капли, глотая медленными, большими глотками».—«Бабушка, пойдѣте домой,—не мучайте себя и насъ!—умолялъ онъ:—вы убьете себя».—«Она махнула ему рукой».—«Богъ пощадитъ, не сама жосу. Его сила носить,—надо выносить до конца. Упаду—подберите меня...—Мой грѣхъ!»—шепнула потомъ и пошла дальше». «Сдѣлавъ шагъ въ десять, она обернулась къ нему. Онъ подбѣжалъ къ ней».—«Если не вынесу... умру...—заговорила она и сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ наклонилъ голову». «Онъ сталъ на колѣни передъ ней». «Она прижала его голову къ своей груди, крѣпко поцѣловала ее и положила на нее руку».—«Прими мое благословеніе,—сказала она:—и передай имъ... Марейнкѣ и... ей,—бѣдной моей Вѣрѣ... слышишь, и ей!..»—«Бабушка!»—говорилъ онъ, заливаясь слезами и цѣлуя у ней руку». «Она вырвала руку и пошла дальше, блуждать въ кустахъ, по берегу,

по полю». «На третій день Т. М. ушла, не видали какъ, изъ дома».. Райскій видѣлъ, какъ она медленно возвращалась по полю къ дому. Она останавилась и озиралась назадъ, какъ будто прощаясь съ крестьянскими избами». Въ ея лицѣ было «новое выраженіе: мѣсто покорнаго ужаса заступило, повидимому, безотрадное сознаніе». Она не замѣчала его и какъ-будто смотрѣла въ глаза своей «бѣдѣ». «Ей на яву снилось, какъ царство ея рушилось, и какъ на мѣстѣ его легла мерзость запустѣнія въ близкомъ будущемъ». По лицу Т. М. потекла медленно слеза и остановилась, какъ-будто застыла. Старуха зашаталась и оцущью искала опоры, готовая упасть... Райскій «бросился къ ней и съ помощью Василисы довелъ до дома, усадилъ въ кресло и бросился за докторомъ. Она смотрѣла, не узнавая ихъ. Василиса горько зарыдала и повалилась ей въ ноги».—«Матушка, Татьяна Марковна!—вопила она:—придите въ себя, сотворите крестное знаменіе!»—«Старуха перекрестилась, вздохнула и знакомъ показала, что не можетъ говорить, чтобы дали ей пить». Она легла на постель, почти машинально, какъ-будто не понимая, что дѣлаетъ. Василиса раздѣла ее, обложила теплыми салфетками, вытерла ей руки и ноги спиртомъ, и, наконецъ, заставила проглотить рюмку теплаго вина. Докторъ велѣлъ ее не беспокоить, оставить спать и потомъ дать лѣкарство, которое прописалъ. Утромъ Райскій вошелъ въ ея спальню вмѣстѣ съ Василисой. Она лежала въ томъ же положеніи, какъ цѣлый день вчера». Но когда вошелъ Райскій, Т. М. вдругъ приподнялась и сѣла на постели.—«Вѣра больна?»—спросила она.—«На лицо бабушки, вчера еще мертвое, каменное, вдругъ хлынула жизнь, забота, страхъ». «Широкими, но поспѣшными шагами, съ тревогой на лицѣ, перешла она черезъ дворъ и поднялась къ Вѣрѣ. Усталости какъ не бывало». Къ Т. М. воротилась жизнь»... «Теперь никто не нуженъ: я тутъ!»—сказала Т. М. Она «устроила себѣ помѣщеніе подлѣ постели Вѣры».—«Бабушка нейдетъ, бабушка не любить!»—шептала Вѣра съ тоской, отрезвившись на минуту отъ сна.—«Бабушка не проститъ!»—«Бабушка пришла! Бабушка любитъ! Бабушка простила!»—произнесъ голосъ надъ ея головой...» «Т. М. положила Вѣру на постель и прилегла» рядомъ съ ней «своей сѣдою головою». И только, когда Вѣра случайно сказала:—«Богъ покаралъ меня за васъ»—«Что ты говоришь, Вѣра?»—«вдругъ въ ужасѣ, блѣднѣя, остановила ее Т. М. и опять стала похожа на дикую старуху, которая бродила по лѣсу и по оврагамъ».—«Милосердуй надъ ней (Вѣрой)!»—молилась Т. М. «почти въ изступленіи»—«и если не исполнилась еще мѣра гнѣва Твоего, отведи его отъ нея—и ударь опять въ мою сѣдую голову»... Т. М. «страдала невыразимо». Она, «какъ потерянная, слушала» «тихіе стоны Вѣры, не находя въ себѣ силъ утѣшить ее, блѣднѣла и шла молиться».—«Нѣтъ, не избудешь горя. Богъ велитъ казнить себя, чтобы успокоить ее»,—думала бабушка съ глубокимъ вздохомъ, видя, какъ «Вѣра тайно убивается печалью». И, однажды, поздно ночью, пришла Т. М. къ страдающей и тоскующей внучкѣ.—«Я умру, я знаю! Только бы скорѣй, ахъ, скорѣй!»—говорила Вѣра, ворочая лицо къ стѣнѣ». «Т. М. тихо покачала головой.—«Нельзя жить!—съ унылой увѣренностью повторила Вѣра».—«Можно!—съ глубокимъ вздохомъ сказала Т. М.»—«Послѣ... того?..—обернувшись къ ней, спросила Вѣра».—«Послѣ того...» Теперь Вѣра вздохнула безнадежно.—«Вы не знаете, бабушка... вы не такая!..»—«Такая!..—чуть слышно, наклонясь къ ней, прошептала Т. М.—«Вы святая! Вы никогда не были въ моемъ положеніи»...—говорила Вѣра, «какъ-будто просебя.—«Вы праведница!»—«Грѣшница!»—чуть слышно прошептала Т. М.—«Всѣ грѣшны... но не такая грѣшная, какъ я...»—«Такая же...»—«Что?!—вдругъ приподнявшись на локоть, съ ужасомъ въ глазахъ и въ голосѣ спросила Вѣра».—«Такая же грѣшница, какъ и ты»... «Вѣра обѣими руками вцѣпилась ей въ кофту и прижалась лицомъ къ ея лицу».—«Зачѣмъ клеветешь на себя?—почти шипѣла она, дрожа:—чтобы успокоить, спасти бѣдную Вѣру? Бабушка, бабушка, не лги!»—«Я не лгу никогда.—шептала, едва осиливая себя, старуха:—ты это знаешь. Солгу ли я теперь? Я грѣшница... грѣшница...—говорила она, сползая

на колѣни передъ Вѣрой и клоны съдую голову ей на грудь.—Прости и ты меня!.. Вѣра замерла отъ ужаса. «—Не казни себя для меня!»—просила Вѣра. «Что ты дѣлаешь, зачѣмъ говоришь мнѣ это?... Молчи. Возьми назадъ свои слова! Я не слыхала, я ихъ забуду, сочту своимъ бредомъ»...—«Нельзя, Богъ велитъ!»—говорила старуха, стоя на колѣняхъ у постели и склонивъ голову».—«Встань, бабушка!.. Поди ко мнѣ сюда!..» «Бабушка плакала у ней на груди». «И Вѣра зарыдала, какъ ребенокъ».—«Зачѣмъ сказала ты...»—«Надо! Онъ велитъ смирилась,—говорила старуха, указывая на небо:—просить у внуки прощенья. Прости меня, Вѣра, прежде ты. Тогда и я могу простить тебя... Напрасно я хотѣла обойти тайну, умереть съ ней... Я погубила тебя своимъ грѣхомъ...»—«Ты спасаешь меня, бабушка... отъ отчаянія...»—«И себя тоже, Вѣра. Богъ проститъ насъ, но Онъ требуетъ очищенія! Я думала, грѣхъ мой забыть, прощень. Я молчала и казалась праведной людямъ: не правда! Я была—какъ «окрашенный гробъ» среди васъ, а внутри тайлся неомытый грѣхъ! Вотъ онъ гдѣ вышелъ наружу—въ твоемъ грѣхѣ! Богъ покаралъ меня въ немъ... Прости же меня отъ сердца...»—«Бабушка! развѣ можно прощать свою мать? Ты святая женщина! Нѣтъ другой такой матери... Если бъ я тебя знала... вышла ли бы я изъ твоей воли?..»—«Это мой другой страшный грѣхъ!—перебила ее Т. М.:—я молчала и не отвела тебя... отъ обрыва! Мать твоя изъ гроба достаетъ меня за это; я чувствую—она все снится мнѣ... Она теперь тутъ, между насъ... Прости меня и ты, покойница!»—говорила старуха, дико озираясь вокругъ и простирая руку къ небу».—«Прости и ты, Вѣра—простите обѣ!.. Будемъ молиться».—«Ничего нѣтъ тайнаго, что не вышло бы наружу!—заговорила Т. М. оправившись:—Сорокъ пять лѣтъ два человѣка только знали: онъ, да Василиса, и я думала, что мы умремъ всѣ съ тайной. А вотъ—она вышла наружу! Боже мой!»—говорила какъ-будто въ помѣшательствѣ Т. М., вставая, складывая руки и протягивая ихъ къ образу Спасителя:—если бъ я знала, что этотъ громъ ударитъ когда-нибудь въ другую... въ мое дитя,—я бы тогда же на площади, передъ соборомъ, въ толпѣ народа, исповѣдала свой грѣхъ!»—«Выслушай мою исповѣдь—и осуди строго или прости—и Богъ проститъ насъ...»—«Я не хочу, не должна, не смѣю! Зачѣмъ?..» говорила Вѣра.—«Зачѣмъ, чтобъ и мнѣ вытерпѣть теперь то, что и должна была вытерпѣть сорокъ пять лѣтъ тому назадъ. Я укрыла свой грѣхъ. Ты знаешь его, узнаешь и Борисъ. Пусть внукъ посмѣется надъ сѣдинами старой Кунигунды!»... Т. М. опять походила на старый женскій фамильный портретъ въ галлерей, съ суровой важностью, съ величіемъ и увѣренностью въ себѣ, съ лицомъ, истерзаннымъ пыткой и съ гордостью, осилившей пытку. Вѣра чувствовала себя жалкой дѣвочкой передъ ней...—«Я не понимала ея! гдѣ была моя хваленая «мудрость передъ этой бездною!» думала она и бросилась въ помощь бабушкѣ—помѣшать исповѣди, отвести ненужныя и тяжелыя страданія отъ ея измученной души».—«Я не стану слушать: это мое послѣднее слово!» сказала Вѣра. Т. М. вздохнула, потомъ обняла ее.—«Да будетъ такъ!»—сказала она:—я приимаю твое рѣшеніе, какъ Божіе прощенье—и благодарю тебя за пощаду моей сѣдинѣ».

Т. М. «женщина значительная», «съ сильною нравственною властью»: «совершивъ подвигъ, устоявъ тамъ, гдѣ падаютъ ничкомъ мелкія натуры, вынесши и свое, и чужое бремя съ разумомъ и величіемъ, она тутъ же, на глазахъ, обращается опять въ простую женщину, уходитъ въ мелочи жизни, какъ-будто пряча свои силы и величіе, опять до случая, даже не подозрѣвая, какъ она вдругъ выросла, стала героиней, и какой подвигъ совершила».

К р и т и к а: Т. М.—«представительница патріархальнаго быта»—законченный характеръ прошлаго». Ея характеръ—одно изъ лучшихъ созданий Гончарова. Несмотря на старость, въ ней столько-же здоровья, счастья и бодрости, сколько и въ Марѣиныхъ». Авторъ не думаетъ идеализировать бабушку: онъ не скрываетъ, что иногда она можетъ быть деспотомъ. Малѣйшее сомнѣніе въ законности крѣпост-

ного права въ ея глазахъ—нелѣпость. «Просить своихъ подчиненныхъ бабушка не могла, это было не въ ея феодальной натурѣ. «Человѣкъ, лакей, слуга, дѣвка— все это навсегда, несмотря ни на что, оставалось для нея «человѣкомъ», лакемъ, слугой и дѣвкой». «Различіе между «людьми» и господами никогда и ничто не могло истребить. Она была въ мѣру строга, въ мѣру снисходительна, человѣколюбива, но все въ размѣрахъ барскихъ понятій». А кругъ феодальныхъ понятій весьма ограниченъ. «Борюшка, ты не огорчай бабушку—упрашивала она племянника, дай дожить ей до такой радости, чтобъ увидѣть тебя въ гвардейскомъ мундирѣ молодцомъ, приѣзжай сюда... да женись на богатой»... «Но предразсудки и ограниченность поверхностны: это кора стараго могучаго дерева, подъ которой свѣжіе соки: вотъ почему такіе зеленые листья на столѣтнемъ деревѣ. Когда того требуетъ долгъ, бабушка страшиваетъ съ себя всѣ предразсудки, и героическая сила ея простой души напоминаетъ намъ, въ самомъ дѣлѣ, тѣхъ древнихъ женщинъ, съ которыми сравниваетъ ее Гончаровъ. Впрочемъ, трудно сказать, чего больше въ ея сердцѣ—силы или нѣжности». «Состраданіе одно только могло сломить непобѣдимую гордость бабушки, и намъ почти страшно, когда мы видимъ эту величавую старуху униженной, смиренной и робко молящей «у ногъ любимой внучки». (Мережковскій. Сочин. т. XIII, 256). «Такой цѣльный, прекрасный, положительный женскій образъ, и притомъ, безъ утрировки, съ отрицательными, комическими чертами, со множествомъ уживающихся вмѣстѣ противорѣчій, принадлежитъ къ лучшимъ созданіямъ русской литературы. И если сравненіе этого лица съ цѣлой Россіей и кажется немного претенциознымъ, то нельзя не признать, что въ бабушкѣ писатель чудно соединилъ съ тѣмъ, что внесла въ нее современная дѣйствительность, то лучшее, идеальное, что вообще дается только избраннымъ женскимъ натурамъ: широту и глубину всепрощающей любви и признаніе неизбежности совершившихся фактовъ. Въ отживающей бабушкѣ прозрѣваемъ мы тѣхъ лучшихъ русскихъ женщинъ старшихъ поколѣній, которыя не съ брезгливой враждой и подозрительностью отнеслись къ юнымъ дочерямъ, а, напротивъ, съ любовью благословили ихъ на новую жизнь и новый трудъ, простивъ ихъ увлеченія, въ коихъ повинны не только онѣ сами, увлекшіяся, но и поколѣнія старшія, не умѣвшія во-время предостеречь и направить своихъ питомцевъ». (Острогорскій, «Этюды»). Наоборотъ, по замѣчанію Е. Ляцкого, «этотъ образъ стоитъ въ положительномъ противорѣчій съ тѣмъ пьедесталомъ, на который возводитъ его Гончаровъ, и съ тѣмъ чувствомъ глубокой симпатіи, какую возбуждаетъ этотъ образъ на первый взглядъ, благодаря особеннымъ свойствамъ писателя». Суммируя отрицательныя черты характера Т. М., тотъ же критикъ замѣчаетъ, что онѣ рисуютъ намъ типъ женщины, едва-ли очень симпатичной, особенно, если взглянуть въ этотъ типъ безпристрастно, отрѣшившись отъ того поэтического ореола, которымъ осѣняетъ его Гончаровъ, не скрывая своей симпатіи къ бабушкѣ». (Гончаровъ, стр. 256). 4) См. также «Прототипы».

Таулай Самва («Фрэг. Пал.»).—Правитель шанхайскаго округа, командиръ войскъ, сражавшихся противъ тайпинговъ (см. выше: Тайпингъ-Вань).

Тафаева, Юлія Павловна («Обыкн. Ист.»).—«Молодая вдова», лѣтъ двадцати трехъ, двадцати-четырехъ, «съ интересной блѣдностью, съ воздушной таліей, съ маленькой ножкой». «Очень недурно собой», «заурядъ хорошенькая». «Черты лица нѣжныя, тонкія, взглядъ кроткій и всегда задумчивый, частію грустный безъ причины, или, по причинѣ нервъ». «Была слабонервна, но это не мѣшало ей быть вмѣстѣ очень хорошенькой, умной и граціозной женщиной». По словамъ Александра, «очень умная женщина... прекрасно воспитанная», «любитъ музыку»... «Она была робка, мечтательна, чувствительна, какъ большая часть нервныхъ женщинъ». «На міръ и жизнь она глядѣла не совсѣмъ благосклонно, задумывалась надъ вопросомъ о своемъ существованіи и находила, что она лишняя здѣсь». «Но», «если кто проговаривался» «при пей о могилѣ, о смерти,—она блѣднѣла. Отъ ея взгляда ускользала свѣтлая сторона жизни.

Въ саду, въ рошѣ она выбирала для прогулки темную, густую аллею и равнодушно глядѣла на смѣющийся пейзажъ. Въ театрѣ смотрѣла всегда драму, комедію рѣдко, водевилъ никогда; зажимала уши отъ доходившихъ до нея случайно звуковъ веселой пѣсни, никогда не улыбалась шуткѣ». Иногда черты лица ея выражали «томленіе нѣги». Видно было, что она внутренно боролась съ какою-нибудь обольстительною мечтою—и изнемогала. «Нервы такъ сильно дѣйствовали, что и самый трепетъ нѣги повергалъ ее въ болѣзненное томленіе: мука и блаженство были у ней неразлучны». «Послѣ такой борьбы долго она была молчалива, грустна, потомъ вдругъ впадала въ безотчетное веселое расположение духа, не измѣняя, однакоже, своему характеру. По ея словамъ, одинъ Александръ «угадалъ» ее, а «изъ мужчинъ никто, даже мужъ, не могли понять хорошенько» ея «характера». По мнѣнію Александра,—«это женщина въ полномъ развитіи, слабая тѣломъ, но съ энергіей духа—для любви: она—вся любовь!» «Другихъ условій для счастья и жизни она не признаетъ». «Любить»—«это также даръ; а Юлія геній въ этомъ». «Сердце у ней было развито до нельзя, обработано романами» и «приготовлено для той романической любви, которая существуетъ въ нѣкоторыхъ романахъ, а не въ природѣ, и которая оттого всегда бываетъ несчастлива, что невозможна на дѣлѣ». Т. «не могла никакъ представить себѣ тихой, простой любви, безъ бурныхъ проявленій, безъ неумѣренной нѣжности». «Она-бы тотчасъ разлюбила человѣка, если-бъ онъ не палъ къ ея ногамъ при удобномъ случаѣ, если-бъ не клялся ей всѣми силами души, если-бъ осмѣлился не сжечь и испепелить ее въ своихъ объятіяхъ, или дерзнулъ-бы, кромѣ любви, заняться другимъ дѣломъ, а не пилъ-бы только чашу жизни по калѣ въ ея слезахъ и поцѣлुяхъ». Ея мечтательность «создала ей особый міръ»; если «что-нибудь въ простомъ мірѣ совершалось не по законамъ особаго, сердце ея возмущалось, она страдала». Умъ Юліи Павловны «отставалъ отъ сердца». Ея родители сами отступились отъ воспитанія, а положились во всемъ на француза Пуле, нѣмца Шмита и русскаго учителя Ивана Иваныча, которые и обработали «преждевременно и такъ неправильно сердце Юліи и оставили въ покоѣ умъ», не давъ ему никакой здоровой пищи. Во время ученія ей «очень понравилась въ мѣологіи комедія, разыгранная между Вулканомъ, Марсомъ и Венерой». «Она любила басню и о Семелѣ и Юпитерѣ, и объ изгнаніи Аполлона, и его проказахъ на землѣ, принимая все это такъ, какъ оно написано, и не подозрѣвая никакого другого значенія въ этихъ сказкахъ». «Французъ» познакомилъ ее «съ новой пиколой французской литературы». «Онъ давалъ ей читать: «Le manuscrit vert», «Les sept péchés capitaux», «L'âne mort» и цѣлую фалангу другихъ книгъ. Она «съ жадностью» читала эти книги. «Отъ нѣмца у ней въ памяти и осталось только, что ч а с т и ц а « z u с т а в и т с я н а к о н ц у ». «Изъ исторіи она узнала, что былъ Александръ Македонскій, что онъ много воевалъ, былъ прехрабрый... и, конечно, прехорошенькій...» Русскій «учитель принесъ ей» «Карамзина». «Юлія прочла «Вѣдную Лизу, нѣсколько страницъ изъ «Путешествій» и отдала назадъ». «Услужливый кузень» привезъ ей нѣсколько главъ «Онѣгина», «Кавказскаго плѣнника» и проч. «Она» познала сладость русскаго стиха. «Онѣгинъ» былъ выученъ наизустъ», а Татьяна взята ею за образецъ». «Итальянецъ и другой французъ довершили ея воспитаніе», «т. е., выучили ее танцовать, пѣть, играть, но музыки не выучили». «Пять лѣтъ» замужества съ Тафаевымъ она провела какъ въ скучномъ снѣ. Какъ далеко былъ ея «обыкновенный мужъ» «отъ тѣхъ героевъ, которыхъ создало ей воображеніе и поэты». Послѣ смерти мужа, «явилась свобода и любовь». Она «любила Александра еще сильнѣе, нежели онъ ее, она даже не сознавала всей силы своей любви и не размышляла о ней. Она любила въ первый разъ». «Всю жизнь я мечтала о такомъ человѣкѣ, о такой любви... и вотъ мечта исполняется... и счастье близко... Это мнѣ кажется сномъ».—«Не награда-ли это за все мои прошедшія страданія?» замѣчаетъ Т. И «для нея настали поэтическія мгновенія жизни», когда она переживала «то сладостную, то мучительную тревожность души, искала сама волненій, выдумывала»

вала себѣ и муку и счастье». «Она пристрастилась къ своей любви, какъ! пристращаются къ опиуму, и жадно пила сердечную отраву». Она «поддалась чувству безъ борьбы, безъ усилий, безъ препятствій, какъ жертва». «Въ глазахъ ея все, что ни касается любимаго предмета, все важный фактъ». «Каждое явленіе кругомъ, каждое движеніе мысли и чувства,—все замѣчалось и дѣлилось вдвоемъ». Она не пускала Александра «часто въ театръ», «а къ знакомымъ рѣшительно никогда», ревновала его къ теткѣ, «увидѣвъ, что та «молода и хороша». Если онъ не приходилъ, посылала ему записки,—«въ запискахъ—упреки, допросы и слѣды слезъ».—«Для меня любовь—все». «Я люблю тишину, уединеніе, книги, музыку, но васъ болѣе всего на свѣтѣ», признается она Адуеву. Т. покорно подчинялась всѣмъ его желаніямъ; терзаемая его ревностью, «она тутъ-же должна была оправдываться и откупаться разными пожертвованіями, безусловною покорностью: не говорить съ тѣмъ, не сидѣть тамъ, не подходить туда, переносить лукавыя улыбки и шопотъ хитрыхъ наблюдателей, краснѣть, блѣднѣть, компрометировать себя». «Если она получала приглашеніе куда-нибудь, она не отвѣчая, прежде всего обращала» «вопросительный взглядъ на Александра—и чуть онъ наморщить брови она, блѣдная и трепещущая, въ ту же минуту отказывалась. Иногда онъ дасть позволеніе—она соберется, одѣнется, готовится сѣсть въ карету,—какъ вдругъ онъ, по минутному капризу, произноситъ грозное veto! и она раздѣвалась, карета откладывалась». На желаніе Александра жениться на ней, Т. отвѣтила:—«Я буду связана вашей волей; но какая прекрасная цѣль! Заковычайте-же поскорѣй». Пораженная измѣной Александра, она перемѣнилась: «локоны у ней распустились, глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ, щеки пылали, черты лица странно разложились». Въ гнѣвъ она угрожала ему:—«Я отомщу вамъ», «я васъ не оставлю», «я не легко разстанусь съ своимъ счастьемъ», «я буду васъ преслѣдовать. Вы куда-то не уйдете отъ меня». То она переходила «въ тихій грустный тонъ и молила:—«Сжальтесь надо мной! не покидайте меня; что я теперь безъ васъ буду дѣлать? я не вынесу разлуки. Я умру».—«Ну, не любите меня»,—«исполните ваше обѣщаніе: женитесь на мнѣ, будьте только со мной... вы будете свободны: дѣлайте, что хотите, даже любите, кого хотите, лишь бы я, иногда, изрѣдка видѣла васъ... О, ради Бога, сжальтесь!».

Тафавевъ («О бы к н. И с т.»).—Уп. л. Мужъ Юліи Павловны. Сорока пяти лѣтній, «что называется, мужчина видный», «съ почтеннымъ чиномъ, съ хорошимъ состояніемъ, съ крестомъ на шеѣ, словомъ, съ карьерой и фортунной». «Нельзя сказать», «чтобы онъ былъ только простой и добрый человѣкъ». «Онъ въ обиду себя не давалъ», «и въ своей сферѣ считался дѣловымъ человѣкомъ». На вечерахъ иногда игралъ въ карты и «судилъ весьма здраво о «состояніи Россіи, о томъ, чего ей не достаетъ въ хозяйственномъ и промышленномъ состояніи».

Тафавевой гость («О бы к н. И с т.»).—Приѣзжій, «изъ ея стороны, гдѣ жили ея родные». «Пожилой, некрасивый человѣкъ, говорилъ объ урожаѣ да о своемъ сенатскомъ дѣлѣ». Просилъ позволить ему «присоединиться къ обществу» «знакомыхъ» Тафавевой.

Терентій («О б р ы в ъ»).—Лакей Бережковой.

Терентьевъ («Ф р е г. П а л.», «Черезъ 20-ть лѣтъ»).—Трюмный унтеръ-офицеръ. «Худошавый, рябой, лихой матросъ», всегда со свисткомъ на груди и съ линькомъ или лопаремъ въ рукахъ. Ѡадеева за то, что тотъ «таскалъ» изъ цистернъ воду, «треснулъ по затылку» и лопаремъ по спиѣ сѣздалъ». См. Ѡадеева. (При крушеніи «Діаны» упавшая пушка раздробила Т. ноги).

Тецкая, нягиня («Л и т е р. В е ч.»).—Во время чтенія Бебиковымъ романа, «достала какое-то вязанье, съ бѣлыми костяными спицами, и начала работать, впрочемъ, кажется, больше для вида, потому что изъ пяти только одинъ разъ попадала спицею, какъ слѣдуетъ. Она часто опускала руки съ вязаньемъ на колѣни, безпрестанно вздрагивая, будто отъ испуга или отъ внезапной боли,

и сильно мигая. Иногда даже у нея вырывалось нѣчто въ родѣ «аха» или «оха», сопровождаемаго опять вздрагиваніемъ. На это почти никто не обращалъ вниманія; всѣ знали, что у нея «нервы» и привыкли къ этому.—«Charmant! Charmant!»—говорила она, вздрагивая и мигая:—я очень довольна, и Катѣ понравилось... Catherine, n'est-ce pas?»—«Жаль только, что молодой человекъ,—продолжала княгиня съ разстановкой:—бросилъ службу; онъ испортилъ всю карьеру и огорчилъ мать!»—замѣтила Т. автору.—«Вѣдь это бываетъ,—замѣтитъ небрежно авторъ». «Да, какъ же: вотъ молодой Ступицынъ—то же самое! Зачѣмъ же описывать дурное! Это надо скрывать!» «Она вздрогнула, а авторъ пожалъ плечами».—«Онъ бы лучше посватался къ другой... какъ ее зовутъ—Лидія?»—говорила она. Comme elle est gentille, cette petite Lydie; n'est ce pas, Catherine?»—«Oui, maman, elle est très bien!..»—«Онъ женится на ней потомъ?»—спросила княгиня.—«Можетъ быть... вѣроятно...»—«А какъ же княгиня... что же она? Одна, въ деревнѣ, съ графомъ... Это ужасно! Зачѣмъ вы вывели княгиню: лучше бы простую!» Она сильно вздрогнула.—«Attendez done, еще я хотѣла спросить. Какъ же это Лидія ѣздитъ одна къ этой... потерянной Лизѣ...—шопотомъ прибавила она, чтобъ не слыхала дочь.—Supprimez cela!» «Она охнула и вздрогнула.

Тецкая, княжна («Литер. вѣщ.»).—«На лицѣ и во всей фигурѣ» ея «поклонлось на нарушимое спокойствіе; ни удовольствія, ни скуки не выражало это лицо. Можно было бы пазвать его мраморнымъ изваяніемъ, если бы—когда въ романѣ» (при чтеніи Бебикова) «заходила рѣчь о любви—это лицо не принимало влезало выраженія ничего не понимающей невинности». Когда читались сцены свиданія молодыхъ людей наединѣ», княжна «разъ шесть напускала на лицо непониманіе невинности», но при входѣ «запоздавшихъ слушателей», «бросила быстрый взглядъ на штатскаго, своего кузена. Послѣ чтенія, въ отвѣтъ на выразительную улыбку кузена, «спросила чуть слышно»:—«Eh bien?—C'est fait ma cousine!—Où done?»—«Тамъ, въ швейцарской въ вашемъ пальто.—«Merci!» То былъ, привезенный кузеномъ, новый романъ Зола—«La Curée».

Тимовой («Фрег. Пал.»).—Матрость; слуга Гончарова, смѣившій Фаддеева (на шкуиѣ Востокъ и во время путешествія по В. Сибири). Предъ остановкой въ Аянѣ, вмѣстѣ съ багажемъ вытацилъ «зонтикъ, купленный въ Англій и валявшійся гдѣ-то въ углу каюты».—«Жаль оставить, замѣтилъ онъ.—«Сказалъ, что ни за что не броситъ, что эта вещь хорошая и что онъ охотно повезетъ ее черезъ всю Сибирь. Такъ и сдѣлалъ».

Тить Никоневичъ Ватутинъ («Обрывъ»).—Старинный и лучший другъ «ежедневный гость», «собесѣдникъ и совѣтникъ» Татьяны Марковны. Помѣщикъ, владѣлецъ двухсотъ пятидесяти душъ или трехсотъ въ губерніи. «Ему было лѣтъ подь пятьдесятъ, а онъ имѣлъ видъ сорока-лѣтняго свѣжаго, румянаго человека, благодаря парикѣ и всегда гладко бритому подбородку». «Взглядъ и улыбка у него такъ были пріятливы, что сразу располагали въ его пользу». Онъ «не душился, не молился, а былъ какъ-то опрятенъ, изящно чистъ и благороденъ видомъ, манерами, обхожденіемъ. Одѣвался всегда чисто, особенно любилъ бѣлье и блисталъ не вышивками какими нибудь, не фасонами, а бѣлизной». «Все просто на немъ, но все какъ будто сіяетъ. Нанковые панталоны выглажены, чисты; синий фракъ какъ съ иголочки». Онъ, по мнѣнію Татьяны Марковны, «молодыхъ франтовъ за поясъ заткнетъ». «Слова его, манеры, поступъ, были проинкнуты какою-то легкой стыдливостью, скрывалась увѣренность въ собственномъ достоинствѣ и никогда не высказывалась, а какъ-то видимо присутствовала въ немъ, какъ будто готовая обнаружиться, когда дойдетъ до этого необходимость». «Онъ сохранялъ всегда учтивость и сдержанность въ словахъ и жестахъ, какъ бы съ кѣмъ близокъ ни былъ». «И губернатору, и пріятелю, и новому лицу онъ всегда одинаково поклонится, шаркнетъ ногой и приподниметъ ее немного назадъ, соблюдая старинные фасоны вѣжливости». «Пріятно кланяется», по выраженію Татьяны Марковны. Получивъ отъ Райскаго,

привезенные изъ Петербурга, подарки, «Т. Н. смутился, растерялся въ шарканьяхъ и благодарственныхъ привѣтствіяхъ». «Передъ дамой онъ никогда не сядетъ и даже на улицѣ говорить безъ шапки, прежде всѣхъ подниметъ платокъ и подвинетъ скамеечку. Если въ домѣ есть дѣвицы, то принесетъ фунтъ конфетъ, букетъ цвѣтовъ, и старается подладить тонъ разговора подъ ихъ лѣта, занятія, склонности, сохраняя утонченную учтивость, смѣшанную съ неизмѣнной почтительностью рыцарей стараго времени, не позволяя себѣ нескромной мысли, не только намека въ рѣчи, не являясь передъ ними иначе какъ во фракѣ». Къ Татьянѣ Марковнѣ подходилъ «къ ручкѣ», подносилъ ей «цвѣтокъ или фруктъ». «Дамамъ, по мнѣнію Ватутина, нужно говорить и дѣлать однѣ пріятности».—«Какъ угодно, *se femme que veut!*» соглашался онъ всегда. Несмотря на то, что онъ Вѣру и Марейнку,—«обѣихъ дѣвицъ», «на колѣняхъ качалъ и «обучалъ» грамотѣ вмѣстѣ съ Татьяной Марковной», онъ неизмѣнно называлъ Вѣру—Вѣрой Васильевной, а Марейнку—Марею Васильевной. Безъ ихъ «позволенія» Т. Н. не «смѣлъ» представить имъ подарка. Когда Марейнка хотѣла его поцѣловать, а Викентьевъ «ревновалъ», Т. Н. «заливался застѣнчивымъ смѣхомъ»:—«Къ вашимъ услугамъ, Марея Васильевна!.. сочту себя счастливымъ...» «Несмотря на свои ограниченныя средства, онъ имѣлъ видъ щедрого барина: такъ легко и равнодушно бросалъ онъ сто рублей, какъ будто бросалъ тысячи». Волохову онъ отдалъ триста рублей и не напомнилъ о долгѣ. Марейнкѣ въ день ея рожденія и помолвки подарилъ «роскошный дамскій туалетъ», артистической тонкой работы, съ Севрской фабрики».—«Пять тысячъ рублей ассигнаціями мой дѣдъ заплатилъ въ приданное моей родительницѣ, пояснилъ Райскому Т. Н. Онъ же и Вѣрѣ взялъ смѣлостью изготовить въ свое время, при ея замужествѣ, равный этому подарокъ («массивный серебряный столовый сервизъ», «старой, тоже артистической, работы»). «Не проходило почти дня, чтобы Т. Н. не принесъ какого-нибудь подарка бабушкѣ, или внучкамъ. Въ мартѣ, когда еще о зелени не слышать нигдѣ, онъ принесетъ свѣжій огурецъ, или корзиночку земляники, въ апрѣлѣ горсточку свѣжихъ грибовъ—«первую новинку».—«Вы не перемѣнились, Т. Н.! — замѣтилъ Райскій, встрѣтаясь съ Ватутинымъ, послѣ четырнадцатилѣтней разлуки: — «почти не постарѣли, такъ бодры, свѣжи, и также добры, любезны!» Т. Н. расшаркался, поднявъ немного одну ногу назадъ».—«Слава Богу: только вотъ ревматизмы и желудокъ не совсѣмъ... старость!» «Онъ взглянулъ на дамъ и конфузливо остановился; отъ этого, онъ былъ противникомъ тяжелыхъ и педобосваримыхъ блюдъ» и настоящимъ обѣдомъ признавалъ: «легкій супецъ изъ крупы, котлетку, щипленка, и желе». «Грибы и шампанское на ночь» считалъ также блюдомъ «неудобосваримымъ». «Онъ боялся сырости; Райскій, «по порученію бабушки», привезъ ему изъ Петербурга въ подарокъ «замшевую фуфайку и панталоны», и «кусокъ морского каната класть въ уши, какъ просилъ «самъ Ватутинъ». Любилъ потолковать объ «отмѣнныхъ гигиеническихъ правилахъ» врачей, самъ слѣдовалъ имъ и совѣтовалъ другимъ «не пренебрегать здоровьемъ»:—«Теперь августъ, вечера становятся сыры. »Вы,—говорилъ Вѣрѣ Т. Н.,—«дѣлаете продолжительныя прогулки,—это прекрасно,—ничто такъ не поддерживаетъ здоровья, какъ свѣжій воздухъ и моціонъ. Но при этомъ отнюдь не должно позволять себѣ выходить по вечерамъ, съ открытой головой, а равно и безъ ботинокъ на толстой подошвѣ. Особенно дамамъ при нѣжной комплексіи... Всего лучше при этомъ брать съ собою косыночку теплую».—«Не сыро-ли будетъ тамъ?—замѣтилъ Т. Н. на приглашеніе Бережковой пить вечерній чай въ саду. Онъ самъ «не курилъ табаку».—«Никотинъ очень вредно дѣйствуетъ на легкія и на желудокъ: осадокъ дѣлаетъ и насильственно ускоряетъ пищевареніе. Притомъ... неприятно дамамъ», замѣчалъ Т. Н.

Онъ былъ всегда «одинакій, вѣжливый, любезный» а когда разговоръ принималъ сколько нибудь острый характеръ, уклончиво улыбался и молчалъ. —«Какой странный человекъ! Слышите, Т. Н., что онъ говоритъ! обратилась бабушка къ Ватутину, отталкивая Райскаго».—«Пріятно слушать: очень,

очень умно—я ловлю каждое слово!—вмѣшалась Крицкая, которая все ловила взглядъ Райскаго, но напрасно». Т. Н. потупился, потомъ дружески улыбнулся Райскому.—«И я не выжила изъ ума! отозвалась сердито бабушка на замѣчаніе гостя».—«Видно, что Борисъ Павловичъ читалъ много новыхъ, хорошихъ книгъ... уклончиво произнесъ Ватутинь».—«Слогъ прекрасный! Однако, матушка, сюда самоваръ несутъ, я боюсь... угара». Т. Н. всёми любилъ сказать и сдѣлать «пріятное».—«Какимъ молодцомъ! Какъ возмужали! Васъ не узнаешь!—говорилъ Т. Н. Райскому при встрѣчѣ, сияя добротой и удовольствіемъ. Онъ и Волохова «принялъ у себя ночью», «накормилъ его» и «пріятно» провелъ съ нимъ время». Онъ подыскалъ оправданіе и Райскому предъ бабушкой, находившей, что въ первый день послѣ своего пріѣзда Борису Павловичу «обѣдать слѣдовало дома», а не въ гостяхъ (у Леонтія). Т. Н. объяснилъ, что «Борисъ Павловичъ, вѣроятно, хотѣлъ сдѣлать передъ обѣдомъ моціонъ и зашелъ далеко, и тѣмъ самымъ поставилъ себя въ нѣкотораго рода невозможность попасть къ обѣду». Т. Н. и о Волоховѣ отзывался мягко: «должно быть сбился въ ранней молодости съ прямого пути... Но, кажется, съ большими дарованіями и свѣдѣніями: могъ бы быть полезенъ». Готовя свадебный подарокъ Марѣинкѣ, онъ считалъ вкось «Райскаго порукой», что этотъ подарокъ будетъ благосклонно принятъ дорогой неворожденной».

Учился В. въ кадетскомъ корпусѣ, послѣ «служилъ въ военной службѣ»; наконецъ, «вышелъ въ отставку», пріѣхалъ въ городъ, купилъ маленькій домикъ, съ тремя окнами на улицу, и свилъ себѣ тутъ вѣчное гнѣздо. «Въ свою деревню, онъ «никогда не заглядывалъ», не зналъ даже сколько у него душъ и предоставлялъ крестьянамъ дѣлать, что хотятъ и платитъ ему оброку сколько имъ заблагоразсудится. Никогда онъ ихъ не повѣрялъ. Возьметъ стыдливо привезенныя деньги, не считая, положить въ бюро, а мужикамъ махнетъ рукой, чтобъ ѣхали куда хотятъ».

Т. Н. былъ «ежедневнымъ гостемъ» въ домѣ Бережковой.—«Это какъ моя семья»,—признался онъ Райскому. Когда, по желанію Татьяны Марковны, онъ вынужденъ былъ уѣхать въ свою деревню, Райскій привезъ его отсюда «чуть живого». «Онъ похудѣлъ, пожелтѣлъ, еле двигался, и только увидѣвъ Татьяну Марковну, всю ея обстановку, и себя самого среди этой картины, за столомъ, съ заткнутой за галстукъ салфеткой, или у окна на табуретѣ, подлѣ ея кресель, съ налитой ею чашкой чаю—мало-по-малу пришелъ въ себя и сталъ радоваться, какъ ребенокъ, у котораго отняли и вдругъ опять дали игрушки». «Онъ, отъ радости, вдругъ засмѣется и закроется салфеткой, потретъ руки одна о другую съ жаромъ, или встанетъ и ни съ того, ни съ сего, поклонится всѣмъ присутствующимъ и отчаянно шаркнетъ ножкой. А когда всё засмѣются надъ нимъ, онъ засмѣется пуше всѣхъ, сниметъ парикъ и погладитъ себѣ съ изступленіемъ лысину, или потреплетъ, вмѣсто Пашутки, Василису по щекамъ». «Словомъ, онъ немного одурѣлъ и пришелъ въ себя на третій день». Когда Татьяна Марковна позднѣе рѣшила уѣхать въ свое Новоселово, всѣхъ печальнѣе были Т. Н. Онъ «любилъ бесѣдовать съ нею о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ,—кто съ кѣмъ воюетъ, за что; зналъ отчего у насъ хлѣбъ дешевъ, и что бы было, если-бъ его можно было возить отсюда за границу». «Онъ любилъ читать, а особенно по части политики и естественныхъ наукъ, пополняя чтеніемъ «свое слабое образованіе». «Зналъ онъ еще наизусть всѣ старинныя дворянскіе дома, всѣхъ полководцевъ, министровъ, ихъ біографіи; рассказывалъ, какъ одно море лежитъ выше другого; первый увѣдомитъ, что выдумали англичане и французы и рѣшить, полезно ли это, или нѣтъ». «По словамъ Татьяны Марковны, Т. Н. «умно говорить»:—«Мнѣ не сговорить съ собой»—поговори съ Т. Н.»,—обратилась она къ Райскому. Тотъ же Т. Н. сообщалъ Татьянѣ Марковнѣ, что сахаръ подешевѣлъ въ Нижнемѣ, чтобы не обманули купцы, или что чай скоро вздорожаетъ, чтобъ она заблаговременно запаслась». Т. Н. «носилъ Марѣинкѣ журналы», а Бережковой что нибудь любопытное, по части хозяйства, какихъ нибудь событій, вродѣ

убійствъ, большихъ пожаровъ или гигиеническихъ наставленій». Вѣру и Марошкѣ «любилъ, какъ родныхъ дочерей».—«Какая отмѣнная дѣвица!»—отзывался Т. Н. о Марошкѣ».—«Это распускающаяся, такъ сказать, роза на стелькѣ, до коей даже дыханіе вѣтерка не смѣетъ коснуться!» «И чмокнулъ умиленно губами». Вѣру онъ называлъ также «отмѣнной дѣвицей». Однако, все происходившее въ Малиновкѣ, ускользнуло отъ его вниманія. Когда, «на другой день, послѣ безсонной ночи», Татьяна Марковна послала съ утра за Т. Н., «онъ пріѣхалъ было веселый, радуясь, что угрожалъ ей» и «Вѣрѣ Васильевнѣ болѣзнь и разстройство миновались благополучно, привезъ громадный арбузъ и апанасъ въ подарокъ, расшаркался, разлюбезничался...»—«Обовилъ къ осени фуфайку, поздравьте,—сказалъ онъ: подарокъ дражайшаго Бориса Павловича». «Взглянувъ на Татьяну Марковну, онъ вдругъ остолбенѣлъ и испугался». Послѣ долгой бесѣды съ Татьяной Марковной, Т. былъ «точно убитый». Отъ Татьяны Марковны Т. Н. былъ «въ восхищеніи», взглядъ его выражалъ «обожаліе»; къ пей онъ «питалъ какую-то почтительную, почти благоговѣйную дружбу, по пропагандную такой теплотой, что по тому только, какъ онъ входилъ къ пей, садился, смотрѣлъ на нее, можно было заключить, что онъ любилъ ее безъ памяти», по «въ ея тонѣ было больше живости и короткости». «Она даже брала надъ нимъ верхъ». По ея желанію онъ не принималъ Волохова, безъ ея позволенія ничего не дѣлалъ, а если предпринималъ что безъ ея вѣдома, то «сильно тревожился и боялся грозы».—«Можетъ быть, по своей добротѣ, простилъ меня, прибавлялъ Т. Н., когда безъ вѣдома Татьяны Марковны онъ приготовилъ свадебный подарокъ Марошкѣ и Вѣрѣ. О своемъ чувствѣ къ Татьянѣ Марковнѣ онъ молчалъ и «никогда, ни въ отношеніи къ пей, ни при пей, онъ не обнаружилъ, по своему обыкновенію, признака короткости». Онъ послѣдовалъ-бы за Татьяной Марковной на край свѣта», по «послѣ сплетни» (см. Татьяна Марковна), когда Бережкова уѣзжала въ свое Новоселово, Т. Н. было «песочемъ ловко ѣхать съ нею». Послѣ того, какъ Татьяна Марк. «разрѣшила В. пріѣхать къ ней на праздникъ Рождества, и тамъ, смотря по обстоятельствамъ, пожалуй, и остаться», «онъ вздохнулъ немного отраднѣе и обрадовался предложенію Тушина погостить до тѣхъ поръ у него».

Т. Н., по опредѣленію Райскаго, «остатокъ прошлаго вѣка, живущій подъ знаменемъ вѣчной учтивости, приличнаго тона, уклончивости, изыскашаго смиренія и таковыхъ же маперъ, все всеѣмъ прощающій, ничѣмъ не оскорбляющійся и берегущій свое драгоцѣнное здравье, всеѣмъ любимый и всеѣхъ любящій». Райскій видѣлъ въ немъ «идеаль добраго дяди, хотя, въ минуты хандры, Т. Н. въ его глазахъ являлся «старымъ, отжившимъ бариномъ, ни на что не нужнымъ». Волоховъ далъ Ватутину прозвище—«сахарный маркизъ». (Ср. Якубовъ. См. также—«Прототипы»).

Тмакинъ («На род и пѣ»):—Губернаторъ, предшественникъ Углицкаго.

Токеева, Анна Петровна, («Обрывъ»).—Уп. л. «Бабушка» «терпѣть не можетъ Ашу Петровцу Т.: даже не похристосовалась съ ней!»

Трухинъ («Лит. вѣч.»).—Худошавый господинъ въ синихъ очкахъ, («Синіе очки» въ очеркѣ), съ легкой просѣдью, въ бакенбардахъ, съ гладко выбрирымъ подбородкомъ, прилично одѣтый». По объясненію Урапова, Т. «служить у Алексѣя Петровича; тотъ прислалъ его на чтеніе вмѣсто себя; онъ говорилъ, что этотъ господинъ все печатное читаетъ; ни слова не пропускаетъ, все знаетъ и ему обстоятельно докладываетъ, такъ что тому ни газетъ, ни журналовъ читать самому не нужно». Кряковъ называлъ Т.: «господиномъ Синеековымъ» и «сикофантомъ». За ужиномъ «все молчалъ и слушалъ прилежно, смиренно потупляя взоръ въ тарелку и по временамъ взглядываясь изъ подъ очковъ то въ того, то въ другого изъ собесѣдниковъ. Когда Красноперовъ, напавъ на печать, затруднился указать примѣры, «гдѣ и какъ» печать поддерживаетъ «вредное направленіе» и «подстрекаетъ», Т. «сказалъ вкрадчиво» редактору:—«Вы

изволите спрашивать подтвержденіе тому, что Иванъ Петровичъ излагали сейчасъ насчетъ распространенія путемъ печати превратныхъ идей...—«Да-съ!—ствѣтилъ Редакторъ:—не возьмете ли. вы на себя трудъ доказать, чѣмъ это подтверждается въ печати?»—«Нѣтъ-съ, нѣтъ... положительнымъ образомъ не подтверждается, это точно-съ...»—Согласился, что печать приноситъ большую пользу»:—«Печать горячо преслѣдуетъ кражи, убійства, всякіе скандалы! Сломають ли кружку у церкви, или расхитятъ кассу въ банкѣ—вся пресса дружно и громко предастъ гласности и кражу, и вора; всякія публичныя безобразія, также неисправности администраторовъ, особенно повыше, тоже непременно обличить, по косточкамъ разбереть».—«Но—замѣтилъ Т.—она нерѣдко пропускаетъ безъ вниманія очень серьезныя вещи, и это меня иногда удивляло, признаюсь! стѣ безопасности ли, или отъ чего другого? Вотъ въ чемъ мнѣ любопытно бы попросить разъясненія...» Привелъ въ примѣръ волненія среди молодежи:—«Мнѣ только любопытно бы знать,—смирненно продолжали синія очки:—отчего пресса поскупилась на осужденіе этого поступка по достоинству... не прибавила ни слова отъ себя? Не пожурила, не разъяснила неприличія. Это бы не могло не подѣйствовать на молодые умы благотворно, я полагаю...» Затѣмъ перешелъ на отношеніе печати къ религіи:—«Противнаго религіи въ печати нѣтъ-съ, это правда. Оно и понятно: не позволили бы. Но зато ни одинъ журналъ не ополчается и за религію...—«Упадокъ религіознаго начала въ обществѣ ошутителенъ, а поддержки ему никакой нѣтъ... Напримѣръ, въ журналахъ»,—«на трехъ-четырехъ страницахъ нигдѣ не встрѣтишь, чтобы упоминалось имя Божіе. Это очень знаменательно»,—говорилъ Т., обращаясь къ Редактору; при этомъ «поспѣшно» прибавилъ, что онъ ничего не заключаетъ, а только хотѣлъ бы «прояснить этотъ вопросъ изъ любопытства». Ради такого же «любопытства», смирненно спросилъ Крякова:—«Изволили вы читать и къ какому роду произведеній, художественныхъ или нехудожественныхъ, вы относите, напримѣръ, романъ французскихъ писателей Эркмана-Шатріана «Исторія одного крестьянина?»—«Высокаго художественнаго достоинства!»—отрѣзалъ Кряковъ, мутно поглядѣвъ на него».—«Такъ-съ!—сказалъ С., «потупившись».—«А позвольте мнѣ,—также смирненнымъ голосомъ, передразнивая синія очки, заговорилъ Кряковъ:—въ свою очередь, спросить васъ, отчего именно объ этомъ романѣ спрашиваете вы меня?»—«Относительно художественности... за нимъ, кажется, французы не признаютъ этого качества,—замѣтилъ Т., «потупляясь къ тарелкѣ». (См. въ спискѣ: Эркманъ-Шатріанъ). Когда же Кряковъ обозвалъ Чешнева и всѣхъ присутствующихъ вообще «просто-на-просто «шovinистами», Т. «даже протеръ очки платкомъ и ждалъ отвѣта». Своимъ поведеніемъ обратилъ вниманіе Генерала и тотъ «спросилъ у Сухова, вполголоса:—«Кто это?».

Трусейчій («На родинѣ»).—Полякъ, присланный въ Симбирскъ изъ западныхъ губерній, послѣ возстанія 1830 г. Столоначальникъ канцеляріи губернатора. «Господишь съ большими черными бакепбардами, въ синемъ поношенномъ сюртукѣ».

Тсуй, Хизе-но-Кама Сама («Фрег. Пал.»).—Первый полномочный японскаго правительства, присланный изъ Едо въ Нагасаки для переговоровъ съ адмираломъ; по виду «самый древній, «отжившій старикъ»; однако, пріѣхавъ на фрегатъ, «онъ оказалъ удивительную бодрость, обошелъ палубы, спустился въ самую нижнюю, въ арсеналъ, и не обнаружилъ никакихъ признаковъ усталости».—«Такіе старички есть вездѣ, у всѣхъ націй. Морщины лучами окружали глаза и губы; въ глазахъ, въ голосѣ, во всѣхъ чертахъ, свѣтилась старческая, умная и привѣтливая доброта—плодъ долгой жизни и практической мудрости. Всякому, кто ни увидитъ этого старичка, захотѣлось бы выбрать его въ дѣдушки. Кромѣ того, у него были манеры, обличающія порядочное воспитаніе». «Онъ говорилъ медленно» («губы и языкъ ужъ потеряли силу»); «говоръ его походилъ на тихое и ровное переливанье изъ бутылки въ бутылку жидкости»;

«смотрѣлъ ласково и доброжелательно», дружески, съ улыбкой».—«Мы пріѣхали изъ за многихъ сотенъ, а вы изъ за многихъ тысячъ миль: мы никогда другъ-друга не видали, были такъ далеки между собою, а вотъ теперь познакомились, сидимъ, бесѣдуемъ, обѣдаемъ вмѣстѣ. Какъ это странно и пріятно!— «промямлилъ» Т. Во время обѣда въ домѣ губернатора былъ «любезнымъ» хозяиномъ, но въ отвѣтъ на желаніе адмирала, сдѣлать «два вопроса по дѣлу», «вынулъ пачку бумаги, тщательно отодралъ одинъ листокъ, высморкался, спряталъ бумажку въ рукавъ, потомъ кротко возразилъ, что, по японскимъ обычаямъ, при первомъ знакомствѣ, разговоры о дѣлахъ обыкновенно откладываются, что этого требуютъ приличіе и законы гостепріимства».

Тушинъ, Иванъ Ивановичъ («Обрывъ»).—«Шомѣщикъ», «лѣтъ тридцати восьми». «Молодецъ собой», «красивый мужчина», по мнѣнію Райскаго. «Высокій, плечистый, хорошо сложенный», «атлетъ по росту и силѣ». «Съ темными густыми волосами, съ крупными чертами лица, съ большими сѣрыми глазами, простымъ, скромнымъ, даже немного застѣнчивымъ, взглядомъ и съ густой темной бородой. У него были большія загорѣлыя руки, пропорціональный росту, съ широкими ногтями». По словамъ Райскаго, «рослый, здоровый,—буря ему ни по чемъ, медвѣдей бьетъ, лошадьми править, какъ самъ Фей—и красота, красота!» «Сила-то, мышцы-то, ростъ». Пріѣхалъ онъ къ Бережковой одѣтымъ «въ сѣрое пальто съ глухимъ жилетомъ, изъ-за котораго на галстукъ падалъ широкій отложной воротникъ рубашки домашняго полотна. Перчатки бѣлыя, замшевыя, въ рукахъ длинный бичъ, съ серебряной рукояткой».—«Какая простота, чтобъ не сказать больше... во взглядѣ, въ манерахъ», подумалъ Райскій, увидѣвъ Т. Его прозвали, «лѣсничимъ, п. ч. онъ жилъ въ самой чащѣ лѣса, въ собственнѣй усадьбѣ, самъ занимался съ любовью лѣсомъ, растилъ, холилъ, берегъ его съ одной стороны, а съ другой рубилъ,, продавалъ и сплавлялъ по Волгѣ. Лѣсу было нѣсколько тысячъ десятинъ, и лѣсное хозяйство устроено и ведено было съ рѣдкою аккуратностью; у него одного въ той сторонѣ устроенъ былъ паровой пильный заводъ, и всемъ завѣдывалъ, надъ всемъ наблюдалъ самъ Т.». «Пильный заводъ показался Райскому чѣмъ-то небывалымъ по обширности, почти по роскоши строеній»; «удобство и изящество дѣлали его похожимъ на образцовое англійское заведеніе». «Машины изъ блестящей стали и люди были въ своемъ родѣ образцовыми произведеніями». Самъ Т. тамъ показался Райскому «первымъ работникомъ», когда вошелъ въ свою технику, во все мелочи, подробности, лазилъ въ машину, осматривалъ ее, трогая рукой колеса». «Массы лѣсного матеріала отправлялись» отсюда «по водамъ до Петербурга, и за границу». Въ деревнѣ «у Т. Райскій не замѣтилъ пока обыкновенныхъ и повседневныхъ явленій»: «безпорядка, слѣдовъ бѣднаго крестьянскаго хозяйства, избъ на курьихъ ножкахъ, кучъ навоза, грязныхъ лужъ, сгнившихъ колодезь и мостиковъ, нищихъ, больныхъ, пьяныхъ, никакой распущенности». «Все строенія глядятъ, какъ новыя, свѣжо, чисто, даже ни одной соломенной кровли нѣтъ».—«Лѣсная усадьба и село,—а крыши соломенные»,—говорилъ Т.:—«это даже невыгодно. Лѣсъ свой, какъ же избамъ разваливаться!» «Лѣсъ содержался, какъ паркъ, гдѣ на каждомъ шагу видны слѣды движенія, работъ, ухода и науки». Въ имѣніи Тушина «было что то въ родѣ исправительной полиціи для разбора мелкихъ дѣлъ у мужиковъ, да заведенія, въ родѣ банка, больницы, школы». «Рабочая артель» смотрѣла какой то дружиной». «Мужики ходили сами на хозяйевъ, какъ будто занимались своимъ хозяйствомъ».—«Вѣдь они у меня, и свои (крѣпостные), и чужіе на жаловань», сказалъ Т. Райскому. «Дома Т. читалъ статьи по агрономической, и вообще по хозяйственной части, держалъ свѣдущаго нѣмца, специалиста по лѣсному хозяйству, но не отдавался ему въ опеку, требовалъ его совѣтовъ, а распоряжался самъ, съ помощью двухъ приказчиковъ, артелью своихъ и нанятыхъ рабочихъ. Въ свободное время онъ любилъ читать французскіе романы: это былъ единственный отгѣнокъ изнѣженности». «Въ промежуткахъ онъ ходилъ на охоту, удилъ рыбу, съ удовольствіемъ посѣ-

щаль холостыхъ сосѣдей, принималъ иногда у себя и любилъ изрѣдка покутить, т.-е. заложить нѣсколько троекъ, б. ч. горячихъ лошадей, понестись съ ватагой пріятелей версть за сорокъ, къ дальнему сосѣду и тамъ пропировать сутокъ трое, а потомъ съ ними вернуться къ себѣ или поѣхать въ городъ, возмутить тишину соннаго города такой громадной пирушкой, что дрогнетъ все въ городѣ, потомъ пропасть мѣсяца на три у себя, такъ что о немъ ни слуху, ни духу. Тамъ онъ опять рубить и сплавлять лѣсъ или съ двумя егерями разрѣзываетъ его вдоль и поперекъ, не то объѣзжаетъ тройки куленныхыхъ на ярмаркѣ новыхъ лошадей, или залѣзетъ зимой въ трущобу лѣса и выжидаетъ медвѣдя, колотитъ волковъ. Не разъ отъ этихъ потѣхъ Т. недѣли по три лежалъ съ завязанной рукой, съ попорченнымъ ухарской тройкой плечомъ, а иногда съ испаранннымъ медвѣжьей лапой лбомъ». «Ему правилась эта жизнь и онъ не покидалъ ее».

Т.—«это простая русская практическая натура, исполняющая призваніе хозяина земли и лѣса, перваго, самаго дюжаго работника между своими работниками и вмѣстѣ распорядителя и руководителя ихъ судебъ и благосостоянія». «Въ этой простой, открытой личности не было почти никакого лоска и никакой «краски». «Это былъ «чистый самородокъ». «Въ немъ крылась бессознательная, природная, почти непогрѣшительная система жизни и дѣятельности. Онъ какъ будто не зналъ, что дѣлалъ, а выходило какъ слѣдуетъ, какъ сдѣлали бы десятки приготовленныхъ умовъ, путемъ размышленія, науки, труда». Онъ «жилъ, не подозревая, что умѣетъ жить, какъ молеровскій *bourgeois-gentilhomme*, не подозревалъ, что «говоритъ прозой». «При первомъ взглядѣ», Т. могъ показаться «даже немного ограниченнымъ». «Про него нельзя было сказать— «умный человѣкъ», въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно говорятъ о людяхъ, замѣчательно надѣленныхъ этою силою; ни остроуміемъ, ни находчивостью, его тоже упрекнуть было нельзя». «Мнимая «ограниченность» Т», по мнѣнію Райскаго, «есть не что иное, какъ равновѣсіе силы ума съ суммою тѣхъ качествъ, которыя составляютъ силу души и воли; и то, и другое, и третье слито у него тѣсно одно съ другимъ и ничто не выдается, не просится впередъ, не сверкаетъ, не ослѣпляетъ, а тянетъ къ себѣ медленно, но прочно». «Воля служить Т. «послушнымъ орудіемъ умственной и нравственной силы». «Жизнь его совершала свой гармоническій ходъ, какъ будто разыгрывалось стройное музыкальное произведеніе, подъ управленіемъ данныхъ ему природой силъ». «Онъ не былъ самъ творцомъ своего пути, своей судьбы, ему, какъ планетѣ, очерчена орбита, по которой она должна вращаться; природа снабдила ее потребнымъ количествомъ тепла и свѣта, дала нужныя свойства для этого теченія,—и она идетъ неуклонно по начертанному пути».—«Нѣтъ, это не ограниченность въ Тушинѣ», рѣшаль Райскій: «это—красота души, ясная, великая!—Это само благодущіе природы, ея лучшія силы, положенныя прямо въ готовыя, прочныя формы. Заслуга человѣка тутъ—почувствовать и удержать въ себѣ эту красоту природной простоты и умѣть достойно носить ее, т. е. цѣнить ее, вѣрить въ нее, быть искреннимъ, понимать прелесть правды и жить ею». У Т., по словамъ Вѣри, «есть характеръ». «Онъ что подумаетъ, то и исполнить. У него мысли вѣрныя, сердце твердое...» Онъ «никогда не лжетъ». «Глядя на него, слушая его, видя его дѣятельность, распоряженія по хозяйству, отношенія къ окружающимъ его людямъ, къ приказчикамъ, крестьянамъ—ко всѣмъ, кто около него былъ, съ кѣмъ онъ соприкасался, съ кѣмъ работалъ, или просто говорилъ, жилъ вмѣстѣ, Райскій удивлялся до наивности какимъ-то, наружно будто противоположнымъ, гармонически уживавшимся въ немъ: мягкости рѣчи, обращенія—съ твердостью, почти методическою, намѣреній и поступковъ, ненарушимой правильности взгляда, строгой справедливости—съ добротой, тонкой, природной, а не выработанной гуманностью, снисхожденіемъ,—далѣе, смѣси какого-то трогательнаго недовѣрія къ своимъ личнымъ качествамъ, робкихъ и стыдливыхъ сомнѣній въ себѣ—съ смѣлостью и настойчивостью въ распоряженіяхъ, работахъ, поступкахъ, дѣлахъ». Т. «не вѣдаетъ страховъ». «Съ нимъ не страшно ничто, даже сама

жизнь!»—говорит Вѣра; призвавъ Т. послѣ своей «бѣды», Вѣра «вздохнула свободнѣе, чувствуя, что подлѣ нея воздвигается какая то сила, встаетъ, въ лицѣ этого человѣка, крѣпкая, твердая гора, которая способна укрыть ее въ своей тѣни и каменными своими боками оградить—не отъ бѣдъ страха, не отъ физическихъ опасностей, а отъ первыхъ, горячихъ натисковъ отчаянія, отъ дымящейся еще язвы страсти, отъ горькаго разочарованія». Вѣру Т. «обожаютъ», предъ Вѣрою «благодарятъ». «И лицо и фигура, и движенія «лѣсничаго» были исполнены глубокой симпатіи къ Вѣрѣ, сдерживаемой какимъ-то трогательнымъ уваженіемъ». «Этотъ атлетъ, повидимому, невѣдающій никакихъ страховъ и опасностей здоровякъ, робѣлъ передъ красивой, слабой дѣвочкой, жался отъ ея взглядовъ въ уголь, взвѣшивалъ свои слова при ней, очевидно сдерживалъ движенія, караулил ея взглядъ, не прочтетъ ли въ немъ какого-нибудь желанія. боялся не сказать бы чего лишняго, не промахнуться». Т. хотѣлъ «сдѣлать предложеніе Вѣрѣ, но вмѣсто этого, услышалъ ея рассказъ о «паденіи». «Онъ поблѣднѣлъ. Его вдругъ пошатнуло. Онъ какъ будто потерялъ равновѣсіе и сѣлъ на скамью...—«А я думалъ,—сказалъ онъ со странной улыбкой,—будто стыдятся своей слабости и вставая медленно и тяжело со скамьи:—что меня только медвѣдь свалитъ съ ногъ».—«Я кланяюсь вамъ по-прежнему, а люблю—извините, къ слову пришлось,—еще больше прежняго, потому что... вы несчастливы». «Напрасно только вы сказали мнѣ вашу тайну, прибавилъ онъ съ уныніемъ, почти съ отчаяніемъ». Когда же «Вѣра отвѣтила ему:—скрыть отъ васъ—это было бы мукой для меня. Теперь мнѣ легче:—я могу смотрѣть прямо вамъ въ глаза, я не обманула васъ...»—Вотъ это другое дѣло; благодарю васъ, благодарю!»—торопливо говорилъ Т., скрадывая волненіе.—«Вы дѣлаете мнѣ большое добро. Я вижу, что дружба ваша ко мнѣ не пострадала отъ другого чувства, значитъ, она сильна. Это большое утѣшеніе!» «Вопросъ объ «оскорбленномъ чувствѣ и обманутыхъ надеждахъ» «въ первые дни сильно ломалъ» Т. и, чтобы вынести эту ломку, нужна была медвѣжья крѣпость его организма и вся, данная ему и сбереженная имъ, сила души. И онъ вынесъ эту борьбу». «Онъ вѣрилъ въ непогрѣшимость Вѣры, и эта вѣра, которою держалась его чистая, глубоко-нравственная страсть къ пей, да прелесть ея обаятельной красоты и довѣріе къ ея уму, сердечной честности, заглушали животный эгоизмъ страсти и спасали его не только отъ отчаянія въ горѣ, но и отъ охлажденія къ Вѣрѣ». «Она не виновна, а несчастлива, думалъ онъ. «Т. былъ точно непокоенъ, но не столько отъ оскорбленныхъ чувствъ», «сколько отъ заботы о томъ, что было съ Вѣрою послѣ: кончена ли ея драма, или нѣтъ?» «Не оглянулась ли и она опять назадъ? Не подали ли они другъ другу руки навсегда, чтобы быть счастливыми». «Какъ онъ, Т., и какъ сама Вѣра понимаютъ счастье?» «Вопросъ этотъ не переставалъ грызть Т. Ему казалось невѣроятно, чтобы Маркъ устоялъ въ своихъ понятіяхъ и остался только на днѣ обрыва. «Не дуракъ же онъ, не слѣпой!..» «За что-нибудь любила она его... Нѣтъ—любить его нельзя—а влюбилась, увлеклась фальшиво...» думалъ онъ: «онъ опомнится, воротится, и она будетъ счастлива... Дай Богъ! Дай Богъ!» молился онъ за счастье Вѣры, и въ эти минуты блѣднѣлъ и худѣлъ—отъ безнадежности за свое погпающее будущее, безъ симпатіи, безъ счастья, безъ Вѣры, безъ всѣхъ этихъ и... и... и... «Какая же это жизнь?» думалъ онъ. «Той жизнью, какою я жилъ прежде, когда не зналъ, есть ли на свѣтѣ Вѣра Васильевна, жить дальше нельзя. Безъ нея—дѣло станетъ, жизнь стаетъ!» Узнавъ, что Вѣра хочетъ порвать съ Маркомъ навсегда, и только не знаетъ, какъ это сдѣлать, «не можетъ сама», Т. «весь просіялъ...»—«И вы подумали обо мнѣ: Т. выдержать и послужитъ мнѣ», и позвали меня... такъ?»—«Видѣть его, (Марка) чтобы передать ему эти двѣ строки, которыхъ вы не могли написать: вѣдь, это—счастье, Вѣра Васильевна!»—Порученіе это Т. «исполнилъ, какъ «рыцарь» и «дипломатъ», «унизивъ Марка холодной вѣжливостью на всѣ его задиранія. Маркъ, какъ ни ускользалъ, а далъ отвѣтъ».—«Вѣра Васильевна «любитъ меня, какъ «человѣка», какъ друга», говорилъ Т. Бережко-

вой:—«Это ея слова,—дѣлать, конечно, больше, чѣмъ я стою... это большое счастье. Это, вѣдь, значитъ, что со временемъ... полюбила-бы—какъ добраго мужа...»—
«Татьяна Марковна!—заговорилъ онъ, вдругъ» «взявъ высокую ноту, горячо и сильно».—«Вѣдь если лѣсъ мѣшаетъ идти впередъ, его вырубаютъ, море переплываютъ, а теперь вонъ прорываютъ и горы насквозь, и все идутъ смѣлые люди впередъ! А здѣсь, ни лѣса, ни моря, ни горъ—ничего нѣтъ: были стѣны и упали, былъ обрывъ и цѣть его! Я бросаю мостъ черезъ него и иду, ноги у меня не трясутся... Дайте же мнѣ Вѣру Васильевну, дайте мнѣ ее!—почти кричалъ онъ:—я перенесу ее черезъ этотъ обрывъ и мостъ—и никакой чортъ не помѣшаетъ моему счастью и ея покою—хоть живи она сто лѣтъ! Она будетъ моею царицей и укроется въ моихъ лѣсахъ, подъ моею защитой, отъ всякихъ грозъ и забудетъ всякіе обрывы, хоть бы ихъ были тысячи!! Что это вы не можете понять меня!»
И когда «бабушка» сказала, что ручается за Вѣру: Вѣра, «когданибудь», «будетъ его женою», Т. «вдругъ точно вырость, помолодѣлъ, сталъ, чѣмъ былъ прежде».—«Т. человѣкъ съ ногъ до головы», отзывается о немъ Вѣра. Онъ «человѣкъ, какими должны быть всѣ и всегда». «Тушины—наша истинная «партія дѣйствія», наше прочное «будущее», которое выступить въ данный моментъ, особенно, когда все это»—оглядываясь кругомъ на поля, на дальнія деревни, рѣшалъ Райскій—«когда все это будетъ свободно, когда всѣ миражи, лѣны и баловство исчезнуть, уступивъ мѣсто настоящему «дѣлу», множеству «дѣла» у всѣхъ,—когда съ миражами исчезнутъ и добровольные «мученики», тогда явятся, на смѣну имъ, «работники», «Тушины» на всей лѣстницѣ общества...».

Туменовъ, ин. Мишель («Обломовъ»).—Уп. л. Пріятель Волкова, влюбленный въ Дашеньку, для которой Волковъ, за счетъ М., хлопоталъ о букетѣ изъ камелій; за счетъ того же Мишеля, Волковъ звалъ Обломова ѣсть устриць.

Тычковъ, Ниль Андреичъ («Обрывъ»).—«Предсѣдатель Палаты въ отставку»; «послѣдній могиканъ, послѣдній изъ генераловъ Тычковыхъ». «Важный старикъ», «съ сросшимися бровями, съ большимъ расплывшимся лицомъ, съ подбородкомъ, глубоко ушедшимъ въ галстукъ, съ величавой благосклонностью въ рѣчи, съ чувствомъ достоинства въ каждомъ движеніи». «На широкъ» къ Татьянѣ Марковнѣ явился во фракѣ, со звѣздою». Бережкова напомнила Райскому, что Т.—«его превосходительство», такъ всѣ его титуловали, даже дамы, и всѣ поклонялись «фальшивому пугаль-авторитету» Т. Подчиненные «облизывались» отъ одобренія Нила Андреича; Бережкова также находила «лестными похвалы Т.».—«Человѣкъ почтенный, его всѣ уважаютъ и боятся, даромъ, что онъ въ отставку, говорила Райскому Татьяна Марковна.—«Старый, серьезный человѣкъ, со звѣздой», «говоритъ умно, учить жить, не запоетъ: ти-ти-ти, та-та-та». Строгий: за дурное осудить!»—«Одного франта такъ отдѣлалъ, узнавъ, что онъ въ Троицу не былъ въ церкви, что тотъ и языкъ прикусилъ. «Я, говорить, донесу на васъ: это вольнодумство!» И вѣдь донесеть, съ нимъ шутить нельзя. Двухъ помѣщиковъ подъ опеку подвелъ. Его боятся, какъ огня. А такъ—онъ добрый: ребенка встрѣтитъ—по головѣ погладитъ, букашку на дорогѣ никогда не раздавитъ, а отодвинетъ тростью въ сторону. «Когда не можешь, говорить, дать жизни, и не лишай»; Марейнка также совѣтовала Райскому обрить бороду, п. ч. Ниль Андреичъ увидитъ—разсердится. Онъ терпѣть не можетъ бороды: говорить, что революціонеры носятъ ее». Викентьевъ, представляя Нила Андреича, «сдѣлалъ важную мину», «опустилъ бороду въ галстукъ, сморщился, поднялъ палецъ вверхъ и дряблымъ голосомъ произнесъ:—«Молодой человѣкъ! твои слова потрясаютъ авторитетъ власти!» «Въ Палатѣ прослужилъ пятьдесятъ лѣтъ; дослужился до генерала и въ карманѣ у себя «тоже казенную палату завелъ»: «взятками набралъ кучу денегъ, «обобралъ и въ сумасшедшій домъ заперъ родовую племянницу». Онъ сталъ «богатъ» и «раздулся отъ гордости», выставляя всюду свой «авторитетъ». Т. позволялъ себѣ по какому-то праву оскорблять всѣхъ, говорить имъ грубости, пошлости, глупости; когда Райскій сказалъ, при знакомствѣ, что онъ боится Нила Андреича, тотъ «съ удовольствіемъ засмѣялся».

—«Я страшень только для порока!»—заявилъ Т. На прямой вопросъ Райскаго, — «кто вамъ далъ право быть судьей чужихъ пороковъ?» Т. отвѣтилъ вопросомъ: — «А вы, молодой человекъ, по какому праву смѣете мнѣ дѣлать выговоръ? Вы знаете-ли, что я пятьдесятъ лѣтъ на службѣ и ни одинъ министръ не сдѣлалъ мнѣ ни малѣйшаго замѣчанія». Онъ всѣхъ журилъ: своихъ подчиненныхъ за то, что одинъ «былъ одѣтъ пестро» и, «шутъ-шутотомъ», пожаловалъ къ Т. («вмѣсто фрака въ какомъ-то сюртучкѣ на отлетѣ»); другому досталось за то, что вздумалъ корить за пьянство своего отца-старика»; третьему за знакомство съ Полиной Карповной.—«Какъ теперь: все еще ходишь!» строго спросилъ Т. Онъ не терпѣлъ «умниковъ въ кургузыхъ одѣянiяхъ» и поглядывалъ «на жакетку» Райскаго, «косился» на его бороду, но не высказывалъ прямо своего неодобрения, а говорилъ обиняками:—«Такъ изволите видѣть: лишь замѣчу въ молодомъ человекѣ такую прыть», «дескать, я самъ умень, никого знать не хочу»—и пожурю, пожурю, не прогнѣвайтесь!» Молодежью Т. вообще былъ недоволенъ:—«Дай волю, они бы и того... готовы насъ всѣхъ заживо похоронить, а сами сѣли бы на наше мѣсто—вотъ, вѣдь, къ чему все клонится!»—«Вы вѣдь изъ новыхъ?» спросилъ онъ Райскаго; упомянувъ о томъ, что мужики о волѣ заговариваютъ», прибавилъ:—«Начинается то не съ мужиковъ»,—при этомъ Ниль Андреичъ покосился на Райскаго:—а потомъ зло, какъ эпидемiя разольется повсюду. «Сначала молодецъ, рассуждалъ Т., ко всеночной перестанетъ ходить: «скучно, дескать», «а потомъ найдеть, что по начальству въ праздникъ ѣздить лишнее; это, говорить, холопство, а послѣ въ неприличной одеждѣ на службу явится, да еще бороду отрастить и—дальше, и дальше—и дай волю, онъ тебѣ втихомолку доложитъ потомъ, что и Бога-то въ небѣ нѣтъ, что и молиться то не кому». Узнавъ, что Райскiй «прiятель» Марка, сказалъ:—«Такъ вы съ нимъ по ночамъ шатаетесь!»—«А знаете ли вы, что онъ подозрительный человекъ, врагъ правительства, отверженецъ церкви и общества?»—«Что это ты проповѣдуешь: бунтъ? вдругъ сказалъ Ниль Андреичъ, перебивая рассужденiя помѣщика (о голодѣ въ Ирландiи и о томъ, что, отчего бы не взять въ Англiи, «хоть половину, хлѣба, скота, да и не отдать туда, въ Ирландiю)»—«Ну, какъ услышать тебя мужики? напиралъ Ниль Андреичъ:—а? тогда что?» «Они и теперь, еще ничего не видя, навострили уши!» Къ «дамамъ» обращался на «ты», а Настасью Петровну называлъ «плутовкой» и грозилъ ей пальцемъ. Полину Карповну именовать то Далилой, то Пелагеей Карповной, издѣваясь надъ ея годами и легкомысленнымъ костюмомъ. Полину Карповну въ насмѣшку выставлялъ «образцомъ матерямъ и дочерямъ, «журилъ» за то, что она въ сорокъ лѣтъ «ходитъ въ розовомъ, бантики да ленточки» и въ церкви по сторонамъ глядитъ». Онъ готовъ былъ «пожурить» и Татьяну Маркову, несмотря на то, что, когда-то, «приносилъ бумаги изъ Палаты къ отцу» Бережковой и при ней «сѣсть не смѣлъ», а по праздникамъ получалъ не разъ изъ ея рукъ подарки». «Наталью Ивановну похвалилъ за то, что она и знаетъ (какъ называются по французски кургузья одѣянiя), да не говорить».—«Ой, знаешь, матушка! лукаво замѣтилъ Ниль Андреичъ: только при всѣхъ стыдишься сказать. За это хвалю!» Когда Крицкая уѣхала въ слезахъ, глубоко обиженная Тычковымъ, онъ съ величавой улыбкой, принималъ общiй смѣхъ одобренiя.—«Ничего, скушаетъ на здоровье!»—«Не ходи раздѣтая при людяхъ: здѣсь не баня!»—«Да не вертись по сторонамъ въ церкви, не таскай за собой молодыхъ ребятъ!» Постоянно говорилъ, что любитъ правду.—«Скажите-ка правду»,—просилъ онъ Райскаго.—«Люблю, когда обо мнѣ правду говорятъ», твердилъ Т. Однако, когда Райскiй высказалъ то, что о Т. зналъ «весь городъ», «Ниль Андреичъ поблѣднѣлъ».—«Кто, кто передалъ тебѣ эти слухи, говори!» и пригрозилъ унечъ «и Райскаго и его весь домъ» въ двадцать чегыре часа, куда воронъ костей не заноситъ». «Т. задыхался отъ злости и не зналъ самъ, что говорилъ».—«Кто, кто ему это сказалъ, я хочу знать! Кто... говори!» «хрипѣлъ онъ». Т. сталъ «багровый»:—«того и гляди, лопнетъ совсѣмъ! замѣтила Татьяна Марковна. Она «остановила его такимъ повелительнымъ жестомъ, что онъ окаменѣлъ

и ждалъ, что будетъ», ворочая «одурѣлыми глазами».—«Я въ Петербургъ пишу... городъ въ опасности... торопливо говорилъ онъ, поспѣшно уходя». Онъ хотѣлъ предложить губернатору «выслать, «за неуваженіе къ рангу», Райскаго изъ города, какъ безпокойнаго челоуѣка, а Бережкову обязать подпиской не принимать у себя Волохова, но ни губернаторъ, ни вице-губернаторъ, ни совѣтники не завернули къ Т.». Онъ снизошелъ до того, что самъ, будто гуляя, зашелъ дома въ два и получилъ отказъ». «Начать жалобу самому, раскалывать старыя воспоминанія, онъ почему-то не счелъ удобнымъ». Т. «отомстилъ Татьянѣ Марковнѣ и Райскому по своему: «старый сплетникъ» у помѣшанной «пьяной пищенки» откопалъ «старую исторію» Бережковой и въ придачу пустилъ по городу слухъ, что, въ день рожденія Марюинки, Вѣра гуляла «ночью и наканунѣ» не съ Райскимъ, а съ Тушинымъ».

Тюменевъ, князь («Обломовъ»).—Уп. л. Знакомый Обломова. По словамъ Волкова, въ домѣ Т. «нынѣшнюю зиму, по средамъ, меньше пятидесяти не бывало, а иногда набиралось до ста».—«Какой веселый домъ! На какую ногу поставленъ!»—«А дача! Утонула въ цвѣтахъ. Галерею пристроили, gotique!..».

У.

У. («Фрег. Пал.»).—См. въ Спискѣ: Унковскій.

Углицкая, Марья Андреевна («На родинѣ»).—Жена губернатора. По выраженію Якубова, «прекрасная дамочка», «хотя эта дамочка была увядшая, худощавая, съ впалыми, потухшими глазами, и вовсе не прекрасная собой женщина». «Жила сознаниемъ, что она—первая дама въ губерніи», и важничала среди губернскихъ дамъ». «Въ этомъ то только у нея, кажется, и было утѣшеніе. Прочее все съ лѣтами измѣняло ей, начиная съ мужа». Благодаря Линѣ, безъ которой губернаторша также не могла обойтись, какъ губернаторъ безъ Добышева», «у нея «въ рукахъ» «были нити всей губернской политики, и она иногда сама пользовалась этими свѣдѣніями, даже передавала кое-что мужу для его служебныхъ соображеній, и иногда озадачивала кого-нибудь безцеремоннымъ намекомъ на секретное семейное событіе, никогда не обнаруживая источника». Съ молодыми людьми обращалась безцеремонно, по начальнически. Была «очень набожная». Узнавъ о томъ, что Чуча отдала голодному татарину «освященную просвирку», всплеснула руками и «завонила, по словамъ дочери, во всѣ «сонетки», по приказу У. «позвали людей» и «разослали искать татарина по окрестнымъ улицамъ». «Татарина нашли и привели. Онъ успѣлъ съѣсть только верхнюю, т.-е. освященную половину, и закусывалъ лукомъ». «Набожная губернаторша ужаснулась, хотѣла ѣхать къ архіерею, спросить, что дѣлать, не надо ли окрестить татарина и прочее. Но губернаторъ отпустилъ его».

Углицкая, Софья Львовна («На родинѣ»).—Дочь губернатора; «хорошенькая», «граціозная» дѣвушка, «съ отгѣнкомъ легкой ироніи, которая, какъ скрытая булавка, пѣтъ-нѣтъ, да и кольнетъ. Дитя и вмѣстѣ не дитя: прелесть дѣвушка! Она мило краснѣла. Румянецъ вспыхнетъ и въ ту же секунду спрячется, и опять покажется, глазки блеснутъ и прикроются рѣсницами». «На пути къ губернаторскому кабинету, вспоминаетъ Гончаровъ, «она была для меня какъ сирена для Улисса». «Перекинешся съ ней, сначала двумя-тремя словами, и иногда застоишься, заслушаешься сонаты, или просто засмотришься, какъ она застѣнчиво краснѣетъ и сверкаетъ веселыми агатовыми глазками»..

Углицкій, Левъ Михайловичъ («На родинѣ»).—Губернаторъ; у него «были красивыя, правильныя черты лица, живые каріе глаза съ черными бровями, прекрасно очерченный ротъ съ тонкими губами. Взглядъ бѣглый, зоркій, улыбка веселая, перенного насмѣшливая. Стройныя, красивыя руки съ длин-

ными прозрачными ногтями. Дома, въ утреннемъ нарядѣ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, манжетами, онъ смотрѣлъ франтомъ». «Онъ былъ представителемъ, *présentable*, по его выраженію», и «красиво губернаторствовалъ въ приемахъ у себя на дому, въ гостиныхъ у губернской знати, на губернаторскихъ выходахъ въ праздники, или въ соборѣ у обѣдни». «Всякій въ толпѣ, не зная его, скажетъ, что это губернаторъ. Когда онъ гулялъ одинъ пѣшкомъ по городу, незнакомые встрѣчные снимали шляпу, узнавая въ немъ «особу». Онъ пуще всего дорожилъ представительностью, и другихъ цѣнилъ по тону, позѣ, манерамъ. Онъ представительность смѣшивалъ съ добродѣтелью и снисходилъ, ради нея, къ чужимъ порокамъ, а къ своимъ и подавно, чувствуя себя *présentable au plus haut degré*.—«*Tres présentable!*»—было у него высшей аттестаціей новаго лица». «Происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, учился, кажется, въ пажемскомъ корпусѣ, или дома, а вѣрнѣе, должно-быть, нигдѣ не учился». Прошелъ строгую военную школу, сражался, дѣлалъ, что ему приказывали, и «не вложилъ въ дѣло часть самого себя, что-нибудь свое». Изъ войны, походовъ, сраженій, только вынесъ «впечатлѣнія личной отваги, блеска, щегольства, разныхъ веселыхъ авантажъ за границей». «Серьезная, строгая сторона той великой эпохи (1812 года) отъ него «ускользнула». Онъ ея будто не видалъ, жилъ какъ-то внѣ ея. Дома у себя—та же беззаботность и безсодержательность жизни, на широкую ногу, хотя У. былъ «въ долгу, какъ въ шелку». Свои долги онъ раздѣлялъ на «подвижные» и «стереотипные». Сумма «подвижныхъ мелкихъ долговъ мѣнялась, то повышалась, то понижалась: послѣднее случалось, когда заимодавецъ попадалъ въ «денежную минуту», узнавалъ, что У. получилъ кушъ. Онъ уплачивалъ, если не все, то хоть часть. Если же долгъ затягивался, то, послѣ извѣстнаго срока, причислялся къ стереотипнымъ. Правда, онъ возлагалъ упованіе на наслѣдство послѣ какой-то богатой бездѣтной тетки въ Петербургѣ,—но это наслѣдство было проблематическое, въ родѣ ожиданія пріѣзда богатаго дяди изъ Америки». У У.—аго «дѣланіе долговъ было приведено въ систему, но все, что доставлялось въ губернаторскій домъ изъ лавокъ, оплачивалось немедленно». «Ничѣмъ этимъ, какъ и мелкими долгами, онъ не грѣшилъ».—«*Это mauvais genre*,—говорилъ онъ».—Крупныхъ доходовъ по службѣ У. гнушался не менѣе, хотя «злослычный Яновъ» рассказывалъ, что «откупщику не везетъ» въ «карточной игрѣ... съ губернаторомъ». «Въ дѣлахъ по своей должности былъ очень чутокъ, наблюдателемъ и зорокъ». «По одному намеку въ началѣ протокола онъ зналъ о чемъ говорится дальше, нужды нѣтъ, что въ правленіи слушалъ чтеніе въ полъ-уха». «Толпу просителей приметъ живо, бойко, разберетъ и отпустить въ какіе-нибудь полчаса. Осмотритъ тюрьму, какой-нибудь госпиталь—все это на ходу, мимоходомъ, до завтрака, а между завтракомъ и обѣдомъ дѣлаетъ или принимаетъ визиты». «Но для дѣла онъ не сдѣлалъ ничего, ни дурного, ни хорошаго, какъ и его предмѣстники. Были, правда, у него порывы»: «разогнать немного тьму, прижать взяточничество, замѣстить казнокрадовъ порядочными людьми, но онъ былъ не геркулесъ, чтобы очистить эти авгіевы копыни. Гдѣ ему? У него вдругъ загорится порывъ, вспыхнетъ и скоро протынетъ». У него «идеи, намѣренія вспыхивали внезапно, какъ искры»; «снаружи дѣло такъ и кипѣло у него и около него,—и все-таки ничего новаго, живого, интереснаго во всей административной машинѣ не было. У него была тьма способностей, но живъ, бодръ, зорокъ и очень подвиженъ былъ онъ самъ, а дѣло оставалось такимъ же, какъ онъ его засталъ». У. «бѣгло говорилъ по-французски, а русской рѣчью владѣлъ мастерски, безъ книжнаго краснорѣчія»; но былъ безграмотный или, по меньшей мѣрѣ, полуграмотный. Ни по-русски, ни по-французски онъ не напишетъ двухъ-трехъ строкъ грамматически правильно. Орѳографія и синтаксисъ отсутствовали. Для переписки, даже для писанія простыхъ интимныхъ писемъ, ему нуженъ былъ секретарь или секретари». Рѣчь «лилась у него, умно, блестяще, съ искрами юмора, съ нежи-

данными ловкими оборотами, остроумными сравненіями, антитезами». «Онъ былъ виртуозъ-разсказчикъ»^{*)}). Онъ отлично пользовался—не приобретенными систематическимъ путемъ, а всячески нахватанными знаніями почти во всемъ и обо всемъ. А нахваталъ онъ знанія не изъ книгъ, не въ школѣ, а съ живыхъ людей, на ходу, въ толпѣ безчисленныхъ знакомыхъ во всѣхъ слояхъ общества. У него, въ памяти, какъ у швеи въ рабочемъ ящикѣ, были лоскутки всякихъ знаній, и онъ быстро и искусно выбиралъ оттуда нужный въ данную минуту клочокъ. Чтò западало ему въ память, то и оставалось тамъ навсегда и служило ему вѣрно. У него развился взглядъ и вкусъ и въ литературѣ, и въ искусствахъ, особенно въ живописи». «Апломбъ въ разговорѣ» «у него былъ удивительный; онъ отважно врѣзывался въ разговоръ, какъ рубака въ непріятельскій строй, и отлично уклонялся, когда наткнулся на неодолимую преграду». «Особенно мастерски владѣлъ онъ софизмомъ, какъ отличный дуэлистъ шпагой, и спорить съ нимъ, поставить его въ границы строгой логики, было мудрено: онъ не давался». «Анекдоты У. изобиловали и кощунствомъ. Между тѣмъ, ложась спать, онъ снималъ съ груди тонкую металлическую, верхка въ два величинной, икону и прикладывалъ къ ней».

У. всѣ любили, благодаря его любезному характеру, его свѣтскости, тону, обходительности. Дамы были отъ него безъ ума». Съ женой у него происходили «жестокія сцены». Въ «наукѣ страсти нѣжной» онъ «былъ великій стратегъ и тактикъ въ ней». Онъ, какъ и Казанова, его прототипъ, не годился въ Отелло, Ромео, даже въ Донъ-Жуаны, а прямо въ Фобласы. Онъ не зналъ никакихъ нѣжныхъ чувствъ, страстныхъ изліяній, слезъ и мукъ разлуки, ревности—всего того, чѣмъ красна человѣческая любовь. И если иногда прибѣгалъ къ этому, то единственно какъ къ средству для достиженія желаемой, извѣстной и скорой развязки». (Похожденія У. и послужили причиной его отставки. См. Списокъ—Загрязскій). Уѣзжая изъ города, онъ самъ разболтался о нѣжномъ прощаньѣ въ каретѣ съ «дамой сердца».—«Вамъ жаль ее?»—«Мнѣ!—онъ засмѣялся.—Я смотрю теперь на нее—вотъ какъ на этого барана!—сказалъ сѣдой фатъ, указывая на кучку лежавшихъ въ тѣни около дороги барановъ».

Ульяна («О б р ы в ѣ»).—См. Ульяна Андреевна.

Улита («О б р ы в ѣ»).—Одна изъ дворовыхъ Бережковой. «Была какимъ-то гномомъ: она гнѣздилась вѣчно въ подземельномъ царствѣ, въ погребкахъ и подвалахъ, т. ч. сама вся пропиталась подвальной сыростью». «Платье было влажно, носъ и щеки постоянно озябшіе, волосы всклокочены и покрыты беспорядочно смятымъ бумажнымъ платкомъ. Около пояса грязный фартукъ, рукава засучены». «Ее всегда увидишь, что она, или возникаетъ, какъ изъ могилы, изъ погреба, съ крипкой, съ горшкомъ, корытцемъ, или съ полдюжиной бутылокъ между пальцами въ обѣихъ рукахъ, или опускается внизъ, въ подвалы и погреба, прятать провизію, вино, фрукты и зелень». «На солнышкѣ ее почти не видать, и все она таится во тьмѣ своихъ холодниковъ: видно въ глубинѣ подвала только ея лицо съ синевато-краснымъ румянцемъ, все прочее сливается съ мракомъ домашнихъ пещеръ». Съ родными, жившими тутъ-же въ деревнѣ, она не видалась по мѣсяцамъ; даже когда, по случаю праздника, «весь домъ смотрѣлъ парадно», только У. въ эти дни «еще глубже» «опускалась въ свои холодники и подвалы», и не успѣвала надѣть ничего, чтò дѣлало бы ее непохожею на завтрашнюю или завтрашнюю У.».

Ульяна Андреевна Козлова («О б р ы в ѣ»).—Жена Леонтія Ивановича, дочь «эконома «какогого-то казеннаго заведенія въ Москвѣ». Въ юности Улипка была «чрезвычайно бойкая, всегда порхавшая, дѣвушка», «съ кошачьимъ проворствомъ движеній», съ рѣзвой рѣчью и звонкимъ смѣхомъ. У ней былъ

^{*)} Съ его словъ записана Гончаровымъ исторія, легшая въ основу разсказа «Превр. судьбы».

граціозный ротъ съ хорошимъ подбородкомъ. Особенно профиль былъ правиленъ, лица его строга и красива». «У нея чисто-римскій профиль,—какъ казалось Козлову; Леонтій видѣлъ и любилъ «въ ней какой-то блескъ и колоритъ древности, античность формы». «Его поражала линия ея затылка и шеи» «Голова ея казалась ему похожей на головы римскихъ женщинъ на барельефахъ, на камеяхъ: съ строгимъ, чистымъ профилемъ, съ такими же каменными волосами, немигающимъ взглядомъ и застывшимъ въ чертахъ лица смѣхомъ». Райскій не могъ отвести «глазъ отъ ея профиля»: «ему видѣлась также «римская камей» «во всей прелести этихъ молящихъ глазъ, полуоткрытыхъ, горячихъ губъ». «Волосы рыжеватые, немного потемнѣе на затылкѣ, но чѣмъ шли выше, тѣмъ свѣтлѣе, и верхняя половина косы, лежащая на маковкѣ, была золотисто-красноватаго цвѣта: отъ этого у ней на головѣ, на лбу, отчасти и на бровяхъ, тоже немного рыжеватыхъ, какъ будто постоянно горѣлъ лучъ солнца». Около носа и на щекахъ роились веснушки и не совсѣмъ пропадали даже зимою. Изъ подъ нихъ пробивался пуццовый пламень румянца. Но веснушки скрадывали огонь и придавали лицу тѣнь, безъ которой оно казалось какъ-то слишкомъ ярко освѣщено и открыто». Оно имѣло еще одну особенность: постоянно лежащій смѣхъ въ чертахъ, когда и не было чему, и не расположена она была смѣяться». У ней постоянно «скакались зубы». Она живо и съ удовольствіемъ могла рассказать все о томъ, какъ ея подруга, Лизу, застала «на зарѣ, разговаривающей съ письмоводителемъ черезъ заборъ въ саду, или о «той барынѣ (и имя, отчество, фамилію скажетъ), къ которой ѣздитъ все баринъ въ каретѣ и выходитъ отъ нея часу во второмъ ночи».—«Экъ, жретъ: и не взглянетъ!»—подумала она, глядя на студента Козлова, и не выдержала, принялась хохотать».—«Эта рисовая каша житья не давала Козлову. У. А. увѣряла, что онъ (студентомъ) «незамѣтно съѣлъ три тарелки», и «что за кашей и за кашу влюбился въ нее». «Смѣхъ будто застылъ у ней въ лицѣ и шелъ больше къ нему, нежели слезы, да едва ли кто выдалъ ихъ «на немъ». Она умѣла «ограничиваться и «насмѣшливымъ наблюденіемъ», «а, когда не хватало терпѣнія, уходила въ другую комнату раздражаться смѣхомъ», или дѣлать такъ, что «смѣхъ» былъ далеко запрятанъ въ черты ея лица.—«Не торопитесь, дождайте»,—сказала она Козлову:—«хотите еще?»—Когда Козловъ признался ей, что онъ «очень бѣденъ», и показывалъ ей «поплившій и отчасти замазлившійся вицъ-мундиръ», онъ разглядѣлъ «далеко запрятанный, въ черты ея лица, смѣхъ».—«Вы смѣетесь надо мной?»—спросилъ онъ съ удивленіемъ.—«И не думала»,—равнодушно сказала она:—«Что за рѣдкость—изношенный мундиръ? Мало-ли я ихъ вижу!» Она, дѣйствительно, не смѣялась и не хотѣла смѣяться, только смѣялось у ней лицо». Она даже сама сбѣгала за нитками и иголкой и пришила Козлову недостающую пуговицу къ вицъ-мундиру».

Годы пощадили У. А.: «въ тридцать съ небольшимъ лѣтъ она казалась» только «расцвѣтшей, развившейся и прекрасно сложившейся физически женщиной». «Бойкость выглядывала изъ ея позы, глазъ, всей фигуры. А глаза по-прежнему метали «искры», тотъ-же у ней пуццовый румянецъ, веснушки, тотъ-же веселый, безпечный взглядъ, и, кажется, та-же дѣвичья рѣзвость».—«Моя рыжая Клеопатра»,—пазывалъ ее мужъ. Онъ же пазывалъ ее Тарквипиевой Лукреціей, хотя и прибавлялъ, что У. А. любитъ лакомиться не такъ, какъ та!» По мнѣнію Райскаго, «эта римская голова полна тьмы, а сердце—пустоты», и Леонтій одной У—ѣ А—ѣ «безсилень преподавать образцы римскихъ добродѣтелей». Она «проворно» болтала по-французски, но «къ книгамъ» была «холодна»:—«дать ей (французскую) книгу, половины не понимаетъ»,—говорилъ мужъ:—по-русски о сую пору съ ошибками пишетъ. Увидитъ греческую печать, говоритъ, что хорошо-бы этакой узоръ на ситецъ и ставить книги вверхъ дномъ, а по-латыни заглавія не разберетъ. Opera Horatii—переводить: Гораціевы оперы!» Слушая отзывы товарищей о студентѣ-Козловѣ, что онъ «предобрый», «преумный» и «высокой нравственности»:—Добрый,—думала

она:—собакъ не бьетъ! Какая же это доброта, коли онъ ничего подарить не можетъ!»—«Умный!»—продолжала она штудировать его:—«Ъсть третья тарелку рисовой каши и не замѣчаетъ! Не видить, что всѣ кругомъ смѣются надъ нимъ». «Высокоправственный!»... Она подумала надъ этимъ эпитетомъ, почесала себѣ пальцемъ темя, осмотрѣла разбѣянно свои ногти и зѣвнула.—«На немъ, кажется, и рубашки пѣть: не видать! Хороша нравственность!»—заклчила она.—«Нѣтъ, ты у меня «умный, добрый, высокой нравственности!»—сказала она, со своимъ застывшимъ смѣхомъ въ лицѣ, и похлопала мужа по лбу.—«Да, вы теперь умны стали, и тоже, я думаю, «высокой нравственности»,—замѣтила она Райскому.—«Шалунъ!»—прибавила она пѣвучимъ голосомъ». О трудѣ У. А. была также невысокаго мнѣнія:—«Ну, ужъ выдумаютъ: трудъ!»—съ досадою отозвалась (на слова Райскаго) У. А.—«Состояніе есть, собой молодецъ! только бы жить, а они—трудъ! Что это, право, скоро всѣ на Леонтія будутъ похожи: тотъ уткнетъ носъ въ книги и знать ничего не хочетъ».—«Она управляла отцомъ и студентами», позднѣе «управляла» также мужемъ». Когда Козловъ освѣдомился у Райскаго, на какомъ условіи тотъ отдастъ ему свою бібліотеку, и спросилъ шутивно:—«Не хочешь ли изъ жалованья вычитать, я все продамъ, заложу себя и жену...»—«Пожалуйста, только не меня...—вступилась» У. А.:—я и сама сумѣю заложить или продать себя, если захочу». Она сумѣла, несмотря на небольшія средства мужа, устроить такъ жизнь, что у нея «на все хватаетъ». «Въ дѣвчествѣ она принимала подарки отъ студентовъ-поклонниковъ: одинъ изъ ея поклонниковъ-студентовъ «подарилъ ей парижскія ботинки и серьги»; другіе, кто дарилъ матерію на платье, подъ предлогомъ благодарности о продовольствіи [отецъ Улиньки «держалъ столъ» для приходящихъ студентовъ], кто доставалъ ложу, носили ей конфеты».—«Бери, когда дарятъ!»—«живо» сказала У. А., когда Райскій предложилъ Козлову свою бібліотеку въ вѣчное и потомственное владѣніе». Мужъ звалъ ее «взяточницей»:—«Отъ купцовъ на праздники и къ экзамену родители явятся съ гостинцами—я ихъ вонъ гоню отсюда, а она ихъ приметъ со двора», жаловался Леонтій Райскому.

«Студенты всѣ влюблялись въ нее по очереди, или нѣсколько человекъ въ одно время». Райскій былъ въ ихъ числѣ.—«Вамъ ли стыдить меня? Я постыдилась бы за другого. А, вы! помвите?» сказала ему У. А., встрѣтаясь съ Борисомъ Павловичемъ, спустя много лѣтъ. Райскій, по взглядамъ, какіе она обращала къ нему, видѣлъ, что въ ней улыбаются старыя воспоминанія, и что она не только не хоронитъ ихъ въ памяти, но передаетъ глазами и ему.—«Я не студентъ, а вы не дѣвочка! упрекнулъ онъ ее». Онъ хотѣлъ «бросить камень» «въ эту холодную безсердечную статую», напомнить ей о долгѣ, о стыдѣ и... «громы умолкли» предъ престелью «этихъ молящихъ глазъ, полуоткрытыхъ горячихъ губъ». «Своихъ поклонниковъ У. А. «водила за носъ»; «про любовь одного рассказывала другому и смѣялась надъ первымъ, потомъ надъ вторымъ». «Соперниковъ она учила, что и какъ говорить, когда спросятъ о ней». «Если кто, бывало, станетъ ревновать ее къ другимъ, она начнетъ смѣяться надъ этимъ, какъ надъ дѣломъ невозможнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣла казаться строгой, брапила волокитъ за то, что увлекаютъ и потомъ бросаютъ неопытныхъ дѣвчицъ». «Она порицала и осмѣивала подругъ и знакомыхъ, когда онѣ увлекались». Когда Райскій замѣтилъ, что «мужъ ее такъ любитъ», она возразила:—«Куда ему? Умѣетъ онъ любить! Онъ даже и слова о любви не умѣетъ сказать: выпучить глаза на меня—вотъ и вся любовь! точно пень! Далась ему книги, уткнетъ носъ въ нихъ и возится съ ними! Пусть же онѣ и любятъ его!» Она увѣряла Райскаго, что отдала Леонтію «всю жизнь, пожертвовала собой: ему покойно, больше ничего не надо...»—«Кто его оскорбляетъ!»—«Что вы мнѣ мораль читаете!» говоритъ она Райскому.—«Я буду для него исправной женой, а любовницей (она сильно потрясла головой)—никогда!» Со студентомъ подарившимъ ей «парижскія ботинки», она стала ласковѣе: шепталась съ

нимъ, убѣжала въ садъ и приглашала къ себѣ по вечерамъ пить чай». Другіе узнали, и стали дарить ей, и она «стала со всѣми одинаково любезна». Своего будущаго мужа, она и не замѣчала. «Она замѣтила только, что у него то па виць-мундирѣ пуговицы нѣтъ, то панталоны разорваны, или худые сапоги. «Да еще странно казалось ей, что онъ ни разу не посмотрѣлъ на нее пристально, а глядѣлъ, какъ на стѣну, на скатерть».—«Какой смѣшной, этотъ Козловъ у васъ!—говорила она; но когда пришивала оторвавшуюся пуговицу, къ виць-мундиру Леонтія, то «щека ея была у его щеки, и ему надо было удерживать дыханіе, чтобы не дышать на нее»; «потомъ она крѣпко прижалась щекой къ его груди, около самаго сердца, и откусила нитку».—«Что жъ стоите? Скажите me ci, да поцѣлуйте ручку!»—«Ахъ, какой, сказала она повелительно, и прижала крѣпко свою руку къ его губамъ, все съ тѣмъ-же проворствомъ, съ какимъ пришивала пуговицу». «Она знала, что онъ «принималъ за чистую монету всякій ея взглядъ, всякое слово» и когда онъ объявилъ, что «женится на ней», У. А. обѣщала написать къ нему, когда придетъ время выходить замужъ. Онъ принялъ это не шутя». «Лѣтъ черезъ пять» (У. А. «уѣзжала куда-то и воротилась въ Москву», «большая, худая»), она написала Леонтію, спрашивала, помнитъ ли онъ ее и свои старыя намѣренія. Онъ «ѣздилъ въ Москву, гдѣ жила У. А. «у бѣдной тетки» и «пріѣхалъ оттуда женатымъ на У. А.». Мужа она называла «дуракомъ» и «уродомъ». Она призналась Райскому, что никогда не любила Леонтія:—«Такихъ не любятъ». На вопросъ, зачѣмъ она шла за-мужъ, У. А. отвѣтила:—«Это другое, совсѣмъ другое дѣло: онъ взялъ я и вышла. Куда-жъ мнѣ было дѣться!»—«Чѣмъ онъ (Леонтія) несчастливъ?—вспыхнувъ спросила У. А.: поищите ему другую такую жену». «Онъ одѣтъ, обутъ, ѣсть вкусно, спитъ покойно, знаетъ свою латынь: чего ему еще больше? И будетъ съ него! А любовь не про такихъ!»—«Мнѣ тошно жить, здѣсь такая скука»... жаловалась У. А. тому же Райскому:—«я захвораю, умру».

«О сношеніяхъ» У. А. съ м-г Шарлемъ, «знали всѣ кромѣ мужа».—«Вы ѣздите къ этой женщинѣ—возможно ли, говорила Крицкая Борису Павловичу.—«Я компрометирована. Что скажутъ, когда узнаютъ, что я завезла васъ сюда? Allons, de grâces, montez vite et partons! Cette femme, quelle hotteur». Татьяна Марковна не терпѣла У. А. Узнавъ, что Райскій гулялъ съ Козловой, Бережкова сказала:—«Вотъ, нащель съ кѣмъ гулять! У ней есть провожатый м-г Шарль». Сама У. А. поспѣшила заявить Райскому, только что пріѣхавшему въ Малиновку:—«Не вѣрьте, это все глупости—ничего нѣтъ». Когда Райскій какъ-то упомянулъ имя м-г Шарля, она возразила:—«Шарль! Кто это вамъ напѣлъ? Противная бабушка ваша?—взоръ! взоръ!» У. А., по выраженію мужа, «за словомъ въ карманъ не пойдетъ»; на возраженіе Райскаго, что онъ самъ слышалъ (какъ «за заборомъ, въ садикѣ Козлова», когда Леонтія не было дома, звучалъ смѣхъ и «будто раздался поцѣлуй»), У. А. отвѣтила:—«Это все пустое,—вамъ померещилось! М-г Шарль придетъ, спросить сухарь, стаканъ краснаго вина—выпьеть и уйдетъ». Она умѣла «таиться», притворяться и лгать» и, когда лгала и «таилась», взглядъ ея дѣлался «русалочьимъ», а глаза «прозрачны, какъ вода».—«Когда Райскій, жалѣя Леонтія, замѣтилъ:—«Вы его обманываете цѣлую жизнь, каждый день, увѣряете его въ любви».—«Никогда я не увѣрю, да онъ и не спрашиваетъ! Видите, и не обманываю», отвѣтила она. Послѣ того, какъ Райскій сталъ уклоняться отъ встрѣчъ, У. А. была оскорблена. Она «сказала мужу, что другъ его знаетъ ее не хочетъ, не замѣчаетъ, какъ будто она была мебель въ домѣ, пренебрегаетъ ею, что это ей очень обидно и что виноватъ во всемъ мужъ, который не умѣетъ привлечь въ домъ порядочныхъ людей и заставить уважать жену».—«Поговори хоть ты,—жаловалась она:—отложи свои книги, займись мною!» И Козловъ самъ просилъ Райскаго:—«Ты бы ее побаловалъ, Борисъ Павловичъ...»—«Поволочись немного, цоккетничай! Вѣдь ты любишь болтать съ бабами! А она только тобой и бре-

днѣ». «Схитрила» она и покидая мужа: «сказала, что хочет повидаться съ родными въ Москвѣ», «вымапила у мужа паспортъ», и «укутила съ Шарлемъ, котораго «вызвали зачѣмъ-то въ Петербургъ». Она лишь «съ дороги» написала письмо Леонтію, чтобы онъ ее не ждалъ, что она не воротится, что не можетъ жить съ нимъ, зачухнетъ здѣсь».

Райскій сравнилъ У. А. съ «простодушной нимфой», ищущей встрѣчи съ сатиромъ».—«Каково-то мнѣ жить, жить безъ любви!» сказала она Райскому, при видѣ котораго «у нея глаза загорѣлись отъ удовольствія». «Она бросила бѣглый взглядъ на лицо, на костюмъ Райскаго, и потомъ лукаво и смѣло глядѣла ему прямо въ глаза».—«Вы всѣхъ здѣсь съ ума сведете, меня первую... Помните? начала она, и глазами договорила воспоминаніе. Она пристально разглядывала Райскаго, и даже мужъ ей замѣтилъ:—«что ты уставила на него глаза?» Когда Райскій «сказалъ ей рѣзко»:—«А стыдъ, куда вы дѣли его, У. А.»—«Стыдъ... стыдъ... шептала она, обливаясь румянцемъ»: «Стыдъ я топлю въ поцѣлуяхъ».—«Да, мое время проходить...» сказала она со вздохомъ».—«Немного мнѣ осталось... что это, какъ мужчины счастливы: они долго могутъ любить...»—«Вы теперь уже не влюбитесь въ меня—нѣтъ? говорила она» Райскому. Когда Леонтіи спросилъ У. А., чѣмъ онъ сможетъ отдарить Райскаго (за книги):—«тебя, что ли, отдамъ?»—«добавилъ онъ нѣжно».—«Отдай: я пойду, возьмите меня! сказала она, вдругъ сверкнувъ взглядомъ, какъ будто огнемъ». Она бредила Райскимъ и ея «бредъ» услышалъ даже Козловъ. Она встрѣтила его «съ распростертыми объятіями».—«Для меня вы все тотъ же милый студентъ, шалунъ, а я для васъ та же послушная дѣвочка!» «Съ блескомъ на рижеватой маковкѣ и бровяхъ, съ огнистымъ румянцемъ, ярко проступавшимъ сквозъ веснушки», она смотрѣла ему прямо въ лицо лучистыми, горячими глазами, съ безпечной радостью, отважной рѣшимостью, и затаеннымъ смѣхомъ». «Онъ попалъ будто въ клѣтку тигрицы, которая, сидя въ углу, слѣдитъ за своей жертвой: и только онъ брался за ручку двери, она ужъ стояла передъ нимъ, прижавшись спиною къ замку, и глядя на него своимъ смѣющимся взглядомъ безъ улыбки. Въ отвѣтъ на молчаніе, холодъ, сухіе взгляды, и «легкую «улыбку презрѣнія» Райскаго, она льнула къ нему.—«Развѣ вы все отдали Вѣрѣ: да? шептала она».—«Вѣрѣ,—вдругъ спросилъ онъ, отгаликивая ее.—«Такъ—я все знаю—молчите. Забудьте на минуту свою милую».—...Хоть на часъ будьте мой—весь мой,... чтобъ никому ничего не досталось! И я хочу быть—вся ваша... вся!—страстно шептала она, кладя голову ему на грудь».—«Я ждала этого, видѣла васъ во снѣ, бредила вами, не знала какъ заманить. Слушай помогъ мнѣ—вы мой, мой, мой!»—говорила она, охватывая его руками за шею и цѣлуя воздухъ». «Она бросилась къ двери, заперла и положила ключъ въ карманъ и смотрѣла на Райскаго «съ дерзкимъ торжествомъ, сверкая смѣющимися глазами». «Райскій молча дивился красотѣ ея римскаго профиля». Она увѣряла, что «любить» его и «все вѣрна милому студенту Райскому». «Она играла своимъ позоромъ». Когда же Райскій вздумалъ вдругъ пробудить «давно уснувшій стыдъ», «она вздрогнула», «руки у ней упали неподвижно, она взглянула на Райскаго мутно, сильно оттолкнула его, повела глазами вокругъ себя, схватилась обѣими руками за голову и испустила крикъ, т. ч. Райскій испугался», «потомъ оставалась минуту пять въ забытѣ, наконецъ пришла въ себя...» «и вдругъ дико, бѣшено стиснула его руками за шею, прижала руки къ груди и прошептала:—«Вы мой... мой! не говорите мнѣ страшныхъ словъ».—«Вы мой теперь: никому не отдамъ васъ!» Она торжествовала. Райскій «избѣгалъ ходить» въ домъ Леонтія: «его угрызало воспоминаніе о томъ, какъ онъ великодушно исполнилъ свой долгъ», а У. А., «внутренно торжествующая», каждый разъ встрѣчала его «страстными взглядами и съ затаеннымъ смѣхомъ въ неподвижныхъ чертахъ». Зскорѣ Райскій гуляя съ Волоховымъ, увидѣлъ купающихся, неподалеку другъ отъ друга, m-г Шарля и У. А.; «оба хотѣли спрятаться, но Маркъ закричалъ имъ.—«Никто не боится!» отвѣтила У. А., выходя нехотя (изъ-за кустовъ) и

«стараясь не глядѣть на Райскаго». Когда Борисъ Павловичъ, по порученію Леонтія, посѣтилъ У. А. въ Петербургѣ,—она его не приняла.

Унтеръ («Фрег. Пал.»).—Когда, на о. Батанѣ, матросы увидѣли «какое-то животное («съ зѣбинымъ жаломъ, на двухъ ножкахъ», какъ утверждалъ одинъ изъ матросовъ, «и съ двумя стрѣлками во рту», по описанію другого), У. «заклучилъ, подумавши»:—«это драконъ, ваше в-дѣ!»—«Дня три караулилъ его, да все схватить нельзя: часто да ненадолго выходитъ. Сегодня удало только ударить его весломъ по спинѣ...».

Уранова—племянникъ («Литер. веч.»).—См. Митя.

Урановъ, Григорій Петровичъ («Литер. веч.»).—Пріяель и сослуживецъ Бебикова Вдовецъ. «Съ утра до вечера онъ обыкновенно жилъ въ толпѣ, никогда не былъ и не умѣлъ быть одинъ. Все, что дѣлалось въ свѣтѣ—болѣе или менѣе касалось и его». «Онъ и совѣтъ свой, въ которомъ служилъ, любилъ истому, что онъ занималъ у него три утра въ недѣлю. Онъ называлъ его утреннимъ клубомъ, въ отличіе отъ вечерняго, т. е. англійскаго клуба. Въ свободныя утра, онъ или самъ ѣхалъ, или къ нему ѣхали съ визитами; потомъ онъ обѣдалъ у знакомыхъ, или у него обѣдали знакомые. Онъ пеголялъ гастрономическими обѣдами, на которые приглашалъ тонкихъ знатоковъ изъ гастрономовъ-пріяелей. Вечера—тоже въ свѣтѣ, или у себя, а больше въ клубѣ, за картами. Лѣтомъ «переѣзжалъ по неволѣ» куда нибудь, больше на острова, чтобы не удалиться отъ города». «Такъ называемую природу, лѣсъ, горы, озера и прочее, онъ терпѣть не могъ».—«Нашли какую рѣдкость—хорошій воздухъ! Еще рекомендуютъ, какъ лѣкарство!—ворчалъ онъ сердито, нюхая воздухъ въ аллеяхъ слагинскаго парка.—А чѣмъ воздухъ дуренъ въ клубѣ, или хоть въ нашемъ свѣтѣ, если только не садиться близко къ Петру Ѳомичу, да къ Семену Яковлевичу (ср. Аяновъ). Искусствомъ не интересовался. Когда зашла рѣчь о древнихъ произведеніяхъ скульптуры, и Чешневъ находилъ ихъ неподражаемыми, У. замѣтилъ:—«Теперь все это машинами стали дѣлать на фабрикахъ,—magnifique—et pas cher!» Въ романѣ Бебикова нашелъ «грандіозныя картины», хотя романовъ не читалъ вовсе (когда рѣчь зашла объ извѣстномъ романѣ Эркмана-Шатріана «Исторія крестьянина», У. все «добывался» у Сухова, читалъ ли его тотъ, и спрашивалъ, что тамъ такое описывается?). Одобрилъ рѣчь-лекцію Профессора («Дѣло! дѣло! именно такъ!»), выяснявшаго и объяснявшаго значеніе романа вообще, хотя къ литературѣ былъ совершенно равнодушенъ; это, однако, по его словамъ, не значило, что онъ былъ равнодушенъ къ Бебикову и «его произведенію». Онъ счелъ себя даже «обиженнымъ», когда Бебиковъ не пригласилъ его «въ свой «домашній кружокъ» послушать чтеніе романа и «торжествовать», послѣ того, какъ «авторъ обѣщалъ прочесть свое произведеніе въ его, Уранова, домѣ. «Собственно романомъ» У. «мало интересовался», но «слухъ о романѣ произвелъ сенсацию въ свѣтѣ, сталъ событіемъ дня, и поэтому сталъ и для него событіемъ». «Прежде и сарательнѣе всего», У. позаботился о меню ужина, (онъ называлъ себя «авторомъ» этого меню) и о томъ, чтобы общество слушателей имѣло и авторитетныхъ представителей литературнаго міра (въ число этихъ представителей онъ включилъ и Красноперова, «предполагая въ немъ знаюка литературы», п. ч. тотъ былъ когда-то пріяелемъ Греча и Булгарина), онъ же просилъ племянника «помочь, чтобы весело было». «Хорошъ или дуренъ романъ, будутъ довольны слушатели и авторъ слушателями», для У. было—«дѣло совсѣмъ не въ томъ. А въ томъ, что вся эта процедура займетъ у него цѣлую недѣлю: разѣзды, приглашенія и, наконецъ, желанный вечеръ, проведенный по-зимнему, далеко за полночь, и потомъ ужинъ до утра! Кромѣ того, послѣ долго будутъ говорить, что авторъ читалъ первый разъ, почти публично, у него, у У—а!»

Въ качествѣ «гостепрїимнаго хозяина, во время перерыва, приглашалъ каждого «освѣжиться шампанскимъ, а автору, принесъ какой-то флаконъ съ утоляющими жажду лепешками, купленный въ англійскомъ магазинѣ».—«Въ

Лондонѣ, въ парламентѣ у всякаго оратора непремѣнно есть въ карманѣ такой флаконъ!—объяснилъ онъ.—Я буду возить съ собой въ совѣтъ!» Кряковъ, «какъ рублемъ подарилъ» «гостепріимнаго» У., когда на его убѣжденіе отужинать (У. «почти силою толкалъ» въ столовую) «ушрямыхъ», въ томъ числѣ и Крякова), сказалъ:—«Хорошо, хорошо, это кстати», я проголодался».—«И прекрасно, отвѣтилъ У., пожимая ему руку: «я очень радъ». За ужиномъ больше молчалъ, но «внушительно замѣтилъ» Красноперову:—«Что ты! что намъ за надобность угождать, вѣдь мы не ребята; чего намъ заискивать у новаго поколѣнія. Мы его не боимся и ничего не ждемъ отъ него дурного. Вонъ онъ (У. указалъ на племянника) тоже новое поколѣніе: что жъ, дурень, что ли? Въ большинствѣ и всѣ они такіе, и дай Богъ, чтобы были такіе». Обидѣлся за отсутствующаго автора, и «учтиво» замѣтилъ Крякову, что никто не проситъ восхищаться романомъ, тѣмъ болѣе, что онъ и не напечатанъ, а прочтенъ «по довѣрію, въ надеждѣ на снисхожденіе». Предложилъ поднести Бебикову старинный кубокъ, хранившійся у него въ шкапѣ и написать на кубкѣ имена всѣхъ присутствующихъ на вечерѣ. Послѣ рѣшительнаго отказа Крякова присоединить свою подпись, «началъ немного беспокоиться и поглядывать съ недоумѣніемъ то на Крякова, то на своего племянника (который привелъ Крякова)». Поведеніе Крякова смущало У.: «ему было какъ-то неловко и, въ концѣ концовъ, онъ «твердо заявилъ», въ отвѣтъ на рѣчи Крякова:—«Позвольте не согласиться съ вашимъ отзывомъ»: «романъ не скучный... Мы всѣ на лицо и всѣ скажемъ противное». Однако, на парадоксъ Крякова, «что въ жизни есть—все нужно!»—У. «добродушно улыбнулся» и замѣтилъ:—«Нѣтъ, тутъ есть и правда!» Когда тотъ же Кряковъ назвалъ романъ Бебикова «протестомъ аристократизма и милитаризма противъ демократіи», «противъ человѣческихъ правъ, личной свободы, равенства», У. призналъ и это «очень любопытнымъ». Когда же Кряковъ обозвалъ всѣхъ присутствующихъ шовинистами, У. съ недоумѣніемъ поглядывалъ на сосѣдей.—«Что это еще такое? шепотомъ спросилъ генералъ у Сухова. Тотъ спросилъ о томъ же у Уранова, У—ъ у Чешпева», но какъ хозяинъ, старался «загладить дурное впечатлѣніе и, на слова Сухова («А все-таки весело, превесело здѣсь!») тихо сказалъ:—«Да, весело: только какъ мнѣ придется раздѣлываться». Но въ отвѣтъ на заявленіе Крякова,—«того и гляди, за полиціей пошлутъ»,—отвѣтилъ, «почти обидчиво»:—«Не беспокойтесь, вы здѣсь въ полной безопасности!» Прощаясь съ Кряковымъ, заявилъ:—«Я самъ приѣду къ вамъ съ визитомъ, благодарить васъ за посѣщеніе», но послѣ ухода Крякова сказалъ, показывая на Сухова:—«Мы поѣхали бы—вотъ съ нимъ!»—«если бъ это было въ городѣ. Но, конечно, онъ не серьезно приглашалъ насъ, да еще въ Павловскѣ! Ты, Митя, завези ему просто наши карточки». Послѣ того, какъ открылось, что Кряковъ былъ не кто иной, какъ переодѣтый артистъ Имп. Театровъ», У. въ день бенефиса артиста поднесъ ему большой старинный серебряный кубокъ, предназначавшійся Бебикову.

Устинья («Обрывъ»).—Кухарка эконома, отца Улиньки. «Нескладная баба, съ такимъ лицомъ, которое какъ будто чему нибудь сильно удивилось когда-то, да такъ на всю жизнь и осталось съ этимъ удивленіемъ». У. была «постоянный предметъ вниманія и развлеченія гостей».

Устинья («И. С. Поджабривъ»).—Кухарка Прасковьи Михайловны».

Учитель («Обломовъ»).—Уп. л. Учитель-пѣмецъ: приѣзжалъ «года въ три разъ», вмѣстѣ съ княземъ, въ Верхдѣво и «точилъ на станкѣ табакерки и пуговицы».

Учитель математики («Обрывъ»).—Уп. л. У Райскаго. При объясненіи, «иное слово» скажетъ коротко и густо, точно оборветъ, другое растянетъ, будто проноетъ, вдругъ словъ десять посыплется «какъ орѣхи». Писалъ на доскѣ «проворно и крѣпко цифры»; «часто бился» съ Райскимъ и почти каждый разъ со вздохомъ прибавлялъ:—«Садись на свое мѣсто, ты пустой малый!» Когда же

Райскій, «путемъ сверкающей въ головѣ «догадки», доходилъ «скорѣе всѣхъ» до рѣшенія задачи, У. восклицалъ:—«Ну, не пустой ли малый».—«Не умѣешь сдѣлать задачи указаннымъ, слѣдовательно, облегченнымъ путемъ, а безъ правильнаго наобумъ говоритъ. Глупѣе насъ съ тобой выдумывали правила!»

Учитель музыки («Обрывъ»).—Уп. л. Нѣмецъ; «прежде всего исковеркалъ Райскому руки и началъ напѣвать, слѣдя за каждымъ ударомъ по клавишу: а-а-у-у-о-о».

Учитель музыки («Обломовъ»).—Уп. л. Учитель княжескихъ дѣтей изъ Верхлѣва; «напивался отъ воскресенья до воскресенья».

Учитель рисованія («Обрывъ»).—Уп. л. Когда У. «недѣли на двѣ посадилъ классъ рисовать зрочки», Райскій не утерпѣлъ, придѣлалъ къ зрочку носъ и даже началъ было тушевать усы, но У. засталъ его и сначала дернулъ за вихорь, потомъ, взглянувъшисъ, сказалъ:—Гдѣ ты учишься?—«Нигдѣ, былъ отвѣтъ».—«А хорошо, братъ, только, видишь, что значить впередъ забѣгать: лобъ и носъ—хоть куда, а ухо, вонъ гдѣ, посадилъ, да и волосы, точно мочало, вышли». Когда Райскій попросилъ позволенія срисовать копію женской головки, висѣвшей въ учительской квартирѣ:—«А если стекло разобьешь? сказалъ У., однако, далъ ему головку».

Ф.

Фермеръ («Фрег. Пал.»).—Голландецъ, фермеръ изъ Капской колоніи. «Высокій, съ просѣдью, старикъ, съ нависшими бровями, въ длинной суконной курткѣ, закрывавшей всю поясницу, почти въ такомъ же длинномъ жилетѣ, въ широкихъ нанковыхъ, падавшихъ складками около ногъ, панталонахъ. Отъ дома и отъ него такъ и повѣяло Полъ Поттеромъ, Миерисомъ, Теньеромъ». «На крыльцѣ лежало безчисленное множество тыквъ».—«Радъ такимъ гостямъ издалика!»—«неторопливо, безъ увѣреній, безъ суеты, кратко» привѣтствовалъ Ф. русскихъ путешественниковъ. «Смотрѣлъ такъ кротко и ласково, что у него улыбались всѣ черты лица». Угостилъ гостей отличнымъ завтракомъ, состоявшимъ изъ произведеній своей фермы.

Фертовъ («Литер. вѣч.»).—«Необходимое лицо», «и по службѣ, и по всякимъ другимъ дѣламъ для Бебикова. «Представительная салонная фигура». Высокій, красивый и отлично одѣтый господинъ, лѣтъ сорока, свѣтлоокій блондинъ, съ проборомъ посреди головы, съ бакенбардами, струями падавшими къ плечамъ, съ изящными манерами». Былъ «вѣрнымъ эхомъ городскихъ новостей и слуховъ, особенно въ высшихъ сферахъ». Бебикову «добывалъ особенныя, предварительныя, справки по дѣламъ, дѣлалъ развѣдки, lâtaît le terrain въ томъ или другомъ вѣдомствѣ,—не путемъ бумажныхъ отношеній, а лично: былъ употребляемъ для компромиссовъ, улаживалъ пути, устранялъ, своимъ ловкимъ и пріятнымъ характеромъ, недоразумѣнія и т. д.». На литературномъ вечерѣ у Уранова «рѣялъ, какъ зефиръ, между слушателями и, наклонясь то къ тому, то къ другому, особенно къ дамамъ, ронялъ по нѣскольку словъ восторженныхъ похвалъ о романѣ».

Ферстфельдъ («Фрег. Пал.»).—Докторъ изъ Стелленбоша (Капская колонія); узнавъ, что пріѣхали русскіе, пришелъ посмотреть:—«Никогда, говорить, не видалъ». Ф. «говорилъ по-французски и откровенно объяснялъ, что онъ такъ много слышалъ и читалъ о русскихъ, что не могъ превозмочь любопытства и пришелъ познакомиться».—«Я занимаюсь немного естественными науками, геологіей, и неестественными: френологіей; люблю также этнографію. Поэтому мнѣ очень интересно взглянуть на русскій типъ»,—замѣтилъ Ф. Русскій типъ, однако, открылъ въ спутникахъ Гончарова «не русскаго происхожденія».—«Онъ ожидалъ, кажется, увидѣть богатырей, а, можетъ-быть, людей немного

звѣрской наружности, и удивился, когда узналъ», что у насъ много ученыхъ, есть литература».—«Да, русскіе сильны: о! о нихъ много-много слуху!»—говорилъ Ф.

Фогъ («Фрег. Пал.»).—Владѣлецъ магазина въ Шанхаѣ. «Высокій, чернолосыый мущина». Еврей.

Французъ («Обрывъ»).—Уп. л. Эмигрантъ, жившій у тетки Бережковой. Сравнивая игру Райскаго на фортепіано съ игрою Ф., Татьяна Марковна находила, что Райскій играетъ «не хуже».

Французъ («Обыкновен. Ист.»).—Учитель Тафаевой. См. Тафаева.

X.

Хабаровъ, Леонтіи («Превр. судьбы»).—Отставной штабсъ-ротмистръ. Служилъ въ военной службѣ въ Царствѣ Польскомъ. «Отецъ привезъ X., почти прямо изъ корпуса, въ полкъ», «отдалъ его на руки начальства и, оставивъ сыну пятьсотъ рублей», «уѣхалъ». Молодой X. скоро свыкся въ полку со своими товарищами и производилъ также на начальство выгодное впечатлѣніе. Онъ былъ очень исправенъ по службѣ: не гулялъ, не пилъ, словомъ, былъ трезвымъ и исправнымъ офицеромъ. «Только денегъ у него было немного, вся бѣда заключалась въ томъ», что «жить офицерскимъ жалованьемъ ему трудно было и въ деревнѣ даже, гдѣ стоялъ ихъ полкъ. Онъ сталъ ухитряться, какъ бы вести свои дѣла такъ, чтобы не затануться въ долги и поддержать свое достоинство офицера. Для этого онъ купилъ за сто пятьдесятъ рублей, разумѣется, ассигнаціями, молодую лошадь, выѣздилъ ее отлично и сбывъ въ другой полкъ уже за тысячу рублей». «Онъ служилъ усердно, узналъ толкъ въ лошадяхъ, выѣзжалъ ихъ, сбывалъ въ другіе полки и жилъ почти припѣваючи». На смотру, въ Варшавѣ, куда потребовали полкъ, X. замѣтилъ великій князь Константинъ Павловичъ.—«Этого перевести въ Варшаву, въ мою гвардію»,—сказалъ великій князь. «Когда полковой командиръ объявилъ X. «объ этой милости, надѣясь его обрадовать, онъ встрѣтилъ, къ удивленію, одно грубое молчаніе офицера».—«Вы, кажется, X., не рады этому случаю?»—спросилъ онъ».—«Какъ не радоваться: только жить мнѣ нечѣмъ будетъ здѣсь! Я бы попросилъ избавить меня отъ этой чести». «Полковой командиръ доложилъ объ этомъ великому князю. Послѣдовалъ приказъ выдавать X. вдобавокъ къ жалованью по двѣсти рублей въ годъ». «Онъ промаячилъ еще кое-какъ года два, потомъ донесъ своему начальству, что онъ не можетъ существовать въ столицѣ, и просилъ уволить его отъ военной службы, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ». «Кромѣ обыкновеннаго указа объ отставкѣ, великій князь далъ ему свидѣтельство за собственноручной подписью въ томъ, что онъ своею службою и поведеніемъ заслуживаетъ полное одобреніе и можетъ исполнять всѣ возлагаемыя на него дѣла и порученія». Съ «этими документами» X. и отправился въ Петербургъ «просить мѣста городничаго въ какомъ-нибудь уѣздномъ городѣ». «Министръ принялъ его очень любезно и адресовалъ его къ директору департамента». «Его имя и адресъ записали и велѣли время отъ времени навѣдываться». «Кто-то надумилъ его просить или искать (въ другомъ вѣдомствѣ) мѣста смотрителя какого-нибудь казеннаго заведенія»; «наконецъ, по чьему-то совѣту, онъ обратился къ почтовому вѣдомству, выразивъ желаніе опредѣлиться почтмейстеромъ въ какой-нибудь уѣздный городъ». Но для X. «не оказалось никакого мѣста». Послѣ долгихъ поисковъ, онъ поступилъ «управляющимъ домомъ къ одному богатому человѣку», но такъ какъ онъ былъ «очень исправенъ» и «усердствовалъ», то «нажилъ себѣ много враговъ» и, въ концѣ концовъ, хозяинъ распорядился съ X. (См. Хозяинъ). Купецъ, къ которому поступилъ X., также разстался съ нимъ «за неисправность», хотя X. «былъ самый исправный» служака. Послѣ этого, онъ нанялся «за рубль въ сутки» въ чернорабочіе и, вмѣстѣ съ дру-

гими, «потянулъ ляжку». Такъ проработалъ онъ дней двѣнадцать, и «отъ непривычнаго труда», «ладони у него покрылись мозолями». Въ Царскомъ Селѣ, куда Х. отправился, самъ не зная, зачѣмъ,—онъ увидѣлъ Государя и, «сбравшись съ силами», «разказалъ» «исторію всего того, что онъ претерпѣлъ въ Петербургѣ съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ военную службу; какъ онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ былъ записанъ кандидатомъ, гдѣ именно, какъ сначала секретари, потомъ швейцары отгоняли его отъ дверей, потомъ разказалъ о частныхъ своихъ занятіяхъ, наконецъ, перешелъ къ работѣ у шпиль и въ заключеніе показалъ свои дрожащія, покрытыя мозолями руки». «Потрясенный нравственными впечатлѣніями, встрѣчей съ государемъ и словами его и Дибича, вслѣдствіе всего испытаннаго имъ, онъ заболѣлъ нервной горячкой и пролежалъ большой около шести недѣль». Государь пожаловалъ Х. «пять тысячъ рублей ассигнаціями», и, «по выздоровленіи», ему было обѣщано Дибичемъ мѣсто смотрителя работъ при строящемся въ Москвѣ храмѣ Спасителя». Х. вскорѣ тамъ и «устроился».

Хагивари-Матаса («Фрег. Пал.»).—Старшій изъ баніосовъ. При вторичномъ свиданіи съ Гончаровымъ, потупился, какъ быкъ, и «подалъ» «кулакъ».

Хатьновы («Обрывъ»).—Ул. л. Знакомые Аянова.

Хозаровы («Обыкновен. Ист.»).—«Знакомые» Александра. По отзыву Петра Ивановича, «люди порядочные»; по мнѣнію раздраженнаго Александра, Х—ы «дѣлая семья животныхъ!»—«Одинъ расточаетъ вамъ въ глаза лесть, ласкаетъ васъ, а за глаза... я слышалъ, что онъ говоритъ обо мнѣ. Другой сегодня съ вами рыдаетъ о вашей обидѣ, а завтра зарыдаетъ съ вашимъ обидчикомъ; сегодня смѣется съ вами надъ другимъ, а завтра съ другимъ надъ вами».

Хозяинъ дома («Превр. судьбы»).—Богатый человѣкъ; къ нему поступилъ управляющимъ Хабаровъ. Когда на Хабарова посыпались жалобы отъ жильцовъ (за его чрезмѣрное усердіе), хозяинъ не слушалъ и только смѣялся надъ жаловавшимися и одобрялъ распоряженія управляющаго. «Но, наконецъ, все это до того надоѣло ему, что онъ рѣшился, или какъ-нибудь помирить этого черезчуръ усерднаго управляющаго съ врагами его, или пожертвовать управляющимъ»:—«Не гнать же изъ-за него всѣхъ жильцовъ!»—думалъ онъ.—«Вы отлично распоряжаетесь!»—сказалъ онъ, пригласивъ Хабарова къ себѣ.—«Но войдите и въ мое положеніе: не проходитъ дня, чтобы кто-нибудь на васъ не пожаловался!»—«Онъ засмѣялся». Когда же въ домѣ случился пожаръ (отъ поджога), Х. на другой день «пригласилъ къ себѣ Хабарова»:—«Я знаю, что вы не виноваты»,—сказалъ онъ:—«всѣ думали, что вы новая метла, а вы исправный и честный человѣкъ, оттого всѣ и напали на васъ и чуть-было не сожгли, какъ не даромъ говорятъ въ домѣ. Тутъ надо не такого человѣка, какъ вы, а собаку! Такого я и сыщу! А пока прощайте и извините меня! Вотъ вамъ заработанные вами сто рублей».

Хозяйка («Превр. судьбы»).—У нея жилъ «па хлѣбахъ» Хабаровъ. Когда онъ заболѣлъ, Х. ходила за нимъ, какъ родная.

Хозяинъ («Фрег. Пал.»).—«Молодой, высокій, бѣлокурый, очень красивый французъ», «изысканно одѣтый». Хозяинъ лавки въ Малицкѣ. Въ его «европейскомъ магазинѣ» «царствовалъ такой эклетизмъ, что ни за что не скажешь, чѣмъ торгуетъ Х. Тутъ стояло двое-трое столовыхъ часовъ, коробка съ перчатками, нѣсколько ящичковъ съ виномъ, фортепiano; лежали материн. висѣли золотыя цѣпочки, тѣспились въ кучѣ этажерки, красивые столики, шкафы и диваны, на окнахъ вазы, на столѣ какая-то машинка, потомъ бумага и духи». Явился въ магазинъ, минутъ черезъ пять, послѣ прихода покупателей, «и увидялся, найдя ихъ «тутъ». На прощанье просилъ «удостоить посѣщеніемъ» магазинъ, если понадобится путешественникамъ—«мебель».

Хозяйка («Фрег. Пал.»).—Жена предвѣдущаго. «Немолодая, невысокая, очень некрасивая француженка, одѣтая еще изысканнѣе», чѣмъ ея мужъ.

Вмѣстѣ съ мужемъ, снабдила путешественниковъ «практическими свѣдѣніями», «прибавивъ, въ видѣ украшенія», что въ Маниллѣ всего человѣкъ шесть французовъ, да очень мало американскихъ и англійскихъ негодянтовъ, а то все испанцы; что они все спятъ да ѣдятъ; что сама она католичка, но терпитъ и другія религіи, даже лютеранскую, и что хотѣла бы очень побывать въ испанскихъ монастыряхъ, но туда женщинъ не пускаютъ; она этомъ при вздохнула «изъ глубины души». На вопросъ: «а много-ли монаховъ въ Маниллѣ?»—отвѣтила:—«On ne voit que ça, m-r».

Хозяина («Ф р е г. П а л.»).—Хозяйка фермы въ Капской колоніи. «Африканская Коробочка».

Хохловъ, Иванъ Ивановичъ («М а й м ѣ с. в ѣ П е т е р б.»).—Управляющій домомъ; «титულлярный совѣтникъ». «Не любилъ соваться впередъ со своимъ знаніемъ и образованіемъ», но у него былъ какой-то особый нюхъ на «благодѣльныхъ и благонамѣренныхъ жильцовъ»; онъ умѣлъ отговаривать «молодежь обоего пола, стриженныхъ дѣвицъ въ синихъ очкахъ и длинноволосыхъ юпошей, отъ найма квартиръ» въ домѣ. «Онъ всѣмъ умѣлъ быть полезенъ и всѣмъ угождалъ, и никогда не разставался со своими шутками и со своей улыбкой». Когда гр. Рѣшетиловъ прислалъ за Х., чтобы пристроить повара, оказавшагося лишнимъ на графской кухнѣ, онъ не растерялся:—«Отчего-же, можно!—подумавай, отозвался Х.:—Мѣсто готово, хоть сейчас!»—«Только тамъ денегъ не платятъ»,—замѣтилъ Ив. Ив., со своей неизмѣнной улыбкой:—«Заставятъ поработать вашего повара съ мѣсяцъ или около того, потомъ и откажутъ:—«Не хорошо, моль, не годится,—скажутъ ему и дадутъ что-нибудь изъ милости, что вздумаютъ, въ вознагражденіе». «Все это, кажется, И. И. выдумалъ, т.-е. «мѣсто для повара, гдѣ денегъ не платятъ», чтобъ графъ не приставалъ къ нему со своимъ предложеніемъ. По крайней мѣрѣ, идучи отъ графа къ себѣ домой, онъ усиленно чему-то улыбался».

Ц.

Цейхъ, Амалія, баронесса («И. С. П о д ж а б р и н ѣ»).—По словамъ Маши, «прехорошенькая, особенно утромъ, какъ съ постели встаетъ». Поджабринъ, при встрѣчѣ съ А., былъ пораженъ «ея красотой». Послѣ покупки у нея лошади Поджабринымъ, «выразительно посмотрѣла на него» и «сдѣлалась разговорчива». Получивъ отъ Поджабрина двѣ тысячи рублей въ долгъ «на четыре дня», «поблагодарила нѣжнымъ пожатіемъ руки и влажнымъ взглядомъ», но денегъ не вернула. Когда же онъ заикнулся и хотѣлъ напомнить о долгѣ, зажала ему ротъ «хорошенькой ручкой». На просьбу Поджабрина вернуть деньги, Ц. отвѣчала:—«Я заняла! Опомнитесь!..» «Напротивъ, я хотѣла спросить васъ, скоро-ли вы мнѣ отдадите семьсотъ рублей за лошадь?».

Ч.

Чекменевъ («О б л о м о в ѣ»).—Уп. л. «Помѣщикъ семи душъ», гостившій въ Обломовкѣ.

Чеченинъ («О б р ы в ѣ»).—Уп. л. По словамъ Марѣиньки, «пріѣхалъ въ отпускъ» къ отцу «и съ самаго начала объявилъ, что ему надо приданое во сто тысячъ, а самъ хуже Мотьки: маленькій, кривоногий, и все курить!»

Чешневъ, Дмитрій Ивановичъ («Л и т е р. В е ч.»).—Старикъ. «Послѣдній изъ могиканъ», по выраженію Крякова. У. Ч. были «рѣдкія и мягкія сѣдины, благодущное, почти женское выраженіе лица и умные, пронизательные глаза, которые иногда прищуривались, иногда покрывались задумчивостью. Закинувъ немного назадъ голову, съ большимъ, открытымъ лбомъ, онъ слушалъ внима-

тельно чтеніе, какъ-будто вокругъ никого и ничего не было». Во время чтенія авторъ удѣлялъ особое вниманіе Ч. «По своей впечатлительности онъ былъ до крайности чутокъ» и ощущалъ пріятное и непріятное, «какъ тепло и холодъ». На критику Крякова романа Бебикова обидѣлся, словно былъ «лично оскорбленъ». Послѣ рѣзкаго отвѣта Крякова, «взглянулъ на него какъ-будто съ состраданіемъ». «Не говорилъ, а пѣлъ» и «съ тоской» отзывался о жизни «безъ идеала», т.-е. «безъ цѣли»; высоко ставилъ поэзію, и, когда Кряковъ назвалъ «ерундой» стихи Пушкина, замѣтилъ ему:—«Вы можете принять девизъ Данте—оставь всякую надежду на поэзію». Для Ч. «отрѣшиться отъ фантазіи»—значило «оборвать всѣ цвѣты, погасить солнечные лучи... обратиться въ тьму кромѣшную». «Въ раздумьѣ слушалъ рѣчи Крякова, покачалъ головой и шепталъ:—«Боже мой, будетъ-ли конецъ этому дикому разгулу!» Рѣчи Крякова назвалъ «ребячествомъ», но когда тотъ-же Кряковъ заявилъ, что «это не ребячествомъ, а социализмомъ называется»,—выказался вполне [отъ себя и имени всѣхъ присутствующихъ на вечерѣ:—«Вы всѣ это думаете и чувствуете.—Это общій отвѣтъ нашему собесѣднику, г. Крякову»]: «Пусть,—сказалъ Ч.,—космополиты мечтаютъ о будущемъ отдаленномъ сліяніи всѣхъ племенъ и національностей въ одну человѣческую семью, пусть этому суждено когда-нибудь и исполниться, но до тѣхъ поръ, и даже для этой самой цѣли—если-бъ такова была, въ самомъ дѣлѣ, конечная цѣль людского бытія—необходимо каждому народу переработать всѣ соки своей жизни, извлечь изъ нея всѣ силы, весь смыслъ, всѣ качества и дары, какими онъ надѣленъ, и принести эти національные дары въ общечеловѣческой капиталъ! Чѣмъ сильнѣе народъ, тѣмъ богаче будетъ этотъ вкладъ и тѣмъ глубже и замѣтнѣе будетъ та черта, которую онъ прибавитъ къ всемірному образу человѣческаго бытія». «Онъ въ раздумьѣ покачалъ головой». По мнѣнію Ч., русскій народъ исполняетъ «свою великую и національную, и человѣческую задачу», и «въ ней ровно и дружно работаютъ всѣ силы великаго народа, отъ царя до пахаря и солдата! Когда все тихо, покойно, всѣ, какъ муравьи, живутъ, работаютъ, какъ-будто въ раздробъ; думаютъ, чувствуютъ про себя и для себя; говорятъ, пожалуй, и на разныхъ языкахъ; но лишь только явится туча на горизонтѣ, загремитъ война, постигнетъ Россію зараза, голодъ—смотрите, какъ соединяются всѣ нравственные и вещественныя силы, какъ все сливается въ одно чувство, въ одну мысль, въ одну волю—и какъ вдругъ всѣ, будто подъ наитіемъ Св. Духа, мгновенно поймутъ другъ друга и заговорятъ однимъ языкомъ и одною силою! Баринъ, мужикъ, купецъ—всѣ идутъ на одну общую работу, на одно дѣло, на одинъ трудъ, несутъ милліоны и копѣйки... и умираютъ, если нужно—и какъ умираютъ! Передъ вами уже не графы, князья, военные или статскіе, не мѣшане или мужики, а одна великая, будто изъ несокрушимой мѣди вылитая статуя—Россія». Когда-же Кряковъ назвалъ Ч. и всѣхъ присутствующихъ «просто-на-просто шовинистами», отвѣтилъ «тихо и почти печально»:—«Нѣтъ, я не ослѣпляюсь условными сентиментами и не поддаюсь ходячему, дешевому патріотизму. Я могъ-бы, въ свою очередь, назвать васъ псевдо-либераломъ».—«Нѣтъ, я этого не сдѣлаю!»—мягко перебилъ Ч. Крякова:—«вы гость здѣсь, и ваша личность неприкосновенна».—«Но оставляя личность въ сторонѣ, я не могу молчать предъ псевдо-либерализмомъ, поты котораго, извините, звучали въ вашихъ рѣчахъ. Этотъ псевдо-либерализмъ точитъ корни того истиннаго либерализма, который одинъ ведетъ къ прогрессу. Онъ избралъ своимъ девизомъ разрушеніе гражданственности, цивилизаціи, онъ не останавливается ни передъ какими средствами—даже пожарами, убійствами... и не знаетъ самъ, чего хотѣтъ, и мчится... куда?—задумчиво спросилъ какъ-будто самого себя Чешневъ, покачивая головою». «...Онъ мчится мало-по-малу къ той безднѣ,—заключилъ онъ:—отъ которой, умирая, отвернулся и Герценъ, и куда отчаянно бросился маниакъ Бакунинъ, увлекая за собой Панургово стадо...».

Чинovníкъ департамента («О бы кнов. Ист.»).—Уп. л. «На улѣцѣ

какъ-будто этакія» лица «и не встрѣчаются, и не выходятъ на Божій свѣтъ; тутъ (въ департаментѣ), кажется, они родились, выросли, срослись съ своими мѣстами, тутъ и умрутъ».

Чиновникъ («Фрег. Пал.»).—Негръ. Приѣхалъ на корабль (въ Порто-Прайя) «въ форменномъ фракѣ съ галунами»; «освѣдомился о здоровьи людей, потомъ объ имени судна, о числѣ людей, о цѣли путешествія, и все это тщательно, но съ большимъ трудомъ, съ гримасами, записалъ въ тетрадь», выводя «каракули».

Чиновникъ («Фрег. Пал.»).—«Испанецъ; молодой чиновникъ, какіе есть, кажется, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ цѣлаго міра: безъ дѣла, скучающій, не знающій, куда дѣваться, словомъ, лишній». Гончаровъ встрѣтилъ его на табачной фабрикѣ въ Маниллѣ. Ч. «шелъ-было вонъ», но, когда Гончаровъ показалъ ему «записку»-пропускъ, «воротился»—и такъ, отъ нечего дѣлать—повелъ его къ альфорадору. Послѣ бесѣды съ послѣднимъ, началъ «длинную какую-то рѣчь по-французски», прибавляя «къ каждому слову»: «*Je vous parle franchement, vous comprenez?*» «Говорилъ онъ о злоупотребленіяхъ, да тутъ-же кстати и о строгости», намекая, что «официально, обыкновеннымъ путемъ, трудно сдѣлать что-нибудь, что надо «просто придти», такъ все (т.-е. сигары съ фабрики) и получишь за ту же цѣну». Въ фабричномъ магазинѣ, гдѣ наплась всего лишь «одна пачка сигаръ», Ч. «шепталъ, отворяясь въ сторону, что надо придти «прямо и просто», а куда все не говорилъ», прибавляя «только свое: «*Je vous parle franchement, vous comprenez?*» На вопросъ:—«да не надо-ли подарить кого-нибудь?»—«*Non, non!*»—сильно заговорилъ онъ, по вы знаете сами, злоупотребленія, строгости... но это ничего; вы можете все достать... васъ примилъ у себя губернаторъ—оно такъ, я видѣлъ васъ тамъ: но все-таки надо придти... просто: *vous comprenez?*» [Смыслъ этихъ таинственныхъ рѣчей былъ, кажется, тотъ, что нужно, помимо официальныхъ фактуръ и заказовъ, обратиться къ кому-либо изъ фабричныхъ служащихъ, или «прямо и просто» придти въ магазинъ и заказать, сколько ему нужно, т. к. въ такомъ случаѣ деньги за товаръ поступаютъ не въ пользу администраціи фабрики]. Лишь дѣйствуя «прямо и просто», по совѣту Ч., Гончаровъ получилъ желаемое изъ магазина, въ которомъ раньше не оказывалось вовсе сигаръ.

Чиханова («Май мѣс. въ Петерб.»).—Жена Чиханова; всегда «была какъ-то въ тѣни и жила своей собственной жизнью». Во время безденежья, «сидя на Антопѣевой пищѣ», заѣхала «въ Гостиный дворъ и къ портнихѣ-французженткѣ; потомъ одѣлась скромно, но прилично», и «въ черномъ платьѣ, съ подвязанной щекой, будто отъ зубной боли», «поѣхала къ знакомымъ богатымъ барышнямъ кланчить па бѣдность, и добыла» «рублей двѣсти».

Чихановъ («Май мѣс. въ Петерб.»).—Человѣкъ съ пѣвучимъ теноромъ и масляными глазами; когда-то «служилъ въ военной и гражданской службѣ, вертѣлся въ большомъ свѣтѣ, жилъ жалгами, но былъ всегда франтовски одѣтъ, припять въ лучшихъ салонахъ. Его называли «*ci-devant jeune homme*», «ловкимъ малымъ», а кое-гдѣ и «пустымъ человѣкомъ». Но ему дѣла ни до чего не было, онъ хлопоталъ только о томъ, какъ бы прожить весело день». За квартиру «просилъ отложить плату до слѣдующей трети», а самъ появлялся въ театрѣ, «въ первыхъ рядахъ», обѣдалъ во французскомъ ресторанѣ. Князю Копылину, приѣхавшему къ Ч. завтракать, «выставилъ рядъ закусокъ и винъ (взятыхъ въ долгъ) и сказалъ:—«Это только для васъ, князь, и при васъ мы только позволяемъ себѣ такую роскошь!»—«Сидимъ безъ денегъ, и на Антопѣевой пищѣ...», «мы ѣдимъ печенку съ огурцами... приходится такъ...—что дѣлать!»—«Денегъ нѣтъ, чтобъ ѣсть, какъ порядочные люди ѣдятъ!» Занявъ у князя пятьсотъ рублей, «какъ ни въ чемъ не бывало», рассказывалъ анекдоты, дѣлалъ удачныя каррикатуры общихъ знакомыхъ; словомъ, весь «ожилъ». Когда князь уѣхалъ. Ч. «энергически потрясъ сотепными бумажками; одну отдалъ женѣ, а остальные

спряталъ въ карманъ».—«Ну, теперь недѣли на двѣ разжились! «Опъ захохоталъ».

Чубукъ («Н а р о д и н ѣ»).—Сторожъ канцеляріи губернатора. «Прямой какъ палка», съ полинявшими галунами.

Чудинь («О б р ы в ѣ»).—Уп. л. См. Саврасовъ.

Чуринь («Н а р о д и н ѣ»).—Уп. л. Одинъ изъ пріятелей Якубова.

Чуча, («Н а р о д и н ѣ»).—Сестра Лины. Имя—«Чуча»—«передѣляли» изъ ея фамиліи—Чучина,—п. ч. настоящее имя, Аполонарія, сокращенію «не подавалось». У нея была всегда неизмѣнная широкая улыбка, открытые настежь глаза, вѣчно ласковый взглядъ; «у нея установилась одна мина навсегда и для всѣхъ» и «для граціи она виляла «таліей и турнирой». «Въ критическія минуты», Ч. прижимала «ладони къ вискамъ», «охала и ахала». Сестра дала Ч. прозвище—«немогучка», за полную безпомощность и неумѣлость. Когда губернаторша приняла сестеръ Чучиныхъ [см. Лина] «подъ свое крыло», Ч. «исполнила какія-нибудь несложныя порученія: сказать что-нибудь горничной, принести изъ другой комнаты ту или другую вещь, пойти въ кабинетъ къ Углицкому, передать что-нибудь, или просто посмотрѣть, кто тамъ у него. Если же пошлютъ ее, напримѣръ, въ лавку, да дадутъ два-три порученія, купить то, отрѣзать аршинъ такой-то матеріи, заѣхать къ портнихѣ и т. п., она палоловину перепутаетъ, палоловину забудетъ». Одно время, въ будніе дни, она «разливала чай», но тогда, «точно домовою тѣшилса надъ ней. У нея чашки скользили изъ рукъ, ложечки летѣли на полъ, поднимался звонъ, громъ. То она нальетъ чаю въ сахарницу; кому вовсе не положить, кому переложить сахаръ. Ее удалили отъ этой обязанности». «И другое шло не лучше». Во время болѣзни Сонечки, Ч. «чуть не надѣлала бѣды: накапала въ рюмку, вмѣсто мидальныхъ капель, какого-то спирта, которымъ надо было нагрить горло». «Къ ея счастью, больной показался противенъ запахъ, и она не приняла». Однажды, по обыкновенію, послѣ обѣдни, губернаторша передала, «за отсутствіемъ Лины, Чучѣ просвирку, чтобы она, по дорогѣ иѣшкомъ домой, отдала просвирку какому-нибудь нищему или нищей, да спросила бы прежде, не ѣли ли они что-нибудь утромъ, такъ какъ просвирка освященная».—«Отдала самому бѣдному!—хвасталась, съ сіяющими глазами, Ч., пришедши домой, за завтракомъ.—«Ничего, говорить, со вчерашняго дня не ѣлъ: вотъ, говорить, только на копѣчку луку купилъ, хотѣлъ-было ноѣсть...» У него изъ-за пазухи и луку торчитъ... Я и отдала... «Смотри же, говорю: прежде вотъ это скушай: это благословенная просвирка!..» Какъ онъ благодарилъ! «Спасибо, говорить, спасибо»... кланяется до земли, даже ермолку снялъ».—«Какую ермолку?»—«Онъ татаринъ,—вразумила Чуча».—«Татарину освященную просвирку!» «Губернаторша всплеснула руками». «Ч. «оказалась неспособною пи къ какимъ порученіямъ, кромѣ одного—сидѣть въ гостиной, съ вѣчнымъ вышиваньемъ въ рукахъ какой-то безконечной тесьмы, не то для звонка, не то для каймы къ портьерѣ. На обязанности ея лежало «занимать гостей», до прихода хозяйки или хозяйина. Она слушала гостей «съ сіяющимъ лицомъ»; «ей было весело, что она» «умѣетъ занимать». Но и тутъ Ч. постоянно доставалось. То она попроситъ гостя «подождать чуточку», п. ч. Марья Андреевна «сейчасъ, сейчасъ будетъ» и прибавитъ:—«Опа теперь въ буфетѣ, по хозяйству, поваръ пришелъ. Она заказываетъ, что обѣдать сегодня.. и бранить его...—добавляетъ Ч. шепотомъ, все улыбаясь:—сейчасъ кончить».—«Бранить? За что?»—«Вчера столько петрушки въ супъ навалилъ, что ѣсть нельзя». «Еще ее немного вышколили, старались преподать нѣсколько темъ для занятій гостей, а то она прежде доходила до геркулесовыхъ столбовъ въ дѣлѣ нескромности». Однажды, «боясь», что гостя, «пожалуй», «разсердится и уѣдетъ», Ч. «начала рассказывать жестокую семейную сцену между Углицкимъ и женой».—«Левъ Михайловичъ такъ разсердился, такъ кричали... ужасъ, ужасъ!—шепчетъ она.—У Марьи Андреевны сдѣлалась истерика... Левъ Михайловичъ кричали, что лучше застрѣлиться... Сонечка заперлась у себя въ комнатѣ, плакала... ах!»—«Да изъ-за чего, изъ-за чего? Говорите скорѣй!—настаивала гостя».—«Еще вчера...—

э, или верхомъ, съ сумкой у сѣдла, съ порученіемъ въ городъ; «выслушавъ отчетъ Андрея, онъ давалъ сыну два-три рубля, смотря по важности порученія».лично учившагося Андрея, И. Б. сдѣлалъ репетиторомъ «въ своемъ маленькомъ пансіонѣ»; онъ «положилъ ему жалованье, какъ мастеровому, по десять рублей въ мѣсяцъ» и заставлялъ въ полученіи «расписываться въ книгѣ».—«Добрый буршъ будетъ, добрый буршъ!»—говорилъ И. Б., видя самостоятельные шаги маленькаго Андрея.—«*Recht gut, mein lieber Junge!*»—хвалилъ онъ сына, «трепля широкой ладонью по плечу». Когда же Андрей отказался отъ всякой посторонней помощи и заявилъ, что онъ попробуетъ и «служить, и торговать» и сочинять вмѣстѣ, «отецъ захохоталъ изо всей мочи и началъ трепать сына по плечу такъ, что и лошадь не выдержала бы».—«О!»—сказалъ Штольцъ Рейнгольда:—«Это... это...» «Онъ хотѣлъ похвалить, но не нашелъ слова».—«Ну!»—сказалъ отецъ (при прощаньи)—«Ну!»—сказалъ сынъ.—«Все?»—спросилъ отецъ.—«Все!»—отвѣчалъ сынъ. «Они посмотрѣли другъ на друга молча, какъ будто пронзали взглядомъ одинъ другого насквозь». «Между тѣмъ, около собралась кучка любопытныхъ сосѣдей посмотрѣть, съ разинутыми ртами, на управляющій отпустить сына на чужую сторону». «Отецъ и сынъ пожали другъ другу руки».

«Онъ былъ въ университетѣ и рѣшилъ, что сынъ его долженъ быть также тамъ—нужды нѣтъ, что это будетъ не нѣмецкій университетъ, нужды нѣтъ, что университетъ русскій долженъ будетъ произвести переворотъ въ жизни его сына далеко отвести отъ той колеи, которую мысленно проложилъ отецъ въ жизни сына». Штольцъ «сдѣлалъ это очень просто: взялъ колею отъ свсего детства и продолжилъ ее, какъ по линейкѣ, до будущаго своего внука, и былъ доволенъ». «Впрочемъ, онъ не былъ педантъ въ этомъ случаѣ и не сталъ бы настаивать на своемъ; онъ только не умѣлъ бы начертать въ своемъ умѣ другой дороги сыну». «Онъ мало объ этомъ заботился. Но когда сынъ «воротился изъ университета и прожилъ мѣсяца три дома, отецъ сказалъ, что дѣлать ему въ Верхлѣвѣ больше нечего, что вонъ ужъ даже Обломова отправили въ Петербургъ, что, слѣдовательно, и ему пора». «А отчего нужно ему въ Петербургъ, почему не могъ сынъ остаться въ Верхлѣвѣ и помогать управлять имѣніемъ—объ этомъ старикъ не спрашивалъ себя; онъ только помнилъ, что когда онъ самъ окончилъ курсъ ученья, то отецъ отослалъ его отъ себя». «И онъ отослалъ сына—таковъ обычай въ Германіи».—«Образованъ ты хорошо: предъ тобой всѣ вѣдѣнья открыты; можешь служить, торговать, хоть сочинять, пожалуй—не знаю, что ты избереешь, къ чему чувствуешь больше охоты», напутствовалъ Штольцъ Андрея; отправилъ сына верхомъ до губернскаго города. Онъ далъ ему на дорогу сто рублей ассигнаціями и велѣлъ въ городѣ получить долгъ или же выдать лошадь на ярмаркѣ. Онъ же распорядился привязать къ сѣдлу «двѣ сумки: въ одной лежалъ клеенчатый плащъ» и «толстые, подбитые гвоздями сапоги, нѣсколько рубашекъ изъ верхлѣвскаго полотна, вещи купленные и взятые на настоянію» И. Б., «въ другой лежалъ изящный фракъ тонкаго сукна, мохнатые пальто, дюжина тонкихъ рубашекъ и ботинки, заказанныя въ Москвѣ, въ память наставленій матери». Провожая сына, говорилъ:—«До Москвы доѣхать тебѣ станетъ рублей сорокъ, оттуда въ Петербургъ—семьдесятъ пять; останется столько. Потомъ—какъ хочешь. Ты дѣлалъ со мною дѣла, стало-быть знаешь, что у меня есть нѣкоторый капиталецъ; но ты прежде смерти моей на него не изчислявай!»

Штольцъ («Обломовъ»).—Уп. л. Мать Андрея. Русская дворянка; до замужества жила гувернанткой въ богатомъ домѣ и имѣла случай быть за границей; «проѣхала всю Германію» и смѣшала всѣхъ нѣмцевъ въ одну толпу людей, «способныхъ только на черную работу, на труженическое добываніе денегъ, на пошлый порядокъ, скучную правильность жизни и педантическое отвращеніе обязанностей». На всю нѣмецкую націю она смотрѣла, какъ на толпу патентованныхъ мѣщанъ, не любила грубости, самостоятельности и кичли-

востяхъ, съ какими нѣмецкая масса предъявляетъ вездѣ свой тысячелѣтнѣйшій выработанный бюргерскіе права, какъ корова носить свои рога, не умѣя кстади ихъ спрятать». «На ея взглядъ, во всей нѣмецкой націи не было и не могло быть ни одного джентельмена. Она въ нѣмецкомъ характерѣ не замѣчала ни какой мягкости, деликатности, снисхожденія, ничего того, что дѣлаетъ жизнь такъ пріятною въ хорошемъ свѣтѣ, съ чѣмъ можно обойти какое нибудь правило нарушить общій обычай, не подчиниться уставу». «Нѣтъ, такъ и ломаютъ эти невѣжи, такъ и напираютъ на то, что у нихъ положено, что заберутъ себя въ голову, готовы хоть стѣну пробить лбомъ, лишь бы поступить по правиламъ» — «Какъ ни наряди нѣмца», думала она; «какую тонкую и бѣлую рубашку онъ ни надѣнетъ, пусть обуется въ лакированные сапоги, даже надѣнетъ желтыя перчатки, а все онъ скроешь какъ будто изъ салонойной кожи; изъ-подъ бѣлыхъ манжетъ все торчатъ жесткія и красноватыя руки, и изъ-подъ изящнаго костюма выглядываетъ, если не булочникъ, то буфетчикъ. Эти жесткія руки такъ и просятся приняться за шило, или много-много—что за смычокъ въ оркестрѣ». Была недовольна трудовымъ, практическимъ воспитаніемъ сына и, «если бъ только не положительное запрещеніе» мужа не мѣшать ему, она бы держала его (сына) возлѣ себя». Она учила Андрея «священной исторіи и баснямъ Крылова, позднѣе съ нимъ читала «Телемака» и играла съ нимъ въ четыре руки. Она любила видѣть Андрея «чистенькимъ, благовоспитаннымъ мальчикомъ». Въ сынѣ ей мерещился идеаль барина—«такого, на какихъ она наглядѣлась въ русскомъ богатомъ домѣ, и тоже за границей, конечно, не у нѣмцевъ». «Она съ безпокойствомъ смотрѣла» на исчезновеніе Андрюши изъ дома и плакала, когда его доставляли домой «выпачканнаго, растрепаннаго, неузнаваемаго». — «Помилуй, Иванъ Богданъчъ,—жаловалась она:—не проходитъ дня, чтобъ онъ безъ синяго пятна воротился, а намедни носъ до крови разбилъ». «Она выплакала глаза», «когда Андрей пропалъ на недѣлю». Позднѣе она приходила въ ужасъ отъ мысли, что ея сынъ сдѣлается такимъ же нѣмецкимъ бюргеромъ, изъ какихъ вышелъ отецъ», «будетъ чуть не самъ ворочать жернова на мельницѣ, возвращаться домой съ фабрикъ и полей, какъ отецъ его: въ салѣ, въ навозѣ, съ красно-грязными, загробѣвшими руками, съ волчьимъ аппетитомъ!» «Она бросалась стричь Андрюшѣ ногти, завивать кудри, шить изящные воротнички и манишки; заказывала въ городѣ курточки; учила его прислушиваться къ задумчивымъ звукамъ Герца, пѣла о цвѣтахъ, о поэзіи жизни, шептала о блестящемъ призваніи, то воина, то писателя, мечтала съ нимъ о высокой роли, какая выпадаетъ инымъ на долю...» Она возненавидѣла даже телѣжку, на которой Андрюша ѣздилъ въ городъ, и клеенчатый плащъ, который подарилъ ему отецъ, и замшевыя зеленыя перчатки—все грубыя атрибуты простой жизни». «Она забывалась лишь за фортепьяно, за варьяціями Герца». Когда молодой Ш. вернулся въ Верхлѣво, послѣ окончанія университета, его матери уже не было на свѣтѣ».

Штукинъ («Превр. судьбы»).—Сожитель Хабарова по квартирѣ. На работу, которую ему доставилъ Хабаровъ, (по подъему «большого камня для какого-то монумента»), являлся «не всякій день аккуратно», а, «заработавъ не большія деньги, предавался любимому занятію—пьянству».

Э.

Эйноске («Фрег. Пал.»).—Японецъ. Старшій переводчикъ, присланный изъ Едо. «Похожъ на европейца и носить на лицѣ сдѣдъ мысли и образованія. Черты лица правильныя, взглядъ смѣлый»; «говоритъ по-англійски очень мало, но понимаетъ почти все. Онъ научился у голландцевъ»; учится немного и по-французски. При переводѣ «старается все объяснить «до тонкостей». Когда Э. сказали, что пора отмѣнить «стѣснительные законы относительно иностран-

цевъ», онъ очень умно и основательно отвѣчалъ:—«Вы понимаете, отчего у насъ эти законы таковы (тутъ онъ показалъ рукой, каковы они, т. е. стѣснительны, но сказать не смѣлъ); нѣтъ сомнѣнія, что они должны измѣниться. Но корабли европейскіе,—прибавилъ онъ,—начали посѣщать, прилежно и во множествѣ, Нагасаки всего лѣтъ десять, а потому не было надобности мѣнять». На предложеніе съѣздить хоть въ Шанхай, чтобы «увидѣть образчикъ европейскаго города», Э. отвѣчалъ:—«О, да, мнѣ бы хотѣлось больше: я желалъ бы объѣхать вокругъ свѣта. Эта мысль оболъщаетъ меня». На приглашеніе съѣздить въ Россію, Э. «живо» отвѣтилъ:—«Въ Россію, нѣтъ,—тамъ женщинъ нѣтъ». Съ пріѣздомъ Кавадзи, у котораго Э. состоялъ переводчикомъ, «зазнался»: «едва слушалъ другихъ полномочныхъ» и «не скрывалъ, что онъ выросъ»; въ то время, когда Кавадзи не пріѣзжалъ на фрегатъ, Э. «сидѣлъ на стулѣ развалившійся», «часто просилъ шампанскаго» и однажды «такъ напился, съ четырехъ бокаловъ, что вздумалъ-было разсуждать самъ, а не переводить того, что ему говорили». «За шесть дней» знакомства съ американцами «выучился пить шампанское», и, какъ «человѣкъ опытный, постѣшилъ растолковать» уполномоченнымъ «свойства этого вина»; однако, самъ «подпилъ» на фрегатѣ и, «смѣсью англійскаго, голландскаго и французскаго языковъ съ нагасакскимъ нарѣчіемъ, извинялся, что много пилъ; въ подтвержденіе этого былъ на фрегатѣ свою мантилью на собачьемъ мѣху».

Эзенуторъ («Май мѣс. въ Петерб.»).—См. Петръ Петровичъ.

Эзенуторъ («Обломовъ»).—См. Иванъ Герасимовичъ.

Экономъ («Обрывъ»).—Уч. л. Отецъ Улиньки. Экономъ какого-то казеннаго заведенія въ Москвѣ; «держалъ, между прочимъ, столъ для приходящихъ студентовъ, давая за рубль съ четвертью мѣдью три, и за полтинникъ четыре блюда», причемъ «щи, лапша, макароны, блины и т. п.» готовились изъ «казенной капусты, крупы и муки». Всѣмъ въ домѣ и самимъ Э. управляла Улинька.

Этола («Фрег. Пал.»).—«Перевозчица въ Гон-Конгъ». «Дѣвушка лѣтъ пятнадцати, родомъ изъ Макао, блѣдная, съ черными, хотя узенькими, но прекрасными глазами. Объявила цѣну перевозки съ берега на фрегатъ въ два шиллинга; говорила по-англійски, но на всѣ почти вопросы, обращенные къ ней, отвѣчала лишь:—«Два шиллинга».

Ю.

Юлія Павловна Тафаева («Обыкн. Ист.»).—См. Тафаева, Ю. П.

Юхновъ («Май мѣс. въ Петерб.»).—Чиновникъ, сослуживецъ Братина.

Я.

Яковъ («Обрывъ»).—Пожилой дворовый изъ Малиновки, дворецкій Бережковой; «вмѣстѣ съ Василисой, Я. исполнялъ «по дому всѣ нужныя дѣла». Барыня назначила его дворецкимъ за то только, что онъ смиренъ, пить умеренно, т. е. мертвецки не напивается, и не курить; притомъ онъ усерденъ къ церкви». Я. «неохотникъ былъ говорить». «Когда и барыня спроситъ его, такъ онъ еле отвѣтитъ, какъ-будто ему было Богъ знаетъ какъ тяжело жить на свѣтѣ, будто гнетъ какой-нибудь лежалъ на душѣ, хотя ничего этого у него не было». Я. «только служилъ за столомъ, лѣнливо обмахивалъ вѣткой мухъ, лѣнливо и задумчиво мѣнял тарелки». Онъ всегда былъ «задумчивъ», и «сонно смотрѣлъ по сторонамъ», даже сидя «праздно» въ передней. Былъ «набоженъ».

Озорного Егорку унималъ:—«Полно тебѣ, не грѣши!» «Полно Бога гнѣвить!» по утрамъ, «съ крыльца молился на крестъ собора»; даже во хмелю, возвращаясь домой изъ кабака, Я. «все искалъ по сторонамъ глазами, не покажется ли церковный крестъ вдалькѣ, чтобъ помолиться на него».—«Только Василиса да Я. и есть (во дворѣ) порядочные!»—отзывалась Татьяна Марковна. Когда же она заболѣла, Я. далъ обѣтъ, «если барыня придетъ въ себя и выздоровѣетъ», «поставить большую позолоченную свѣчу къ мѣстной иконѣ въ приходской церкви». «Любилъ поговорить о божественномъ и вышить тоже любилъ». «...Тупо и углубленно слушалъ эпизоды изъ священной исторіи» за хмельвшаго Опенкина и «даже досталъ въ людской и принесъ бутылку пива, чтобы заохотить собесѣдника къ разказу». Когда же Опенкинъ «перепуталъ разказъ до того, что «Самсонъ у него проглотилъ кита», Я. «задумчиво остановилъ его:—«Какъ... позвольте...» «...кто кого проглотилъ?»—«Да вѣдь китъ большущая рыба: сказываютъ, въ Волгѣ не уляжется...» «Не другую-ли какую рыбу проглотилъ человекъ?»—изъявилъ Я. сомнѣніе и все допытывался: проглотилъ «кто кого!» Услыша храпъ Опенкина, Я. повелъ его домой, вмѣстѣ съ Кузьмой, но самъ вернулся лишь на другой день къ обѣду, проведя утро подъ гостепріимнымъ кровомъ кабака». Обѣтъ свой онъ выполнилъ: «водрузилъ», за ранней обѣдней, «позолоченную свѣчу къ мѣстной иконѣ» («взявъ на свѣчу денегъ изъ лампадной суммы, отпускаемой ему на руки барыней»), «но у него оказалась излишекъ». «Крестясь поминутно, онъ вышелъ изъ церкви и прошелъ въ слободу, гдѣ оставилъ и излишекъ, и пришелъ домой в сапогахъ и на ногахъ, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ и на носу». На вопросъ барыни («—Что съ тобой, Я.?), «отвѣчалъ, набожно склонивъ голову на сторону и сложивъ руки горстями на груди»:—«Сподобился, сударыня!» «Онъ объявилъ и Василисѣ, что «сподобился выолнить обѣтъ», и ходилъ все утро, «полный благочестиваго веселья».

Ягорскій («На родинѣ»).—Уп. л. По словамъ матери Кати, «женихъ хоть куда! И Катѣ нравится, изъ себя видный, славно танцуетъ, по-французски говорить, такъ и сыплеть»...

Якубовъ Петръ Андреевичъ, («На родинѣ»).—Крестный Гончарова, «отецъ-баловникъ». «Одинокій холостякъ». Учился «въ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, и въ царствованіе Екатерины вышущенъ во флотъ, въ морскую артиллерію». «Участвовалъ въ кампаніи противъ французовъ», потомъ «вышелъ въ отставку» и «приѣхалъ на Волгу, въ свое имѣніе, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, съ владимірскимъ крестомъ». «Сельскаго хозяйства онъ не понималъ и не любилъ», и, «спустя нѣкоторое время, вступилъ въ гражданскую службу совѣтникомъ, кажется, губернскаго правленія». «Онъ сблизился съ тогдашнимъ дворянскимъ кругомъ и рѣшительно завоевалъ себѣ общую симпатію и уваженіе. Это былъ чистый самородокъ честности, чести, благородства и той прямоты души, которою славятся моряки, и притомъ съ добрымъ, теплымъ сердцемъ. Все это хорошо выражается англійскимъ словомъ «джентльменъ», котораго тогда еще не было въ русскомъ словарѣ. Въ обращеніи онъ былъ необыкновенно привѣтливъ, а съ дамами до чопорности вѣжливъ и любезенъ». «Онъ былъ вездѣ принятъ съ распростертыми объятіями, его ласкали, не давали быть одному. И у себя онъ давалъ часто обѣды, на которыхъ нерѣдко присутствовали и дамы». «У него даже былъ свой романъ», но Я. уступилъ своему сопернику, потому что тотъ «могъ устроить лучше судьбу» любимой дѣвушки (См.—Ростипъ). Старѣясь, Я. началъ все больше замыкаться, «точно остерегался общества, пятился отъ знакомыхъ, а незнакомыхъ вовсе не принималъ». «Главной причиной была, конечно, старческа я усталость, «отвычка» отъ людей, какъ онъ говорилъ, но тутъ наполовину было и дѣйствительно боязнъ. Онъ, какъ и многіе тогда, былъ запуганъ тѣмъ переполохомъ, который произвело четырнадцатое декабря во всемъ русскомъ обществѣ». Я. «сталъ избѣгать встрѣчъ, даже съ близкими его знакомыми. Отъ прочихъ

онъ скрывался, сколько могъ».—«На старости лѣтъ отвыкъ отъ людей, да и пострѣловъ тутъ не мало—отзывался онъ о губернской аристократіи, обо всѣхъ отставныхъ и служащихъ говорилъ съ «брезгливостью»:—«Нашему брату, дворянину, грязно съ ними уживаться,—отзывался онъ». Поборы и взятки, которыми жило все губернское чиновничество, Я. «презираль», и отъ этого «онъ бросилъ свою гражданскую губернскую службу».

«Старые дворянскіе роды онъ ставилъ высоко, къ другимъ сословіямъ относился только снисходительно».—«Здравствуй, старина!—говорилъ онъ попросту, въ отвѣтъ на почтительный поклонъ какого-нибудь купца, или:—здравствуй, отецъ!—привѣтствовалъ онъ священника. Напротивъ, съ людьми своего круга, онъ, при встрѣчѣ на улицѣ, здоровался, съ близко знакомыми фамильярно, дружески, перекидывался нѣсколькими словами, шуткой, передъ менѣе знакомыми вѣжливо приподнималъ фуражку, а передъ дамами обнажалъ всю голову». Онъ «зналъ отлично» «исторію состоянія каждаго изъ губернскихъ тузовъ», «источники и количество доходовъ» крупныхъ дворянскихъ состояній, подробности про «чиновниковъ» и «дѣльцовъ». Онъ «былъ баринъ въ душѣ», природный аристократъ. Между прочимъ, онъ былъ сынъ своего вѣка, крѣпостникъ». «Онъ непробудно жилъ и умеръ на лонѣ крѣпостного права и пользовался послѣднимъ—не какъ всѣ помѣщики, а никогда не злоупотребляя своими правами». «Дохода и разныхъ продуктовъ съ земли своей онъ получалъ столько, сколько «привезетъ староста». Въ дворнѣ у него, кромѣ своего кучера, повара и двухъ-трехъ лакеевъ съ семействами, были еще столяры, портные, сапожники. Онъ отпускалъ ихъ по городу на оброкъ, не справляясь, гдѣ и какъ они живутъ, что зарабатываютъ. Онъ не получалъ съ нихъ ни гроша, и только, когда понадобятся ему сапоги, онъ велитъ своему сапожнику спать, заллативъ, что стоитъ товаръ. Понадобится починка или заказъ новой мебели—то же самое. «Домашней крѣпостной прислугѣ—а тогда другой, наемной, не было,—жалованья не полагалось, по каждый праздникъ онъ дарилъ дворнѣ «кучки серебряныхъ рублей».—«Это,—скажетъ,—Васькѣ, это Миткѣ, это Гришкѣ, всѣмъ сестрамъ по серьгамъ»,—прибавитъ въ заключеніе. Самъ никогда лично не давалъ, а черезъ дѣтей и близкихъ. Своихъ дворовыхъ называлъ: «Митка», «Васька». «Услыхавъ однажды обращеніе къ человѣку: «Петръ, пожалуйста, принеси мнѣ...», онъ обернулся отъ окна и съ живостью замѣтилъ:—«Какъ это» «пожалуйста» хорошо!». «Онъ былъ вспыльчивъ» и грозенъ до комизма, но «гнѣвъ Я. бывалъ всегда мгновенной, быстро потухавшей вспышкой». Сидитъ онъ, бывало, за столомъ: случится иногда, что супъ пересолень или жаркое пережарено:—«Малый!—закричитъ онъ грозно:—подай палку!»—«У него была дубинка съ круглой головкой, сопровождавшая его въ прогулкахъ. «Малый», иногда лѣтъ пятидесяти или шестидесяти, «приносилъ дубинку».—«Поди, дай Акимкѣ (повару)!—приказывалъ Я.:—и скажи, что онъ отвѣдаетъ этого кушанья, если опять пересолитъ супъ». Точно также, когда слуга доложить о приходѣ гостя, «энергически, молча» покажетъ человѣкъ «два кулака» и самъ не выйдетъ; но когда гость пройдетъ къ нему прямо въ кабинетъ, радушно его встрѣтитъ.—«Эй, малый!—крикнетъ онъ человѣку:—скажи, чтобъ намъ дали закуску сюда да позавтракать что-нибудь». [У Я. былъ свой отличный поваръ и кромѣ того особый кондитеръ]. Слугѣ потомъ не было ни выговора, ни замѣчанія». «Отъ мпшвенныхъ вспышекъ его не оставалось никакого дыма, какъ отъ пороха. Провинится человекъ, не угодитъ ему, разсердитъ, обыкновенно, пустяками какими-нибудь, онъ заточаетъ, подниметъ оба кулака, иногда сложить ихъ вмѣстѣ, и, грозя, закричитъ:—«Дьяволь твою душу поberi! Я тебѣ голову проломаю!» «Въ эти минуты тому, кто не знаетъ его коротко, онъ покажется страшенъ. Но въ одну минуту гнѣвъ погасаетъ, какъ молнія, и никогда ни одному слугѣ онъ не только «головы не проломалъ», но никто не видалъ, чтобы онъ тронулъ кого-нибудь челкомъ, даже чтобы мальчишку взять за ухо или за волосы. У него въ ру-

какъ и пріемовъ для драки не было». Случайно поселившись во флигелъ гончаровскаго дома, Я. скоро сталъ членомъ семьи: онъ крестилъ у Гончаровыхъ «четверыхъ дѣтей» и потомъ принялъ участіе въ воспитаніи крестниковъ. «Этo занимало его, наполняло его жизнь. Добрый морякъ окружилъ себя «дѣтьми, принялъ ихъ «подъ свое крыло», «а мы,—вспоминаетъ Гончаровъ,—привязались къ нему дѣтскими сердцами, забыли о настоящемъ отцѣ. Онъ былъ лучшимъ совѣтникомъ нашей матери и руководителемъ нашего воспитанія». См.: «Прототипы». Ср. В а т у т и н ъ.

«Я. былъ вполнѣ просвѣщенный человекъ. Образование его не ограничивалось техническими познаніями въ морскомъ дѣлѣ, пріобрѣтенными въ морскомъ корпусѣ. Онъ дополнял его непрерывнымъ чтеніемъ—по всѣмъ частямъ знанія, не жалѣлъ денегъ на выписку изъ столицъ журналовъ, книгъ, брошюръ. Какъ, бывало, прочтаетъ въ газетѣ объявленіе о книгѣ, которая, по заглавію, покажется ему интересною, сейчасъ посылаетъ требованіе въ столицу». «Романовъ и вообще беллетристики онъ не читалъ и зналъ всѣхъ тогдашнихъ крупныхъ представителей литературы больше по паслышкѣ. Выписывалъ онъ книги историческаго, политическаго содержанія и газеты». У него были серьезныя техническія познанія въ чистой и прикладной математикѣ. Особенно ясны и неопѣненны были,—вспоминаетъ Гончаровъ,—его бесѣды о математической и физической географіи, астрономіи, вообще космографіи, потомъ навигаціи. Онъ познакомилъ меня съ картой звѣзднаго неба, наглядно объяснял движеніе планетъ, вращеніе земли, все то, чего не умѣли или не хотѣли сдѣлать мои школьные наставники. Я увидѣлъ ясно, что они были дѣти передъ нимъ въ этихъ техническихъ, преподанныхъ мнѣ имъ урокахъ. У него были нѣкоторые морскіе инструменты, телескопъ, секстантъ, хронометръ. Между книгами у него оказались путешествія всѣхъ кругосвѣтныхъ плавателей, съ Кука до послѣднихъ временъ». Въ молодости принадлежалъ къ масонской ложѣ, но на разспросы отвѣчалъ «нехотя». «Крутыхъ мѣръ» правительства «не одобрялъ»:—«Простого выговора не стоить,—сквозъ зубы бормоталъ онъ, бросая газету:—а его на поселеніе!» Но «страха ради» молчалъ и раскланивался въ неизвѣстномъ ему лично тайнымъ совѣтникомъ, пріѣхавшимъ изъ Петербурга.

Ямщикъ («Ф р е г П а л.»).—Звали его Дормидономъ. «Горе одолѣло» Д. Разказалъ Гончарову, что у него «сначала, лѣтъ двадцать-пять назадъ, отца убили...». «Потомъ моя хозяйка умерла: ну, Богъ съ ней! Божья власть, а все горько!» «Потомъ сгорѣла изба»,—продолжалъ онъ,—«а въ ней восьмилѣтняя дочка... Женится я вдругорядъ, прижилъ два сына; жена тоже умерла. Съ сгорѣвшей избой у меня пропало все имущество, да еще украли у меня однажды тысячу рублей, въ другой разъ тысячу-шестьсотъ. А какъ наживалъ-то! какъ копилъ! Вотъ какъ трудно было!» Д. «не унываетъ, еще возить профъзжихъ, сбываетъ сѣно на пріиски—и ничего».—«Вонъ, слышите колоколецъ?»—спросилъ онъ.—«Это мой Васютка засѣдателя везетъ».—«Эй, малый, вези по старой дорогѣ»,—крикнулъ онъ весело:—«что намъ новую-то проминать своими боками!»

Яновъ («Н а р о д и ѣ»).—Чиновникъ особыхъ порученій; человекъ образованный, собесѣдникъ веселый, неистощимый на анекдоты и «злоразсѣпный». «Предмѣстникъ Углицкаго употреблялъ его по письменной части, такъ какъ онъ писалъ скоро, живо и хорошо, но долженъ былъ удалить его отъ писанія. Онъ въ дѣловыя бумаги допускалъ остроты и юморъ. Губернаторъ ему однажды замѣтилъ, что въ дѣловыхъ письмахъ къ важнымъ лицамъ надо писать имена ихъ полностью, напримѣръ: не Егоръ Петровичъ, а Георгій, не Ефимъ, а Евѣимій Ивановичъ, не Сергій, а Сергій, и т. д., а къ неважнымъ лицамъ можно-де писать просто. Я. принялъ это къ свѣдѣнію и пошелъ писать: къ какому-нибудь министру въ Петербургъ—«Федорей Павловичъ», «Михалій Ивановичъ», а къ простымъ, напротивъ, вмѣсто Аванасій Степановичъ, писалъ «Аванасъ Степа-

новичъ» и т. п. Нѣсколько такихъ бумагъ успѣли проскочить въ Петербургъ и возбудили тамъ вниманіе. Потомъ, въ одной дѣловой бумагѣ, говоря о какомъ-то умершемъ чиновникѣ, написалъ, что «покойный былъ безпокойнаго нрава». За эти остроты отъ писанія бумагъ его устранили. Тотъ-же Я. рассказывалъ «въ губернаторской кашцеляріи, при другихъ», какъ онъ ѣздилъ по губерніи, для предварительнаго осмотра мѣстъ, предъ губернаторской поѣздкой, и какъ пальцы его перчатки всегда набивали золотыми. На вопросъ, за что ему давали, Я. отвѣчалъ:—«Какъ-же: за то, что не смотрѣлъ и не видалъ ничего».—«Я даже думалъ,—говорилъ Я.,—не отдать-ли назадъ, да... передумалъ! Вѣдь это не взятка—фи, какъ можно! Я не способенъ ни прижать, ни пожаловаться, и если-бъ нашелъ неисправность, самъ замѣтилъ-бы и посовѣтовалъ исправить. А тутъ просто суютъ въ руки лишнія деньги, да еще нажитыя, очевидно, неправедно. Какъ же ихъ не отобрать и не спрятать въ карманъ, тѣмъ болѣе, что перчатки разорвались, не выдержали бы...»—«И рассказчикъ, и всѣ слушатели смѣялись».

Янценъ («Фрег. Пал.»).—«Буфетчикъ» съ фрегата.

Ясиро («Фрег. Пал.»).—Сынъ Кичибе, «кандидатъ въ переводчики».

Ө.

Өаддеевъ, Семень («Фрег. Пал.»).—Молодой, коренастый, гладко-остриженный матросъ; «младенецъ съ исполинскими кулаками». «Числился при адмиральной каютѣ, съ откомандированіемъ» «въ вѣстовые» къ Гончарову. «Лицо у Ө. «всегда было обращено нѣсколько стороною къ предмету, на который онъ смотрѣлъ»; при торжественномъ приѣмѣ адмирала, въ домѣ губернатора Нагасака, Ө. стоялъ «на вытяжкѣ» у крыльца, «весь въ красномъ, въ ливреѣ», но его лицо «глядѣло на сторону». «Это лицо было кругло и бѣло, безъ всякихъ отмѣтинъ и примѣтъ». «Русые волосы, бѣлые глаза, бѣлое лицо, тонкія губы—все это напоминало скорѣе Финляндію, нежели Кострому, его родину». «Смѣтливость и «себѣ на умѣ» были не послѣдними его достоинствами, которыя прикрывались у него наружно неуклюжестью костромитянина и субординаціею матроса». По утрамъ, подавая Гончарову умыться, «съ костромскимъ добродушіемъ» говорилъ:—«На, вотъ, ваше высокоблагородіе, мойся скорѣе, чтобъ не застали да не спросили, гдѣ взялъ (прѣсную воду), а я пока достану тебѣ полотенце рожу вытереть!» На приказаніе скорѣе подать одежду отвѣчалъ:—«Успѣешь, ваше высокоблагородіе»:—«вотъ, на, прежде умойся».—«Поди, ваше высокоблагородіе, обѣдать, я давно зову тебя, да не слышишь»,—звалъ Ө., являясь въ каюту «съ фуражкой въ рукѣ». Во время бури, когда Гончаровъ спросилъ Ө., не принесетъ-ли онъ ему въ каюту «чего-нибудь поѣсть въ тарелкѣ?»—отвѣтилъ:—«Отчего не принести, ваше высокоблагородіе, изволь, принесу!»—«Вотъ тебѣ!»—сказалъ онъ и сѣлъ подлѣ, на полу, «держа тарелки». На вопросъ, что онъ принесъ, Ө. отвѣчалъ:—«Тутъ все есть, всякія кушанья». [На тарелкѣ лежали и курица съ рисомъ, и горячій паштетъ, и жареная баранина, «и все было прикрыто вафлей»].—«Помилуй, вѣдь это ѣсть нельзя. Недоставало только, чтобъ ты мнѣ супъ налилъ сюда!»—«Нельзя было»,—отвѣчалъ онъ простодушно:—«того глоты, прольешь». Гончарову говорилъ всегда «ты», употребляя въ «уже въ готовыхъ фразахъ: в а ш е в ы с о к о б л а г о р о д і е , и л и в о л я в а ш а и т . п . — Б ы л ъ д ѣ я т е л ь н ы , с п о с о б е н ѣ и с и л ь н ы ; р а б о т у с п р а в л я л ъ « в ѣ т р и п р і е м а » — « н е с п р а ш и в а й т е к а к ѣ » . — Н о т о , ч т о с т о л и ч н о м у с л у г ѣ « с т а л о б ы д в а у т р а р а б о т ы » , у Ө — а о т н и м а л о п о л ч а с а в р е м е н и . В ѣ к а ю т ѣ Г о н ч а р о в а н а в е л ѣ б ы с т р о п о р я д о к ѣ , п р и ч е м ѣ к н и г и « р а с п о л о ж и л ѣ н а к о м о д ѣ в ѣ у г л у п о л у к р у ж і е м ѣ и п е р е в я з а л ѣ , н а с л у ч а й к а ч к и , в е р е в к а м и т а к ѣ , ч т о н е л ь з я б ы л о в ы н у т ь и л и о д н о й б е з ѣ е г о - ж е ч у д о в и ц н о й

силы и ловкости». Рядомъ съ книгами положилъ сапоги; при переходѣ Гончарова въ новую каюту, Ѳ. «мигомъ устроилъ» все. «Доска-ли нейдетъ—мигомъ унесеть ее, отпилить лишнее, и ужъ тамъ, какъ она ни упрямься, а онъ втиснетъ ее въ свое мѣсто. Ему нужды нѣтъ, если отъ этого что-нибудь расплзется врозь: онъ и то поправить, и опять нужды нѣтъ, если доска треснетъ. Онъ одинъ придѣлалъ полки, устроилъ кровать, вбилъ гвоздей, сдѣлалъ вѣшалку и потомъ принялся разбирать вещи по порядку, съ тою только разницею, что сапоги положилъ уже не съ книгами, какъ прежде, а выстроилъ ихъ длиннымъ рядомъ на комодъ и бюро, а вакуу, мыло, щетки, чай и сахаръ разложилъ на книжной полкѣ». — «Ближе доставать», — сказалъ онъ». «Книги поставилъ» на верхнія полки, куда рукой достать было нельзя, и такъ плотно уставилъ, что вынуть книгу не было никакой возможности». «Иногда онъ, не зная назначенія какой-нибудь вещи, бралъ ее въ руки и долго разсматривалъ, стараясь угадать, что бы это такое было, и уже ставилъ по своему усмотрѣнью. Попался ему одеклоновъ: онъ смотрѣлъ-смотрѣлъ, наконецъ, налилъ себѣ немного на руку: — «Укусъ», — рѣшилъ онъ, сунувъ склянку куда-то подалеже въ уголъ». Во время плаванія, увидя на перчаткахъ пятна отъ морской сырости, былъ пораженъ «круглой, правильной формой пятенъ». — «Да это какъ нарочно сдѣлано», — отвѣчалъ онъ. — «А галстуки тоже нарочно съ пятнами?» — Ѳ. стороной посмотрѣлъ на галстуки. — «И они въ пятнахъ», — сказалъ онъ про себя: — что за чудо!» Хотя «десница» у Ѳ. была разрушительная, но онъ былъ «ловокъ и цѣпокъ», «какъ кошка»; изловчился какъ-то обманывать бдительность трюмнаго унтеръ-офицера и изъ-подъ носа у него таскалъ изъ цистерны каждое утро по кувшину воды. «Барину» своему вообще оказывалъ «любезности». По утрамъ, несмотря на запретъ, приносилъ кувшинъ прѣсной воды. — «Досталъ», — говорилъ онъ радостно, каждый разъ, вбѣгая съ кувшиномъ въ каюту». Послѣ сѣзда на берегъ привезъ и поставилъ въ каютѣ великолѣпный цвѣтокъ: горный тюльпанъ, величиной съ чайную чашку, съ розовыми листьями и темнымъ коричневымъ мхомъ внутри, на длинномъ стеблѣ. На вопросъ, откуда онъ его взялъ: — «Въ Африкѣ, на горѣ досталъ», — отвѣчалъ Ѳ.; онъ же приносилъ съ берега разныя раковины: — «Извольте посмотрѣть, какія есть хорошія», — говорилъ онъ, выбирая изъ ящика то рогатую, то красную, то синюю съ пятнами. — «Вотъ эта, вотъ эта; а эта какая славная!» И онъ сунулъ ее къ носу барина. Отъ нея запахло падалью. — «Что это такое?» — «Это я чистилъ: тамъ улитки были», — сказалъ онъ: — «да видно, прокисли». Несмотря на запретъ, онъ таскалъ раковины каждый день кучами, потому что всѣ такъ дѣлали». — «У всѣхъ господъ есть, у васъ только нѣтъ», — сказалъ онъ, вымѣнявъ у корейцевъ тростниковую шляпу для Гончарова. «Всякая неудача, приключившаяся кому-нибудь, полученный толчокъ, даже имъ самимъ», радовали Ѳ. Когда его другъ, Мотыгинъ, получилъ «отъ портсмутской леди» синякъ около глаза, «пуще всѣхъ радовался Ѳ.». Когда онъ, вмѣстѣ съ Паисовымъ и Шведовымъ, всѣ трое «подвѣсились къ одному крючку» и упали, Ѳ. «улыбался» при одномъ воспоминаніи. На вопросъ: о чемъ онъ смѣется, — отвѣчалъ: — «Да смѣхъ такой...» — «Ну, говори, что?» — «Шведовъ треснулъ головой о палубу». — «Гдѣ? какъ?» — «Съ койки сорвался: мы трое подвѣсились къ одному крючку, крючокъ сорвался, мы всѣ и упали: я ничего, и Паисовъ ничего, упали просто и встали, а Шведовъ голову ушибъ — такой смѣхъ! Теперь сидитъ, да стонетъ». Увидя барина въ ваннѣ, въ безпомощномъ положеніи [испортились жолоба у ваннъ и вода залила весь номеръ], Ѳ. «предался необузданной радости». «Напрасно онъ кусалъ губы — подавленный смѣхъ вырывался паружу», а, черезъ часъ, Ѳ. «на дворѣ рассказывалъ анекдотъ о купаньѣ двумъ своимъ товарищамъ». Когда за кражу воды для умыванья, ему «сильно досталось», Ѳ. воротился съ пустымъ кувшиномъ, ерошилъ рукой затылокъ, чесалъ спину и чему-то хохоталъ, хотя сквозь смѣхъ проглядывала нѣкоторая принужденность. — «Э! лѣшій, чортъ, какую затрещину далъ!» — сказалъ онъ, наконецъ, глядя то спину, то голову. — «Кто, за что?» —

«Терентьевъ, чортъ этакій! увидалъ, сволочь! Я зачерпнулъ воды-то, ужъ и на трапъ пошелъ, а онъ откуда-то и подвернулся, вырвалъ кувшинъ, вылилъ воду назадъ, да какъ треснетъ по затылку, я на трапъ, а онъ сзади вдогонку лопа-ремъ по спинѣ съѣздилъ!» И опять засмѣялся». Смѣялся онъ и тогда, когда на о. Батанѣ, заболѣли матросы, «поѣвши «какихъ-то стручковъ»:—«Смѣхъ какой!»—сказалъ Ө.:—«Наши ребята»,—продолжалъ онъ,—«наѣлись какихъ-то стручковъ, словно бобы, и я одинъ съѣлъ—ничего, годится, только ротъ совсѣмъ свело, не разожмешь, а у нихъ животы подвело, ихъ съ души рветъ: теперь стонуть».—«Еще мы нашли»,—продолжалъ Ө.,—«какіе-то... орѣхи не орѣхи, похожи и на яблоки, одни красныя, другія зеленыя. Мы съѣли по штукѣ красной—кисло таково; хотѣли-было зеленое попробовать, да тутъ ребятъ-то и схватило, застонали—смѣхъ! И съ господами смѣхъ»,—прибавилъ онъ, стараясь не смѣяться:—«въ буруны попали; какъ стали приставать, шлюпку повернуло, всѣхъ валь и покрылъ, всѣ словно купались... да вотъ они!»—прибавилъ онъ, указывая въ окно». Когда его потребовали къ «вахтенному», «Ө. сдѣлался очень серьезень и пошелъ, а по возвращеніи былъ еще серьезнѣе».—«Что же ты не смѣешься, кажется, не одному Шведову досталось?» Онъ молчалъ.—«А Паисову досталось?»—Онъ опять разразился хохотомъ.—«Досталось, досталось и ему!»—весело сказалъ онъ».

Ө. не дѣлалъ «никакихъ сближеній, не задавалъ себѣ» пикакихъ задачъ и смотрѣлъ «съ обычнымъ равнодушіемъ» и на невиданныя имъ земли, и чужіе народы». Онъ ничѣмъ «не поражался» и глядѣлъ «съ непростительнымъ равнодушіемъ въ окно, какъ волны вставали и падали, разсыпаясь пѣной и брызгами».—«Ужъ такое сердитое!»—говорилъ Ө.—«Господи! какъ тепло, хорошо ходить-то по палубѣ: мы всѣ сапоги сняли»,—отвѣчалъ онъ съ своимъ равнодушіемъ, не спрашивая ни себя, «и никого другого объ этомъ внезапно тепло въ январѣ».—«Тепло, хорошо!»—говорилъ онъ подъ тропиками. Когда фрегатъ приближался къ Мадерѣ и показались уже очертанія острова, Гончаровъ пенялъ Ө., что онъ не разбудилъ его, и спросилъ:—«Мадера видна?»—«Мадера?»—сказалъ Ө., глядя, «такъ тонко, какъ дай Богъ хоть какому дипломату».—«Онъ смотрѣлъ на стѣну съ обычнымъ равнодушіемъ».—«Берегъ виденъ»,—отвѣчалъ онъ, помолчавъ:—«ужъ съ седьмого часа».—«Что-жъ ты не пришелъ мнѣ сказать?»—«Воды горячей не было—бриться»,—«да и сапоги не чищены»,—отвѣтилъ Өаддеевъ. Когда-же, однажды, скуки ради», Гончаровъ спросилъ Ө.:—«Гдѣ мы?»—«Онъ косо и подозрительно поглядѣлъ, предвидя, что вопросъ сдѣланъ не даромъ».—«Не могу знать»,—говорилъ онъ, оглядывая съ своимъ равнодушіемъ стѣны.—«Это глупо не знать, куда пріѣхалъ».—Онъ молчалъ.—«Говори-же».—«Почемъ я знаю?»—«Что-жъ ты не спросишь?»—«На что мнѣ спрашивать?»—отвѣчалъ Ө.; услыша въ ночной тишинѣ близкіе взмахи весель и увидя, приближающуюся къ фрегату, лодку, произнесъ равнодушно:—«Опять чухны, ваше в-діе!»—Къ пріѣзду на фрегатъ японцевъ отнесся совершенно равнодушно.—«Что тамъ такое рядомъ въ каютѣ?»—«Извѣстно что, японецъ!»—отвѣчалъ Ө.—«Зачѣмъ они пріѣхали?»—«А кто ихъ знаетъ?»—«Ты бы спросилъ».—«А какъ я его спрошу? намъ съ нимъ говорить-то все равно, какъ свинѣ съ курицей». Это равнодушіе было «родня тому спокойствію, или той безпечности, съ которой другой Өаддеевъ, гдѣ-нибудь на берегу, по веревкѣ, съ топоромъ, взбирается на колокольню и чинить шпиль, или сидитъ, съ кистью, на дощечкѣ и болтается въ воздухѣ, наверху четырехъэтажнаго дома, оборачиваясь, въ размахъ веревки, спиной, то къ улицѣ, то къ дому. Посмотрите ему въ лицо: есть-ли сознание опасности?—Нѣтъ. Онъ лишь старается при толчкѣ упереться ногой въ стѣну, чтобъ не удариться колѣнкой. А внизу третій Өаддеевъ, который держать веревку, не очень заботится о томъ, каково тому вверху: онъ зѣваетъ, съ своей стороны, по сторонамъ». «Съ этимъ-же равнодушіемъ» «Ө. (а этихъ Өаддеевыхъ легионъ) смотреть и на новый прекрасный берегъ, и на невиданное имъ дерево, чело-

тѣка—словомъ, все отскакиваетъ отъ этого спокойствія, кромѣ одного, ничѣмъ не сокрушаемаго стремленія къ своему долгу—къ работѣ, къ смерти, если нужно». Однако, на вопросъ:—«откуда мы пріѣхали сюда?»—Θ. устремилъ на Гончарова глаза, «съ намѣреніемъ, во что бы то ни стало, понять».—«Откуда пріѣхали?»—повторилъ онъ вопросъ.—«Ну, да?»—«Изъ Англіи».—«А Англія-то гдѣ?»—Онъ еще больше косо сталъ смотрѣть на барина. «Вопросъ былъ темень для него».—«Гдѣ Франція, Италия?»—«Не могу знать».—«Ну, гдѣ Россія?»—«Въ Кронштадтѣ»,—проворно сказалъ онъ.—«Въ Европѣ, а теперь мы пріѣхали въ Африку, на южный ея край, на мысъ, Доброй Надежды».—«Слушаю-съ».—Однажды лишь выразилъ желаніе съѣхать на берегъ.—«Позвольте и мнѣ съ вами, ваше высокоблагородіе»,—сказалъ онъ.—«Куда?»—«Да въ Африку-то»,—отвѣчалъ онъ,—помня урокъ.—«Что ты станешь тамъ дѣлать?»—«А вонъ на ту гору охота влѣзть!» На всякій обычай, не похожий на свой, на учрежденіе, не смотрѣлъ, какъ на ошибку, съ большимъ недоброжелательствомъ, и даже съ презрѣніемъ.—«Сволочь эти ассееи!» (такъ называютъ матросы англичанъ отъ употребляемаго безпрестанно въ английской рѣчи—*I say* (я говорю, послушай)). Онъ глумился, увидѣвъ на часахъ шотландскихъ солдатъ, одѣтыхъ въ яркій, блестящій костюмъ, то-есть въ юбку изъ клѣтчатою шотландской матеріи, но безъ панталонъ, и потому съ голыми колѣнками!—«Королева разсердилась: штановъ не дала»,—говорилъ онъ съ хохотомъ, указывая на голыя ноги солдата. Только въ пользу одной шерстяной матеріи, называемой «английской кожей» и употребляемой простымъ народомъ на платье, онъ сдѣлалъ исключеніе, и то потому, что панталоны изъ нея стоили всего два шиллинга», но онъ презрѣніемъ обдалъ «английскаго купца, нужды нѣтъ, что тотъ смотрѣлъ совершеннымъ джентльменомъ». «По одному лицу, по голосу Θ., можно было догадываться, что онъ третируетъ купца *en canaille*, какъ какого-нибудь продавца баранокъ въ Чухломѣ.—«Врешь, не то показываешь»,—говорилъ онъ, швыряя штуку матеріи.—«Скажи ему, ваше высокоблагородіе, чтобы далъ той самой, которой отрѣзалъ Терентьеву да Кузьмину».—Купецъ подавалъ другой кусокъ.—«Не то, сволочь, говорятъ тебѣ!» И все въ этомъ родѣ. Это была «вовсе не брань», а такъ, своя «манера выражаться». Θ. и своему товарищу—«матросику», говорилъ:—«Ну, ты, разговаривай у меня, сволочь!» и показывалъ кулакъ».

«Онъ внесъ на чужіе берега свой костромской элементъ и не разбавилъ его ни каплей чужого». Англичанъ онъ звалъ «ассеями», индійцевъ—«пыганими», малайцевъ—«чухнами». У китайца-кули въ Гонъ-Конгѣ «вырвалъ корзину» и понесъ самъ; потомъ, «какъ мандаринъ, усѣлся-было въ лодку и ухватилъ обѣими руками корзину. Лодочникъ не хотѣлъ везти, ожидая окончанія дѣла. Θ. пошелъ-было съ корзиной опять на берегъ—его не пускаютъ.—«Позволь, в. в., я ихъ рѣшу»,—сказалъ онъ, взявъ одной рукой корзину, а другою энергически расталкивая китайцевъ, и выбрался на берегъ». «Онъ, точно медвѣдь среди стаи собакъ, отбивался отъ китайцевъ, колодя ихъ по протянутымъ къ нему рукамъ». «Онъ никому спуску не давалъ, не уступалъ дороги. Если толкнуть его, онъ не преминетъ отвѣтить кулакомъ, или задираетъ ребятишекъ» (во время прогулокъ въ городахъ). Съ туземцами Θ. объяснялся на особомъ языкѣ, и они понимали другъ друга. Θ. съ ними во время торга «спорить», «сердиться»:—«Черти этакіе: съ ними не сообразишь!»—говорилъ онъ, воротясь:—«вчера полшильника просилъ, а теперь хочеть шильпикъ (шиллингъ).—«Да какъ ты тамъ говоришь съ ними?»—«По-англичански».—«Какъ ты спросишь?»—«А вотъ, возьму въ руки вещь, да и спрошу: *о мачъ?*» (*how much?* что стоитъ?). Однажды явился на фрегатъ, нагруженный коробками. Объяснилъ, что ихъ «китаецъ даль... то бишь, японецъ».—«Зачѣмъ?»—«Не могу знать».—«Зачѣмъ же ты бралъ, когда не знаешь?»—«Отчего не взять? Онъ сказалъ: на, вотъ, возьми, отнеси домой, господамъ».—«Какъ же онъ тебѣ сказалъ, на какомъ языкѣ?»—«По-своему».—«А ты понялъ?»—«Понялъ, ваше

высокоблагородіе. Чего не понять? говорить, да даеть коробки, такъ значить: «отнеси господамъ». У корейцевъ онъ «вымѣнялъ за пустую бутылку» огромную тростниковую шляпу». Началъ учиться грамотѣ, но предпочелъ прописи, написанныя Гончаровымъ, «преуродливымъ азамъ» Агапки, который взялся «вмучить» Ө. писать «за двѣ чарки водки».

Өаддей Ильичъ («Обрывъ»).—Уп. л. «Тягенька Наталы Өад-девы».

Өедосья («Обрывъ»).—Горничная Бережковой.

Өедосья Петровна («Обыкновен. Ист.»).—Уп. л. Знакомая Анны Павл. Адуевой.

Өекла Андреевна («И. С. Поджабринъ»).—Экономка чиновника (Семена Семеныча). «Набожная женщина»; во время переѣзда Поджабрина, оставалась у окна и наблюдала, пересказывая «все своему чиновнику».

Өеклушна («Обрывъ»).—Уп. л. «Испорченная»; за ея лепетомъ, «по цѣлымъ часамъ, съ болѣзненнымъ любопытствомъ» слѣдилъ Райскій въ юности. Ее изобразилъ онъ «въ пещерѣ» на своей картинѣ.

Өеодоровъ («Фрег. Пал.»).—Матросъ съ фрегата, «сигнальщикъ»; «фаворитъ» Гончарова. Отличался «крайней простотой» и былъ «очень не боекъ отъ природы, что показывало и лицо его». Однажды «ошибся и, вмѣсто повѣстки къ зарѣ, заигралъ повѣстку къ молитвѣ».—«Что ты заигралъ?»—спросилъ офицеръ. Молчаніе.—«Что ты заигралъ?»—«Ошибся!»—отвѣчалъ Ө.:—«забылъ».—«А ѣсть не забываешь?»—«Никакъ нѣтъ-съ».—«Сколько разъ въ день?»—«Два раза».—«Когда?»—«За обѣдомъ и за ужиномъ».—«А за завтракомъ?»—«И за завтракомъ».—«Стало-быть, сколько же разъ?»—«Два раза».—«Какъ два раза: обѣдъ?»—«Точно такъ».—«Ужинъ?»—«Ужинъ».—«И завтракъ?»—«Точно такъ-съ».—«Сколько же разъ?»—«Два раза...»—«А за завтракомъ?»—«Это не ѣда, это кашица». Въ другой разъ офицеръ приказалъ Ө. смотрѣть «въ трубу, на луну» и сказать, какъ скоро онъ увидитъ «тамъ трехъ-четырехъ человекъ». Ө. «сталъ смотрѣть и долго смотрѣлъ».—«Что же ты ничего не говоришь?»—«Да тамъ всего только двое, ваше благородіе».—«Что-жъ они дѣлають?»—«Ничего-съ».—«Ну, смотри».—«Что-жъ это за люди?»—Ө. молчалъ.—«Говори-же!»—«Каинъ и Авель»,—отвѣчалъ онъ.—«Вотъ еще замѣть эти двѣ звѣзды и помни, какъ ихъ зовутъ: вотъ эту—Венера, а ту—Юпитеръ».—«Слушаю-съ».—«И если что-нибудь съ ними случится, донеси».—«Слушаю-съ».—И онъ серьезно сталъ смотрѣть въ ту сторону. Когда, черезъ минуту, Гончаровъ спросилъ его, въ какихъ мѣстахъ онъ бывалъ съ тѣхъ поръ, какъ «вышли изъ Англій», Ө. молчалъ.—«Говори же!»—«На Надеждѣ» (мысль Доброй Надежды).—«А до этого?»—«Забылъ».—«Вспомни!»—Онъ молчалъ.—«Гдѣ же?»—Молчаніе.—«Ну, припомни названія разныхъ винъ, такъ доберешься».—Молчаніе.—«Какія же есть вина?»—«Пѣнное».—«Ну, а французскія?»—«Ренское».—«А мадера?»—«Точно-съ, есть и мадера. Мы и сами тамъ были»,—добавилъ онъ.—«А что же звѣзды?»—вдругъ спросилъ офицеръ. Ө. безпокойно оглянулся: хватъ—одной нѣтъ; она уже скрылась за горизонтъ.—«Гдѣ же?»—«Только одна осталась».—«А гдѣ другая?»—«Не могу знать».—«А какъ ее зовутъ?»—Молчаніе.—«Ну, какъ?»—«Мадера»,—подумавъ, сказалъ Ө.—«А другую?»—«Питеръ»,—сказалъ онъ. Услыша, какъ дышитъ китъ, Ө. сказалъ:—«Это не китъ, это все водяные: ихъ тутъ много!»—прибавилъ онъ, съ пренебреженіемъ махнулъ рукой на бездну и, повернувшись къ ней спиной, самъ вздохнулъ немного легче кита».

Өома Өомищъ («Обломовъ»).—Уп. л. Вице-директоръ. По характерикѣ Судьбинскаго, «такой мнительный: все хочетъ самъ», но «служить съ нимъ приятно»: безъ наградъ не оставляетъ; кто и ничего не дѣлаетъ, и тѣхъ

не забудеть. Какъ вышелъ срокъ—за отличие, такъ и представляетъ; кому не вышелъ срокъ къ чину, къ кресту—деньги выхлопочеть». Судьбинскому обѣщаль «выдумать командировку, нарочно» для него, съ прогонами на пять лошадей и суточными по три рубля.

Обрапонть («Обрывь»).—Уп. л. Дворовый изъ Малиновки.

С П И С О К Ъ

лицъ, именъ и предметовъ.

Авванумъ (1801—1866).—Архимандритъ Александро-Невской Лавры, въ мѣрѣ Дмитрій Семеновичъ Честной, извѣстный оріенталистъ и переводчикъ духовныхъ книгъ на тибетскій и китайскій языки. Знаніе восточныхъ языковъ А. послужило причиной его командировки въ Японію вмѣстѣ съ экспедиціей графа Путятина на «Палладѣ».—Характеристику А. Гончаровъ далъ въ своихъ воспоминаніяхъ «Черезъ двадцать лѣтъ», V. См. также А. Линденъ. «Записки». Р. Ст. 1905, IV.

Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ (1817—1860).—Однокурсникъ Гончарова по моск. университету. Гончаровъ упоминаетъ о немъ въ «Воспоминаніяхъ» («Въ Университетѣ»). Объ А—вѣ см. «Слов. Лит. Типовъ» V, 94.

Анненковъ, Павелъ Васильевичъ (1813—1887).—Критикъ и беллетристъ, близкій къ кружку Бѣлинскаго. Позднѣе редактировалъ первое исправное изданіе сочиненій Пушкина; седьмой дополнительный томъ этого изданія цензуровалъ Гончаровъ. Другъ Тургенева, А. былъ также расположенъ и къ Гончарову и пользовался довѣріемъ послѣдняго. См. «Лит. Воспомин. А—а, Спб. 1909 г. стр. 520—521 и ниже: «Тургеневъ». См. также «Сл. Л. Тип.» в. в. 7—8, стр. 163.

Арефьевъ, Александръ. Штабъ-лѣкарь. Состоялъ старшимъ врачомъ на «Палладѣ».

Атеней, журналъ Е. О. Корша, выходившій въ Москвѣ 1858—59 г. г. Въ А. 1858 г. Гончаровъ напечаталъ отрывокъ изъ романа «Обломовъ». Объ А. Чернышевскій, сочин. т. III, стр. 564—66.

Атласовъ, Владиміръ Васильевичъ († 1711).—Устюженскій крестьянинъ, отважный покоритель Камчатки. Уп. «Фрег. Пал.», II, 9.

Бальзанъ, Оноре (1799—1850). Его романъ «Шагреновая кожа» («Peau de chagrin»), вышедшій въ Парижѣ въ 1830 г., обѣщалъ привезти Ал. Адуевъ Любецкой («Обыкн. Ист.» I, 5).

Баратаевъ, князь Михаилъ Петровичъ (1784—1856).—Симбирскій предводитель дворянства; участникъ заграничныхъ походовъ, 1807—1809 г. г., учредитель въ Симбирскѣ масонской ложи «Ключъ къ добродѣтели», авторъ капитальнаго труда по нумизматикѣ: «Нумизматическіе факты грузинскаго царства». Упб. 1844 г. Привлекался къ дѣлу декабристовъ, но послѣ трехнедѣльнаго реста въ Спб. былъ выпущенъ. Арестъ Б. нисколько не отразился на его дальнѣйшей служебной карьерѣ: Б. вскорѣ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники и пользовался довѣріемъ Николая I. Б—а, подъ фамиліей Бравина, вывелъ Гончаровъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» («На родинѣ»). Сопоставляя фактическую радость о кн. Баратаевѣ съ «правдоподобіемъ» Гончарова, М. Суперанскій приводит къ заключенію, что въ изображеніи Гончарова, Бравинъ производитъ печатлѣніе довольно ничтожной фигуры», тогда какъ его прототипъ, кн. Баратаевъ—былъ «замѣчательный человекъ своего времени». Гончаровъ часто стрѣчался съ кн. Барат. въ Симбирскѣ и общеніе съ нимъ, какъ съ человекомъ

глубокообразованнымъ и проникнутымъ гуманно-прогрессивными идеями, не могло не оказать вліянія на впечатлительнаго юношу. «Вѣстн. Евр.» 1907, № 2, стр. 572—73. О кн. Б—ѣ см. «Словарь русск. пис. и ученыхъ», ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 124—126.

Бенедиктовъ, Владиміръ Григорьевичъ (1807—1860).—Поэтъ, близкій человѣкъ къ дому Майковыхъ. Гончаровъ зналъ лично Б. «какъ умнаго, симпатичнаго человѣка» и считалъ его «значительнымъ талантомъ», «послѣднимъ могикиномъ старой риторической школы». Въ спорѣ съ Бѣлинскимъ, не терпѣвшимъ стиховъ Б., Гончаровъ «объяснилъ обиліемъ фантазіи натяжки и преувеличенія во многихъ стихотвореніяхъ» Б. и указывалъ «на мастерство стиха».—На отъѣздъ Гончарова въ кругосвѣтное плаваніе Б. написано «поэтическое и дружеское напутствованіе» (См. сочин. Б—а, изд. Т-ва М. Вольфъ, т. I, стр. 302). Б—у адресовано письмо Гончарова: «Плаваніе въ атлантическихъ тропикахъ» («Фрег. Паллада», II, 3).

Бенкендорфъ, Александръ Христофоровичъ, графъ (1783—1844).—Шефъ-жандармовъ, генераль-адъютантъ; вмѣстѣ съ Чернышевымъ былъ главнѣйшимъ дѣйствующимъ лицомъ въ Комитетѣ, собранномъ для суда надъ декабристами; за «особую ревность и усердіе» въ 1832 г. возведенъ въ графское достоинство. Въ воспоминаніяхъ («На родинѣ») Гончаровъ писалъ: «До тѣхъ поръ я видалъ жандармовъ въ Москвѣ, у театральнахъ подъѣздахъ, въ крестныхъ ходахъ, на гуляньяхъ, въ ихъ высокихъ каскахъ съ конской гривой, на россыпяхъ лошадей. Ни о какихъ штабъ-офицерахъ, назначенныхъ въ каждую губернію, и о роли ихъ я не имѣлъ понятія. Отъ губернатора я въ первый разъ услышалъ и о важности шефа ихъ, графа Бенкендорфа, и о начальникѣ штаба, тогда еще полковникѣ Дубельтѣ—и обо всемъ, что до нихъ касается, а еще болѣе о томъ, что они сами до всего касаются» (IV).

Бетлингъ, Оттонъ Карловичъ (1815—1904).—Академикъ. Объ его изслѣдованіяхъ по якутскому языку, «О языкѣ якутовъ», говоритъ Гончаровъ («Фрег. Пал.», II, 8).

Библиотекa для чтенія (1834—1865).—Ежемѣсячный журналъ, издававшійся въ Петербургѣ А. Ф. Смирдинымъ, съ 1849 г. В. П. Печаткинымъ и въ 1863 г. перешедшій въ собственность П. Д. Боборыкина. Редакторами «Б. для чтенія» были: О. И. Сенковский, позднѣе А. В. Дружининъ, А. Ф. Писемскій и П. Д. Боборыкинъ. Гончаровъ напечаталъ въ журналѣ очеркъ изъ «Фрег. Пал.»—«Аянь» (1858 г.).

Бичи, Фредерикъ (1796—1856).—Англійскій изслѣдователь и путешественникъ, спутникъ Франклина и Пэрри въ экспедиціяхъ къ сѣв. полюсу. Плавалъ по Берингову проливу. Объ его описаніи путешествія по Тихому океану и Берингову проливу упоминаетъ Гончаровъ («Фрег. Пал.» I, 8).

Бодянский, Осипъ Максимовичъ (1808—1877).—Знаменитый славистъ, профессоръ по кафедрѣ славянскихъ литературъ въ моск. университетѣ; содваращицъ Гончарова по университету. Гончаровъ характеризуетъ Б. «какъ замѣчательную личность» («Воспомин.», I). Біографія Б. и литература о немъ см. Н. Ф. Сумцовъ. Словарь русск. пис. и ученыхъ», ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 51—75.

Болдыревъ, Алексій Васильевичъ (1780—1842).—Профессоръ по кафедрѣ восточныхъ языковъ, ректоръ моск. университета (1832—1837). См. Словарь профессоровъ моск. университета.

Болтинъ, Александръ. Спутникъ Гончарова и «большой его пріятель», состоялъ въ чинѣ мичмана на «Палладѣ».

Боткинъ, Василій Петровичъ (1810—1869).—Авторъ «Писемъ объ Испаніи», другъ Бѣлинскаго. Бѣлинскій сообщалъ въ письмѣ къ Боткину о «небываломъ успѣхѣ» гончаровской «Обыкновенной Ист.». Къ «Обрыву» Б. отнесся холодно и называлъ его «длинной, многословной рапсодіей утомительной до тошноты». О героѣ романа Райскомъ онъ отзывался: «Райскій есть просто нелѣпость». По замѣчанію Ч. Вѣтринскаго, Б. «быть можетъ, узнавалъ себя въ Рай-

скомъ, въ этомъ диллетантѣ 40-хъ годовъ, бесплодно растратившемъ свою жизнь въ эпикурейскомъ отношеніи и къ наукѣ, и къ искусству, и къ жизни». Догадка тѣмъ болѣе справедливая, что въ опубликованномъ въ 1912 г. письмѣ Гончарова къ Д. Н. Цертелеву, Гончаровъ называлъ Б. однимъ изъ «талантливымъ неудачниковъ», послужившихъ прототипомъ Райскому. Б., по словамъ Гончарова, «писалъ критическія статьи очень умныя, тонкія, но такъ мало, что такъ и лѣзетъ, за свою лѣнь въ неудачники. Ему мѣшало богатство и сибаритизмъ» («Новое Вр.» Ил. прилож. № 12943, стр. 18. Письмо въ извлеченіи приведено выше. См. Райскій). О Боткинѣ: Ч. Вѣтринскій (В. Е. Чешинъ) «Въ сороковыхъ годахъ». М. 1899, стр. 128—95. Сочиненія В. П. Боткина, 2 т. Изд. журнала «Пантеонъ Литерат.». Спб. 1893 г. Объ «эпикурейцѣ» Б., умѣвшемъ вытянуть до капли всю сладость испанскаго неба и воздуха, жещинъ и апельсиновъ», говорится въ «Фрег. Пал.», I, 2.

Брюлловъ, Карлъ Павловичъ (1799—1852).—Художникъ. Въ «Замѣткахъ о личности Бѣлинскаго» Гончаровъ упоминаетъ о «триумvirатѣ изъ Кукольника», Б. и Глинка, который примировалъ въ обществѣ».

Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктовичъ (1789—1857).—«Булгаринъ имѣетъ рѣдкое свойство походить наружно и на человѣка, и вмѣстѣ на свинью. Художникъ схватилъ это, какъ нельзя лучше—и, кромѣ свиньи и человѣка, изобразилъ и Булгарина», писалъ Гончаровъ М. М. Кирмалову, посылая ему въ подарокъ статуэтку Булгарина. Въ письмахъ къ тому же корреспонденту Гончаровъ даетъ рѣзкій отзывъ объ издававшейся Булгаринимъ «Сѣверной Пчелѣ», называя газету «подлымъ болотомъ». Ср. письмо 1849 г. Кирмаловымъ «Вѣстн. Евр.». 1907, II, стр. 585—886.

Бутаковъ, Иванъ. Служившій Гончарова во время его «путешествія по казенной надобности» и «большой пріятель». На «Палладѣ» состоялъ лейтенантомъ.

Бѣлавенецъ, Иванъ Петровичъ (1829—1879).—На фрегатѣ «Паллада» состоялъ лейтенантомъ; авторъ многихъ ученыхъ трудовъ по девиации. Б. обязана своимъ возникновеніемъ Кронштадтская магнитная обсерваторія и постановка компаснаго дѣла на научныхъ основаніяхъ; какъ специалистъ, Б. пользовался большою извѣстностью не только въ Россіи, но и за границей. Списокъ ученыхъ работъ и біографію Б. см. въ статьѣ М. Меншикова. «Сл. р. пис. и ученыхъ», т. V, стр. 360—64; см. «Фрег. Палл.» и «Черезъ 20 лѣтъ».

Бѣлинскій, Виссаріонъ Григорьевичъ (1811—1848).—Знакомство Б. съ Гончаровымъ, несмотря на то, что они оба были студентами Моск. универс., произошло лишь въ 46 году, когда Гончаровъ, черезъ Панаева, передалъ Бѣлинскому свою «Обыкновенную исторію» для предполагаемаго альманаха «Левіаѳанъ». Гончаровъ въ теченіи нѣсколькихъ вечеровъ читалъ Б. свою первую повѣсть. По словамъ Панаева, «Б. все съ болѣе и болѣе возрастающимъ участіемъ и любопытствомъ слушалъ чтеніе Гончарова и по временамъ привскакивалъ на своемъ стулѣ, съ сверкающими глазами, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя особенно ему нравились». Сообщая позже Боткину о неслыханномъ успѣхѣ повѣсти «въ Питерѣ», Б. прибавлялъ: «дѣйствительно, талантъ замѣчательный. Мнѣ кажется, что его особенность, такъ сказать, личность заключается въ совершенномъ отсутствіи семинаризма, литературщины и литераторства, отъ которыхъ не умѣли и не умѣютъ освободиться даже гениальные русскіе писатели. Я не исключаяю и Пушкина. У Гончарова нѣтъ и признаковъ труда, работы; читая его, думаешь, что не читаешь, а слушаешь мастерской изустный разговоръ. Я увѣренъ, что тебѣ повѣсть эта сильно понравится. А какую пользу принесетъ она обществу! Какой она страшный ударъ нанесетъ романтизму, мечтательности, провинциализму!».. (Пыпинъ. Бѣлинскій, 2 изд., стр. 525). Въ статьѣ: «Взглядъ на р. литерат. 1847 г.» Б. мѣтко опредѣлили сущность таланта Гончарова. См. Приложение 5-ое.

Отмѣчая несходство взглядовъ и натуръ Бѣлинскаго и Гончарова, Е. Ляцкій замѣчаетъ, что влияніе Бѣлинскаго на общія представленія Гончарова объ искус-

ствѣ, о роли литературы въ общественномъ развитіи, о критикѣ не подлежитъ сомнѣнію». «Оно сказалось въ романахъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заходитъ рѣчь о томъ, чѣмъ должна быть литература и какъ искусство, и какъ орудіе общественнаго прогресса. Признаки вліянія БѢлинскаго можно усматривать и въ характеристикѣ одного изъ второстепенныхъ лицъ «Обрыва»—художника Кирилова, и въ либеральныхъ рѣчахъ Райскаго, и въ неожиданной горячей бесѣдѣ Обломова съ Пешкинымъ. До БѢлинскаго Гончаровъ едва ли вложилъ бы въ уста Обломова эти для его времени замѣчательныя слова: «Вы думаете, что для мысли не надо сердца!» «Нѣтъ, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человѣку, чтобы поднять его, или горько плачьте надъ нимъ, если онъ гибнетъ, а не глумитесь. Любите его, помните въ немъ самого себя и обращайтесь съ нимъ, какъ съ собой,—тогда я стану васъ читать и склоню предъ вами голову»... Литературныя сужденія подобнаго рода не явились случайно, какъ бы навѣянные извнѣ, они были восприняты Гончаровымъ при самомъ началѣ его сознательной творческой дѣятельности, совпавшей съ расцвѣтомъ ранней эстетической теоріи БѢлинскаго. Эти идеи прочно вошли въ умственную природу Гончарова, словно выросли въ него и онъ остался имъ вѣренъ на всю послѣдующую жизнь. Онъ однѣ и тѣ же и въ «Обыкновенной Исторіи», и въ сценахъ писательства Александра Адуева, и въ художественныхъ вспышкахъ Обломова, и въ порывахъ Райскаго, — такими же остаются онѣ и въ «Литературномъ вечерѣ» и въ «Милліонѣ терзаній». Онѣ проходятъ черезъ всю исторію творчества Гончарова, гдѣ онъ остается вѣренъ основному принципу отыскивать въ человѣкѣ, прежде всего, человѣка и уже потомъ изображать его какъ общественное явленіе» (Е. Ляцкій. Гончаровъ). Воспоминаніямъ о великомъ критикѣ посвящены Гончаровымъ его «Замѣтки о личности Б.».

Вавиловна—вмѣстѣ съ Сосновкой была наслѣдственной отчиной рода Обломовыхъ; находилась въ одной верстѣ отъ Сосновки (см. Обломовка).

Валуевъ, графъ Петръ Александровичъ (1815—1890).—Съ 1862 по 1864 г. министръ внутреннихъ дѣлъ и до 1881 г. предсѣдатель комитета министровъ. Авторъ «Думъ русскаго», вызванныхъ паденіемъ Севастополя, романовъ «Лоринъ» и «Княжна Татьяна» (Спб., 1882 и 1890 г.г.). Чтеціемъ Валуевскаго «Лорина» навѣянь «Литературный вечеръ» Гончарова. См. «И. А. Гончаровъ въ неизданныхъ письмахъ къ гр. В—у 1877—1822 г.г.». Спб. 1906. Выдержки изъ дневниковъ В—а: «Вѣстн. Евр.» 1907, №№ 1 и 2. Ист. Сборникъ «О минувшемъ». Спб. 1909 г. (См. также ниже «Лоринъ»).

Ванкуверъ, Джорджъ (1758—1797).—Англійскій мореплаватель, участникъ экспедиціи Кука. Авторъ Путешествія и открытій въ С. Тихомъ Океанѣ. Лондонъ. 1798 г. Имя В. носить одинъ изъ острововъ Британской Колумбіи. О немъ упоминаетъ Гончаровъ («Фрег. Пал.», II, 6).

Вейрихъ, Генрихъ. Докторъ медицины; состоялъ младшимъ врачомъ на «Палладѣ». «Умѣренный и скромный нашъ спутникъ, нѣмецъ», говоритъ Гончаровъ о В. «Фрег. Пал.», I, 4. Принадлежалъ къ «ученой партіи», противопологавшейся артистической партіи экипажа «Паллады».

Верлево, сельцо, принадлежавшее нѣкогда фамиліи Обломовыхъ и давно перешедшее въ другія руки. Находилось въ пяти верстахъ отъ Обломовки. Въ В. жилъ его управляющій—старикъ Штольцъ.

Витбергъ, Александръ Лаврентьевичъ (1787—1855).—Архитекторъ, авторъ проекта храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ въ Москвѣ, въ память Отечественнаго войны. Записки Витберга («Русск. Стар.», 1872 г.) написаны Герценомъ подъ диктовку В. Упоминается въ разсказѣ «Превратность судьбы». О немъ: Т. Пассекъ. Изъ дальнихъ лѣтъ. Спб. 1906. Т. II, стр. 106—125; Герценъ. «Былое и Думы» т. I.

Віельгорскій, графъ Михаилъ Юрьевичъ (1788—1856).—Композиторъ, пріятель Жуковского. Гончаровъ считалъ В. «талантливымъ неудачникомъ». См. выше: Райскій.

Востокъ, паровая шкуна, купленная русскимъ правительствомъ въ Англіи и снявшаяся съ якоря въ Портсмутѣ вмѣстѣ съ фрегатомъ «Паллада», подъ командой Римскаго-Корсакова. На «В.» Гончаровъ совершилъ плаваніе по Охотскому морю до Аяца («Фрег. Пал.», II, 7).

Врангель, Фердинандъ Петровичъ, баронъ (1796—1870).—Адмиралъ; путешественникъ, авторъ книгъ: «Очерки путешествія отъ Ситхи до Петербурга». Спб. 1837 г. и «Путешествія по сѣвернымъ берегамъ Сибири». Спб. 1841. «Имя этого писателя и путешественника живо сохраняется въ памяти сибиряковъ, а книгу его непременно найдете въ Сибири у всѣхъ образованныхъ людей» («Фрег. Пал.», II, 8).

«Вѣстникъ Европы» (1869—1909).—Журналъ «исторіи литературы и политики, основанный М. М. Стасюлевичемъ. Въ 1869 г. на страницахъ «В. Е.» появился полностью «Обрывъ», позднѣе (1872) «Милліонъ терзаній», «Изъ университетскихъ воспоминаній», 1887 г., № 4, «На родинѣ» 1888 г., № 1 и 2 и «Нарушеніе воли» 1889 г. № 3. Журналъ продолжается подъ редакціей К. К. Арсеньева въ изданіи М. М. Ковалевскаго.

Галль, Василій (1788—1844).—Англійскій путешественникъ, первый изслѣдователь Кореи и Ликейскихъ острововъ (Ліу-Кіу). Путешествіе Г. издано въ Лондонѣ 1818 г.

Геденштромъ, Матвѣй Матвѣевичъ († 1845).—Тобольскій почтмейстеръ, авторъ книгъ: «Отрывки о Сибири» и «Поѣздка въ Якутскъ». Спб. 1830 г. О «чуждечествахъ Г. въ его книгахъ» упоминаетъ Гончаровъ. «Фрег. Пал.», II, 8.

Герингъ, Эдуардъ Николаевичъ (1796—1855).—Лекторъ нѣмецкаго языка московскаго университета. Гончаровъ въ «Воспом.» отмѣчаетъ Г. въ числѣ молодыхъ профессоровъ и адъюнктовъ, «замѣчательно умныхъ, образованныхъ и прекрасныхъ людей».

Герценъ, Александръ Ивановичъ (1812—1870).—Сотоварищъ Гончарова по университету (старше его на одинъ курсъ). Гончаровъ съ Г. видѣлся «только одинъ разъ мелькомъ, когда Г. былъ короткое время въ Петербургѣ, проѣздомъ за границу («Воспом.»). Гончаровъ высоко ставилъ «всестороннее образованіе», талантъ и блестящее остроуміе Г. («Замѣтки о личности Бѣлинскаго»). «Правильная подготовка» Г. возводила его образованность на степень учености», писалъ въ томъ же очеркѣ Гончаровъ.

Глинна, Михаилъ Ивановичъ (1804—1857).—Знаменитый композиторъ, родоначальникъ русской музыки. Въ «Замѣткахъ о личности Бѣлинскаго Гончаровъ упоминаетъ о триумвиратѣ Г—и, Кукольника и Брюллова.

Говоруха-Отрокъ, Юрій Николаевичъ (1855—1901).—Беллетристъ (псевдонимъ «Юрко») и критикъ (псевдонимы: Ю. Николаевъ, Ю. Елагинъ), сотрудникъ «Моск. Вѣд.» и «Русск. Вѣстн.». Его статья о Гончаровѣ «Русск. Вѣстникъ» 1892 г., № 1, стр. 330 и д. «Литер. крит. очерки».

Голиковъ, Иванъ Ивановичъ (1735—1801).—Историкъ, авторъ книги «Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ». Спб. 1788 г. Въ 1790—97 г.г. вышло 18 томовъ «Дополненій» къ «Дѣяніямъ». Гончаровъ въ дѣтствѣ увлекался этой книгой.

Голицынъ, князь Сергѣй Михайловичъ. Попечитель моск. университета 1832—1835 г.г., назначенный на постъ попечителя «къ собственному удивленію». Ср. «Воспомин.» Гончарова, I.

Головинъ, Василій Михайловичъ (1776—1831).—Извѣстный путешественникъ и изслѣдователь. Болѣе 1½ года протомился въ плѣну у японцевъ. См. его путеш., изданное въ Спб. 1816 г. и новое изданіе ред. журн. «Сѣверъ». Спб., 1889 г. Уп. въ «Фрег. Пал.», II, 1. Ср. ниже «Японія» и «Приложеніе» Гончаровъ—путешественникъ». Именемъ Г. названы заливъ въ Беринговомъ морѣ, проливъ на Курильскихъ островахъ и мысъ въ Америкѣ.

Голвачова-Панаева, Евдонія Яковлевна (1820—1899). — Дочь артиста Брянскаго, жена Ив. Ив. Панаева, авторъ романовъ (псевдонимъ Н. Станицкій) «Семейство Тальниковыхъ», «Въ петербургскомъ полусвѣтѣ», «Три страны свѣта», «Мертвое озеро» (послѣдніе два романа написаны совместно съ Н. А. Некрасовымъ). Въ воспоминаніяхъ Г.-П. нѣсколько бѣглыхъ строкъ удѣлено Гончарову и необычайному успѣху его «Обыкн. Ист.». См. «Воспоминанія Г.-П.». Спб. 1890 г., стр. 188.

Голохвастовъ, Дмитрій Павловичъ (1796—1849). — Помощникъ попечителя московскаго учебнаго округа (при кн. Голицынѣ и гр. Строгановѣ), позднѣе попечитель. Историкъ. Герцень, которому Г. приходился двоюроднымъ братомъ, далъ блестящую характеристику «надежнаго товарища» Голицына («Былое и думы», т. I, 438—453). «Мѣсто въ университетѣ было совсѣмъ не по нему; свой холодный формализмъ, свое педагогство онъ употребилъ на мелочное педантское управленіе студентами; такого вмѣшательства начальства въ жизнь аудиторіи, такого педальства на большомъ размѣрѣ не было при самомъ Писаревѣ (см.). И тѣмъ хуже, что Г. сдѣлался въ нравственномъ отношеніи то, что были Панинъ и Писаревъ для волосъ и пуговицъ». Эта характеристика вполне сходится съ отрицательной характеристикой Г., сдѣланной Гончаровымъ («Воспоминанія», I). См. также Т. Пассекъ. «Изъ дальнихъ лѣтъ», т. 1—2.

Гончарова, Авдотья Матвѣевна (1787—1851).—Мать писателя, урожденная Шахторина; 19-ти лѣтъ вышла замужъ за пятидесятилѣтняго Александра Ивановича Гончарова. О ней говоритъ Гончаровъ въ «Воспоминаніяхъ» (II). Получивъ извѣстіе о кончинѣ матери, Иванъ Алекс. писалъ сестрѣ (Кирмаловой): «горжусь, благодарю Бога за то, что имѣлъ подобную мать. Ни о чемъ и ни о комъ у меня мысль такъ не свѣтла, воспоминаніе такъ не свято, какъ о ней».

Гончарова, Анна Александровна (1818—1898).—Младшая сестра писателя, по мужу Музалевская. Шесть писемъ къ ней Ив. Ал.—а опубликованы въ выдержкахъ въ статьѣ М. Суперанскаго «Вѣстн. Евр.» 1908, XII, 439—444. Остальные письма не уцѣлѣли, т. к., вѣрная завѣщанію Гончарова, А. А. сожгла ихъ; уцѣлѣвшія письма находились у ея пріемной дочери.

Гончарова, Александра Александровна (1815— ?).—Сестра Ив. Ал., въ замужествѣ Кирмалова. Письма къ ней Гончарова опубликованы въ «Вѣстн. Евр.», 1907, № 2.

Гончарова, Елизавета Карловна, урожденная Рудольфъ, жена брата писателя (Николая Александровича). По свидѣтельству сына, она изображена въ «Обрывѣ», въ образѣ Ульяны Андреевны, а въ «учителѣ Козловѣ» Елиз. Карл. узнала черты своего мужа. По свидѣтельству другихъ лицъ, знавшихъ Г—у, въ Ульянѣ Андреевнѣ отражены лишь темныя черты Г—ой, но вообще она не пользовалась симпатіями со стороны родственниковъ мужа. «Вѣстн. Евр.» 1908, XI, 18—19.

Гончаровъ, Александръ Ивановичъ (1754—1819).—Отецъ писателя. Отъ второго брака А. И. (1804 г.) съ Авдотьей Матвѣевной Шахториной родились сыновья: Николай и Иванъ, дочери: Елена и Марія (умершія въ дѣтствѣ), Александра и Анна.

Гончаровъ, Александръ Николаевичъ (1843—1907).—Племянникъ писателя; его далеко не безпристрастныя воспоминанія объ И. А. Г—ѣ напечатаны М. Э. Суперанскимъ въ «Вѣстн. Европы» 1908, XI, (тамъ же его біографія); авторъ многихъ беллетристическихъ очерковъ, помѣщенныхъ въ «Книжкахъ Недѣли» 1895—99 г. «Воспоминанія» А. Н. дополнены его женой, Елизаветой Александровной, урожденной Уманецъ «Вѣстн. Евр.» 1908, XII.

Гончаровъ, Иванъ Ивановичъ († 1790).—Дѣдъ писателя. Началъ службу полковымъ писаремъ въ Оренбургскомъ краѣ и дослужился до чина капитана. Оставилъ послѣ себя «Лѣтописецъ» — погодныя записи о событіяхъ семейной жизни, — хранящіяся нынѣ въ симбирской архивной комиссіи. См. «Вѣстн. Евр.»

1907, II, стр. 575—576. Отъ третьяго брака И. И. Гончарова съ Вассой Стефановной родился Александръ Ивановичъ Гончаровъ—отецъ писателя.

Гончаровъ, Николай Александровичъ (1808—1872).—Старшій братъ писателя; учился вмѣстѣ съ нимъ въ Моск. коммерческомъ училищѣ и позднѣе Моск. университетѣ. Служилъ въ Сибирскѣ учителемъ гимназіи и состоялъ редакторомъ «Сиб. Губ. Вѣдом.». Письма Ив. А. къ брату опубликованы кн. В. М. Чегодаевой «Ил. Нов. Время» 1912 г., №№ 13017.

Гошкевичъ, Осипъ Ивановичъ. Спутникъ Гончарова во время плаванія на «Палладъ»; чиновникъ мин. ин. дѣлъ азіатскаго департамента, прикомандированный къ экспедиціи гр. Путятина въ качествѣ переводчика.

Грачи — деревня Адуевыхъ («Об. Ист.»). См. Приложение: «Мѣсто дѣйствія».

Гречъ, Николай Ивановичъ (1787—1867). — Издатель «Сына Отеч.» и «Сѣв. Пчелы», составитель хорошо извѣстной русской грамматики. Г., «усерднаго бойца за правильность русской рѣчи», поминаетъ Гончаровъ въ очеркѣ «Черезъ 20-ть лѣтъ».

Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ (1795—1829).—Разборъ грибоѣдовской комедіи, сдѣланный Гончаровымъ, явился полной переоцѣнкой установившихся возрѣній на характеры Чацкаго и Софьи (Ср. «Сл. Лит. Типовъ» вып. VI, стр. 37—50 и 64—66).

Григоровичъ, Дмитрій Васильевичъ (1822—1890).—Авторъ «Деревни», «Антона Горемыки», сотрудникъ «Современника» и «Отеч. Запис.». Познакомился съ Гончаровымъ въ кружкѣ Майковыхъ. Въ «Литер. воспоминаніяхъ» (сочин. Г—ича, Спб., 1896 г., т. XII, стр. 296—97) Г—ичъ писалъ: «во всей русской литературѣ не найдется человѣка счастливѣе Гончарова. Бранью осыпали Пушкина и Гоголя»; Гончаровъ же «во всю свою жизнь слышалъ однѣ только похвалы». «...Въ безусловномъ поклоненіи произведеніямъ Гончарова скрывается доля какого-то непонятнаго лицемѣрія, — боязнь смѣло высказать свое мнѣніе». Г—ичъ признаетъ «изо всего написаннаго Гончаровымъ» дѣйствительно прекраснымъ литературнымъ произведеніемъ лишь «Сонъ Обломова». Извѣстное столкновеніе Гончарова съ Тургеневымъ Г—ичъ объясняетъ тѣмъ, что, вмѣстѣ съ ростомъ извѣстности Тургенева, «Гончаровъ сталъ явно ему недоброжелательствовать и отъ него отдаляться». Исторія съ авторомъ «Зал. Охотника» лучше всего доказываетъ, въ какой степени успѣхи Тургенева тревожили Гончарова». Ср. ниже: Тургеневъ.

Григорьевъ, Аполлонъ Александровичъ (1822—1864).—Въ статьѣ о Тургеневѣ, Г., мимоходомъ касаясь вышедшаго «Обломова», отмѣчалъ построение романовъ Гончарова «по сухимъ догматическимъ темамъ». Ср. Перечень «Обломовъ», «Обыкн. Исторія». Сочин. А. Григорьева, Спб., 1876 г., т. I, стр. 420. Гончаровъ считалъ Гр. «менѣе удачнымъ», чѣмъ Добролюбовъ, послѣдователемъ Бѣлинскаго («Зам. о личн. Бѣл.»).

Григорьевъ, Константинъ Никифоровичъ. Якутскій губернаторъ; выведенъ въ статьѣ «По Вост. Сибири» подъ именемъ Игорьева. Письмо къ нему Гончарова «Руск. Стар.» 1911 г., № 10.

Давыдовъ, Иванъ Ивановичъ (1794—1863).—Профессоръ Моск. университета, позднѣе директоръ Педаг. института и академикъ. По выраженію Гончарова, считался универсальнымъ ученымъ: читалъ когда-то лекціи высшей алгебры, занялъ было кафедру философіи, потомъ «назначенъ былъ читать исторію русск. литературы». Это былъ настоящій типъ профессора-чиновника, педагога карьериста, для котораго профессура была не цѣлью служенія наукѣ, а средствомъ для звѣздъ, орденовъ и чиновъ. Въ тяжелыя времена гоненій на чистую науку, имѣющую въ самой себѣ ясную и опредѣленную цѣль, такіе типы, какимъ былъ Д., имѣютъ извѣстный успѣхъ на іерархической лѣстницѣ».

Данилевскій, Григорій Петровичъ (1829—1890). — Первый романъ Д. «Бѣгле въ Новороссіи» (1862); «Девятый валь» (1874); «Мировичъ» (1879);

«На Индію при Петрѣ» (1880); «Княжна Тараканова» (1883); «Черный годъ» (1888). Съ 1881 г. былъ главнымъ редакторомъ «Правит. Вѣстн.». Сослуживецъ Гончарова по цензурному вѣдомству, въ которомъ Д. состоялъ членомъ Главн. Упр. по дѣламъ печати.

Двигубскій, Иванъ Алексѣевичъ (1771—1839).—Докторъ медицины; профессоръ Моск. университета по кафедрѣ ботаники и ректоръ (читалъ также лекціи по физикѣ и технологіи), авторъ многихъ научно-популярныхъ работъ и издатель журнала «Новый магазинъ естественной исторіи», выходившаго въ теченіе десяти лѣтъ (1820—1829).

Денампъ, Амедей. Лекторъ французской словесности въ Московскомъ университетѣ (до 1837 г.). О немъ: «Словарь профес. Моск. универс.». М. 1855 г., стр. 294. Гончаровъ упоминаетъ о Д. въ «Воспомин.».

Державинъ, Гавріиль Романовичъ (1743—1816).—Первой книгой, попавшей Гончарову «внѣ классовъ», были сочиненія Д., которыя онъ «и переписывалъ и училъ наизусть» (Автобіографія).

Дибичъ, графъ, Иванъ Ивановичъ (1785—1831).—Генераль-адъютантъ, близкій человѣкъ къ Императору Александру I. Упом. въ разсказѣ «Превратность судьбы».

«**Діана**»—фрегатъ, пришедшій на смѣну «расхлябавшейся» «Палладѣ». О гибели Д. у береговъ Японіи во время землетрясенія См. «Черезъ двадцать лѣтъ» гл. VI и «Морск. Сб.», 1855 г., VII.

Добролюбовъ, Николай Александровичъ (1836—1861).—Критикъ, одинъ изъ руководителей «Современника» 1858—61 г.г. См. «Что такое обломовщина?» Сочиненія Д.—а, изд. 7-ое, т. II, стр. 407—435. По свидѣтельству Л. Н. Майкова («Русск. Ст.», 1900, I, стр. 11) статья Д. (появившаяся въ «Соврем.» тотчасъ послѣ окончанія печатанія романа въ «Отеч. Зап.») явилась полной неожиданностью для Гончарова «и привела его въ восхищеніе. Гончаровъ («Лучше поздно—чѣмъ никогда») утверждалъ, что ею вполне исчерпанъ вопросъ о томъ, что такое обломовщина, что возвращаться къ нему нечего, и что другому критику остается только говорить о женщинахъ романа, или же просто задаться его порицаніемъ». Добролюбова, равно какъ и Бѣлинскаго, Гончаровъ считалъ «тонкимъ критическимъ истолкователемъ».

Дружининъ, Александръ Васильевичъ (1824—1864).—Авторъ «Полиньки Саксъ», критикъ, сотрудникъ «Современника» и позднѣе редакторъ «Библіотеки для чтенія», основатель Литературнаго фонда. Сочиненія Д.—а 8 т. Спб., 1865 г. О немъ см. С. Венгеровъ. Сочиненія, т. VI (тамъ же бібліографія, стр. 217—233).

Дубельтъ, Леонтій Васильевичъ (1792—1862).—Воспитанникъ горнаго корпуса; перешелъ въ корпусъ жандармовъ и въ 1835 г. занялъ должность начальника штаба. Позднѣе управлялъ третьимъ отдѣленіемъ и былъ членомъ главнаго управленія цензуры. Умеръ генераль-майоромъ. См. выше: Бенкендорфъ. Уп. въ Воспоминаніяхъ («На родинѣ»).

Дудышкинъ, Степанъ Семеновичъ (1820—1866).—Журналистъ, завѣдующій критическимъ отдѣломъ «Отеч. Зап.» (послѣ Бѣлинскаго и В. Майкова) и соредакторъ журнала. Д. былъ близкимъ человѣкомъ въ домѣ Майковыхъ. О немъ: А. Старчевскій. «Одинъ изъ забытыхъ журналистовъ». «Ист. Вѣстн.» 1886 г., № 2, стр. 360—386.

Дымонъ («Обрывъ»).—Имѣніе Тушина.

Ежемѣсячныя сочиненія—журналъ, издававшійся въ Спб. I. I. Ясинскимъ (1900—1903).—Въ журналѣ были напечатаны письма Гончарова къ П. И. Капнисту («Е. С.» 1903 г., № 1).

Жанлисъ, графиня (1746—1831).—Французская романистка, авторъ многихъ романовъ и «нравственныхъ» повѣстей, очень популярная и въ Россіи. Гончаровъ читалъ въ дѣтствѣ романы Ж. въ «чудовищныхъ переводахъ» («Автобіографія»).

Заблоцкій-Десятовскій, Михаилъ Пареновичъ († 1858).—Извѣстный статистикъ и метрологъ, хорошій знакомый Майковухъ и Гончарова. На З.-Д. указываетъ Старчевскій («Ист. Вѣстн.» № 2, стр. 378), какъ на одно изъ лицъ, послужившихъ прототипомъ для Адуева-младшаго.

Завойко, Василій Степановичъ (1809—1865).—Путешественникъ и администраторъ; совершилъ нѣсколько кругосвѣтныхъ плаваній, и поступилъ на службу російско-американской компаніи; былъ правителемъ Охотска (охотская факторія); по его инициативѣ былъ перенесенъ портъ изъ Охотска въ Аянъ и обращено вниманіе на изслѣдованіе Амура. Восточная война застала З. командиромъ Петропавловскаго порта и губернаторомъ Камчатки. О немъ: «Фрег. Пал.» II, 7.

Загряжскій, Александръ Михайловичъ. Симбирскій губернаторъ; его вывелъ Гончаровъ въ своихъ воспоминаніяхъ «На родинѣ» подъ именемъ Углицкаго; рассказъ того же Углицкаго послужилъ канвою для очерка «Превратность судьбы». По отзыву историка города Симбирска, «былъ очень недурень собою, строенъ, всегда щеголь, воспитаніи свѣтскаго, хорошій актеръ и неисправимый довелась. Избалованный дешевыми побѣдами, онъ задумалъ устроить интригу съ дочерью одного изъ наиболее уважаемыхъ лицъ симбирскаго общества, и даже, какъ говорятъ, ходилъ къ ней на свиданіе, нарядившись старухой, причемъ такъ хорошо загримировался, что, самъ отецъ, встрѣтивъ случайно эту старуху, не узналъ, кто она, и указалъ ей, какъ пройти къ дочери. Самъ же виновникъ началъ хвастаться своею интригою, дворянство узнало и дружно ополчилось противъ него; стали грозить ему общимъ скандаломъ и даже кулачною расправою. Положеніе Загряжскаго, не только, какъ губернатора, но и какъ человѣка, оказалось невозможнымъ, и онъ долженъ былъ далеко не почетно удалиться изъ Симбирска» (П. Мартыновъ. Городъ Симбирскъ за 250 лѣтъ его существованія. С. 1898 г.).

Зеленый, Павелъ Алексѣевичъ. Мичманъ на «Палладѣ». «Молодой З.» «драгоценный спутникъ». Его характеристика у Гончарова («Фрег. Пал.» I, 4).

Зибольтъ, Филиппъ (1796—1866).—Нѣмецкій естествоиспытатель и знатокъ Японіи, прожившій въ ней въ качествѣ врача индо-голландской компаніи въ то время, когда Я. была закрыта для иностранцевъ. Авторъ многихъ изслѣдованій, касающихся флоры, фауны и жизни Японіи. Изъ книги З. Гончаровъ показывалъ японцамъ изображеніе мѣстныхъ видовъ: людей, зданій, пейзажей и прочаго». Путешествіе З. въ Японію издано по русски Плюшаромъ въ обработкѣ В. М. Строева. Спб. 1855 г. Переводъ изъ З. «Нидерландцы и русскіе въ Японіи». «Морск. Сб.». Мартъ, 1855 г. («Фрег. Пал.», II, 1).

Ивашовскій, Семень Мартыновичъ († 1850).—Профессоръ Моск. университета по кафедрѣ греческой словесности.

Игорьевъ («По Вост. Сибири»).—См. въ спискѣ Григорьевъ.

«Иллюстрированный Альманахъ». Былъ изданъ въ видѣ приложенія къ «Современнику» 1848 г., но вышелъ вслѣдствіе цензурныхъ осложненій въ 1849 г.; по требованію цензуры первоначальное заглавіе—«И.-А.»—было измѣнено и альманахъ названъ «Литературнымъ сборникомъ». (См. Панаева-Головачева. «Воспом.», стр. 193). Въ «И. А.» появился «Соня Обломова».

Императорская Гавань въ Приморской области, на сѣв. берегу Японскаго моря, образующаго здѣсь заливъ съ нѣсколькими удобными бухтами. Въ И. Г., во избѣжаніе захвата непріятелемъ, былъ затопленъ фрегатъ «Паллада». «Какой этотъ берегъ? Что за бухта?.. Что это за край: гдѣ мы? Самъ не знаю, да и никто не знаетъ: кто тутъ бывалъ и кто пойдетъ въ эту дичь и глушь?» («Фрег. Пал.», II, VI. Эти слова Гончарова объясняются тѣмъ, что И. Г. и заливъ Императора Николая были только что тогда открыты (1853 г.) лейтенантомъ Бошнякомъ. См. «Морск. Сб.». 1859 г.

Инчвальдъ-Симпсонъ, Елисавета (1753—1821).—Англійская артистка и писательница. Ея романъ «A simple Story» (1791) пользовался большимъ

успѣхомъ. Въ 1848 г. «Отеч. Записки» помѣстили переводъ этого романа, причемъ въ рукописи романъ былъ названъ «Обыкновенной Исторіей»; узнавъ объ этомъ Гончаровъ писалъ издателю журнала, А. А. Краевскому: «такое заглавіе, мнѣ кажется, неудобнымъ, какъ для меня, такъ и для Вашего журнала: для меня потому, что довольно и одинокихъ заглавій, чтобъ подать поводъ къ нелѣпному сравненію обоихъ романовъ, причемъ выводъ окажется конечно не въ мою пользу: романъ миссъ Инчвальдъ несравненно выше моего. Для чего же давать возможность ставить на одну доску два сочиненія совершенно различныя по достоинству и содержанію, во вредъ одного изъ нихъ, когда можно избѣжать этого». Редакція согласилась съ Гончаровымъ и романъ вышелъ подъ заглавіемъ «Простая Исторія».

Иннокентій (1797—1879).—Въ мірѣ Иванъ Евсеѣвичъ Веніаминовъ; извѣстный просвѣтитель алеутовъ, первый епископъ Камчатки, впоследствии митрополитъ московскій. Епископомъ Камчатскимъ И. пробылъ около 27 лѣтъ и за это время сдѣлалъ многое для края. Ср. «Фрег. Пал.» II, 7 и біографію И., написанную И. Барсуковымъ. М., 1883 г.

Ганинъ, о. (1777—1853).—Архимандритъ, въ мірѣ И. Бичуринъ; былъ начальникомъ духовной русской миссіи въ Китаѣ и получилъ большую извѣстность какъ знатокъ Китая и китайскаго языка. Его труды «Китай, его жители, нравы, обычаи и просвѣщеніе». Спб., 1840 и «Китай въ гражданскомъ и нравственномъ отношеніи». Спб. 1848 г. цитируются Гончаровымъ въ очеркахъ «Фрег. Паллада».

Кавелинъ, Константинъ Дмитріевичъ (1818—1885).—Юристъ, философъ, и историкъ; дѣятельный участникъ крестьянской реформы; профессоръ Московскаго и затѣмъ Спб. университетовъ. Однимъ изъ учителей, подготовившихъ К. въ университетъ, былъ Бѣлинскій, съ которымъ позднѣе К. связывали дружескія отношенія. Принималъ участіе въ «Отеч. Зап.» и «Современникъ». Его капитальный трудъ: «Задачи этики» выдержалъ рядъ отдѣльных изданій и вошелъ въ «Сочиненія К—а». Спб. 1902. Два письма Гончарова къ К. «Русская Мысль» 1895 г., № 2.

Капнистъ, графъ, Петръ Ивановичъ (1830—1898).—Сослуживецъ Гончарова по цензурному вѣдомству, позднѣе (1868—1874 г.г.) редакторъ «Прав. Вѣстн.»; авторъ многихъ стихотвореній (см. сочиненія К—а въ 2-хъ т. М. 1901 г.); его же перу принадлежитъ характеристика печати и литер. 60-хъ годовъ, составленная Императору Александру II. Письма къ нему Гончарова «Ежем. Сочиненія», 1903 г., № 1.

Каменецкій, Титъ Алексѣевичъ (1790—1844).—Директоръ Моск. коммерческаго училища и позднѣе профессоръ университета по кафедрѣ географіи и статистики. Гончаровъ отзывался о немъ какъ о рутинерѣ и педантѣ. Ср. Приложеніе: Автобіографія.

Карамзинъ, Николай Михайловичъ (1766—1826).—По поводу предстоящаго празднованія столѣтней годовщины К., «близкаго сердцамъ нашимъ» праздника, Г., за подписью «любителъ литературы», помѣстилъ въ «Голосѣ» 1866 г., № 321 особую замѣтку. Перепечатка ея въ ст. А. А. Мазона «Р. Ст.» 1912 г., № 6, стр. 495—497.

Каратыгинъ, Петръ Андреевичъ (1802—1879).—Артистъ имп. театровъ.

Каронъ, Франсуа († 1764).—Путешественникъ; долгое время жилъ на Мадагаскарѣ. Онъ одинъ изъ первыхъ въ своей книгѣ «Описаніе могущественной Японской Имперіи», изданной на гол. языкѣ въ Амстердамѣ (1656 г.), познакомилъ съ Японіей европ. читателей. Русск. перев. «Описаніе Япона» сдѣланъ Коровинымъ и Горлицкимъ. Спб. 1734 и 1768 г.г. Выдержки изъ него приведены въ «Фр. Пал.», II, 1.

Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ (1818—1887).—Публицистъ; принадлежалъ къ кружку Бѣлинскаго и сотрудничалъ въ «Моск. Набл.» и «Отеч. Зап.». Съ 1845—1850 г.г. занималъ кафедру философіи въ Моск. унив., съ 1851 г. ста-

новится во главѣ «Моск. Вѣдом.», съ 1856 г. началъ изданіе «Русск. Вѣстн.». О немъ: К. Невѣдѣнскій. К—ъ и его время. Спб. 1888 г. Н. Любимовъ. М. Н. К—ъ. Спб., 1889 г.

Каченовскій, Михаилъ Трофимовичъ (1775—1842).—Профессоръ Моск. унив., читавшій во время студенчества Гончарова р. исторію и статистику. Преподаваніе К. было живое, чуждое всякой схоластики, но «читалъ онъ медленно, вяло и пожалуй, если вслушиваться глубоко въ его рѣчь, то и скучно. Точно какъ старый дядька нехотя мямлитъ въ сотый разъ сказку дѣтямъ, чтобы усыпить ихъ. Нѣкоторые и засыпали или, по крайней мѣрѣ, дремали подъ его однообразный, монотонный говоръ».

Кемпферъ, Энгельбертъ (1651—1716).—Путешественникъ-голландецъ; поѣхалъ въ Японію, гдѣ провелъ два года. Его книгой «Исторія Японіи», вышедшей въ началѣ XVIII столѣтія, пользовался Гончаровъ во время путешествія. («Фрег. Пал.» II, 1).

Кетчеръ, Николай Христофоровичъ (1809—1886).—Переводчикъ Шекспира, близкій человѣкъ къ кружку Герцена и Бѣлинскому. См. Герценъ «Былое и думы»; Пыпинъ—«Бѣлинскій»; Т. Пассекъ—«Изъ дальнихъ лѣтъ», т. I.

Киндяковна—деревня въ 4-хъ верстахъ отъ Симбирска,—любимое мѣсто прогулокъ симбирцевъ. Киндяковская роща и рядомъ съ ней знаменитый Гончаровскій обрывъ съ барской усадьбой (См. «Новь» 1898 г., № 19. «Нива» 1898 г., № 40). Отсюда съ вершины крутого ската къ Волгѣ открываются картины, описанныя въ «Обрывѣ»: «съ одной стороны, Волга съ крутыми берегами и заводьемъ; съ другой—широкія поля, обработанныя и пустыя, овраги, и все это замыкается далью синѣвшихъ горъ. Съ третьей стороны видны села, деревни и часть города» («Обрывъ» I). По утвержденію родственниковъ Гончарова, мѣста, зарисованныя въ романѣ, находились не въ Киндяковкѣ, а въ Симбирскѣ, въ Гончаровскомъ саду, расположенномъ на томъ же горномъ берегу Волги. («Вѣстн. Евр.» 1908, XI, стр. 22).

Кирмалова, Александра Александровна. См. Гончарова, А. А.

Кирмалова, Дарья Леонтьевна. Жена племянника Ив. Алекс.—Виктора Михайловича Кирмалова. Выдержки изъ довольно оживленной переписки Гончарова съ К—й приведены въ статьѣ М. Ѳ. Суперанскаго. «Вѣстн. Евр.» 1908, XII. [† 1912 г.].

Кирмаловъ, Владиміръ Михайловичъ. Племянникъ писателя. Его характеристика въ «Восп. А. Н. Гончарова», «Вѣстн. Евр. 1908, XI, стр. 33—34. См. также извлеченія изъ писемъ Ив. А. Гончарова А. А. Кирмаловой. «Вѣстн. Евр.» 1908, XII.

Кирмаловъ, Михаилъ Михайловичъ. Мужъ сестры писателя, Алекс. Алекс.; ардатовскій помѣщикъ, владѣлецъ Хухорева. См. письма Гончарова къ Кирмаловой, «В. Евр.», 1908, XII.

Кистеръ, Федоръ Ивановичъ (1772—1849).—Лекторъ нѣмецкаго языка въ Моск. университетѣ; содержатель извѣстнаго въ свое время (20-ые и 30-ые годы прошл. ст.) пансіона и составитель долгое время популярныхъ учебниковъ нѣм. языка, напр., «Другъ дѣтей», который выдержалъ множество изданій. Характеристика К. дана Гончаровымъ въ «Воспоминаніяхъ».

Клапротъ, Юлій Генрихъ (1783—1835).—Ориенталистъ и путешественникъ; одно время состоялъ адъютантомъ Импер. Акад. Наукъ по кафедрѣ азіатскихъ языковъ, но вскорѣ занялъ ту же кафедру въ Парижской Академіи. Объ его трудѣ «Aperçu général de trois royaumes, traduit de l'original japonais-chinois, P. 1833 («Фрег. Пал.» II, 6).

Клюшниковъ, Иванъ Петровичъ (1811—1895).—Поэтъ кружка Станкевича, авторъ широко извѣстныхъ пьесъ: «Жизнь» (отвѣтъ на стансы Пушкина, приписываемый митрополиту Фларету), «Любителю музыки» и др. Сотоварищъ Гончарова по университету.

Колокольцовъ, Александръ Александровичъ (1833—1904). — «Отличный пріятель» Гончарова и спутникъ въ кругосвѣтномъ путешествіи; состоялъ въ чинѣ мичмана на «Палладѣ»; былъ переведенъ на «Диану» крушеніе которой у береговъ Японіи описано въ очеркѣ Гончарова («Черезъ 20-ть лѣтъ»). Позднѣе состоялъ членомъ адмиралтействъ-совѣта и начальникомъ Обуховскаго Сталелит. завода, который при К. сталъ однимъ изъ первыхъ заводовъ въ Россіи.

Кольцовъ, Алексѣй Васильевичъ (1809—1841).—См. «Замѣтки о личности Бѣлинскаго».

Колчино («О б р ы в ѣ»).—Имѣніе Викентьевыхъ.

Константинъ, Павловичъ (1779—1831).—Второй сынъ императора Павла I. Уп. въ очеркѣ «Превратность судьбы».

Коршъ, Евгеній Ѳедоровичъ (†1897).—Журналистъ, издатель и редакторъ «Атеней», воспитанникъ Моск. университета и членъ кружка Бѣлинскаго.

Котгень, Марія (1770—1807). — Французская писательница, авторъ въ свое время популярныхъ и въ Россіи романовъ «Мальвина», «Матильда» и др. Гончаровъ читалъ въ дѣтствѣ романы К. въ «чудовищныхъ переводахъ» (Автобіографія).

Краевскій, Андрей Александровичъ (1810—1889).—Журналистъ; издатель «Отеч. Запис.», «Голоса»; въ теченіи 1852—62 г.г. арендаторъ «Спб. Вѣдомостей». Письма (46) Гончарова къ К. опубликованы въ «Отчетѣ Публ. Библіотеки» за 1889 г. Спб., 1893. «Р. Ст.», 1911 г., № 10; 1912 г., № 6.

Красовъ, Василій Ивановичъ (1810—1855).—Поэтъ, членъ кружка Станкевича, сотоварищъ Гончарова по Моск. университету. Стихотворенія К. изданы въ М. 1860 г., въ настоящее время изданіе представляетъ большую рѣдкость, т. к. весь почти заводъ погибъ отъ пожара. Біографія К. въ «Словарѣ профес. унив. Св. Владимира». (К. недолгое время занималъ мѣсто адъюнкта русской словесности въ Киевскомъ университетѣ).

Крашенинниковъ, Степанъ Петровичъ (1713—1755).—Извѣстный путешественникъ, изслѣдователь Камчатки. Его «Описаніе земли Камчатки» выдержало три изданія (Спб. 1755, 1786, 1818). Гончаровъ читалъ путешествія К. въ дѣтствѣ.

Крюднеръ, Николай, баронъ. Состоялъ лейтенантомъ во время плаванія Гончарова на «Палладѣ». Его характеристика (Б. К.)—«Фрег. Пад.» I, 4.

Кубаревъ, Алексѣй Михайловичъ (1796—1881).—Профессоръ латинскаго языка Моск. универс., авторъ многихъ извѣстныхъ трудовъ по палеологіи («Несторъ, первый писатель р. исторіи, церковной и гражданской») и составитель учебниковъ по латинскому языку. Гончаровъ въ «Воспом.» отмѣчаетъ К. въ числѣ молодыхъ профессоровъ, «замѣчательно умныхъ, образованныхъ и прекрасныхъ людей».

Кунъ, Джемсъ (1728—1779).—Знаменитый мореплавателъ. Гончаровъ читалъ въ дѣтствѣ «куковы путешествія». То была, изданная въ 1790 г. въ Спб. на русскомъ языкѣ, книга: «Описаніе жизни и всѣхъ путешествій англійскаго мореходца капитана Кука».

Куртнеръ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ (1795—1876). — Лекторъ французскаго языка въ Моск. университетѣ, авторъ многихъ учебниковъ.

Лазаревскій, Василій Матвѣевичъ (1817—1890).—Знакомый Гончарова. Письмо къ нему Гончарова въ извлеченіяхъ приведено въ «Вѣстн. Евр.» 1907, II, 590. Членъ совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, беллетристъ и переводчикъ Шекспира.

Лазаревъ, Андрей Петровичъ (1787—1849).—Вице-адмиралъ. Въ 1822—1823 г.г. совершилъ кругосвѣтное плаваніе: «Плаваніе вокругъ свѣта на шлюпѣ Ладога». Спб. 1832 г.

Лазаревъ, Михаилъ Петровичъ (1788—1851). — Адмиралъ; дѣятельный участникъ севастопольской кампаніи; въ молодости три года провелъ на Аляскѣ,

въ 1822—25 г.г. на «Крейсерѣ» совершилъ кругосвѣтное путешествіе. См. Д. Завалишинъ. «Круг. плаваніе фрегата «Крейсеръ», №№ 5—11; «Др. и Нов. Россія», 1877 г. Именемъ Л. названъ заливъ у вост. береговъ Кореи. Уп. «Фрег. Пал.».

Лаперузъ (1741—1788). — Французскій мореплаватель, изслѣдователь Японскаго моря и Сахалина; одинъ изъ проливовъ названъ именемъ Лаперуза. Погибъ во время путешествія около острова Валикоро. Уп. въ «Фрег. Пал.» II, 4.

Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ (1814—1841).—Однокурсникъ Гончарова по Моск. универс. Гончаровъ «не успѣлъ познакомиться» съ Л., но онъ помнилъ «смуглаго, одутловатаго юношу, съ чертами лица какъ будто восточнаго происхожденія, съ черными выразительными глазами». Онъ казался апатичнымъ, говорилъ мало и сидѣлъ всегда въ лѣнливой позѣ, полулежа, опершись на локоть» («Воспоминанія»).

Литературный сборникъ. См. выше: Иллюстр. Альманахъ.

Литке, Федоръ Петровичъ, графъ (1797—1882).—Адмиралъ; совершилъ нѣсколько кругосвѣтныхъ плаваній. Его «Путешествіе на военномъ шлюпѣ Сенавишъ въ 1826—1827 г.г.» (Спб. 1835 г.) удостоено Демидовской преміи. Впоследствіи былъ президентомъ Академіи Наукъ и основателемъ Геогр. Общества. Уп. Фрег. Пал.» II, 8.

Лоринъ—романъ въ 2-хъ частяхъ графа П. А. Валужева, Спб. 1882 г. Изд. книгопрод. К. К. Реттера, подъ фирмой Шмиддорфъ. Роману предпослано слѣдующее предисловіе издателя: «Романъ «Л.» написанъ. б. ч. въ 1876 г. и оконченъ въ 1878; но я только въ ноябрѣ прошлаго 1881 г. получилъ отъ автора изъясненіе согласія на его изданіе». Пересказъ содержанія романа Бебикова, сдѣланный Гончаровымъ въ «Литер. вечерѣ», близко совпадаетъ съ содержаніемъ «Л.». Главныя дѣйствующія лица тамъ и тутъ почти тождественны — Графъ — Графъ Лоринъ (у Валужева); княгиня—кн. Искрицкая; Лидія Н—Ольга Николаевна Соболина; Лиза Ф.—Ширяева; баронъ—бар. Рингшталъ. Въ общихъ чертахъ Гончаровъ замѣчательно выпукло отразилъ фізіономію валуевского романа съ его блѣдными образами, расплывчатыми характеристиками и утомительно длинными отступленіями. См. «Списокъ»: Валуевъ и «Перечень»: «Лит. вечеръ».

Лосевъ, Константинъ. Капитанъ морской артиллеріи и спутникъ Гончарова во время его путешествія на «Палладѣ».

Лукиянова, Варвара Лукинишна. Гувернантка дѣтей А. А. Кирмаловой, впоследствіи классная дама въ Спб. Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. По словамъ М. Ѳ. Суперанскаго, Л. играла «замѣтную роль» въ жизни Гончарова и есть основаніе предполагать, что она была героиней одного изъ старыхъ эпизодовъ въ жизни автора «Обрыва» (Соч. IX, 135). Ср. Воспоминанія Потанина «Ист. Вѣстн.» 1903, № 4 и письмо Гончарова къ Тройницкому «Вѣстн. Евр.» 1908, XII, стр. 454—455.

«Лунныя ночи»—рукописный альманахъ Майковыхъ 1839 г. См. Перечень: «Счастливая ошибка».

«Лѣтописецъ». Рукописная книга въ старинномъ переплетѣ, хранящаяся теперь въ Музеѣ Симбирской архивной комиссіи. Состоитъ изъ списковъ религіозной литературы, сдѣланныхъ рукою дѣда писателя. Въ началѣ книги, на нѣсколькихъ листахъ, помѣщается «Лѣтописецъ» или погодная запись фактовъ политической жизни, рѣдкихъ явленій природы и семейныхъ событій. Записи послѣднихъ приведены полностью М. Ѳ. Суперанскимъ въ «Вѣстн. Евр.» 1908 г., XI, стр. 575—77. Подъ 1812 годомъ рукою отца писателя занесено: «1812 г. іюня 6-го дня родился сынъ Иванъ, а именинникъ іюня 24 дня». Дата записи сходится съ метрическими книгами Симбирской Вознесенской церкви. См. «Вѣстн. Евр.» 1908 г., XII, стр. 26, Примѣчаніе. Установленіе этой даты особенно цѣнно, г. к. метрическое свидѣтельство Гончарова сторѣло, а біографы считали годомъ его рожденія то 1812, то 1813, то 1814 г.г., то 6 іюня, то 6 іюля.

Майкова, Евгенія Петровна (1803—1880). — Супруга Ник. Апол., урожденная Гусятникова, писательница. Авторъ стихотвореній въ «Библ. для чтенія» 1841—42 г.г., повѣсти «Женщина» и др.

Майкова, Екатерина Павловна (1836). — Супруга Влад. Ник., писательница. Сотрудничала въ «Семейн. Вечерахъ».

Майковъ, Аполлонъ Николаевичъ (1821—1897). — Извѣстный поэтъ. Первое стихотвореніе М., напечатанное въ «Одесск. Альманахъ», отмѣтилъ еще Бѣлинскій (Соч. т. IV, ред. Венгерова), давшій позднѣе сочувственный отзывъ о стихотв. М—а (Спб. 1842). Гончаровъ преподавалъ А. Н. русскую словесность. См. М. Златковскій, биографическій очеркъ. Спб. 1888.

Майковъ, Валеріанъ Николаевичъ (1823—1847). — Извѣстный критикъ, заступившій въ «Отеч. Зап.» мѣсто Бѣлинскаго; ученикъ Гончарова. Гончаровъ написалъ некрологъ М—а («Крит. Опыты» В. Н. М—а, стр. III—VIII, изд. ред. журнала «Пантеонъ Литературы» Спб. 1891 г.). О немъ: К. К. Арсеньевъ, «Крит. статьи», т. 2. Л. Майковъ въ «Крит. Опыт.», И. С. Тургеневъ—«Воспоминанія».

Майковъ, Владиміръ Николаевичъ (1826—1885). — Издатель дѣтскихъ журналовъ: «Подсвѣжникъ» и «Семейные вечера».

Майковъ, Леонидъ Николаевичъ (1839—1900). — Извѣстный изслѣдователь исторіи р. литературы, впоследствии академикъ и вице-президентъ Академіи Наукъ, редакторъ собраній сочиненій Батюшкова, Пушкина (т. I, академ. изданія). См. сборникъ «Памяти Л. Н. М—а. Спб. 1902 г.; тамъ же перечень его ученыхъ трудовъ. По словамъ М., онъ знавалъ Гончарова «съ самого ранняго дѣтства» и въ его рукахъ хранятся рукописи его раннихъ литературныхъ опытовъ и большой запасъ его писемъ, — «писемъ очень замѣчательныхъ въ биографическомъ и чисто-литературномъ отношеніяхъ», но, разумѣется, прибавляетъ М., изъ уваженія къ памяти стараго друга нашей семьи я не нарушу его загробнаго желанія и никогда не позволю себѣ сдѣлать эти матеріалы достояніемъ печати (Л. Н. Майковъ. «Сора И. Гончарова съ И. С. Тургеневымъ», «Русск. Стар.» 1900, I, стр. 7).

Майковъ, Николай Аполлоновичъ (1794—1873). — Извѣстный художникъ; отецъ Апол., Валер., Владим. и Леонида М—выхъ. По характеристикѣ Гончарова, Н. А. жилъ «какъ живали артисты, думая больше всего объ искусствѣ, любя его, занимаясь имъ и почти ничѣмъ другимъ. Домъ его кишѣлъ жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержаніе изъ сферъ мысли, науки, искусства. Молодые ученые, музыканты, живописцы, многіе литераторы изъ круга 30-хъ и 40-хъ годовъ— всё толпились въ необширныхъ, неблестящихъ, но пріютныхъ залахъ его квартиры, и всё, вмѣстѣ съ хозяевами, составляли какую-то братскую семью или школу, гдѣ всё учились другъ у друга... Старикъ Майковъ радовался до слезъ всякому успѣху всѣхъ, не говоря уже о друзьяхъ, въ сферѣ интеллектуальнаго или артистическаго труда, всякому движенію впередъ во всемъ, что доступно было его уму и образованію. Сыновьямъ М—а и его женѣ была близка литература; сестра Н. А—а была замужемъ за литераторомъ П. П. Свиньинымъ, а дочь послѣдняго явилась «настоящей литературной женою А. Ѳ. Писемскаго». Въ домѣ М—ыхъ Гончаровъ былъ своимъ близкимъ человекомъ; здѣсь издавался рукописный журналъ «Лунныя ночи», читали свои новыя произведенія и Гончаровъ и Писемскій. Ср. Григоровичъ. «Лит. Восп.». Сочин. т. XII, изд. 1896 г., стр. 296. А. Старчевскій. «Ист. Вѣстн.» 1886 г., № 2.

Максимовъ, Алексѣй Михайловичъ (1813—1861). — Артистъ Спб. Императорскихъ театровъ, одинъ изъ лучшихъ исполнителей роли Чацкаго.

Максимовъ, Сергѣй Васильевичъ (1831—1901). — Писатель; авторъ широко извѣстныхъ книгъ: «Годъ на сѣверѣ», «Тюрьмы и ссыльные», «Куль хлѣба и его походженіе», «Бродячая Русь Христа-ради», «Крылатая слова». «Воспоминанія М—а о «литературной экспедиціи», снаряженной морскимъ вѣдом-

ствомъ въ 1854 г., въ которой принималъ участіе М., отправившись на сѣверъ Россіи, «Р. Мысль», 1890 г., февраль.

Мартыновъ, Александръ Евстафьевичъ (1816—1860).—Артистъ Императорскихъ театровъ. См. «Сл. Лит. Тип.» V. 101. О немъ: Н. Долговъ. А. Е. М.—ъ. Спб. 1910 г., Изд. Р. Театр. Общ.

Медгорсть (Медгерсть), Вальтеръ Генри (1796—1857).—Англійскій миссіонеръ; долго (30 лѣтъ) прожилъ въ Шанхаѣ, посѣщая Яву, Борнео и китайское побережье. Составилъ японскій, кит.-англ. и англ.-кит. словари, переводилъ свящ. книги съ европейскіхъ языковъ на кит. и редактировалъ малайскій переводъ Новаго Завѣта. Ср. «Фрег. Пал.», II, 2.

Мерзляковъ, Алексѣй Ѳедоровичъ (1778—1830).—Профессоръ русск. словесности Моск. университета, поэтъ и критикъ. Гончаровъ не засталъ въ университетѣ М., но считалъ его «человѣкомъ умнымъ, даровитымъ, старой школы». «Воспом.», I.

Малиновна.—Имѣніе Райскаго, около г. Симбирска.

Монаховъ, Ипполитъ Ивановичъ (1841—1877).—Артистъ Спб. императорскихъ театровъ. Его бенефисъ въ 1871 г. («Горе отъ ума»—Чапкій) явился вѣдшимъ поводомъ для этюда Гончарова «Милліонъ терзаній». О дружбѣ Гончарова съ М. «Вѣстн. Евр.» 1908, XI. Воспомин. А. Н. Гончарова.

Миллеръ, Орестъ Ѳедоровичъ (1833—1889).—Профессоръ Спб. университета, ученикъ Никитенки, въ домѣ котораго онъ познакомился съ Гончаровымъ. Ср. И. Шляпкинъ. «О. Ѳ. М.—ъ» при I-омъ томѣ «Русск. пис. послѣ Гоголя», стр. VI, изд. 4-ое, Т-ва Вольфъ. Б. Глинскій «О. Ф. М.—ъ». Спб. 1890 г. Публичныя лекціи, читанныя М., легли въ основу его статьи о Гончаровѣ. («Р. пис. послѣ Гоголя», т. II).

Морской Сборникъ, ежемѣсячный журналъ, начатый въ 1848 г. морскимъ вѣдомствомъ. Первый изъ русскихъ журналовъ, освобожденный отъ цензуры, когда во главѣ морского вѣдомства всталъ вел. князь Константинъ Николаевичъ; по распоряженію вел. князя была снаряжена въ 1854 г. «литературная экспедиція» для ознакомленія съ окраинами Россіи. Въ этой экспедиціи приняли участіе: Аванасьевъ-Чужбинскій командированный для изученія Малороссіи; Гончаровъ («Фрегатъ Паллада») отправленный вкругъ свѣта; Григоровичъ въ Средиземномъ море («Корабль Ретвизанъ»); Данилевскій на югъ Россіи; Максимовъ на Бѣлое море («Годъ на сѣверѣ»); Островскій на верховья Волги («Волга отъ ея истока до Нижняго»); Писемскій въ Астрахань и на побережье Каспійскаго моря (см. его «Путевые очерки», «Морскія поѣздки» и рядъ этнографическихъ очерковъ: «Астрах. армяне, татары и проч. сочиненія, т. V, изд. 1883 г.); Потѣхинъ, А. А. отправился для изслѣдованія Поволжья. Произведенія этихъ писателей украшали страницы «М. Сб.». Гончаровъ въ журналѣ 1855—1856 г.г. напечаталъ отдѣльныя главы «Фрегатъ Паллады».

Московскій Университетъ основанъ въ 1755 г. Гончаровъ вступилъ въ 1831 г. въ число студентовъ У. по словесн. факульт. и окончилъ курсъ въ 1834 г. Воспоминаніямъ о «республикѣ наукъ» посвященъ Гончаровымъ особый очеркъ «Въ Университетѣ». «Благодарный, чище, выше этихъ воспоминаній, писалъ Гончаровъ, у меня, да пожалуй и у всякаго студента, въ молодости не было. Сверстниками Гончарова по университету были: Лермонтовъ, Аксаковъ, К., Бѣлинскій, Бодянский, Герценъ, Кетчеръ, Ключниковъ, Красовъ, Огаревъ, Пассекъ, Сатинъ, Станкевичъ. Гончаровъ только «слыхалъ» о нихъ, но «не былъ съ ними знакомъ». Знакомство съ ними (за исключеніемъ Лермонтова) произошло много позднѣе, послѣ окончанія университетскаго курса. Ср. «Воспоминанія», I; «Замятки о личности Бѣлинскаго», «Автобіографія».

«Московскія Вѣдомости»—періодическое изданіе при Моск. университетѣ. Основаны въ 1756 г. Съ 1863 г. арендаторами М. В. явились профессора М. Н. Катковъ и П. М. Леонтьевъ. Въ 1865 г. написана Гончаровымъ «Записка о

Моск. Вѣд., опубликованная въ «Русск. Вѣстникѣ» 1889 г., кн. III, стр. 141—142.

Московское Коммерческое училище. Основано на средствахъ моск. купечества въ 1804 году. Гончаровъ поступилъ въ М. К. У. полнымъ пансіонеромъ въ августѣ 1822 года и пробылъ въ немъ до сентября 1830 года, когда былъ уволенъ въ слѣдствіе прошенія матери. Мотивы увольненія Гончарова приведены были въ прошеніи слѣдующіе: трудная болѣзнь брата Николая (обучавшагося въ томъ же училищѣ) и необходимость безотлучнаго нахожденія при братѣ, а также «разстройство коммерческихъ дѣлъ». Изъ опубликованныхъ въ 1912 г. (Новое Время, ил. прил.) писемъ Гончарова къ брату видно, что школьныя впечатлѣнія оставили въ Гончаровѣ не добрую память. (Ср. ниже Автобіографія Гончарова).

Мочаловъ, Павелъ Степановичъ (1800—1848).—Артистъ моск. императ. театровъ.

Музалевская, Аниа Александровна. См. Гончарова, Анна А—а.

Музалевскій, Петръ Авксентьевичъ († 1877).—Мужъ сестры писателя, Анны Александровны; былъ врачомъ въ Симбирскѣ, гдѣ оставилъ по себѣ добрую память. Раззорившись (отдавъ всѣ скопленныя деньги на желѣзно-дорожное предпріятіе какому-то хищнику Алаеву), М. переселился въ Москву, гдѣ прожилъ вѣкъ, существуя лишь маленькой пенсіей.

Мунго-Паркъ. См. Паркъ - Мунго.

Муравьевъ-Амурскій, графъ Николай Николаевичъ (1809—1866).—Генералъ-губернаторъ В. Сибири, первый изслѣдователь Амура, предпринявшій (въ 1854 г.) поѣздку къ устью рѣки. Объ этой поѣздкѣ «Записки Спб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ.». Спб. 1857 г., № 3. «Р. Ст.» 1891 г., т. 74 (Воспом. А. Е. Баранова). О немъ: И. Барсуковъ «Н. Н. М.-А.». М. 1891 г.

Надеждинъ, Николай Ивановичъ (1804—1856).—Профессоръ Моск. унив., по кафедрѣ изящныхъ искусствъ и археологіи; издатель «Телескопа» и «Молвы». По воспоминаніямъ Гончарова, Н. «былъ самый симпатичный и любезный человѣкъ въ обращеніи, и какъ профессоръ онъ былъ намъ дорогъ своимъ вдохновеннымъ, горячимъ словомъ, которымъ вводилъ насъ въ таинственную даль древяногo міра, передавая духъ, бытъ, исторію, и искусство Греціи и Рима». («Въ университетѣ»). Н. выведенъ подъ именемъ Ивана Семеновича въ «Обыкн. Ист.». Ср. Е. А. Бобровъ. Гончаровъ о Надеждинѣ «Извѣст. отд. р. языка и словесн. Акад. Наукъ». Спб. 1909 г., т. XIV, кн. I.

Никитенко, Александръ Васильевичъ (1803—1877).—Профессоръ Спб. университета, академикъ, писатель и цензоръ. Одинъ изъ ближайшихъ людей къ Гончарову. По ходатайству Н., Гончаровъ былъ причисленъ къ цензурному вѣдомству. Съ семействомъ Н. связывали Гончарова самыя тѣсныя отношенія. См. «Записки и дневникъ Н.», 2 т. Спб. 1904 г., изд. 2-е, М. Пирожкова.

Новоселово («Обрывъ»).—Имѣніе Т. М. Бережковой.

Норовъ, Авраамъ Сергѣевичъ (1795—1869).—Писатель; въ 1854—58 г.г. министръ народнаго просвѣщенія, въ вѣдомствѣ котораго состояла тогда цензура. Письмо къ Н—ву Гончарова «Русск. Арх.» 1899 г., № 1.

«Нива», журналъ, издаваемый А. Ф. Марксомъ съ 1870 г. Въ 1888 г. въ «Н.» появились «Слуги», въ 1892 г. «Май мѣсяцъ въ Петербургѣ», въ 1893 г., «Превратность судьбы», въ 1899 г., въ видѣ бесплатнаго приложенія къ «Н.», было дано «полное собраніе сочиненій Г.» въ 12-ти томахъ.

Обломовка—наслѣдственная отчина рода Обломовыхъ; состояла изъ двухъ деревень Сосновки и Вавиловки, удаленныхъ другъ отъ друга на версту. «Въ Сосновкѣ была господская усадьба и резиденція». Обѣ деревни извѣстны были подъ общимъ именемъ Обломовки (Обл. I, 9). «Я всюду унесу почву родной Обломовки, и никакіе океаны не смоютъ ея», писалъ Гончаровъ во «Фрег. Пал.» I, 2.

Оболенскій, Василій Ивановичъ (1790—1847).—Адъюнктъ Моск. универс. по кафедрѣ древней (греческой) словесности. О немъ: «Словарь профес. Моск. унив.». М. 1855 г.; стр. 157—160.

Одоевскій, князь Владиміръ Ѳедоровичъ (1804—1869).—Извѣстный писатель и общественный дѣятель. Его характеристика, сдѣланная Гончаровымъ, см. «Райскій».—Критика. О немъ: Н. П. Сакулинъ «Князь В. Ѳ. О.—скій». М. 1913 г., 2 т.

Озеровъ, Владиславъ Александровичъ (1770—1816).—Съ трагедіями О. Гончаровъ познакомился еще въ дѣтствѣ («Автобіографія»).

Оливуца, сорока четырехъ пушечный фрегатъ. Временно входилъ въ составъ экспедиціи гр. Путятина, подъ командой кап.-лейт. Н. Н. Назимова. Былъ командированъ изъ Петропавловска для встрѣчи «Паллады» (въ портъ Ллойдъ) и въ концѣ мая 1854 г. вернулся обратно въ Петропавловскъ («Морск. Сборн.», окт., 1854).

Островскій, Александръ Николаевичъ (1823—1886).—Гончаровъ считалъ талантъ Островскаго «огромнымъ» («Лучше поздно, чѣмъ никогда»). Отзывъ Гончарова о «Грозѣ» см. «Отчетъ о 4-мъ присуд. нагр. гр. Уварова». Спб., 1860 г.

Острогорскій, Винторъ Петровичъ (1840—1902).—Педагогъ и литераторъ. Среди «этюдовъ» О. о русскихъ писателяхъ—«этюды» о Гончаровѣ. Спб., 1888 г. Письма къ нему Гончарова, «Юбилейный сборникъ Лит. фонда». Спб., 1910 г.

«Отечественныя Записки» (1818—1884).—Основаны П. Свиньинимъ въ видѣ сборника историческаго содержанія. Съ 1820 — 1830 г.г. выходили ежемѣсячно; въ 1839 г. право на изданіе «О. Зап.» приобрѣлъ А. Краевскій. Въ 1855 г. на страницахъ «От. Зап.» появились главы «Фрегата Паллады» («Ликейскіе острова» и «Манилла»); въ 1859 г. въ № 1—4 былъ напечатанъ полностью «Обломовъ». Въ 1861 г. «Эпизоды изъ жизни Райскаго».

Павловъ, Михаилъ Григорьевичъ († 1840).—Профессоръ Московск. университета по кафедрѣ минералогіи, сельскаго хозяйства и физики; послѣднюю П. граковалъ съ точки зрѣнія натуръ-философіи. Былъ однимъ изъ первыхъ призеренцевъ въ Россіи Шеллинга.

«Паллада». Пятидесяти-двухъ пушечный парусный фрегатъ. Экипажъ «П.», во время ея отплытія къ берегамъ Японіи, состоялъ изъ 450 нижнихъ чиновъ и 20 офицеровъ, подъ командой капитанъ-лейтенанта И. С. Унковскаго. (И. С. У.; «капитанъ» въ очеркахъ Гончарова). Офицерами «П.» состояли: капитанъ-лейтенантъ К. Н. Посетъ. (П., К. Н. П., П—ть); лейтенанты: В. А. Римскій-Корсаковъ (В. А., К. Р.-К.), А. А. Бутаковъ, (А. А. Б.), П. А. Тихменевъ (П. А.; Т. А. Т.), баронъ Н. Крюднеръ (Б. К.), С. Тырковъ (Т.), Н. Н. Савичъ (С.), Дварцъ, И. П. Вѣлавиенецъ (И. П. Б.), А. А. бар. Шлиппенбахъ (Б. Ш.); мичманы: П. Анжу, Болтинъ (Б.), П. А. Зеленый (З.; М. З.), А. А. Колокольниковъ (К.); артиллеріей завѣдывалъ капитанъ К. И. Мосевъ (К. И. Л.; Л.); штурманами были: капитанъ А. А. Хализовъ («Дѣды»), поручикъ Левъ Поповъ (Л. А. Л.); подпоручикъ И. Е. Моисеевъ. Въ составъ экипажа «П.» входили также содержатель по шкиперской части поди. Истоминонъ, корабельный инженеръ Залубинъ, унтеръ-цейхвахтеръ Плюшкинъ и врачи: Арефѣевъ (А.) и Г. Вейрихъ (В.). Кромѣ того на кораблѣ находились: секретарь адмирала Гончаровъ, переводчикъ О. И. Гошкевичъ (О. А., О. А. Г., Г—ичъ) и архимадритъ Аввакумъ.

Въ Портсмутѣ на П. съѣлъ начальникъ экспедиціи, адмиралъ Путятинъ, лично производившій въ Англіи приготовленія къ продолжительному плаванію

«Съ самыми лучшими чувствами симпатіи и добрыхъ воспоминаній обращаюсь я постоянно къ этой эпохѣ плаванія по морямъ, къ кругу этихъ отличныхъ людей, и встрѣчаюсь съ ними всегда, какъ будто не разставался никогда», писалъ позднѣе Гончаровъ («Черезъ 20 лѣтъ»). А между тѣмъ, несмотря на стекшіе почти 60 лѣтъ со дня появленія гончаровскихъ очерковъ «П.», имена тихъ «отличныхъ людей» печатаются въ текстѣ съ сокращеніями и путаницей

иниціаловъ, при чемъ эти инициалы нерѣдко варьируются на протяженіи двухъ томовъ, то обозначая въ видѣ одной буквы лишь фамилію, то, въ видѣ двухъ,—имя и отчество, или чинъ и фамилію (М. З.—мичманъ Зеленый или Б. К.—баронъ Крюднеръ).

Осенью 1852 г. «П.» была готова къ дальнему плаванію: на ней отправлялась экспедиція адмирала Путятина для установленія торговыхъ сношеній съ Японіей (для экспедиціи къ русскимъ владѣніямъ въ Америкѣ—такъ указывалась оффиціально дѣль путешествія). 7 окт. 1852 г. «Паллада» снялась съ якоря и вышла въ море. Путь ея лежалъ: черезъ Финскій заливъ, Зундъ, Каттегатъ и Скагерракъ въ Нѣмецкое море; отсюда черезъ Британскій каналъ на Спидгейтскій рейдъ (Портсмуть), гдѣ «П.» была введена въ докъ; изъ Англій фрегатъ вышелъ въ сопровожденіи купленной тамъ шкуны «Востокъ».

Плаваніе по Атлантическому океану (съ заходомъ на о. Мадеру и острова Зеленаго мыса) продолжалось до середины марта 1853 года. Отсюда послѣ мѣсячной остановки на мысѣ Доброй Надежды, фрегатъ взялъ путь къ о. Явѣ (Анжерскій рейдъ); зайдя на Сингапуръ и въ Гон-Конгъ, «П.» бросила якорь въ портѣ Ллойдъ (остр. Бонинъ-Сима), гдѣ ее ожидалъ корветъ «Оливуца» и транспортъ¹⁾ американской компаніи «Князь Меншиковъ»; во главѣ этихъ судовъ и шкуны «Востокъ», (см.) послѣ десятидневнаго плаванія, «П.» вошла на рейдъ Нагасакъ. Переговоры съ японцами шли медленно. Губернаторъ Нагасакъ, получивъ письмо отъ адмирала, отвѣтилъ, что «увидѣлъ письмо съ удовольствіемъ и хорошо понялъ и что постарается все исполнить. Принять адмирала, безъ позволенія, не смѣетъ, но что послалъ уже курьера въ Едо и отвѣтъ надѣется получить скоро».

Три мѣсяца простояла «П.» на нагасакскомъ рейдѣ въ ожиданіи полномочныхъ японскаго правительства.

Тревожныя вѣсти изъ Европы (приготовленія къ восточной войнѣ) и недостатокъ провизіи заставили «П.» сняться съ якоря и идти къ Сѣдѣльнымъ островамъ, откуда была послана за бумагами и письмами шкуна по р. Янсекиану въ Шанхай. Изъ Шанхая дошли до фрегата первыя извѣстія о близкомъ разрывѣ Россіи съ западными державами. Во избѣжаніе захвата англійскими судами «П.» слѣшно вышла въ море и черезъ четверо сутокъ бросила якорь на томъ же нагасакскомъ рейдѣ. Болѣе мѣсяца простояла «П.» въ Нагасакахъ. Сношенія съ японцами и прибывшими уполномоченными наладились, но подписаніе торговаго договора зависѣло не отъ нихъ, а отъ рѣшенія правительства въ Едо. Въ виду полной неизвѣстности, что дѣлается въ Европѣ, начальникъ экспедиціи не сталъ засиживаться въ Нагасакахъ и снялся съ якоря, объявивъ японцамъ, что воротится «не раньше весны». «Паллада» взяла курсъ на Ликейскіе острова (портъ Напа-Кіянъ) и отсюда на Маниллу. Изъ Маниллы «П.» направила путь къ острову Гамильтону, куда долженъ былъ придти транспортъ съ вѣстями изъ Шанхая. Въ пути бурей раскачало мачты у фрегата и «П.» вынуждена была, зайдя въ Батанъ (гдѣ ее ждала шкуна), идти въ портъ Пю-Квинто для починки. Привезенныя транспортомъ въ бухту острова Гамильтона извѣстія изъ Шанхая не заключали ничего новаго: говорилось о приготовленіяхъ къ войнѣ, но не о начавшихся военныхъ дѣйствіяхъ и потому не было основанія прерывать начавшіяся переговоры съ Японіей. Въ Гамильтонѣ эскадра вновь раздѣлилась. «Князь Меншиковъ» былъ посланъ въ Шанхай взять бумаги и почту изъ Европы; шкуна «Востокъ» отправлена въ портъ Напа-Кіянъ для сношенія съ экспедиціей Перри, а «Оливуца» получила назначеніе идти въ Камчатку. «Паллада»-же снова взяла курсъ на Нагасаки²⁾.

¹⁾ Фрегатами и назывались военные корабли, имѣвшіе одну закрытую батарею и одну открытую; корветъ—имѣлъ одну открытую батарею; шкуна—небольшое судно съ артиллеріей на верхней палубѣ; транспортъ—грузовое судно.

²⁾ Нѣсколько медленны были ночтовыя сообщенія: восточная война началась въ ноябрѣ 1853 г., а въ началѣ апрѣля 1854 г. до Шанхая и Маниллы дошли лишь вѣсти о разрывѣ Россіи съ державами.

Въ Нагасакахъ все еще не было получено отвѣта изъ Едо: японцы за-тягивали переговоры. Послѣ недѣльной стоянки, въ Едо было послано письмо адмирала съ приглашеніемъ японскимъ полномочнымъ прибѣть въ Аниву для дальнѣйшихъ переговоровъ, а «П.» въ море и, обогнувъ острова Гото и Чу-Сима, направилась къ берегамъ Кореи, куда должны были придти шкуна и транспортъ. Въ Татарскомъ проливѣ, въ бухтѣ глухого манчжурскаго берега, «П.» встрѣтила шкуну и транспортъ, получила извѣстія о начавшейся уже войнѣ³⁾ и приказъ идти къ русскимъ берегамъ, чтобы тамъ ждать дальнѣйшихъ распоряженій. Обратный путь «П.» намѣчался кругомъ береговъ Америки, но штормы и ураганы избили фрегатъ. «П.» отслужила свой вѣкъ, состарилась. На смѣну ей уже шли фрегаты «Діана» и «Аврора». Послѣ долгихъ поисковъ первый изъ нихъ встрѣтился съ «П.» у восточнаго берега Сибири. Попытка ввести глубокосидящій фрегатъ въ устье Амура не удалась. Тогда «П.» подъ конвоемъ отвели въ Императорскую гавань (въ Татарскомъ проливѣ) и, во избѣжаніе захвата фрегата непріателемъ, его разоружили. Отъ «П.» осталось лишь одно днище. Такъ закончилось «кругосвѣтное плаваніе» «П.» (съ октября 1852 г. по сентябрь 1854 г.) и самое существованіе фрегата. Ср. «Черезъ двадцать лѣтъ» Гончарова и «Записки А. Линдена, бывшаго гардемаринномъ на «П.» и очевидноемъ ея послѣднихъ дней («Р. Ст.» 1905 г., апрѣль).

Палласъ, Петръ-Симонъ (1741—1811).—Извѣстный естествоиспытатель и путешественникъ; прибылъ въ Россію по приглашенію Императрицы Екатерины II и занялъ мѣсто адъюнкта Академіи Наукъ. Съ научной цѣлью посѣтилъ Кавказъ, Крымъ и Закаспійскій край. Его «Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства» (Спб., 1773—78) читаль Гончаровъ въ дѣтствѣ.

Паркъ-Мунго (1771—1806).—Англійскій путешественникъ. Его путеше-ствіе по центральной Африкѣ читаль Гончаровъ въ дѣтствѣ (Автобіографія).

Пассекъ, Вадимъ Васильевичъ (1809—1842).—Членъ кружка Герцена; учился вмѣстѣ съ Гончаровымъ въ Моск. университетѣ. О немъ: А. Герценъ. «Былое и думы»; Т. Пассекъ, «Изъ дальнихъ лѣтъ», Спб. 1906. Т. I и II. «*Reau de chagrin*» («Обыкн. ист.»).—См. Вальзакъ.

Перри (1794—1858).—«Американскій командоръ», начальникъ экспеди-ціи въ Японію, эскадру котораго встрѣтила «Паллада» въ портѣ Прайя; первый изъ европейцевъ заключилъ съ японцами договоръ, на основаніи котораго Япо-нія открывала американцамъ гавани: Симоно и Хакодате.

Петербургъ.—Съ 1835 г. Гончаровъ поселился въ Спб., покидая его для кругосвѣтнаго путешествія и для кратковременныхъ отлучекъ лѣтомъ на родину, или за границу. Послѣдніе 30 лѣтъ Гончаровъ провелъ въ Петербургѣ, проживая въ одной и той же квартирѣ (Моховая, 3), состоявшей изъ трехъ комнатъ. Къ фасаду этого дома теперь прибита мраморная доска съ надписью: «Въ этомъ домѣ жилъ 30 лѣтъ и скончался 15-го сентября 1891 г. И. А. Гончаровъ». Въ Петербургѣ же, на Никольскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры, нахо-дится и могила писателя. Столичное городское управленіе, по случаю исполнив-шагося 100 лѣтія со дня рожденія Гончарова, рѣшило наименовать именемъ Гон-чарова одну изъ бесплатныхъ народныхъ читаленъ и одинъ изъ новыхъ училищ-ныхъ домовъ, а также поставить памятникъ на могилѣ писателя, взамѣнъ тепе-ршняго ветхаго деревяннаго креста.

Писаревъ, Александръ Александровичъ (1780—1848).—Генералъ-маіоръ, писатель и попечитель московскаго университета. По выраженію Герцена,

³⁾ Экспедиція занималась въ это время описаніемъ береговъ Кореи. Корейскій берегъ былъ совершенно не обследованъ въ ту пору и не имѣлъ сколько-нибудь сносной карты. «Единственный уголокъ міра, укрытый до нашего времени отъ пытливаго вниманія мореплавателей», такъ называлъ Корею «Морск. Сборн.», помѣщая отчетъ о работахъ моряковъ «Пал.» и, составленную ими, карту («М. Сб.», Янв., 1855 г.). Именами участниковъ «Пал.» названы заливъ и мысы корейскаго берега: мысъ М. Шварца, бухта Болтина: ими же названъ одинъ изъ заливовъ Лазаревскимъ, въ честь адмирала М. П. Лазарева.

«остригъ студентовъ и основательно научилъ застегивать вицъ-мундирные сюртуки». О «военномъ управленіи» П. университетомъ, см. «Былое и думы», I, 444. О П.—ѣ Сухомлиновъ, «Исторія російской академіи», т. 7-й.

Писаревъ, Дмитрій Ивановичъ (1840—1868).—Въ двухъ своихъ статьяхъ 1861 г.: «Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ» и «Женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова» П. называлъ трехъ названныхъ романистовъ «важнѣйшими представителями русской поэзіи», но отношеніе критика къ творчеству Гончарова, отрицательное, ибо Гончаровъ «творитъ для процесса творчества, не заботясь о степени важности тѣхъ предметовъ, которые онъ воспѣваетъ». См. Приложеніе: «Гончаровъ въ критикѣ».

Писемскій, Алексій Теофиловичъ (1820—1881).—Первое произведеніе П. «Боярщина» было запрещено цензурой (напечатано лишь въ 1858 г.); въ 1850 г. появился въ «Москвѣ» его «Тюфякъ», въ 1851 г. «Богатый женихъ», въ 1855 г. «Плотничья артель», въ 1858 г. «Тысяча душъ». Письма къ П.—ому Гончарова: «Новъ» 1891 г. №№ 13, 14. О немъ: С. Венгеровъ. Сочиненія, т. VI (тамъ же библиографія). Сочиненія Писемскаго, Спб. 1896 г. (2-ое изд., изданы въ 22 томахъ. 3-е изд. дано въ видѣ приложенія къ «Нивѣ» 1910—1911 г.г.).

Побѣдоносцевъ, Петръ Васильевичъ (1771—1843).—Профессоръ рос. словесности въ московскомъ университетѣ. О немъ упом. Гончаровъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ».

«Подснѣжникъ», журналъ для дѣтскаго и юношескаго возрастовъ, издававшийся Влад. Н. Майковымъ (1858—1860). Гончаровъ принималъ участіе въ «П.», помѣстивъ въ №№ 2 и 3 (1858 г.) два очерка подъ общимъ заглавіемъ: «Два случая изъ морской жизни». Оба эти очерка не вошли въ изданіе «Фрегата Паллады» и на существованіе ихъ впервые обратилъ вниманіе А. А. Мазонъ въ «Русск. Ст.», 1912 г., № 6, стр. 515—516.

Погодинъ, Михайль Петровичъ (1800—1875).—Историкъ и журналистъ; профессоръ московскаго университета по кафедрѣ р. исторіи. «Читалъ онъ скучно, вспоминаетъ Гончаровъ, безцвѣтно, монотонно и невнятно, но былъ очень щекотливъ, когда замѣчалъ въ комъ-нибудь невниманіе къ себѣ. Онъ не скупился на выговоры, заставляя третье-курсныхъ студентовъ, пойманныхъ въ невнимательномъ отношеніи къ лекціи, какъ школьничковъ, повторять послѣднее сказанное имъ слово. Въ его характерѣ и во взглядѣ на науку, «было кое-что напускное». И студенты отлично понимали, какъ дѣланъ его пафосъ, его патріотическое водородушеніе». Они чувствовали, что «онъ человекъкъ себѣ на умѣ». О немъ: Н. П. Барсуковъ, «Жизнь и труды». М. П. П.—а. Спб. 1890—1910 г.г., 22 т.

Полевой, Николай Алексѣевичъ (1796—1846).—Журналистъ, подробнѣе о немъ см. «Сл. Л. Тип.», Вв. VII—VIII, стр. 226—227. Уп. въ «Замѣткахъ о личности Вѣлинскаго».

Полонскій, Леонидъ Александровичъ (1833—1913).—Журналистъ, сотрудникъ «С.-Петербургскихъ Вѣдом.», «Библи. для чтенія», «Голоса», «Вѣстн. Европы» и др. изданій по вопросамъ иностранной и внутренней политики, редакторъ-издатель газеты «Страна» (1880—83 г.г.). Подъ псевдонимомъ Л. Лукьянова П. напечатаны беллетристическіе очерки: «Сумасшедшій музыкантъ», «Оттепель», повѣсти «Надо жить», «Анна» и др. Письмо къ П.—ому Гончарова (по поводу пушкинскаго праздника) «Страна», 1880 г., № 45. Извлеченія изъ этого письма см. ниже: «Пушкинъ».

Посьеть, Константинъ Николаевичъ (1819—1909).—Принималъ въ чинѣ лейтенанта участіе въ экспедиціи Путятина на «Палладѣ». Уже въ то время былъ извѣстенъ своими военными трудами, изъ которыхъ одинъ («Вооруженіе военныхъ флотовъ») былъ отмѣченъ демидовскою преміей. Позднѣе былъ министромъ путей сообщенія и членомъ Госуд. Совѣта.

Пыпинъ, Александръ Николаевичъ (1833—1905).—Академикъ; авторъ трудовъ: «Общ. движеніе въ Россіи при Алекс. I», изд. 4-ое, Спб., 1908 г.;

«Характеристика лит. мнѣній отъ 1820 до 50-хъ г.г.», 3-е изд., Спб., 1906 г.; «Исторія р. этнографіи», Спб., 1891 г., 4 т.; «Ист. р. литературы», Спб. 1902 г., 4 т., 2-ое изд.; «Вѣлискій, его жизнь и переписка», 2-ое изд., Спб., 1908 г. и многихъ изслѣдованій по исторіи литературы и общественности; сотрудникъ «Современника» и соредакторъ Некрасова 1865—66 г.г., съ 1867 г. ближайшій сотрудникъ «Вѣстн. Евр.»—Письмо къ П—у Гончарова, см. въ книгѣ Е. Ляцкого, И. А. Гончаровъ, Спб., 1912 г..

Пуятинъ, графъ, Евфимій Васильевичъ (1803—1883). — Адмираль. Въ 1852 г. получилъ командировку въ Японію для заключенія торговаго договора. Секретаремъ И—а былъ назначенъ Гончаровъ (см. Перечень: «Фрегатъ Паллада»). Позднѣе (1861 г.) не долгое время занималъ должность министра народнаго просвѣщенія. О немъ: Бар. Шиллингъ — «Восп. стар. моряка», «Р. Арх.» 1892 г., № 5—6; А. Линденъ, «Записки», «Русск. старина», 1905 г., № 4.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ (1799—1837).—Гончаровъ считалъ великаго поэта своимъ учителемъ (Пушкинъ «былъ нашъ учитель и я воспитался, такъ сказать, его поэзіей...»). («Лучше, поздно, чѣмъ никогда»). «Пушкина, вспоминалъ Гончаровъ, я увидѣлъ впервые въ Москвѣ, въ церкви Никитскаго монастыря. Я только что начиналъ читать его и смотрѣлъ на него болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ другимъ чувствомъ». (А. Ѳ. Кони: «Гончаровъ о П—ѣ», «Русск. Стар.», 1899 г., № 5). «Я не спускалъ съ него (Пушкина) глазъ», писалъ Гончаровъ въ другомъ мѣстѣ («Воспомин.»). Въ годы студенчества Гончаровъ былъ свидѣтелемъ посѣщенія Пушкинымъ московскаго университета. «Для меня точно солнце озарило всю аудиторію: я въ то время былъ въ чаду обаянія отъ его поэзіи; я питался ею, какъ молокомъ матери; стихъ его приводилъ меня въ дрожь восторга. На меня, какъ благотворный елей, падали строфы его созданій («Евгенія Онѣгина», «Полтавы» и др.). Его генію я и всѣ тогдашніе юноши, увлекшіеся поэзіей, обязаны непосредственнымъ вліяніемъ на наше эстетическое образованіе» («Воспом.»). Вторая мимолетная встрѣча съ Пушкинымъ въ Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Смирдина, глубоко врѣзалась въ память Гончарову. По цитованному уже разказу А. Ѳ. Кони, Гончаровъ запомнилъ и «дѣловой видъ» поэта и его лицо «матовое съ сжужженными книзу русыми бакенбардами». Пушкинъ, прибавляетъ Гончаровъ, былъ въ это время для молодежи все, всѣ ея упованія, сокровенныя чувства, чистѣйшія побужденія, всѣ гармоническія струны души, вся поэзія мыслей и ощущеній—все сводилось къ нему, все исходило отъ него..

«Я помню извѣстіе о его кончинѣ. Я былъ маленькимъ чиновникомъ «переводчикомъ», въ департаментѣ внѣшней торговли. Работы было немного—и я для себя,—безъ всякихъ цѣлей, писалъ, сочинялъ, переводилъ, изучалъ поэтовъ и эстетиковъ. Особенно меня интересовалъ Винкельманъ. Но надо всёмъ господствовалъ онъ. Въ моей скромной чиновничьей комнатѣ на полочкѣ, на первомъ мѣстѣ, стояли его сочиненія, гдѣ все было изучено, гдѣ всякая строка была прочувствована, продумана... И вдругъ пришли и сказали, что онъ убитъ, что его болѣе нѣтъ... Это было въ департаментѣ. Я вышелъ изъ канцеляріи въ корридоръ, и горько, горячо, не владѣя собою, отвернувшись къ стѣнѣ и закрывая лицо руками, заплакалъ. Тоска ножемъ рѣзала сердце и слезы лились въ то время, когда все еще не хотѣлось вѣрить, что его уже нѣтъ, что Пушкина нѣтъ! Я не могъ понять, чтобы тожь, предъ кѣмъ я склонялъ мысленно колѣна—лежалъ бездыханенъ... И я плакалъ, горько и неутѣшно, какъ плачутъ по полученіи извѣстія о смерти любимой женщины... Нѣтъ, это невѣрно, по смерти матери, да, матери... Чрезъ три дня появился портретъ Пушкина съ подписью: «погасъ огонь на алтарѣ»..., но цензура и полиція поспѣшили его запретить и уничтожить...» (Изъ письма къ А. Ѳ. Кони. «Русск. Стар.» 1899 г., май, стр. 265—66).

Гончаровъ «въ поклоненіи своемъ» Пушкину «остался вѣренъ ему навсегда, несмотря на позднѣйшее знакомство съ корифеями французской, нѣмецкой и англійской литературъ» (Автобіографія Г—а). И въ «Милльонѣ терза-

ній» и въ «Лучше поздно, чѣмъ никогда», Гончаровъ повторяетъ мысль, «что Пушкинъ—отецъ, родоначальникъ русскаго искусства, какъ Ломоносовъ—отецъ науки въ Россіи. Въ Пушкинѣ кроются всѣ сѣмена и зачатки, изъ которыхъ развились потомъ всѣ роды и виды искусства во всѣхъ нашихъ художникахъ, какъ въ Аристотелѣ крылись сѣмена, зародыши и намеки почти на всѣ послѣдовавшія вѣтви знанія и науки». Гончаровъ считалъ себя «питомцемъ школы великаго поэта», вскормленнымъ его поэзіей и сохранилъ «въ себѣ навсегда обаяніе его генія» («Нарушеніе воли»). Герои Гончарова—Александръ Адуевъ и Райскій—также хорошо знаютъ и любятъ Пушкина. Цитаты изъ Пушкина не рѣдкость и въ «Обыкновенной Исторіи» и въ «Обрывѣ».

Въ 1856 г. Гончарову по должности цензора пришлось пропускать въ печать» дополнительный томъ анненковскаго изданія сочиненій Пушкина и на дѣлѣ за-свидѣтельствовать свою любовь къ великому поэту. (О мытарствахъ, которыя испытала изданія сочиненій Пушкина, см. «Сл. Л. Типовъ», вып. 7 и 8, стр. 303). Гончаровъ, первый изъ цензоровъ Пушкина, призналъ, что «уваженіе къ памяти поэта требуетъ всевозможной пощады при цензурномъ разсмотрѣніи его сочиненій». Ср. ниже—«Пензурное вѣдомство».

Когда (6-го іюня 1880 г.) Петербургъ вмѣстѣ съ Москвой праздновалъ открытіе всероссійскаго памятника Пушкину, Гончаровъ былъ избранъ предсѣдателемъ торжественнаго обѣда. Уклоняясь по болѣзни отъ этой чести, онъ писалъ редактору газеты «Страна», Л. А. Полонскому: «медикъ немедленно высылаетъ меня отсюда (изъ Слб.) и я послѣ завтра уѣзжаю, если только буду въ силахъ сдѣлать и это. «Не случись этой невзгоды со мной, счелъ бы святою своею обязанностию, безъ всякихъ напоминаній, у подножія памятника, въ Москвѣ, вмѣстѣ съ другими писателями, поклониться памяти нашего общаго великаго образца и учителя въ искусствѣ, и моего особенно. Объясню послѣднія два слова. Я по лѣтамъ своимъ старше всѣхъ современныхъ писателей; принадлежу къ лучшей порѣ расцвѣтанія пушкинскаго генія, когда онъ такъ обаятельно дѣйствовалъ на общество, особенно на молодыя поколѣнія. Старики еще ворчали и косились на него, тогда какъ мы всѣ падали на колѣни предъ нимъ. Первымъ прямымъ учителемъ въ развитіи гуманитета, вообще въ нравственной сферѣ былъ Карамзинъ, а въ дѣлѣ поэзіи мнѣ и моимъ сверстникамъ, 15—16-лѣтнимъ юношамъ приходилось питаться Державинимъ, Дмитріевымъ, Озеровымъ, даже Херасковымъ, котораго въ школѣ выдавали тоже за поэта. И вдругъ Пушкинъ! Я узналъ его съ «Онѣгина», который выходилъ тогда періодически, отдѣльными главами: Боже мой! Какой свѣтъ, какая волшебная даль открылась вдругъ—и какія правды—и поэзіи, и вообще жизни, при томъ современной, понятной, хлынули изъ этого источника, и съ какимъ блескомъ, въ какихъ звукахъ! Какая школа изящества, вкуса, для впечатлительной натуры! Лермонтовъ и Гоголь не были, собственно, моими учителями, я уже самъ созрѣвалъ тогда и пописывалъ, Бѣлинскій регулировалъ весь тогдашній хаосъ вкусовъ эстетическихъ и другихъ понятій и проч., тогда мой взглядъ на этихъ героевъ пера сталъ опредѣленнымъ и строже. Явилась сознательная критика, а чувство къ Пушкину оставалось то же». «Страна», 1880 г., № 45. перепечатка въ Сборн. «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину». Слб. 1880 г., стр. 79—81.

Радклифъ, Анна (1764—1823).—Англійская писательница, авторъ романовъ-ужасовъ: «Удольфскія тайны», «Лѣсной романъ» и др. Гончаровъ въ дѣтствѣ познакомился съ романами Р., читая ихъ «въ чудовищныхъ переводахъ» (Автобіографія).

Римскій-Корсаковъ, Воинъ Андреевичъ (1822—1871).—Братъ извѣстнаго русскаго композитора, спутникъ Гончарова по кругосвѣтному плаванію; былъ на фрегатѣ «Палладъ», при ея отправленіи, старшимъ лейтенантомъ, затѣмъ командовалъ шкуной «Востокъ»; впоследствии былъ директоромъ Морского Корпуса и умеръ въ чинѣ адмирала.

Россійско-Американская компанія (1781—1867).—Частная компанія для производства пушного промысла въ Аляскѣ и на о. Вост. Океана, ставила себѣ также задачей: открытіе новыхъ земель, установленіе торговыхъ сношеній съ туземцами и ихъ просвѣщеніе. Подобная же компанія вскорѣ возникла и въ Иркутскѣ; въ 1798 г. обѣ компаніи соединились и приняли названіе «Р. А. К.» и образовали одно акц. общество. Вскорѣ компаніи была дана жалованная грамота и привиллегіи. Во главѣ управленія дѣлами, стоялъ главный правитель, утверждаемый правительствомъ. Во главѣ отдѣловъ (всѣхъ отдѣловъ было шесть) стояли начальники правители конторъ. «Р. А. К.» имѣла въ своемъ распоряженіи всѣ морскія промыслы; ея вѣдѣнію были подчинены всѣ колоніальныя дѣла. Она вела оживленныя сношенія съ Америкой и Англіей, и имѣла свой флотъ, совершавшій даже кругосвѣтныя плаванія. Одно изъ компанейскихъ судовъ «Кн. Меншиковъ» участвовало временно въ экспедиціи гр. Путятина въ Японію. Съ уступкой Аляски С.-Штатамъ и прекращеніемъ привиллегій, прекратилась и дѣятельность «Р. А. К.».

Ролленъ, Шарль (1661—1741).—Французскій историкъ, авторъ «Древней» и «Римской исторіи». Переводъ «Всемирной исторіи» Р., сдѣланъ В. К. Третьяковскимъ. «Исторію Р.» читалъ въ дѣтствѣ Гончаровъ.

Рудольфъ, Аделаида Карловна, вѣдущая въ замужествѣ Дмитріева. Ея черты находили въ Вѣрѣ «Обрыва». По характеристикѣ, сдѣланной ея сестрой Елисаветой Карловной, Ад. Карл. очень нравилась Гончарову своей серьезностью, начитанностью и свѣтлымъ и правдивымъ умомъ. Онъ одно время увлекался ею и проводилъ цѣлыя часы въ разговорахъ съ ней. Она поразила его своею силой воли и характера, и ея черты находили вѣдущіе въ его Вѣрѣ, героинѣ «Обрыва».

Рудольфъ, Елисавета Карловна, въ замужествѣ Гончарова (жена племянника писателя). Ея дополненія къ воспоминаніямъ мужа («Вѣстн. Евр.», 1908, XII.

Рудольфъ, Эмилиа Карловна. Младшая сестра предыдущихъ. По словамъ Елисаветы Карл. Рудольфъ, была беззаботное, веселое существо, любила заниматься хозяйствомъ, кормить куръ и коровъ». У нея хранился «календарь, на которомъ сдѣлана Иваномъ А—чемъ надпись: «Кузинѣ миленькой,—кузинѣ маленькой,—кузинѣ пьющей молоко». «Вѣстн. Евр.», 1908, XII. Ея черты нашли отраженіе въ Марейнкѣ.

«**Русская Рѣчь**» (1879—1882).—Ежемесячный журналъ, издававшійся въ Спб. Н. А. Навроцкимъ. Гончаровымъ были напечатаны въ «Р. Р.»: «Лучше поздно, чѣмъ никогда» (1879 г.) и «Литературный вечеръ» (1880 г.).

«**Русскій Вѣстникъ**» (1856—1887)—ежемесячный журналъ, издававшійся М. Н. Катковымъ въ Москвѣ. Въ 1856—57 г. Гончаровъ помѣстилъ въ «Р. В.» двѣ главы изъ «Фрег. Паллады».

«**Русское Обзоріе**», журналъ, выходившій въ Москвѣ (1890—1898) подъ редакціей кн. Д. Цертелева и позднѣе, А. А. Александрова. Въ «Р. О.» Гончаровъ напечаталъ: «По Восточной Сибири» 1891 г., № 1; послѣ смерти Гончарова, въ «Р. О.» появился очеркъ «Намѣренія, задачи и идея романа «Обрывъ», 1895 г., № 1 (въ собр. сочин. Гончарова не вошелъ).

«**Русское Слово**» (1859—1866).—Ежемесячный журналъ, издававшійся гр. Г. Куселевымъ-Безбородко и позднѣе Благосвѣтловымъ и закрытый по Высочайшему повелѣнію. Въ 1861 г. въ «Р. С.» появились статьи Д. И. Писарева о Гончаровѣ. См. выше, Писаревъ.

Савичъ, Нинаноръ Нинаноровичъ. Во время кругосвѣтнаго плаванія Гончарова на «Палладѣ», былъ лейтенантомъ. «Лихой морякъ» называетъ Гончаровъ С., уже умершаго, въ своихъ воспоминаніяхъ «Черезъ двадцать лѣтъ». О немъ: «Фрег. Палл.», I, 4.

Сабуровъ, Александръ Матвѣевичъ (1800—1831). — Артистъ Имп. моск. театровъ.

Садовскій (Ермиловъ), Провъ Михайловичъ (1818—1872).—Артистъ моск. Имп. театровъ. См. В. Родиславскій. «Русск. Вѣстн.» 1872 г., № 7.

Самойлова, Вѣра Васильевна въ замужествѣ Мичурина († 1880). — Артистка, лучшая исполнительница Софьи въ ком. «Горе отъ ума».

Самойловъ, Василій Васильевичъ (1813—1887).—Артистъ Спб. Императорскихъ театровъ. Воспом. С—а «Р. С.», 1875 г., № 1; тамъ же «Сорокалѣтіе арт. дѣят. С—а».

Сатинъ, Николай Михайловичъ (1814—1873).—Поэтъ и переводчикъ (Байрона, Шекспира, Гёте); другъ Герцена, Огарева и Бѣлинскаго; сотоварищъ Гончарова по московскому университету. Отрывки изъ воспоминаній С. см. Сборникъ «Починъ». Спб. 1895 г.

Семевскій, Михаилъ Ивановичъ (1837—1892).—Писатель, основатель журнала «Русская Старина» (1870 г.). См. В. Тимошукъ. С., основатель истор. журнала «Русск. Ст.» Спб. 1895 г. Письмо къ С—ому Гончарова: «Русск. Стар.» 1891 г., № 8.

Симбирскъ—основанъ въ 1648 году. Въ С., 6 іюня 1812 года, родился Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Въ С. же прошли его дѣтскіе годы, до поступления въ московское коммерческое училище; вспоминая дѣтскіе дни, Г. писалъ: «Домъ у насъ, что называется, полная чаша, какъ впрочемъ было почти у всѣхъ семейныхъ людей въ провинціи, имѣвшихъ по близости деревню. Большой дворъ, даже два двора, со многими постройками: людскими конюшнями, хлѣвами, сараями, амбарами, птичникомъ и баней. Свои лошади, коровы, даже козы и бараны, куры и утки—все это населяло оба двора. Амбары, погреба, ледники переполнены были запасами муки, разнаго пшена и всяческой провизіи для продовольствія нашего и обширной дворни. Словомъ, цѣлое имѣніе, деревня». «Меня, воспоминаетъ Гончаровъ, нерѣдко манили куда-то вдаль широкіе разливы Волги, со множествомъ плавающихъ, какъ лебеди, бѣлыхъ парусовъ. Я цѣлые часы мечтательно, еще ребенкомъ, взглядывался въ эту широкую пелену водъ». По окончаніи университетскаго курса (1834 г.) Гончаровъ вновь пріѣхалъ въ Симбирскъ—«на родину, домой, къ своимъ». «Обломовщина», знакомая ему съ дѣтства, вновь пахнула на него. «И по пріѣздѣ домой, по окончаніи университетскаго курса, меня обдало тою же «Обломовщиной», какую я наблюдалъ въ дѣтствѣ. Самая наружность родного города не представляла ничего другого, кромѣ картины сна и застоя. Тѣ же, болшею частью, деревянные, посѣрѣвшіе отъ времени дома и домишки съ мезонинами, съ садиками, иногда съ колоннами, окруженные канавками, густо заросшими полынью и крапивой, безконечные заборы; тѣ же деревянные тротуары, съ недостающими досками, та же пустота и безмолвіе на улицахъ, покрытыхъ густыми узорами пыли»... «Родимый городъ не представлялъ никакого простора и пиши уму, никакого живого интереса для свѣжихъ, молодыхъ силъ»; тѣмъ не менѣе на службѣ въ Симбирскѣ Гончарову пришлось пробыть около года, плывя «по теченію мѣстной жизни». Въ 1849 г. послѣ четырёхъ надцатилѣтняго отсутствія, Гончаровъ вновь посѣтилъ С.; не надолго заглянулъ онъ въ родной городъ и, 1862 г.—Впечатлѣніями С—а навѣяны картины и сцены и въ «Обломовѣ» и въ «Обрывѣ». Ср. выше Князяковка, «Обломовъ», «Обрывъ», «Об. Ист.». Въ 1868 г. въ С—ѣ, въ изданіи губернскаго статистическаго комитета, вышелъ «Сборникъ истор. и статист. матеріаловъ; для этого сборника, по просьбѣ редакціи, Гончаровъ доставилъ свою автобіографію (см. ниже, Прил. 4-ое). Въ симбирской архивной комиссіи хранятся гончаровскія рукописи и книги.

Въ 1902 г. та же комиссія возбудила ходатайство о разрѣшеніи всероссійской подписки на памятникъ Гончарову, но ходатайство было отклонено мин. внутреннихъ дѣлъ: «въ виду незначительности времени прошедшаго послѣ смерти Гончарова», т. е. «извѣстность его какъ писателя и заслуги его на этомъ поприщѣ едва ли пріобрѣли настолько распространенное во всѣхъ слояхъ населе-

нія значеніе, чтобы было своевременнымъ возбуждать вопросъ о почтении его памяти сооружеиіемъ памятника путемъ повсемѣстнаго въ Имперіи сбора пожертвованія». Отъ стараго дома Гончаровыхъ въ С—ѣ не уцѣлѣло слѣда. Этотъ домъ былъ уступленъ Ив. Александровичемъ брату Николаю въ полную собственность и вскорѣ же проданъ новымъ владѣльцамъ и перестроенъ. Въ 1907 г. нынѣшніе собственники дома, наслѣдники К. И. Юргенса, помѣстили на фасадѣ черную гранитную доску съ барельефомъ писателя, работы Б. М. Микѣшина, и съ надписью: «Здѣсь родился Иванъ Александровичъ Гончаровъ». Въ 1912 г. въ С. была открыта «Гончаровская выставка», сборъ съ которой предназначался на памятникъ писателю.

«Складчина»—сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая Самарской губерніи. Спб. 1874. Гончаровъ былъ членомъ редакціоннаго комитета «С.» и напечаталъ въ «Сборникѣ» свои воспоминанія: «Черезъ двадцать лѣтъ».

Смирдинъ, Александръ Филипповичъ (1795—1857).—Извѣстный книгопродавецъ, издатель «собраній сочиненій русскихъ авторовъ. Въ лавкѣ Смирдина Гончаровъ встрѣтилъ Пушкина. См. А. Ѳ. Кони, «Русск. Стар.» 1899 г. № 5.

Снегиревъ, Иванъ Михайловичъ (1793—1868).—Профессоръ древностей и римской словесности при московскомъ университетѣ и цензоръ. Извѣстенъ своими трудами по русской исторіи и народной словесности («Русскіе въ своихъ пословицахъ», «Лубочныя картинки»). Сочиненія его изданы подъ заглавіемъ «Старина р. земли». М. 1871 г., т. I. См. «Біогр. Словарь профессор. Московск. Унив.». М. 1855. Его «Дневникъ», «Р. Арх.» 1902 г., №№ 6—10.

«Современникъ» (1836—1866).—Журналъ Пушкина, продолжавшійся П. А. Плетневымъ; въ 1847 г. во главѣ изданія встали Некрасовъ и Панаевъ; въ «С.» же перенесъ свою дѣятельность Бѣлинскій. Въ 1862 г. журналъ былъ временно приостановленъ; въ 1866 г. закрытъ навсегда. Въ первыхъ книгахъ обновленнаго «С.» были напечатаны: «Бѣдные люди» Достоевскаго, очерки Тургенева («Разказы охотника»), «Кто виноватъ? Герцена и др. Въ № 3—4 появилась «Обыкн. Исторія»; въ 1848 г. «Ив. Сав. Поджабринъ»; въ 1849 г. въ «Литер. Сборн. Совр.» помѣщенъ «Эпизодъ изъ неоконченнаго романа»; «Сонъ Обломова»; въ 1855 и 1856 г.г. въ журналѣ печатались VII и VIII гл. «Фрег. Паллады». Здѣсь же (1860 г.) появились пять главъ «Обрыва», подъ заглавіемъ «С. Н. Бѣловодова».

Соловьевъ, Николай Ивановичъ (1831—1874).—Критикъ; сотрудникъ «Отеч. Записокъ» и позднѣе «Русск. Вѣстн.». Его статья о Гончаровѣ въ «Собраніи критическихъ статей С.» «Искусство и жизнь». М. 1869 г., т. 3-ій, стр. 258—297.

Солоницынъ, Владиміръ Андреевичъ († 1844).—Правитель канцеляріи департамента внѣшней торговли, гдѣ служилъ Гончаровъ въ 40-хъ годахъ, и помощникъ редактора «Библ. для чтенія» (Сенковскаго), близкій человекъ къ дому Майковыхъ. Старчевскій указываетъ на С., какъ одного изъ прототиповъ Адуева и Антона Ивановича. «Ист. Вѣстн.», 1886, № 2, стр. 378. См. «Прототипы».

Солоницынъ, Владиміръ Апполоновичъ. Племянникъ предъидущаго С—а, знакомый Гончарова. На него указываетъ Старчевскій, какъ на лицо, послужившій Гончарову прототипомъ для Адуева-племянника. «Ист. Вѣстн.», 1886 г., № 2, стр. 378.

Сосницкій, Иванъ Ивановичъ (1794—1877).—Артистъ Импер. театровъ.

Сосновка («Обломовъ»). См. Обломовка.

Станкевичъ, Николай Владиміровичъ (1813—1840).—О немъ упоминаетъ Гончаровъ въ своихъ Воспоминаніяхъ «Въ Университетѣ». См. выше, Моск. Университетъ, стр. 307. Сочиненія и Переписка С. М. 1857. Сочиненія. М. 1890. См. Анненковъ. Н. В. С—ѣ. Сочиненія и переписка. Герценъ «Былое и Думы».

Старчевскій, Адальбертъ Викентьевичъ (1818—1901).—Журналистъ, редакторъ «Библ. для Чтенія», издатель первой дешевой газеты «Сынъ Отеч.», знакомый Майковыхъ и Гончарова. См. Его воспоминанія о Дудышкинѣ, гдѣ го-

ворится и о Гончаровѣ, «Ист. Вѣстн.», 1886 г., № 2. «Воспоминанія стараго литератора», «Ист. Вѣстн.», 1888 и 1889 г.г., № 10.

Стасюлевичъ, Михаилъ Матвѣевичъ (1826—1911).—Профессоръ исторіи въ Спб. университетѣ (1859—61 г.г.), извѣстный общественный дѣятель, редакторъ-издатель «Вѣстн. Европы» и душеприказчикъ Гончарова. Въ письмѣ къ Тройницкому, Гончаровъ называетъ С. «идеальнымъ, честнымъ, просвѣщеннымъ и добросовѣстнымъ редакторомъ». Ст., по словамъ Гончарова, «выталкивалъ» его съ такою энергіей за границу, съ какой онъ издаетъ свой журналъ. Онъ и велѣлъ мнѣ не только приготовить первую уже давно написанную мною, но дописать вторую, еще несуществующую половину моего романа («Обрыва») и представить все ему къ январю будущаго (1869) года. Письма Гончарова къ С—у вошли въ 4-ый томъ изданія: «М. М. С—чь и его современники».

Строгановъ, графъ, Сергій Григорьевичъ (1794—1882).—Генераль-отъ-кавалеріи; былъ попечителемъ моск. учебнаго округа 1835—1847 г.г.

Строевъ, Сергій Михайловичъ (1815—1840).—Историкъ; учился вмѣстѣ съ Гончаровымъ на словесномъ отдѣленіи московскаго университета.

Стасовъ, Владиміръ Васильевичъ (1824—1906).—Художественный критикъ; завѣдующій художественнымъ отдѣленіемъ Имп. Публичной библіотеки. Вслѣдствіе просьбы С., обратившагося къ Гончарову съ предложеніемъ передать для храненія въ Библіотекѣ его рукописи, Гончаровъ передалъ черновыя рукописи «Обломова», «Лит. Вечера», и нѣкоторыхъ главъ «Обрыва». См. характерное письмо Гончарова къ С—у, «Русск. Стар.», 1912 г., № 6, стр. 524—27.

Сюлье (Soulié) Мельхиоръ-Фредерикъ (1800—1847).—Французскій романистъ и драматургъ. Его «Mémoires du diable» (1838 г.) читала Н. М. Любецкая. «—Ахъ, какой пріятный авторъ С.! Какъ мило описываетъ!—говорила Любецкая.» («Обыкн. Ист.», I, 5).

Сэй (Сей), Жанъ-Баптистъ (1767—1832).—Французскій экономистъ. Переводы сочиненій С. на русскій языкъ начали появляться въ 20-хъ годахъ XIX стол. Обломовъ, по словамъ Штольца, принесъ ему однажды на именины свой переводъ изъ С., съ посвященіемъ Штольцу (II, 4).

«Сѣверная почта» (1861—1868).—Оффиціозная газета, издававшаяся министерствомъ внутр. дѣлъ. Составителемъ ея программы и первымъ главнымъ редакторомъ былъ А. В. Никитенко (см. его «Дневникъ», II), мечтавшій о проведеніи въ общество примирительныхъ началъ». Съ половины 1862 г. до половины 1863 г., главнымъ редакторомъ «С. П.» состоялъ Гончаровъ, помѣстившій въ газетѣ много своихъ статей безъ подписи. Въ 1869 г. «С. П.» была преобразована въ «Правительственный Вѣстникъ». Гончаровъ считалъ «С. П.» газетой не для чтенія, а для узнанія оффиціальныхъ новостей и кое-какихъ статистическихъ свѣдѣній. «Вѣстн. Евр.», 1908, XII, стр. 431.

«Телеснопъ»—журналъ, издававшійся въ Москвѣ Н. И. Надеждинымъ. Въ 1832 г. Гончаровъ-студентъ помѣстилъ въ «Т—ѣ» переводъ двухъ главъ романа Е. Сю «Атаръ Гюль» (№ 15).

Терновскій, Петръ Матвѣевичъ (1798—1874).—Протоіерей; профессоръ богословія моск. универс.

Тихменевъ, Петръ.—Лейтенантъ. Слутникъ и большой пріятель Гончарова («Фрег. Паллада»).

Толстая, графиня, Александра Андреевна (1817—1904).—Двоюродная тетка Льва Николаевича Толстого; камеръ-фрейлина. «Воспоминанія А. А. Т—й и переписка со Л. Н. Толстымъ» изданы Обществомъ Толстовскаго музея. Спб. 1911. Письма къ ней Гончарова: «Вѣстн. Евр.», 1905 г., № 4.

Толстая, Елизавета Александровна. См. ниже—«Прототипы»—Ольга.

Толстая, графиня, Софія Андреевна, урожденная Бахметева, жена поэта Алексѣя Константиновича Толстого.

Толстой, Левъ Николаевичъ (1828—1910).—Гончаровъ называлъ Т. «великимъ реалистомъ» («Лучше поздно, чѣмъ никогда»). Онъ, по словамъ Гончар-

рова, по своему понялъ, о чемъ хлопочугъ новые реалисты, и, обладая тѣмъ, чего имъ не достаетъ, преподалъ манеру, какъ можно творчески, силою фантазіи, стать очень близко къ природѣ и правдѣ (ib.). «Онъ (Толстой) накладываетъ, какъ птицеловъ сѣть, огромную рамку на людскую толпу, отъ верхняго слоя до нижняго, и ничто изъ того, что попадаетъ въ эту рамку, не ускользаетъ отъ его взгляда, анализа и кисти».

Гончаровъ постоянно отмѣчалъ «громадный» талантъ Толстого, «съ которымъ соперничать трудно», называлъ его «величайшимъ художникомъ», мыслящимъ и мудрствующимъ одними образами и становящимся слабымъ, когда онъ «становится на сознательную почву мысли, философіи, переставая изображать». Толстого, какъ мыслителя, Гончаровъ не понималъ и отвергалъ.

Толстой, Теофиль Матвѣевичъ (1809—1881).—Композиторъ, музыкальный критикъ, авторъ романа «Болѣзни воли». Гончаровъ относилъ его къ числу талантливыхъ неудачниковъ. См.: Райскій,—критика. Сочиненія Т—о изданы ред. «Дѣла», 2 т. Спб. 1874 г.

Трегубовъ, Николай Николаевичъ. Крестный отецъ Гончарова, выведенный имъ въ «Воспоминаніяхъ» подъ именемъ Якубова (см. стр. 284). Отставной морякъ; въ метрическомъ свидѣтельствѣ Гончарова записанъ надворнымъ совѣтникомъ (см. «Р. Ст.», 1911 г., № 10).

Трейгульдъ, Карлъ († 1878).—Слуга Гончарова. О немъ и его семьѣ см. «Вѣстн. Евр.» 1908 г., XI и XII, стр. 444.

Трейгульдъ, Александра Ивановна.—Жена Карла Т—а. Экономка-«нянька» Гончарова, оставшаяся въ услуженіи у Ив. Алекс. послѣ смерти мужа. Ей и ея тремъ дѣтямъ завѣщалъ Гончаровъ все свое состояніе (около 40 т. р.).

Тройницкій, Александръ Григорьевичъ (1807—1871).—Товарищъ министра внутр. дѣлъ и позднѣе членъ Госуд. Совѣта, одинъ изъ близкихъ знакомыхъ Гончарова. Письма къ Т—ому «Вѣстн. Евр.», 1908, XII, 445—455.

Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ (1818—1883).—Знакомство Гончарова съ Т. относится къ половинѣ 40-хъ годовъ, но болѣе тѣсное сближеніе обоихъ писателей послѣдовало въ 1855 году. По разказу Л. Н. Майкова, «въ то время дружескія связи ихъ были настолько тѣсны, что они не только читали другъ другу свои уже написанныя, но еще не напечатанныя произведенія, но и сообщали на общій судъ программу сочиненій, только что задуманныхъ; такъ, по всему вѣроятію, не позже 1857 года Гончаровъ показывалъ Т. программу романа, которому предполагалось дать заглавіе: «Эпизоды изъ жизни Райскаго» и который былъ въ послѣдствіи названъ «Обрывомъ», а Тургеневъ въ 1858 году прочелъ Гончарову «Дворянское гнѣздо» и далъ понятіе о содержаніи романа «Наканунѣ». Выслушавъ «Дворянское Гнѣздо», Гончаровъ высказалъ автору мысль о сходствѣ этого произведенія съ сюжетомъ, задуманнаго имъ «Райскаго», и Тургеневъ,—какъ утверждалъ въ послѣдствіи Иванъ Александровичъ—не только согласился съ этимъ замѣчаніемъ, но и рѣшился исключить изъ своего романа одно мѣсто, слишкомъ живо напоминавшее одну изъ сценъ въ будущемъ романѣ Гончарова. Необыкновенный успѣхъ «Дворянскаго Гнѣзда», появившагося одновременно съ «Обломовымъ», вызвалъ рядъ личныхъ и письменныхъ объясненій между Гончаровымъ и Тургеневымъ. Въ 1859 г. оба писателя обмѣнялись такими письмами:

«Вы,—писалъ Гончаровъ Тургеневу,—скользите по жизни поверхностно, это—правда; но по литературной стезѣ вы скользите менѣе поверхностно... Я, напримѣръ, рою тяжелую борозду въ жизни, потому что другія свойства заложены въ мою натуру и въ мое воспитаніе. Но оба мы любимъ искусство, оба—смѣю сказать—понимаемъ его, оба тщеславны, а вы, сверхъ того, не чужды въ вашихъ стремленіяхъ и нѣкоторыхъ страстей... которыхъ я лишень по большей цѣльности характера, по другому воспитанію и еще... не знаю почему—по лѣни, вѣроятно, и по скромности мнѣ во всемъ на роду написанной доли. У меня есть упорство, потому что я обреченъ труду давно, я моложе васъ тронуть былъ

жизнью и оттого затрагиваю ее глубже, оттого служу искусству, какъ запряженный воль, а вы хотите добывать призы, какъ на *course de clocher*»...

Скажу очень смѣлую вещь: сколько вы ни пишете еще повѣстей и драмъ, вы не опередите вашей «Илиады», вашихъ «Записокъ охотника»: тамъ нѣтъ ошибокъ; тамъ вы просты, высоки, классичны, тамъ лежатъ перлы вашей музыки: рисунки и звуки во всемъ ихъ блистательномъ совершенствѣ! А «Фаустъ», а «Дворянское гнѣздо», а «Ася» и т. д.? И тамъ радужно горятъ ваши линіи и раздаются звуки. Зато остальное, зато созданіе—его нѣтъ, или оно скудно, призрачно, лишено крѣпкой связи и стойкости, потому что для зодчества нужно упорство, спокойное, объективное обозрѣваніе и постоянный трудъ, терпѣніе, а этого ничего нѣтъ въ вашемъ характерѣ, слѣдовательно, и въ талантѣ. «Дворянское гнѣздо»... Про него я ничего не скажу, но вотъ мнѣніе одного господина, на-дняхъ высказанное въ одномъ обществѣ. Этотъ господинъ, между прочимъ, сказалъ: «Когда впечатлѣніе (отъ романа) минуетъ, въ памяти остается мало; между лицами нѣтъ органической связи, многія изъ нихъ лишнія, не знаешь, зачѣмъ разсказывается исторія барыни (Варвары Павловны), потому что, очевидно, автора занимаетъ не она, а картинки, силуэты... а не сущность, не связь и цѣльность взятаго круга жизни... Сообщая вамъ эту рецензію учителя (онъ—учитель) не потому, чтобы она была безусловная правда, а потому, что она хоть отчасти подтверждаетъ мой взглядъ на ваши произведенія».

На письмо Гончарова Тургеневъ отвѣтилъ: «...Скажу безъ ложнаго смиренія,—писалъ онъ, между прочимъ,—что я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что говорилъ «учитель» о моемъ «Дворянскомъ гнѣздѣ». Но что же прикажете дѣлать? Не могу же я повторять «Записки охотника» *ad infinitum*! А бросить писать — тоже не хочется. Остается сочинять такіа повѣсти, въ которыхъ не претендуя ни на цѣльность, ни на крѣпость характеровъ, ни на глубокое и всестороннее проникновеніе въ жизнь, я могъ бы высказать, что мнѣ приходится въ голову. Будутъ прорѣхи, сшитыя бѣлыми нитками, и т. д. Какъ этому горю помочь? Кому нуженъ романъ въ эпическомъ значеніи этого слова, тому я не нуженъ; но я столько же думаю о созданіи романа, какъ о хожденіи на головѣ: чтобы я ни писалъ, у меня выйдетъ рядъ эскизовъ. *E. sempre bene!* Но вы, вѣдь, и въ этомъ сознаніи увидите дипломатію; думаетъ же Толстой, что я «чихаю, и пью, и сплю—ради фразы». Берите меня, каковъ я есть, или совѣмъ не берите; и не требуйте же, чтобы я передѣлался, а главное—такимъ Талейраномъ, что у, у! А, впрочемъ, довольно объ этомъ. Вся эта возня ни къ чему не ведетъ: всѣ мы умремъ и будемъ смердѣть послѣ смерти!...».

Послѣ обмена этими письмами (приведенными здѣсь въ выдержкахъ), отношенія какъ-будто возстановились, но не улеглась подозрительность Гончарова. Въ вышедшемъ вскорѣ «Наканунѣ» Гончаровъ вновь усмотрѣлъ «заимствованіе» у него. На письмо Гончарова, съ язвительнымъ намекомъ «о пристальномъ вниманіи», съ которымъ якобы Тургеневъ выслушивалъ «сочиненія другихъ»; послѣдній потребовалъ третейскаго суда. Судьи—Дудышкинъ, Дружининъ, Анненковъ—вынесли рѣшеніе, что произведенія Тургенева и Гончарова, какъ возникшія на одной и той же русской почвѣ, должны были тѣмъ самымъ имѣть нѣсколько схожихъ положеній, случайно совпадать въ нѣкоторыхъ мысляхъ и выраженіяхъ, что оправдываетъ и извиняетъ обѣ стороны. Гончаровъ, казалось «остался доволенъ этимъ рѣшеніемъ экспертовъ», но Тургеневъ «въ послѣднемъ словѣ», обращенномъ къ Гончарову, заявилъ, что, оставаясь поклонникомъ таланта Гончарова, онъ прекращаетъ съ нимъ дружескія отношенія». Примиреніе между ними послѣдовало лишь въ 1864 г., но и оно не могло возстановить вполнѣ прежнихъ добрыхъ ихъ отношеній. Гончаровъ неблагоприятно отзывался и о тургеневскомъ «Дымѣ», въ которомъ не находилъ «ни одного живого штриха, никакой мѣткой особенности, ничего, напоминающаго фізіономію, живое лицо» (Изъ письма Тройницкому «Вѣстн. Евр.» 1908, XII, стр. 451. Все это онъ высказалъ самому Тургеневу (*Ibidem*). «Гончаровъ все говорилъ мнѣ о Тургеневѣ», замѣ-

часть Достоевскій, встрѣтившійся съ Гончаровымъ за границей. «Р. Арх.» № 9, 1902 г. Характерно, что такой, безусловно расположенный къ Гончарову, человекъ, какъ Л. Н. Майковъ, замѣчаетъ, что «подборъ мелкихъ фактовъ и ихъ сопоставленіе по времени могутъ, къ сожалѣнію убѣдить» въ томъ, «что успѣхи Тургенева, дѣйствительно приводили автора «Обломова» въ тревогу».

Ср. А п п е н к о в ъ. Шесть лѣтъ переписки съ Тургеневымъ. Литер. воспомин. Спб. 1909 г. **Ср. Л. Н. М а й к о в ъ,** «Русск. Стар.», 1900 г., тамъ же письма Гончарова и Тургенева, № 1; **Е. А. Л я ц к і й,** «Современникъ», 1912 г., № 3.

Тунбергъ, Карлъ (1743—1823).—Естествоиспытатель и путешественникъ, шведъ; служилъ врачомъ на м. Доброй Надежды и ѣздилъ вмѣстѣ съ посольствомъ въ Японію, результатомъ этого путешествія явилось сочиненіе Т. «Флора Японіи», вышедшее въ Лейпцигѣ на нѣм. яз. Кромѣ научныхъ работъ Т., издано на шведскомъ языкѣ 4-х-томное описаніе его путешествій; о послѣднемъ и упоминаетъ Гончаровъ («Фрег. Пал.», II, 3).

Тырковъ, Сергій. Состоялъ во время путешествія Гончарова на «Палладѣ» лейтенантомъ.

Тютчевъ, Федоръ Ивановичъ (1803—1873).—Первыя стихотворенія Т. въ печати относятся къ 1822 г., но до 1854 г. его немногочисленные стихи, разсыпанные по журналамъ и альманахамъ, не были собраны. Некрасовъ въ своей статьѣ «О русск. второстепенныхъ поэтахъ», «Соврем.», 1850 г.) впервые далъ оцѣнку тютчевскаго таланта, поставивъ стихи Т. «рядомъ съ лучшими произведеніями русскаго поэтическаго гения». Въ 1854 г. та же редакція «Современника», при помощи И. С. Тургенева, издала первое собраніе стихотвореній Т., положивъ этимъ начало извѣстности поэта. Гончаровъ считалъ Т. «почти гениемъ по лирическому наосу [письмо Г.—а къ Цертелеву]. О Тютчевѣ: И. С. Аксаковъ. Біографія Ф. И. Т.—а. М. 1886 г. Сочиненій Т.—а. Спб. 190 г.

Уваровъ, Сергій Семеновичъ, графъ (1786—1855).—Министръ народнаго просвѣщенія. Посѣтилъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ моск. университетъ. Ср. Воспоминанія Гончарова. О немъ: «Сл. Лит. Типовъ», вып. 7—8, «Списокъ», стр. 246.

Унновскій, Иванъ Семеновичъ († 1886).—Капитанъ-лейтенантъ, командиръ фрегата «Паллада», впоследствии адмиралъ.

Унтеръ-цейхвахтеръ («Фрег. Пал.»).—Классный чиновникъ морского вѣд., завѣдывавшій матеріалами по артил. части. Такимъ У.—Ц. былъ на «Палладѣ» во время плаванія Гончарова, кол. секрет. Василій Плешкинъ.

Феть-Шеншинъ, Аванасій Аванасьевичъ (1820—1892).—Письма Гончарова къ Фету «Русск. Арх.», 1900 г., № 5.

Фонвизинъ, Денисъ Ивановичъ (1745—1792).—Гончаровъ познакомился въ дѣтствѣ съ «Недорослью», но, какъ узнаемъ изъ автобіографіи, «Бригадира» въ руки дѣтямъ не давали.

Хализовъ, Александръ Александровичъ.—На «Палладѣ», во время путешествія Гончарова, состоялъ старшимъ флотскимъ штурманомъ. На кораблѣ ему дали прозвище «дѣдь». О немъ, какъ объ умершемъ, пишетъ Гончаровъ въ своемъ очеркѣ «Черезъ двадцать лѣтъ». Его характеристика: «Фрег. Пал.», I, 1.

Херасковъ, Михаилъ Матвѣевичъ (1733—1807).—Гончаровъ читалъ Х. въ дѣтствѣ, но «одолѣть не могъ, несмотря на дѣтскую неразборчивость». «Автобіографія».

Шварцъ, Сергій.—Лейтенантъ, спутникъ Гончарова во время его кругосвѣтнаго путешествія.

Шлипенбахъ, баронъ, Александръ.—Спутникъ Гончарова по путешествію и «большой пріятель»; былъ лейтенантомъ на «Палладѣ».

Цензурное вѣдомство. Съ 1856 г. начинается служба Г. въ цензурномъ вѣдомствѣ. «Мнѣ удалось, наконецъ, провести Г. въ цензора. Къ первому января смѣняютъ трехъ цензоровъ, наиболѣе нелѣпыхъ. Г. замѣнитъ одного изъ нихъ, конечно, съ тѣмъ, чтобы не быть похожимъ на него. Онъ умѣетъ съ большимъ тактомъ, будетъ честнымъ и хорошимъ цензоромъ. А съ другой стороны, это и его

спасеть отъ канцеляризма, въ которомъ онъ погибаетъ». (И п і к и т е н к о, Дневн., I, 467).

Въ 1857 г. Гончарову было поручена цензура дополнительнаго тома сочиненій Пушкина. (О мнѣтствахъ въ цензурномъ вѣдомствѣ редактора-издателя П. В. Анненкова. См. «Сл. Лит. Типовъ», вв. 7—8, стр. 304—305). Гончаровъ, считавшій себя ученикомъ Пушкина, вошелъ въ Цензурный Комитетъ со слѣдующимъ любопытнымъ докладомъ:

«Представляя при семь VII томъ сочиненій Пушкина въ Ценсурный Комитетъ,—писаль Гончаровъ,—для препровожденія на разсмотрѣніе Главнаго Управленія Ценсуры, на основаніи Высочайшаго Повелѣнія, изъясненнаго въ предложеніи Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 16 февраля 1852 года, № 232, честь имѣю присовокупить слѣдующія замѣчанія: Въ этомъ томѣ, раздѣленномъ на два отдѣла, стихотворный и прозаическій, собраны цѣлыя сочиненія и отрывки. большею частью, напечатанные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и альмахахъ, какъ видно изъ находящихся подъ каждой статьи замѣтокъ издателя. Нѣкоторые же хотя и не были напечатаны, но ходили по рукамъ въ рукописяхъ и давно извѣстны въ публикѣ наравнѣ съ напечатанными».

Отмѣтивъ мѣста, которыя могутъ возбуждать сомнѣнія въ цензурномъ отношеніи, Гончаровъ просилъ принять въ соображеніе: 1) что со времени кончины Пушкина прошло около двадцати лѣтъ и что эпоха его дѣятельности относительно современнаго литературнаго движенія можетъ считаться минувшею; 2) что большая часть изъ собранныхъ въ представляемомъ нынѣ томѣ его сочиненій были уже напечатаны, а не напечатанныя давно извѣстны и ходятъ по рукамъ въ рукописяхъ: при томъ многія затронуты имъ лица или сошли со сцены, или скрыты подъ вымышленными именами, и личности и намеки поступили въ число литературныхъ преданій и, наконецъ, 3) что уваженіе къ памяти поэта требуетъ всевозможной пощады и осторожности при цензурномъ разсмотрѣніи его сочиненій, которыя и въ этомъ отношеніи могли бы, до значительной степени составить исключеніе противъ другихъ писателей, я полагаалъ бы испросить разрѣшенія Главнаго управленія ценсуры на одобреніе VII тома сочиненій Пушкина въ печать безъ всякихъ измѣненій, о чемъ и имѣю честь представить на благоусмотрѣніе ценсурнаго комитета. Ценсоръ И. Гончаровъ. 6 апрѣля 1857 г.»

С.-Петербургскій цензурный комитетъ, находя донесеніе Гончарова «вообще заслуживающимъ уваженія», представилъ рукопись тома и донесеніе Гончарова на благоусмотрѣніе главнаго управленія цензуры. Главное управленіе постановило разрѣшить къ печатанію седьмой томъ Пушкина съ нѣкоторыми исключеніями. Списокъ доклада И. А. Гончарова находится въ пушкинскомъ музеѣ Императорскаго Алекс. лица; въ печати докладъ воспроизведенъ г. П. Щ. въ газетѣ «Голосъ Земли», № 20—1912 г.

Послѣ того, какъ второе изданіе тургеневскихъ «Запис. охотника» встрѣтило цензурныя затрудненія, Г. далъ о «Запискахъ» такой отзывъ: «Эта книга—говоритъ И. А. Гончаровъ—обратила на себя вниманіе тѣмъ, что въ ней мѣстами какъ бы выражалось желаніе улучшенія быта крестьянъ, и второе изданіе ея до времени было приостановлено. Такъ какъ великое дѣло улучшенія крестьянъ, по Высочайшей волѣ, приводится нынѣ въ исполненіе, то книга Тургенева не только потеряло всякое сомнительное значеніе, но она скорѣе можетъ подтвердить необходимость принимаемыхъ правительствомъ мѣръ. «Записки охотника» вовсе не имѣютъ жестокости въ изображеніяхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами: въ этомъ отношеніи книга эта далеко уступаетъ всему, что появилось въ одно съ нею время и позже ея. Авторъ не возбуждаетъ ни малѣйшаго озлобленія и раздраженія двухъ классовъ между собою, наиримѣръ, мягкостью и художественностью изображеній придаетъ имъ характеръ комизма и тонкой, едва уловимой ироніи. При томъ въ «Запискахъ охотника» нѣтъ предпимѣренныхъ желчныхъ описаній отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ: авторъ говоритъ о нихъ мимоходомъ, когда они попадаютъ случайно подъ руку. Вообще же и болѣе

всего онъ рисуеть типическія лица изъ разныхъ классовъ народонаселенія, и имѣеть въ виду только поэтически-вѣрное воспроизведеніе характеровъ, мѣстностей, пейзажей безъ всякихъ натянутыхъ стремленій выставить одни въ дурномъ, другіе въ выгодномъ свѣтѣ. Книга его прочтена всѣми, и на всѣхъ производитъ благородное, художественное впечатлѣніе. Поэтому второе изданіе ея было бы справедливымъ возвращеніемъ ей права вновь появиться въ кругу изящной отечественной литературы и стать на ряду съ лучшими ея произведеніями».

Въ 1858 г. Г. помогали князю Вяземскому въ составленіи записки о необходимости дѣйствовать по цензурѣ въ смягчительномъ духѣ¹⁾. Однако, въ томъ же 1858 г. Н. Θ. Щербина сочинилъ такую «Молитву современныхъ русскихъ писателей»: «О, ты, кто принялъ имя Слова! Мы просимъ твоего покрова:—избави насъ отъ похвалы поворной «Сѣверной Пчелы и отъ цензуры Гончарова».

Съ передачей цензурнаго комитета изъ вѣденія мин. нар. просв. въ мин. вн. дѣлъ (1862 г.) и его преобразованіемъ, Гончаровъ остался на службѣ до 1873 г. въ цензурномъ вѣдомствѣ, сначала въ должности цензора, потомъ членомъ Главнаго управленія по дѣламъ печати. См. К. А. Военскій. Гончаровъ-цензоръ. «Р. В.», 1906 г.

Хухоревъ — имѣніе «ардаатовскихъ родственниковъ Гончарова-Кирмаловыхъ, Симбирской губ., Ардаатовскаго уѣзда. Въ письмахъ Гончаровъ въ шутку именуеть его Кухаревымъ. («Вѣстн. Евр.», 1908, XII, стр. 436).

Цертелевъ, Дмитрій Николаевичъ (1852—1911).—Поэтъ и философъ, редакторъ «Русскаго Обзорѣнія». Въ письмѣ къ М. М. Стасюлевичу, гр. А. К. Толстой проситъ свести Ц. съ Гончаровымъ (1874 г.). Сб. «Памяти Бѣлинскаго», 373. Письмо къ нему Гончарова (объ «Обрывѣ»), «Новое время», 1912 г., № 12,943. Ил. Прил. Перепечатано въ извлеченіи ниже, см. Райскій—Критика.

Шевыревъ, Степанъ Петровичъ (1806—1864).—Профессоръ русской словесности московскаго университета. Критикъ, поэтъ и переводчикъ. Во времена студенчества Гончаровъ засталъ Ш. еще молодымъ, свѣжимъ человѣкомъ, принесшимъ на кафедру «свой тонкій и умный критическій анализъ чужихъ литературъ, начиная съ древнѣйшихъ, индійской, еврейской, арабской, греческой—до новѣйшихъ западныхъ литературъ».

Щепкинъ, Михаилъ Семеновичъ (1788—1863).—Знаменитый артистъ.

«Юнговы ночи» — см. Юнгъ.

Юнгъ, Эдуардъ (1681—1765).—Англійскій поэтъ, представитель сентиментальнаго направленія; усердно переводился въ Россіи. Въ русскомъ переводѣ «Юнговы ночи въ стихахъ» выдержали нѣсколько изданій.

Экигартгаузенъ, Карль (1752—1803).—Нѣмецкій писатель-мистикъ. Его «Ключъ къ таинствамъ природы» (Слб. 1804) читаль Гончаровъ въ дѣтствѣ.

Эркманъ-Шатрианъ. Подъ этимъ псевдонимомъ писали два французскіе писателя Эркманъ (1882) и Шатрианъ (1826—1890); ихъ романы и, въ особенности, «Исторія крестьянина», имѣли большой успѣхъ и въ Россіи. Перепечатка вышедшаго отд. изд. романа въ русскомъ переводѣ въ теченіе продолжительнаго времени встрѣчала затрудненія со стороны цензуры.

Японія.—Свѣдѣнія о ней, во время отправленія экспедиціи на «Палладѣ», были необыкновенно скудны. Гончаровъ упоминаеть лишь объ имѣвшихся въ его распоряженіи старыхъ книгахъ: Кемпфера, Зибольта, Карона, Гагенара и одного неизвѣстнаго автора, при чемъ Каронъ и Гагенаръ писали о Я. въ XVII вѣкѣ, а Кемпферъ въ началѣ XVIII-го. (См. въ «Спискѣ» эти имена). Немудрено поэтому, что приближаясь къ тридесатому государству, Гончаровъ заноситъ въ свой дневникъ: «вотъ, этотъ запертой ларецъ, съ потерянными ключомъ, страна, въ которую заглядывали до сихъ поръ съ тщетными усиліями, склонить и золотомъ, и оружіемъ, и хитрой политикой на знакомство» («Фрег. Пал.», II, 1). Познакомиться съ Я. первымъ удалось лишь однимъ португальцамъ, корабль ко-

¹⁾ Никитенко. Дневникъ I, 506.

торыхъ случайно занесла буря (въ 1542 г.) на одинъ изъ японскихъ острововъ. Вслѣдъ за португальцами потянулись въ Я. іезуиты-миссіонеры, но вскорѣ же послѣдовалъ указъ, которымъ «весь португальскій родъ» изгонялся изъ Я. навсегда; на смѣну португальцамъ въ Я. явились предприимчивые голландцы, основавшіе свою факторію. Но голландцы, одни захватившіе въ свои руки торговлю съ Я., были отрѣзаны отъ страны; имъ отвели пустынный островокъ близъ Нагасака, съ которыми и производили они торговлю. Попытки установить непосредственныя сношенія Россіи съ Я. начались еще при Екатеринѣ II, но встрѣтили отпоръ со стороны Я. Объявленіе Сахалина русскимъ владѣніемъ еще болѣе обострили отношенія, и экспедиція (1810 г.) Головина въ Я. закончилась плѣномъ ея начальника. Установленіе торговыхъ сношеній съ Я. началось съ экспедиціи гр. Путятина на «Палладъ», хотя самый договоръ былъ подписанъ лишь въ январѣ 1855 г.; нѣсколько ранѣе, упоминаемый въ очеркахъ Гончарова, командоръ Перри (судно его встрѣтила «Пал.» въ портѣ Прайя) заставилъ замкнутую Я. войти въ сношенія съ С. Штатами.¹⁾

Сами японцы, какъ и китайцы, произвели на Гончарова впечатлѣніе «пещенной, непроходимо заглохшей нивы», хотя они надежнѣе китайцевъ къ воздѣлыванію» (II, 6); «съ упрямствомъ Галлилея, онъ утверждалъ, что японцы «отрѣзанные ломти китайской семьи, ея дѣти, ушедшіе на острова» (II, I)²⁾. Государственное устройство Я., насколько съ нимъ успѣлъ познакомиться путешественникъ, произвело на него впечатлѣніе хитросозданной и глубокообдуманной системы», несокрушимой «безъ вѣшняго вліянія», и гибельной для государства, ибо она парализуетъ силы народонаселенія; только при условіи паденія этой системы, Гончаровъ считалъ возможнымъ пробужденіе Я. и очеловѣченіе японцевъ; падетъ эта система, и Я. «быстро очеловѣчится, и теперь сколько залоговъ на успѣхъ», прибавляетъ Гончаровъ. По незначительнымъ признакамъ, суммируя ихъ (недаромъ же Гончаровъ былъ такимъ мастеромъ въ обобщеніяхъ), онъ видѣлъ, что кажущаяся неподвижность Я. не есть признакъ полнаго застоя и чутко угадалъ, что «реформа уже начинается». Начинается «выбрасываніемъ старыхъ, сгнившихъ корней, сорныхъ травъ» новая жизнь на «уснувшемъ и обезсилѣвшемъ Востокѣ» (II, 6). О начавшемся пробужденіи Дальняго Востока, Гончаровъ заявилъ въ то самое время, когда у насъ этимъ Востокомъ мало кто интересовался и еще меньше раздумывалъ объ его загадочныхъ судьбахъ.

¹⁾ Въ 1869 г. послѣ революціи, начались въ Я. реформы и феодальный строй былъ уничтоженъ; въ 1889 г. Я. стала конституціонной страной.

²⁾ Современные ученые (Д. Н. Анучинъ, Бельцъ, Бринкли и др.) въ образованіи японской народности различаютъ пять наслоеній: 1) полумифическіе коропокгуро (б. м. америк. происх.); 2) айны—первые поселники Нипона; 3) малайцы 4) корейцы-маньчжуры; 5) собственно японцы, выходцы изъ южнаго Китая, но не китайцы, а выходцы какого-то особаго племени (Японскій языкъ даетъ также указаніе на наличность въ японск. народности тюркскихъ элементовъ).

ПЕРЕЧЕНЬ

ПРОИЗВЕДЕНІЙ ¹⁾ И. Д. ГОНЧАРОВА

и

входящихъ въ нихъ типовъ, образцовъ,

лицъ и именъ ²⁾.

¹⁾ Произведенія въ «Перечнѣ» расположены въ алфавитномъ порядкѣ и выдѣлены жирнымъ шрифтомъ.

²⁾ Лица, имена и предметы, см. также «Списокъ».

Автобіографіи Гончарова см. ниже Приложение 4-ое. Автобіографическое значеніе имѣютъ: «Нарушеніе воли», «Лучше поздно, чѣмъ никогда», «Замѣтки о личности Бѣлинскаго, а также «Воспоминанія», «Слуги стараго вѣка»; много автобіографическихъ чертъ и во «Фрег. Пал.», по въ нихъ нужно искать «не голой правды, а правдоподобія» (см. ниже: «На родинѣ»).

Воспоминанія раздѣляются на два очерка: 1) «Въ университетѣ; 2) На родинѣ» (см. ниже).

Въ университетѣ. Первая часть «Воспоминаній». Подзаголовокъ: «какъ насъ учили 50 лѣтъ назадъ». Печатавъ свой очеркъ въ «Вѣстн. Евр.» (1888 г., кн. IV), Гончаровъ сопроводилъ его такимъ примѣчаніемъ: «авторъ не помнитъ съ точностью, когда были писаны имъ настоящія замѣтки. Но изъ нѣкоторыхъ подробностей текста можно, почти съ увѣренностью, заключить, что эти замѣтки были набросаны имъ въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ».

См. въ «Спискѣ»:

Аксаковъ, К. С. — Боянскій, М. О. — Болдыревъ, А. В. — Бѣлинскій, В. Г. — Герингъ, Э. Н. — Герценъ, А. И. — Голицынъ, кн. С. М. — Голохвастовъ, Д. П. — Давыдовъ, И. И. — Двигубскій, И. А. — Декампъ, Амедей. — Ивашковскій, С. М. — Каченоскій, М. Т. — Кистеръ, Ф. И. — Куртнеръ, Ф. Ф. — Лермонтовъ, М. Ю. — Мерзляковъ, А. Ф. — Надеждинъ, Н. И. — Оболенскій, В. И. — Панинъ, гр. А. Н. — Побѣдоносцевъ, П. В. — Погодинъ, М. П. — Пушкинъ, А. С. — Снегиревъ, И. М. — Станкевичъ, Н. М. — Строевъ, С. М. — Терновскій, П. М. — Уваровъ, С. С. — Шевыревъ, С. П.

Иванъ Саввичъ Поджабринъ, очеркъ. Самъ Гончаровъ называетъ его «легкимъ юмористическимъ очеркомъ». (Автобіографія). Напечатанъ въ «Современникѣ» 1848 г.

Авдѣй. — Амалия, баронесса. — Анна Павловна. — Бурминъ. — Вася. — Дипломатъ. — Дудкинъ, князь. — Жозефина. — Кизель, баронъ. — Крестный. — Кучеръ. — Лукинъ, князь. — Маша. — Музыкъ. — Поджабринъ. — Прасковья Михайловна. — Семень Семеновичъ. — Стрекоза, маіоръ. — Стуколкинъ. — Устинья. — Цейхъ. — Шене. — Оекла Андреевна.

Замѣтки о личности Бѣлинскаго написаны по просьбѣ А. Н. Пыпина, работавшаго надъ составленіемъ біографіи Бѣлинскаго («Вѣстн. Евр.», 1876 г., Отд. изд. Бѣлинскій. Спб. 1877 г. 2 т.; второе изданіе. Спб. 1910 г. Изд. «Космосъ», 1 т.). Замѣтки Г—а появились въ печати въ 1881 г., войдя въ составъ «Четырехъ очерковъ», изданныхъ Глазуновымъ.

См. въ «Спискѣ»:

Бенедиктовъ, В. В. — Боткинъ, В. П. — Брюловъ, К. П. — Бѣлинскій, В. Г. — Герценъ, А. И. — Глинка, М. Н. Гоголь, Н. В. — Григоровичъ, Д. В. — Григорьевъ, А. А. — Добролюбовъ, Н. А. — Достоевскій, Ф. М. — Дружининъ, А. В. — Жоржъ-Зандъ. — Каратыгинъ, П. А. — Кольцовъ, А. В. — Кукольникъ, Н. В. — Лермонтовъ, М. Ю. — Мочаловъ, П. С. — Панаевъ, И. И. — Полевой, Н. А. — Пушкинъ, А. С. — Соллогубъ, гр.

Литературный вечеръ. Напечатанъ въ журналѣ «Русская Рѣчь», 1880 г. Посылая «Лит. Веч.» Валугеву, Гончаровъ писалъ, что «статья родилась по инициативѣ и подъ вліяніемъ валугевскаго пера, т. е. вызвана романомъ Валугева «Лоринъ». Между чтеніемъ въ домѣ Валугева и чтеніемъ у гончаровскаго Уранова существуетъ несомнѣнная связь, поддерживаемая перепиской Гончарова съ Валугевымъ. Е. А. Ляцкій («Современникъ», 1912 г., № 3) даетъ нѣсколько характерныхъ сопоставленій произведенія Бебикова («Лит. Веч.») съ валугевскимъ романомъ «Лоринъ». «Если, замѣчаетъ онъ, въ «Л. В.» получила сатира на мертвое,

съ точки зрѣнія искусства, произведеніе и на тотъ кругъ людей, который былъ въ немъ изображенъ, то это случилось помимо воли Гончарова. Это сдѣлалъ талантъ, который имѣлъ надъ Гончаровымъ больше власти, чѣмъ его трезвыя намѣренія и практическіе взгляды, это сдѣлала правда искусства, которую онъ не могъ измѣнить не рискуя перестать быть художникомъ». Критика обошла почти полнымъ молчаніемъ «Л. В.». Венгеровъ считаетъ его «совершенно слабымъ произведеніемъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ страницъ. Безъ заманчивой подписи Гончарова, никакой журналъ не напечаталъ бы «Лит. вечера». (Сочин. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 64). Е. А. Ляцкій видитъ въ «Лит. Веч.» «конкретный случай, художественно разсказанный въ чертахъ тщательно обдуманнаго, художественной интуиціей внушеннаго обобщенія («Гончаровъ», стр. 157).

Агтаанд. — Баронъ. — Бебиксвъ. — Генераль. — Графъ. — Кальяновъ. — Княгиня. — Красноперовъ. — Кряковъ. — Лидія Н. — Лиза Ф. — Лилина. — Пестовъ. — Профессоръ. — Редакторъ. — «Синіе очки». — Синавская. — Скудельниковъ. — Суховъ. — Тецкія, княг. и княжна. — Уранова племянникъ (Митя). — Урановъ. — Фертвовъ. — Чешневъ.

Лучше поздно, чѣмъ никогда. Критическія замѣтки. Напечатаны въ журналѣ «Русская Рѣчь» 1879 г., № 6. Самъ Гончаровъ, называя замѣтки «критическимъ анализомъ» своихъ книгъ, смотрѣлъ на нихъ, какъ на авторское предисловіе къ собранію своихъ сочиненій. «Я опоздалъ съ этимъ предисловіемъ скажутъ мнѣ: но если оно покажется лишнимъ и теперь—то лучше поздно, чѣмъ никогда»—могу отвѣтить на это». Въ изд. «Нивы» «Критическія замѣтки» Гончарова предисланы его сочиненіямъ (т. I, стр. 29—90), но ни въ одномъ собраніи сочиненій Г—а не перепечатано то «обширное предисловіе», которое авторъ готовилъ къ отдѣльному изданію «Обрыва», хотя на него не разъ ссылается Гончаровъ въ своихъ «Критическихъ замѣткахъ». Это предисловіе («Намѣренія, задачи и идея романа «Обрывъ») было напечатано въ журналѣ «Русск. Обзоръ» 1895 г., январь. Изъ этого предисловія, написаннаго въ 1870 г. и передѣланнаго въ 1875 г., и возникли «критическія замѣтки», подъ названіемъ: «Лучше поздно, чѣмъ никогда».

Май мѣсяцъ въ Петербургѣ, очеркъ. Появился въ печати послѣ смерти автора «Сборникъ Нивы», 1892 г., № 2.

Архипъ. — Брагинъ. — Вальневъ. — Гвоздевъ. — Дворники. — Директоръ-департаментъ. — Дѣвицы-сироты. — Зашибаевъ. — Копылинъ, князь. — Лязгинъ. — Маланья. — Перская, кн. — Понюшкинъ. — Петръ Петровичъ (эксекунторъ). — Понюшкинъ. — Швейцары. — Шлеппе. — Хохловъ. — Чихановы. — Юхновъ.

Милліонъ терзаній, очеркъ. Появился безъ подписи автора въ «Вѣсти. Евр.» 1872 г., № 3. Вышнимъ поводомъ для очерка послужилъ бенефисъ актера Монахова, появившагося въ роли Чацкаго въ ком. «Горе отъ ума». По мнѣнію Венгерова, въ этомъ «небольшомъ этюдѣ, на пространствѣ немногихъ страницъ, разсѣяно столько ума, вкуса, глубокомыслія и проницательности, что его нельзя не причислить къ лучшимъ плодамъ творческой дѣятельности Гончарова. Въ немъ брошенъ совершенно новый взглядъ на характеръ Чацкаго, взглядъ, который вытѣснилъ прежніе взгляды на Чацкаго Пушкина и Бѣлинскаго». [Сочин., т. V, стр. 64—65].

См. въ «Спискѣ»:

Гоголь. — Грибоѣдовъ. — Каратыгинъ. — Ленскій. — Максимовъ. — Мартыновъ. — Монаховъ. — Мочаловъ. — Орловъ. — Пушкинъ. — Сабуровъ. — Садовскій. — Самойловъ. — Сосницкій. — Фонвизинъ. — Щепкинъ.

«На родинѣ». Второй очеркъ «Воспоминаній»; въ предисловіи къ очерку Гончаровъ прямо заявляетъ, что желаетъ, чтобы въ воспоминаніяхъ «искали не голой правды, а правдоподобія». «Это не мемуары какіе-нибудь, гдѣ описываются историческія лица, событія, и гдѣ требуется строгая фактическая правда... Это и не плодъ только моей фантазіи, потому что тутъ есть и правда,

и, пожалуй, если хотите, все правда. Фонъ этихъ замѣтокъ, лица, сцены, б. ч., типически вѣрны съ натурой, а иныя взяты прямо съ натуры. Но одной какой-нибудь выдающейся чертѣ въ характерѣ той или другой личности или событія, фантазія старается угадывать или дорисовывать остальное.. Все описываемое въ нихъ не столько было, сколько бывало... (Вступленіе). Написанъ очеркъ въ Усть Наровѣ, гдѣ Гончаровъ проводилъ лѣто и датированъ 11-мъ августа 1887 г. Напечатанъ въ «Вѣстн. Евр.» 1888 г., №№ 1 и 2.

Алтаевъ. — Барыня. — Бравинъ. — Гастуринъ. — Городничій. — Графиня. — Добышевъ. — Егорьевъ. — Иглевы. — Козловъ. — Козыревъ. — Лопаревъ. — Лиза Р—ская. — Лина. — Лопаревъ. — Мальхинъ. — Миліановъ. — Прохинъ. — Ростинъ. — Сланцовъ. — Тмакинъ. — Углицкіе. — Шленковъ. — Чубукъ. — Чуринъ. — Чуча. — Ягорскій. — Якубовъ. — Ямщикъ. — Яновъ.

Нарушеніе воли, очеркъ. Написанъ въ 1889 году, напечатанъ тогда же въ «Вѣстн. Европы». Въ этомъ очеркѣ Гончаровъ завѣщаетъ и проситъ исполнить «последнюю волю писателя», «кандидата въ покойники»: «не печатать ничего», что онъ самъ не напечаталъ при жизни, или на что не передалъ права изданія и въ томъ числѣ и писемъ.

«Пусть письма мои остаются собственностью тѣхъ, кому они писаны, и не переходятъ въ другія руки, а потомъ предаются уничтоженію». «У меня есть своего рода «*rudefur*» являться на позоръ свѣту съ такимъ хламомъ. И я прошу пощадить этому чувству, т. е. «*rudefur*». На основаніи этого завѣщанія, такой близкій къ Гончарову человекъ, какъ Л. Н. Майковъ (см. Списокъ, выше стр. 306) отказался сдѣлать достояніемъ печати хранящіеся въ его семействѣ матеріалы. а сестра писателя, А. А. Музалевская, исполняя волю брата, передала сожженію его письма. Однако, даже Майковъ сдѣлалъ исключеніе для нѣкоторыхъ писемъ Гончарова, освѣщающихъ его личность и его взгляды на искусство. На той же точкѣ зрѣнія стоялъ М. М. Стасюлевичъ, редакторъ «Вѣстн. Евр.» и душеприказчикъ Ив. Ал., давшій на страницахъ своего журнала мѣсто извлеченіямъ изъ переписки Гончарова. Въ настоящее время уже опубликована часть переписки Гончарова, извлечены изъ архива документы, касающіеся его цензурской дѣятельности и воспроизведены статьи Гончарова изъ газетъ.

Опубликованы письма Гончарова къ Валугеву, къ Н. Н. и А. Н. Гончаровымъ, Кавелину, Капнисту, Кирмаловой, Краевскому, Лазаревскому, Музалевской, Норову, Острогорскому, Писемскому, Полонскому, Пыпину, Романченко, гр. Толстой, Тургеневу, Стасюлевичу, Фету, Цертелеву и др. См. въ «Спискѣ»: Валугевъ, Кавелинъ и т. д.

Обыкновенная исторія романъ въ двухъ частяхъ. Первое изъ напечатанныхъ произведеній Гончарова. Какъ и всѣ послѣдующіе романы Гончарова, создавалось въ теченіи долгихъ лѣтъ; еще въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ г.г. «Об. И.» была уже извѣстна въ кружкѣ Майковыхъ, но только въ 1846 г. авторъ рѣшился представить свой трудъ черезъ Панаева Бѣлинскому. Въ 1847 г. на страницахъ «Современника» появился гончаровскій романъ¹⁾, тогда же (мартъ, 1874 г.) въ письмѣ къ В. Ш. Вогкину, Бѣлинскій писалъ: «повѣсть Гончарова произвела въ Питерѣ фуроръ—успѣхъ неслыханный. Всѣ мнѣнія слились въ ея пользу» Пыпинъ. Бѣлинскій). Позднѣе въ статьѣ «Взглядъ на русскую литер. 1847 года» Бѣлинскій привѣтствовалъ первое произведеніе Гончарова какъ одно «изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы» и назвалъ талантъ Гончарова «сильнымъ». Къ особеннымъ его достоинствамъ принадлежитъ, между прочимъ, языкъ чистый, правильный, легкій, свободный, любящійся. Разсказъ Гончарова въ этомъ отношеніи не печатная книга, а живая импровизація. Нѣкоторые жа-

¹⁾ Въ томъ же 1847 г. въ печати появляются: «Бѣдные люди» Достоевскаго, «Разказы Охотника» Тургенева, «Кто виноватъ?» Герцена, «Антонъ Горемыка» и «Деревня» Григоровича, «Полинька Саксъ» Дружинина.

ловались на длинноту и утомительность разговоровъ между дядей и племянникомъ. Но для насъ эти разговоры принадлежать къ лучшимъ сторонамъ романа. Въ нихъ нѣтъ ничего отвлеченнаго, не идущаго къ дѣлу, это не диспуты, а живые, страстные, драматическіе споры, гдѣ каждое дѣйствующее лицо высказываетъ себя, какъ человѣка и характеръ, отстаиваетъ, такъ сказать, свое нравственное существованіе. Правда, въ такого рода разговорахъ, особенно при легкомъ дидактическомъ колоритѣ, паброшенномъ на романъ, всего легче было споткнуться хоть какому таланту; но тѣмъ больше чести Гончарову, что онъ такъ счастливо рѣшилъ трудную самое по себѣ задачу и остался поэтомъ тамъ, гдѣ такъ легко было сбиться на тонъ резонера». Единственный упрекъ, который дѣлаетъ Бѣлинскій Гончарову, это—«неудачный», «или лучше сказать, испорченный эпизодъ». По мнѣнію критика, «придуманная авторомъ развязка романа портитъ впечатлѣніе всего этого прекраснаго произведенія, п. ч. она неестественна и ложна». Объясненіе этому Бѣлинскій видѣлъ въ томъ, что «авторъ увлекся желаніемъ попробовать свои силы на чуждой ему почвѣ — на почвѣ сознательной мысли»—и пересталъ быть поэтомъ» (тогда какъ «въ талантѣ Гончарова—поэзія агентъ первый, главный и единственный») Сочиненія Бѣлинскаго, т. XI. Изд. Солдатенкова.

Н. И. Коробка отмѣчаетъ въ романѣ «выступленіе на сцену новаго слоя русской интеллигенціи, раньше почти незнакомаго русской художественной литературѣ. Всемогущество чиновничества, сказавшееся въ половинѣ 20-хъ годовъ, послѣ крушенія аристократической интеллигенціи и развившейся въ царствованіе Николая I, выдвигаетъ въ романѣ героя-чиновника. Чиновникъ явился, положимъ, обычнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ нашей литературѣ, но онъ по традиціи, установившейся еще съ конца XVIII вѣка, является «крапивнымъ сѣменемъ», изображается въ комическихъ чертахъ. Литература только снисходитъ до его изображенія или бичуетъ его. Въ «Обыкновенной исторіи» впервые чиновникъ является «героємъ» романа, на которомъ сосредоточено вниманіе автора. Этотъ фактъ самъ по себѣ говоритъ объ измѣненіи самаго положенія чиновника въ обществѣ. Чиновникъ началъ выступать на первый планъ. Романъ указываетъ и откуда является этотъ новый чиновникъ. Изъ дворянскихъ усадебъ средней руки, пройдя черезъ университетъ, является новый русскій культурный чиновникъ, къ которому уже литература не можетъ относиться какъ къ «крапивному сѣмени», существу низшаго порядка, какъ еще изображалъ Гоголь. Здѣсь сказывается начавшееся превращеніе части дворянства въ чиновничество. Начиная съ половины 20-хъ годовъ, можно замѣтить приливъ въ Петербургъ молодыхъ дворянъ изъ провинціи, стремившихся въ столицу «искать счастья», искать «арены дѣятельности»; «счастьемъ» въ этихъ случаяхъ считалась чиновничья карьера, ареной дѣятельности—служба въ канцеляріяхъ. Такимъ молодымъ дворяниномъ, пріѣхавшимъ «искать счастья» былъ Гоголь и его герой Тентетниковъ. Они оба не ужились въ канцеляріяхъ, но уже скоро Гончаровъ (хотя не дворянинъ, но усвоившій многія черты быта средняго дворянства) и его герой Адуевъ уживаются и превращаются въ типичныхъ представителей культурнаго чиновничества. «Обыкновенная исторія» это—исторія превращенія въ одномъ индивидуумѣ настроеній, созданныхъ патриархально-помѣщичьимъ укладомъ жизни, въ настроенія, созданныя буржуазно-чиновничьими; нельзя не видѣть, что въ первыхъ больше человѣчнаго, чѣмъ во вторыхъ». [Н. И. Коробка. Личность въ р. обществѣ].

Самъ Гончаровъ считалъ, что три его романа, особенно «Обломовъ» и «Обрывъ», тѣсно и послѣдовательно связаны между собою, какъ связаны отразившіяся въ нихъ, какъ въ капль воды, періоды русской жизни». Гончаровъ видѣлъ «не три романа, а одинъ». Такое же мнѣніе раздѣляетъ и Д. С. Мережковскій, признавая три Гончаровскіе романа «однимъ цѣлымъ». (Сочин. Мережковскаго, т. XIII, стр. 246). «Об. Ист.»—первое произведеніе Гончарова—

громадный ростокъ, только что пробившійся изъ земли, еще не окрѣпшій, зеленый, но переполненный свѣжими соками. Потомъ, на мочучемъ отросткѣ, одинъ за другимъ, распускаются два великолѣнныхъ цвѣтка—«Обломовъ» и «Обрывъ». Всѣ три произведенія—одинъ эпосъ, одна жизнь, одно растение. Когда приближаешься къ нему, видишь, что по его колоссальнымъ лепесткамъ разсыпана цѣлая роса едва замѣтныхъ капель, драгоценныхъ художественныхъ мелочей. И не знаешь, чѣмъ больше любоваться—красотой ли всего гигантскаго растения или же этими мелкими каплями, въ которыхъ отражаются солнце, земля и небо». По поводу одинаковаго заглавія романа «Об. Ист.» и романа англійской писательницы Инчбальдъ («A Simple Story») см. письмо Гончарова Краевскому «Русск. Стар.» 1911 г. № 10 и въ «Спискѣ»: Инчбальдъ.

Агашка. — Аграфена. — Адуева, Анна Павловна. — Адуева, Лизавета Александровна. — Адуевъ, Александръ Федоровичъ. — Адуевъ, Петръ Ивановичъ. — Александра Васильевна. — Александръ Степанычъ. — Антонъ Ивановичъ. — Артистъ. — Архипычъ. — Василиса. — Василий. — Военный. — Волочковъ. — Горбатова, Марья Павловна. — Горничная. — Гришка. — Докторы. — Дрожжовъ, Аванасій Ивановичъ. — Дѣвицы. — Дѣвки. — Евсей. — Журналистъ. — Зарайскіе. — Иванъ Ивановичъ. — Иванъ Ивановичъ. — Иванъ Андреичъ. — Иванъ Семенычъ. — Ивановъ. — Игнатій. — Изюминъ. — Итальянецъ. — Иченко. — Кенигштейнъ. — Костюковъ. — Конецъ. — Лиза. — Любецкая, Марія Михайловна. — Любецкая, Надежда Александровна (Наденъка). — Лунина. — Марья Мартыновна. — Марья Ивановна. — Марѳа. — Матвѣй Матвѣевичъ. — Матрена Михайловна. — Маша. — Марья Карповна. — Михайло Михайлычъ. — Начальникъ отдѣленія. — Никитишна. — Новинскій. — Платонъ. графъ. — Нянька Лизы. — Офицеръ. — Павелъ Саввичъ. — Петръ Сергѣичъ. — Пожилой человекъ. — Помощникъ столоначальника. — Постѣловъ. — Пронка. — Пуле. — Рене. — Сестра Евсея. — Семенъ Архипычъ. — Скачины. — Смирновъ. — Соины. — Сотрудникъ журнала. — Софья Михайловна. — Старикъ. — Старушка. — Столоначальникъ. — Сурковъ. — Тафаева, Юлія Павловна. — Тафаевъ. — Французъ. — Хозаровы. — Чиновники. — Шмитъ. — Федосья Петровна. — Федоровъ.

Обломовъ, романъ въ 4-хъ частяхъ. Задуманъ былъ еще въ 1847 г. Черезъ два года въ печати явился отрывокъ изъ романа, «Сонъ Обломова», но въ цѣломъ видѣ романъ появился лишь въ 1858 г. на страницахъ «Отеч. Записокъ»¹⁾. Такимъ образомъ, десятилѣтній промежутокъ отдѣлялъ окончаніе романа отъ его первыхъ набросковъ. Это обстоятельство дало поводъ А. А. Григорьеву заявить, что ...«Обломовъ» опоздалъ, по крайней мѣрѣ, пятью или шестью годами. Въ «О.» Гончаровъ остался тѣмъ же чѣмъ былъ въ «Обыкн. Ист.» и построены его «О.» по такимъ же сухимъ догматическимъ темамъ, какъ «Обыкн. Ист.» Въ подробностяхъ своихъ онъ—если хотите—еще выше «Обыкн. Ист.», психологическимъ анализомъ еще глубже; но наше сознаніе, сознаніе эпохи шло впередъ, а сознаніе автора «Обыкн. Ист.» застряло въ Японіи». Польстилъ «О.» только весьма небольшому кружку людей, которые вѣрятъ еще тому, что врагъ нашъ въ дѣлѣ развитія наша собственная натура, наши существенно-бытовые черты, и что все спасеніе для насъ заключается въ выдѣлкѣ себя по какой-то узенькой теоріи. Возрѣнія этого небольшого кружка тоже далеко отстали отъ вопросовъ эпохи» [Григорьевъ, А. А. Сочиненія, т. I, стр. 420]. Добролюбовъ въ своей статьѣ «Что такое Обломовщина?» отмѣчалъ также, что «первая часть романа», «чуждая текущихъ интересовъ настоящей минуты, многимъ показалась скучною». Наоборотъ, по свидѣтельству А. М. Скабичевскаго, «нужно было жить въ то время, чтобы понять какую сенсацию возбудилъ романъ въ публикѣ и какое потрясающее впечатлѣніе произвелъ онъ на все общество. Онъ, какъ бомба, упалъ въ интеллигентную среду». Однако, появленіе «Обл.» вовсе не было такимъ внезапнымъ явленіемъ. «Десять лѣтъ ждала наша публика романа Гончарова. Задолго до появленія его въ печати, о немъ говорили какъ о

¹⁾ Одновременно съ «Обломовымъ» въ «Современникѣ» печатаются: «Дворянское гнѣздо» Тургенева, а въ «Библ. для чтенія»—«Горькая судьбина» Писемскаго и «Воспитанница» Островскаго.

произведеніи необыкновенномъ. Къ чтенію его приступили съ самыми обширными ожиданіями», писалъ Добролюбовъ. Тотъ же критикъ въ «Современникъ» 1859 г. отмѣчалъ необычайно-тонкій и глубокой психической анализъ, проникающей весь романъ Гончарова. Та публика, говорилъ критикъ, которая любитъ выѣшнюю занимательность дѣйствія, нашла утомительную первую часть романа потому, что до самаго конца ея герой все продолжаетъ лежать на томъ же диванѣ, на которомъ застаётъ его начало первой главы. Тѣ читатели, которымъ правится обличительное направление, недовольны были тѣмъ, что въ романѣ оставалась совершенно нетронутою наша официально-общественная жизнь. Короче—первая часть романа произвела неблагопріятное впечатлѣніе на многихъ читателей». «Кажется, не мало было задатковъ на то, чтобы и весь романъ не имѣлъ успѣха, по крайней мѣрѣ въ нашей публикѣ, которая такъ привыкла считать всю поэтическую литературу забавой и судить художественныя произведенія по первому впечатлѣнію. Но на этотъ разъ художественная правда скоро взяла свое. Послѣдующія части романа сгладили первое непріятное впечатлѣніе у всѣхъ, у кого оно было, и талантъ Гончарова покорилъ своему неотразимому вліянію даже людей, всего менѣе ему сочувствовавшихъ. Тайна такого успѣха заключается, намъ кажется, сколько непосредственно въ силѣ художественнаго таланта автора, столько же, и въ необыкновенномъ богатствѣ содержанія романа».

По мнѣнію Д. Н. Овсяннико-Куликовского, «знаменитый романъ не только повѣствуетъ объ Обломовѣ и другихъ лицахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ яркую картину «обломовщины», и эта послѣдняя, въ свою очередь, оказывается двоякою: 1) обломовщиною бытовою дореформенною, крѣпостническою, которая для насъ—уже прошлое, и 2) обломовщиною психологическою, не упраздненною вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ и продолжающеюся при новыхъ порядкахъ и условіяхъ. Это растяженіе типа, это распространеніе картины обломовщины за грань эпохи не только заставляетъ насъ думать, что старина живуча, что прошлое осчастливило послѣ себя свои пережитки, свое наслѣдіе и завѣщаніе, но, кромѣ того, внушаетъ намъ рядъ иныхъ мыслей, относящихся уже не къ смѣнѣ эпохъ, а къ психологій и психопатологій русскаго національнаго уклада. Обломовъ—типъ національный, обломовщина—явленіе специфически-русское, и Гончаровъ, создавая эти художественныя «понятія», продолжалъ дѣло Гоголя—пзслѣдованіе «порчи «русскаго человѣка», «искривленія» нашей національной фizioноміи». Все это, вмѣстѣ взятое, придаетъ глубокой неуывающей интересъ классическому произведенію Гончарова». Трагизмъ пошлости, спокойный будничныи трагизмъ—основная тема «Обломова». «Пошлость, торжествующая надъ чистотой сердца, любовью, идеалами—вотъ для Гончарова основной трагизмъ жизни». [Мережковский, сочин. т. XIII].

Аверка. — Агаѣя Матвѣвна Пшеницына. — Александръ Наумычъ.—Акулина. — Алексѣевъ. — Анисья. — Андрюшка. — Антипъ. — Бабушка. — Ваня (Пшеницынъ) — Васильевъ. — Волковъ. — Вытягушкинъ. — Горюновъ. — Дашенька. — Дворникъ. — Демка-кривой. — Дѣвчонка. — Ernestine, m-lle. — Иванъ Герасимовичъ. — Иванъ Матвѣвичъ (Мухояровъ). — Ильинская, Ольга Сергѣевна. — Ирина Пантелѣвна. — Затертый. — Захаръ. — Калининковъ. — Катя. — Княжны. — Кузнецовъ. — Кучеръ. — Лангвагенъ, баронъ. — Лидія. — Лука. — Лука Саввичъ. — Лагаевъ. — Маевскіе. — Марья Михайловна. — Матвѣй Моисеевичъ. — Маховъ. — Маша. — Медровы. — Метлинскій, графъ. — Михай Андреевичъ Тарантьевъ. — Мишель, кн. — Мурашкина. — Мусинскіе. — Мухояровъ, Ив. Матв. — Настасья Ивановна. — Настасья Фаддеевна. — Никита. — Обломовъ, Илья Ильичъ. — Обломовы: Андрей, Илья Ивановичъ, Обломова-мать, тетка и няня. — Овчинниковъ. — Олешкинъ. — Ольга (Ильинская). — Пелагея Игнатъевна. — Пенкинъ. — Пересвѣтовъ. — Пшеницына, Агаѣя Матвѣевна. — Пьеръ, кн. — Радицевъ. — Рейнгольдъ. — Свинкинъ. — Семень Семеновичъ. — Соничка. — Софья Николаевна. — Степанида Агаповна. — Судьбинскій. — Сусловъ. — Тарантьевъ, Михай Андр. — Татьяна Ивановна. — Тюменевъ. — Чекменевъ. — Штольцы. — Тома Томичъ.

Обрывъ, романъ въ пяти частяхъ. Первые планы романа относятся еще на 1849 г. когда Гончаровъ «послѣ четырнадцати лѣтняго отсутствія пріѣхалъ

повидаться съ родственниками на Волгу» («Лучше поздно,—чѣмъ никогда»); «тутъ толпой хлынули ко мнѣ, вспоминая Гончаровъ, старая, знакомыя лица, я увидѣлъ еще неотжившій патриархальный бытъ и вмѣстѣ новые побѣги, смѣсъ молодого со старымъ». Съ 1860 г. начинаютъ печататься въ журналахъ («Современникъ» и «Отеч. Записки») «Эпизоды изъ жизни Райскаго». Въ полномъ видѣ романъ появляется лишь въ 1869 г. въ «Вѣстн. Европы» (пять книгъ журнала январь—май). Появленіе въ печати «Обрыва» совпадаетъ съ появленіемъ романа Писемскаго «Люди сороковыхъ годовъ» («Заря») и выходомъ послѣдняго тома «Войны и миръ».

Авдотья. — Агафья. — Агашка. — Алексѣй Петровичъ. — Анна Борисовна. — Анна Васильевна. — Антонъ. — Андрюшка. — Арина. — Агмалсе. — Афимья. — Аяновы. — Basil. — Березкова, Татьяна Марковна (Бабушка). — Боровиковъ. — Бочконь. — Бурдалахова, Секлетія. — Бѣловодовы. — В. И. — Варвара Николаевна. — Ватрухинъ. — Василій, о. — Василій Андреевичъ. — Василій Никитичъ. — Василиса. — Васька. — Ватугинъ. — Власъ. — Викентьевы. — Викторъ. — Волоховъ, Маркъ. — Вѣра. — Гараска. — Горбунь. — Горонкинъ. — Графъ. — Губернаторъ. — Дама. — Даша. — Директоръ. — Докторъ. — Дредсонъ. — Егоръ Ильичъ. — Егоръ Прохорычъ (Егорка). — Ельнинъ. — Еремка. — Eudoxie. — Ефремъ. — Жандармъ. — И. Б. — Иванъ. — Иванъ Богданычъ. — Иванъ Ивановичъ. — Иванъ Кузьмичъ. — Иванъ Петровичъ. — Иванъ Матѣевичъ. — Ивлевы. — Илья. — Ильюшка. — Ирипа. — Catherine. — Кириловъ. — Кирилла Кирилловичъ. — Кирюша. — Кишь. — Clerg, m-me. — Книгина. — Князья: Пьеръ, Б. П.; Н. В.; К. Р. — Козловъ. — Коко. — Крицкіе. — Кузьма. — Лозгинъ, Володя. — Левъ Петровичъ. — Лидія. — Лиза. — Лѣсничій. — Мамыкинъ. — Манѣвъ. — Мамыщевъ. — Маргарита. — Марина Антиповна. — Марья Васильевна. — Марья Егоровна. — Марья Петровна. — Марѣинка. — Масленниковъ. — Матрена. — Машутка. — Мейеръ. — Милари, гр. — Michel. — Михайловъ. — Молочковъ. — Мотька. — Мѣшечниковъ. — Надежда Васильевна. — Надежда Николаевна. — Настасья Петровна. — Наталья Ивановна. — Наталья Фаддеевна. — Нелюбовъ. — Никита. — Nini. — Нянька. — Нѣмка. — Онекунъ. — Опенкинъ. — Откупщикъ. — Paul. — Pauline. — Пантелеймонъ. — Пахотыны. — Папучка. — Пелагея. — Пестовъ. — Петруша. — Петръ. — Pette, кн. — Попадья. — Поповъ. — Правитель канцеляріи. — Предводитель. — Профессоръ. — Прохоръ. — Райскій. — Савелій. — Саврасовъ. — Садовникъ. — Севастьяновъ. — Семегъ. — Семень Васильевичъ. — Сергѣй Ивановичъ. — Serge. — Сидорычъ. — Силычъ. — Степанъ Васильевичъ. — Сѣмечкина, Дашенька. — Танцмейстеръ. — Тараска. — Терентій. — Токеева. — Тушинъ. — Тычговъ. — Удинька. — Ульяна Андреевна (Козлова). — Устинья. — Учителя. — Хатьковы. — Чеченинъ. — Чиновникъ. — Чудинъ. — Шарль. — Шмидтъ. — Эмигрантъ-французъ. — Фаддей Ильичъ. — Федосья. — Феклушка.

По восточной Сибири. «Я, дорогой, отъ скуки, набрасывалъ на станціяхъ въ записную книжку бѣглыя замѣтки о видѣнномъ», писалъ Гончаровъ во «Фрег. Пал.» (II, 9). Эти замѣтки, написанныя во время передвиженія по восточной Сибири, были напечатаны въ «Русск. Обозрѣніи» 1891 г., № 1. Въ собраніи сочиненій онѣ не вошли.

Превратность судьбы, очеркъ. Послѣднее произведеніе Гончарова, написанное за нѣсколько недѣль до кончины. Авторская дата: «20 августа 1891 года». Дѣйствіе очерка относится къ 20-имъ годамъ XIX столѣтія.

Александръ Павловичъ, императоръ. — Витбергъ. — Дибичъ. — Загрусско. — Константинъ Павловичъ. — Сивковъ. — Углицкій. — Хабаровъ. — Хозяйка. — Хозяинъ дома. — Штукинъ.

Счастливая ошибка. Самое раннее изъ извѣстныхъ произведеній Гончарова; появилось въ 1839 г. «для немногихъ» въ рукописномъ сборникѣ майковскаго литературнаго кружка «Лунныя ночи». Представляетъ эскизъ къ «Обыкн. Исторіи». Произведеніе это любопытно не столько само по себѣ, сколько потому, что указываетъ, что идея «Обыкн. Ист.» уже въ 1839 г. занимала Гончарова и ея образы тревожили его воображеніе. А. А. Мазонъ, опубликовавшій повѣсть (въ чешскомъ филологическомъ журналѣ: *Casopis pro moderni filologii v Praze*. 1911) замѣчаетъ, что въ этой повѣсти лежитъ зародышъ

большей части позднѣйшихъ произведеній Гончарова: «Егоръ (герой эскиза) и Александръ Адуевы—это родные братья, столь похожіе другъ на друга характеромъ, что ихъ даже нельзя различить», а Егоръ Адуевъ въ тоже время «родной братъ Обломова» и въ его словахъ уже слышится рѣчь Обломова».

Слуги стараго вѣна—эскизы. Подзаголовокъ: «изъ домашняго архива». Распадаются на четыре отдѣльныхъ очерка 1) «Валентинъ»; 2) «Антонъ»; «Степанъ съ семьей» и 4) «Матвѣй»; напечатаны въ журналѣ «Нива» 1888 г. Очеркамъ предпослано любопытное въ автобіографическомъ отношеніи предисловіе («вмѣсто предисловія»).

Акимъ. — Антонъ. — Архiereй. — Валентинъ. — Василій. — Дьяконъ Еремѣй (Никита). — Егоровъ. — Иеронимъ, ксендзъ. — Лиза. — Максимъ. — Матвѣй. — Матвѣя-кумъ. — Матрена. — Петруша. — Петръ. — Прохорова. — Священникъ. — Степанъ. — Схимникъ.

«**Фрегатъ Паллада**», очерки путешествія въ 2-хъ томахъ. «Очерки» составились изъ ряда писемъ, адресованныхъ къ друзьямъ (Майковимъ, В. Г. Бенедиктову и др.), написанныхъ во время плаванія. Очерки въ томъ видѣ, какъ они обыкновенно печатаются, не имѣютъ хронологическаго порядка, такъ напр., первый вступительный очеркъ написанъ позднѣе всѣхъ и носитъ авторскую помѣтку: «іюнь 1854 г. на шкунѣ Востокъ». Всѣхъ очерковъ—17. Появленіе очерковъ въ печати относится къ 1855 г., когда Гончаровъ вернулся въ Спб., при чемъ они печатались въ разныхъ журналахъ и потомъ дополнялись и перерабатывались для отдѣльнаго изданія. Первымъ былъ напечатанъ очеркъ IV-ый 2 тома «Липкейскіе острова» въ «Отеч. Зап.» 1855 г. Затѣмъ появился въ «Морск. Сб.» очеркъ «Отъ Манилы до береговъ Сибири» и «Манила», «Отеч. Зап. 1855 г., «Русскіе въ Японіи въ концѣ 1853 и началѣ 1854 годовъ» печатались въ «Морск. Сб.» 1855 г. и тогда же вышли отд. изд. и т. д. Въ 1858 г. появилось полное изданіе очерковъ подъ заглавіемъ «Фр. Пал.». См. въ «Спискѣ»: «Паллада» и Приложение 3-ье: «Мѣсто дѣйствія».

А. — А. А. Б. — А. о. — Авакумъ, о. — Адмиралъ. — Авелло. — Агапка. — Александра. — Альфорадоръ. — Атласовъ. — Ача. — Аюнка. — Б. Б. К. — Б. Ш. — Б-инъ. — Баба-Городзай. — Вазиліо-донъ. — Ваніосы. — Бень. — Беттельгеймъ. — Бонемъ. — Буфетчикъ. — Бушковъ. — В. — В. А. К. — Вампоа. — Вандикъ. — Ванюшка. — Ведерхедъ. — Вейнертъ. — Вельчъ. — Витулъ. — Г. — Г-ичъ. — Генералъ-губернаторъ. — Губернаторъ. — Губернаторъ. — Демьень, м-г. — Джердинъ. — Динакуръ. — Докторъ. — Дональдъ. — Донкеръ. — Дормидонтъ. — Дюпинъ. — Дѣвушка. — «Дѣдъ». — Затѣй. — Засѣдатель. — Епископъ. — И. В. Ф. — И. П. — И. П. Б. — Иванъ. — Иванъ Григорьевъ. — Испанецъ. — Испанка. — К. — К. Л. — Кавадзи. — Канингамъ. — Калитанъ. — Кармена. — Каролина. — Кичибе. — Комендантъ. — Кроунъ. — Кузьминъ. — Кэптенъ. — Л. А. П. — Леру. — Льода. — М. З. — Мальчишка. — Маргарита. — Матабе. — Маттисонъ. — Матросъ. — Мерфоръ. — Мизно Чикогоно. — Миссіонеры. — Михелька Кернъ. — Монахъ. — Мотыгинъ. — Н. Н. — Н. Н. М. — Накамура. — Нарайоиси. — Начальникъ порта. — Неготціантъ. — Негритянка. — Новичелисъ. — О. А. — Ососаво Бунгоно. — П. — П-тъ. — П. А. — П. А. Т. — Паисовъ. — Пасторъ. — Перевозчицы. — Писарь. — Плотниковъ. — Полковникъ. — Полномочные. — Приказчикъ. — Р. К. — Реми. — Ричардъ. — Рулевой. — С. — Садагора. — Самбро. — Священникъ. — Севри. — Сейоло. — Секретари. — Симабара. — Синсура. — Слуги. — Смотритель станціонный. — Старикъ. — Стоксъ. — Съоза. — Т. — Тайтинъ-Ванъ. — Таутай Самква. — Терентьевъ. — Тимошей. — Тсуй. — Ферстфельдъ. — Фогъ. — Шейнъ. — Хагивари-Матаса. — Чиновникъ. — Шведовъ. — Эйноске. — Этола. — Янценъ. — Ясиро. — Фадеевъ. — Феодоровъ.

Художникъ—первоначальное названіе «Обрыва». Подъ названіемъ «Художникъ» романъ былъ извѣстенъ въ гончаровскомъ кружкѣ.

«**Эпизоды изъ жизни Райскаго**». Подъ такимъ заглавіемъ печатались въ «Современникѣ» 1860 г. и «Отечеств. Зап.» 1861 г. отрывки изъ неоконченнаго еще «Обрыва»: «Софья Николаевна Бѣловодова», «Бабушка» и «Портретъ».

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- 1) ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ГОНЧАРОВА.
- 2) СВОДЪ НАРИЦАТЕЛЬНЫХЪ ИМЕНЪ И ВЫРАЖЕНІЙ.
- 3) МЪСТО ДѢЙСТВІЯ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ГОНЧАРОВА.
- 4) АВТОБІОГРАФІЯ.
- 5) ГОНЧАРОВЪ ВЪ КРИТИКЪ.
- 6) ГОНЧАРОВЪ-ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.
- 7) ГРУППИРОВКА ТИПОВЪ.
- 8) ПРОТОТИПЫ.
- 9) ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Главнѣйшіе источники для изученія Гончарова ¹⁾.

а) **Сочиненія Гончарова.** До 1883 г., когда право собственности на все сочиненія Гончарова, было приобрѣтено книгоиздательской фирмой И. Глазунова, отдѣльныя произведенія писателя выдержали по нѣскольку изданій: «Обыкновенная Исторія». Спб. 1848, 1858, 1862 и 1868 г. (четыре изданія); «Обломовъ». Спб. 1859 г. и 1862 г. (два изданія). «Фрегатъ Паллада». Спб. 1858, 1862, 1879 г. (три изданія); «Обрывъ». Спб. 1870; «Четыре очерка». Спб. 1881 г. Первое изданіе (И. Глазунова) полнаго собранія сочиненій Г. появилось въ 8 т. Спб. 1884 г. ²⁾. Второе изд. дополнено девятымъ томомъ («Воспоминанія») Спб. 1889 г. Третье: 9 т. Спб. 1896 г. Четвертое изданіе въ 12 т. Спб. 1899 г. дано было въ видѣ «Приложенія» къ журналу «Нива». Пятое изданіе (той же фирмы), Спб. 1912 г. 9 т., менѣе полно, чѣмъ изданіе приложенное къ «Нивѣ» и, какъ все предыдущія, лишено всякихъ комментариевъ ³⁾. Кромѣ перечисленныхъ изданій, томы сочиненій, содержащія очерки «Фрегатъ Паллада», поступали въ отдѣльную продажу; «Милліонъ терзаній» и «Обломовъ» вышли также въ отдѣльныхъ изданіяхъ, войдя въ составъ «Классной Библіотеки», издаваемой фирмой Глазунова, подъ редакціей А. Н. Чудинова.

б) Автобіографіи.

См. ниже—Приложеніе 4-ое.

в) Библіографія:

Венгеровъ, С. А. Сочиненія, изд. «Прометей». Спб. 1911 г., т. VI, стр. 234—253.

¹⁾ Въ настоящій сводъ не внесены изслѣдованія, касающіяся отдѣльныхъ произведеній Гончарова и его взаимоотношеній къ отдѣльнымъ лицамъ. Первые стмѣнены въ «Перечнѣ» подъ рубрикой, соотвѣтствующей произведеніямъ.

²⁾ О полномъ изданіи своихъ сочиненій Гончаровъ подумывалъ еще въ 1874 г. (см. Сборникъ «Памяти Вѣлинскаго», стр. 379, письмо Гончарова къ М. М. Стасюлевичу), но его желаніе осуществилось лишь послѣ того, какъ книгопродавецъ Глазуновъ приобрѣлъ у Гончарова за сорокъ тысячъ рублей право на изданіе его сочиненій.

³⁾ По указанію С. А. Венгерова (Сочин., т. VI, стр. 234—2) не вошли слѣдующія произведенія Г—а: «Счастливая ошибка», повѣсть (см. «Перечень»), «По Восточной Сибири» («Русск. Об.», 1891 г., № 1), «Намѣренія, задачи и идея «Обрыва» (Ibidem, 1895 г., № 1), статьи по литературнымъ вопросамъ изъ «Современника», некрологъ В. Майкова (Соврем., 1847 г.), отзывъ о «Грозѣ» Островскаго (см. списокъ: Островскій), письмо по псевду «Пушк. праздника» («Моск. Вѣд.», 1880 г., № 146); замѣчанія на переводъ К. Р. «Гамлета», «Нов. Вр.», 1902 г., № 9361; «Записка о «Моск. Вѣд.», «Русск. Вѣстн.», 1889 г., № 3, анонимныя статьи изъ «Сѣверной Почты» 1862—63 гг. и «Голоса» (послѣднія приведены А. А. Мазономъ, «Р. Стар.», 1911 г., № 10), а также литературный дебютъ Гончарова въ «Телескопѣ», — переводъ романа Евгенія Сю. Не вошла и переписка Гончарова, см. выше, «Перечень». — «Нарушеніе воли».

- Венгеровъ, С. А.** Источники для словаря русских писателей. Спб. 1910 г., т. II.
Ляцкий, Е. А. Изъ литературы о Гончаровѣ въ книгѣ «Гончаровъ». Спб. 1912 г. Изд. «Огни».
Языновъ, Д. Д. Обзоръ трудовъ русск. писателей. Спб. 1909 г., вып. XI.

г) Біографія:

- Венгеровъ, С. А.** Біогр. очеркъ Гончарова, при сочиненіяхъ Г—а. Спб. 1899 г., изд. А. Маркса, т. I.
Ляцкий, Е. А. Гончаровъ. Изд. 2-ое. Спб. 1912 г.
Мазонъ, А. А. Матеріалы для біографіи Г—ва. «Русск. Стар.» 1911 г., №№ 3, 10, 11; 1912 г., № 1, 6.
Майновъ, Л. Н. Ссора между Г—ымъ и Тургеневымъ. «Русск. Ст.». 1900 г., №
Сакулинъ, П. Н. Новая глава изъ біографіи Г—а. «Голосъ Мин.». 1913 г., № 11.
Соловьевъ, Е. А. И. А. Гончаровъ (біограф. бібліотека Павленкова). Спб. 1895 г.
Суперанскій, М. Ѳ. Гончаровъ и новые матеріалы для его біографіи. «Вѣстн. Евр.». 1907 г., № 2; 1908 г., №№ 11 и 12. «Воспитаніе Г—а». «Р. Школа». 1912 г., №№ 5—8. «Г—ъ за границей». «Ист. Вѣстн.». 1912 г., № 6. Гончаровская выставка въ Симбирскѣ. Симб. 1912 г.
Филоновъ, А. Очеркъ при собраніи сочиненій Г—а. Спб. 1899 г., т. I. Матеріалы для біографіи Г—а. «Литер. Вѣстн.». 1901 г., № 6. Памятная книжка Симбирской губ. на 1868 г., стр. 312—321.

д) Критика:

- Айхенвальдъ, Ю. И.** Силуэты р. писателей. М. 1909 г., т. I.
Анненскій, И. Ѳ. Книга отражений. Спб. 1906 г.
Арсеньевъ, К. К. Критическіе этюды. Спб. 1888 г., т. II.
Буренинъ, В. П. Критическіе этюды. Спб. 1888 г.
Бѣлинскій, В. Г. Сочиненія, изд. К. Солдатенкова, т. XI.
Венгеровъ, С. А. Гончаровъ. Литерат. портретъ. Сочин. В—а. Спб. 1912 г. Изд. «Прометей», т. VI.
Веселовскій, Алексѣй Ник. Западное вліяніе въ русск. литературѣ. 4-ое изд. М. 1910.
Вѣтринскій, Ч. И. А. Гончаровъ. Изд-во «Нижегородскій Ежегодникъ», І.-Новгородъ. 1912.
Григорьевъ, А. А. Сочиненія. Спб. 1876 г., т. I («Тургеневъ и его дѣятельность»)
Добролюбовъ, Н. А. Сочиненія. Спб. Изд. 7-ое, т. II.
Дружининъ, А. В. Сочиненія. Спб. 1865 г., т. VII.
Зелинскій, В. Русская крит. литература о произвед. Гончарова. М.
Золотаревъ, С. А. Очерки по исторіи русской литературы 40—60-хъ годовъ. Натуральная школа. Спб. 1911 г.
Коробка, Н. И. Опытъ обзора р. литерат. XIX вѣка. Спб. 1907 г.
Лемке, М. К. Эпоха цензурныхъ реформъ. Спб. 1904 г. и «Очерки по ист. русск. цензуры и журналистики XIX стол. Спб. 1904.
Ляцкий, Е. А. Гончаровъ. Спб. 1912 г., 2-ое изд.
Мережковскій, Д. С. «Вѣчные спутники». Спб. 1906 г. и въ «Сочин. А—аго», изд. «Т-ва М. О. Вольфъ», Спб. 1912 г., т. XIII.
Миллеръ, О. Ф. Русскіе писатели послѣ Гоголя. Изд. 5-ое, т. II.
Овсянко-Куликовскій, Д. Н. Ист. русск. интеллигенціи. 2 изд. М. 1907 г., и въ Сочин. О.-К. Спб. 1910 г., т. VII.

Острогорскій, В. П. Этюды о русских писателяхъ. 2-ое изд. Спб., 1910 г.
Писаревъ, Д. И. Сочиненія. Спб. 1906 г., т. I.
Покровскій, В. И. Сборникъ ист. литер. статей о Гончаровѣ. М. 1905 г.
Протопоповъ, М. М. Г—ъ. «Русск. Мысль» 1891 г., № 11.
Снабичевскій, А. М. Сочиненія, 3-е изд. Спб. 1903 г., т. I и II.
Чернышевскій, Н. Г. Сочиненія, т. II. Спб. 1906 г.
Шелгуновъ, Н. В. Сочиненія, т. II, 3-е изд. Спб. 1904 г.

е) Характеристика эпохи:

Барсуковъ, Н. М. Жизнь и труды М. П. Погодина.
Головинъ, К. Ѳ. Русскій романъ и русск. общество. Спб. 1904 г., 2 изд.
Ивановъ-Разумникъ. Ист. р. общ. мысли. Спб. 1908 г. (2-е изд.), т. I.
Кирпичниковъ, А. И. Очерки по ист. новой р. литературы. М. 1903 г.

(2 изд.).

Пыпинъ, А. Н. Бѣлинскій. Спб. 1908 г., изд. 2-ое.

Чешихинъ, В. Е. Литер. и крит. движеніе въ 60-хъ годахъ XIX ст. «Ист. р. литер.», ред. Овс.-Куликовскаго, т. 3.

ж) Воспоминанія:

Боборыкинъ, П. Д. Изъ воспоминаній. «Р. Вѣд.». 1891 г.

Военскій, К. А. Гончаровъ-цензоръ (неизд. матеріалы). «Р. Вѣстн.». 1905 г., № 4.

Головачева-Панаева, А. Я. Воспоминанія. Спб. Изд. Губинскаго.

Гончаровъ, А. Н. Воспоминанія (опубликованы М. Суперанскимъ) въ «В. Евр.» 1908 г., № 11 и 12).

Григоровичъ, Д. В. «Литературныя воспоминанія». Сочин., т. XII. Спб. 1896 г.

И. К. «Изъ воспоминаній объ И. А. Г—ѣ». «Русск. Обзор.», 1898 г., № 3.

Кони, А. Ѳ. Отрывки изъ личныхъ воспоминаній о Г—вѣ. «Р. Слово». 1911 г., № 295.

Линденъ, А. М. Записки, «Русск. Стар.», 1905 г., № 4.

Никитенко, А. В. Записки. Спб. 1904 г., изд. 2-ое М. Пирожкова.

Панаевъ, И. И. Сочиненія, т. VI. Спб. 1896 г.

Потанинъ, Г. Н. Воспом. объ И. А. Г—ѣ. «Ист. Вѣстн.», 1903 г. № 4. ¹⁾

Спасская, В. Встрѣча съ И. А. Г—ымъ. «Русск. Стар.», 1912 г., № 1.

Щ. П. Г—ъ цензоръ Пушкина. «Голосъ земли», 1912 г., № 20.

Шпицеръ, С. Восп. о Г—ѣ. «Биржев. Вѣд.», 1907 г., № 10151 ²⁾.

Шпицеръ, С. «Послѣдніе годы Г—а». «Бирж. Вѣд.», вечерн. вып., 5 іюня 1912 г. «Ист. Вѣстн.». 1911 г., № 11. Отд. изд. Спб. 1912 г.

Штаненштейндеръ, Е. А. «Изъ записокъ». «Р. Вѣстн.», 1901 г., №№ 5 и 7.

Шумахеръ, А. Д. Воспоминанія. «Вѣстн. Евр.». 1899 г., № 3.

¹⁾ Неточности въ «Воспоминаніяхъ» отмѣчены въ статьѣ М. Ѳ. Суперанскаго, «Вѣстн. Евр.», 1907 г.; II, стр. 578—79.

²⁾ Возраженія на нихъ М. М. Стасюлевича и А. Ѳ. Кони, «Вѣстн. Евр.», 1907 г., № 11.

Сводъ нарицательныхъ именъ и выраженій.

- Вещественные знаки... невестественныхъ отношеній («Обыкн. Ист. I, 2).
 Деревянная жизнь! («Обыкн. Ист., I, 2).
 Жизнь хуже ста смертей (Эта жизнь хуже...) А. Адуевъ, «Об. Ист.».
- I, 6.
- Закрой клапанъ! (т. е. умѣрь свои чувства, «Обыкн. Ист., I, 3).
 Истуканное равнодушіе («Обыкн. Ист., II, 4).
 Крокодила объѣлся («Литер. вечеръ»).
 Неудачникъ («Обрывъ. См. выше—Райскій»).
 Обломовщина («Обломовъ»).
 Обнатуренный («Фрег. Пал., II, 9).
 Опухоль въ нарманъ («Обломовъ»).
 Сахарный марнизъ («Обрывъ»—Волоховъ о Ватутинѣ).
 Секретъ супружескаго счастья («Об. Ист., I, 6).
 Синіе очки («Литер. веч.»).
 Сухое занятіе (Служба—занятіе сухое, въ которомъ не участвуетъ душа)...
 А. Адуевъ, «Обыкн. Ист., I, 2).
 Трактирный либераль («Обрывъ», IV, 14).
 Фабрика бумагъ (Ал. Адуевъ о канцеляріи, «Обыкн. Ист., I, 2).
 Чернорабочій въ искуствѣ («Обыкн. Ист., I, 2).
 Черныя подозрѣнія («Обыкн. Ист., I, 3).

Мѣсто дѣйствія въ произведеніяхъ Гончарова.

На родинѣ:

Аянь: «Фрег. Пал.», II, 7.

Витима: «Фрег. Пал.», II, 8.

Деревня: Грачи.—«Об. Ист.», I, 1; II, 6.—Обломовка, I, 9.—Верхлёво (Облом. I, 9; II, 1).—Малиновка («Обрывъ», I, 7—11; II, 1—22; III, 1—23; IV, 1—15; V, 1—24.

Киренскъ: «Фрег. Пал.», II, 8.

Иркутскъ: «Фрег. Пал.», II, 9.

Москва: «Обрывъ» I, 12. «Изь университетскихъ воспоминаній».

Олекма: «Фрег. Пал.», II, 8.

СПБургъ: «Ив. Сав. Поджабринъ».—«Об. Ист.», I, 2—6; II, 1—5.—Эпилогъ.—«Литературный вечеръ».—«Слуги».—«Превратность судьбы».—«Май мѣсяцъ въ Петербургѣ». «Обрывъ» I, 1—6; II, 13—18.

Сибирскъ: «На родинѣ».

Якутскъ: «Фр. Пал.», II, 8.

За границей:

Англія (Лондонъ, Портсмуть): «Фрег. Пал.», I, 1.

Батанъ, островъ: Ib., I, 8; II, 6.

Бонинъ-Сима острова (портъ Ллойдъ): Ib., I, 8.

Гамилтъонъ, островъ: Ib., II, 6.

Гонъ-Конгъ: Ib., I, 7.

Доброй Надежды, мѣсь (Самонсбей, Саймонстоунъ, Кашштадтъ, Капская колонія): Ib., I, 4.

Зеленаго Мыса острова (г. С.-Яго и Порто-Прайя): Ib., I, 3.

Камигуинъ, островъ (портъ Піо-Квинто): Ib., II, 6.

Китай (Сѣдельные острова, Шанхай): II, 2.

Корея: Ib., II, 6.

Ликвійскіе острова (г. Чуди, портъ Нала-Кіянъ): Ib., II, 4.

Мадера, островъ (г. Фунчалъ): Ib., I, 2.

Филиппинскіе острова (Манилла): Ib., II, 5.

Сингапуръ: Ib., I, 6.

Ява, островъ (Анжеръ): Ib., I, 5.

Японія (Нагасаки): Ib., II, 1, 3 и 6.

Автобіографія.

«И. А. Гончаровъ родился въ Симбирскѣ въ 1812 г. ¹⁾; первоначальное образованіе получилъ въ дѣтствѣ въ небольшихъ частныхъ пансіонахъ ²⁾ и, между прочимъ, у одного священника за Волгой, въ помѣщичьемъ селѣ. Здѣсь, у жены священника, нѣмки ³⁾, принявшей православіе, онъ положилъ основаніе изученію французскаго и нѣмецкаго языковъ, а найденныя въ бібліотекѣ священника сочиненія Ломоносова, Державина и другихъ, также описанія нѣкоторыхъ путешествій заронили въ немъ первыя—охоту къ чтенію, а послѣднія—желаніе, конечно, тогда еще неясное и бессознательное, видѣть описанныя въ путешествіяхъ дальнія страны ⁴⁾. До поступленія въ Московскій университетъ, не руководимый почти никѣмъ въ выборѣ чтенія, онъ читалъ все, что попадалось подъ руку, между прочимъ, произведенія французскихъ беллетристовъ господствовавшей тогда школы и переводилъ на русскій языкъ романъ «Атарголь», отрывокъ изъ котораго былъ помѣщенъ въ журналѣ «Телескопъ» за 1832 г. Но скоро, однако, онъ отрезвился отъ вліянія современной французской литературы, какъ чтеніемъ образцовъ англійской и нѣмецкой литературъ, такъ и знакомствомъ съ древними историками и поэтами въ университетѣ, въ словесномъ отдѣленіи, слушающаго съ жадностью увлекательныя лекціи, исторіи иностранныхъ литературъ, исторіи изящныхъ искусствъ и археологіи—профессоровъ Шевырева и Надеждина, римскихъ и греческихъ древностей—Снегирева и Ивашковскаго; исторіи всеобщей и русской—Каченовскаго и Погодина, русской словесности—профессора Давыдова ⁵⁾. Продолжая изучать новѣйшіе языки, между прочимъ, англійскій, а также древній латинскій и отчасти греческій, и руководствуясь лекціями ученыхъ и даровитыхъ профессоровъ, Гончаровъ, систематически, съ

¹⁾ Метрическое свидѣтельство Гончарова было затеряно и потому годъ и мѣсяцъ рожденія писателя не были установлены, хотя, и въ первой, и во второй автобіографіи, Гончаровъ самъ называлъ годомъ своего рожденія 1812 годъ. Біографы Гончарова относили дату его рожденія, то къ 6 іюля 1812 г., то къ 6 іюля 1813 г. Съ опубликованіемъ М. Ѳ. Суперанскимъ «Лѣтописца» (см. «Списокъ») и выписей изъ метрическихъ книгъ симбирской Вознесенской церкви («Вѣстн. Евр.» 1908, XI, XII) дата—6 іюня 1812 года—можетъ считаться точно установленной.

²⁾ Въ біографіяхъ Гончарова говорится лишь о пансіонѣ священника за Волгой. А между тѣмъ, въ приводимомъ отрывкѣ изъ письма Гончарова къ брату, онъ самъ даетъ характеристику этихъ пансіоновъ.

³⁾ Біографы Гончарова почему-то именуютъ ее французенкой.

⁴⁾ Въ первой автобіографіи Гончаровъ подробнѣе останавливается на авторахъ книгъ, прочитанныхъ въ дѣтствѣ: «...первыя книги, попавшіяся Гончарову въ руки, въѣ классовъ, были сочиненія Державина, которыя онъ и переписывалъ, и училъ наизусть, потомъ Фонвизина «Недоросль» («Бригадира» не давали), Озерова и Хераскова (послѣдняго и тогда одолѣть онъ не могъ, несмотря на дѣтскую неразборчивость), дальѣ, нѣсколько дѣтскихъ книжекъ естественной исторіи, наконецъ путешествіе Кука вокругъ свѣта и Крашенинникова въ Камчатку. Тутъ же, находя въ лакейской дома у себя сказки о Ерусланѣ Лазаревичѣ, Бовѣ Королевичѣ и другія, читалъ и ихъ. И такъ, чтеніе продолжалось безъ системы, безъ указанія, съ поглощеніемъ всего болѣе романовъ (Коттень, Жанлисъ, Ратклифъ въ чудовищныхъ переводахъ), путешествій, списаній неслыханныхъ происшествій, всего, что болѣе дѣйствуетъ на воображеніе».

⁵⁾ Объ «увлекательныхъ лекціяхъ» Давыдова Гончаровъ совершенно иначе отзывается въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Ср. Давыдовъ въ «Спискѣ».

помощью критическаго анализа, изучилъ образцовыя произведенія иностранныхъ и отечественныхъ писателей. Между тѣмъ, съ другой стороны, живое непосредственное вліяніе на общество Карамзина и Пушкина, бывшаго тогда, въ зенитѣ своей славы, не могло не подѣйствовать благотворно и на кругъ молодыхъ студентовъ Московскаго университета, въ томъ числѣ и на него.

«Кончивъ курсъ, Гончаровъ въ 1835 году перешелъ на службу въ Петербургъ, въ министерство финансовъ, гдѣ вскорѣ занялъ должность переводчика иностранной переписки, и продолжалъ заниматься литературою, т.-е. читать, переводить, дѣлать извлеченія, преимущественно изъ нѣмецкихъ и англійскихъ писателей, для себя, въ видѣ упражненій, пока безъ намѣренія печатать. Онъ сблизился съ нѣкоторыми домами, любившими литературу, и пробовалъ силы въ домашнихнихъ сборникахъ, составляемыхъ изъ сочиненій небольшого круга друзей ¹⁾. Около двухъ тогдашнихъ журналовъ, «Библіотеки для чтенія» и «Отечественныхъ Записокъ», группировалось все, что было даровитаго въ литературѣ. Гончаровъ познакомился съ нѣкоторыми изъ литераторовъ, сначала просто въ качествѣ любителя, а потомъ, отдалъ на судъ Бѣлинскаго первый свой романъ «Обыкновенная исторія», который былъ помѣщенъ въ возобновленномъ, послѣ смерти Пушкина, подъ редакцію Панаева и Некрасова, журналѣ «Современникъ» въ 1847 г. Въ слѣдующемъ году онъ помѣстилъ въ томъ же журналѣ легкой юмористической очеркъ «Иванъ Саввичъ Поджабрилъ». Въ 1849 году, въ изданномъ подъ редакцію «Современника» литературномъ сборникѣ ²⁾, напечатанъ былъ отрывокъ изъ романа «Обломовъ», подъ заглавіемъ «Сонъ Обломова».

«Въ 1852 году бывшимъ тогда министромъ народнаго просвѣщенія ³⁾ неожиданно предложено было Гончарову мѣсто секретаря при начальникѣ экспедиціи, снаряженной правительствомъ для обозрѣнія россійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ и для заключенія торговаго трактата съ Японіей. Онъ съ радостью принялъ предложеніе, которое вдругъ пробудило его завѣтную, почти покинутую мечту о дальнемъ путешествіи. По возвращеніи, послѣ двухъ съ половиной лѣтъ плаванія по морямъ и путешествія отъ Охотскаго моря черезъ Сибирь, Гончаровъ въ 1855 и 1856 годахъ напечаталъ описаніе этого путешествія по частямъ въ «Морскомъ Сборникѣ», «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ», а въ 1857 году издалъ отдѣльною книгою въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Фрегатъ Паллада», которое въ 1862 году вышло вторымъ изданіемъ, всего въ числѣ шести тысячъ экземпляровъ. Между тѣмъ, онъ перешелъ на службу министерства народнаго просвѣщенія на должность цензора въ 1856 году, которая почти не оставляла ему свободнаго времени для прочихъ занятій. Усибная работа вмѣстѣ съ петербургскимъ климатомъ вредно подѣйствовали на его здоровье и принудили прибѣгнуть къ пособію минеральныхъ водъ.

«Во время четырехмѣсячныхъ каникулъ за границую онъ успѣлъ докончить давно начатый романъ «Обломовъ», который появился въ печати въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1859 г. и въ томъ же году отдѣльною книгою, а потомъ, въ 1862 году, вторымъ изданіемъ. Въ 1862 году, Гончаровъ назначенъ былъ главнымъ редакторомъ газеты министерства внутреннихъ дѣлъ «Сѣверная почта», а въ слѣдующемъ—перешелъ на должность члена совѣта того же министерства по дѣламъ печати. Послѣ романа «Обломовъ» онъ напечаталъ три отрывка изъ неоконченнаго и неизданнаго романа «Райскій» въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ», подъ заглавіемъ «Софья Николаевна Бѣловодова», «Портретъ» и «Бабушка».

¹⁾ См. въ «Спискѣ»: Майковы и «Лунныя ночи».

²⁾ См. въ «Спискѣ»: «Иллюстр. Альманахъ».

³⁾ А. С. Норовымъ.

Раніше этой автобіографіи, напечатанной въ «Сборникъ Истор. матеріаловъ Симбирской губерніи» (Симбирскъ 1868 г.)¹⁾, появилась въ печати автобіографія Гончарова въ «Русск. Худ. Листкѣ» Тимма за 1859 г.²⁾, написанная по просьбѣ редакціи журнала. На просьбу брата, Н. А. Гончарова,—бывшаго въ 1864 г. редакторомъ «Симб. Губ. Вѣдомостей» — прислать біографію для «Памятной книжки Симб. губ.», Иванъ Александровичъ откликнулся, что братъ можетъ перепечатать «цѣликомъ, не прибавляя ни одной буквы», автобіографію изъ «Худ. Листка». Однако, т. к. въ Симбирскѣ могло не оказаться нумера стараго журнала, Гончаровъ сообщалъ брату почти то же самое, что было напечатано въ «Листкѣ», кратко упоминая о своей литературной дѣятельности и послѣ 1859 г. Въ письмѣ къ брату, лишь недавно опубликованномъ и являющемся цѣннымъ дополненіемъ къ автобіографіи, Гончаровъ писалъ: «Скажу тебѣ откровенно, меня удивляетъ немного это помѣщеніе біографій, да еще подробныхъ, въ мѣстномъ календарѣ сочинителей, особенно такихъ, напримѣръ, какъ твой возлюбленный братецъ... Другое дѣло—Карамзинъ... Ты вдругъ требуешь полной моей біографіи, съ обозначеніемъ всѣхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на развитіе во мнѣ—чего? охоты писать? Вонъ ты упомянулъ и о томъ, что забылъ фамилію какой-то чиновницы, содержавшей пансіонъ, куда насъ возили учиться читать и писать: да, это въ самомъ дѣлѣ жалъ—какая потеря для потомства и человѣчества вообще, что оно не узнаетъ, гдѣ учился выводить азы такой великій человѣкъ, какъ я? Ужъ ежели вспомнишь фамилію, такъ не забудь прибавить, что она была рябая, какъ терка, злая и стегала ремнемъ по пальцамъ твоимъ, кто писалъ криво, или высовывалъ языкъ, когда писалъ. Объ училищѣ³⁾ я тоже не упомянулъ ничего въ біографіи, потому что мнѣ тѣ же слѣды вспоминать о немъ, и, если-бъ пришлось вспоминать, то надо бы было помянуть лихомъ, а я этого не могу, и потому о немъ ни слова. По милости тупого и официального рутинера, Тита Алексѣевича⁴⁾ мы жили тамъ 8 лѣтъ, 8 лучшихъ лѣтъ, безъ дѣла! да, безъ дѣла. А онъ еще задержалъ меня четыре года въ младшемъ классѣ, когда я былъ тамъ лучше всѣхъ, потому только, что я былъ молодъ, т. е. малъ, а зналъ больше всѣхъ. Онъ хлопоталъ, чтобъ было тихо въ классахъ, чтобъ не шумѣли, чтобъ не читали чего-нибудь лишняго, не принадлежащаго къ классамъ, а не хватало его ума на то, чтобы оцѣнить и прогнать бездарныхъ и безтолковыхъ учителей, какъ Алексѣй Логиничъ, который молоть самъ не зналъ, отъ старости и отъ пьянства, что и, какъ, а только дрался линейкой, или Христіанъ Ивановичъ, вбивавшій два года склоненія и спряженія французскаго и нѣмецкаго, которыя самъ плохо зналъ; Гольтеповъ⁵⁾, заставлявшій наизусть долбить исторію Шрекка и ни разу не потрудившійся живымъ словомъ поговорить съ учениками о томъ, что тамъ написано. И какая программа: два года на французскія и нѣмецкія склоненія и спряженія, да на древнюю исторію и дроби; слѣдующіе два года на синтаксисъ, на среднюю исторію (по Кайданову, или Шрекку) да алгебру до уравненій, итого четыре года на то, на что много двухъ лѣтъ! А тамъ еще четыре года на такъ называемую словесность иностранную и русскую, т. е. на долбленіе тощихъ тетрадокъ нѣмца Валентины, плохо знавшаго по-французски Тита и отжившаго риторика Карецкаго! А потомъ вершина образованія—это quasi-естественныя науки у того же пьянаго Алексѣя Логиневича, т. е. тошнѣ тетрадки, да букашки изъ домашняго сада, и лягушки, и камешки съ дѣвичьяго поля; да самъ Титъ Алексѣевичъ препода-

¹⁾ Перепечатана въ статьѣ М. Ѳ. Суперанскаго «Вѣстн. Евр.» 1907 г., № 2, стр. 579, 582.

²⁾ Приведена съ сопоставленіемъ второй автобіографіи въ статьѣ А. А. Мазона «Русск. Стар.» 1911 г., № 10, стр. 35—41.

³⁾ См. «Списокъ»: «Моск. Коммерч. Училище».

⁴⁾ Директоръ училища—Т. А. Каменецкій.

⁵⁾ Преподаватель и секретарь совѣта—Никита Гольтеповъ.

давалъ премудрость, т. е. математику 20-лѣтнимъ юношамъ и хлопоталъ пуше всего, чтобъ его боялись!

Нѣтъ, мимо это милое училище! Съ благодарностью упомяну о *Θ. С. Троицкомъ*¹⁾, у котораго жена-нѣмка, знавшая и по-французски, положила основаніе иностраннымъ языкамъ, да тамъ же я нашелъ нѣсколько книгъ, которыя и заронили во мнѣ охоту къ чтенію. А затѣмъ все сдѣлали: во-первыхъ, университетъ, т. е. Надеждинъ, Шевыревъ, Каченовскій, Погодинъ, Давыдовъ, потомъ вліяніе Пушкина и Карамзина, господствовавшего въ обществѣ, наконецъ, Петербургъ живая современная литература». [«Новое Время». Ил. Прилож. 1912 г.]. Дополненіемъ къ автобіографіи являются также очерки и эскизы: «Воспоминанія», «Замѣтки о личности Бѣлинскаго», «Лучше поздно — чѣмъ никогда», «Слуги». Ср. Перечень: «Воспоминанія».

¹⁾ *Θ. С. Троицкій*—тотъ самый священникъ изъ села за Волгой, о которомъ анонимно упоминаетъ Гончаровъ въ своей автобіографіи.

Гончаровъ въ критикѣ.

При оцѣнкѣ перваго гончаровскаго романа Бѣлинскій указалъ на особенности таланта и творчества Гончарова. Эти особенности, отмѣченныя Бѣлинскимъ (художественная изобразительность и объективность), легли въ основу послѣдующихъ оцѣнокъ гончаровскаго таланта и творчества.

Опредѣляя свойства таланта Гончарова, Бѣлинскій писалъ: «Онъ—поэтъ, художникъ, и больше ничего. У него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю; онъ какъ будто думаетъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона. Изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей онъ одинъ, только онъ одинъ приближается къ идеалу чистаго искусства, тогда какъ всѣ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство—и тѣмъ самымъ успѣваютъ. Всѣ нынѣшніе писатели имѣютъ еще нѣчто кромѣ таланта, и это-то нѣчто важнѣе самого таланта и составляетъ его силу; у Гончарова нѣтъ ничего кромѣ таланта, онъ больше, чѣмъ кто-нибудь теперь, поэтъ, художникъ. Талантъ его не первостепенный, но сильный, замѣчательный. Къ особенностямъ его таланта принадлежитъ необыкновенное мастерство рисовать женскіе характеры. Онъ никогда не повторяетъ себя, ни одна его женщина не напоминаетъ собой другой, и всѣ, какъ портреты, превосходны».

«Гончаровъ рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своей способностью рисовать; говорить и судить и извлекать изъ нихъ нравственныя слѣдствія ему надо предоставить своимъ читателямъ». «Главная сила таланта Гончарова— всегда въ изящности и тонкости кисти, вѣрности рисунка; онъ неожиданно впадаетъ въ поэзію даже въ изображеніи мелочныхъ и постороннихъ обстоятельствъ, какъ, на примѣръ, въ поэтическомъ описаніи процесса горѣнія въ каминѣ сочиненій молодого Адуева»... «Въ талантѣ Гончарова—поэзія агентъ первый, главный и единственный»... [Бѣлинскій. «Взглядъ на русск. литерат. 1847 г.»].

Любопытно сопоставить характеристику творчества Гончарова, данную Бѣлинскимъ, съ характеристикой Добролюбова. Высказывая свои взгляды по поводу Обломова, Добролюбовъ признавалъ, что «въ отношеніи къ Гончарову болѣе, чѣмъ въ отношеніи ко всякому другому автору, критика обязана изложить общіе результаты, выводимые изъ его произведеній. Есть авторы, которые сами на себя берутъ этотъ трудъ, объясняясь съ читателемъ относительно цѣли и смысла своихъ произведеній. Иные и не высказываютъ категорически своихъ намѣреній, но такъ ведутъ весь разговоръ, что онъ оказывается яснымъ и правильнымъ олицетвореніемъ ихъ мысли. У такихъ авторовъ каждая страница бьетъ на то, чтобы вразумить читателя, и много нужно недогадливости, чтобы не понять ихъ... За то плодомъ чтенія ихъ бываетъ болѣе или менѣе полное (смотря по степени таланта автора) согласіе съ идеею, положенною въ основаніе произведенія. Остальное все улечивается черезъ два часа по прочтеніи книги. У Гончарова совсѣмъ не то. Онъ вамъ не даетъ, и повидимому не хочетъ дать, никакихъ выводовъ. Жизнь, имъ изображаемая, служить для него

не средствомъ къ отвлеченной философіи, а прямою цѣлью сама по себѣ. Ему нѣтъ дѣла до читателя и до выводовъ, какіе вы сдѣлаете изъ романа: это ужъ ваше дѣло. Ошибетесь—пеняйте на свою близорукость, а никакъ не на автора. Онъ представляетъ вамъ живое изображеніе и ручается только за его сходство съ дѣйствительностью; а тамъ ужъ ваше дѣло опредѣлить степень достоинства изображенныхъ предметовъ: онъ къ этому совершенно равнодушенъ. У него нѣтъ и той горячности чувства, которая инымъ талантамъ придаетъ наибольшую силу и прелесть». «Талантъ его неподатливъ на впечатлѣнія. Онъ не запоетъ лирической пѣсни при взглядѣ на розу и соловья; онъ будетъ пораженъ ими, остановится, будетъ долго всматриваться и вслушиваться, задумается... Какой процессъ въ это время произойдетъ въ душѣ его, этого намъ не понять хорошенько... Но вотъ онъ начинать чертить что-то... Вы холодно всматриваетесь въ неясныя еще черты... Вотъ онъ отдѣляются яснѣе, яснѣе, прекраснѣе... и вдругъ, неизвѣстно какимъ чудомъ, изъ этихъ чертъ возстаютъ предъ вами и роза, и соловей, со всей своей прелестью и обаяньемъ. Вамъ рисуется не только ихъ образъ, вамъ чуется аромать розы, слышатся соловьиныя звуки... Пойте лирическую пѣсню, если роза и соловей могутъ возбуждать ваши чувства; художникъ начертилъ ихъ и, довольный своимъ дѣломъ, отходить въ сторону: болѣе онъ ничего не прибавитъ... «И напрасно было бы прибавлять,—думаетъ онъ,—если самъ образъ не говоритъ вашей душѣ, то что могутъ вамъ сказать слова?»...—«Въ этомъ умѣньѣ охватить полный образъ предмета, отчеканить, изваять его — заключается сильнѣйшая сторона таланта Гончарова. И ею онъ превосходитъ всѣхъ современныхъ русскихъ писателей. Изъ нея легко объясняются всѣ остальные свойства его таланта. У него есть изумительная способность—во всякій данный моментъ остановить летучее явленіе жизни, во всей его полнотѣ и свѣжести, и держать его предъ собою до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлается полной принадлежностью художника. На всѣхъ насъ падаетъ свѣтлый лучъ жизни, но онъ у насъ тотчасъ же и исчезаетъ, едва коснувшись нашего сознанія. И за нимъ идутъ другіе лучи, отъ другихъ предметовъ, и опять столь же быстро исчезаютъ, почти не оставяя слѣда. Такъ проходитъ вся жизнь, скользя по поверхности нашего сознанія. Не то у художника: онъ умѣетъ уловить въ каждомъ предметѣ что-нибудь близкое и родственное своей душѣ, умѣетъ остановиться на томъ моментѣ, который чѣмъ-нибудь особенно поразилъ его. Смотри по свойству поэтического таланта и по степени его выработанности, сфера, доступная художнику, можетъ суживаться или расширяться, впечатлѣнія могутъ быть живѣе или глубже; выраженіе ихъ—страстнѣе или спокойнѣе. Нерѣдко сочувствіе поэта привлекается какимъ-нибудь однимъ качествомъ предметовъ, и это качество онъ старается вызывать и отыскивать всюду, въ возможно полномъ и живомъ его выраженіи поставляетъ свою главную задачу, на него по преимуществу тратитъ свою художественную силу. Такъ являются художники, сливающие внутренній міръ души своей съ міромъ вѣншихъ явленій и видящіе всю жизнь и природу подъ призмой господствующаго въ нихъ самихъ настроенія. Такъ, у однихъ все подчиняется чувству пластической красоты, у другихъ, по преимуществу, рисуются нѣжныя и симпатичныя черты, у иныхъ, во всякомъ образѣ, во всякомъ описаніи отражаются гуманныя и социальныя стремленія, и т. д. Ни одна изъ такихъ сторонъ не выдается особенно у Гончарова. У него есть другое свойство: спокойствіе и полнота поэтического міросозерцанія. Онъ ничѣмъ не увлекается исключительно или увлекается вѣзмъ одинаково. Онъ не поражается одной стороною предмета, однимъ моментомъ событія, а вертитъ предметъ со всѣхъ сторонъ, выжидаетъ совершенія всѣхъ моментовъ явленія, и тогда уже приступаетъ къ ихъ художественной переработкѣ. Слѣдствіемъ этого является, конечно, въ художникѣ болѣе спокойное и безпристрастное отношеніе къ изображаемымъ предметамъ, болѣе отчетливая въ очерчаніи даже мелочныхъ подробностей, и равная доля вниманія ко всѣмъ частностямъ разсказа».

По мнѣнію Добролюбова, эти подробности имѣють «обаятельное значеніе», и «Гончаровъ является передъ нами прежде всего художникомъ, умѣющимъ выразить полноту явленій жизни. Изображеніе ихъ составляетъ его призваніе, его наслажденіе; объективное творчество его не смущается никакими теоретическими предубѣжденіями и заданными идеями, не поддается никакимъ исключительнымъ симпатіямъ. Оно спокойно, трезво, безстрастно. Составляетъ-ли это высшій идеаль художнической дѣятельности или, можетъ быть, это даже недостатокъ, обнаруживающій въ художникѣ слабость воспримчивости? Категорическій отвѣтъ затруднителенъ и во всякомъ случаѣ былъ бы несправедливъ, безъ ограничений и поясненій. Многимъ не правится спокойное отношеніе поэта къ дѣйствительности, и они готовы тотчасъ же произнести рѣзкій приговоръ о несимпатичности такого таланта. Мы понимаемъ естественность подобнаго приговора и, можетъ быть, сами не чужды желанія, чтобы авторъ побольше раздражалъ наши чувства, посылнѣе увлекалъ насъ. Но мы сознаемъ, что желаніе это—нѣсколько обломовское, происходящее отъ склонности имѣть постоянно руководителей, даже въ чувствахъ. Приписывать автору слабую степень воспримчивости потому только, что впечатлѣнія не вызываютъ у него лирическихъ восторговъ, а молчаливо кроются въ его душевной глубинѣ—несправедливо. Напротивъ, чѣмъ скорѣе и стремительнѣе высказывается впечатлѣніе, тѣмъ чаще оно оказывается поверхностнымъ и мимолетнымъ. Примѣровъ мы видимъ множество на каждомъ шагу въ людяхъ, одаренныхъ неистощимымъ запасомъ словеснаго и мимическаго паюса. Если человекъ умѣетъ выдержать, взлелѣять въ душѣ своей образъ предмета и потомъ ярко и полно представить его,—это значитъ, что у него чуткая воспримчивость соединяется съ глубиною чувства. Онъ до времени не высказывается, но для него ничто не пропадаетъ въ мірѣ. Все, что живетъ и движется вокругъ него, все, чѣмъ богата природа и людское общество, у него все это — «какъ-то чудно живетъ въ душевной глубинѣ». Въ немъ, какъ въ магическомъ зеркалѣ, отражаются и по волѣ его останавливаются, застываютъ, отливаются въ твердыя недвижныя формы всѣ явленія жизни, во всякую данную минуту. Онъ можетъ, кажется, остановить самую жизнь, навсегда укрѣпить и поставить предъ нами самый неуловимый мигъ ея, чтобы мы вѣчно на него смотрѣли, поучаясь или наслаждаясь». [Н. А. Добролюбовъ. «Что такое Обломовщина?»].

Дружининъ, сравнивая творчество Гончарова съ творчествомъ фламандцевъ—Дюу, Ванъ-деръ Нэера и Остада—замѣчалъ, что «простой и даже скупой на вымыселъ, подобно тремъ сейчасъ названнымъ великимъ людямъ, Гончаровъ, подобно имъ, не выдаетъ всей своей глубины поверхностному наблюденію. Но, подобно имъ, онъ является глубже и глубже съ каждымъ внимательнымъ взглядомъ, подобно имъ, онъ ставитъ предъ наши глаза цѣлую жизнь данной сферы, данной эпохи и даннаго общества, для того, чтобы, подобно имъ же, навсегда остаться въ теоріи искусства и освѣщать яркимъ свѣтомъ моменты дѣйствительности, имъ уловленной». (Статья Дружинина написана въ 1859 г.).

На объективномъ изображеніи «художнически созданнаго міра» останавливается и А. А. Григорьевъ, находя, что «талантъ» Гончарова «неизмѣримо выше» его возрѣній.

Этого таланта не отрицали у Гончарова даже принципиальные противники его возрѣній. Объективность изображеній Гончарова и его художественный талантъ были всѣми признаны: на этомъ сошлись Бѣлинскій и Добролюбовъ, Чернышевскій и Дружининъ, А. Григорьевъ и Писаревъ и, позднѣйшіе критики, М. М. Протопоповъ и С. А. Венгеровъ. Протопоповъ указываетъ, «что объективность этого таланта прежде всего представляется въ нашихъ глазахъ» («Р. Мысль» 1891 г., № 1). С. А. Венгеровъ называетъ Гончарова «корифеемъ объективнаго романа» (Сочиненія, т. V).

Критики расходились въ оцѣнкѣ этой «объективности», но не въ признаніи ея, какъ главнаго свойства гончаровскаго таланта и творчества. Бѣ-

линскій видѣлъ въ ней «силу» Гончарова; Добролюбовъ полагалъ, что затруднителенъ категорическій отвѣтъ на вопросъ: составляетъ ли объективное творчество идеаль художнической дѣятельности или недостатокъ? наоборотъ, Писаревъ, отдавая «дань удивленія таланту, направленному «на мелочи», не придавалъ значенія гончаровскому творчеству, лишенному «общественнаго интереса» (Соч. Писарева, т. I). За такое именно несоотвѣтствіе формы и содержанія, другой критикъ, Н. В. Шелгуновъ, не обинуясь, назвалъ Гончарова «талантливой безталанностью» («Дѣло» 1869 г., № 8). А. М. Скабичевскій, варьируя Писарева, въ свою очередь отмѣчалъ слабость мысли Гончарова («недостатокъ мыслительности», не соответствующій его изобразительнымъ способностямъ»).

Объективность творчества Гончарова признавалась и подчеркивалась всѣми названными критиками. Взглядъ на Гончарова какъ на объективнаго писателя перешелъ въ учебники, сталъ общимъ взглядомъ. Однако, новѣйшіе изслѣдователи сдѣлали успѣшную попытку новой постановки, казалось, давно рѣшеннаго вопроса.

Въ своихъ критико-біографическихъ очеркахъ, посвященныхъ Гончарову, Е. А. Ляцкій, подводя итоги «объективности» гончаровскихъ изображеній, открываетъ въ каждомъ изъ произведеній писателя отраженіе его личности, автобіографическія черты. «Изученіе творчества Гончарова въ его цѣломъ, говоритъ названный критикъ, приводитъ насъ къ глубокому убѣжденію въ томъ, что передъ нами одинъ изъ наиболѣе субъективныхъ писателей, для котораго раскрытіе его «я» было важнѣе изображенія самыхъ животрепещущихъ и интересныхъ моментовъ современной ему общественной жизни. Первое давало содержаніе, второе опредѣляло національный колоритъ и форму. Гончаровъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ творческихъ натуръ, которыя совмѣщали въ своей дѣятельности въ сознательномъ гармоническомъ сочетаніи запросы современности съ индивидуальными стремленіями своего «я», имѣющаго всегда нѣчто независимое, органически вырастающее изъ психологическихъ корней личности, какъ особь, какъ характеръ. Доказательство этой мысли должно выяснитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то сплошное недоразумѣніе между Гончаровымъ и критикой, которое едва ли возможно объяснить съ иной точки зрѣнія, чѣмъ наша. Требованія, предъявлявшіяся критикой къ писателю, котораго она признавала безстрастнымъ и непристрастнымъ изобразителемъ общественной жизни, были своего рода Прокрустовымъ ложемъ для Гончарова, сторонившагося отъ этой жизни и рисовавшаго только свою жизнь и то, что къ ней приросло» (Е. А. Ляцкій. «Гончаровъ», стр. 54). Характеризуя свойства дарованія Гончарова, тотъ же критикъ замѣчаетъ: «это былъ глубокій, своеобразный и капризный талантъ. Онъ владѣлъ писателемъ въ гораздо большей степени, чѣмъ писатель имъ. На Гончаровѣ было бы удобнѣе всего построить теорію самодовлѣющаго таланта, который творитъ, не всегда справляясь съ міросозерцаніемъ писателя, инстинктивно захватываетъ шире и глубже намѣреній автора и подчасъ становится съ нимъ въ непримиримое противорѣчіе. Творчество отражаетъ эту борьбу сознательнаго начала съ инстинктомъ и обнаруживается въ романахъ страницами неровныхъ штриховъ и раздраженной или ослабѣвшей мысли. На нашихъ глазахъ прошло и проходитъ не мало непонимающихъ себя художниковъ, у которыхъ, не въ примѣръ Гончарову, сознательная мысль, замыкаясь въ узкую тенденцію, брала верхъ надъ талантомъ, и ихъ творчество выходило болѣзненнымъ и блѣднымъ. Выступая иногда слишкомъ рано на поприще общественной борьбы, они недостаточно чутко прислушивались къ органическимъ влеченіямъ своихъ еще не установившихся идеаловъ и направляли работу своей кисти въ такія области, для которыхъ художественное содержаніе было и большою роскошью и вмѣстѣ съ тѣмъ препятствіемъ въ суровой борьбѣ отвлеченныхъ идей. По счастью для Гончарова, талантъ его былъ настолько великъ, что въ большинствѣ слу-

чаевъ одерживалъ верхъ надъ чуждыми ему публицистическими порывами. Талантъ этотъ былъ ограниченъ и жизнененъ вездѣ, гдѣ Гончаровъ чувствовалъ «свой грунтъ и свою ниву», но онъ же оказывался блѣднымъ и малосодержательнымъ, когда писатель брался за изображеніе мало знакомой ему набѣгавшей «новой жизни».

За этой борьбой идей и таланта остается свое особенное значеніе. Гончаровъ прошелъ по межѣ двухъ эпохъ нашей сознательно-исторической жизни. Старое, какъ дремучій лѣсъ, съ подгнившими корнями, ломалось здѣсь и тамъ, падало и давило молодые побѣги, но они веселой, зеленой волной охватывали его по опушкамъ, проростали между стволовъ, взирались на старые пни—и уже готовились торжествовать свою побѣду... Гончарову жаль было таинственной задумчивости и величавыхъ рѣчей стараго лѣса; ими было проникнуто его творчество, все сотканное изъ яркихъ золотыхъ лучей, прорвавшихся въ сумракъ неподвижности и покоя—и онъ боязливо косился на молодые и дерзновенные побѣги... Этотъ моментъ борьбы, съ шатаніемъ старыхъ устоевъ и проблесками новой жизни, сдѣлалъ Гончарова типичнымъ выразителемъ переходной эпохи, для насъ—самой знаменательной во всей исторіи нашего общественнаго развитія. Чуткій и наблюдательный во всемъ, что онъ разсматривалъ въ конечномъ итогѣ прошлаго, Гончаровъ ярко характеризовалъ общественный идеалъ Чацкаго, его стремленіе къ свободѣ отъ всевозможныхъ цѣпей рабства, которыми оковано общество, но современная жизнь, казалось ему, настало уже вперёдъ отъ того-другого «фамусовскаго», идеала, что въ ней оставались, по его выраженію, только «кое-какіе живые слѣды» стараго міросозерпанія, мѣшавшіе «обратиться картинѣ въ законченный историческій барельефъ». Однако, творчество самого же Гончарова, въ объединенномъ смыслѣ, показало, что такихъ слѣдовъ въ русской жизни осталось немало». [Е. Ляцкій. Гончаровъ, стр. 304—305].

За отсутствіемъ матеріаловъ—воспоминаній и переписки—Е. А. Ляцкій въ своемъ изслѣдованіи о Гончаровѣ, могъ лишь «условно предположить», что, если въ Петрѣ Ивановичѣ Адуевѣ выразилась дѣловая служебная сторона личности Гончарова, въ Обломовѣ—домашній обиходъ, отвѣчавшій его склонности къ мечтательному покою и ревнивому обереганію личной жизни отъ толчковъ и вторженій извнѣ,—то въ образѣ Райскаго нашелъ себѣ выраженіе наиболѣе важный и возвышенный элементъ—воплощеніе художнической природы писателя». [«Гончаровъ», стр. 232]. Сохранившаяся переписка Гончарова съ Е. А. Толстой, опубликованная лишь въ 1913 г., дала П. Н. Сакулину опору для вывода, что «въ Гончаровѣ одновременно жили и Штольцъ, и Обломовъ, и Райскій: у него складъ ума (и міросозерпанія)—Штольца, характеръ Обломова, а художественныя свойства таланта—Райскаго [П. Н. Сакулинъ «Новая глава изъ біогра. Гончарова», «Голосъ Мин.» № 11—1913 г., стр. 58].

Ю. И. Айхенвальдъ указываетъ на «то глубокое недоразумѣніе, въ силу котораго Гончарова нерѣдко называютъ писателемъ объективнымъ». По мнѣнію Айхенвальда, «въ свои романы Гончаровъ свою натуру перенесъ всецѣло и нисколько не отрѣшился отъ себя, когда живописалъ другихъ людей. У него и помину нѣтъ о той строгой объективности, которая подавляетъ въ художникѣ его сочувствія и непріязни и безъ всякаго замѣтнаго посредничества ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ жизнью и людьми. Мы слишкомъ ясно видимъ, кого и что онъ любитъ, кому онъ отказываетъ въ своей симпатіи; напр., рисуя фигуры Волохова и Тушина онъ не скрываетъ, къ которой изъ нихъ лежитъ его сердце; онъ явно раздѣляетъ «бабушкину мораль», и не писатель-объективистъ провожаетъ Вѣру въ обрывѣ этой лирической мольбою: «Боже, прости ее, что она обернулась!» Такой же лиризмъ, конечно, спокойный, сказывается у него и въ описаніи любви Адуева и Наденьки, и на многихъ другихъ страницахъ. Гончаровъ необычайно субъективенъ въ произведеніяхъ своего пера, онъ и не пытается достигнуть писательскаго безпристрастія, и, даже, не умѣя индивидуализировать слога, заставляетъ свои персонажи говорить пластическимъ язы-

комъ самого автора: вѣдь молодой Адуевъ и Райскій, Штольцъ въ своихъ послѣднихъ бесѣдахъ съ Ольгой, Обломовъ въ своихъ тирадахъ противъ столичной жизни—всѣ они выражаются одинаково и всѣ они употребляютъ тѣ же красивыя, стройныя, образныя фразы, которыя спокойно и медлительно текутъ изъ устъ самого писателя на тѣхъ многочисленныхъ страницахъ, гдѣ онъ прерываетъ нить непосредственнаго дѣйствія для своихъ разсужденій и характеристикъ. Иногда гончаровская рѣчь или отдѣльная фраза, неосторожно вложенная въ уста какого-нибудь героя, даже рѣзко поражаетъ своимъ несоотвѣтствіемъ говорящему лицу, вспомните, напр.: «какъ Татьяна Марковна въ «Обрывѣ» опредѣляетъ—остроту: «острота фальшива, принарядится краснымъ словомъ, смѣхомъ, ползеть, какъ змѣй, въ уши, нарываетъ подкрасться къ уму и помрачить его»—развѣ этой бабушкиныя рѣчи? Если возникла все-таки по отношенію къ Гончарову иллюзія объективнаго творчества, то это объясняется лишь тѣмъ, что онъ былъ объективенъ, т. е. спокоенъ, какъ человѣкъ (а не какъ художникъ!), что внутренній міръ его, котораго онъ ничѣмъ и не старался заслонить, самъ то былъ тихъ и созерцателенъ, сторонился огня и страсти, жизнь переносилъ легко и окрашивалъ ее въ свѣтлыя и мирныя краски. Прирожденную безмятежность духа не будемъ смѣшивать съ художественной объективностью. [Айхенвалдъ. «Силуэты р. писат.», т. I, 263—64].

Д. С. Мерещковскій отмѣчаетъ въ Гончаровѣ «наибольшую способность символизма», которой онъ «обладаетъ вмѣстѣ съ Гоголемъ». «Каждое его произведеніе—художественная система образовъ, подъ которыми скрыта вдохновенная мысль. Читая ихъ, вы испытываете то же особенное, ни съ чѣмъ не сравнимое чувство широты и простора, которое возбуждаетъ грандіозная архитектура—какъ-будто входите въ огромное, свѣтлое и прекрасное зданіе. Характеры—только часть цѣлаго, какъ отдѣльныя статуи и барельефы, размѣщенные въ зданіи,—только рядъ символовъ, пугныхъ поэту, чтобы возвысить читателя отъ созерцанія частнаго явленія къ созерцанію вѣчнаго». «Способность философскаго обобщенія характеровъ чрезмѣрно сильна въ Гончаровѣ; иногда она прорываетъ какъ остріе живую художественную ткань романа и является въ совершенной наготѣ; напр., Штольцъ—уже не символъ, а мертвая аллегорія. Противоположность такихъ типовъ, какъ практическая Марейнка и поэтическая Вѣра, какъ эстетикъ Райскій и дигилистъ Волоховъ, какъ мечтательный Обломовъ и дѣятельный Штольцъ—развѣ это не чистѣйшій и, притомъ, непронзвольный, глубоко реальный символизмъ! Самъ Гончаровъ въ одной критической статьѣ признается, что бабушка въ «Обрывѣ» была для него не только характеромъ живого человѣка, но воплощеніемъ Россіи. Вспомните ту геніальную сцену, когда Вѣра останавливается на минуту передъ образомъ Спасителя въ древней часовнѣ и тропинкой, ведущей, къ «Обрыву», къ бесѣдкѣ, гдѣ ждетъ ее Маркъ Волоховъ. Вѣра, какъ идеальное воплощеніе души современнаго человѣка, колеблется и недоумѣваетъ, гдѣ же правда—здѣсь, въ кроткихъ, строгихъ очахъ Спасителя, въ древней часовнѣ, или тамъ, за «Обрывомъ», въ злобной, страшной и обязательной проповѣди новаго человѣка?» «И такого поэта наши литературные судьи считали отживающимъ типомъ эстетика, точнымъ, но неглубокимъ бытописателемъ помѣщичьихъ нравовъ! Но когда отъ реалистической критики, отъ столь прославленныхъ ею бытовыхъ комедій и романовъ не останется ни слѣда, произведенія Гончарова, мало понятныя въ нашъ вѣкъ художественнаго матеріализма, возродятся въ полной, идеальной красотѣ. Онъ одинъ изъ величайшихъ въ современной европейской литературѣ творцовъ человѣческихъ душъ, художниковъ-символистовъ». [Мерещковскій, т. XIII, стр. 240—241].

Гончаровъ-путешественникъ.

Первое кругосвѣтное плаваніе русскихъ моряковъ было совершено въ 1803—1806 г.г. на корабляхъ—«Надежда» (капитанъ Крузенштернъ¹⁾) и «Нева» (капитанъ Лисянскій²). Во главѣ экспедиціи стоялъ чрезвычайный полномочный посоль, Н. П. Резановъ³); по его инициативѣ и была снаряжена экспедиція, имѣвшая цѣлью установленіе торговыхъ сношеній съ Японіей. Резановъ везъ съ собою подарки и грамоту Императора Александра I-го «его Тензинкубоскому Величеству,—Самодержавнѣйшему Государю обширной Имперіи Японской, превосходнѣйшему императору и повелителю».

Посольство Резанова не достигло намѣченной цѣли: Резанову не удалось завязать сношеній съ замкнутой страной⁴), тѣмъ не менѣе «первое путешествіе россиянь кругомъ свѣта» явилось само себѣ выдающимся событіемъ и вызвало рядъ живыхъ описаній и отчетовъ⁵). Оно положило начало непосредственному участію и русскихъ мореплавателей въ тѣхъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ, которыя уже давно производили европейцы. Кругосвѣтныя путешествія на утлыхъ парусныхъ судахъ сами по себѣ не могли не считаться событіемъ, подвигомъ⁶). Такъ и смотрѣли на подобныя экспедиціи современники.

Промежутокъ почти въ 50 лѣтъ отдѣлялъ первое кругосвѣтное путешествіе

¹) Крузенштернъ, Иванъ Федоровичъ (1770—1846).—Адмиралъ. Автсръ «Путешествія вокругъ свѣта». См. ниже примѣчаніе 5-ое.

²) Лисянскій, Юрій Федоровичъ (1784—1837).—Сотоварищъ Крузенштерна по Морскому Корпусу, авторъ «Путешествія вокругъ свѣта». См. Прим. 5-ое.

³) Резановъ, Николай Петровичъ (1764—1807).— Государственный дѣятель; камергеръ. Послѣ пятимѣсячной стоянки въ Нагасакахъ, онъ долженъ былъ возвратиться обратно въ Россію; эта неудача имѣла слѣдствіемъ нападеніе русскихъ моряковъ на Сахалинъ и объявленіе острова русскимъ владѣніемъ.

⁴) Въ этомъ случаѣ счастливѣе Резанова оказался поручикъ Адамъ Лаксманъ. Отправленный въ Японію черезъ Охотскъ иркутскимъ губернаторомъ еще при Екатеринѣ II. Японское правительство, которое не желало вести переговоровъ съ Резановымъ, готово было вступить въ сношенія съ Лаксманомъ, но у послѣдняго для веденія переговоровъ не было полномочій отъ русскаго правительства. См. путешествіе Лаксманъ, изданное В. Берхомъ («Путешествіе въ Японію А. Л.—а»). Отрывки изъ исторіи географ. открытій Россіянъ, Спб. 1822 г.). О посольствѣ Л. см. К. А. Вознскій. «Р. посольство въ Японію въ началѣ XIX в.». «Русск. Стар.» 1895 г., №№ 7 и 10.

⁵) Крузенштернъ, И. Ф. Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803—1806 г.г., по повелѣнію Императора Александра I на корабляхъ «Надеждѣ» и «Невѣ». 3 ч. Спб. 1809 1813 г. Резановъ, Н. П. Первое путешествіе Россіянъ около свѣта («Отч. Зап.», 1822, 23, 24 и 25 г.г.): Ратмановъ, кап. лейт. «Записки» журналъ «Яхта». 1876 г. Лисянскій, Ю. Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803—1806 г.г. на кораблѣ «Невѣ», 2 ч. Спб. 1812 г.; Шмелинъ, Ф. «Журналъ перваго путешествія Россіянъ вокругъ земного шара», 2 ч. Спб. 1816—18 г.г. И. Федоровъ. О путешествіи на Сахалинъ и въ Японію (Опубликовано въ «Русск. Арх.» 1913 г., кн. 10).

⁶) Вторая экспедиція въ Японію В. М. Головина на шлюпѣ Діана закончилась лѣномъ Головина японцами. Тѣмъ же Головинымъ въ 1817—19 г.г. было совершено а шлюпѣ Камчатка новое путешествіе вокругъ свѣта (Спб. 1822 г.). Въ этомъ путешествіи участвовали бар. Врангель и Литке; но самымъ замѣчательнымъ по научнымъ результатамъ явилось путешествіе вокругъ свѣта на шлюпѣ «Синявинъ» Ф. П. Литке. м. въ Спискѣ: Литке, Ф. П.

отъ экспедиціи снаряженной на «Палладъ». За это время сдѣлано было много. Кругосвѣтное путешествіе не казалось уже «Магеллановымъ путемъ», полнымъ загадокъ и опасности. Но цѣль и средства передвиженія оставались еще тѣ же: «Паллада» отправлялась въ ту же замкнутую для европейцевъ Японію, съ тою же цѣлью, какъ и первыя русскія кругосвѣтныя экспедиціи. Далекое путешествіе предпринималось на старомъ парусномъ фрегатѣ, въ то самое время, когда «ни на одной военной верфи уже не строили большихъ парусныхъ судовъ; даже старыя передѣлывались на паровыя, такъ какъ, писалъ Гончаровъ, «паруса остались на долю мелкихъ судовъ и небогатыхъ промышленниковъ».

Гончаровъ и его спутники являлись послѣдними путешественниками, «въ смыслѣ аргонавтовъ». Все это не могло не внушать опасеній за исходъ кампаніи; но, кромѣ этихъ опасеній, возникали сомнѣнія и другого порядка: неувѣренность въ собственныхъ силахъ:—«выдержать ли непривычный организмъ массу суровыхъ обстоятельствъ,—этотъ крупный поворотъ отъ мирной жизни къ постоянному бою съ новыми и рѣзкими явленіями бродячаго быта?

Гончаровъ былъ первымъ русскимъ писателемъ-художникомъ, вступившимъ на бортъ военного корабля. Официально онъ значился въ свитѣ адмирала Путятина; однако, не официальное назначеніе, для исполненія секретарскихъ обязанностей при начальникѣ экспедиціи, привело Гончарова на фрегатъ. Онъ самъ, по собственному желанію, сталъ «аргонавтомъ», «пѣвцомъ» *ex officio* похода. «Страстишка къ морю» жила съ юности въ душѣ Гончарова («На родинѣ», III). Мысль путешествовать, «какъ хмель туманила голову» и, во имя осуществленія ея, онъ долженъ былъ добиваться официального назначенія, ибо иначе ему не нашлось бы мѣста на военномъ кораблѣ.

Отправляясь въ путешествіе, Гончаровъ былъ хорошо знакомъ съ современной литературой о тѣхъ странахъ, которыя онъ долженъ былъ посѣтить. Ссылки на русскихъ и иностранныхъ авторовъ, цитаты изъ описаній путешествій и изслѣдованій часто встрѣчаются въ очеркахъ «Фр. Пал.»⁷⁾, но Гончаровъ не желалъ идти по проторенному пути; писатель-художникъ не хотѣлъ сообщать въ своихъ письмахъ-очеркахъ «голыхъ фактовъ», «безъ освѣщенія ихъ свѣтомъ воображенія». Онъ искалъ ключа къ этимъ фактамъ, уразумѣнія ихъ психологіи и причинной связи. По своимъ воззрѣніямъ, Гончаровъ былъ «постепенновѣкъ». Комфортъ и цивилизація—оба эти понятія—были для него почти синонимами, ибо первое было неизбѣжнымъ разумнымъ слѣдствіемъ второго». Подобно Райскому, онъ не считалъ себя «отсталымъ человѣкомъ». Онъ вѣрилъ въ прогрессъ, досадовалъ на его черепашій шагъ, привѣтствовалъ видоизмѣненія, но не ломку жизни, «праздновалъ естественное, но не насильственное рожденіе новыхъ ея требованій», находя «здравый смыслъ» и житейскую мудрость подъ старыми заученными правилами. Эти мудрость и смыслъ онъ отыскивалъ и у ликейцевъ и у японцевъ, съ особенной тщательностью выдѣляя черты «новыхъ требованій»—естественное рожденіе у нихъ новой жизни. На черепашій ходъ прогресса онъ досадуетъ при соприкосновеніи съ китайцами на ихъ «заглохшей нивѣ»; онъ даже готовъ произвести «ломку» жизни, лишь бы скорѣе приобщить Японію къ общему ходу мировыхъ событій (съ помощью русскаго «воздѣйствія»). Но Гончарова занимали не столько сами по себѣ «явленія новой жизни», сколько разгадка «смысла» этихъ явленій. Онъ даже боялся внезапнаго наплыва новыхъ впечатлѣній, до тѣхъ поръ, пока не будетъ найденъ къ нимъ «ключъ». Въ своихъ письмахъ къ друзьямъ, онъ прежде всего спѣшитъ заявить, что не претендуетъ на передачу голой правды, а

⁷⁾ Гончаровъ упоминаетъ и цитируетъ сочиненія Бетлингка: Бичи. Ванкувера, бар. Врангеля, Головина, Зибольта, о. Іакинеа, Карона, Кемфера, Клапрота, Крашеникова, Лазаревыхъ, Литке, Тунберга, описаніе путешествій Кука и Лаперуза. [См. эти имена въ «Спискѣ»]. Если свѣдѣнія Гончарова и его спутниковъ объ Японіи были крайне скудны и основывались, большей частью, на старыхъ сочиненіяхъ, то это происходило отъ полного незнакомства европейцевъ вообще съ замкнутой Японіей. Спустя 50 слѣшкомъ лѣтъ, къ началу русско-японской войны, оригинальная и переводная литература объ Японіи оказалась въ Россіи также крайне скудной.

лишь «на правдоподобіе». Къ очеркамъ «Фр. Пал.» вполнѣ приложимы позднѣйшія слова Гончарова, сказанныя имъ по поводу его «Воспоминаній»: «Это не мемуары какіе-нибудь, гдѣ описываются историческія лица, и гдѣ требуется строгая фактическая правда... Это и не плодъ только моей фантазіи, потому что тутъ есть и правда, и, пожалуй, если хотите, все правда. Фонъ этихъ замѣтокъ, лица, сцены, большею частью, типически вѣрны съ натурой, а яныя взяты прямо съ природы. По одной какой-нибудь выдающейся чертѣ въ характерѣ той или другой личности или событія, фантазія старается угадывать или дорисовывать остальное... Все описываемое въ нихъ не столько было, сколько бывало... (Вступленіе). Въ своихъ очеркахъ Гончаровъ-путешественникъ остается тѣмъ же Гончаровымъ художникомъ, медленно, но вѣрно повѣряющимъ свои впечатлѣнія, «какъ скупецъ втихомолку повѣряетъ каждый спрятанный грошъ». Фактическая сторона гончаровскихъ очерковъ давно устарѣла—теперь такъ не плаваютъ: и парусные фрегаты давно уже сданы въ архивъ, и описываемыя Гончаровымъ страны уже стали не тѣ: нѣтъ ни неподвижнаго «древняго Китая, ни замкнутой Японіи, на идиллическихъ Ликейскихъ островахъ хозяйничаютъ японцы, а на Люсонѣ вѣется американскій флагъ. Не менѣе устарѣла и публицистическая сторона очерковъ. По очеркамъ путешествія еще яснѣе, чѣмъ по остальнымъ гончаровскимъ произведеніямъ, видно насколько его талантъ былъ выше его возрѣній. Фактическая и «публицистическая» сторона очерковъ—наиболѣе слабое ихъ мѣсто, но она не болѣе какъ рама къ тѣмъ полотнамъ, на которыхъ ярко и мастерски зарисована вереница образовъ, сценъ и картинъ. Рама давно обветшала, но полотна, зарисованныя смѣлой кистью настоящаго мастера, пережили его самого; даже нѣкоторая полинялость, блеклость ихъ фона и красокъ, сообщаетъ имъ особую прелесть.

«Плаваніе по казенной надобности», какъ называлъ самъ Гончаровъ свое путешествіе, его не удовлетворяло; его идеаль путешествія—«не прѣхать и осматривать, а жить и смотрѣть на все, не «насилуя наблюдательности», ибо нужно, «чтобы впечатлѣнія нежданно и незванно сами собирались въ душу». Однако, подъ холодомъ и стужей впечатлѣнія собирались туго и, лишь черезъ три мѣсяца, уже приближаясь къ о. Мадерѣ, «ему показалось, что онъ только и началъ путешествовать». Другими словами, это значило, что Гончаровъ, наконецъ, нашелъ «искомый результатъ путешествія»—ключъ къ фактамъ. И только тогда, вмѣсто прежнихъ жалобъ и стоновъ, впервые падаютъ на страницы гончаровскаго путевого дневника, такія восторженныя слова: «Какъ прекрасна жизнь, между прочимъ потому, что человѣкъ можетъ путешествовать! Cogito, ergo sum—путешествую, слѣдовательно, наслаждаюсь, перевелъ я на этотъ разъ знаменитое изреченіе» (I, 21).

Этотъ найденный ключъ—параллель между чужимъ и своимъ:—«Увижу новое, чужое и сейчасъ въ умѣ прикину на свой аршинъ. Параллель между чужимъ и своимъ онъ всюду стремится провести въ своихъ очеркахъ, прикидывая всё новыя явленія на свой русскій аршинъ. Причина ясна: «мы такъ глубоко вросли корнями у себя дома, что куда и какъ надолго бы я не заѣхалъ, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногахъ, и никакіе океаны не смоютъ ся». «Дѣйствительно, океаны не смыли почву родной Обломовки»: Гончаровъ твердо укрѣпился на ней. Еще въ Англии передъ нимъ все мелькали «родныя и знакомыя крыши, окна, лица, обывачи»; рядомъ съ сидѣющимъ англичаниномъ возставалъ знакомый образъ обломовца. Чужое всюду у него сравнивается со своимъ: войны англичанъ съ кафрами съ нашими кавказскими; рѣка Вусунъ съ нашей Окою (II, 2); маленькія коронки на головахъ японскихъ уполномоченныхъ съ «кузовками, съ которыми у насъ бабы ходятъ за грибами (II, 3); китайскіе базары и толкотня на нихъ поразили Гончарова сходствомъ съ нашими старыми базарами; въ японскихъ обычаяхъ онъ такъ же нашелъ сходство съ русскими

старыми правами» (II, 3). На гуляньѣ, «въ обѣтованной» Маниллѣ, Гончаровъ не зналъ гдѣ онъ: «подъ Новинскимъ или въ Екатерингофѣ 1 мая?» Подъ тропиками ему вспомнились «Чекуши» (окраина Петербурга) и «чухонскій пейзажъ». На Мадерѣ онъ почувствовалъ «ту-же свѣжесть и прохладу волжскаго воздуха, который пьешь, какъ чистѣйшую ключевую воду». Въ Индѣйскомъ океанѣ фрегатъ напомнилъ ему видъ какой-то отдаленной степной русской деревни (I, 147). Быть, нравы и психика населенія этой «деревни» среди океана особенно, привлекали вниманіе путешественника. Добрая треть его очерковъ кругосвѣтнаго плаванія посвящена воспроизведенію образовъ, нравовъ и быта уголка деревенской и крѣпостной Руси, каковыя въ сущности и являлась «Паллада» съ ея пятисотеннымъ населеніемъ. Вопросъ, изъ какихъ элементовъ сложился русскій человѣкъ, занималъ Гончарова больше, чѣмъ самая поэзія моря».

Онъ наблюдаетъ за Фаддеевымъ, видя въ немъ, не единичное лицо, а представителя общаго русскаго типа, за которымъ стоитъ легионъ такихъ-же Фаддеевыхъ. Гончаровъ очутился на фрегатѣ среди того-же хорошо извѣстнаго ему міра, однихъ и тѣхъ же взаимоотношеній: среди господъ и слугъ, дворянской и крѣпостной Россіи, среди знакомой ему дѣятельной лѣни и лѣнивой дѣятельности. «Эта лѣнь характерная черта русскаго человѣка; она разлита въ атмосферѣ и событія приостаиваются надъ моей головою», пишетъ Гончаровъ, послѣ пребыванія въ Англіи, когда фрегатъ, стоя на рейдѣ, былъ уже готовъ выйти въ море. «Видно мнѣ на роду написано быть самому лѣнивымъ и заражать лѣнью все, что приходитъ въ соприкосновеніе со мною». Но это была именно дѣятельная лѣнь: не прекращающаяся умственная дѣятельность, соединенная съ полнымъ покоемъ, съ физическимъ недѣланіемъ. Гончаровъ жалуется на свою лѣность, но ему не лѣнь тонко и вдумчиво разбираться въ своихъ переживаніяхъ; ему не лѣнь собирать и копить впечатлѣнія, вглядываться въ черты окружающихъ, требующую «тонкаго анализа и особеннаго опредѣленія, какъ вглядывался онъ въ духовный міръ Евсеевъ и Захаровъ; послѣдній образъ уже жилъ на фрегатѣ въ творческомъ воображеніи Гончарова; ему не лѣнь старательно, вдумчиво повѣрять свои впечатлѣнія и ввѣрять ихъ бумагѣ, отсылая друзьямъ тѣ письма и очерки, изъ которыхъ составилось за два года два объемистыхъ тома «Фрегатъ Паллада». «Дѣятельная лѣнь» Гончарова была вовсе не знакома Обломову, въ которомъ усматривали нѣкоторое сходство съ самимъ Гончаровымъ и, во всякомъ случаѣ, не Адуевъ-дядя, черты котораго отыскивали такъ-же въ самомъ Гончаровѣ, могъ открыть въ «практичности англичанъ, непріятную сторону». заключающуюся въ томъ, что, «жизнь вѣхъ и cadaго сложилась и дѣйствовать», какъ машина».

Во время плаванія, жизнь на кораблѣ и берегъ неизмѣнно привлекали вниманіе Гончарова. Среди моря мысленно онъ жилъ на берегу и даже во снѣ любилъ видѣть «береговые сны, а не морскіе ужасы». Гончаровъ такъ и не постигъ поэзіи моря», несмотря на то, что «очарованіе природы» всегда дѣйствовало на его поэтическое чувство и онъ отдавался ея чарамъ, съ «трепетной покорностію, какъ чувству любви».

Море скорѣе страшило его, чѣмъ плѣняло. Въ сѣверныхъ моряхъ онъ не увидѣлъ ничего, «кромѣ холода, бури и сырости». Атлантическій океанъ онъ называлъ— «нейзмѣршимъ омутомъ, соленымъ, скучнымъ, безбрежнымъ и однообразнымъ». Индѣйскій океанъ показался путешественнику еще хуже, чѣмъ Атлантическій, ибо тамъ и тутъ былъ «безпорядокъ»—буря; даже картина вдругъ разыгравшейся тропической грозы не плѣнила его воображенія. Тихій океанъ вызвалъ такое восклицаніе:—«Тихій! Сколько разъ онъ доказывалъ противоположное бѣднымъ плавателямъ, въ томъ числѣ и намъ, какъ будто мы выдумали это названіе» (I, 8). Лишь подъ тропиками онъ «въ первый разъ понялъ, что значитъ сине море»: не устанешь любоваться, глядя на роскошное сіяніе красокъ на необозримомъ, окружающемъ насъ полѣ водъ» (I, 3); но и тутъ «берегъ сдѣлался господствующею» «мыслью». Описывая тропическую, душно-сладкую, роскошную ночь,

среди океана, онъ прибавляетъ: «Боже мой! Даромъ пропадаютъ здѣсь эти (на морѣ) ночи: ни серенады, ни вздоховъ, ни шопота любви, ни пѣнья соловьевъ».— «Безпорядокъ! Безобразіе!»—отвѣчаетъ онъ на вопросъ капитана и спѣшитъ уйти въ свою каюту отъ невиданнаго зрѣлища (грозы въ тропикахъ).— «Какъ ни привыкнешь къ морю, а всякій разъ, какъ надо сниматься съ якоря, переживаешь минуты скуки: недѣли и мѣсяцы подъ парусами—не удовольствіе, а необходимое зло» (II, 3). «Все плавать, да плавать!»—воскликаетъ Гончаровъ въ другомъ мѣстѣ (I, 5). Ему жаль было покидать Капскую колонію: «въ пей было привольно, мы пригрѣлись къ этому мѣсту». «Другіе говорятъ, что если они плаваютъ долго въ морѣ, имъ хочется берега, а поживуть на берегу, хочется моря. Мнѣ совсѣмъ не такъ: если мнѣ гдѣ-нибудь хорошо, я начинаю пускать корни». На него «напала тоска», когда онъ завидѣлъ «фрегатъ, вооруженный», «совсѣмъ готовый выйти въ море» (I, 4). За три мѣсяца стоянки въ Нагасакахъ, съ рѣдкими сѣздами на берегъ, Гончаровъ совсѣмъ «отвыкъ отъ моря». «Какъ улыбаются мнѣ теперь картины сухопутнаго путешествія, если-бы вы знали, особенно по Россіи!» Кругосвѣтный путешественникъ, уже на полпути, почувствовалъ потребность «полѣчиться берегомъ» отъ дальняго плаванія (II, 6).

Бури, «объшенныя страсти»—«не норма природы и жизни, а только переходный моментъ, безпорядокъ и зло, процессъ творчества, черная работа—для выдѣлки спокойствія и счастья въ лабораторіи природы». Гончаровъ не любилъ ихъ и, вмѣсто восторговъ предъ зрѣлищемъ тропической грозы, уходилъ къ себѣ въ каюту. Иныя «невиданныя на сѣверѣ чудеса» заставляли шире распахиваться его душу «для страстныхъ и пѣжныхъ впечатлѣній». То были: «спокойствіе и счастье природы»; для Гончарова «покой неба и моря—не мертвый и сонный покой: это покой какъ будто удовлетворенной страсти, въ которомъ небо и море, отдыхая отъ ея сладостныхъ мученій, любятъ взаимно въ объятіяхъ другъ-друга». Именно спокойствіе и счастье природы навѣяло ему рядъ лирическихъ гимновъ—тѣхъ «стихотвореній въ прозѣ», которые такъ красятъ гончаровскіе очерки «Паллады». Счастья въ «жизли», путешественникъ за моремъ не нацѣль. Кипучая жизнь Лондона не увлекла, не предѣстила Гончарова. Онъ охотно разставался съ Англійей, съ этимъ всемірнымъ рынкомъ и его картиной суеты и движенія, съ колоритомъ дыма, угля, пара и копоти, желалъ скорѣе сбыть «черты этого образа». Какъ и Райскій Гончаровъ пробылъ въ Англійи всего двѣ недѣли—и не успѣлъ даже ахнуть отъ изумленія,—подавленный грандіознымъ оборотомъ общественнаго механизма жизни («Обрывъ», V, 25). Изъ Англійи Райскій поспѣшилъ въ «веселый Парижъ», тотъ-же Парижъ тянулъ къ себѣ и Гончарова. Примѣръ «эпикурейца»-Боткина, весело путешествовавшаго по Испаніи, улыбался ему, а фрегатъ уносилъ «путешественника по казенной надобности» все тальше отъ родины.

Сингапуръ—одинъ изъ всемірныхъ рынковъ и объевропеившейся Гон-Конгъ ему одинаково пришлось не по душѣ.—«Я радъ, что былъ въ Сингапурѣ, но оставилъ его безъ сожалѣнія; и если возвращусь туда, то безъ удовольствія, и только то-неволь» (I, 6).—«Нѣтъ, Индія не по пасъ! (Гв.); о Гон-Конгѣ Гончарову даже и «сказать было нечего», онъ лишь «каждый день ѣздилъ на берегъ, ходилъ по взморью и нетерпѣливо ожидалъ дня отъѣзда» (I, 7).

Мечта о томъ, что, переплывя океанъ, онъ ступитъ «ногою на тѣ острова, дѣ гуляетъ въ первобытной простотѣ дикарь»—не сбылась; подобіе первобытной простоты не плѣнило Гончарова. Ему показалось скучно съ этими дѣтьми, такими были въ его глазахъ лиейцы и корейцы. Китай и Японія произвели на него впечатлѣніе истощенной, непроходимой «заглохшей нивы», по японцы, по то мнѣнію, были «надежнѣе китайцевъ къ воздѣланію». На островахъ Зеленаго мыса онъ нашелъ «царство дремоты»,—той дремоты, которая сковываетъ энергію, умъ, чувство, и обращаетъ все живое въ подобіе камня, нѣчто превосходящее даже полудремотное царство просыпавшейся Обломовки. «Забутый» «древній уго-

докъ на Лю-Чу» произвелъ на Гончарова «сильное впечатлѣніе», ибо здѣсь «все какъ родилось, такъ, кажется, и не мѣнялось цѣлыя тысячелѣтія». «Это не жизнь дикарей, грязная, грубая, лѣнивая и буйная, но и не царство жизни духовной и бѣтъ слѣдовъ просвѣтленнаго бытія». Манилла—мечта Гончарова, «обѣтованная земля», обманула путешественника: онъ ждалъ отъ нея «чего-то больше». Восторгаясь «союзомъ сѣвернаго и южнаго неба», красотой неизмѣнной природы и Люсонѣ, гдѣ «все такъ ярко, такъ обворожительно, фантастически-прекрасно» онъ тѣмъ не менѣе прибавляетъ: «и при всемъ томъ и за что не остался бы я жить среди этой природы»; даже «самый роскошный уголокъ міра» (берега Суматры и Явы) не плѣнили путешественника; прощаясь съ «роскошными влажными берегами», Гончаровъ лишь восклицаетъ:—«Дай Богъ никогда не возвращаться подъ ваши деревья, подъ гнучее небо и на болотистыя пары! Довольно взглянуть одинъ разъ: жарко и какъ разъ лихорадку схватишь» (I, 5). Отсюда, какъ выводъ: «Одна природа да животная, хотя и своеобразная, жизнь не наполняетъ человѣка, не поглощаетъ вниманія,—остается большая пустота. Для того даже, чтобы испытать глубже новое, непохожее ни на что свое можно, чтобы тутъ же рядомъ, для сравненія, была параллель другой развитой жизни» (II, 4).

Красота юга не заслоняетъ думъ о сѣверѣ и онѣ все чаще и чаще посѣщаютъ путешественника.—«Все захочешь на сѣверъ, пусть тамъ, кромѣ снѣга, не приснится ничего! Не нашимъ нервамъ выносить эти жаркія ласки и могучія изліянія силъ здѣшней (машильской) природы». Послѣ красотъ Маниллы и Люсона Гончарова вдругъ «прихватила немного болѣзнь, которую нѣмцы называютъ Heimweh. Просто домой хочется. Дастъ ли Богъ силъ выдержать» (II, 6). «И морская поэзія надобѣтъ, и тропическое небо, и яркія звѣзды: поминешь и майскія петербургскія ночи» (II, 5). Гончаровъ, подобно Райскому, уѣхавшему въ Римъ, «не вращалъ въ чужую почву, все чувствовалъ себя гостемъ и пришельцемъ»; его какъ Райскаго тянуло назадъ, домой. Ему хотѣлось бы набраться этой вѣчной красоты природы... и «унести ее съ собою туда, въ свою Малиновку» («Обрывъ» V, 25).

Приводимъ «журналъ» путешествія Гончарова: 1852 г. 7-го Октября—выходъ въ море «Паллады» съ кронштадтскаго рейда. 20 Ноября приходитъ въ Портсмутъ. До 6-го Января 1853 г. стоянка и починка фрегата въ докъ. Съ 6-го Января по 13-ое—переходъ по Атлантическому океану. 18-го Января пребываніе на о. Мадерѣ (½ сутокъ). Съ 18 по 25 Января.—Атлант. океанъ: съ 25 по 27-ое—Портъ Прайя (остр. Зеленаго мыса). Съ 27-го Января по 10-е Марта—плаваніе по Атлант. океану. Съ 10 Марта по 12 Апрѣля—мысъ Доброй Надежды (Самонсебей). Съ 12 Апрѣля по 17 Май—Индійскій океанъ; съ 17 по 20-ое Мая—Ява (Анжерскій рейдъ); 20—24—Зондское море; съ 24 Мая по 2 іюня—Сингапуръ.—Южно-Китайское море. Съ начала Іюня до 26 Іюня—Гонъ-Конгъ: съ 26 Іюня по 26 Іюля—Восточно-Китайское море; съ 7 по 22 Іюля—Тихій океанъ; съ 22 Іюля по 3 Августа—Портъ Ллойдъ (о. Вонинъ-Сима); съ 3 по 10-ое—В. Кит. море; съ 10 Августа по 11 Ноября—Нагасаки (три мѣсяца); съ 11—14 ноября—В. Китайское море; съ 14 Ноября по 6 Декабря—Сѣдельныя острова; съ 6 по 10 Декабря—В. Кит. море; съ 10 Декабря по 24 Января 1854 г.—Нагасаки; съ 24—31 Января—В. Китайское море; 31 Января по 9 Февраля—Ликейскіе острова (Лиу-Киу); съ 9 по 16 Февраля—Тихій океанъ. Ю.-Китайское море; съ 16 Февраля—27 Февраля о. Люсонъ (Манилла); 27 Февраля по 9 Марта Ю.-Китайское море; 9—10 Марта—о. Батанъ; 10—11 Марта—Кит. море; 11—19 Марта—Пио-Квинто; съ 19 Марта по 2 Апрѣля—В. Кит. море; 2—7 Апрѣля—о. Гамильтонъ; 7—9 Апрѣля—В. Кит. море; 9—15 Апрѣля—Нагасаки; съ 15—21 Апрѣля—Японское море; 21 Апрѣля—у вост. береговъ Кореи; 18—21 Мая—Татарскій проливъ; съ 21 Мая до половины Іюля—бухта «на вост. берегу (Импер. гавань). Съ половины Іюля на шкунѣ «Востокъ»; 12 Августа—Аянъ.

Иностранныя названія всюду приняты въ той транскрипціи, которой пользовался Гончаровъ въ своихъ «очеркахъ».

Группировка (классовая) гончаровских типов и образовъ.

Военные:

- а) офицеры: Генералъ.—«Дѣдъ».
- б) отставные: Ватутинь.—Райскій.—Хабаровъ.—Якубовъ.
- в) нижніе чины: Дюпинъ.—Фаддеевъ.—Федоровъ.
- г) юнкеръ (въ отставкѣ): Волоховъ.

Дворяне:

- а) столичныя: Вѣловодовы.—Лангвагенъ, бар.—Лилина.—Любечкія.—Марья Михайловна.—Новинскій, гр.—Ольга Ильинская.—Пахотины.—Райскій.
- б) помѣстныя: Адуева.—Бережкова.—Викентьевы.—Вѣра.—Гастуринъ.—Козыревъ.—Мареинька.—Обломовъ.—Тушинъ.

Духовенство:

Василій, о.—Николай Ивановичъ («попъ»).

Крестьяне:

- а) дворовые: Аграфсна.—Анисья.—Василиса.—Евсей.—Егорка.—Захарь.—Марина.—Савелій.—Яковъ.
- б) отпущенные на оброкъ: Антонъ.—Матвѣй.
- в) вольноотпущенные: Авдѣй.—Анисья.—Валентинъ.—Степанъ.

Разночинцы:

Волоховъ.—Козловъ.—Костяковъ.

Чиновники:

- а) крупныя («генералы»): Адуевъ, П. И.—Аяновъ.—Бебиковъ.—Вальневъ.—Кальяновъ.—Суховъ.—Тычковъ.—Урановъ.—Фертовъ.—Чешневъ.
- б) средніе: Адуевъ, Алекс.—Брагинъ.—Добышевъ.—Прохинъ.—Судьбинскій.
- в) «причисленные и состоящіе»: Волковъ.—Поджабричъ.
- г) канцелярскіе: Алексѣевъ.—Мухояровъ.—Тарантьевъ.

Представители науки, искусства и личной инициативы:

Актеры: Анна Павловна.—Кряковъ.

Врачи: См. въ Словарѣ: Доктора.

Литераторы: Адуевъ, Ал.—Литераторъ.—Пенкинъ.—Райскій.—Скудельниковъ.—[Бебиковъ].

Педагоги: Ельнинъ.—Козловъ.—См. также въ «Словарѣ»: Учители.

Предприниматели: Адуевъ, П. И. (заводчикъ).—Тушинъ.—Штольцъ.

Ученые: Ивашъ Семеновичъ.—Профессоръ («Лит. веч.»).

Художники: Кириловъ.—Райскій.—Профессоръ.

ПРОТОТИПЫ.

«Никто моихъ сочиненій личностями не упрекнетъ»... «Все требуетъ коренной переделки: прежде всего слѣдуетъ исключить все личное, всѣ портреты, замѣнивъ ихъ типами».

(Изъ письма Гончарова Валугеву по поводу «Лит. Вечера»).

«Цѣликомъ съ природы не пишется—иначе ничего не выйдетъ, никакого эффекта. Все равно, что сырую говядину на столъ подать».

(Изъ письма Гончарова Д. Л. Кирмаловой).

Адуевъ-дядя («Обыкн. Ист.»).—Мнѣніе о томъ, что въ Петръ Александровичъ Адуевъ Гончаровъ выразилъ свои собственные взгляды, отразивъ свое міросозерцаніе, было высказано въ статьѣ Алкаandroва (А. М. Скабичевского) «Невскій Сборникъ» 1867 г. «О воспитательномъ значеніи повѣстей Тургенева и Гончарова»; по мнѣнію С. А. Венгерова, «общественныя теченія, воспроизведенныя въ романахъ Гончарова, такъ поняты и освѣщены авторомъ, какъ понялъ и освѣтилъ бы ихъ Адуевъ-дядя. Если бы Адуеву дать талантъ и заставить его разработать сюжеты, легшіе въ основу «Обыкн. Ист.», «Обл.» и «Обрыва», онъ ихъ непременно обработалъ-бы такъ, какъ разработалъ ихъ Гончаровъ. Общественная философія Гончарова, его взгляды на фазисы русской жизни 1840—60-хъ годовъ, поскольку они отразились на подборѣ и группировкѣ воспроизведенныхъ имъ общественныхъ явленій, — все это есть самая полная адуевщина, полный кодексъ адуевской морали и адуевской житейской мудрости [Сочин., т. IV, стр. 84]. По мнѣнію Е. Ляцкого, оба Адуевы «тождественны въ своей сущности и писаны съ одного лица, только въ разные періоды его жизни» («Гончаровъ», стр. 174). Тотъ же Е. А. Ляцкій называетъ «Об. Ист.» не романомъ, а «художественной автобіографіей». [Какъ на литературный курьезъ укажемъ на утверждение «старого русскаго журналиста» А. Старчевскаго, будто бы прототипомъ П. И. Адуева послужили Гончарову: Владиміръ Андр. Солоницынъ и Андр. Парѣ. Заблочкий-Десятковскій. Съ личностью послѣдняго «близко познакомили автора» Михаилъ Парѣ. Забл.-Десятковскій. «Изъ двухъ героевъ положительныхъ и черствыхъ, притомъ не послѣднихъ эгоистовъ, мечтавшихъ только о томъ, какъ бы выйти въ люди, составить капиталецъ и сдѣлать хорошую партію, Ив. А. выкроилъ (?) своего героя», «Ист. Вѣстн.» 1886 г., № 2, стр. 378].

Адуевъ-племянникъ. По цитованному выше мнѣнію Е. А. Ляцкого, «Об. Ист.» можно назвать не романомъ, а художественной автобіографіей (См. выше Адуевъ-дядя). Гончарова занимала, когда онъ писалъ романъ, «не послѣдовательность въ развитіи тѣхъ или иныхъ общественныхъ типовъ, какъ онъ наблюдалъ ихъ въ окружающей жизни, а собственные воспоминанія, попытка разобраться въ томъ, чѣмъ онъ былъ пятнадцать-двадцать лѣтъ назадъ и чѣмъ сталъ, успокоившись отъ напрасныхъ стремленій «безплоднаго романтизма юношескихъ порывовъ». («Гончаровъ», стр. 174). Старчевскій утверждалъ, что типъ Адуева-племянника «составленъ» изъ Влад. Апполон. Солоницына и Мих. Парѣ. Заблочкия-Десятковскаго, но тотъ же Старчевскій заявляетъ, что прощаніе съ матерью, приготовленіе къ отъѣзду и первое впечатлѣніе, произведенное Петербургомъ — это описаніе — отъѣзда и пріѣзда въ столицу самого Гончарова.

Антонъ Ивановичъ («Об. Ист.»).—Старчевскій утверждаетъ, что и это

лицо ему «хорошо знакомо», и «материаломъ послужилъ», во 1-хъ Вл. Андр. Солоницынъ, а во 2-хъ дѣйствительный Антонъ Ивановичъ, знакомый Дудышкина, цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, завѣдывавшій дѣлами Новинскихъ, торговцевъ мѣхами...

Бабушка («Обрывъ»)—Россія. «А за ними (героями) стояла и сильнѣе ихъ влекла его (Райскаго) къ себѣ—еще другая, исполинская фигура, другая великая «бабушка-Россія» — заключительныя слова «Обрыва». О бабушкѣ-Россіи Гончаровъ пишетъ Тройницкому, въ то время, когда еще создавался «Обрывъ»; сообщая о своемъ трудѣ, въ которомъ переложены въ образы и (его) убѣжденія и правила и впечатлѣнія, Гончаровъ прибавляетъ: «неволью, безсознательно, —im Schez und unbewusst ich sprach, was ich gefühlet,—какъ говоритъ Гейне,—высказалась тамъ и объяснилась и мнѣ самому—и любовь къ людямъ, и къ Россіи, и, кажется, сама Россія выглядываетъ отсюда на меня, въ видѣ одной бабушки и добродушно смѣется надъ моими усиліями сказать ей люблю» («Вѣстн. Евр.» 1908, XII, стр. 453). Та же мысль проводится въ позднѣйшемъ письмѣ Гончарова гр. Валугеву: «въ бабушкѣ (какъ клочокъ неба въ прудѣ) отразилась сильная, властная, консервативная часть Руси, которой эта старуха есть миниатюрная аллегорія». («Письма Гончарова къ Валугеву», стр. 51). Вл. Б. «отражены многія черты матери писателя». [Суперанскій. «Р. Школа», №№ 5—6, стр. 17].

Бебиновъ («Литер. вечеръ»)—См. въ «Спискѣ»—Валугевъ г въ «Перечнѣ»—Литературный вечеръ.

Бравинъ см. «Списокъ»: Баратаевъ.

Ватутинъ, Титъ Нионовичъ («Обрывъ»)—По мнѣнію М. О. Суперанскаго, «патурой для образа, хотя нѣсколько смѣшного, но крайне симпатичнаго джентльмена, послужилъ крестный Гончарова—Трегубовъ (Якубовъ)»; «по сохранившемуся въ потомствѣ преданію, отношенія Трегубова къ матери писателя были нѣсколько аналогичны отношеніямъ Тита Никон. къ Татьянѣ Марковнѣ». [«Русск. Школа» 1912 г., № 5—6, стр. 11].

Вѣра («Обрывъ»). Ср. въ «Спискѣ» Рудольфъ, Аделаида Карловна.

Егорна («Обрывъ»)—По свидѣтельству самого Гончарова, Е. Марина и Савелій «дѣйствительные портреты тогдашней дворянки». [«Лучше поздно—чѣмъ никогда»].

Иванъ Семеновичъ («Обыкн. Ист.»)—Профес. Надеждинъ. См. ст. проф. Е. А. Боброва «Изв. отд. р. языка и словесн. Ак. Наукъ». Спб., 1909, т. XIV, кн. I.

Игорьевъ («По Восточной Сибири») см. въ «Спискѣ»—Григорьевъ.

Марина («Обрывъ»)—См. выше—Егорка.

Маркъ Волоховъ («Обрывъ»)—Самъ Гончаровъ объяснял, что «въ первоначальномъ планѣ Обрыва, набросанномъ въ 1848 и 1850 годахъ, на мѣсто этого рѣзкаго типа, тогда еще не существовавшего, у меня былъ предложенъ сосланный, по неблагонадежности, подъ присмотръ полиціи, выключенный изъ службы, или изъ школы, либераль за грубость, за неповиновеніе начальству, за то, наконецъ, что споетъ какую-нибудь русскую марсельезу или провретъ дерзко про власть. Такихъ бывало не мало, лѣтъ тридцать тому назадъ». «Но какъ романъ развивался вмѣстѣ съ временемъ и новыми явленіями, то и лица, конечно, принимали въ себя черты и духъ времени событій. Отъ этого и предположенный зародышъ неблагонадежнаго превратился къ концу романа уже въ рѣзкую фигуру Волохова, которая появлялась кое-гдѣ въ обществѣ. Въ 1862 году, когда я ѣздилъ вновь по Волгѣ, прожилъ лѣто на родинѣ, былъ въ Москвѣ, мнѣ уже ясно опредѣлилось это лицо». [«Лучше поздно—чѣмъ никогда»]. А. Н. Гончаровъ находилъ черты В—а въ своемъ двоюродномъ братѣ—Влад. Мих. Кирмаловѣ см. «Списокъ». Скабичевскій указываетъ на одного «нигилиста», знакомаго Гончарову по дому Майковыхъ. (Изъ воспомин. о пережитомъ «Р. Бог.» 1907 г., VII, стр. 51).

Марейныя («Обрывъ»).—Ср. Рудольфъ, Эмилія Карловна.

Матвѣй («Слуги»).—Филиппъ, слуга Гончарова, упоминаемый и во «Фрег. Пал.» I, 1.

Козловы («Обрывъ»). Въ лицѣ учителя Козлова и его жены Ульяны Андреевны, по словамъ А. Н. Гончарова, будто бы выведены его отецъ и мать (см. «Списокъ»: Гончаровы, Ник. Алекс. и Елис. Карловна).

Кряковъ («Литер. вечеръ»).—Ср. Райскій въ «Обрывъ». Е. А. Ляцкій, сопоставляя Крякова съ его прототипомъ Райскимъ, замѣчаетъ, что кряковскія рѣчи, хотя и въ менѣе категорической формѣ, слышала еще Софья Бѣловодова отъ Райскаго, умолявшаго ее отдернуть толстыя гардины, раскрыть окно, пустить къ себѣ свѣтъ дня и шумъ жизни» [«Гончаровъ», стр. 164].

Няня («Сонъ Обломова»).—Аннушка—няня самого писателя. Въ письмахъ къ сестрѣ, А. А. Кирмаловой, у которой проживала старая Аннушка, Гончаровъ шлетъ поклоны нянѣ и не разъ вспоминаетъ о ней съ нѣжностью. Въ 1862 г., когда Ив. Ал. посѣтилъ Симбирскъ, онъ просилъ привезти туда и «старую Аннушку», съ которой тогда-же снялъ фотографію.

Обломовъ. Прототипомъ его считаютъ гоголевскаго Тентетникова. Ср. Добролюбовъ. «Что такое обломовщина?» Григоровичъ, Д. «Воспоминанія Сочин.», т. XII. М. Суперанскій по этому поводу даетъ справку по существу: «второй томъ великаго произведенія Гоголя опубликованъ уже по смерти автора, въ 1855 г., тогда какъ «Сонъ Обломова» появился въ печати еще при жизни Гоголя въ 1849 году. Указывали также еще при жизни Гончарова на сходство самого автора съ Обломовымъ. Противъ этого утвержденія горячо возстаетъ Венгеровъ (Сочин., т. V, стр. 62—63). Ляцкій, отмѣчая въ характеристикѣ Обломова не мало автобіографическихкихъ чертъ, замѣчаетъ, что «отъ Обломова до Гончарова—разстояніе гораздо большее, чѣмъ отъ обоихъ Адуевыхъ. «Кромѣ общей медлительности и лѣни, общей вялости, мы не видимъ у Обломова крупныхъ чертъ, роднящихъ этотъ образъ съ самимъ Гончаровымъ»; «по отношенію къ Гончарову Обломовъ только часть, близкая, кровная, но не важнѣйшая («Гончаровъ»), стр. 181 и 183). Ср. ниже стр. 349.

Ольга («Обломовъ»).—Прототипомъ ея явилась Елизавета Васильевна Толстая (1829 г.—1877 г.), знакомая Майковыхъ. Въ ихъ домѣ, еще въ 1843 году, Гончаровъ познакомился съ Т. Черезъ двѣнадцать лѣтъ, Гончаровъ снова встрѣтился съ Т. и между ними завязался романъ и оживленная переписка. Романъ кончился неудачно для Гончарова: Т. вскорѣ же вышла замужъ за ярославскаго помѣщика Александра Ил. Мусина-Пушкина, по образъ Т. павѣялъ писателю, напечатанную лишь въ 1913 г., «Исповѣдь» (Pour et contre) и «Обломова». Последнее произведеніе, по выраженію Гончарова, писалось «во имя Ваше», т. е. во имя Т—ой. «Обломовъ» по мѣрѣ писанія не только прочитывался Елизаветѣ Васильевнѣ, но и «творился во имя ея». П. Н. Сакулинъ даетъ рядъ любопытныхъ сопоставленій изъ переписки Гончарова съ Толстой и изъ «Обломова», между Ольгой и ея прототипомъ—Е. В. Толстой. [«Новая глава изъ біогр. И. А. Гончарова», «Голосъ Мин.» № 11, стр. 45—65].

Райскій («Обрывъ»).—Въ числѣ «талантливыхъ неудачниковъ», послужившихъ прототипомъ для Райскаго, самъ Гончаровъ называлъ В. П. Богкина, кн. Одоевскаго и др. Е. А. Ляцкій отмѣчаетъ въ Р. много автобіографическихкихъ чертъ.

Савелій («Обрывъ»).—См. выше—Егорка.

Скудельниковъ («Лит. вечеръ»).—Въ «пожиломъ беллетристѣ» отражены нѣкоторыя вѣншія черты самого Гончарова. См. письма Гончарова къ Валугеву.

Углицкій—Александръ Мих. Загряжскій. См. «Списокъ».

Якубовъ («Воспоминанія»). Подъ именемъ Я. Гончаровъ вывелъ «прямо съ натуры» своего крестнаго отца—старога моряка Трегубова.

Дополненія и поправки.

Къ стр. 7—292:

Бичуринъ («Обломовъ»).—Уп. л. Знакомый Штольца, влюбленный въ Ольгу.

Брашинъ («На родинѣ»).—Уп. л. Близкій пріятель Углицкаго; вмѣстѣ съ послѣднимъ отличался по части «разказовъ и анекдотовъ» въ полудѣньной компаніи.

Лангвагенъ, баронъ («Обломовъ»).—Къ напечатанному (стр. 103) надо прибавить: «баронъ не додѣлалъ дѣла; онъ вздумалъ посвататься за Ольгу». Ольга ему «отказала; онъ огорчился и уѣхалъ».

Литераторъ («Обломовъ»).—Пріятель Штольца. «Полный, съ апатическимъ лицомъ, задумчивыми, какъ будто съ сонными глазами». Ему разсказалъ Штолецъ исторію гибели Ильи Ильича.—«Причина... какая причина! сказала Штолецъ:—Обломовщина!»—«Обломовщина! съ недоумѣніемъ повторилъ литераторъ. Что это такое?» «Сейчасъ разскажу тебѣ: дай собраться съ мыслями и памятью. А ты запиши: м. б. кому пригодится». «И онъ разсказалъ ему, что здѣсь написано». (Заключительныя слова романа «Обломовъ»).

Мамыкина («Обрывъ»).—Напечатано: «по словамъ Татьяны; надо: «по словамъ Татьяны Марковны» (272 стр.).

Мина («Обломовъ»).—Уп. л. По словамъ Ильи Ильича, онъ «гаснулъ и губилъ силы съ М.: платилъ ей больше половины своего дохода и воображалъ, что любить ее».

Обломовъ, Илья Ильичъ, къ стр. 166.

Критика: 1) «...О. не есть существо, отъ природы совершенно лишенное способности произвольнаго движенія. Его лѣнь и апатія есть созданіе воспитанія и окружающихъ обстоятельствъ. Главное здѣсь не О., а обломовщина. Онъ бы, можетъ быть, сталъ даже и работать, если бы нашелъ дѣло по себѣ: по для этого, конечно, ему надо было развиться нѣсколько подъ другими условіями. Исшелъ подъ какими онъ развился. Въ настоящемъ же своемъ положеніи онъ не могъ нигдѣ найти себѣ дѣла по душѣ, потому что вообще не понималъ смысла жизни, и не могъ дойти до разумнаго воззрѣнія на свои отношенія къ другимъ. Здѣсь-то онъ и подаетъ намъ поводъ къ сравненію съ прежними типами лучшихъ нашихъ писателей. Давно уже замѣчено, что всѣ герои замѣчательнѣйшихъ русскихъ повѣстей и романовъ страдаютъ оттого, что не видятъ цѣли въ жизни и не находятъ себѣ приличной дѣятельности. Вслѣдствіе того они чувствуютъ скуку и отвращеніе отъ всякаго дѣла, въ чемъ представляютъ разительное сходство съ О. Въ самомъ дѣлѣ,—раскройте, напр., «Опѣшка», «Героя нашего времени», «Кто виновать», «Рудина», или «Лишняго человѣка», или «Гамлета Щигровскаго уѣзда»,—въ каждомъ изъ нихъ вы найдете черты, почти буквально сходныя съ чертами О.». [«Н. Добролюбовъ», «Что такое Обломовщина?»]. 2) «О.—ребенокъ, а не дрянной развратникъ; онъ—соия, а не безправственный эгоистъ или эпикуреецъ времени паденія. Онъ безслѣсенъ на добро, но онъ положительнѣе неспособенъ къ злему дѣлу, чистъ духомъ, не извращенъ житейскими софизмами, и, несмотря на всю свою жизненную безполезность, законно завладѣваетъ симпатіею всѣхъ окружающихъ его лицъ, повидимому, отдѣленныхъ отъ него цѣлою бездною». «По практической, по силѣ воли, по знанію жизни онъ далеко ниже своей Ольги и Штольца, людей хорошихъ и современныхъ; по инстинкту правды»

и теплотѣ своей натуры онъ ихъ, несомнѣнно, вышше». [Дружининъ, соч. Т. VII].

3) «У Гончарова физическій Обломовъ заслоняетъ собою Обломова души, и тѣ общія черты, которыми авторъ рисуесть постепенное, духовное замираніе и оцѣпленіе своего героя, расплываются предъ нами въ туманѣ. Если среда, въ которую насъ переноситъ сонъ Обломова, и объясняетъ многое въ его судьбѣ и характерѣ, то все-же, кромѣ среды, существовать и самъ человѣкъ, и вотъ личную драму этого человѣка, который отказался не только отъ живой дѣятельности, но даже и отъ книгъ и газетъ, который не живетъ, а лежитъ,—драму этого человѣка Гончаровъ мало уяснилъ и показалъ ее почти исключительно съ ея внѣшней стороны, и его Обломовъ вышелъ наименѣе интереснымъ и глубокимъ изъ всѣхъ многочисленныхъ разновидностей обломовскаго типа. То, что есть въ исторіи о погибшемъ Обломовѣ горестнаго и грустнаго, относится къ И. простому, къ чистому и благородному человѣку, а вовсе не къ жертвѣ общества или сраженному герою какой-нибудь непосильной борьбы,—къ тому Обломову, который вослѣдъ Гончарову находилъ поэзію въ самой жизни и который, со своей лѣнью и безпомощностью, несравненно симпатичнѣе и милѣ дѣятельнаго и дѣловитаго Штольца». [Айхенвальдъ, «Силуэты», р. пис. т. I]. 4) Е. А. Ляцкий отмѣчаетъ отличіе Ильи Ильича первой половины романа отъ Ильи Ильича второй половины. Это два типа, равно свойственные русской жизни, близко родственные, но не вполне одинаковые. Первый—съ несомнѣннымъ трагическимъ началомъ сознанія своего безсилія—такъ и умираетъ, не сдѣлавъ ничего полезнаго и высокаго въ жизни, къ чему стремился такъ пламенно, но—увы!—платонически; его тревога не утихаетъ съ годами,—она можетъ перейти въ тихую жалобу, въ покаяніе Рудина, но ни на минуту не станетъ пошлою и плоскою. Сильное возбужденіе, страсть, негодованіе могутъ воспламенить ихъ пожаромъ, правда, на одно мгновеніе, но въ это мгновеніе они могутъ явиться героями, способными пожертвовать собою, во имя идеи или за улыбку красавицы, смотря по моменту. Вторая категорія О.—иного свойства. Если у нихъ и было какое-либо міросозерцаніе, въ смыслѣ извѣстныхъ «умственныхъ» идей и нравственныхъ требованій, то это міросозерцаніе уснуло у нихъ раньше, чѣмъ глаза успѣли заплыть жиромъ отъ вѣчнаго сна, и въ груди появилась одышка отъ неподвижной жизни. Проза будничной домашней жизни, низменность желаній, не выходящихъ изъ круга инстинктовъ пищеваренія и элементарнаго животнаго довольства—вотъ атмосфера, въ которой никогда не вытаскилъ ихъ на свѣтъ Божій никакіе Штольцы и Ольги Ильинскія. Пошляки Маниловы—ихъ ближайшіе родственники, если они одарены благожелательно настроенной душой, но никакъ не «контители неба» Тентетниковы, всю жизнь собирающиеся заняться большимъ сочиненіемъ о Россіи, словно О., въ первой части романа, съ своимъ грандіознымъ планомъ переустройства Обломовки». 5) «О. не даетъ намъ впечатлѣнія пошлости. Въ немъ нѣтъ самодовольства, этого главнаго признака пошлости. Онъ смутится въ восторженіи обществѣ, надѣлаетъ глупостей, неловко солжетъ даже; но не будетъ ни ломаться, ни позировать. Въ самомъ дѣлѣ, отчего его жизнь такая пустая не даетъ впечатлѣнія пошлости? Посмотрите, въ чемъ его опасенія: въ мнительности, въ страхѣ, что кто-нибудь нарушитъ его покой; радости—въ хорошемъ обѣдѣ, въ довольныхъ лицахъ вокругъ, въ тишинѣ, порой—въ поэтической мечтѣ». «А пазовете ли вы его сибаритомъ, лѣнливцемъ, обжорой? Нѣтъ и нѣтъ. Развѣ онъ поступитъ чѣмъ-нибудь изъ своего обломовскаго чтобъ кусокъ у него былъ послаще или постель помягче? Вездѣ онъ одинъ и тотъ же О.: въ гостиной Ильинскихъ съ барономъ и въ своемъ старомъ халатѣ съ Алексѣевымъ, трюфели ли онъ ѣстъ, или яичницу на залптанной скатерти». «Отнимите у О. средства, онъ все же не будетъ ни работать, ни лстыть, въ немъ останется то же вѣками выработавшееся лѣнливое, но упорное сознаніе своего достоинства. Можетъ-быть, съ жалобами, капризами, можетъ-быть, съ пристрастіемъ къ рюмочкѣ, но навѣрно, безъ алчности и безъ зависти, съ мягкими манерами и великодушіемъ прирожденнаго О.». «Въ О. есть крѣпко сидя-

щее сознание независимости—никто и ничто не выверт его изъ угла; ни жадность, ни тщеславіе, ни даже любовь. Каковъ ни есть, а все же здѣсь нашъ русскій homme». «О. консерваторъ; нѣтъ въ немъ заскорузлости суевѣрій, нѣтъ крѣпостнической программы, вообще никакой программы, но, онъ консерваторъ всеѣмъ складомъ, инстинктами и устоями. Вчерашній день онъ помянуть и любить; знаетъ онъ, что завтрашній день будетъ лучше, робко, пожалуй, о немъ мечтаетъ, но иногда даже въ воображеніи жмурится и ежится отъ этого блеска и шума завтрашняго дня». [И. А. Анненскій. Книга отраженій, т. I].

б) Овсяннико-Куликовскій называетъ О. «эпигономъ», или, пожалуй, вырождаемъ людей 40-хъ годовъ. Эти послѣднія составляли цвѣтъ интеллигенціи своего времени. О.—не только не «нѣтъ», но его, строго говоря, даже трудно причислить къ настоящей интеллигенціи... «...Самое рѣзкое отличіе О—на отъ идеалистовъ 40-хъ годовъ это то, что онъ крѣпостникъ, но—необходимо отмѣтить тотъ фактъ, что Илья Ильичъ, будучи несомнѣннымъ крѣпостникомъ, по убѣжденію, привычкамъ и по самой натурѣ, однако же не можетъ быть причисленъ къ тѣмъ, которые хотѣли и пытались отстаивать крѣпостное право,—къ крѣпостникамъ-политикамъ, составлявшимъ партію. И если бы О. могъ вообще преодолѣть свою лѣнь и косность и сдѣлаться адептомъ какой нибудь «партіи», то онъ примкнулъ бы къ либераламъ, къ людямъ прогресса. За это ругается его дружба со Штольцемъ, въ особенности тѣ чувства, которыя питаетъ къ нему Штольцъ, несомнѣнный человекъ движенія и прогресса (хотя и съ не вполне ясной программой). О.—крѣпостникъ, но не злостный, не воинствующій. Крѣпостническія тенденціи, въ смыслѣ определенной политической программы, не согласовались бы съ его кротостью, мягкостью, благодушіемъ, прекраснородіемъ, въ особенности же—съ его обломовщиной. Эта обломовщина, какъ особый строй души, такъ сильна въ немъ, что онъ охотно отдалъ бы всеѣхъ своихъ 300 Захаровъ и всеѣ свои права и прерогативы помѣщика и дворянина, лишь бы спокойно лежать на диванѣ, лишь бы «жизнь его не трогала», лишь бы нашлось какое-нибудь «промышляющее о немъ око». [Д. И. Овсяннико-Куликовскій. «Ист. р. Инт.»].

Овасаво-Бунгоно-Ками-Сама («Фрег. Пал.»).—Нагасакскій губернаторъ. «Высокій, худощавый мужчина, лѣтъ пятидесяти, съ важнымъ, строгимъ и довольно умнымъ выраженіемъ въ лицѣ». При приѣмѣ адмирала, былъ «въ полупарадномъ костюмѣ»: «въ халатѣ и юбкѣ одного цвѣта, pensée, съ темными, тоненькими полосками. Мантилья его покроемъ отличалась отъ другихъ. У всеѣхъ прочихъ спина и рукава гладкіе: послѣдніе у кисти руки широки; все вмѣстѣ похоже на мантилы нашихъ дамъ; у него рукава съ боковъ разрѣзаны и отъ нихъ идутъ какія то надставки, въ родѣ маленькихъ крыльцевъ». Говорилъ «съ достоинствомъ» и съ «холодной важностью и строгостью въ лицѣ», «глядя полусурово, но съ любопытствомъ» на путешественниковъ, стараясь «поддержать свое, истинно японское, достоинство». Когда же адмиралъ сказалъ, что онъ, для ускоренія дѣла, самъ пойдетъ въ Едо, «его японское превосходительство смутился» и «снизошелъ съ высоты своего величія, какъ-то иначе сталъ сидѣть, смотрѣть; потомъ склонилъ немного голову на лѣвую сторону, и съ умильной улыбкой, мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ говорилъ тихо и долго» о томъ, что «японскому глазу больно видѣть чужія суда въ двухъ портахъ Японіи, кромѣ Нагасакъ» и т. п. Вмѣстѣ съ уполномоченными уѣхалъ въ Едо.

Овчининъ («Обломовъ»).—Уп. л. Отъ имени О., явился къ Ильѣ Ильичу Алексѣевъ съ приглашеніемъ на обѣдъ къ О. и затѣмъ на гулянье въ Екатерингофъ. По словамъ Алексѣева, О. «велѣлъ сказать», чтобы Обломовъ паянлять коляску.

Олешинъ («Обломовъ»).—Уп. л. Бывшій сослуживецъ Обломова, получившій «превосходительство». По мнѣнію Обломова и Судьбинскаго, «онъ добрый малый», «характеръ мягкій, ровный». «Бывало, вспоминалъ Обломовъ, напугаешь въ бумагѣ, не доглядишь, не то мнѣніе или законы подведешь въ запискѣ, ничего: велить только другому передѣлать. Отличный человекъ!» По сло-

намъ Судьбинскаго,—«такой обязательный», «и нѣтъ этого», «чтобъ выслужаться, подгадить, подставить ногу, опередить... все дѣлаетъ, что можетъ».

Ольга («Обломовъ»).—Къ стр. 175.

Критика: 1) «Ольга, по своему развитію, представляетъ высшій идеалъ, какой только можетъ теперь русскій художникъ вызвать изъ теперешней русской жизни. Оттого она, необыкновенной ясностью и простотой своей логики и изумительной гармоніей своего сердца и воли, поражаетъ насъ до того, что мы готовы усомниться даже въ ея поэтической нравдѣ и сказать: «такихъ дѣвушекъ не бываетъ». Но, слѣдя, за нею во все продолженіе романа, мы находимъ, что она постоянно вѣрна себѣ и своему развитію, что она представляетъ не сентенцію автора, а живое лицо, только такое, какихъ мы еще не встрѣчали. Въ ней-то болѣе, нежели въ Штольцѣ, можно видѣть намекъ на новую русскую жизнь; отъ нея можно ожидать слова, которое сожжетъ и развѣетъ обломовщину»... «Она пачинаетъ съ любви къ Обломову, съ вѣры въ него, въ его нравственное преобразование... Долго и упорно, съ любовью и нѣжною заботливостью, трудится она надъ тѣмъ, чтобы возбудить жизнь, вызвать дѣятельность въ этомъ человѣкѣ. Она не хочетъ вѣрить, чтобы онъ былъ такъ безсиленъ на добро; любви въ немъ свою надежду, свое будущее созданіе, она дѣлаетъ для него все: пренебрегаетъ даже условными приличіями, ѣдетъ къ нему, одна, никому не сказавшись, и не боится, подобно ему, потери своей репутаціи. Но она съ удивительнымъ тактомъ замѣчаетъ тотчасъ же всякую фальшь, проявляющуюся въ его натурѣ, и чрезвычайно просто объясняетъ ему, какъ и почему это ложь, а не правда. Онъ, напримѣръ, пишетъ ей письмо, о которомъ мы говорили выше, и потому увѣряетъ ее, что писалъ это единственно изъ заботы о ней, совершенно забывши себя, жертвуя собою, и т. д.—«Нѣтъ,—отвѣчаетъ она,—неправда: если-бъ вы думали только о моемъ счастіи и считали необходимою для него разлуку съ вами, то вы бы просто уѣхали, не посылая мнѣ предварительно никакихъ писемъ». Онъ говоритъ, что боится ея несчастія, если она современемъ пойметъ, что ошиблась въ немъ, разлюбить и полюбить другого. Она спрашиваетъ въ отвѣтъ на это: «гдѣ же вы тутъ видите несчастье мое? Теперь я васъ люблю, и мнѣ хорошо; а послѣ я полюблю другого и, значить, мнѣ съ другимъ будетъ хорошо. Напрасно вы обо мнѣ беспокоитесь». Эта простота и ясность мышленія заключаютъ въ себѣ задатки новой жизни, не той, въ условіяхъ которой выросло современное общество... Потому,—какъ воля Ольги послушна ея сердцу! Она продолжаетъ свои отношенія и любовь къ Обломову, несмотря на всѣ постороннія непріятности, насмѣшки, и т. п., до тѣхъ поръ, пока не убѣждается въ его рѣшительной дряхлости». «Она бросила Обломова, когда перестала въ него вѣрить; она оставитъ и Штольца, ежели перестанетъ вѣрить въ него. А это случится, ежели вопросы и сомнѣнія не перестанутъ мучить ее, а онъ будетъ продолжать ей совѣты—принять ихъ какъ новую стихію жизни и склонить голову. Обломовщина хорошо ей знакома, она сумѣетъ различить ее во всѣхъ видахъ, подъ всѣми масками, и всегда пойдетъ въ себѣ столько силъ, чтобы произнести надъ нею судъ безошадный». [Добролюбовъ. «Что такое Обломовщина?»]. 2) Дружининъ считаетъ «созданіе Ольги Ильинской»,—«краеугольнымъ камнемъ всей обломовской драмы». «Даже оставивши въ сторонѣ всю прелесть исполненія, всю художественность, съ которою обработано лицо О.—мы не найдемъ достаточныхъ словъ, чтобы высказать свое благотворное вліяніе этого персонажа на ходъ романа и развитіе типа Обломова. Обломовы выдаютъ всю прелесть, всю слабость и весь грустный комизмъ своей натуры именно черезъ любовь къ женщинѣ. Безъ О. Ильинской и безъ ея драмы съ Обломовымъ не узнать бы намъ Ильи Ильича такъ, какъ мы его теперь знаемъ, безъ Ольгина взгляда па героя мы до сихъ поръ не глядѣли бы на него надлежащимъ образомъ». [Соч. т. VII]. 3) «О. представляетъ намъ въ высшей степени привлекательный, художественно обрисованный образецъ женщины, которая не удовлетворяется однимъ личнымъ счастьемъ, однимъ личнымъ чувствомъ люб-

ви». [О. Миллеръ]. 4) «О.—это одна изъ русскихъ миссіонерокъ». «О.—миссіонерка умѣренная, уравновѣшенная. Въ ней не желаніе пострадать, а чувство долга. Для нея любовь есть жизнь, а жизнь есть долгъ». «Миссія у ней скромная—разбудить спящую душу. Влюбилась она не въ Обломова, а въ свою мечту». «Робкій и пѣжрый Обломовъ, который относился къ ней такъ послушно и такъ стыдливо, любилъ ее такъ просто, былъ лишь удобнымъ объектомъ для ея дѣвической мечты и игры въ любовь». «Но О.—дѣвушка съ большимъ запасомъ здраваго смысла, самостоятельности и воли, главное. Обломовъ первый, конечно, понимаетъ химеричность ихъ романа, но она первая его разрываетъ». [И. А. Апиенскій]. 5) «Незаурядная сила и ясность ума, дѣльность натуры, вѣчное стремленіе впередъ—къ разумной работѣ—вотъ тѣ черты, которыя ставятъ О. выше другихъ, даже лучшихъ женщинъ ея времени и вмѣстѣ съ тѣмъ являются главнымъ основаніемъ того, что въ лицѣ О.—и обломовщина встрѣтила судьбу и противника гораздо болѣе послѣдовательнаго, чѣмъ Штольцъ». «Натура изящно-женственная, она вмѣстѣ съ тѣмъ одарена мужскимъ умомъ и мужскимъ стремленіемъ къ дѣлу, къ работѣ». «Въ противоположность фигурѣ Штольца, въ О. нѣтъ ничего искусственнаго, апіорнаго. Это живое лицо прямо взято изъ жизни. Въ художественномъ отраженіи, въ поэтическомъ обобщеніи—оно явилось психологическимъ типомъ, объединяющимъ лучшія стороны русской образованной женщины, сильной умомъ, волею и внутреннею свободою... [Овсяннико-Куликовскій. «Ист. р. инт.», т. II].

Соничка («Обломовъ»).—Къ стр. 116. «Никакъ не ожидала» «такого поступка: за кого онъ ее считаетъ, что позволилъ себѣ такую дерзость?..» Такъ Соничка въ мазуркѣ отвѣчала какому-то корнету, хотя сама изъ всѣхъ силъ хлопотала, чтобъ вскружить ему голову». «Сказала своему жениху про корнета, что она дурачила его, что онъ мальчишка, что она нарочно заставляла ждать его на морозѣ, пока она выйдетъ садиться въ карету». «За границей отъ пріѣзжихъ изъ Россіи Ольга слышала, что пріятельница ея перешла на третью любовь».

Штольцъ, Андрей Ивановичъ («Обрубъ»).—Надворный совѣтникъ въ отставкѣ и т. д. стр. 272.

Къ стр. 292—360:

Вилландъ, Христофоръ-Мартинъ (1733—1813).—Нѣмецкій поэтъ. Штольцъ въ дѣтствѣ, вмѣстѣ съ отцомъ, по складамъ разбиралъ Гердера, В. (стр. 272).

Гердериъ, Іоганнъ Готфридъ (1744—1803).—Нѣмецкій поэтъ. См. выше—Вилландъ.

Гофманъ, Теодоръ-Амвдей (1776—1822).—Извѣстный нѣмецкій писатель. Авторъ «Кота Мурра», «Серапіоновыхъ братьевъ». Въ 30—40-хъ годахъ Г. пользовался огромною популярностью въ русскомъ обществѣ. Сочиненія Г. переводились въ журналахъ. Сочиненія Г. собраны на р. языкѣ въ изд. «Вѣсти. Иностр. Литер.» (Шантельева) 8 т. Спб. 1896.

Казанова, Джованни (1725—1798).—Авантюристъ-венеціанецъ, «герой» всякаго рода похожденій и авторъ многочисленныхъ мемуаровъ. См. стр. 257.

Пальмерстонъ, лордъ Генри-Джонъ-Темплъ (1784—1865).—Англійскій государственный дѣятель. «Наполеонъ и П.», по мнѣнію Леонтія, «выродки старыхъ большихъ людей» (104).

Прудонъ, Пьеръ-Жозефъ (1809—1865).—Французскій экономистъ. Къ стр. 117.

Ринальдъ (Ринальдо-Ринальдини)—романтическій разбойникъ, герой (и названіе) романа Хр. Вульпіуса (1797), вызвавшего рядъ подражаній.

Спиноза, Бенедиктъ (1632—1677).—Знаменитый философъ. Къ стр. 61.

Телеманъ, сочиненіе Фенелона (1651—1715).—Штольцъ читалъ въ дѣтствѣ Т. (272).

Фейербахъ, Людвигъ (1804—1872).—Философъ. Ф. читала Вѣра вмѣстѣ со священникомъ (61).

Фламандская школа. Расцвѣтъ искусства во Фландріи относится къ началу XVII столѣтія, когда явился гений Рубенса, создавшій многочисленныхъ учениковъ и «Ф. школу». Гончаровъ часто упоминаетъ о Ф. ш. Адуевъ II. «имѣетъ прекрасную коллекцію картинъ, фламандской школы»—это его вкусъ (стр. 26). Леонтій Козловъ «авторитета Ф. ш. не уважалъ», хотя невольно улыбался, глядя на Теньера» (104). Отъ дома фермера «такъ и повѣяло Поль Поттеромъ, Міерисомъ, Генберомъ (264). Дружининъ сравнивалъ творчество самого Гончарова съ творчествомъ Доу, Ванъ-деръ-Нэера и Остада (347).

Фоблазь (Фоблазь) — герой романа Лувье-де-Кувре (1760 — 1797) «Любовныя приключенія кавалера Ф.». Русскій переводъ. Спб. 1903 г. Изд. журн. «Вѣстн. Иностр. Литер.». Имя Ф. стало нарицательнымъ.

Шатобріанъ, Франсуа-Огюсть (1768 — 1848). — Авторъ «Генія христіанства» («Эпизоды» изъ этого сочиненія: «Рене», «Атала»). Мароинька не могла одолѣть «Les Martyrs» III. (123).

Шрекинъ, Іоганнъ (1733—1808).—Нѣмешій историкъ. Его «Всмирную исторію для дѣтей» «долбилъ» Гончаровъ въ училищѣ. [Стр. 343].

Эльзевиръ — фамилія семьи знаменитыхъ голландскихъ издателей, которые довели до высокаго совершенства технику печатнаго дѣла (XVII вѣкъ). Имя Э. носятъ ихъ изданія (болѣе 1500 названій), высоко цѣнимыя библіофилами. Стр. 104.

Эджевортъ, Марія (1767 — 1849). — Англійская романистка, ея романы дидактическаго направленія отличались жизненностью. Э. имѣла успѣхъ въ Россіи. Мароинька читала мнѣсь Э. (стр. 123).

ПЕРЕВОДЪ.

Ниже данъ переводъ иностранныхъ выраженій, встречающихся въ текстѣ Словаря:

Аяновъ,—стр. 39:—Бѣловодова сдѣлала ложный шагъ.

— стр. 40:—Да, говорилъ Аяновъ, она, не отдавая себѣ отчета сдѣлала ложный шагъ. 2) т. е., что Софья зашла слишкомъ далеко.

Бѣловодова,—стр. 45:—безъ гримасы—раздавалось чаще всего. Въ домѣ вѣдиль танцмейстеръ и училъ: впередъ, влѣво, держитесь прямо, безъ гримасы! Еще учили исторіи, географіи, каллиграфіи, ореографіи, еще по русски. Стр. 46: ... И у нея были и слезы, и трепетъ и краска, и все то, что вы такъ любите... 2) Слѣдовательно, здѣсь есть настоящее чувство? Стр. 48: С. Н. нетерпѣливо сказала:—Довольно, кузень. 2) А кухня волновалась, принимала дѣло въ серьезъ между тѣмъ графъ серьезныхъ намѣреній не обнаруживалъ и тутъ Софья совершила ложный шагъ,—зашла слишкомъ далеко—написала графу записку: приходите, графъ, я Васъ жду между 8—9-ью часами; никого не будетъ, и особенно не забудьте (взять съ собой) вашъ артистическій портфель. Остаюсь и проч. С. Б. Стр. 49. «Вѣдняяжка Софья убивается сама; «да, это ошибка съ моей стороны, твердитъ она: я скомпрометирована; уважающая себя женщина не должна заходить такъ далеко... позволить себѣ... Я совершила ложный шагъ, твердитъ она».

Вельчъ,—стр. 55: ...Старушка до крайности бѣлая, т. в. сѣдая.

Волковъ,—стр. 55: «дають пикники».

Генеральъ,—стр. 72: «опредѣлили военное званіе по французски: это званіе, какъ всякое другое».

Динакуръ,—стр. 75: 1) Его Пресвященство Д. 2) Краснойлиная фигура, повывраженію француза. 3) ...отвѣтилъ: пушечными выстрѣлами, пушечными выстрѣлами.

Ельнинъ,—стр. 81: ...совершенно подходящий человекъ; 2) ...на домашніе музыкально-танцевальныя вечера...

Копылинъ,—стр. 99: Печенка! печенка! повторялъ князь. Что же это такое?

Леонтій Ивановичъ,—стр. 104: Нѣтъ, ступай обратно...

Лужинъ,—стр. 110: ...тысячу извиненій—вы будете здѣсь лишній.

Маркъ Волоховъ,—стр. 116: Безцеремонный артист; стр. 117: «Собственность—есть кража», по его мнѣнію, божественная истина.

Милари,—стр. 134:—Графъ М. большой музыкантъ и самый любезный молодой человекъ общества... 2) Софья сдѣлала ложный шагъ.

Мишель Раминъ.—стр. 135: ...Я хочу изъ этого бѣднаго ребенка воспитать молодого человѣка; 2) Скажите-же что нибудь, Мишель! сказала вполголоса Крицкая.

Николай Андреевичъ.—стр. 143: Тысяча извиненій, мадемуазель, за безпокойство!

П. Б..—стр. 177: Своимъ прежнимъ правительствомъ былъ подозрѣваемъ.

Пахотина.—стр. 178:—Тѣмъ хуже, сказала П.:—Слѣдовательно, здѣсь есть настоящее чувство?

Пахотинъ.—стр. 179: Это между нами; 2) Софья не была совершенно равнодушна къ похваламъ графа, но онъ джентельменъ, и она слишкомъ хорошо воспитана... чтобы довести дѣло до ложнаго шага; 3) въ концѣ концовъ, былъ поставленъ сестрицами своимъ въ очень щекотливое положеніе: объясниться съ гр. Милари. Стр. 180: «Что хочетъ женщина—хочетъ Богъ, 2) лорнируя грудь актрисы.

Пестовъ.—стр. 182:—Прекрасно написано! Вы мнѣ дадите экземпляръ, я его поставлю рядомъ съ Ж.-Ж. Руссо! 2) «Скажите ему, чтобъ онъ это написалъ по французски.

Полина Карловна.—стр. 184: Эта женщина, какой ужасъ! отзывается П. К. объ Ульянѣ Андр. 2) Я хочу воспитать молодого человѣка изъ этого бѣднаго ребенка. Стр. 185:—«Ахъ, свѣтъ такъ золь! 2) Я еще въ первый разъ замѣтила, что мы понимаемъ другъ-друга. Эти два взгляда—помните? Вотъ, вотъ, этотъ самый!» 3) «Да, да: правда? О, мы понимаемъ другъ друга! 3)—«Скорѣе садитесь и ѣдемъ! 4) Она сама увѣряла Райскаго, что онъ равнодушенъ къ ней, но скрываетъ и немного остерегается, но что, поздно или рано, кончится этимъ и она будетъ такъ довольна и счастлива. 5)—О, мы будемъ счастливы! Наконецъ-то! 6) Борисъ, Борисъ! пожалуйста! 7) Что вы хотите? Нѣтъ, ради Бога!—Стр. 186: «Состраданіе! Состраданіе! 2) Я понимаю: говорите все! Смѣлѣй! 3) Смѣлѣй! Здѣсь никто не видитъ и не слышитъ. Я жду... 4) Ахъ, пожалуйста, не такъ сильно! Что вы дѣлаете? Но оставьте же, завопила она.

Полковница.—стр. 186: Твердя: да, да... 2) Отвѣтила семь разъ: да, да..

Райскій.—стр. 197: неисчерпаемое море; стр. 201:—Вотъ великое слово! насмѣшливо замѣтила она.

Редаторъ.—стр. 209: ...больше, что называется, небрежности.

Сюза.—стр. 220: Японецъ переводчикъ, представитель молодой Японіи.

Титъ Никоновичъ.—стр. 245:—«Какъ угодно: такъ хочетъ женщина».

Тецкая, княг..—стр. 245:—«Какъ она мила, эта маленькая Лидія, не такъ ли, Екатерина?» —«Да, мама, она очень мила». 2) —«Подождите же... 3)»—«Вычеркните это».

Тецкая, княжна.—стр. 245:—«Ну что?—Это уже сдѣлано, кухня.—«Гдѣ же?» 2) «Новый романъ Зола «Приходъ»».

Углицкій.—стр. 256: Въ высшей степени представительный; 2) Очень представительный.

Ульяна Андреевна.—стр. 266: Скорѣе садитесь и ѣдемъ! Эта женщина, какой ужасъ!

Урановъ.—стр. 262: Великолѣпно и не дорого.

Хозяйка.—стр. 267: Тамъ только ихъ и видно!

Чиновникъ.—стр. 269: «Я говорю откровенно, вы понимаете?»

Шарль.—стр. 271: Тысячу извиненій, мадемуазель, за безпокойство.

О П Е Ч А Т К И:

Стр. 179. Напечатано: gentilhomme; надо: gentilhomme.

Стр. 184. Напечатано: Je veux le jeune...; надо: Je veux, former le jeune...

Стр. 185. Напечатано: que nous nous entendons; надо: que nous nous entendons; и далѣе надо читать: Alons, de grâces, montez vite et partons!

Московская Центральная
Публичная Библиотека

ТИПЫ ГОНЧАРОВА

VII томъ (§—10 выпуска) «Словаря Литературныхъ Типовъ»

Редакція Н. Д. Носкова.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

	Стр.
I. И. А. Гончаровъ (біографическая канва)	5
II. Характеристики всѣхъ типовъ, образовъ и лицъ	7
Агафья Матвѣвна.—Н. Н.	Марейника.—С. П.
Адуевъ, Александръ.—Н. С.	Мухояровъ.—Н. Н.
Адуевъ, Петръ Ивановичъ.—Н. С.	Наденька.—Н. С.
Аяновъ.—С. П.	Обломовъ.—Н. Н.
Бѣловодова.—С. П.	Ольга.—Н. Н.
Ватутинъ.—Н. Н.	Райскій.—С. П.
Волоховъ.—С. П.	Тарантьевъ.—Н. Н.
Вѣра.—С. П.	Татьяна Марковна.—С. П.
Евсей.—Н. С.	Тафаева.—Н. С.
Захарь.—Н. Н.	Тычковъ.—Н. Н.
Козловъ.—С. П.	Тупинъ.—С. Н.
Крицкая.—Н. Н.	Ульяна Андреевна.—Н. Н.
Марина.—С. П.	Штольць.—Н. Н.
III. Списокъ лицъ, именъ и предметовъ (историко-литерат. справки).	293
IV. Перечень произведеній и входящихъ въ нихъ типовъ, образовъ и лицъ	325
V. Приложенія:	
1) Источники для изученія Гончарова	336
2) Сводъ нарицательныхъ именъ и выражений	339
3) Мѣсто дѣйствія въ произведеніяхъ Гончарова	340
4) Автобіографія	341
5) Гончаровъ въ критикѣ	345
6) Гончаровъ - путешественникъ	351
7) Группировка типовъ	357
8) Прототипы	358
9) Дополненія и поправки	361

Casta diva.

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

